

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

SIDE- 2020: Social institutes in digital environment

СБОРНИК ТРУДОВ

II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«SOCIAL SCIENCE (ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ)»

Ростов-на-Дону

2020

Социальные институты в цифровой среде. Сборник трудов второй международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» г. Ростов-на-Дону, 19-20 ноября 2020 г. Под редакцией Игнатовой Т.В., Корсунова Д.А., Брюхановой Н.В. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС. - 2020. - 789 с.

ISBN 978-5-6044097-2-5

В сборнике представлены доклады участников II Международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)». Статьи настоящего сборника отражают взгляд ученых и экспертов на цифровые тренды и тенденции цифровой трансформации государства, экономики и общества, а именно: социальные коммуникации, этика и образование в условиях цифровизации; человеческий капитал и социальная ответственность бизнеса в цифровой среде; цифровая власть и цифровая элита; цифровая безопасность личности и государства: проблемы правового регулирования и др.

©ЮРИУ РАНХиГС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Веселов Ю. В. ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ	12
Hayrettin Kemal SEZEN, Natalia V. Briukhanova HUMAN CAPITAL DIMENSION OF DIGITIZATION: A COMPARATIVE STUDY FOR TURKEY AND RUSSIA	21
Шахбанова М.М. МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИНДИКАТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ (на примере Дагестана)	30
Терлецкий М.В., Мадиярова Д. М ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	35
Момыналиев К.Т., Акимкин В.Г., Хопёрская Л.Л., Пшеничная Н.Ю ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ КРАТКОСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ COVID-19 (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)	42
Толвайшис Л. ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	51
Секция 1. Человеческий капитал и социальная ответственность бизнеса в цифровой среде	
Вардомацкая Л.П., Кузнецова В.П., ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ БАЗОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ	62
Ecenur ALPER, Sutay YAVUZ CHANGING WORKING PATTERNS THROUGH DIGITALIZATION	68
Васильева Е.В. МЕТОДОЛОГИЯ ДИЗАЙН-МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГИБКИХ НАВЫКОВ РАБОТНИКОВ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО	88
Ветрова М.А., Куранова А.С. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА	93
Николаев А.Ю. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТRENДОВ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ	99
Иванов М. И. РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	107
Ирьянова Я.И., Джавадов Г.Али-Заминович ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»	113
Карташова А.С., Филимонова Н.М ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РОСБАНКА, ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	119

Кашникова Т.В. ИННОВАЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАТА ТЕХНИКО- 127
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Лапочкина В.В., Долгова В.Н., Емельянова Е.Е ОЦЕНКА ИНДИКАТОРОВ 132
РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
В НАУЧНОЙ СФЕРЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Никитина Е.Н. К РАЗРАБОТКЕ МЕТОДА АВТОМАТИЧЕСКОГО 142
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ В ИНТЕРЕСАХ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Пшеничных Ю.А. ПРОБЛЕМЫ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЦИФРОВОГО 147
РАЗВИТИЯ НА УРОВНЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Свиридов О.Ю., Некрасова И.В., Подгорская И.А. ФИНАНСОВЫЕ 154
ЭКОСИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ

Симченко Н.А. SMART-СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО 160
КАПИТАЛА

Соколовский А.А. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАДРОВОЙ 165
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Стрельченко Е.А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ 175
НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Тимонина В.И. НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 182
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Цёхла С.Ю. ВОПРОСЫ ТРУДОЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ 188
ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ

Иванова Д.М., Бабанов А.Б. ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ КАК 194
ПЕРСПЕКТИВНАЯ ОТРАСЛЬ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Шапсугов Д.Ю. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ПРАВОВОЙ 200
МИР КАВКАЗА» КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И
ОБМЕНА РЕЗУЛЬТАТАМИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Резванов А.А., Удовицкая Т.В. РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) 206
ХОЗЯЙСТВ В РЕГИОНЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОДДЕРЖКИ И МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Григорьева Н.С., Колычева Ж.Я. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА 215
ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСОВ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ТОСЭР

Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И., Майкова Э.Ю., Комаров Г.В., 225
Харченко А.Ю. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И
ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Карабанова И.В., Гамурзиева Д.А., Иванов Д.Р. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ 231

ОБЛАЧНЫХ СЕРВИСОВ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Газиева И.А., Баранов А.В., Котлярова О.В., Тагаев А.В. ВИРТУАЛЬНЫЕ 236
СИМУЛЯТОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО
ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ

Васькина М.Г. ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА: 244
СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ

Чернавин Ю.А. МОЛОДЕЖЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: СУБЪЕКТ VERSUS 250
ОБЪЕКТ

Хашева И.А., Плехова Е.А. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ 256
ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Штанько М.А. МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЦИФРОВОГО 269
РАЗВИТИЯ

Кот В.В. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО 275
РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Донченко Ю.А. ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ 281
КРАУДФАНДИНГА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сафонов Е.А., Брусник Л.В., Акопян Т.Н. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ 286
КАК ИМПЕРАТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА

Секция 2. Социальные коммуникации, этика и образование в условиях цифровизации

Hayrettin Kemal Sezen, Arzu E.Ş DIGITIZATION, DIGITALIZATION, DIGITAL 296
TRANSFORMATION CONCEPTS AND A HISTORICAL VIEW

Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. КОРПОРАТИВНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В 304
УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Черкасова Т.П., Айрапетян Д.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ К 312
ФОРМИРОВАНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Андреева О.В., Чернобай О.С., «УМНЫЙ ГОРОД» В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ 321
COVID-19

Богомягкова Е.С. СЕТЕВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ 326
ПОСТВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Свистунов С.В. ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ 333
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЗАЙМОВ ОНЛАЙН

Карцева Е.А. ВЕБ-СТРАНИЦЫ И САЙТЫ-САТЕЛЛИТЫ МУЗЕЕВ КАК 342
ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Воронова Н.И. ПРОБЛЕМА БЕССУБЪЕКТНОСТИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: 346

КОЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМНОГО И СВЕРХРАЗУМНОГО

Глухова М.Е. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАТЕГИЯХ 356
ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕПРЕССИИ СТУДЕНТАМИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И
ХЕЛЬСИНКИ

Грибов П.Г. УНИВЕРСИТЕТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СТАРАЯ ФОРМА И 361
НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Дряев М.Р., Труханович Д.С. FAKE NEWS КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА 365
СОВРЕМЕННОГО МИРА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Зинченко Я.Г. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО 372
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Казакевич А.В., Кораченцов А.А. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА 378
ПРОЦЕСС СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Крупецких И.Р. К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИГИТАЛИЗАЦИИ 386
ПРОЦЕССА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА СРЕДНЕМ
ОБЩЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Сударкина Е.С. МОНИТОРИНГ ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РОСТОВСКОЙ 391
ОБЛАСТИ: ВОЗРАСТНОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Левицкая А.Н. МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЦИФРОВОГО 396
РАЗВИТИЯ

Мальцева О.В., Марков В.И. ЦИФРОВАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: 403
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Осипов О.Г. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И 410
ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ С УЧЕТОМ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИСПОЛНЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Иванова Л.Л. ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ОНЛАЙН-КУРСОВ 419

Панкратова И.А. ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ 422
ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Пивоваров А.М., Пушкина А.А. ФОРМЫ ТЕЛЕСНОГО КАПИТАЛА В ФИТНЕС- 429
БЛОГАХ СЕТИ INSTAGRAM

Крицкая А.А., Клименко А.Г., Прытков Е.П., Кулицкий А. В. МОЛОДЕЖЬ КАК 437
СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ

Роцина Н.М., Торшина Д.Е. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В 443
ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Рыжов Ю.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 449

Сикевич З.В., Федорова А.А. ИЗУЧЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЭТНИЧНОСТИ В 454 ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ РЕАКТИВНОЙ И НЕРЕАКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сытник А.Н. ФИЛОСОФОСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРИИ 459 ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Саркисян А.А., Васюта Е.А. БЛОГ МНЕ СУДЬЯ: ЭТИКА И ЦИФРА 475

Филимонова Е.А., Бондаренко В.С. ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ 481

Чеснюкова Л.К., Купцова С.Н., Доровских В. Н. ЦИФРОВАЯ 485 КОМПЕТЕНТНОСТЬ – КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА

Щекотуров А.В. ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ В 492 ФЕЙСБУК: ЭФФЕКТ МНОЖЕСТВЕННОЙ АУДИТОРИИ

Янцукевич-Ушакова О.Е. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В 500 ИНКЛЮЗИВНОМ ОБУЧЕНИИ

Ярошенко Г.В., Кулябо А.А., Прямова К.П., Тугаев Д.В. АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ 508 COVID-КРИЗИСА НА МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

Секция 3. Цифровая власть, цифровая элита и «Электронное правительство

Шиповалова Л.В. АГЕНТНОСТЬ ИЛИ АКТИВНОСТЬ? ЦИФРОВЫЕ 514 ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ КАК ПОСРЕДНИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

Черняк Е.А. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО 518 ПОТЕНЦИАЛА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Тропинова Е.А., Максименко Д.А. ПАРТИСИПАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 520 АЛГОРИТМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ РЕГИОНОВ

Тер-Геворкова Н.К., Скаунова А.А. ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ 539 ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РФ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Брюханова Н.В., Дынник Д.И. ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ 545 СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Скоков Р.Ю., Попова Л.В. ЭФФЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ 557 МОНОПОЛИЗАЦИИ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ И ИНФОРМАЦИИ НА РЫНКАХ АДДИКТИВНЫХ ТОВАРОВ

Саврадым В.М. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 565 ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

Савин Г.В. SMART-КОНТРАКТЫ В ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ УМНОГО ГОРОДА 573

Цельковская А.А., Путинцева Е.Э. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АВТОМАТИЗАЦИИ ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ, БЮДЖЕТИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ 578

Кузнецов Г.И. КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ЦИФРОВОМ ГОСУДАРСТВЕ 583

Коломейцева А.Г. ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ 596

Ипатова А.В., Кобелева Д.А. О ТЕНДЕНЦИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНДУСТРИИ 4.0: УГРОЗЫ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ 603

Захаров Д.С. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НЕКОММЕРЧЕСКОМ СЕКТОРЕ 608

Гришина В.В. ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ 614

Гонтарева Д.Н. ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ КОНКУРЕНТНОСТИ И ПРОЗРАЧНОСТИ 619

Геворгян А.С., Нечаева Н.А. МЕДИЙНОСТЬ КАК НОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ 627

Великодная И.В., Горшколепов К.А. ФИНАНСОВО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 635

Васюта Е.А., Труханович Д.С. ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ 640

Васильев В.Л., Бочкарева Т.Н., Гапсalamов А.Р. РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ 647

Секция 4. Цифровая безопасность личности и государства: проблемы правового регулирования

Багавиева Э.А. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 652

Борисенко К.С., Голотвин Г.Г. TELEGRAM-КАНАЛЫ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ КООРДИНАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РАМКАХ 657

ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БЕЛОРУССИИ В 2020 ГОДУ

Быченок П.С. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ДОГОВОРЫ, ЗАКЛЮЧАЕМЫЕ МЕТОДОМ CLICK-WRAP: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ	663
Говорун А.Д. ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ «ОТКРЫТЫХ ИННОВАЦИЙ» БИЗНЕСА В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ 4.0.	670
Евлахова Ю.С. ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА – КЛИЕНТА ФИНАНСОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА, РИСКИ, РЕГУЛИРОВАНИЕ	676
Игнатова Т.В., Дудукалов Е.В., Филимонцева Е.М. ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ И ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	682
Каплуненко А.М. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ К ПРОЦЕССАМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ШВЕЦИИ И ФРАНЦИИ	688
Перова М.В., Карагозова Е.С., Толстых Е.А. ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА	703
Качура Н.Е., Линкин В.Н. КОРРУПЦИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	709
Кемаева К.А., Давиденко А.С. МОЛОДЕЖЬ И ЭКСТРЕМИЗМ: СЕТЕВОЙ ФАКТОР	715
Шашок Л.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ВЕДЕНИИ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИКАЛЬНЫМ ИСЛАМИСТСКИМ ДВИЖЕНИЕМ «ТАЛИБАН»	721
Труханович Д.С., Куреневский А.С. ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ОСНОВА «НОВОГО» ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	727
Патлань Е.С. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА	733
Пашков Д.А. ПРИМЕНЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	738
Пащенко Е.А. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ	748
Удалова Л.В. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ В ТЕРРОРИЗМ	754

Цуркан Д.А. ПОСЛЕДСТВИЯ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	760
Черепенько Г.В. ПОРТРЕТНАЯ ЭКСПЕРТИЗА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	765
Афонин П.Н., Эмирханова К.Х. ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ, ОСНОВАННЫХ НА АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССА КОНТРОЛЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕМ ТАМОЖЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АВТОВЫПУСКА)	774
Яковлев Е.А. ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ	782

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ПРАКТИЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

1. Цифровая личность, цифровое общество, цифровая власть: новое качество социума.
2. Цифра для социума - среда, средство или форма?
3. Цифровизация как переход от модерна к постмодерну?
4. Вызовы цифровизации для государственного управления и местного самоуправления.
5. Человеческий капитал и трудовой потенциал в цифровой среде.
6. Социальная стратификация по цифровым критериям: прогнозирование социальных сдвигов.
7. Цифровые компетенции работников: технологии обучения и сферы применения.
8. Новая цифровая этика и нормы цифрового поведения: социально-психологические аспекты.
9. Цифровая безопасность личности и государства: проблемы правового регулирования.
10. Цифровая власть и "Электронное правительство": для человека или над человеком?
11. Цифровые технологии в организации социального взаимодействия.
12. Цифровая среда организации, города, региона.
13. Социальные коммуникации в условиях дигитализации (цифровизации).
14. Вызовы Индустрии 4.0 для социальной ответственности бизнеса.
15. Цифровая среда семьи и защита детства.
16. Молодежь как субъект и объект цифрового развития.
17. Цифровая элита: пути формирования, социальные лифты и влияние на общество.
18. Политическая деятельность представителей социальных групп в цифровой среде.
19. Рейтинги цифровизации национальных экономик: аспекты международной конкурентоспособности.
20. Потенциал цифровых технологий для распространения социального опыта и исторической памяти.

УДК 316.334.2

Веселов
Юрий
Витальевич

доктор социологических и кандидат экономических наук, профессор и заведующий кафедрой экономической социологии Санкт-Петербургский государственный университет Россия, Санкт-Петербург
e-mail: yuriviyalievichveselov@yahoo.com

ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Аннотация В статье рассматриваются некоторые аспекты доверия как социального института в отношении к экономике и обществу. Обобщаются результаты исследования, проведенного автором в Петербурге в июле 2020 г., эмпирическая база – телефонный опрос населения Петербурга (выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам, N=1032). Рассматриваются вопросы цифрового доверия.

Ключевые слова: доверие, цифровое доверие, экономический рост, социальное благосостояние

TRUST IN A DIGITAL SOCIETY

AnnotationThe article examines some aspects of trust as a social institution in relation to the economy and society. The results of a study conducted by the author in St. Petersburg in July 2020 are summarized; the empirical base is a telephone survey of the population of St. Petersburg (the sample is representative in terms of the main socio-demographic parameters, N = 1032). Issues of digital trust are considered.

Key words: Trust, Digital Trust, Economic Growth, Social Wellbeing.

Доверие выступает важным социальным институтом современного общества. Именно в обществе модерна, начиная с XX в. значение религиозной веры уменьшается, а значение секулярного, повседневного «до-верия» возрастает. В досовременных обществах доверие существует как правило в виде личностного доверия (например, в крестьянских сообществах индивид доверяет либо своим родственникам, либо тем, кого он лично знает, ко всем остальным отношение только полного недоверия). В это время доверие еще социальное и личное чувство, а вот с семнадцатого столетия доверие становится все больше рациональной конструкцией. В обществе модерна с

¹ Тезисы представлены при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А «Доверие в цифровом обществе и экономике»)

развитием городской культуры и индустриальной экономики доверие все больше становится безличным (доверять теперь надо учиться чужим, незнакомым людям, как говорили еще в позапрошлом столетии: «в городе человек человеку – бревно»). Доверие приобретает институциональную форму (то есть становится институтом современного общества). Возникают установленные городским сообществом правила и нормы доверия. Ребенка учат этому, Адам Смит пишет в работе «Теория нравственных чувств», 1759 г., что ребенок рождается с чувством доверия (впоследствии психологи назвали такое врожденное чувство «basic trustfulness» - базовое доверие, это доверие, прежде всего, самому себе, относительной неизменности и постоянству своего «Я» в окружающем мире, доверие устойчивости этого мира по отношению к своему «Я»), а вот семья и школа потом обучаю его рациональному недоверию. И доверять теперь учат не столько людям, сколько общественным институтам.

Доверие (как и многие другие социальные институты) приобретает экономический характер и способствует экономическому росту. Каким образом? В новой институциональной экономической теории (Р.Коуз; О. Уильямсон; Д. Норт) подчеркивается, что доверие сокращает трансакционные издержки (то есть издержки обменов). Доверие институциональное (например, правительству страны) также способствует привлечению внутренних и внешних инвестиций. Доверие межличностное повышает экономическую активность (чем выше доверие, тем больше сделок осуществляется в единицу времени). В рамках социальных взаимодействий доверие принципиально меняет структуру времени, поскольку способствует сокращению социальных издержек (например, кардинально сокращается время ожидания в системе поиска романтических отношений: приложение Tinder, что переводится как «запал», создает 26 млн. пар ежедневно).

В целом доверие как форма социального капитала (то, что может накапливаться и потом использоваться) обеспечивает стабильность в развитии экономики и общества. В конечном счете доверие способствует росту общественного благосостояния. Приведу только один пример: в Китае уровень

межличностного доверия составляет около 60% (по оценке World Values Survey, Wave 6: 2010-2014), темпы экономического роста в среднем около 7% в год; в России уровень межличностного доверия - 28%, и темпы экономического роста с 2014 г. не превышают 1 %. В России сейчас около 20 млн. граждан живут за чертой бедности, а в Китае за последние 20 лет удалось поднять из уровня крайней бедности 800 млн.чел.

В обществе постмодерна, формой которого является цифровое общество (как, например, и постиндустриальное общество), доверие приобретает цифровой характер. Что такое цифровое доверие? Я определяю цифровое доверие в широком смысле не как какой-либо определенный тип доверия, а просто как доверие (личностное, институциональное, сетевое), которое существует в нашу цифровую эпоху. В узком смысле цифровое доверие - это доверие цифровым системам и технологиям. Например, сетевое доверие в современном цифровом мире никуда не уходит, но меняет свою форму - теперь это не только доверие в сети своих личных взаимоотношений, а доверие доверие в социальных сетях интернет (типа Facebook, ВКонтакте, LinkedIn, What's App, Instagram и др). Здесь не предполагается даже личное знакомство или взаимодействие индивидов, так называемым “другом” может быть совсем незнакомый прежде человек, возможно из другой страны, который активно реагирует на ваши посты, оставляет комментарии или ставит лайки.

Означает ли этот процесс цифровизации доверия, что доверие в нашем мире снижается? И какой в целом уровень цифрового доверия в России? Именно эти вопросы в центре нашего исследования (проводимого при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А «Доверие в цифровом обществе и экономике»). Для этого мы провели телефонный опрос населения Санкт-Петербурга (N=1032, выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам; исследование проводилось в июле 2020 г. Центром социологических и интернет исследований Санкт-Петербургского государственного университета, рук. С.М. Снопова). Конечно, данные только

по Петербургу не могут репрезентативно отражать то, что происходит в России, но все же некоторую картину доверия в экономике они представляют.

Анализ данных нашего исследования показывает, что уровень межличностного доверия в Петербурге составляет 25,7 % (вопрос для измерения уровня доверия мы намеренно оставили идентичным вопросу в анкете World Values Survey «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?»). Это ниже, чем в целом по России - 27,8%, и существенно ниже в сравнении с другими странами; Швеция - 60,1%; Новая Зеландия - 55,3%; Германия - 44,6%; США - 34,8%. Но вот положительный фактор – среди представителей бизнеса и индивидуальных предпринимателей уровень межличностного доверия достаточно высокий – 44,6%. Это в определённой степени подтверждает нашу гипотезу, что доверие создается и воспроизводится в рамках рыночных отношений, более подробно см. [1].

Уровень институционального доверия также низкий; мы спросили респондентов «Доверяете ли Вы правительству Российской Федерации?»; «Скорее не доверяет, чем доверяет» - 19,2% и «Совсем не доверяет» - 30,7% . Для бизнеса уровень полного недоверия правительству – 37,3%. Закономерен вопрос: возможны ли инвестиции при таком уровне недоверия правительству? Парадоксально, что самый высокий уровень недоверия правительству среди государственных служащих – 42,9%.

В противоположность низкому уровню межличностного и институционального доверия в России уровень цифрового доверия в экономической и социальной сфере достаточно высок. Мы спросили респондентов «Доверяете ли Вы друзьям или подписчикам в социальных сетях (типа ВКонтакте, Facebook, Instagram)?» «Полностью доверяет» - 15,2 % респондентов и частично доверяет 44,3% , в среде бизнеса эти показатели еще выше - 16,9 % и 61,4%. Вот как распределяется это цифровое доверие по таким социальным факторам, как пол, возраст, образование и доход.

Рисунок1 - Распределение сетевого доверия по полу

Рисунок 2 - Распределение сетевого доверия по возрасту

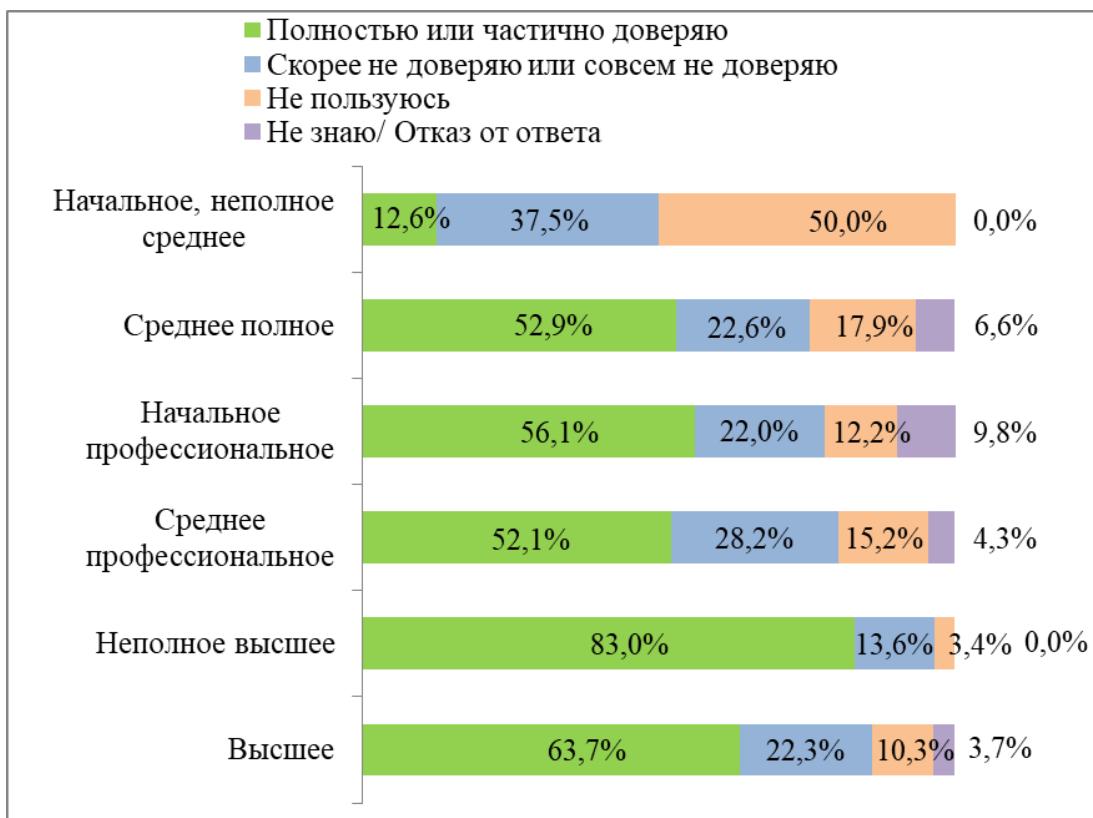

Рисунок 3 - Распределение сетевого доверия в зависимости от образования

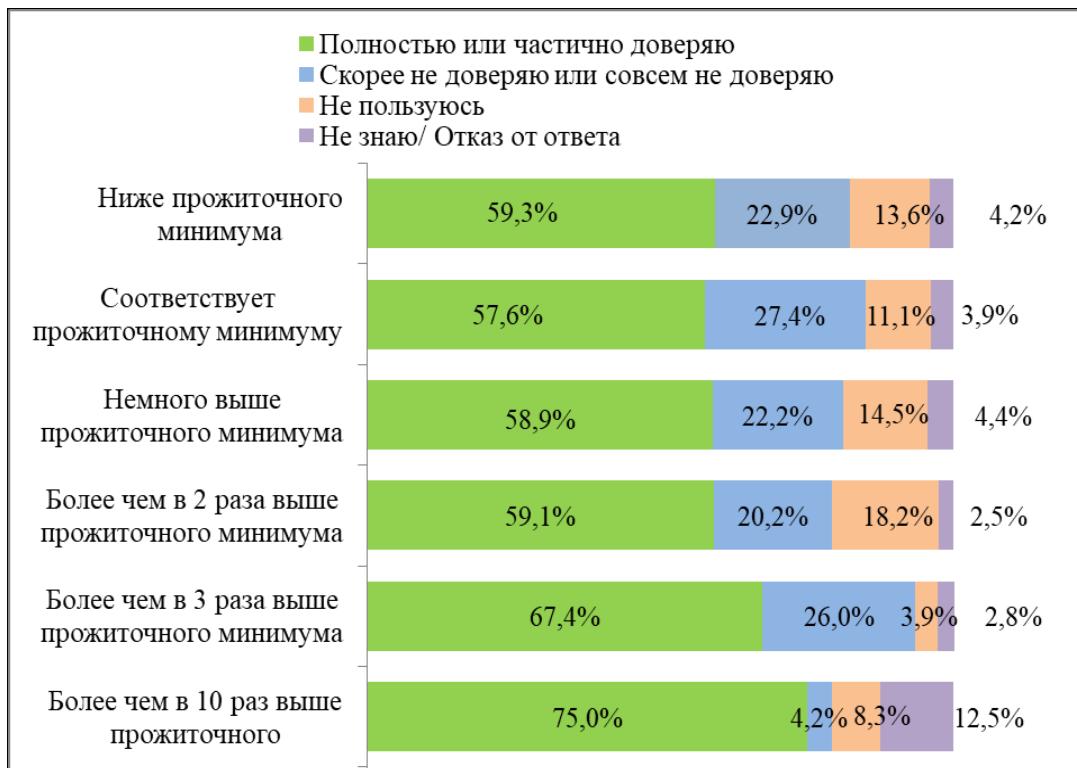

Рисунок 4 - Распределение сетевого доверия в зависимости от дохода

Другая сторона цифрового доверия – это доверие цифровым экономическим институтам. Мы спросили респондентов: «*Насколько Вы доверяете мобильным приложениям банков (типа Мобильный Сбербанк)?*» Как оказалось, уровень охвата цифровыми банковскими приложениями высок – в среднем ими пользуются 90% населения крупного города. Вот как распределяются ответы в зависимости от пола, возраста, образования и дохода.

Рисунок 5 - Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от пола

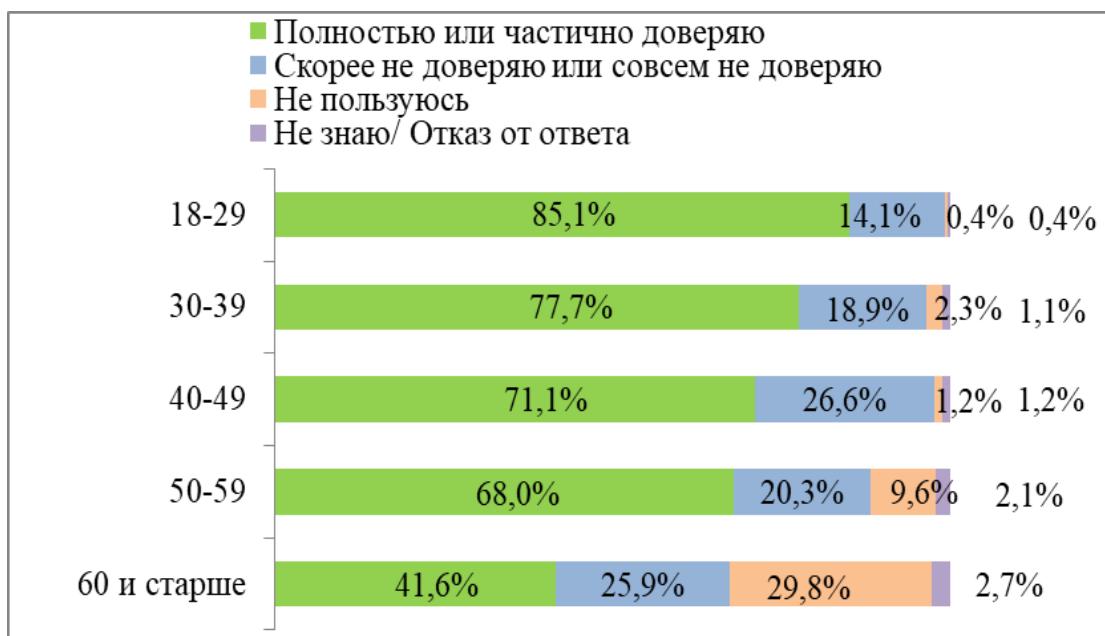

Рис.6 Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от возраста

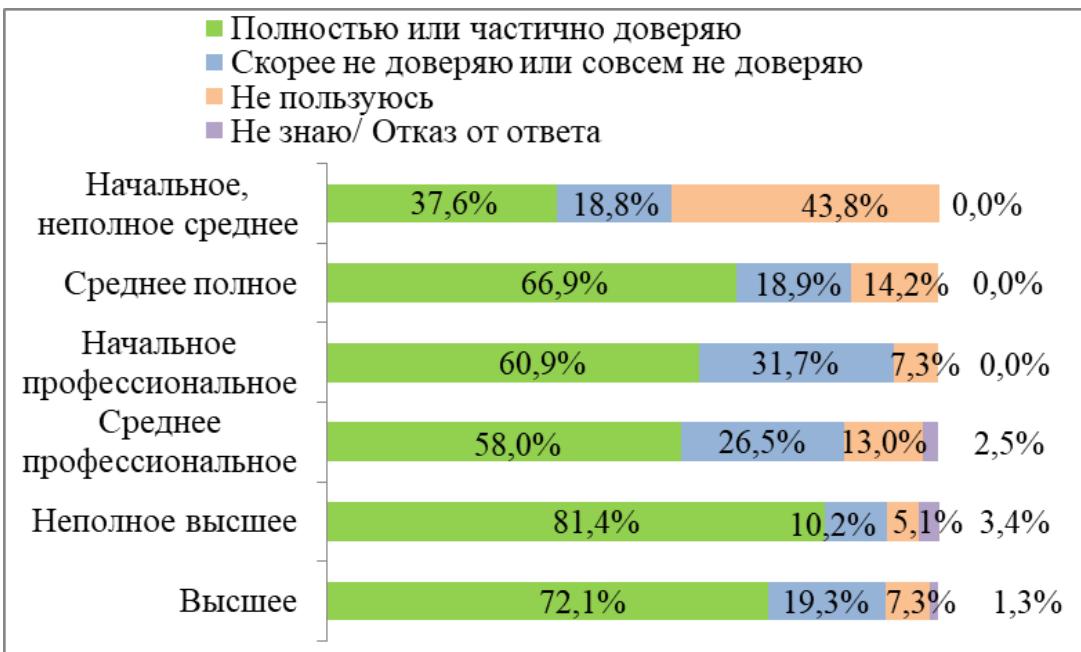

Рис.7 Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от образования

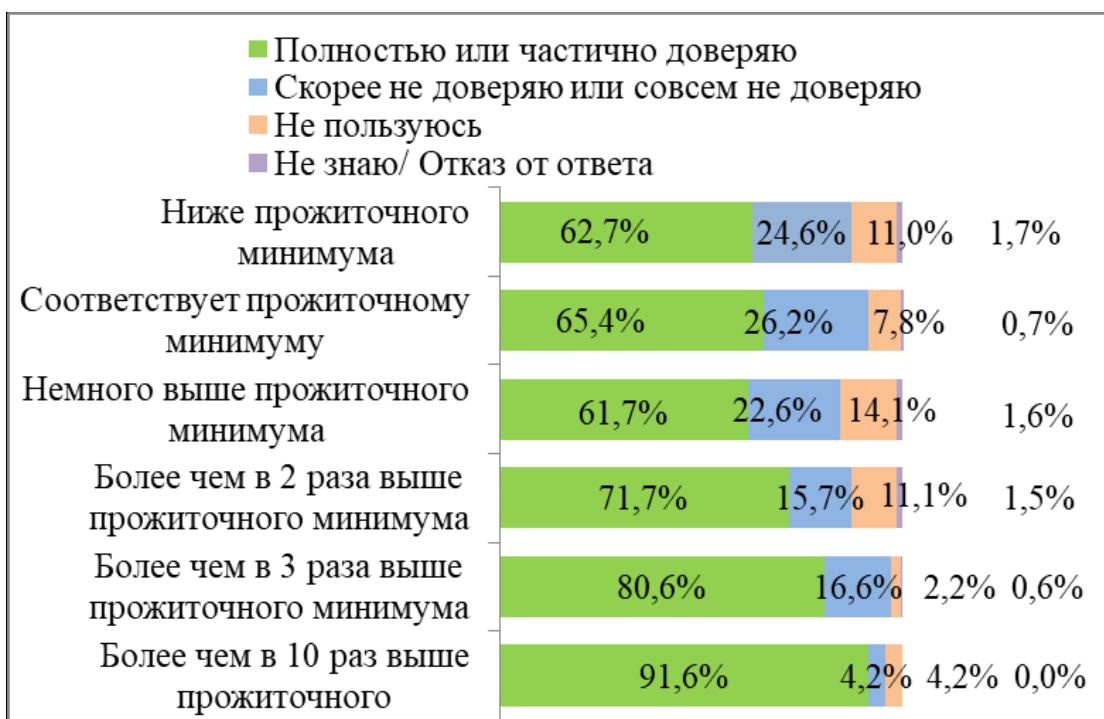

Рис.8 Распределение цифрового экономического доверия в зависимости от дохода

Вот еще некоторые показатели цифрового доверия в Петербурге: около 87% населения города доверяет оплату коммунальных услуг различным цифровым порталам и приложениям; пользуется доставкой еды или продуктов

через интернет приложения 92% населения города; около 70% доверяет интернет-магазинам.

Итак, наше исследование (на примере Санкт-Петербурга) показало, что *уровень цифрового доверия в экономике и обществе достаточно высок, а вот уровень межличностного доверия и институционального доверия отстает*. Для всех показателей доверия его уровень выше среди лиц с высшим образованием; как правило уровень доверия у молодежи выше, чем в среднем и пожилом возрасте; уровень цифрового доверия выше у мужчин, чем у женщин.

Что тормозит развитие цифровой сферы и сдерживает цифровое доверие? Прежде всего, низкий уровень цифровой грамотности. Вот какими навыками цифровой грамотности обладает наше российское население: работа с текстовым редактором - 41,1% (для возраста 55 - 64 лет - 28%); отправка электронной почты с прикрепленными файлами - 36,8 % (для возраста 55 - 64 лет - 24,7%); копирование или перемещение файла - 34,5 % (для возраста 55 - 64 лет - 20,5%); использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов - 21,2 % (для возраста 55 - 64 лет - 9,8%) [2]. Уровень риска обмана в цифровой среде очень высок. Мы спросили наших респондентов: «*Как по-вашему, велик ли риск обмана в интернет-среде?*» «Очень велик» – ответили 52,6% и «средний уровень риска» - 38,8%. Бизнес и предприниматели оценивают этот риск еще выше - 49,4% и 42,2% соответственно. «*Сталкивались ли Вы лично с попыткой интернет-мошенничества, фишинга, хищения денежных средств?*» - 16 % респондентов сталкивались с этим часто и 51,3% иногда. Около 90% бизнесменов и предпринимателей сталкивались с утечкой личных данных в интернет.

Мы убеждены, что в цифровом мире (и особенно в России) возрастающее цифровое доверие будет способствовать росту межличностного и институционального доверия. Что в итоге обязательно найдет свое отражение в создании благоприятных условий для экономического развития и роста общественного благосостояния.

Литература

1. Веселов Ю.В., Липатов А.А. Доверие в организации: методологические основания исследования в экономике, социологии и менеджменте // Российский журнал менеджмента, том 13, №4, с. 85-104; Veselov Y., Sinyutin M., Kapustkina E. Trust, Morality, and Markets: Rethinking Economy and Society via the Russian Case. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016; Веселов Ю.В. Институциональное и сетевое доверие // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Под ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. М.: Изд.дом ГУ-ВШЭ, 2013, с. 263-290; Веселов Ю. В., Капусткина, Е. В., Синютин М. В. и др. Экономика и социология доверия. СПб: Социологическое общество им.М.М.Ковалевского, 2004.
2. Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. Индикаторы цифровой экономики: 2019 : статистический сборник . М.: НИУ ВШЭ, 2019, с.130

УДК 331.1

Hayrettin Kemal SEZEN	PhD, Professor, Department of information management systems, School of applied Sciences, Altinbas University, Turkey e-mail: kemal.sezen@altinbas.edu.tr
Natalia V. Briukhanova	Associate Professor, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia e-mail: bruhanovanv2009@yandex.ru

HUMAN CAPITAL DIMENSION OF DIGITIZATION: A COMPARATIVE STUDY FOR TURKEY AND RUSSIA

Abstract Digitalization increases competitiveness of companies or countries via sectors and ecosystem. In this study, the human capital dimension of Digital Economy and Society Index is used to compare the level of digitalization of human capital of Turkey and Russia. The index scores for four sub-dimensions of the human

capital are listed and analyzed, some figures show with some statistics for the years studied. Within the framework of the findings, policy recommendations for Turkey and Russia have been put forward for leveraging digital transformation.

Keywords: Human capital digitalization index, Basic skills and internet usage Advanced skills and development, Turkey, Russia.

1-Introduction

The digitalization rate of companies or countries can be expressed through the digitalization index .[1] The Digital Economy and Society Index (DESI), was introduced by European Commission as a performance measure, to asses the development of the digital economy and society in the EU countries, is based for this study. The DESI is made up of five dimensions: connectivity, human capital, use of Internet services in households, integration of digital technology in companies and digital public services. The five dimensions is comprised of 24 indicators [2].

The International Digital Economy and Society Index (I-DESI) is structured around the same 5 dimensions as the original European DESI. Together they compose the key elements of the digital economy: Connectivity and human capital (digital skills of users and practitioners) can be considered as the enablers of the digital economy and society, of which citizens (“use of internet”), businesses (“integration of digital technology”) and governments (“digital public services”) can and should benefit [3].

The following sections provides the level of digitization of the human capital dimension and each of its four sub dimensions of Turkey and Russia amongst 2013-2016. To make a comparison among countries it is needed normalized data. The studied years have been chosen depending on the availability of the data for comparison in that period.

2-Human capital dimension

Human capital dimension examines the skills needed to take advantage of the opportunities offered by a digital society. It has two sub-dimensions and each one is comprised of two indicators.

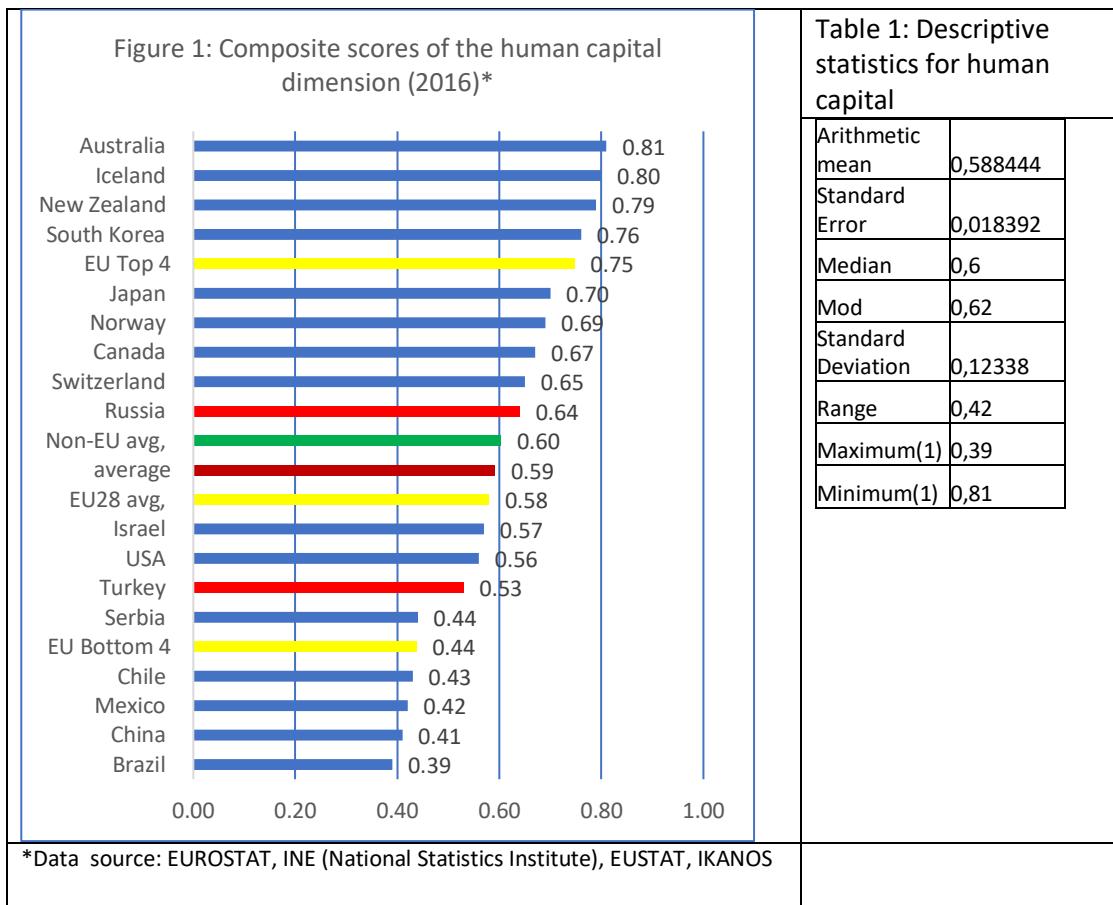

Table 1: Descriptive statistics for human capital

Arithmetic mean	0,588444
Standard Error	0,018392
Median	0,6
Mod	0,62
Standard Deviation	0,12338
Range	0,42
Maximum(1)	0,39
Minimum(1)	0,81

Figure 1 shows normalized scores for all selected countries [2]. It presents the main ranking of countries across all human capital dimensions. According to the indicator, the leading or best performing country in the 2016 was Australia, with a score of (80.5). In the second and third place were Iceland (80.2) and New Zealand (79.3). Then South Korea and after EU Top 4, Japan ranks 6th.

The average performance of EU28 member states was 58.0, and Non EU states was 60. Nine of the 17 non-EU countries had a higher score. In 2016 the top four EU28 member states (average score 74.7) performed behind South Korea and three other non-EU countries, but ahead of Japan and the USA. The average score for the bottom four EU28 member states (43.7) is ahead of China and three other non-EU countries. Brazil (39,7) is ranking the worst in this dimension.

Regarding human capital scores for digitization Turkey is performing behind USA and even below Russia and EU's average. Turkey ranks 36 with a value of 53.1 %, higher than EU Bottom 4. Russia has the rank 13 of 45, with a score of (64,1) , and higher than EU Average, lags behind the EU Top 4.

Some descriptive statistics belonged 45 countries are in Table 1. As it can be seen average score of the whole countries studied is 58,8 % and it is little higher then EU average. The arithmetic mean and median is near each other.

3. Basic skills and internet usage (2.a)

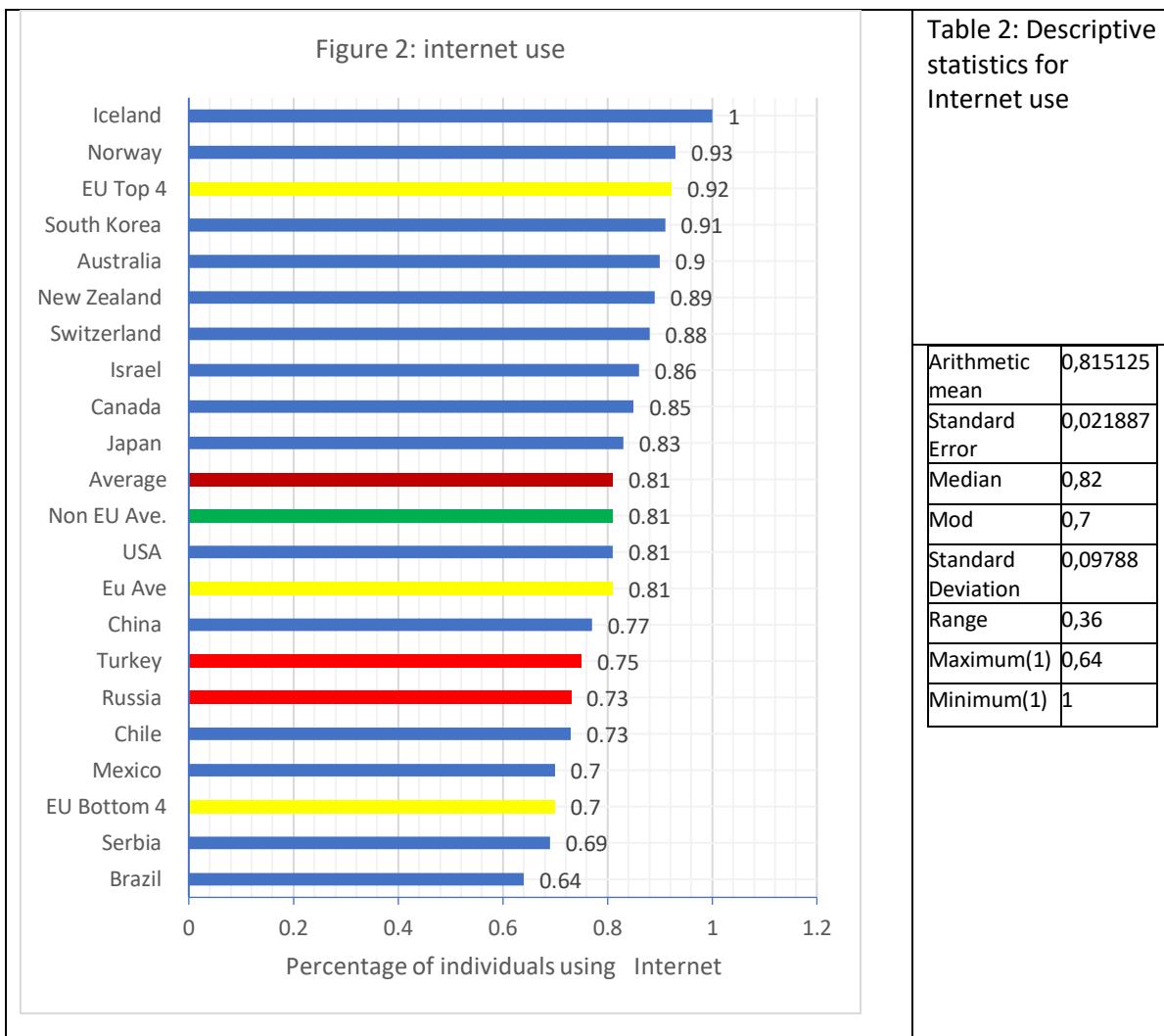
This sub-dimension is comprised of two indicators. The first indicator examines internet use or users and the second indicator examines basic digital skills.

3.1 Internet users: 2.a.1

When zooming in on the frequency of internet use in Figure 2, Iceland is in the lead (0,99) before Norway (0,93). In 2016 the level of Internet use was 0,75 % of the population in Turkey, 0,73 % of the population in Russia. Turkey is two per cent higher than Russia.

In 2016 the average level of Internet use was 81 % of the population in EU28 Member States. Both Turkey and Russia are lower from the average rate of EU28 member states.

Three of the 11 Non-EU countries had a higher level of internet use. In the top four EU28 member states on average 91 % of the population used the internet. The level of Internet use amongst the bottom four EU28 member states averaged 70 %. Two of the Non-EU countries had the lowest level of internet use and Brazil was the worst. The arithmetic mean, median and mode are nearer to each other (Table 2).

3.2 Basic Digital Skills 2.a.2

The second indicator in this sub-dimension is related with the basic digital skills. In 2016 the average level of regular Internet use in EU28 Member States was 79.2 %. Nine of the 17 non-EU countries had a higher level of internet use.

Regular Internet use by the top four EU28 Member States in 2016 was 89.6 %. Five of the non-EU countries had a higher level of regular internet use. Regular internet use was higher in the bottom four performing EU28 member states (average 69.5 %) than for six non-EU countries. Russia' score (61%) is behind NonEU ave. and higher than USA. Turkey has the second lowest rank just above China (Figure 3).

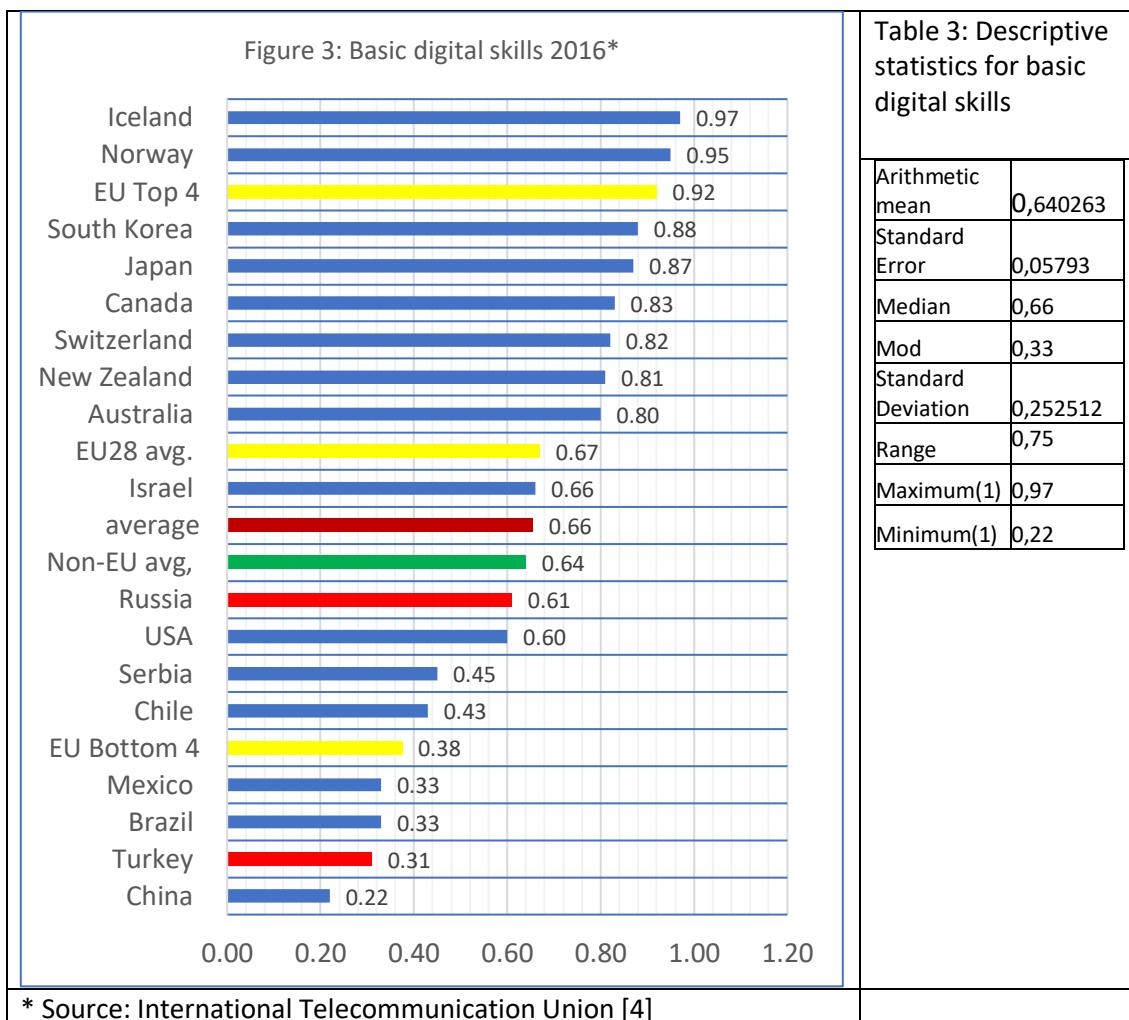

Table 3: Descriptive statistics for basic digital skills

Arithmetic mean	0,640263
Standard Error	0,05793
Median	0,66
Mod	0,33
Standard Deviation	0,252512
Range	0,75
Maximum(1)	0,97
Minimum(1)	0,22

4. Advanced skills and development (2.b)

The advanced skills and development sub-dimension measures the percentage of people with ICT specialist skills and the share of graduates with STEM education. This sub-dimension is comprised of two indicators. The first indicator is related with the Information and Communication Technology (ICT) specialists. The second indicator is the Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM) graduates.

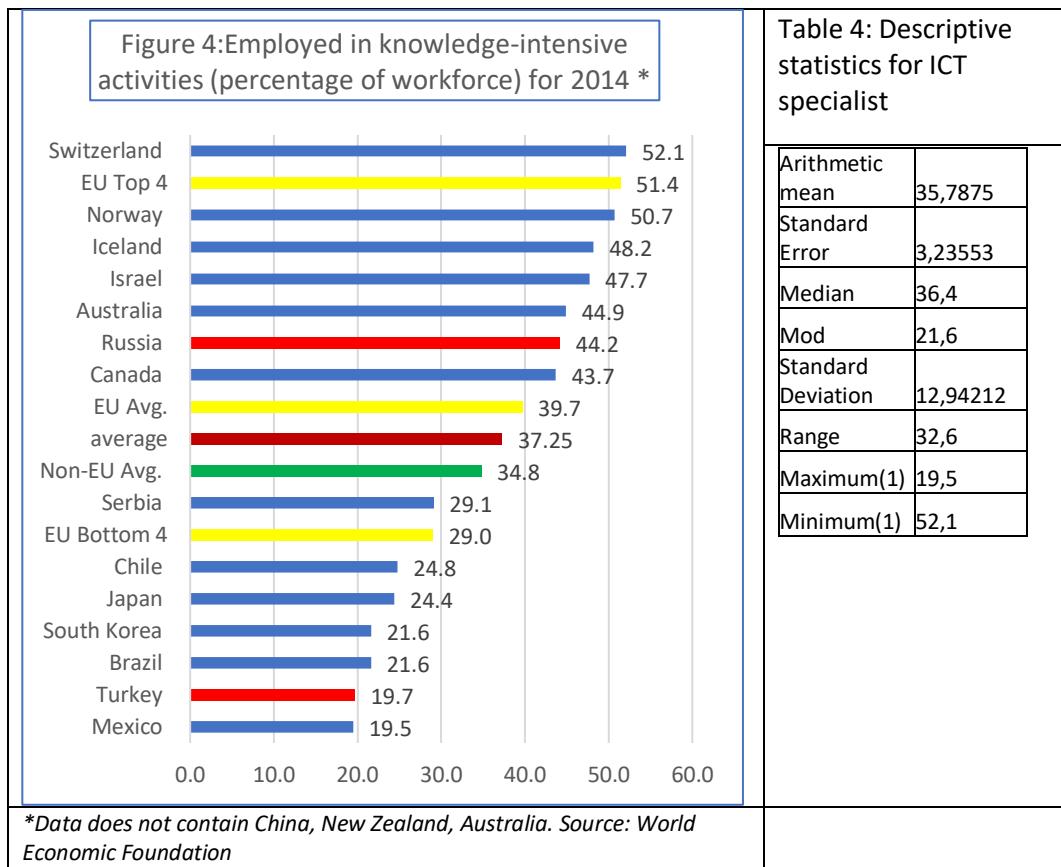
4.1 Information and Communication Technology (ICT) Specialists (2.b.1).

This indicator uses data about employment in knowledge intensive industries and measures the level of employment in knowledge intensive industries. The analysis has been only made for 2014 because of data on hand.

Figure 4 indicates that 19,7 % of Turkey employment was in these industries In 2014. With this score Turkey has the second lowest rank, only ahead of Mexico.

For the same year, 44,2 % of Russia employment was in these industries and with this score Russia has a higher rank than overall and EU28 averages.

Seven of the fourteen Non-EU countries had a higher level of employment then EU average in these industries in 2014. The average level of employment amongst the top four EU member states was 51,4 %. The bottom five includes Japan, South Korea and Brazil.

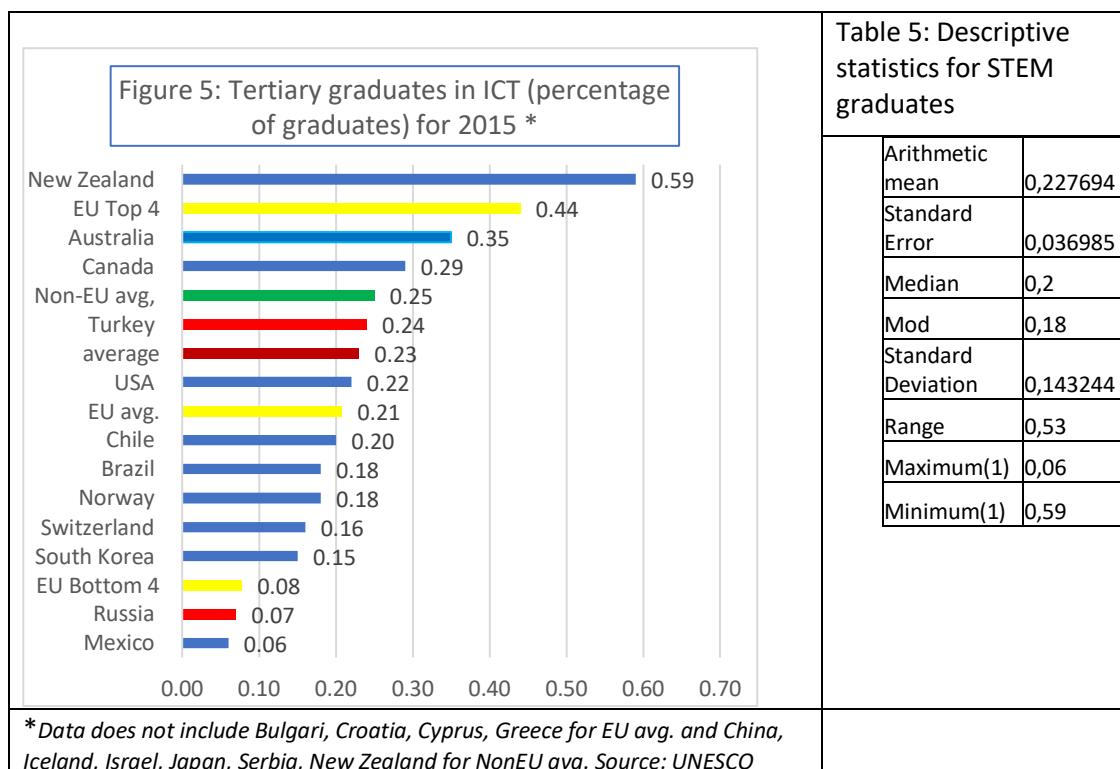
4.2 Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM) graduates (2.b.2)

This indicator examines the number of tertiary graduates in ICT as a proportion of all graduates. It has a slightly different focus than the EU-DESI, which examines all STEM subjects.

Figure 5 shows that the overall average score is higher than the EU average score. Turkey had 24 % of graduates in ICT in 2015. Her level is between overall average and Non EU average score.

Russia had 7 % of graduates in ICT in 2015. With this score Russia, is lower than the EU bottom 4 avg., had 8 % graduates in ICT and just higher Mexico the worst.

EU Member States on average had 21 % of graduates in ICT, Non-EU countries on average had 25 percent of graduates in ICT in 2015. EU Top 4 avg. had 44 % of graduates in ICT.

5. Conclusions

We can see that Turkey is one of the worst performers on the three out of four sub dimensions. Regarding to Russia two out of four dimension is not performed well. All rooms require improvement for both countries with regards to figures.

Considering the workforce it appears that the STEM graduates may not be able to participate adequately in the job market at their own areas in Turkey. In contrast for Russia the STEM graduates participate in the job market at their own area.

Worth mentioning in this regard are both countries have the potential to improve basic digital skills. Turkey should be encouraged to develop business potential in the ICT sector. Russia should increase educational opportunities in STEM areas.

In recent years a new approach has emerged in education. The science, technology, engineering, mathematics (STEM) with the inclusion of "Art" to these disciplines has been named as "STEM + A". This extended contend can be a key role to improve creativity and quality [5].

Quick wins could not be realized by improving the state of dimensions lagging the most behind in both countries. But it may be an alternative to start. Moreover it is rather important to develop and implement some holistic policy recommendations.

References

1. Marcin KOTARBA, MEASURING DIGITALIZATION KEY METRICS, Foundations of Management, Vol. 9 (2017), ISSN 2080-7279 DOI: 10.1515/fman-2017-0010 123 file:///C:/Users/kemal.sezen/Downloads/[23005661%20-%20Foundations%20of%20Management]%20Measuring%20Digitalization%20%E2%80%93%20Key%20Metrics.pdf
2. International Digital Economy and Society Index (I-DESI), Final Report for European Commission, Capgemini Consulting, ISBN 9789279582738
3. HumanCapitalDigital Inclusion and Skills, European Commission, Digital Economy and Society Index Report 2019, Human Capital
4. International Digital Economy and Society Index 2018 , FINAL REPORT , European Commission, DG Communications, ISBN 978-92-79-85699-0 file:///C:/Users/kemal.sezen/Downloads/2023e-Dogru-Turkey-de-STEM-Gereksinimi-Raporu.pdf

Шахбанова
Мадина
Магомедкамиловна

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
e-mail: madina2405@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИНДИКАТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ (на примере Дагестана)

Аннотация: В статье показано отражение экономического фактора на состоянии межнациональной сферы. Эмпирические данные констатируют существование в массовом сознании опрошенных горожан неудовлетворенности своим материальным положением при обозначении низкого уровня своего материального благополучия. Данный факт может способствовать дестабилизации межнациональной сферы, появлению интолерантных установок в массовом сознании и поведении городского населения республики.

Ключевые слова: городское население, материальная обеспеченность, материальное благополучие, социально-экономическое положение.

MATERIAL PROSPERITY AS AN INDICATOR OF INTERNATIONAL STABILITY IN POLYETHNIC SOCIETY (for example Dagestan)

Abstract: It shows the reflection of the economic factor on the state of the interethnic sphere in this article. Empirical data indicate dissatisfaction with their financial situation while indicating a low level of their material prosperity in the mass consciousness of the respondents. This fact can contribute to the destabilization of the international sphere, the emergence of intolerant attitudes in the mass consciousness and behavior of the urban population of the republic.

Key words: urban population, material prosperity, material well-being, socio-economic status.

Трансформация современной концепции национальной политики Российского государства от защиты этнических интересов в сторону признания мультикультурных тенденций показывает, что национальный компонент не теряет своей важности на повседневном уровне, ибо остается одной из форм социальной организации этнокультурных отличий. Более того, порой

национальный фактор выполняет ключевую роль, во-первых, в ситуации роста миграции, во-вторых, на фоне обострения социально-экономических проблем. Утверждение исследователей, что на характер межнациональных взаимодействий, формирование толерантности, состояние межэтнической сферы и т.д. отражаются внешние факторы, и наоборот, доказывается множеством исследований. Так, теория модернизации, автором которой является О. Тоффлер, выводит межэтническую напряженность и противостояние из экономического роста; теория стадий экономического роста У. Ростоу, хотя и подвергалась жесткой критике, но опираясь на нее можно объяснить появление межнациональной интолерантности и этноконфликтов: так, индустриализация и урбанизация, хотя и косвенно, но способны стимулировать дестабилизацию общества. Кроме вышеназванных в современной научной литературе имеется множество концепций, которые исследуют экономический фактор и его связь с этническими процессами.

В рамках исследования этнической идентичности городского населения Дагестана внимание было удалено выявлению факторов ухудшающих состояние межнациональной ситуации, формирующих интолерантность в массовом сознании и поведении городского населения республики, ибо автор исходит из предположения, что экономический компонент является причиной появления в обществе межнациональной нетерпимости. Эмпирические данные на вопрос «Как Вы можете охарактеризовать свое и своей семьи материальное положение?» показывают превалирование в массовом сознании опрошенных позиции «денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает» (34,9 %); с заметным отрывом от предыдущего суждения располагается противоположная позиция, констатирующая довольно бедственное положение респондентов – «живем от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание» (20,7 %). Далее вариант ответа «на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности» разделяют 17,1 % опрошенных и для 13,4 % респондентов «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, но покупка автомобиля недоступна». При

этом не очень убедительной выглядит позиция «ни в чем себе не отказываем» (11,0 %), по причине того, что Дагестан длительное время является дотационным регионом (по сведениям, республике в 2019 г. выделено 66,266 млрд руб.) [1] и любое повышение цен вызывает латентный протест в массовом сознании, имеются большие трудности при трудоустройстве, приводимые госструктурами статистические данные об уровне жизни населения не вызывают доверия и очень часто не соответствуют действительности.

Разумеется, существующее различие по получаемым доходам обуславливает отсутствие у населения доступа к материальным благам, получению качественных услуг в сфере образования, здравоохранения и т.д. Более того, декларирование на государственном уровне существующих проблем в социальном обеспечении, признание страты, проживающей за чертой бедности, свидетельствует об актуальности, следовательно, и значимости данной проблемы. Социальное расслоение российского общества является одним из деструктивных факторов при формировании межнационального согласия и сохранения стабильности, а также констатирует снижение разных форм доверия (обобщенного, институционального и межличностного), что, в конечном итоге, приводит к повышению социальной отчужденности. А такая ситуация вполне способна, хотя и косвенно, отразиться на состоянии этнической идентичности, усилить ее деструктивные типы (этнофаворитизм, этнодоминирование, этнонационализм, этноэгоизм), что при неблагоприятной ситуации вполне может спровоцировать межнациональное противостояние и конфликт.

Уменьшение экономического неравенства населения является очень трудным процессом, его преодоление, как отмечают разного профиля исследователи, возможно только при существенном экономическом росте, достичь которого очень сложно, принимая во внимание проводимую в Российской государстве экономическую политику. Несмотря на заверения федеральной власти о снижении порога бедности, повышении уровня жизни и материального положения реальная картина выглядит довольно мрачной –

безработица, особенно в молодежной среде, коррупция, низкий уровень жизни, некачественная медицина и образование, рост услуг ЖКХ, порой не очень качественных, и множество не менее значимых вопросов, способствует социальной поляризации, соответственно, и росту социальной напряженности в современном обществе. Можно согласиться с утверждением, что наличие депривации, сопровождающейся чувством потерь, присутствие неуверенности в будущем обуславливает формирование интолерантности в массовом сознании и поведении. Видимо, по этой причине проблема социальных различий и социального неравенства является ключевой в исследованиях, причем ее значимость повышается в ситуации усиления социальной дифференциации общества [2].

По мнению исследователей, расширение поля контроля экономической основы общества со стороны богатой прослойки приведет, с одной стороны, увеличению их благосостояния, с другой, сужению пространства для существования социальной справедливости, соответственно, и распределению доходов для среднего класса. Разумеется, в настоящее время, хотя и запоздало, стали уделять внимание социальной сфере и ориентация федеральной власти на решение наиболее злободневных проблем может в некоторой степени снизить социальную напряженность. По мнению автора, одной из мер в обеспечении, хотя и относительной социальной справедливости, может быть, введение прогрессивного подоходного налога, а также налога на роскошь. Данное предложение было неоднозначно воспринято в российском обществе: если несостоятельная прослойка социума активно его поддерживает, то в такой же степени его неприятие встречается со стороны политиков лоббирующих экономические интересы олигархата. Призыв ввести прогрессивный подоходный налог неоднократно поднимался депутатскими фракциями Госдумы, особенно отчетливо он зазвучал при повышении пенсионного возраста. Согласно данным социологических исследований, введение этих мер (введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь – Авт.) поддерживают более 90 % россиян [3]. Ради справедливости следует отметить,

что на фоне пандемии и существенного ухудшению экономического положения населения, В.В. Путин сообщил, что с 1 января 2021 г. меняется ставка налога на доходы физических лиц с 13 до 15 % для тех, кто зарабатывает свыше 5 млн руб. в год [4]. Данный указ нашел поддержку, хотя по-прежнему в полной мере не удовлетворяет население и депутатский корпус, придерживающийся позиции, что богаты и сверхбогатые должны облагаться налогом аналогично западной системе.

Если обратиться к результатам исследования, то, по мнению опрошенного населения республики, улучшение условий жизни дагестанских народов (28,6 %), стабилизация экономики и экономический рост (27,1 %), решение проблемы безработицы (27,0 %) способны улучшить межнациональные взаимоотношения в Дагестане. При этом одним из ключевых факторов возникновения межэтнической напряженности и противостояния между дагестанскими народами является низкий уровень социально-экономического развития республики (32,5 %). Вместе с тем, результаты исследования показывают существование в массовом сознании высокого запроса на социальную справедливость и апеллирование при этом исключительно к государству, как гаранту защиты прав всех людей независимо от их социального статуса, положения, национальной и религиозной принадлежности. Так под социальной справедливостью 44,8 % опрошенных жителей республики понимают «равенство всех перед законом», 28,9 % «одинаковый уровень жизни всех людей (отсутствие богатых и бедных)», 28,3 % «обеспечение порядка и справедливости в обществе», 26,7 % «обеспечение материального благосостояния людей», 12,1 % «поддержка малоимущих, одиноких людей» и 11,4 % «введение прогрессивного налогообложения». Существенно меньшая часть рассматривают социальную справедливость как обеспечение этнорелигиозной стабильности в современном дагестанском обществе (7,4 %). Обращает на себя внимание позиция 15,3 % респондентов, которые категоричны в утверждении – «социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет». Видимо, формированию такой установки в позициях дагестанского населения способствует наличие

огромного разрыва между разными социальными прослойками, низкий уровень материального положения, его неудовлетворенность своим социально-экономическим положением.

Литература

1. URL: http://fincan.ru/articles/41_dotacii-regionam-rossii-2019 (дата обращения: 23.06.2020).
2. Вебер А.Б. Неравенство и развитие // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике / Под ред. А.А. Галкина и Ю.А. Красина. М.: УКГФ, 2005. С. 69–76.
3. Цена роскошной жизни. Исследовательский холдинг Ромир. Октябрь 2017 г. [Электронный ресурс] // ROMIR. URL: http://romir.ru/studies/970_1508965200/ (дата обращения: 24.06.2020).
4. Новая ставка НДФЛ 15% с 1 января 2021 года: правила и примеры расчета, прогрессивная шкала // URL: <https://www.26-2.ru/art/355704-novaya-stavka-ndfl-15-s-1-yanvarya-2021-goda-pravila-i-primery-rascheta-progressivnaya-shkala> (дата обращения: 26.06.2020).

УДК 330.47:339.924

Терлецкий
Максим
Владимирович

Евразийский национальный университет им Л.Н.
Гумилева (Казахстан, г. Нур-Султан)

Мадиярова
Диана
Макаевна

доктор экономических наук, профессор Евразийский
национальный университет им Л.Н. Гумилева
(Казахстан, г. Нур-Султан)
e-mail: mdm-diana@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация: Сегодня определяющую роль в конкурентоспособности стран и интеграционных объединений играет уровень развития цифровых технологий. Переход к цифровой экономике рассматривается Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) как ключевой фактор достижения экономического роста, обновление механизма интеграции и создание

благоприятных условий для инновационного развития в странах-участницах ЕАЭС.

Ключевые слова: страны ЕАЭС, цифровизация, цифровая трансформация, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), экономический рост, перспективы развития.

DIGITALIZATION IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Annotation: Today, the level of development of digital technologies plays a decisive role in the competitiveness of countries and integration associations. The transition to a digital economy by the Eurasian Economic Union (EAEU) is seen as a key driver of economic growth, updating the integration mechanism and creating favorable conditions for innovative development in the EAEU member states.

Keywords: EAEU countries, digitalization, digital transformation, information and communication technologies (ICT), economic growth, development prospects.

На сегодняшний день большинство стран уделяют огромное внимание рассмотрению процессов формирования и развития цифровой экономики. Безусловно цифровую экономику можно назвать объективной реальностью сегодняшнего дня, общемировым трендом, определяющим перспективы экономического и политического будущего. В контексте международной обстановки заметно стремительное распространение таких цифровых технологий как интернет, смартфоны, а также прочих средств сбора, анализа, хранения и обмена различного вида информации.

Термин «цифровизация» может быть рассмотрен в узком и широком смыслах. С точки зрения К.Л. Томашевского цифровизация в широком смысле отражает процесс введения цифровых технологий и систем передачи на уровне телекоммуникационных сетей, средств коммутации и управления, которые способствуют передаче и распределению отдельных потоков информации в цифровом виде. Термин «цифровизация» в узком смысле с позиции вышеуказанного автора представляет собой процесс перехода к цифровой форме представления информации от аналоговой. В качестве примеров данной узкой трактовки можно привести переход от стандартных кнопочных

телефонов к смартфонам, переход от старых аналоговых телевизоров к цифровому телевидению [Томашевский, 2020, с. 400].

Помимо этого, цифровизацию можно представить в качестве инструмента, содействующего привлечению огромного количества физических и юридических лиц в общественное развитие, инструмента способствующего росту ресурсного обмена и ускоренному экономическому развитию стран [Кондратьева, 2019, с. 13].

Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), произошедшее в последние десятилетия, привело к тому, что цифровые преобразования стали центром внимания со стороны многих международных и национальных организаций и институтов. Согласно последнему докладу ООН по цифровой экономике в мире наблюдается тотальное доминирование в цифровом секторе со стороны двух стран – США и Китая. Данная ситуация способствует созданию немалых проблем для других государств и интеграционных объединений. Среди последних можно выделить Европейский союз (ЕС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) [Вилисов, Пастармаджиева, 2020, с. 6].

В условиях современной международной обстановки отмечается трансформация экономики Евразийского континента, которая обусловлена переходом от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике. В качестве одного из важнейших факторов повышения конкурентоспособности, экономического роста и реализации конкурентных преимуществ стран ЕАЭС выступает цифровизация. Законодательно-нормативной базой, касающейся осуществления стратегии цифровизации в ЕАЭС, является решение Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», принятое в октябре 2017. С.А. Дятлов и В.И. Трунин в своей статье выделяют следующие основные направления цифровой повестки ЕАЭС: цифровая трансформация рынков товаров, услуг, рабочей силы и капитала; цифровая трансформация отраслей экономики; обеспечение защищенности цифровых

процессов и развитие цифровой инфраструктуры [Дятлов, Трунин, 2020, с. 28-29].

Внимание стран ЕАЭС к развитию цифровой экономики объясняется за счет непосредственного влияния ИКТ на динамику и структуру внешней торговли и ВВП. В статье Т.В. Ворониной и её соавторов (Н.Н. Евченко, А.Б. Яценко) отмечается, что наилучшие показатели с точки зрения доли товаров сферы ИКТ в экспорте страны наблюдаются у России и Казахстана, с точки зрения доли услуг сферы ИКТ в экспорте страны – у России и Белоруссии. Помимо этого авторы статьи выделяют, что в целом доли ИКТ в ВВП стран ЕАЭС очень низкие [Воронина, Евченко, Яценко, 2018, с. 38-39]. Для решения проблем, касающихся низкого уровня развития ИКТ на евразийском рынке, разрабатывается множество рекомендаций. В частности, эксперты Мирового Банка и ЕАЭС разработали совместные рекомендации для реализации Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года, воплощение которой будет способствовать созданию новых рабочих мест, повышению конкурентоспособности экономики стран, входящих в состав евразийской интеграции, и ускоренному экономическому росту.

Со стороны экспертов Мирового Банка и ЕАЭС отмечается следующий ряд рекомендаций. В первую очередь следует создать правовую и институциональную основу для развития цифровизации в странах ЕАЭС. В частности, возникает необходимость в обеспечении распределения обязанностей и полномочий в контексте региональных и национальных организаций управления. Далее, учитывая их многосторонний и долгосрочный характер цифровых преобразований, возникает необходимость в их финансировании. Затем, странам-членам ЕАЭС с целью повышения уровня цифровых навыков и грамотности, необходимо создать и реализовать программы цифровизации. И наконец, для успешного развития цифровых решений и надежных трансграничных межотраслевых цифровых платформ необходимо обеспечить широкополосной доступ в Интернет и его распространение. Стоит также отметить, что данные рекомендации необходимо

реализовывать поэтапно, учитывая приоритеты, ресурсы и интересы стран ЕАЭС [Дятлов, Трунин, 2020, с. 30-31].

Помимо этого стоит отметить, что все страны ЕАЭС утвердили программы развития цифровизации на евразийском рынке. В частности, Армения следует проекту «Цифровая повестка дня Армении 2030» (2017). Данный проект ориентируется на цифровизацию правительства страны, усиление контроля от киберугроз, содействие формированию инфраструктуры и цифровых навыков, формирование институциональной основы и развитие частного сектора экономики Армении.

Казахстан, в отличие от Армении и других стран ЕАЭС, следует двум государственным программам в контексте Третьей модернизации (2017) и «Цифрового Казахстана» (2017), которые запланированы на 2018–2022 годы. В рамках цифровизации данная страна-участница ЕАЭС планирует формирование цифрового государства, применение цифровых технологий в отдельных отраслях экономики, содействие развитию человеческого капитала в стране, создание инновационной экосистемы, формирование цифрового Шелкового пути.

Если рассматривать Кыргызстан в плане программы цифровизации на евразийском рынке, то стоит выделить то, что в качестве базы цифровой трансформации данной страны выступают программа «Таза коом» (2017) и национальная стратегия устойчивого развития на 2018–2040 годы (2017). В контексте вышеуказанных программ страна планирует ориентироваться на создание современной цифровой инфраструктуры, формирование цифровых возможностей у граждан Кыргызстана и благоприятной среды для инновационного развития страны, превращение страны в региональный хаб цифрового Шелкового пути для ИТ – инноваций и ИТ – бизнеса.

В контексте цифровизации Республика Беларусь опирается на декрет «О развитии цифровой экономики» (2017) и программу «Стратегия развития информатизации на 2016–2022 годы» (2015). Базируясь на данные стратегии развития цифровизации, страна-участница ЕАЭС акцентирует внимание на

формирование инвестиций в ИТ-кадры и образование, содействие производству конкурентоспособных продуктов информационных технологий (ИТ-продуктов), внедрение новейших технологий, решение проблемы барьеров в контексте внедрения новейших технологий, обеспечение комфортных условий с целью привлечения международных ИТ-компаний.

Российская Федерация придерживается программы «Цифровая экономика», которую страна планирует реализовать до 2024 г. (2017). Программа нацелена на развитие образования и формирование кадров, рассчитана на обеспечение информационной безопасности и создание информационной инфраструктуры, рассматривает нормативное регулирование и создание исследовательских компетенций [Воронина, Евченко, Яценко, 2018, с. 39-40].

Следует учитывать, что в контексте реализации цифровой трансформации стран ЕАЭС могут возникнуть различного рода риски. Среди таковых рисков можно выделить чрезмерную зависимость стран ЕАЭС от цифровых услуг и технологий на внешнем рынке, где лидирующие позиции занимают США и Китай. При этом цифровое отставание стран ЕАЭС от ведущих стран мира продолжает увеличиваться, что влечет за собой рост угроз для экономической и информационной безопасности, цифрового суверенитета стран ЕАЭС. Также в качестве риска, отражающего цифровую трансформацию стран ЕАЭС, выступает «утечка мозгов» из стран ЕАЭС в развитые страны мира, которая прежде всего касается специалистов в сфере цифровых технологий. Кроме того, стоит также выделить, что на сегодняшний день пандемия COVID-19 является главной проблемой для экономического развития стран ЕАЭС и других мировых сообществ. Вследствие этого, в качестве одной из актуальных задач выступает цифровизация здравоохранения, создание системы e-Health в рамках стран Евразийского экономического союза [Дятлов, Трунин, 2020, с. 33-34].

Таким образом, можно отметить, что цифровая трансформация достигла планетарного масштаба в контексте евразийской интеграции и формирования единого экономического пространства. Странам ЕАЭС необходимо выработать

общую идеологию, а также провести согласованную между собой политику для достижения поставленных грандиозных задач. Их выполнение позволит не только занять и сохранить прочную позицию на международной арене в экономической и политической сфере деятельности, но и позволит обеспечить надежную защиту общего культурного пространства стран-участниц ЕАЭС, а также интересы государств всего мира. Принципиально важно, чтобы инициативы в рамках цифровой трансформации учитывали интересы всех стран-участниц ЕАЭС в равной степени, поскольку нельзя допустить, чтобы они порождали барьеры, в том числе для стран, не входящих в евразийскую интеграцию. Это необходимо для того, чтобы обеспечить максимально комфортную цифровую среду для стран ЕАЭС. Принятая ЕАЭС цифровая повестка до 2025 г. призвана способствовать ускоренному достижению устойчивого и качественного экономического роста, обновлению механизма интеграции и созданию благоприятных условий для инновационного развития в странах-участницах ЕАЭС.

Литература

1. Вилисов М.В., Пастармаджиева Д. Цифровая политика: сравнение между ЕС, ЕАЭС и их государствами-членами // PolitBook. 2020, вып. 1. С. 6–37.
2. Воронина Т.В., Евченко Н.Н., Яценко А.Б. Состояние и стратегии развития цифровой экономики стран ЕАЭС // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2018. Т. 4., вып. 4. С. 36–45.
3. Дятлов С. А., Трунин В. И. Эффекты интеграции в условиях цифровой трансформации экономик стран Евразийского экономического союза // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020, вып. 3 (123). С. 28–35.
4. Кондратьева Н.Б. Цифровая повестка дня ЕАЭС: от понимания феномена к рекомендациям // Русская политология. 2019, вып. 2 (11). С. 12–16.

5. Томашевский К.Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, вып. 2. С. 398–413.

УДК 616.9+327.8

Момыналиев
Куват
Темиргалиевич д.б.н., доцент, ведущий научный сотрудник
организационно-методического отдела, ФБУН
«Центральный НИИ эпидемиологии»
Роспотребнадзора, Россия, Москва;
e-mail: dhoroshun@gmail.com;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4656-1025>

Акимкин
Василий
Геннадьевич академик РАН, д.м.н., профессор, директор ФГБУ
«Центральный НИИ эпидемиологии»
Роспотребнадзора, Россия, Москва;
e-mail: ygakimkin@yandex.ru;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4228-9044>

Хопёрская
Лариса
Львовна д.полит.н., профессор кафедры международных
отношений ГОУ ВПО «Киргизско-Российский
Славянский университет», Киргизская Республика,
Бишкек;
e-mail: larkhop@gmail.com;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2839-4884>

Пшеничная
Наталья
Юрьевна д.м.н., профессор, зам. директора по клинико-
аналитической работе ФБУН «Центральный научно-
исследовательский институт эпидемиологии»
Роспотребнадзора, Россия, Москва;
e-mail: natalia-pshenichnaya@yandex.ru;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2570-711X>

ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ КРАТКОСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ COVID-19 (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Аннотация. В тезисах предпринята попытка на материалах государств Центральной Азии – Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана – оценить взаимосвязь интереса пользователей сети Интернет к вопросам

здоровья, связанным с COVID-19, и динамики распространения этой инфекции по поисковым запросам в Google Trends. Обосновывается утверждение о том, что данные о поисковых запросах в Интернете в период пандемии могут служить цифровым инструментом краткосрочного прогнозирования заболеваемости COVID-19 и дополнительным компонентом эпидемиологического надзора.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирус SARS-CoV-2, Google Trends, пандемия, корреляция, запрос, прогнозирование заболеваемости, эпидемиологический надзор, социально-экономические и политические факторы эпидемического процесса.

DIGITAL INSTRUMENT FOR SHORT-TERM COVID-19 INCIDENCE PREDICTION (ON THE MATERIALS OF THE STATES OF CENTRAL ASIA)

Annotation. In the theses, an attempt is made on the materials of the Central Asian states - Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan - to assess the relationship between the interest of Internet users in health issues related to COVID-19 and the dynamics of the spread of this infection according to search queries in Google Trends. The statement is substantiated that data on search queries on the Internet during a pandemic can serve as a digital tool for short-term forecasting of the incidence of COVID-19 and an additional component of epidemiological surveillance.

Key words: COVID-19, SARS-CoV-2 coronavirus, Google Trends, pandemic, correlation, query, incidence forecasting, epidemiological surveillance, socio-economic and political factors of the epidemic process.

В условиях COVID-19 Всемирная ассамблея здравоохранения неоднократно подчеркивала значимость готовности системы здравоохранения к противостоянию пандемии: «За прошедший год мы видели, что страны с надежной инфраструктурой обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения смогли принять оперативные меры по сдерживанию распространения вируса SARS-CoV-2 и борьбе с ним». [1]. Значимым фактором результативной работы системы здравоохранения выступает способность прогнозирования уровня заболеваемости COVID-19 в отдельных странах, регионах и более локальных единицах. Поэтому разработка методик и инструментов такого прогнозирования является актуальной научной и практической задачей.

По мнению авторов, достаточно перспективным является метод прогнозирования, который базируется на выявлении закономерности между активностью пользователей Интернета в связи с конкретным заболеванием и фактическим уровнем заболеваемости [2]. Его суть заключается в том, что на первом этапе анализируются данные поисковых запросов, выполненных с использованием поисковой системы Google. Одно из её публичных web-приложений Google Trends показывает, как часто определенный термин ищут по отношению к общему объему поисковых запросов [3]. Результаты поиска с помощью Google Trends (GT) представляются как относительный объем поиска (RSV). Результаты могут быть загружены в формате общих разделенных значений, представленных в интервале от 0 до 100.

Данные Google Trends в настоящее время активно используются в многочисленных исследованиях различных аспектов COVID-19, поскольку паттерны RSV (регулярно повторяющиеся запросы) предшествуют возникновению заболевания. Предварительный список поисковых терминов, подлежащих анализу, составляется в соответствии с номенклатурой, симптоматикой, профилактикой и диагностикой этого заболевания [4–5].

Индекс Google Trends в мире достиг первого пика в конце января 2020 г., когда число новых инфицированных начало расти в геометрической прогрессии в Китае [6], следующий пик пришелся на 12.03, когда число инфицированных пациентов в Европе резко возросло, а COVID-19 был объявлен пандемией.

В работе, посвященной интернет-запросам в период пандемии в России [7], было показано, что поисковая активность по запросам, которые могут быть связаны с симптомами COVID-19 «обоняние» и «потеря обоняния», имеют сильную корреляцию с подтвержденным числом случаев заболевания в России ($r = 0,81$ для запроса «обоняние» и $r = 0,79$ для запроса «потеря обоняния»). Также сильная корреляция выявлена между ежедневными случаями подтвержденных диагнозов и запросами, связанными с диагностикой COVID-19: «КТ» ($r = 0,71$) и «антитела» ($r = 0,79$).

Учитывая, что «Российская Федерация оказывает помощь партнёрам по ЕАЭС для борьбы с пандемией и дальнейшего развития единой региональной евразийской системы предупреждения, выявления и реагирования на угрозы эпидемий» [8], особое значение приобретает актуальная информация о росте инфекционной заболеваемости в соседних с Россией странах.

Поэтому авторами было проведена оценка взаимосвязи интереса пользователей сети Интернет к вопросам здоровья, связанным с COVID-19, и динамики эпидемического процесса этой инфекции по поисковым запросам в Google Trends в государствах Центральной Азии (Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Таджикистане)².

Данные по ежедневно подтвержденным случаям заболевания в странах Центральной Азии: Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан о COVID-19, были получены с использованием ресурса <https://www.worldometers.info/coronavirus/>. Эти данные были нормализованы по шкале от 0 до 100 для сравнения с поисковыми запросами.

В поисковых запросах были выделены три блока оцениваемых терминов:

- термины, связанные с изучаемой инфекцией - «COVID-19», «заражение», «коронавирус»;
- термины, отражающие симптомы заболевания - «боль в горле», «боль в груди», «диарея», «заложенность носа», «запах», «кашель», «лихорадка», «мохрота», «обоняние», «одышка», «боль в ухе», «потеря запаха», «потеря обоняния», «рвота», «температура», «смерть»;
- термины, связанные с диагностикой COVID-19 - «КТ» (компьютерная томография), «ПЦР» (полимеразная цепная реакция), «антитела» (иммуноферментный анализ).

При сравнении данных ГТ для каждого симптома и термина со случаями COVID-19 использовали коэффициент корреляции Пирсона (r). Исследуемый период был установлен с 09.01 по 04.10.2020 г.

---

² В проведенной работе оценивались запросы пользователей из стран Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана) только на русском языке

В итоге получены следующие результаты:

1) При анализе поисковых запросов, связанных с *пандемией как общественным феноменом* и содержащих ключевые слова «коронавирус», «заражение», обнаружены корреляции ($r > 0,65$) между числом подтвержденных случаев коронавируса и динамикой запросов у пользователей сети Интернет в Казахстане, Киргизии и Узбекистане.

Интересно, что резкий подъем интереса в трех странах – Казахстане, Киргизии, Узбекистане – отмечался в период с 11 по 18 марта. Во-первых, это может быть связано с объявлением ВОЗ о начале пандемии COVID-19 11 марта 2020 г., во-вторых, с конкретными событиями в развитии эпидемии COVID-19 в этих странах, о которых сообщалось в правительственные пресс-релизах и СМИ.

Так, отчетливый подъем интереса к коронавирусной инфекции в Казахстане может быть связан с тем, что 15 марта президент Казахстана подписал указ о введении в республике чрезвычайного положения на период с 16 марта до 15 апреля 2020 года. В Киргизии с 22 марта по 10 мая 2020 года действовал режим чрезвычайной ситуации (с 25 марта – чрезвычайного положения), введенный в связи с COVID-19. Режим ЧП в стране был отменен 11 мая, что также нашло отражение в динамике запросов. Узбекистан, который не вводил режим чрезвычайного положения, тем не менее, с 16 марта прекратил авиа- и автодорожное сообщение с другими странами, с 20 марта в республике закрыли около 2 тыс. общественных заведений, а с 24 марта въезд в Ташкент из любых областей, а также выезд из столицы были запрещены. В Таджикистане 30 апреля 2020 г. в день максимального интереса пользователей интернета к COVID-19, был впервые лабораторно подтвержден случай этой инфекцией.

В ходе исследования была выявлена сильная корреляционная связь между запросами, содержащими ключевые слова «коронавирус», «заражение», между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном.

Низкая корреляция запросов между Таджикистаном и другими странами региона объясняется несколькими социально-экономическими и политическими факторами, среди которых наиболее значимыми, с нашей точки зрения, выступают:

– различие в доступе к Интернету. Данные по Таджикистану, где только пятая часть населения обладает возможностью обращаться с запросами в поисковые системы, не являются репрезентативными для всей популяции. Другие социально-экономические факторы (уровень ВВП, процент занятости населения и др.) также влияют на активность пользователей в интернете (см. Табл. 3);

– частые конфликты, возникающие в постсоветский период в приграничных районах этих государств (только на таджикско-киргизской границе вооруженные инциденты происходили в январе, мая, июне, августе и октябре 2020 г.);

– периодические прекращения транспортного сообщения между центральноазиатскими государствами и Таджикистаном по внешнеполитическим причинам и относительно низкое число пересечений границ гражданами этих государств с Таджикистаном в доковидный период.

Вероятно, в период поиска информации о коронавирусной инфекции пользователей в Казахстане, Киргизии, Узбекистане также интересовало, каким образом происходит заражение COVID-19. Максимальный интерес отмечался 22 марта в Казахстане, Киргизии и Узбекистане, т.е. в странах, граждане которых в силу родственных, деловых и дружеских связей регулярно массово пересекали границы. Закрытие границ вызвало повышенный интерес к проблеме заражения как его причине.

2) Анализ поисковой активности по запросам, которые связаны с **симптомами COVID-19** показал различные результаты. Была выявлена корреляция ($0,5 < r \leq 0,7$) между запросами и подтвержденными случаями COVID-19 в период с 09.01.2020 по 04.10.2020 для Казахстана - запросы: «обоняние», «потеря обоняния», «одышка», «температура» и для Киргизии для

запросов: «обоняние» и «температура» в период с 09.01.2020 по 04.10.2020 г.

Для Узбекистана и Таджикистана корреляции между заданными запросами и подтвержденными случаями заражения COVID-19 не выявлены.

Для Казахстана запросы, связанные с обонянием и температурой, опережали рост подтвержденных случаев COVID-19 на 10-12 дней, в Киргизии запросы, связанные с обонянием и температурой, опережали рост подтвержденных случаев COVID-19 на 20 дней, в Узбекистане запросы, связанные с температурой, опережали рост подтвержденных случаев COVID-19 на 35 дней. Объяснение этого феномена пока отсутствует.

3) При анализе запросов, связанных с *диагностикой COVID-19*, в Казахстане и Киргизии был выявлен повышенный интерес к методу «компьютерная томография», причем пик интереса совпал с максимальным количеством подтвержденных случаев COVID-19 (коэффициент корреляции составил 0.714). После снижения количества подтвержденных случаев заражения, интерес к «КТ» стал значительно снижаться.

Следует отметить, что из четырех исследуемых стран только в Казахстане наблюдался интерес пользователей к таким методам диагностики коронавирусной инфекции, как «полимеразно-цепная реакция (запрос «ПЦР») и иммуноферментный анализ (запрос «антитела»). Этот феномен, очевидно, имеет социальные причины, в частности, размер ВВП государства и уровень доходов населения. Так, стоимость КТ легких, например, в Бишкеке 3200 сом (\$40) и стоимость ПЦР в 1600 сом (\$20) составляют более половины среднемесячного дохода гражданина Киргизии (см. Табл. 3).

Авторы пришли к следующим выводам.

Взаимосвязь между запросами в Интернете, сообщениями в СМИ и фактическими сведениями о заболеваемости достаточно многофакторная и требует дальнейшего изучения. Тем не менее, установлено, что поисковые запросы отражают клинические проявления заболевания и демонстрируют сильную корреляцию с реальными случаями COVID-19 практически во всех странах.

Проведенное исследование активности пользователей Интернета в связи с новым заболеванием в государствах Центральной Азии позволяет, по мнению авторов, предложить достаточно экономичный и оперативный инструмент краткосрочного прогнозирования заболеваемости COVID-19, выступающий дополнительным компонентом эпидемиологического надзора над условиями, в которых ситуация быстро развивается. Однако необходимо ввести определенный «коэффициент доступа к Интернету», а также учитывать и другие социальные показатели (Таблица 1), особенно в государствах, входящих в группу со средним и низким уровнем Индекса человеческого развития.

Табл.1

Социально-экономические показатели и доступность Интернета в государствах Центральной Азии

Показатель / страна	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан
Численность населения на начало 2020 г. (млн.чел.) [9]	18,6	6,5	9,3	33,9
Уровень занятости (занятые в возрасте 15-64 года, в % к численности населения соответствующего возраста) на начало 2019 г. [9]	74,4	59,5	45,0	67,4
ВВП, млрд. Долларов США, 2019[10]	180,2	8,5	8.1	57,9
ВВП на душу населения, тек. Долл. США, 2019 [10]	9 731,2	1,328	874	1 724,5
Доля лиц, имеющих доступ в Интернет, 2018 (%) [11]	76,4	38,2	22,0	52,3 52,3
Рейтинг стран региона по Индексу человеческого развития, 2019 [12]	50 (0,817)	122 (0,674)	125 (0,656)	108 (0,710)

Литература

1. World Health Assembly charts course for COVID-19 response and global health priorities. 5 November 2020 . News release. Geneva //<https://www.who.int/ru/news/item/05-11-2020-world-health-assembly-charts-course-for-covid-19-response-and-global-health-priorities>

2. Jeremy Ginsberg, Matthew H. Mohebbi, Rajan S. Patel, Lynnette Brammer, Mark S. Smolinski and Larry Brilliant. Detecting influenza epidemics

using search engine query data (англ.) // Nature : journal. — 2009. — Vol. 457. — P. 1012—1014. — [doi:10.1038/nature07634](https://doi.org/10.1038/nature07634)

3. Google Trends. <https://trends.google.com/trends/?geo=US>

4. World Health Organization. [2020-04-10]. WHO timeline – COVID-19.

<https://www.who.int/news-room/detail/08-04-2020-who-timeline-covid-19>

5. Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». [https://static-](https://static-0.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/050/584/original/03062020_MR_COVID-19_v7.pdf)

[0.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/050/584/original/03062020_MR_COVID-19_v7.pdf](https://static-0.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/050/584/original/03062020_MR_COVID-19_v7.pdf)

6. Effenberger M., Kronbichler A., Shin J.I., Mayer G., Tilg H., Perco P. Association of the COVID-19 pandemic with Internet Search Volumes: A Google Trends TM Analysis. Int. J. Infect. Dis. 2020; 95: 192–7. Doi:10.1016/j.ijid.2020.04.033

7. Момыналиев К.Т., Акимкин В.Г. Анализ запросов динамики Google Trends в России в период пандемии коронавирусной инфекции как инструмент эпидемиологического надзора. Эпидемiol. инфекц. болезни. Актуал. вопр. 2020; 10(4)

8. О заседании Евразийского межправительственного совета. 09.10.2020 г.

[//https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=15622](https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=15622)

9. Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2016-2019. Межгосударственный статистический комитет содружества независимых государств. - М., 2020 // http://www.cisstat.com/rus/sb_soc_indicate2016-2019.pdf

10. Всемирный банк. Страны и регионы // <https://www.worldbank.org/en/country/>

11. Измерение информационного общества Том 2. Профили стран в области ИКТ 2018 // https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR_Vol_2_R.pdf

12. Индекс человеческого развития // <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index>

УДК 351/354+351.773

Толвайшис
Леонас

PhD политических наук, профессор Факультета
дипломатии и безопасности Университета «Унион –
Никола Тесла», г Белград, Сербия.
e-mail: leonas.tolvaasis@fdb.edu.rs

ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация: В статье тезисно представлены основные этические противоречия внедрения информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления. Приведён сжатый обзор основных закономерностей и тенденций, проявившихся в течение двух десятилетий внедрения цифрового государства в Европе и англосаксонских странах. Представлены тенденции трансформации политических процессов под влиянием внедрения технологий электронного государства.

Ключевые слова: цифровая власть, электронное правительство, этика государственного управления, политические процессы, информационно-коммуникационные технологии, модернизация государственного управления, государственное управление.

INTRODUCTION OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION: THE MAJOR ETHICAL ISSUES

Abstract: The article presents the major ethical controversies related to the introduction of information and communication technologies in public governance. It gives a concise overview of the major regularities and trends manifested during the two decades of development of e-governance in Europe and Anglo-Saxon states. The main transformation trends of political processes under the influence of e-governance technologies are outlined.

Keywords: e-government, e-governance, public administration ethics, political processes, information and communication technologies, ICT, modernisation of public administration, public administration.

В теории государственного управления наступление цифровой эпохи было отмечено в первых годах 21 века [1, с. 467]. С этим периодом увязываются тенденции возвращения рядом западных государств полномочий в различных сферах управления, прежде делегированных частным (рыночным) поставщикам услуг, а также значительного повышения эффективности государственного управления благодаря внедрению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и объединению разрозненных баз данных под контролем государства [1, с. 480][2, с. 1-2]. Таким образом, ключевой особенностью эпохи цифрового управления является существенное усиление регулирующей роли государства в различных сферах публичной политики, актуальных для ежедневной жизнедеятельности граждан. Цифровое государство в своём развитии прошло путь от оптимизации «доцифровых» процессов управления посредством внедрения электронно-вычислительной техники до коренного переосмыслиния и переустройства концепции управления на основе новых возможностей, открываемых цифровыми технологиями [1, с. 488-489][2, с. 6-14][3, с. 146].

Технологическому прогрессу эпохи постmodерна свойственны преодоление разграничения науки и политики, увязывание научных фактов с интересами и ценностями, подход к природе и обществу как к объекту трансформации в целях достижения желаемого будущего, т.е. радикальных изменений в жизни людей [4, с. xii]. Иными словами, целью внедряемых технологий является контроль и преображение как природы, так и общества. Технологические инновации рассматриваются в качестве ключа к решению проблем старения населения, изменений климата, энергетической безопасности и пр. В инновационном дискурсе социальные перемены рассматриваются в качестве цели технологического вмешательства (напр., в нанотехнологии, геоинженерии) [5]. Таким образом, новейшие технологии рассматриваются не

только как инструмент разрешения социальных проблем, но признаются в качестве технологической основы новой фазы развития социально-политических отношений, таящей в себе новые социальные вызовы. Научные исследования в области цифровизации государственного управления фокусируются на пересечении технологий и политики, ведутся дискуссии о новом научно-техническом управлении.

В концептуальную основу любой модели управления полагаются легитимирующие её идеи. Идея электронного государства отсылает к ожиданиям желаемого образа будущего. Ценности цифрового государства развивают идею эффективного управления (англ. *good governance*) и включают в себя качество услуг госуправления, политическую культуру гражданского участия, этос госслужащего, подотчётность, прозрачность и инклюзивность управления [4, с. XIII].

Таким образом, цифровое государство как модель госуправления подразумевает не только усиление административного воздействия субъекта управления на граждан, но равным образом подчёркивается важность тенденций, уравновешивающих это воздействие, как то: усиление общественного контроля над госуправлением, вовлечение широкого круга субъектов в процесс управления, а также качественное преобразование взаимодействия органов государственного управления и граждан [1][2]. Внедрение цифровой инфраструктуры, цифровых платформ и программного обеспечения закладывается в основу социальной инновации, активного вовлечения общественности в технологическое развитие в качестве со-разработчиков и пользователей («цифровое общество») [4, с. xiv]. Электронное государство как идея и теоретическая модель предстаёт системой согласования интересов различных групп, высшая степень развития которого предполагает вовлечение граждан в процесс принятия решений в равноправном диалоге с государством, а также совместную ответственность за принятые решения [6, с. 751].

На практике предметом политологического анализа всё чаще становятся противоречия, порождаемые применением новейших технологических решений в госуправлении, риски для прав человека и правового государства. Ключевое значение приобретает вопрос, является ли общество выгодополучателем цифровых преобразований управления или, напротив, «потерпевшим», т.е. источником легитимации и полем технологических экспериментов, объектом контроля и понуждения к участию.

Так, цифровые карты используются правительствами для контроля масс населения в случае стихийных бедствий, горожанами – для улучшения среды обитания. В то же время воздействие технологий, положенных в основу контроля за передвижением граждан, а в последнее время претерпевающих также интеграцию с медициной, нуждается в комплексной оценке.

Ввиду непредсказуемости эффектов внедрения ИКТ, этические аспекты включаются в исследования этого процесса в Европе и США на обязательной основе [4, с. xv]. Важность этических аспектов обусловлена внушительным преобразовательным потенциалом технологий в отношении жизни граждан, не только расширяющим их возможности, но также коренным образом нарушающим привычный жизненный уклад.

В академическом дискурсе, посвящённом внедрению ИКТ в сфере государственного управления, основное внимание уделяется ряду ключевых тенденций, определяющих приоритеты исследований этических аспектов этого процесса. Ниже перечислим данные тенденции и закономерности.

1. Скорость цифровых преобразований государственного управления опережает развитие аналитического потенциала, необходимого для всестороннего осмыслиения этого процесса как институтами управления, так и академическим сообществом и гражданским обществом.

2. Спешный характер цифровизации процессов управления, как правило, обусловлен необходимостью безотлагательного реагирования на внезапные угрозы общественной безопасности. С начала 21 века такую угрозу представляет международный терроризм, с середины второго десятилетия –

неконтролируемая массовая миграция в Европу, а с 2020 г. – пандемия новой коронавирусной инфекции.

3. Экспериментальный характер цифровизации является неизбежным побочным эффектом её спешного внедрения, причём в качестве объекта эксперимента вынужденно выступает объект управления, т.е. граждане. Ввиду задержки в накоплении необходимых знаний, социополитические последствия внедрения ИТ с трудом поддаются прогнозированию на ранних этапах, когда их ограничить легче всего, и проявляются, уже став неотъемлемой частью экономической и социальной жизни, когда их ограничение сложно и затратно. Примерами таких технологий являются географические информационные системы [7], биометрия [8], расширение возможностей организма [9], геоинженерия [5], генерирование больших цифровых массивов данных о гражданах.

4. Налицо противоречия между, с одной стороны, такими преимуществами прогресса ИКТ как технологическая децентрализация, индивидуальная свобода и диверсификация предложения и, с другой – стандартизацией, продвигаемой иерархическими контролирующими институтами [4, с. 189]. Внедрение ИТ способствует централизации государственных услуг и сосредоточению полномочий в управлеченских монополиях. Технологии несут в себе внушительный потенциал перемен, в то же время иерархические структуры не отличаются достаточной гибкостью для адекватного реагирования на вызовы последнего времени.

5. Зависимость государства от корпоративных интересов при внедрении цифровой инфраструктуры является ещё одним побочным эффектом его укрепления по отношению к гражданам за счёт цифрового контроля [1, с. 489] [4, с. 188]. Для индустрии ИКТ – носителя технологического прогресса электронного государства – осмысление этических и политических последствий внедряемых решений зачастую не является приоритетом.

6. Технологии постепенно становятся необходимым каналом доступа к реализации прав, порождая новые формы институционального контроля (напр.,

пограничный контроль биометрических и биосанитарных данных). 2020 год, ознаменовавшийся борьбой с новой коронавирусной инфекцией, предоставил множество примеров внедрения новых технологических барьеров реализации прав (QR-коды и тесты на отсутствие коронавирусной инфекции как условия реализации права граждан на свободу передвижения).

7. Внедрение ИКТ сопровождается процессами переоценки приоритетных социальных ценностей. Прогресс сферы безопасности с помощью новейших ИКТ вступает в противоречие со сферой гражданских прав и свобод, ценностями автономии и частной жизни. В частности, внедрение технологий безопасности таит в себе проблему недоверия. Так, парадоксальным образом, стремление защитить общество порождает для него новые риски. Развитие сферы безопасности (с 2020 г. распространившейся также на биосанитарные аспекты), основанной на базах биометрических данных, технологиях слежения за передвижением граждан, сопровождается рисками концептуального отхода от принципа презумпции невиновности. Примером может послужить парадокс Европейского союза, где стремление к идеалу европейской интеграции и социальной сплочённости, нашедшее выражение в идее Шенгенской зоны, послужило стимулом для развития системы контроля за передвижением граждан. Аналогичным образом, в контексте применения биосанитарных технологий здоровье индивида переходит из частной сферы в сферу общественной безопасности. Ключевым вызовом для правового государства остаётся риск движения в сторону принципа «презумпции вины» (в контексте эпидемии иллюстрацией данного принципа является презумпция болезни).

8. Повышение прозрачности жизни граждан для контролирующих институтов не всегда в полной мере компенсируется прозрачностью самих механизмов контроля по отношению к гражданам. Угрозы общественной безопасности, требующие срочного обезвреживания, обеспечивают легитимацию ограничительных управленческих практик в глазах общественности.

9. Внедрение технических решений в процесс управления приводит к перебалансировке институционального влияния, порождает проблемы доступности возможностей для реализации прав, а также вовлечённости в политические процессы и исключённости из них тех или иных акторов. Недоступность сложных новейших технологий для восприятия гражданами, не имеющими соответствующей профессиональной подготовки (в случае с новыми видами инфекций – неизученность последних) следствием имеют наращивание влияния узкоспециализированных (технологических, медицинских) элит в политической системе.

Из обозначенных выше тенденций следует, что источником легитимации технических новаций, наиболее существенным образом влияющих на жизнь граждан, выступает общественная безопасность, вследствие чего рядовые граждане зачастую выступают скорее потребителями, чем авторами-субъектами технологических решений. Способы применения ИТ могут обусловливать как углубление разрыва между управляющими субъектами и обществом, так и его преодоление. Ключевое значение имеет проблема контроля за рисками применения технологий, в основе которой – вопрос о том, кто и как контролирует применение технологий и как их применение сказывается на качестве жизни и соблюдении прав граждан. Неравный доступ различных групп граждан к технологиям обрачивается новыми формами неравенства, известными как цифровой разрыв [10].

Немаловажен вопрос распределения ответственности за последствия внедрений инновационных технологических решений. Поскольку от технологической основы управления зависит как расширение возможностей граждан, так и освобождение институтов управления от обязательств перед ними, переосмысление общественного договора в контексте развития ИКТ привело к возникновению концепций «технологического гражданства» и «цифрового гражданства» [4, с. xiv; 11, с. 9], подразумевающих активность в инновационном процессе и гражданскую ответственность.

В целях сохранения устойчивости институциональной системы в качестве решения предлагаются новые управленческие практики, в основе которых – консультации с группами, затронутыми управленческими решениями [12, с. 21]. Уравновесить риски применения ИТ в управлении призваны новые формы гражданского участия, основывающиеся на новых технологических решениях, горизонтальных сетях взаимопомощи, распределённом социальном действии, и представляющих собой формы компенсации недоверия к монополии традиционных институтов управления и крупных корпораций. Социальные сети становятся платформами выражения коллективных интересов, площадками консолидации новых форм прямого коллективного действия и гражданского участия [12, с. 51] [13, с. 195][14, с. 47]. К примеру, такие формы участия позволяют проводить мониторинг и картирование среды обитания, экологических проблем. Как следствие, происходит реконфигурация властеотношений в целях совершенствования госуправления, а также привычных форм политической мобилизации [15, с. 67][16, с. 36]. Новые «внеорганизационные», монопроблемные формы самоорганизации граждан призваны скомпенсировать отставание темпов внедрения элементов прямой электронной демократии от доступных технических возможностей ввиду недостатка политической воли, организационной и финансовой непрозрачности, зависимости от разработчиков и подрядчиков.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что внедрение технологий в систему управления несёт в себе значительный преобразующий потенциал, однако в то же время сопровождается комплексными противоречиями политического и этического характера ввиду неопределенности, недостатка необходимых знаний, непредсказуемости последствий и недостаточной прозрачности их функционирования. Прогресс ИКТ как социально-политический феномен изучен не в полной мере: научные инновации развиваются быстрее, чем институты и граждане успевают к ним приспосабливаться. В итоге внедрение ИКТ в систему управления отличается непредсказуемостью, бесконтрольным характером, не всегда допускающим

участие граждан. Темпы внедрения новых ИТ перед лицом новых рисков, связанных с безопасностью, опережают реакцию гражданского общества, требуют технических компетенций и порождают новые риски для правового государства (защита данных, доступ к технологиям как условие реализации прав). Ключевые противоречия связаны с биосанитарным контролем, контролем за передвижениями граждан и их местом жительства.

Опыт внедрения ИКТ в государственное управление показывает, что прежде чем стать выгодополучателем технологического прогресса, общество в полной мере ощущает на себе эффекты проводимых технологических экспериментов. Приоритет защиты от внезапных угроз общественной безопасности способствует переводу управления в мобилизационный режим. Мобилизационное управление неизбежно сопровождается урезанием гражданских прав и свобод во имя защиты от угроз безопасности, что позволяет высвободить ресурсы на решение мобилизационных задач. Наиболее существенные риски, сопряжённые с установлением стандартизованных «секьюритизированных» режимов управления, возникают для мегаполисов, где присутствует инфраструктура, необходимая для «экономии масштаба» при внедрении мобилизационных технологий управления. При этом нерешёнными остаются проблемы появления новых форм социального неравенства и социальной несправедливости, технологически и биосанитарно обусловленного доступа к рынку труда, медицине, социальным гарантиям; неравной доступности технологий для граждан и их прозрачности; разницы в ресурсообеспеченности различных субъектов публичной политики и способов вовлечения граждан и повышения их субъектности в процессе принятия решений.

Литература

1. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management Is Dead – Long Live Digital-Era Governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2006. Vol. 16. № 3. P. 467-494.

2. Margetts H., Dunleavy P. The second wave of digital-era governance: a quasi-paradigm for government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society. 2013. A 371:20120382. P. 1-17.
<http://dx.doi.org/10.1098/rsta.2012.0382>
3. Evans M., Dunleavy P., McGregor C., Halupka M. Towards digital era governance: lessons from the Australian experience // Massey A. (ed.). A Research Agenda for Public Administration. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 146-161.
4. Delgado A. (ed.). Technoscience and Citizenship: Ethics and Governance in the Digital Society. – Cham: Springer, 2016. – 190 p.
5. Curvelo P., Guimarães Pereira Â. Geoengineering: Reflections on Current Debates // Delgado A. (ed.). Technoscience and Citizenship: Ethics and Governance in the Digital Society. – Cham: Springer, 2016. P. 163-184.
6. Owen R., Macnaghten Ph., Stilgoe J. Responsible research and innovation: From science in society to science for society, with society // Science and Public Policy. 2012. Vol. 39, № 6. P. 751-760.
7. Verrax F. Beyond Professional Ethics: GIS, Codes of Ethics, and Emerging Challenges // Delgado A. (ed.). Technoscience and Citizenship: Ethics and Governance in the Digital Society. – Cham: Springer, 2016. P. 143-162.
8. Rommetveit K. Introducing Biometrics in the European Union: Practice and Imagination // Delgado A. (ed.). Technoscience and Citizenship: Ethics and Governance in the Digital Society. – Cham: Springer, 2016. P. 113-128.
9. Holm S. The Modification of the Human Body: Controversies // Delgado A. (ed.). Technoscience and Citizenship: Ethics and Governance in the Digital Society. – Cham: Springer, 2016. P. 49-62.
10. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S., King B. From the Digital Divide to Digital Citizenship // Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. (eds.). Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. – London: The MIT Press, 2008. P. 95-122.

11. Vromen A. Digital Citizenship and Political Engagement: The Challenge from Online Campaigning and Advocacy Organisations. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 278 p.
12. Jepsen K. S., Delgado A., Bertilsson Th. M. ‘The Public Spectre’: A Critical Concept of Public Engagement with Technology // Delgado A. (ed.). Technoscience and Citizenship: Ethics and Governance in the Digital Society. – Cham: Springer, 2016. P. 17-30.
13. Vromen A. Campaign Entrepreneurs in online collective action: GetUp! in Australia’ // Social Movement Studies. 2015. Vol. 14, № 2. – P. 195-213.
14. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S., McDonald J. The Benefits of Society Online: Civic Engagement // Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. (eds.). Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. – London: The MIT Press, 2008. P. 47-66.
15. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. The Benefits of Society Online: Political Participation. // Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. (eds.). Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. – London: The MIT Press, 2008. P. 67-94.
16. Gil de Zúñiga H., Veenstra A., Vraga E. & Shah Dh. Digital Democracy: Reimagining Pathways to Political Participation // Journal of Information Technology & Politics. 2010. Vol. 7. № 1. P. 36-51.

Секция 1. Человеческий капитал и социальная ответственность бизнеса в цифровой среде

УДК 339.5

Вардомацкая
Людмила
Петровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической и социальной теории, Ростовский
медицинский университет
e-mail: Vardomatskaya@yandex.ru

Кузнецова
Валентина
Петровна

доктор экономических наук, профессор кафедры
отраслевой экономик и финансов, Российский
государственный педагогический университет
им.А.И.Герцена
e-mail: vpr1000@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ БАЗОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки развития современной цифровой экономики, дается определение цифровой экономики, подчеркивается главная особенность экономических отношений цифровой экономики – их виртуальная основа. В рамках исследования проанализированы особенности цифровой экономики, что позволило сделать вывод о ее влиянии на изменение цивилизационных основ современного общества. В настоящем исследовании определено влияние дигитализации на формирование и развитие базовых составляющих цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, экономические отношения цифровой экономики, цель развития цифровой экономики в России, дигитализация, квантовые технологии, блокчейн, большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей.

DIGITAL ECONOMY AND ITS BASIC COMPONENTS

Annotation: The article examines the prerequisites for the development of the modern digital economy, gives a definition of the digital economy, emphasizes the main feature of the economic relations of the digital economy - their virtual basis. As part of the study, the features of the digital economy were analyzed, which made it possible to draw a conclusion about its influence on the change in the civilizational foundations of modern society. This study identifies the impact of digitalization on the formation and development of the basic components of the digital economy.

Keywords: digital economy, economic relations of the digital economy, the goal of developing the digital economy in Russia, digitalization, quantum technologies, blockchain, big data, artificial intelligence, Internet of things.

Современная экономика, уже во многом функционирующая на основе 4,0 Industry, во многих работах экономистов получила название «новой экономики», характеризующейся развитием глобальной электронной сети, цифровых технологических платформ, кардинально меняющих технологическую базу производства и место человека в нем, созданием условий не только для более полной реализации человеческого капитала, но и замены живого труда роботами с искусственным интеллектом. В основе таких преобразований лежат предпосылки в виде поступательного развития, совершенствования и появления новых парадигм вычислений, сопровождающихся сначала созданием мейнфреймов, затем ПК, интернета, социальных сетей, а в нынешнем десятилетии Появлении связанного мира цифровых вычислений, основанного на криптографии блокчейна [1].

– Пятая парадигма позволяет физически связывать различные устройства в целях реализации заданных функций путем подключенного интегрированного физического уровня вычислений, взимая за это плату и порождая таким образом новые экономические отношения – отношения цифровой экономики.

– Цифровая экономика – это хозяйственная система, в процессе функционирования которой возникают экономические отношения производства, распределения, обмена и потребления благ в цифровой, виртуальной форме ,которые охватывают все стороны жизни человека как на индивидуальном, так и глобальном уровне и стирают грани между материальным и цифровым миром. Поэтому можно считать, что главной особенностью экономических отношений цифровой экономики является их виртуальная техноцифровая основа. Они возникают и развиваются, вытесняя экономические отношения, порождаемые материально-вещественными факторами производства. На данном уровне развития экономической системы

цифровая экономика представляется наряду с традиционной экономикой как часть хозяйственной системы, постоянно расширяющая свое внедрение в производство.

Для цифровой экономики характерны следующие особенности:

- цифровая форма производства, понимаемого в широком смысле слова, продукта;
- уменьшение значения материально-вещественных факторов производства и замена их на невещественные, вследствие чего снижается как материалоемкость отдельного продукта, так и общественного производства в целом;
- наблюдается тенденция увеличения роли информационно-цифровой составляющей в производстве готового продукта, в то время как материальная составляющая уменьшается вследствие широкого использования информации, цифровых технологий, программных продуктов, разнообразных цифровых платформ, передачи информации в виде цифрового сигнала и т.п.;
- исчезновение в экономических отношениях фактора пространства, так как сделки между продавцами и покупателями совершаются мгновенно;
- последнее обстоятельство приводит к изменению значения и фактора времени, лежащего в основе стоимостной оценки производства. Ценность его значительно возрастает в экономике вследствие существенной скорости сделок между субъектами экономических отношений. Это приводит к его экономии и, как следствие, росту эффективности, вызывающему ускорение процессов цифровизации;
- изменение системы взаимоотношений в процессе производства, появление межмашинных коммуникаций (М2М), представляющих информационные связи между неодушевленными предметами: оборудованием, вещами, различными устройствами, зачастую не требующих участия человека [2].

Цифровая экономика меняет человека и мир вокруг человека. Он становится прозрачным, так как в нем невозможно скрыть что-либо, сверхбыстрым. В цифровых устройствах операции могут осуществляться за наносекунды, что невозможно для человека. Уже сейчас ведутся работы, открывающие возможность вставить чип в голову, способный изменить личность человека, с которым, возможно, никто не сможет конкурировать, идет самоорганизация сетей, искусственный интеллект надеяется все новыми возможностями и умениями и т.п. Это позволяет сделать вывод, что мы находимся в обстоятельствах, которые можно характеризовать как изменение основ цивилизации, имеющее глобальное, планетарное значение [3].

Цель развития цифровой экономики в России – создание в течение следующих 20 лет отраслей, способных конкурировать с другими странами на мировом рынке. Минимизируя трудоемкость цифрового бизнеса, цифровизация, по мнению экономистов, способна в течение следующего десятилетия принести мировой экономике не менее 30 трл. долл. [4].

Уровень цифровизации страны можно определить на основе анализа развития цифровой инфраструктуры, онлайн расходов, частоты обращения пользователей к услугам цифровой экономики.

В настоящее время Россия, по мнению главы Счетной палаты А.Кудрина, отстает по цифровизации экономики от ведущих стран в 3-4 раза [5]. Преодолеть эту негативную тенденцию, по мнению некоторых экономистов, возможно за счет использования нового научного направления – концепции цифрового управления государством и экономикой на основе применения интеллектуальных знаний, логико-вероятностных (ЛВ) моделей риска систем, специальных Software [6], способных изменить управление экономикой и государством, которое определяется как критическое.

Возникновение новых экономических отношений в процессе трансформации национальных экономик в цифровую форму, актуализирует изучение особенностей и базовых составляющих цифровой экономики в

целях создания адекватной технокомпьютерной платформы российской экономики, которая была бы способна генерировать инновационные продукты на основе цифровых технологий.

Одной из базовых составляющих цифровой экономики является дигитализация (цифровизация или оцифрование). Она означает возможность оцифровывания всех видов информации (аудиовизуальной, текстовой) без потери ее содержания; она охватывает все формы жизнедеятельности человека как на национальном, так и интернациональном уровне, создавая таким образом мировое информационное пространство, используется в общественно-политических, экономических, бизнес-процессах, правовой, финансовой и многих других сферах национального хозяйства, функционируя в рамках Интернета.

Значение дигитализации заключается в том, что она задала мощный импульс для последующего развития цифровой экономики. Например, на основе дигитализации был создан онлайн-банкинг, вводом данных во многих компаниях занимаются роботы, которые также могут и принимать заказы. Многие финансовые, бизнес-технологии, технологии в области безопасности и различных сферах национальных экономик основаны на дигитализации.

Развитие и применение дигитализации осуществляется по следующим направлениям:

1. перевод всех видов информации в цифровую форму;
2. использование цифровой формы информации в бизнес-процессах и различных областях общественной жизни;
3. процесс оцифровывания социально-экономических процессов на уровне глобализации и интернационализации информационных связей, что выражается в формировании всемирного информационного общества;
4. создание собственных информационных систем в целях сохранения особенностей и защиты их интересов [7].

Дигитализация значительно расширила возможности цифровой экономики. Без нее невозможно было бы появление и развитие технологий, определяемые как базовые составляющие цифровой экономики:

- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- блокчейн (система распределенного реестра);
- интернет вещей;
- квантовые технологии;
- большие данные.

По мере реализации и развития базовых составляющих цифровой экономики удельный вес экономических отношений традиционной хозяйственной системы будет сокращаться, уступая место цифровой экономике.

Литература

1. Мелани Свон. Схема новой экономики// М. Свон- « Олимп – Бизнес». 2015. 230 с.
2. Зубарев А.Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики.// Вестник ТОГУ. 2017. №11(47). С.177-184
3. Черниговская Т. Наступает цивилизация праздности, к которой мы не готовы.[Электронный ресурс].- Режим доступа: grodno24.com/2020/09/tatyana-chernigovskaya-3.html
4. Журавлева Н.А. Цифровая экономика как основа высоких скоростей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: elibrary.ru/download/elibrary_32237316-67088754.pdf
- 5.Эксперты назвали цену «цифровой революции» в России - 185 трл. руб. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: news/ru/com/Russia 30 jun 2017/plankudrina/html
6. Соложенцев Е.Д. Цифровое управление государством и экономикой //Управление и планирование в экономике. Выпуск 1(17) 2018. С.136-153

7. Петров А.А. Цифровая экономика : Вызов России на глобальных рынках//Торговая политика. Trade polisy. 2017. №3/11/ c. 57

УДК 351.354

Ecenur ALPER

Graduate student in Social Sciences University of Ankara,
Applied Social Research Program, Turkey
E-mail Address: ecenur.alper@student.asbu.edu.tr

Sutay YAVUZ

Faculty member in Social Sciences University of Ankara
(ASBU), Department of Sociology. Executive Board
Member of ASBU Global Migration Application and
Research Center, Turkey
E-mail Address: sutay.yavuz@asbu.edu.tr

CHANGING WORKING PATTERNS THROUGH DIGITALIZATION

Abstract Recent developments in technology, digitalization, neoliberalism, Industry 4.0 and sociodemographic changes have brought new regulations into work life. Studies have put emphasis on the changing work and employment patterns with required occupational skills and competencies that have emerged through these developments and transformations. Impacts of such transformations can result in some unfavorable outcomes and challenges in the work life. In this article, significant transitions that are effective on the changing nature of work are covered on the basis of recently published reports of international organizations and current academic literature. Also, the importance of educational regulations, trainings, human capital development, and lifelong learning is highlighted since they have drawn attention in a digitalizing work and employment context.

Keywords: digitalization, digital transformation, work and employment, education, training, human capital, lifelong learning.

1.Introduction

Technological developments, globalization, increasing digitalization with Industry 4.0, neoliberal ideology and demographic changes have a great impact on the nature of work as well as other aspects of social life (International Labour Organization, 2020a, p. 52; Bal & Dóci, 2018; Ammons, 2013; Ong, 2007). Industry 4.0 has brought forth improved digital technologies such as artificial intelligence,

cloud technology, interconnectedness of individuals with objects and systems, network communication, computerization and automation (Zhou, Liu & Zhou, 2015, p. 2149; Hecklau, Galeitzke, Flachs & Kohl, 2016, p. 2). Neoliberal ideology, on the other hand, has implied functional suggestions into the work in order to enhance the work-based performance in a competitive environment (Bal & Dóci, 2018). Furthermore, flexible working arrangements like part-time working, remote work and flexible work have been introduced to the nature of work during neoliberal era (Crowley & Hodson, 2014). In addition, demographic changes in countries such as aging population, changing labor force participation rates and increasing educational attainment have also been influential on the work and employment structures. These alterations have brought new opportunities together with new requirements and challenges in work life. Recent studies have put emphasis on the changing work and employment patterns with required occupational skills and competencies that have emerged through digitalization and other changes that are mentioned above.

The purpose of this article is to cover the fundamental transitions that are effective on the changing nature of work such as neoliberalism, technological improvements and transformations, digitalization, Industry 4.0, and demographic factors in societies. By considering recently published reports of international organizations such as International Labor Organization (ILO), World Economic Forum (WEF) and Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) together with the current academic literature, the impacts of such transformations in work and employment will be elaborated in a comprehensive way. In order to avoid the unfavorable outcomes of these changes, it is essential for companies and governments not only to be aware of and understand the impacts but also to take actions regarding them (Foerster-Metz, Marquardt, Golowko, Kompalla, & Hell, 2018, p. 1). Other than current employees, companies and governments, the individuals who just start working or who will start working eventually should also be following new trends, developments and changes in the work life for the same reasons stated before.

First of all, the concepts of neoliberalism, digitalization and Industry 4.0 will be defined in this article. Then, their effects on the work life will be emphasized with reference to the recent research and studies. In the last part, the challenges that have arisen through the alterations will be discussed; and, some suggestions will be included.

2.Historical Perspective and Definitions of Concepts

2.1. Neoliberalism

In the beginning of 20th century, mass production through the development of moving assembly line had become one of the most significant transformation within the industry and the work structure (İnan, 2012, p. 208). The continuous flow of assembly line had made mass production faster and easier in comparison with before. The employment was full-time, and the workforce was open to alienation and exploitation. Such concerns resulted in a high level of turnover and a claim for more flexible working patterns. For that matter, post-Fordist or neoliberal attempts that opened a path for flexible working arrangements had gained attraction in the following decades (Vallas, 1999, p. 68). Namely, neoliberal employment models offered part-time working and temporarily working as an alternative to permanent and full-time working for the first time (Bal & Dóci, 2018, p. 93). As it can be understood, during neoliberal era, new employment arrangements had been made under the title of “flexibility”. Yet, the purpose was not totally different than today’s. It was to increase the productivity and the profit. However, the “flexibility” that had been introduced through neoliberal ideology has been reshaped and evolved with the impacts of technological developments, which will be explained in the following sections.

2.2. Digitalization

The term “digitalization” can be defined as the adoption, integration and utilization of digital information and communication technologies in several areas of social life (Cijan, Jenič, Lamovšek, & Stemberger, 2019, p. 4; Piirainen, 2017, p. 8).

It can be said that the digitalization has started with the advent of the Internet and has been continuing since then as a process.

Over the years, as the availability of the Internet has become widespread and personal computers have been introduced, impacts of digitalization have been also felt in the work life. It has brought various challenges together with great opportunities. On the one hand, it could increase the productivity and create new jobs; on the other hand, it could bring unemployment due to automation and unequal conditions for the workforce (Cijan et al., 2019, p. 4). In the work context, digitalization is the process of transforming the business resources with the help of opportunities that were brought by digital technologies in order to gather operational results in terms of revenue, growth and value (Accenture, 2017, p. 5). That is to say, companies develop new business models through the combination of their information, workforce and technology resources with the help of digital work environment.

As mentioned earlier, digitalization has become an essential element of modern economy recently (Foerster-Metz et al., 2018, p.3). In fact, statistics show that only 15% of the global economy was based on digital technologies in 2005, whereas it was 22% in 2015. In the end of this year, 2020, it is expected that the digital economy would constitute the quarter of the whole global economy (Accenture, 2017, p. 7). The main reasons that companies desire to adopt digitalization are increasing competitiveness and productivity (Ustaömer, 2019, p. 22). It is aimed at using the resources in a more efficient way through the implementation of digital technologies. For this purpose, the companies that desire to be a pioneer in the competitive industry put digitalization and digital transformation in the center of their business objectives and they regulate their managerial and organizational structures in parallel with the digitalization. That is, digital transformation process has to be supported by appropriate management patterns. Instead of traditional and hierarchical management structure, companies need to keep up with the changing trends and embrace a flexible form of managing. It can be named as digital leadership (Foerster-Metz et al., 2018, p. 6). However, not

every sector and state has made progress in digitalization equally. For instance, one research that was conducted in Turkey by Accenture suggested that Turkey needs a further progress in digitalization process (2017, p. 11). From the sector-based perspective, financial services sector and retail trade businesses are two leading sectors that have been adopting digitalization in a successful and an easier way than the others (Accenture, 2017, p. 12). Some obstacles that hinder the digitalization of other sectors or states can be listed as; high investment cost, uncertainty of return on investment, qualified employee shortage, lack of collaboration between industry and academy (universities and other educational institutions), insufficiency of technological infrastructure, lack of local suppliers, lack of knowledge about digital technologies, and absence of an updated educational curricula that is suitable for digitalization (Turkish Presidency of Strategy and Budget, 2019, p. 20-21). To be able to overcome such challenges, a number of suggestions and strategies have been developed by researchers, which will be addressed in the Section 3.

Another feature of digitalization in the work context is that it creates a digital workspace that is independent from the particular workplace but dependent on the mobile devices and digital tools, which can be also referred as remote work (Yankın, 2019, p. 13).

2.3. *Remote Work*

Remote work is one of the arrangements that is enabled by technological developments, increasing automation and by the provisions of neoliberalism. Remote work is defined as performing the work fully or partly in contexts different than the usual workplace (International Labour Organization, 2020b, p. 5). It gives flexibility to employees in terms of place and time to work through technological advancements and the contributions of digital transformation (Xie, Ma, Zhou, & Tang, 2018, p. 96; Köffer, 2016, p. 9). Actually, independency on work in terms of time and space had started in 1980s by means of teleworking innovations. Since then, working remotely has become even more possible thanks to the further

inventions such as smartphones, laptops and tablets (Foerster-Metz et al., 2018, p. 10).

Remote work has been practiced in various sectors such as information and communication technologies sector, online marketing sector; and in several countries such as Latvia, the United States and Portugal for years (Cekuls, Malmane, & Bluzmanis, 2017; Baudot & Kelly, 2020). However, it was not a widespread and well-known way of working until very recently for some industries and countries like Turkey (Karaca & Esen, 2019, p. 91). Yet, Covid-19 pandemic period necessitated several sectors and companies to reorganize their working and operational structures and they have transformed their way of working into remote working (“Business as unusual”, 2020). As Felstead and Henseke (2017) stated, remote working might become more manageable, effective and productive with the technological improvements. For that matter, it has been estimated that this kind of working pattern can be widespread and permanent for some sectors that are suitable to work remotely in the following years (Alon, Doepke, Olmstead-Rumsey, & Tertilt, 2020). In this context, being aware of and prepared for the possible drawbacks of remote work on personal, social and economic aspects is crucial for both employers and employees in certain respects (Monteiro, Straume, & Valente, 2019).

Even though remote work is not a brand new way of employment by its principle of flexibility, it has other characteristics that makes it one of the leading indicators in the transformation process to digitalization and Industry 4.0 era in the medium or long term. For instance, in such a context with full of information and communication technologies, digital skills and competencies have become one of the most particular requirements (Piirainen, 2017, p. 17).

2.4. Industry 4.0

The most radical change in the history of work had occurred through the first industrial revolution (Yankın, 2019, p.3). With the usage of steam engines in industry, a new production period had started in 18th century, which was a great

milestone for the future developments. Around two centuries later, extreme changes have been experienced in various economic and social spheres through the emergence of computer technologies and the widespread use of the Internet. Innovations such as high speed mobile internet, big data analysis, cloud technology, artificial intelligence, Internet of things (IoT), augmented reality, and virtual reality have emerged with technological developments. Eventually, computers and automation have been put at the center of production processes in the industry. This new era in production is called Industry 4.0, the fourth industrial revolution (Ustaömer, 2019, p. 4). It can be defined as the digitalization of the production processes. Yet, it is differentiated from the third industrial revolution in terms of pace, extent and systemic impacts (Schwab, 2016, p.11).

The fourth industrial revolution has started in 21st century, and the world is only in the beginning of the revolution (Schwab, 2016, p. 16). Nevertheless, some countries have established new platforms for embracing the opportunities of Industry 4.0 for their benefit (Turkish Presidency of Strategy and Budget, 2019, p. 13). The purpose of these platforms is to develop projects that are related to the subjects such as increasing digital transformation awareness in the industry, strengthening the educational infrastructure, strengthening the technological infrastructure, and supporting digital technology producers and users (Turkish Presidency of Strategy and Budget, 2019, p. 19).

Country	Name of the Platform
The Netherlands	Smart Industry
The United Kingdom	Catapult (High Value Manufacturing)
Spain	Industria Connectad
Italy	La Fabbrica Del Futuro
France	Industrie Du Futur
Japan	Society 5.0
Turkey	Digital Transformation in Industry

Table 1. Industry 4.0 Platforms Established by Countries

Source: Turkish Presidency of Strategy and Budget, 2019, p. 13.

Although there have been only a few implications of Industry 4.0 nowadays, it is obvious that the fourth industrial revolution has created a complex and interconnected workspace. Today, production processes have been carried out with quite different techniques when compared to past. In parallel with this change, employment patterns and current occupation models have been reshaped. Moreover, new occupations have emerged under the impact of increasing automation, artificial intelligence and digitalization. For this reason, such alteration has the potentiality of transforming the work life in terms of flexibility, required skills and competencies, and so on (Öcal & Altıntaş, 2018, p. 3). In other words, the workforce is required to have new skills, competencies and qualifications different than previous periods.

3. Managing Digital Transformation

In previous sections of the article, some technological transitions that have affected the nature of work and their possible drawbacks on work have been mentioned. In this section, some recommendations and strategies have been gathered together with reference to academic studies and research.

3.1. Adaptation to Remote Work

Studies reveal that there are some differences among employees in terms of adaptation to remote work depending on a number of factors; demographic characteristics (such as age, gender, educational level, marital status, number of children), social characteristics (such as work-life balance, household composition, social capital) and work-related characteristics (such as working hours, work experiences, work motivation, work commitment, position level at work). In addition, since working remotely is not possible without improved digital devices, digital literacy or ability to utilize digital tools is crucial in remote work.

It has been stated in several research that demographic factors are strongly effective on the perspectives of remote workers in respect to remote working. Females, single parents and employees with minor children are found to be the groups that enjoy remote work in balancing the work and life (Baudot & Kelly, 2020). Age or cohort is another significant factor in adaptation to digitalization and remote work. Studies point out that older generations face more difficulties in

implementing digital technologies to their work lives whereas it is much easier for the younger generation. Therefore, the countries with younger population can utilize the youth as an opportunity for successful transformations in work environment (Turkish Presidency of Strategy and Budget, 2019, p. 25).

Job-related factors are also determined as effective factors on remote work practices in conducted studies. Feeling of autonomy on work, work commitment, motivation, relations between co-workers as well as between employees and managers affect the way employees approach to remote work (Cekuls, et al., 2017, p. 96). In addition, one study highlighted that the years of working is also influential on adaptation to and enjoying remote working. It was specified that remote workers who have started working recently do not feel as comfortable as those who have been working for a longer period while working remotely (Baudot & Kelly, 2020, p.20). The reason is explained as newly working employees expect to enlarge their network and receive feedbacks through frequent communication together with mentoring (*ibid*). Therefore, they would prefer to work in the default workplace rather than working remotely. Lastly, the way remote workers are supervised is another significant aspect that affects the level of adaptation to remote work (Sull, Sull, & Bersin, 2020; Hickman, 2019).

In short, it can be said that providing sufficient opportunities for employees, especially those who are in a need for skill and competency development, can be a beneficial contribution for both sides of employees and managers. By this way, inequalities deriving from certain factors could be overcome, too.

3.2. Educational Contributions and Trainings

Digitalization has been shaping the nature of work faster than ever before. One research conducted by OECD has predicted that 14% of current occupations will be automated fully or partially while 32% of other occupations will suffer from serious transformation in the following two decades (2019, p. 3). Therefore, companies have to be aware of and adjust to such changes (Kelchevskaya & Shirinkina 2020, p. 500). Required skills of the workforce in certain sectors

experiencing digital transformation have also been reshaped along the same line (Shirinkina, Zavedeev, & Strih, 2019, p. 27). World Economic Forum has listed 35 required skills and abilities that have gained importance in the digitalizing work environment (World Economic Forum, 2016a, p. 21).

Abilities	Basic Skills	Cross-functional Skills
Cognitive Abilities <ul style="list-style-type: none"> » Cognitive Flexibility » Creativity » Logical Reasoning » Problem Sensitivity » Mathematical Reasoning » Visualization 	Content Skills <ul style="list-style-type: none"> » Active Learning » Oral Expression » Reading Comprehension » Written Expression » ICT Literacy 	Social Skills <ul style="list-style-type: none"> » Coordinating with Others » Emotional Intelligence » Negotiation » Persuasion » Service Orientation » Training and Teaching Others
Physical Abilities <ul style="list-style-type: none"> » Physical Strength » Manual Dexterity and Precision 	Process Skills <ul style="list-style-type: none"> » Active Listening » Critical Thinking » Monitoring Self and Others 	Systems Skills <ul style="list-style-type: none"> » Judgement and Decision-making » Systems Analysis

Complex Problem Solving Skills <ul style="list-style-type: none"> » Complex Problem Solving 	Resource Management Skills <ul style="list-style-type: none"> » Management of Financial Resources » Management of Material Resources » People Management » Time Management 	Technical Skills <ul style="list-style-type: none"> » Equipment Maintenance and Repair » Equipment Operation and Control » Programming » Quality Control » Technology and User Experience Design » Troubleshooting
---	---	---

Figure 1. Work-related Skills

Source: World Economic Forum- Future of Jobs Report, 2016a, p. 21

Studies estimate that 42 % of required occupational skills in digitalized sectors will undergo a change by 2022 (WEF, 2018, p. 4). For example, 35% of the relevant skills of the workforce in Information and Communication Technologies sector will not stay stable as a consequence of automation and digitalization. The percentage increases to 43 % in Financial Services and Investors sector, which means almost half of the required skills will transform into different skills (WEF, 2016b, p. 5). Rapid changes necessitate immediate, supportive and effective actions in decision making, goal setting, and organization in the management part of companies (Salgues, 2018, p. 91). Also, being aware of the current or potential skill gaps can minimize the risks and barriers during the process while maximizing the

benefits and opportunities of digitalization (Arntz, Gregory, & Zierahn, 2020, p. 21; OECD, 2019a, p. 4).

It was stated that sectors and states do not have the same level of progress in digitalization due to some obstacles. For those sectors and states that desire to adopt digitalization, the researchers made some suggestions such as giving priority to the strategic actions to support the digitalization process, creating a road map to follow during the process, constitution of a research and development department, working in coordination with research institutions, working with start-up companies collaboratively, constitution of a digital services and operations department, and obtaining professional counseling (Accenture, 2017, p. 19). Additionally, developing a cooperation mechanism between public, universities and industry, sustaining the infrastructural sufficiency, and making regulations at legal and administrative levels are also found to be useful attempts for a successful digital transformation (TÜBİSAD Informatics Industry Association, 2017, p. 17). Furthermore, researchers put emphasis on the significance of establishing an effective communication and motivating the workforce from the side of managers during the process to decrease the negative impacts of change (TÜBİSAD Informatics Industry Association, 2017, p. 24).

In addition to these, great importance has been attached to the education and trainings. Policymakers and managers have included education and trainings to their agenda since it has a key role in overcoming the skill gaps (Manyika, Chui, & Miremadi, 2017). OECD has been conducting some surveys regularly in order to measure the skills of adults and students. The importance of such surveys is the fact that they present the balance between demand and supply sides of skills, and the way skills are utilized in workplaces (OECD, 2016, p. 39). Survey of Adult Skills (PIAAC) has been a remarkable survey for participating countries about both their national circumstances and the global conditions. PIAAC aims at measuring skills at three main subjects; literacy, numeracy and problem solving in technology-rich environments (OECD, 2016). Population of the survey includes the individuals between the age of 15 and 65 years in participating countries and the sample is

selected from this population. The comprehensive data that the survey offers regarding skills make a great contribution for countries in terms of developing or regulating their policies about education and employment domains (OECD, 2016, p. 36). To be more precise, PIAAC results show the circumstances in the supply side of labor force while the countries have the demand side of it. To achieve the supply-demand balance properly, educational contributions and trainings have become an essential key in digitalization process (CEEMET European Tech & Industry Employers, 2018, p.3). At this stage, results obtained from PIAAC can contribute to achieving that balance between the relevant skills of the occupation and skills of the employees (OECD, 2016, p. 38). Other than PIAAC, Programme for International Student Assessment (PISA) is another survey that has been conducted by OECD regularly. The target population of PISA involves the students at the age of 15 years (OECD, 2016, p. 93). The survey investigates the level of assessment in three subjects; reading, mathematics and science. Based on the findings, it offers regulations for a better policymaking to the participating countries.

Studies indicate that educational improvements should be made in consideration of the digital transformation; therefore, curricula in schools should be flexible and responsive depending on the changing conditions. In that sense, implementation of digital skills education to the curricula would be a good attempt (CEEMET European Tech & Industry Employers, 2018, p.3). Moreover, recent PISA results show that 95 % of students living in OECD countries have adequate access to the Internet (OECD, 2019b, p. 13). In Turkey, the percentage of individuals between the ages of 16 and 74 years who have access to the Internet from their houses is 90,7 % in 2020, which was 88,3 % in 2019 (Turkish Statistical Institute, 2020). In this context, utilizing digital learning platforms can be a beneficial way in new educational curricula. (Foerster-Metz et al., 2018, p. 8). Consequently, bridging the gaps between relevant skills and the current skills of employees can be managed through appropriate educational regulations and further trainings (Çiçek, Akyüz and Çelik, 2019, p.270).

3.3. Human Capital Development

The knowledge, skills, competencies and other capabilities of individuals that are related to economic activities are described as human capital (OECD, 1998, p. 9 as cited in OECD, 2016, p. 102). Human capital theory supports the idea the fact that educational expenses should be regarded as an economic investment on individuals that will bring productivity rather than a cost to economies. (Bach, Shaffer, & Wolfson, 2013, p. 248).

One research estimates that around 54 % of all the workforce will be in the requirement of reskilling or upskilling by 2022, which would have influential on human capital development (WEF, 2018, p. 13). Under the light of such projections and results, human capital development has gained attention among policymakers and managers (Kuznetsova, Goloshchapova, Ivashina, Shichiyakh, Petrova, & Tkachev, 2019, p. 1411). In order to provide the improvement in human capital, lifelong learning has become the main objective in the new nature of work. More value has been given to skills, competencies and analytical knowledge (Igun, 2006, p. 2). Today, human capital development has a strategic place in digitalizing economies (Kuznetsova, Surikov, Votchel, Aleynikova, Voronkova, & Shichiyakh, 2019, p. 1024; Kelchevskaya, Shirinkina, & Strih, 2019, p. 446). Increasing the investments on human capabilities and lifelong learning is also suggested by International Labor Organization for a better future in the nature of work (ILO, 2019, p. 24). Thus, it is very important for companies to be aware of the ways to develop human capital of their workforce for a successful digitalization process (Kelchevskaya & Shirinkina 2020, p. 499). To illustrate, having trainings such as digital literacy education, and basic or advanced computer skills training can make remarkable contributions in terms of human capital development in a digitalizing context. Besides, collaborative action should be adopted among educational institutions and workplaces for the provision of lifelong learning (Igun, 2006, p. 2).

It is pointed out that individuals between the age of 55 and 65 years, individuals with less than a secondary education degree, and individuals with low

qualifications are those who suffer from insufficient computer experience and basic ICT (information and communication technologies) skills at higher levels (Shirinkina et al., 2019, p. 27). Moreover, 6 out of every 10 adults do not have adequate basic skills in using digital devices (OECD, 2019a, p. 9). It brings unequal circumstances in terms of both access to and the use of digital technologies, which is called “digital divide” (Özsoy, 2020). In Turkey, digital divide derives from certain factors such as educational level favoring those with higher education, income favoring those with higher income, gender favoring males, urban-rural distinction favoring individuals settled in urban areas, and age favoring the younger population (Özsoy, 2020; Polat, 2012). Especially aging and digitalization topic has been discussed in Turkey recently due to certain changes in population pyramid of Turkey. The pyramid shows that Turkey is becoming a country with aging population which necessitates further regulations including adaptation to a digitalizing world and prevention of digital divide (Karataş Özaydın, Fiğan, Fırat, Önen, & Öztürk, 2020, p. 109).

Based on the current interpretations, it can be said that educational programs including digital literacy trainings, improving innovative skills and so on should comprehend the elderly population, too. For this reason, adult training through lifelong learning is as crucial as regulations in educational curricula. This means, collaboration with educational institutions for lifelong learning at work can be beneficial in reducing inequalities that derive from demographic factors like educational level, age and gender (CEEMET European Tech & Industry Employers, 2018, p.3; Arntz et al., 2020, p. 21). By this way, digital development of human capital could be increased for all individuals, which eventually will be advantageous for both companies and countries (Kelchevskaya & Shirinkina 2020, p. 499).

4. Conclusion

Certain developments in technology such as digitalization and Industry 4.0 have notably influenced the working life with respect to ways of working, organizational structure, and required skill and competency sets. It would seem that discussions and concerns regarding the impacts of digitalization process on the

nature of work will increase as the technological developments become widespread. Therefore, several companies and states have already started developing strategies to prevent the potential outcomes that might be unfavorable. In this article, a number of strategies have been mentioned based on those possible negative consequences. Basically, awareness of the transformation, effective communication, responsive regulations in policies regarding education, cooperation between relevant institutions, encouraging the workforce for trainings and lifelong learning, initiatives for human capital development, and increasing digital literacy of the whole population are some of the strategies to develop for a successful digital transformation in industries.

Schwab (2016) states that the key to progress is the degree of society's embracing the innovation. (p. 17). As it has been discussed in this article, the key point is trainings and educational programs that involve digital literacy education and development of innovative skills. Including these kinds of trainings and programs into the formal education curricula can serve the purpose of managing changing work patterns for the youth. On the other hand, lifelong learning can be adopted for the benefit of adults and elderly. Besides, various meetings, trainings and educational programs have been conducted remotely via digital platforms during the Covid-19 pandemic period. Consequently, individuals have accustomed to use digital devices like laptops and tablets more frequently than before. This can be regarded as an opportunity to make online trainings and programs widespread. Thereby, it is possible to predict that digitalization process in the nature of work which has been elaborated in this article can accelerate by virtue of Covid-19 period. All in all, individuals, companies and states should take actions by considering this key point in order to turn one opportunity to a great advantage.

References

1. Accenture. (2017). Accenture Türkiye Dijitalleşme Endeksi 2016. Digitalization Index of Turkey in 2016.

2. Alon, T. M., Doepke, M., Olmstead-Rumsey, J., & Tertilt, M. (2020). The impact of COVID -19 on gender equality (No. w26947). *National Bureau of Economic Research*.
3. Ammons, S. K. (2013). Work-family boundary strategies: Stability and alignment between preferred and enacted boundaries. *Journal of Vocational Behavior*, 82(1), 49-58.
4. Arntz, M., Gregory, T., & Zierahn, U. T. (2020). Digitization and the Future of Work: Macroeconomic Consequences. *Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics*.
5. Bach, A., Shaffer, G., & Wolfson, T. (2013). Digital human capital: Developing a framework for understanding the economic impact of digital exclusion in low-income communities. *Journal of Information Policy*, 3, 247-266.
6. Bal, P. M., & Dóci, E. (2018). Neoliberal ideology in work and organizational psychology. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 27(5), 536-548.
7. Baudot, L., & Kelly, K. (2020). A Survey of Perceptions of Remote Work and Work Productivity in the United States during the COVID-19 Shutdown. Available at SSRN 3646406.
8. CEEMET European Tech & Industry Employers. (2018). Digitalization and The World of Skills and Education.
9. Cekuls, A., Malmane, E., & Bluzmanis, J. (2017). The Impact of Remote Work Intensity on Perceived Work-Related Outcomes in ICT Sector in Latvia. *New Challenges of Economic and Business Development–2017. Digital Economy*, 96- 107.
10. Cijan, A., Jenič, L., Lamovšek, A., & Stemberger, L. (2019). How digitalization changes the workplace. *Dynamic Relationships Management Journal*, 8(1), 3-12.
11. Crowley, M., & Hodson, R. (2014). Neoliberalism at work. *Social Currents*, 1(1), 91-108.

12. Çiçek, K., Akyüz, E., & Çelik, M. (2019). Future Skills Requirements Analysis in Maritime Industry. *Procedia Computer Science*, 158, 270-274.
13. Felstead, A., & Henseke, G. (2017). Assessing the growth of remote working and its consequences for effort, well-being and work-life balance. *New Technology, Work and Employment*, 32(3), 195-212.
14. Foerster-Metz, U. S., Marquardt, K., Golowko, N., Kompalla, A., & Hell, C. (2018). Digital Transformation and its Implications on Organizational Behavior. *Journal of EU Research in Business*, 2018.
15. Hecklau, F., Galeitzke, M., Flachs, S., & Kohl, H. (2016). Holistic approach for human resource management in Industry 4.0. *Procedia Cirp*, 54(1), 1-6.
16. Hickman, A. (2019). Workplace Isolation Occurring in Remote Workers. Minneapolis: Walden University.
17. Igun, S. E. (2006). Human capital for Nigerian libraries in the 21st century. *Library philosophy and practice*, 8(2).
18. International Labour Organization [ILO]. (2020a). World Employment and Social Outlook: Trends 2020.
19. International Labour Organization [ILO]. (2020b). COVID-19: Guidance for labour statistics data collection. Defining and measuring remote work, telework, work at home and home-based work.
20. International Labor Organization [ILO]. (2019). Daha Aydınlık Bir Gelecek İçin Çalışmak- Working for a Better Future.
21. İnan, K. (2012). Teknolojik iş (lev) sizlik: kitle üretiminden yaratıcı tasarıma. İletişim Yayıncıları.
22. Karaca, A. G. S., & Esen, E. (2019). İş Yeri İnovasyonunun Bir Örneği Olarak Uzaktan Çalışmanın İş-Yaşam Dengesine Etkisi: Çalışan Anneler Üzerine Bir Araştırma.
23. Karataş Özaydın, Ş., Fiğan, M., Fırat, D., Önen, N., & Öztürk, E. (2020). Türkiye'de Yaşlılık ve Dijitalleşme Çalışmaları Üstüne bir Alanyazın İncelemesi. *Dijital Kültür, Dijital Eşitsizlikler ve Yaşlanma*, 87- 113.

24. Kelchevskaya, N. R., & Shirinkina, E. V. (2020). Institutional Model of Drivers of Digital Development of Human Capital in the Strategic Perspective. In 2nd International Scientific and Practical Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth” (MTDE 2020), 499- 503.
25. Kelchevskaya, N. R., Shirinkina, E. V., & Strih, N. I. (2019). Evaluation of Digital Development of Human Capital of Enterprises. In 2nd International Conference on Education Science and Social Development (ESSD 2019). Atlantis Press.
26. Köffer, S. (2016). The Digitalization of the Knowledge Workplace: Implications to Manage Work in the Future (Doctoral dissertation, Westfälische Wilhelms-Universität).
27. Kuznetsova, I. G., Goloshchapova, L. V., Ivashina, N. S., Shichiyakh, R. A., Petrova, L. I., & Tkachev, B. P. (2019). The paradigm of human capital development capable of adapting innovations in the transition to a digital economy. *International Journal of Civil Engineering and Technology*, 10(2), 1408-1417.
28. Kuznetsova, I. G., Surikov, Y. N., Votchel, L. M., Aleynikova, M. Y., Voronkova, O. Y., & Shichiyakh, R. A. (2019). The methodological aspect of human capital formation in the digital economy. *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*, 10(2), 1020-1030.
29. Manyika, J., Chui, M., & Miremadi, M. (2017). A future that works: AI, automation, employment, and productivity. *McKinsey Global Institute Research, Tech. Rep*, 60.
30. Monteiro, N. P., Straume, O. R., & Valente, M. (2019). Does remote work improve or impair firm labour productivity? Longitudinal evidence from Portugal.
31. Organization for Economic Cooperation and Development [OECD]. (2019a). The Future of Work OECD Employment Outlook 2019 Highlights.

32. Organization for Economic Cooperation and Development [OECD]. (2019b). PISA 2018: Insights and Interpretations.
33. Organization for Economic Cooperation and Development [OECD]. (2016). The Survey of Adult Skills. Reader's Companion, Second Edition.
34. Ong, A. (2007). Neoliberalism as a mobile technology. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 32(1), 3-8.
35. Öcal, F. M., & Altıntaş, K. (2018). Dördüncü sanayi devriminin emek piyasaları üzerindeki olası etkilerinin incelenmesi ve çözüm önerileri. *OPUS Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi*, 8(15), 2066- 2092.
36. Özsoy, D. (2020). Dijital Bölünme Düzeylerine Dair Literatür Analizi. *Dijital Kültür, Dijital Eşitsizlikler ve Yaşlanma*, 11-23.
37. Piirainen, L. (2017). Digitalization of the financial sector and change management: Case company: Bank X's digitalization and change management.
38. Polat, R. K. (2012). Digital exclusion in Turkey: A policy perspective. *Government Information Quarterly* 29(4), 589-596.
39. Salgues, B. (2018). Society 5.0: Industry of the Future, Technologies, Methods and Tools. JohnWiley & Sons.
40. Schwab, K. (2016). Dördüncü sanayi devrimi. Optimist Yayın Grubu.
41. Shirinkina, E. V., Zavedeev, E. V., & Strih, N. I. (2019, December). Assessing the digital development of human capital. In International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). Atlantis Press.
42. Sull, D., Sull, C., & Bersin, J. (2020). Five Ways Leaders Can Support Remote Work. *MIT Sloan Management Review*, 61(4), 1-10.
43. TÜBİSAD Bilişim ve Sanayiciler Derneği [Informatics Industry Association]. (2017). Türkiye'nin Dijital Atılım Stratejisi- The Digital Development Strategy of Turkey.
44. Türkiye İstatistik Kurumu [Turkish Statistical Institute]. (2020, August 25). "Hanehalkı Bilişim Teknolojileri Kullanım Araştırması"- "Research on The Use of Information Technologies in Households". Retrieved on October 2, 2020 from <https://www.tuik.gov.tr/en/PreHaberBultenleri.do/?id=33679>.

45. Türkiye Strateji ve Bütçe Başkanlığı [Turkish Presidency of Strategy and Budget]. (2019). 11. Kalkınma Planı 2019-2023- The 11th Development Plan 2019- 2023.
46. United Nations [UN] News. (2020, May 27). 'Business as unusual': How COVID-19 could change the future of work. Retrieved on May 30, 2020 from <https://news.un.org/en/story/2020/05/1064802>.
47. Ustaömer, K. (2019). Türkiye'nin Bankacılık Sektöründe Dijitalleşme Olgusu. *Ekonomi İşletme ve Yönetim Dergisi*, 3(1), 1-24. 37.
48. Vallas, S. P. (1999). Rethinking post-Fordism: The meaning of workplace flexibility. *Sociological theory*, 17(1), 68-101.
49. World Economic Forum [WEF]. (2018). The future of jobs report 2018. Geneva: World Economic Forum.
50. World Economic Forum [WEF]. (2016a). The future of jobs: Employment, skills and workforce strategy for the fourth industrial revolution. In Global challenge insight report. Geneva: World Economic Forum.
51. World Economic Forum [WEF]. (2016b). The Future of Jobs: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution Executive Summary
52. Xie, J., Ma, H., Zhou, Z. E., & Tang, H. (2018). Work-related use of information and communication technologies after hours (W_ICTs) and emotional exhaustion: A mediated moderation model. *Computers in Human Behavior*, 79, 94-104.
53. Yankın, F. B. (2019). Dijital Dönüşüm Sürecinde Çalışma Yaşamı. *Trakya Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 7(2), 1-38.
54. Zhou, K., Liu, T., & Zhou, L. (2015). Industry 4.0: Towards future industrial opportunities and challenges. In 2015 12th International conference on fuzzy systems and knowledge discovery, 2147-2152

УДК 004. 338

Васильева
Елена
Викторовна

доктор экономических наук, профессор департамента
бизнес-информатики, Финансовый университет при
Правительстве РФ.
e-mail: evvasileva@fa.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ДИЗАЙН-МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГИБКИХ НАВЫКОВ РАБОТНИКОВ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО

Аннотация: В статье подчеркивается важность развития мягких навыков для специалистов организаций цифровой экономики. В качестве основной методики развития мягких навыков выделен подход дизайн-мышления. Приведены особенности инструментов и техник дизайн-мышления. Дан перечень популярных цифровых сервисов для организации командной творческой работы.

Ключевые слова: мягкие навыки, дизайн-мышление, креативность, пользовательский путь, эмпатия, генерация идей.

DESIGN THINKING METHODOLOGY FOR DEVELOPING FLEXIBLE SKILLS OF DIGITAL FUTURE EMPLOYEES

Annotation: The article emphasizes the importance of developing soft skills for specialists of digital economy organizations. The approach of design thinking is highlighted as the main method of developing soft skills. Features of tools and techniques of design thinking are given. A list of popular digital services for organizing team creative work is given.

Keywords: soft skills, design thinking, creativity, user path, empathy, idea generation.

В условиях цифровизации экономики и общества меняются требования к компетенциям специалистов. Современной организации нужен работник, который компетентен в своей профессиональной сфере, владеет знаниями информационных технологий, но важнее всего – его навыки взаимодействия с другими людьми, эмоциональный интеллект, эмпатия, умения работать в команде, креативные способности и желания к самореализации и профессиональному росту. Мягкие навыки («soft skills») чрезвычайно важны сегодня при выполнении профессиональных задач в неточной исходной постановке. Именно они позволяют работникам перейти к новым задачам,

которые трудно автоматизировать. И именно они помогают быстро адаптироваться к меняющейся среде.

Обучить мягким навыкам можно в том числе с помощью методологии дизайн-мышление.

Дизайн-мышление (Design Thinking) – это методология проектирования инновационных продуктов на основе технологий управления коллективным разумом и креативностью людей. Автор этой методологии - основатель дизайн-агентства IDEO Дэвид Келли. Сегодня ее развивают в d.school (Стэнфорд) и Hasso Plattner Institute (Потсдам). В ней соединились различные наработки в области маркетинга и исследований потребительских потребностей, развития творческих навыков человека и генерации идей, визуализации [1, 2, 3]. Применяя дизайн-мышление, человек учится выходить за рамки стандартных методов и сложившихся стереотипов при решения проблем. Он становится креативным и гибким в принятии решений, чувствующим и эмоциональном наполненным, понимающим других людей и себя.

Уже более 5 лет мы успешно внедрили техники дизайн-мышление в учебный процесс. А также имеем опыт проведения дизайн-семинаров для сотрудников подразделений Финансового университета и организаций различных отраслей. Такие дизайн-семинары позволяют развить навыки командной работы и сотрудничества, взаимопонимание и вовлеченность в проблему персонала, когда создавая пакет инновационных идей участники команды в том числе ощущают ответственность за их внедрение.

Интеграция дизайнерского видения и когнитивных методик позволила сформировать успешную систему создания прорывных инноваций. Последовательность процесса дизайн-мышления состоит из нескольких этапов: от эмпатии и фокусировки на проблеме – к генерации идей и выбору лучше, а затем – к разработке прототипа и его тестированию. Среди популярных инструментов – карта эмпатия (Empathy Map), канва

пользовательского пути (Customer journey map, CJM), How Might We (HMW), Current-Future-Barriers (CFB), SCAMPER, World café [4].

Этап эмпатии настраивает разработчика инноваций на понимание эмоций и чувств потребителя. Он изучает клиентскую проблему, становясь на его место, смотрит на продукт его глазами. Партизанская этнография - способ скрытого наблюдения в реальных условиях за целевой аудиторией. В нее входит множество техник сбора информации, включая техники фото- и видеосъемка, наблюдение за пользователем в контексте, когда исследователи проводят целый день рядом с ключевым представителем целевой аудитории, буквально ходя за ним тенью, или сами выполняют пользовательские задачи, применяя технику «мокасины».

Одним из принципов Дизайн мышления является визуализация и запись идей. Поскольку самое главное в работе команды во время мозгового штурма – услышать, понять и кратко сформулировать любую идею, а потом суметь вспомнить ее через время и донести до постороннего, то незаменимыми помощниками на занятиях являются стикеры и маркеры. Визуализация позволяет просто и ясно передать смысл, представить новую идею. Включаются одновременно логическое и визуальное мышление. Для визуального представления идеи в IDEO строят ассоциативные карты.

При исследовании пользовательского опыта изучается вся цепь действий заносится в канву пользовательского пути СJM. Построение канвы CJM, как правило, нацелено на детальное описание процесса с выявлением эмоциональной составляющей его участников, а также на разработку сценариев по устранению барьеров на пути выполнения бизнес-задач пользователем. Канва делится на четыре категории (модель PEDPL), где анализируется предшествующий опыт получения услуги, мотивы покупки продукта и т.п. – Pre-Experience; проблемы текущего опыта – During Experience; впечатления, пост-опыт – Post-Experience, а также альтернативы, потерянный опыт и впечатления о продукте или услуги - Lost Experience [4,5].

Проектная команда в процессе совместного творчества может заполнить канву СЖМ вручную на листе флипчарта с помощью стикеров, в Google таблице, а также в Интернет-сервисах archi, miro.com (рис. 1), mural.ly, uxpressia.com. Шаблон для создания Customer Journey Map для мобильного приложения или веб-сервиса можно скачать на ресурсе mcjmtemplate.factory.mn.

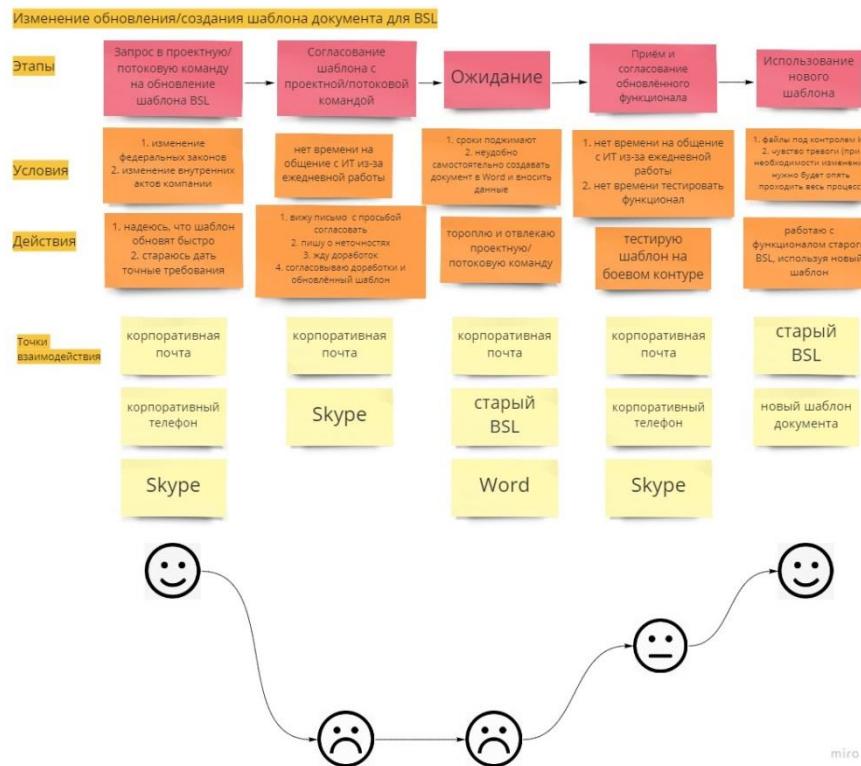

Рисунок 1 - Пример СЖМ, инструмент: Miro.com

Творчество и когнитивные навыки людей занимает центральное место в методологии дизайн-мышления. Аналитическое мышление, необходимый помощник на этапе эмпатии, включает интуицию на этапе фокусировки.

На этапе «Генерация» во время мозгового штурма создается большое количество возможных решений.

Дизайн-мышление открывает хорошие перспективы для поиска инновационных идей как в ходе коллективной интеллектуальной работы, так и в самостоятельном творчестве. Эффективность проведения мозгового штурма обеспечивается структурированием информации с помощью различных

канвасов. Активность мышления поддерживается разминками и переключением на другие шаги исследования, обсуждения или разработки прототипа. Итерационность процесса и положительная обратная связь снижает неприятие риска и учит анализировать ошибки. Задействованы различные стили мышления. Дизайн-мыслители умеют доверять своей интуиции, включать воображение, мыслить нестандартно и не останавливаться на достигнутом.

Таким образом, дизайн-мышление – важный инструмент развития человеческого потенциала и необходим для внедрения к учебный процесс и практику работы с персоналом.

Литература

1. Kelley T., Kelley D. Creative Confidence Unleashing the Creative Potential Within Us All. – NY: Crown Business, 2013. – 288 p.
2. Liedtka J., Ogilvie T. Designing for Growth: A Design Thinking Toolkit for Managers. – NY: Columbia University Press, 2011. – 256 p.
3. Леврик М., Линк, П., Лейфер, Л. Дизайн-мышление. От инсайта к новым продуктам и рынкам. – СПб.: Питер, 2020. – 320 с.
4. Васильева Е.В. Дизайн-мышление: немного о подходе и много об инструментах развития креативного мышления, изучения клиентских запросов и создания идей. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 204 с.
5. Васильева Е.В., Зобнина М.Р. Маркетинг и управление продуктом на цифровых рынках. Генерация и проверка идей через CustDev, дизайн-мышление и расчеты юнит-экономики. – М.: РУСАЙНС, 2020. – 724 с.

УДК 331.5

Ветрова Мария Александровна	кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры Экономики предприятия и предпринимательства, Санкт-Петербургский Государственный университет e-mail: m.a.vetrova@spbu.ru
Куранова Анастасия Сергеевна	магистрант, Санкт-Петербургский Государственный университет e-mail: askuranova@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА³

Аннотация: В последние десятилетие цифровая трансформация изменяет все сферы экономики и общества. Изучение взаимосвязи цифровых технологий и человека является актуальной проблемой в зарубежных и российских исследованиях. В исследовании рассматриваются основные тенденции, присущие рынку труда в эпоху цифровой трансформации. Объектом особого внимания являются преимущества и недостатки влияния цифровых технологий на рынок, в том числе в условиях пандемии Covid-19.

Ключевые слова: рынок труда, цифровая трансформация, автоматизация, цифровые технологии, социальная политика, Четвертая промышленная революция, пандемия Covid-19

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE LABOR MARKET

Abstract: In the last decade, digital transformation has been changing all spheres of economics and society. The study of the relationship between digital technology and man is an urgent problem in foreign and Russian studies. The research discusses the main trends inherent in the labor market in the era of digital transformation. Special attention is paid to the advantages and disadvantages of the impact of digital technologies on the market, including in the context of the Covid-19 pandemic.

Key words: labor market, digital transformation, automation, digital technologies, social policy, the fourth industrial revolution, Covid-19 pandemic

Мир вошел в стадию Четвертой промышленной революции, на основе шестого технологического уклада, который изменяет привычную систему

---

³ Исследование подготовлено в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, номер проекта МК-1278.2020.6.

общества и жизнь каждого индивида. Развитие искусственного интеллекта, интернета вещей, blockchain и других цифровых технологий отражается не только на способах ведения бизнеса, но и на обществе и отдельных гражданах. Диалектика заключается в том, что любая революция привносит в жизнь всего общества и каждого конкретного индивидуума как позитивные перемены, так и возможные риски и потери [1]. Цифровая трансформация находится в центре внимания в условиях пандемии Covid-19, как возможного способа поддержания экономического развития. Пандемия усилила внедрение цифровых технологий начавшегося два десятилетия назад процесса цифровой трансформации и еще сильнее повлияла на характер занятости и уровень жизни граждан всего мира. Каким образом цифровая трансформация и цифровые технологии будут менять рынок труда в новой действительности?

Ученые и практики по всему миру разделились во мнениях, одни представляют исследования с положительными эффектами внедрения технологий Четвертой промышленной революции, среди которых особенно выделяются повышение производительности труда и эффективности производства, сокращение операционных затрат, рост прозрачности бизнеса, качества продукции и услуг. Другие ученые исследуют негативные последствия для социально-экономической устойчивости от распространения цифровых технологий. Например, по оценкам Frey C. и Osborne M. автоматизация производства неуклонно должна привести к сокращению рабочих мест на предприятиях и в большей степени это коснётся низкоквалифицированных трудовых ресурсов, так 47% рабочих США относятся к автоматизируемым профессиям и потенциально могут попасть под сокращение [2]. Bowles J. 54% работников ЕС относит к высокой группе риска [3], а в РФ потенциал сокращения рабочих мест согласно исследованию Центра мониторинга НТР составляет 50% [4]. Так, например, в банковской сфере развитие технологий может привести к высвобождению значительной части сотрудников [5]. В ПАО «Сбербанк» после внедрения ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ системы управления с января по ноябрь 2018 года

сократилось число сотрудников на 14 тысяч, что составляет 4,6% всего штата компании. Однако, стоит отметить, что высококвалифицированные профессии практически не подвергнутся автоматизации, что открывает большие перспективы для специалистов интеллектуального труда и сложно алгоритмизируемой трудовой деятельности. Данный тезис подтверждает исследование Berger Т. и Frey С., в котором утверждается, что всего 5% работников с высшим образованием потенциально могут потерять рабочие места в следствии автоматизации процессов [6].

Проблема автоматизации затронет все страны, в том числе и страны третьего мира, так как дешевая рабочая сила перестанет считаться конкурентным преимуществом, то производство будет возвращаться в Европу и США, лишая развивающиеся страны важнейшего промышленного ресурса [7].

Также основной характеристикой рынка труда сегодняшнего времени является дистанционная форма занятости. Результаты исследования [8] показывают, что в развитых странах доля фрилансеров и временных сотрудников в общей структуре занятости постоянно увеличивается (рис. 2). Данная категория сотрудников, не имеющая стабильного ежемесячного заработка, ограничена в социальной защите.

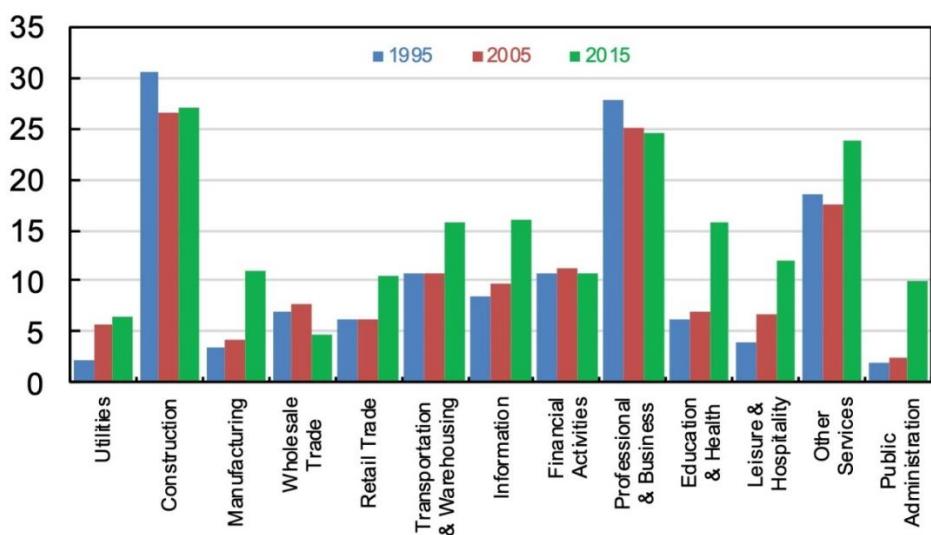

Рисунок 2 - Вероятность альтернативной занятости по отраслям.

Процент от общего числа занятых Источник: [8].

С такой точки зрения технологии Четвертой промышленной революции выглядят как угроза праву человека делать выбор и с пользой применять свои навыки и интересы.

Однако нельзя рассматривать влияние цифровизации только в отрицательном ключе. Внедрение цифровых технологий приводит к оптимизации затрат, повышению эффективности и расширению бизнеса, увеличивая потребность в новых рабочих местах. Цифровые технологии способствуют выходу компаний на удаленные рынки, где создают спрос на рабочую силу. Также стоит отметить, что в настоящий момент наблюдается постепенное выравнивание доходов мужчин и женщин (рис. 3 и 4). Данная тенденция объясняется исторически лидирующим положением мужчин в традиционных областях производства, в то время как женщины были заняты в основном в информационных сферах. Сокращение рабочих мест в традиционных отраслях производства приводит к снижению дискриминированного положения женщин относительно мужчин [9].

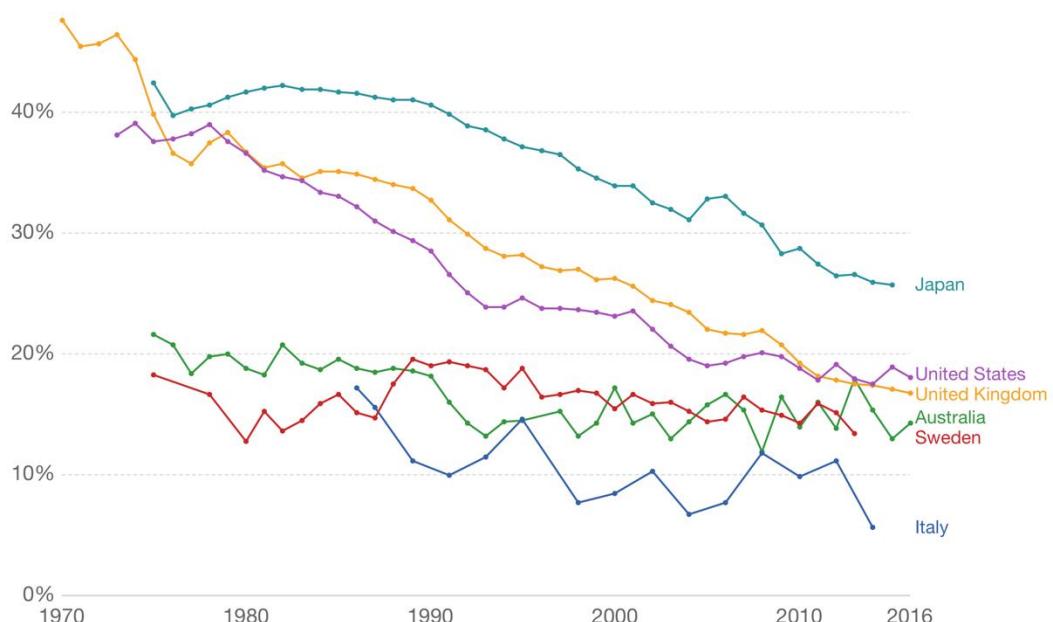

Рисунок 3 - Динамика гендерного разрыва в средних доходах

Источник: [10].

Так, например, в Великобритании гендерный разрыв в средних доходах мужчин и женщин за рассматриваемый период снизился примерно в два раза.

В США гендерный разрыв снизился примерно на 10% в период с 1970 по 2016 год.

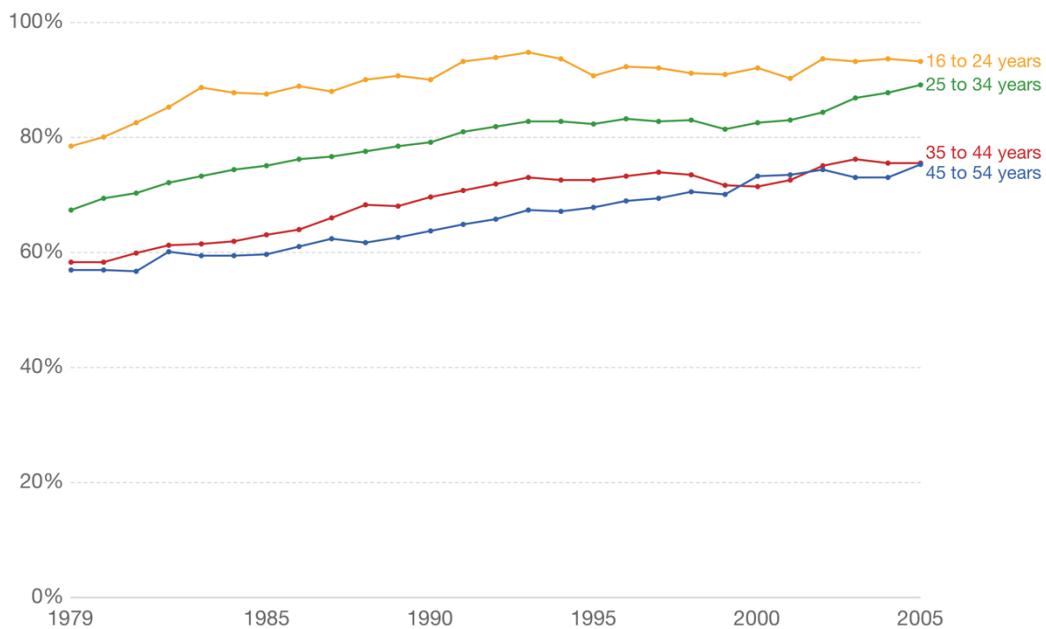

Рисунок 4 - Соотношение среднего дохода женщин и мужчин по возрасту США

Источник: [11].

Пандемия Cvid-19 приблизила переломный момент в области использования цифровых технологий, которые сегодня рассматриваются не просто как возможность, а как необходимость. Для регулирования процесса цифровой трансформации и извлечения из него положительных эффектов при одновременном нивелировании негативных последствий правительства и предприятия должны разрабатывать стратегии, используя различные инструменты от стимулирования инвестиций в человеческий капитал до сокращения цифрового разрыва отдельных территорий. Что в свою очередь позволит использовать кризис как возможность эффективного перехода к новому технологическому укладу с повышенной социально-экономической эффективностью и устойчивостью.

Литература

1. Куранова А.С. Влияние четвертой промышленной революции на рынок труда //Цифровая экономика и индустрия 4.0: тенденции 2025.

/Сборник трудов научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией А.В. Бабкина. 2019. DOI: 10.18720/IEP/2019.1/108.

2. Frey C., Osborne M. The future of employment: How susceptible are jobs to computerization? // Technological Forecasting & Social Change. Volume 114, January 2017, Pages 254-280 DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.

3. Bowles J. The computerisation of European jobs - who will win and who will lose from the impact of new technology onto old areas of employment? 2014 URL: <http://www.bruegel.org/nc/blog/detail/article/1394-the-computerisation-of-european-jobs/> [Дата обращения: 26.06.2020].

4. Центр НТР. Центр НТР выявил основные отрасли, где внедрение цифровых технологий приведет к наибольшему сокращению рабочих мест. URL: <https://onf.ru/2017/06/19/centr-ntr-vyyavil-osnovnye-otrasli-gde-vnedrenie-cifrovyyh-tehnologiy-privedet-k/> [Дата обращения: 26.06.2020].

5. Антипов К.А. Влияние цифровизации на рынок труда //Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2019. (Электронное издание комплексного распространения). e-ISBN 978-5-317-06137-1

6. Berger T., C. Frey C. Structural Transformation in the OECD: Digitalization, Deindustrialization and the Future of Work// OECD Social, Employment and Migration Working Papers, OECD Publishing, 2017.

7. Подвойский Г. Л. Роль Новых Технологий В Экономике XXI века// Мир новой экономики, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), 2016.

8. Katz L., Krueger A. “The Rise and Nature of Alternative Work Arrangement in the United States, 1995-2015” Princeton University and NBER Working Paper 603. Princeton University, 2016

<https://dataspace.princeton.edu/jspui/bitstream/88435/dsp01zs25xb933/3/603.pdf>
(дата обращения: 02.03.2020).

9. Стрелец И.А. Рынок труда в условиях распространения новых технологий / И.А. Стрелец // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2011. – Т. 3, Вып. 2. – С. 256–269. – https://archive.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x0c/xec/3308/file/10_Streletc.pdf (дата обращения 02.03.2020).

10. OECD, Gender Wage Gap

https://www.oecd.org/els/LMF_1_5_Gender_pay_gaps_for_full_time_workers.pdf
(дата обращения: 02.03.2020).

11. US Bureau of Labor Statistics

https://www.bls.gov/opub/ted/2006/oct/wk1/art02.htm?view_full (дата обращения: 02.03.2020).

УДК 351.72

Николаев Александр Юрьевич студент 2 курса магистратуры Экономического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: nikalur@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТРЕНДОВ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация: Возрастающий интерес к брокерским услугам среди населения в силу технологических и макроэкономических факторов требует эффективных регулятивных мер в сфере частных инвестиций.

Ключевые слова: частные инвесторы, регулирование частных инвестиций, категоризация инвесторов, налоговые поправки.

DIGITAL TRENDS INFLUENCE ON THE REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES IN RUSSIA

Abstract: Due to technological and macroeconomic factors, high demand for brokerage services among the population requires effective regulatory measures in the private investment sector.

Keywords: private investors, regulation of private investments, categorization of investors, tax amendments.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что брокерская деятельность трансформировалась из элитарных условий обслуживания для ограниченного круга клиентов в целый комплекс популярных клиентаориентированных услуг. Возможность использования инвестирования на фондовом рынке переросла из сложной и дорогой услуги в удобный сервис с понятным интерфейсом и богатым функционалом.

Все это стало возможно благодаря глобальной цифровизации отношений «клиент-брокер». Внедрение цифровых технологий на рынке брокерских услуг обусловлено с одной стороны – предпосылками макроэкономических условий и общим технологическим развитием, и действиями самих участников рынка – с другой. Фактически, тенденция на снижение процентной ставки повлияла на все субъекты инвестиционных отношений, заметно ускоряя тем самым популярность инструментов финансового рынка среди населения.

Таким образом, возникают новые условия и новые потребности в регулировании инвестиционной сферы. Учитывая темпы роста частных инвесторов на Московской бирже, а также динамику и волатильность отечественного фондового рынка, вопрос о государственном управлении инвестиционными процессами стоит как некогда актуально.

В Российской Федерации государственное регулирование инвестиционной деятельности строится на правовых основаниях разного уровня [1, с. 2]. К основным федеральным нормативно-правовым актам, регулирующих аспекты инвестиционной деятельности относятся:

- Конституцию Российской Федерации;
- Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая и третья);

- Налоговый кодекс Российской Федерации (части первая и вторая);
- Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляющейся в форме капитальных вложений»;
- Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»;
- Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»;
- Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»;
- Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

Ключевым новшеством правового поля инвесторов, в первую очередь, станут поправки к закону № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», которые с весны 2019 года находятся на этапе корректировок.

Первоначально законопроект предполагал разделение инвесторов на 4 типа (в зависимости от объема торгов), которые ограничивают инвесторов к ряду инструментов на фондовой бирже. Встретив жесткую критику со стороны участников рынка, составители закона убрали разделение инвесторов, оставив только понятия квалифицированного и неквалифицированного, а также не стали включать полный запрет для неквалифицированных инвесторов на покупку бумаг иностранных компаний через российских брокеров. [2].

Согласно законопроекту «к квалифицированным инвесторам относятся люди с необходимыми знаниями и опытом биржевой торговли, а также финансовыми возможностями, которые позволяют им качественно оценивать риски и в достаточной степени осознанно инвестировать в более рискованные инструменты фондового рынка». [3]. Таким образом, поправки призваны ограничить риски инвестиций для непрофессионалов фондового рынка.

Такой подход в виде ужесточения требований к категоризации квалифицированных инвесторов со стороны Банка России, с одной стороны, позволит активнее использовать финансовые инструменты исключительно российского рынка ценных бумаг, в теории создавая предпосылки для его развития. С другой стороны, такие изменения увеличивают риски профессиональных участников переломом условий торговли.

На текущий момент квалифицированные инвесторы – это отдельная категория инвесторов, обладающая необходимыми знаниями и опытом работы на рынке ценных бумаг, а также финансовыми возможностями, которые позволяют им качественно оценивать риски и в достаточной степени осознанно инвестировать в более рискованные инструменты фондового рынка.

Введение поправок рассматриваемым законопроектом существенно сужает возможность получения статуса квалифицированного инвестора, что означает ограничение доступа к зарубежным финансовым инструментам. На сегодняшний момент неквалифицированный инвестор не может выполнять операции с инвестиционными паями закрытых паевых инвестиционных фондов, а также с рядом других ценных бумаг, указанных в соответствии с эмиссионными документами для квалифицированных инвесторов.

Законопроект предусматривает расширение данного списка практически до полного исключения иностранных эмитентов и финансовых инструментов. Однако нельзя не отметить популярность таких инструментов среди инвесторов.

Таблица 1. Показатели доходности портфелей физических лиц в рамках топ-30 стандартных стратегий (на 31.12.2019). [4, с. 11].

Показатель	Количество стратегий в группе	Объем портфелей на 31.12.2019, млрд. руб.	Доля от общего объема, %	Доходность (2019г.), %	Риск (2019), %
Топ-30 стандартных стратегий	30	156,2	100	8,6	2,6
В том числе по объектам вложений					
• <i>Российские облигации</i>	7	52,6	34	10,7	1,3
• <i>Российские акции</i>	4	15,0	10	28,9	10,3
• <i>Еврооблигации</i>	12	41,2	26	1,1	6,4
• <i>Иностранные акции</i>	2	5,2	3	15,1	14,9
• <i>Структурные продукты</i>	5	42,3	27	11,1	5,9
В том числе для квалифицированных инвесторов	12	40,0	26	7,3	4,5
В том числе для неквалифицированных инвесторов	18	116,2	74	9,8	2,6
• <i>Из них стратегии ИИС</i>	6	34,7	22	9,8	1,0

Еврооблигации и иностранные акции пользуются немногим меньше популярностью в сравнении с отечественными. Безусловно, доходность стратегий, ориентированных на еврооблигации, серьезно пострадала на фоне укрепления рубля, однако стратегии, ориентированные на иностранные акции, напротив, принесли инвесторам существенные 15,2% за год. Стоит отметить существенный объем портфелей неквалифицированных инвесторов, на текущий момент которым доступны иностранные акции и облигации (см. рис. 1).

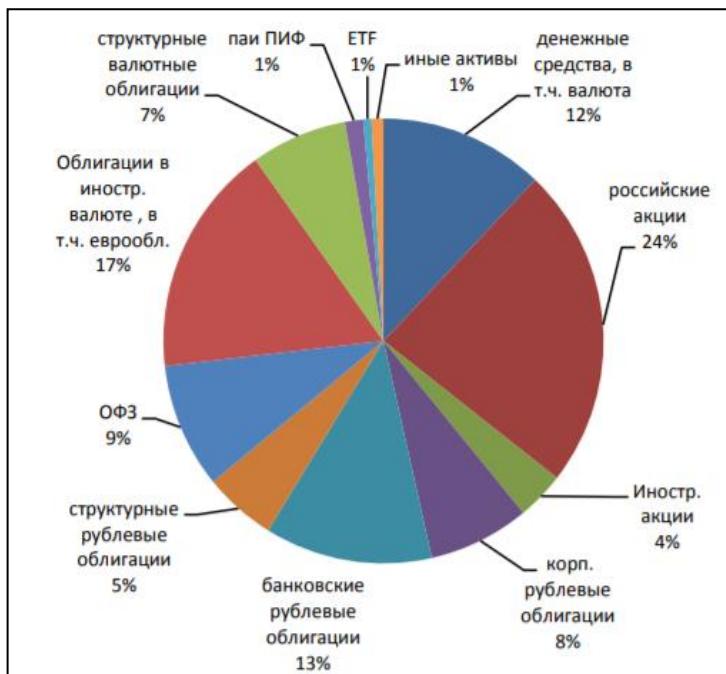

Рисунок 1 - Структура инвестиций на брокерских счетах (не ИИС) [5].

Возможные вводимые ограничения существенно скажутся на структуре рынка. Безусловно, законопроект еще претерпит изменения, а введен в силу будет не раньше 2021 года. Однако следует понять природу возникновения данных ограничений.

В усиливающемся спросе на брокерские услуги ограничения в доступе к финансовым инструментам для частных инвесторов, инициируемые законодателями и регуляторами, выступают довольно противоречиво. Оправдывать такие меры надеждой развития отечественного рынка бессмысленно. Первопричиной выступает скорее способ снять с себя ответственность за возможные потери частных инвесторов вместо проведения мероприятий по повышению инвестиционной грамотности. Политика ограничения доступа никогда еще не выступала драйвером роста рынка, а кардинальные изменения в первой версии поправок ввиду жесткой критики вернулись к почти существующим условиям.

Вторым существенным изменением в законодательстве, являются поправки в Налоговом кодексе РФ, принятые весной этого года с учетом начала действия с 2021 года. Фактически произошло расширение

налогооблагаемой базы по НДФЛ. В отношении инвесторов можно выделить 3 ключевых изменения в виде взимания НДФЛ с:

1. процента по депозитам;
2. дохода по корпоративным облигациям;
3. дохода по корпоративным облигациям.

Говоря о первом пункте, стоит отметить, что теперь 13% будет взиматься с процентов по вкладам физических лиц в отечественных банках если сумма процентов по всем вкладам превышает установленный порог. Заявленная граница «плавающая» и находится как произведение 1 млн на ключевую ставку.

Стоит отметить, что закон исключает взимание процентов по остаткам на картах, зарплатным и эскроу-счетам. Он нацелен на граждан со сбережениями, размер которых при текущих ставках по вкладам превышает 1 млн. руб. На данный момент таких счетов порядка 6 млн. Данная цифра составляет всего 1% от общего количества счетов физических лиц, но при этом включает в себя больше половины от общего объема размещенных гражданами средств. [6].

Потенциально такие меры вкупе с политикой снижения ключевой ставки вызовут переток средств населения на рынок ценных бумаг. Однако, поправки законодательства также отменяют льготы по налогообложению дохода от облигаций. Теперь НДФЛ будет взиматься с доходов по облигациям федерального займа, региональным и муниципальным облигациям, а также с купонного дохода по долговым корпоративным бумагам российских эмитентов. [7]. Получается, что компенсировать выпадающие доходы частные инвесторы смогут только более рисковыми инструментами, чем депозит и государственные облигации.

Механизм привязки «достаточной суммы» для взимания налога к ключевой ставке в текущих условиях приводит ко всё большему охвату налогооблагаемых лиц. При этом удержание налога с дохода по

государственным облигациям федерального займа в экономическом смысле означает снижение установленной по этим облигациям доходности.

Рассматривая расширение базы НДФЛ как инструмент не только фискальный, но и регулятивный, законодатель фактически снижает доходность по всем низкорисковым способам вложения капитала. Наряду с общим повышением спроса на брокерские услуги среди физических лиц и сокращением использования иностранных финансовых инструментов, можно сказать, что законодатель повышает риски частных инвесторов.

Снижение доходности по депозитам для обладателей значительного капитала теоретически является мотивацией прихода на финансовый рынок. Однако «уравнивание» в налогах вклады и облигации, а также возможное уменьшение доступных инструментов снижает доход инвестора или заставляет его совершать более рисковые операции, не говоря уже о сокращении «свободы» инвестирования.

Переход государства от модели «скидки на ОФЗ» на «изъятие путем налога» показывает, что основой введения нормативных изменений является фискальная составляющая. Это безусловно важно для нормального функционирования государства, особенно в кризисных условиях. Однако действия без осмысления регулятивной составляющей таких мер не способны развивать финансовый рынок, а в части принимаемых мер повышают риски для частных инвесторов. С учетом отсрочки введения в действие таких законов и бурной реакции рынка возникает ощущение популизма вместо должного управления развития финансовым рынком.

Литература

1. Старшов, А. А. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 2 (февраль).
2. Петухва, Л. «Рынок из-за коронавируса попросил повременить с ужесточением правил инвестиций» // Финансово-экономический журнал

Forbesю 20 апреля 2020 года. Электронный ресурс – Режим доступа:
<https://www.forbes.ru>.

3. Законопроект № 618877-7 «О квалифицированных инвесторах», вносящий изменения в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части введения регулирования категорий инвесторов – физических лиц. Планируется к вводу в действие в апреле 2021 года. / Опубликован 31 июля 2020 года. Российская газета от 07 августа 2020г.

4. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг // Банк России. №4, 2019г.

5. Ежегодное исследование граждан на фондовом рынке. НАУФОР, февраль 2020. / Электронный ресурс – Режим доступа <http://naufor.ru>.

6. Агентство по страхованию вкладов для «Интерфакс». / Электронный ресурс – Режим доступа <https://www.interfax.ru/business/701100>.

7. Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 3 апреля 2020 г. № 8126.

УДК 658.336

Иванов
Михаил
Игоревич

соискатель Российской Академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
РФ, г. Москва,
e-mail: vmp2010@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация: Развитие процессов цифровизации выдвигает цифровые компетенции в разряд ключевых элементов формирования и развития человеческого капитала как отдельного индивида, так и общества в целом. Подобная ситуация обуславливает тот факт, что проблема формирования

цифровых компетенций в современных условиях приобретает ярко выраженное общественное значение.

Ключевые слова: человеческий капитал, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, цифровые компетенции, цифровая грамотность, цифровое неравенство.

DEVELOPMENT OF DIGITAL COMPETENCIES AS AN ESSENTIAL ELEMENT OF HUMAN CAPITAL FORMATION

Abstract: The development of digitalization processes puts digital competencies in the category of key elements of the formation and development of human capital as an individual and society as a whole. This situation leads to the fact that the problem of forming digital competencies in modern conditions is gaining a pronounced social significance.

Keywords: human capital, digitalization, information and communication technologies, digital competencies, digital literacy, digital inequality.

Человеческий капитал во все большей степени становится ключевым фактором обеспечения эффективного развития как отдельных хозяйствующих субъектов, так и экономических систем различного уровня в целом. При этом для человеческого капитала характерен дуализм его сущностного содержания, в рамках которого он проявляется как в форме экономического ресурса, так и в качестве комплекса специфических знаний, умений и навыков (другими словами, ключевых компетенций), которыми обладают работники на определенном уровне (предприятия, региона, государства). Набор этих компетенций, позволяющий говорить о возможности капитализации способностей человека, во многом определяется условиями и факторами социально-экономического развития, к числу важнейших из которых на сегодняшний день является становление цифровой экономики как формы производственных отношений, в рамках которой доминируют цифровые технологии, а информационные потоки функционально зависят от использования информационно-коммуникационных технологий [5, с. 2007]. По мнению группы отечественных исследователей, ее можно представить в виде социально-экономической системы нового типа, в рамках которой происходят

трансформация всех формирующих ее подсистем и их отдельных элементов [1, с. 159]. При этом в отличие от предыдущих этапов научно-технической революции, цифровизация характеризуется всеобъемлющим характером, затрагивающим все сферы экономической деятельности и общественной жизни и, кроме того, происходит в крайне сжатые сроки.

Стремительное распространение процессов цифровизации выдвигает такой вид компетенций как цифровые в разряд ключевых. Подобная ситуация обусловливается тем фактом, что умение работать с цифровыми технологиями является необходимым практически для любого носителя человеческого капитала.

В общем и целом под цифровыми компетенциями понимается совокупность знаний и способностей, которые необходимы для того, чтобы человек мог использовать цифровые технологии в процессе достижения стоящих перед ним целей в личной или профессиональной деятельности. Крайне важно отметить, что цифровые компетенции должны восприниматься не только и не столько как определенные технические навыки, а в большей степени как знания, имеющие отношения к когнитивным, социальным и эмоциональным аспектам жизнедеятельности в цифровой среде. Именно поэтому формирование и реализация цифровых компетенций является собой многогранный эволюционирующий процесс, постоянно изменяющийся по мере появления новых цифровых технологий [3].

Отметим, что цифровая грамотность относится структурами Европейского Сообщества к числу ключевых компетенций, обладание которыми является необходимым условием обеспечения эффективной жизнедеятельности индивида. В представленной в 2016 году платформе Digital Competence 2.0 выделены более двух десятков цифровых компетенций, особое внимание в ряду которых привлекает указание на обладание «цифровым интеллектом», которое предполагает наличие у работника умения оценить наличие необходимости получения им новых навыков в цифровой сфере.

Как отмечается в отчете Human Capital Trends 2017, вопросы цифровой адаптации как работников, так и предприятий имеют в современных условиях исключительно важное значение. Это подтверждается тем фактом, что 90% руководителей компаний из 140 стран, которые были опрошены при его подготовке, указали на наличие кардинальных трансформаций, обусловленных внедрением цифровых технологий, а 70% отметили отсутствие организационных навыков, которые бы позволили успешно адаптироваться к последствиям этих трансформаций [2]. Подобное развитие событий обуславливает крайне важное значение развития цифровых компетенций как элементов человеческого капитала не только конкретного индивида, но и любой организации в целом.

Отметим, что содержание процесса формирования цифровых компетенций ни в коем случае нельзя сводить к форме специализированного обучения либо отождествлять с получением определенной профессии. В данном контексте можно выделить уровни формирования цифровых компетенций как составляющей повышения квалификации и повышения степени конкурентоспособности работника на рынке труда и как элемента процесса социализации личности, ее интеграции в цифровое общество.

В первом случае потребность в приобретении цифровых компетенций является более очевидной: постоянное появление нового оборудования и новых производственных процессов требует от работников самосовершенствования. Цифровые технологии в течение последних двух десятилетий коренным образом изменили основы организации производственных процессов во многих сферах экономической деятельности. Человек, который не совершенствует собственные профессиональные навыки и не осваивает цифровые технологии, рискует потерять конкурентоспособность на рынке труда уже в достаточно краткосрочной перспективе.

В свою очередь, во втором случае речь идет о необходимости обладания цифровыми компетенциями ввиду наличия угрозы потери доступа к

значительному числу предоставляемых в цифровой форме общественных благ, лишения возможности полноценного участия в общественной жизни, утраты социального статуса и т.п. Различия в уровне реализации своих возможностей между индивидами, обладающими необходимыми для полноценного участия в трудовой и общественной жизни цифровыми компетенциями, и лишенными подобной возможности столь разительны, что все большее число специалистов отмечают развитие такого явления как цифровое неравенство, которое может находить свое проявление на уровнях как индивидов, так и государств.

При этом одной из проблем, обуславливающих наличие подобного неравенства, является необходимость постоянного обновления цифровых компетенций, которыми в той или иной степени должны обладать все члены общества. То есть, проблема формирования цифровых компетенций в современных условиях имеет все более ярко выраженное общественное значение.

В последние годы во многих государствах осуществляется разработка ключевых документов, определяющих рамки цифровых компетенций, необходимых человеку для обеспечения нормальной жизни в условиях цифровизации. В частности, в подготовленном в рамках ЕС на основе обобщения опыта различных государств документе под названием Digital Competence Framework for Citizens 2.0 представлено описание основных позиций в сфере цифровой компетентности, которыми должен обладать индивид. При этом они выделены в рамках следующих подгрупп: информация и цифровая грамотность, коммуникация и сотрудничество, создание цифрового контента, безопасность решения проблем в цифровой сфере [4].

Кроме того, отдельно выделены рамки цифровой компетентности для педагогов (DigCompEdu), образовательных организаций (DigCompOrg), потребителей (DigCompConsumers), а также для предпринимателей (EntreComp). При этом инструментарий системы Europass позволяет оценивать уровень цифровых компетенций индивидов в процессе обучения и

при трудоустройстве. В частности, одним из параметров оценки является умение анализировать, сравнивать и критически оценивать достоверность и надежность цифрового контента.

В заключении отметим, что важнейшим условием успешности взаимодействия человека и цифровых технологий является необходимость для носителя цифровых компетенций определенной личностной и профессиональной трансформации, ориентированной на адаптацию к новым реалиям времени и обретение способности к эффективной деятельности в их рамках, позволяющей использовать все предоставляемые цифровыми технологиями преимущества.

Литература

1. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы. - СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2017. – 806 с.
2. 2017 Deloitte Global Human Capital Trends [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/central-europe/ce-global-human-capital-trends.pdf>.
3. Ferrari A. DIGCOMP: a Framework for Developing and Understanding Digital Competence in Europe (European Union, Luxembourg) [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC83167/lb-na-26035-enn.pdf>.
4. The Digital Competence Framework 2.0 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/digcomp/digital-competence-framework>.
5. Tugui A. Meta-Digital Accounting in the Context of Cloud Computing / Encyclopedia of Information Science and Technology. - Hershey: IGI Global, 2015. - P. 2005-2017.

УДК331.1

Ирьянова
Яна
Ивановна

студентка 2-го курса, Волгоградский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Email: yana.iryanova.02@mail.ru

Джавадов
Габиль
Али-Заминович

студент 2-го курса, Волгоградский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Email: Appleznayka@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

Аннотация: В статье приведена классификация видов инвестиций в человеческий капитал, рассматривается сущность и содержание человеческого капитала, раскрываются особенности вложений в него. Приводятся доводы к воззрению о том, что человеческий капитал является движущей силой экономики.

Ключевые слова: человеческий капитал, инвестиции в человеческий капитал, виды инвестирования, ключевые особенности человеческого капитала, человеческий капитал движущая сила экономики.

RESEARCH ON APPROACHES TO THE DEFINITION OF "INVESTMENT IN HUMAN CAPITAL"

Abstract: The article provides a classification of types of investments in human capital, discusses the essence and content of human capital, reveals the features of investments in it. It is argued that human capital is the driving force of the economy.

Key words: Human capital, investments in human capital, types of investments, key features of human capital, human capital driving force of economy.

В современном мире каждое государство стремится добиться хороших показателей во всевозможных сферах деятельности. Но не у всех стран получается достичь высоких показателей, чтобы таковых добиться, надо вывести экономику государства на новый уровень, позволяющий достичь устойчивых результатов, добиться конкурентоспособности, гибкости, что

приведет к росту экономики страны, для этого нужно инвестирование. Одним из самых мощных капиталов страны, является человеческий капитал. На сегодня одной из важных задач становится создание экономики, главной целью которой будет являться развитие потенциала личности, который на прямую, зависит от доступности и качества здравоохранения, образования, коммуникации и информации, а также от культуры и уровня развития науки. Человеческий капитал является движущей силой экономики при правильном инвестировании и дает отдачу больше, чем физический капитал. Развитие человека является одним из главных причин роста экономических показателей и конкурентоспособности экономики. Поэтому одной из главных инвестиций страны должна являться инвестиция в развитие человеческого капитала.

Мы попробуем более тщательно рассмотреть виды инвестирования в человечий капитал, а также выявить главные особенности людского капитала. Выясним, почему именно человеческий капитал является движущей силой экономики. Что в принципе мы имеем в виду под определением «человечий капитал»?

Существует огромное количество подходов к определению «человечий капитал» в финансовой литературе. К примеру: У. Бауэнки дал подобное определение: «Человечий капитал» состоит изобретенных познаний, способностей, мотивации и энергии, которыми наделены людские существа и которые могут употребляться в течении определенного времени с целью производства продуктов и услуг»[1, с. 11]. Как и почти все остальные определения, оно не до конца открывает осознание этого термина.

Во-первых, человечий капитал - скопленные познания, умения и способности которые в той, либо другой сфере человек может применять для увеличения заработной платы.

Во-вторых, познания и способности при целесообразном их использовании в той, либо другой сфере могут приводить к ее развитию и росту продуктивности.

В-третьих, при помощи зарплаты человек может позволить для себя продолжить обучение и скопление познаний, а также сделать лучше собственный уровень жизни и здоровья.

Исходя из убеждений функционально-мотивированного подхода к разъяснению экономических явлений, «Человечий капитал - это сформированная в итоге вложений и скопленная человеком определенная совокупность познаний, здоровья, способностей, умений, мотиваций, которые целенаправленно употребляются в той либо другой сфере способствуют ее развитию и росту эффективности трудовых ресурсов систем, тем самым оказывают влияние на повышение заработков (доходов) человека» [1, с. 12].

Понятно, что в современной науке не существует основного и полного подхода к определению «Инвестиции в человеческий капитал». Изучив труды К. Макконелли и С. Брю [2, с. 536], Дж. Кэндрика [3, с. 275], А. Кирьянова [4], Л. Лукашевича [5, с. 18-22], мы можем выделить основные виды и подвиды инвестирования:

1) траты на здравоохранение:

- профилактика болезней;
- медицинский сервис;
- медицинские анализы.

2) траты на условия жизни:

- улучшение условий проживания (бытовых критериев);
- поддержку экологических условий к среде обитания.

3) траты на культуру:

- досуг;
- здоровый стиль жизни.

4) траты на оптимизацию передвижения трудовых ресурсов:

- информация о состоянии экономики в разных сферах и местностях;
- перемещение сотрудников на рабочие места с наибольшей продуктивностью труда и ценами (вознаграждение, заработка плата) за труд.

5) траты на мотивацию сотрудника:

- удовлетворение потребностей человека

6) траты на образование:

- общее и особое (техническое) образование;
- формальное и неофициальное (самообразование) образование;
- подготовка и переподготовка (увеличение квалификации) в процессе производства.

7) затраты на науку:

- основополагающие и прикладные научные издания.

Инвестиции в здравоохранение, на мой взгляд - это один из основных видов инвестирования. Понятно, что человечий капитал - это исчерпаемый ресурс, также понятно, что этот ресурс может изнашиваться на физическом уровне, тогда продуктивность начнет снижаться. Именно поэтому я, считаю, что инвестирование в здравоохранение, которое поддерживает физическое составляющее очень важно для поддержания и развития, человеческого капитала.

Также немаловажной частью инвестирование можно отметить инвестирования в культуру, человек единица социума и для поддержания психического состояния человеку необходим досуг, и отдых от накопившейся психологической усталости во время рабочего дня. Также, немаловажно обратить внимание на здоровый образ жизни. Научно доказано, что сбалансированное питание и правильный режим благоприятно воздействует на человеческий организм, что продлевает жизнь и стабилизирует здоровье, а впоследствии увеличивает срок «изнашивания».

Инвестирование в миграцию трудовых ресурсов получает сильную отдачу от образованной молодежи: для них это расширение области

применения знаний более актуально, нежели для людей более взрослого возраста. Чем моложе человек, тем больше амбиций и потребностей, тем шире территориальные и временные рамки, благодаря которым он может удовлетворить свои потребности.

Как в любой системе, так и в системе «Инвестиций в человечий капитал», есть индивидуальности, присущие ей:

- 1) Получение дохода ограничивается сроком жизни либо настоящей трудоспособности субъекта.
- 2) Чем раньше начнут поступать активы, тем резвее наступит срок окупаемости.
- 3) В зависимости от возможностей личности, доходность от его работы имеет наибольший уровень, достигнув которого она плавненько пойдет на убыль.
- 4) Не все вклады можно воспринять как вложения.
- 5) Характер вложений ограничен рядом особенностей: исторической, государственной, культурной.
- 6) Общество, которое состоит из удачных и целеустремленных индивидов, очень перспективно в развитии. Вложения в личность обещают своему владельцу большой доход, а общество получает классного специалиста.
- 7) Это долгоиграющие вложения, но с постоянной эффективностью, которая, будет сохраняться в протяжении 20-25 лет в случае инвестирования в образование, и всего существования объекта в здоровье. И так, по какой же причине человечий капитал представляет из себя движущую силу экономики? Человечий капитал является независимым хозяйствующим ресурсом, фактически, главной фигурой увеличения валового внутреннего продукта в купе с НТП в нынешних критериях. Различие такого ресурса от природных ресурсов, классического труда и рядового капитала заключается в необходимости непрерывных повышенных

инвестиций в него и существование существенного временного блага в отдаче от таких инвестиционных вложений.

Чем успешнее экономика, тем выше степень и дольше продолжительность существования граждан государства. Чем выше доход на душу граждан, тем выше степень образования общества, и напротив, чем выше интеллект человека, тем выше его доход. В то же время подъём благополучия играет роль двигателя формирования экономики и ее конкурентной способности, создавая и расширяя спрос на товары и услуги лучшего качества.

Человеческий фактор представляет собой реальной и которая действует живой производительной силой, личностью, которая работает. Для современного мира, века инноваций, развитие человеческого капитала необходимо для конкурентоспособности на международных рынках.

В представленной статье мы подробно рассмотрели известную нам систематизацию вложений в человеческий капитал, а также назвали основные особенности данного феномена. Подводя итоги, можем сказать, что феномен требует большего исследования и объяснения. Но можно сделать вывод о том, что инвестирование в человеческий капитал очень важно для развития и процветания стран.

Литература

1. Маврина Н. А. Сущность человеческого капитала и особенности инвестиций в него // Вестн. Челябинского гос. ун-та. — 2008. — № 29 С. 11-12.
2. Борисов Е.Ф. Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е.Ф. Бори-сов. – М.: Юристъ, 2000. – 536 с.
3. Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование. – М.: Прогресс, 1978. – 275 с.

4. Кирьянов А.В. Виды инвестиций в человеческий капитал и их эффективность // Экономика России: основные направления совершенствования / Межвуз. сб. науч. трудов, 2006. – Вып.7

5. Лукашевич В.В. Эффективность инвестиции в человеческий капитал// Полиграфист и издатель, 2002. – № 6. С. 18 – 22.

УДК 336.71

Карташова
Анастасия
Сергеевна

студентка факультета экономики,
Владимирский филиал РАНХиГС, г.
Владимир
e-mail: nastenka7592@yandex.ru

Филимонова
Наталья
Михайловна

д.э.н., профессор, Владимирский
филиал РАНХиГС,
г. Владимир

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РОСБАНКА, ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена особенностям цифровой трансформации в банковской системе России на примере Росбанка. Банки находят новые способы улучшения обслуживания клиентов и оптимизации операционных процессов во многих сферах бизнеса. Росбанк-не исключение. Сегодня цифровая трансформация банковского сектора, основанная на внедрении новых финансовых технологий, активно развивается, что является новым направлением в банковской деятельности. Автор рассматривает платформу, суть, минусы и плюсы цифровой трансформации в банковской деятельности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, платформа цифровой трансформации, цифровизация, банковская отрасль, Росбанк.

FEATURES OF DIGITAL TRANSFORMATION IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN BANKING SYSTEM, PROS AND CONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of digital transformation in the Russian banking system on the example of ROSBANK. Banks are finding new ways to improve customer service and optimize operational processes in many business areas. ROSBANK is no exception. Today, the digital transformation of the banking sector, based on the introduction of new financial technologies, is actively developing, which is a new trend in the development of banking activities. The author considers the essence of the platform, the pros and cons of digital transformation in banking.

Keywords: digital transformation, digital transformation platform, digitalization, banking industry, ROSBANK

В России открыты широкие перспективы для цифровой трансформации банковской отрасли. Дистанционные каналы обслуживания входят во все сферы жизни россиян.

В июле 2017 г. экспертами компании EY (Russia) была подтверждена наибольшая степень проникновения новых технологий в сегмент платежей и переводов .«Так, согласно данным исследования, его объем в мире составляет \$9,08 трлн. при уровне проникновения 1,0%, в России — \$86,9 млрд. (1,2%). В ближайшие два года эксперты ожидают роста на уровне почти 75% по миру в целом и более 65% по России. К 2035 году прогнозируется рост на уровне фантастических \$2115,55 трлн., при этом использование новых технологий станет почти тотальным — на уровне 87,8%, а в России — на уровне 96,3%» [3].

Это можно объяснить тем, что в России отрасль формировалась уже в цифровую эпоху, сразу перенимая лучший опыт. В 2018 году Россия вошла в топ-5 стран Европы по развитию цифрового банкинга [7].

«Министерство цифрового развития заменило Минкомсвязи, реалируется национальная программа «Цифровая экономика», на законодательном уровне принят ряд инициатив по развитию информационных технологий в различных отраслях – ЖКХ, медицине, образовании и других, что подкреплено необходимым финансированием, взят курс на импортозамещение. И на федеральном, и на региональном уровнях происходит процесс обновления кадров.

Аналитическим центром TAdviser организована конференция TAdviser SummIT, которая состоялась 29 мая 2019 года в Holiday Inn Сокольники. На ней рассмотрены темы цифровизации госсектора и коммерческих компаний, а также лучший опыт повышения эффективности с помощью технологий [4].

За время работы саммита его посетили более 600 участников, среди которых ИТ-руководители и сотрудники таких организаций как Министерство здравоохранения РФ, Пенсионный фонд РФ, Федеральное казначейство, ПАО Росбанк, ПАО Сбербанк и многих других [4].

На конференции TAdviser SummIT, среди прочих, выступили директор по ИТ Росбанка Денис Сотин и старший менеджер Росбанка Анна Грачева. Они сообщили, что создание единой системы автоматизации сбора просроченной задолженности для различных продуктов на базе единой платформы в рамках единого бизнес-процесса для всех трех банков, которые входят во французскую группу Societe Generale – Росбанк, «Русфинансбанк» и «ДельтаКредит» банк завершено [4].

Предварительная стадия проработки данного проекта длилась около года. Сам проект стартовал в 2017 году.

Залогом успеха в проекте является не только итеративный подход к развертыванию и внедрению, но и выбор промышленного решения , а также работа в тандеме ИТ и бизнеса на всех этапах проекта [4].

В современных условиях развитие цифрового банка должно происходить со скоростью меняющегося вокруг мира [2]. Для поддержания инновационного ритма банку необходима гибкость. Автоматизировать как отдельные участки в работе, так и целые процессы позволяют новые технологии, существенно экономя на всех связанных с трудовыми ресурсами расходами, таких как страховки, аренда помещений и прочим. Скоринговые модели заменяют кредитных инспекторов, всевозможные справки формируются автоматически и в тот же миг предлагаются клиентам без посещения отделений, высокоинформационные мобильные приложения с функцией чат-бота существенно снижают нагрузки на call-центры [6].

По итогам работы в I полугодии 2019 года фонд «Сколково» и VR_Bank оценили степень цифровизации ТОП-30 банков [8].

Ведь именно сейчас лидерами технологической трансформации бизнеса закладывается фундамент здоровой конкуренции за новый объем рынка в банковском сегменте, в ближайшие 2-3 года изменится расстановка сил в банковском сегменте.

Методология рейтинга объединила 4 различных блока, которые дают представление об онлайновости банка и готовности к цифровизации [8].

Выявилось, что у Сбербанка - самая низкая доля расходов на НИОКР, лицензионное ПО и телекоммуникации в общих операционных расходах за 2018 год., при этом за шесть месяцев он заработал 43% (444,2 млрд руб), то есть почти половину прибыли сектора [8].

В первую десятку вошли: Тинькофф Банк, ЮниКредит Банк, Райффайзенбанк, Ситибанк, Росбанк, Всероссийский Банк Развития Регионов, Русский Стандарт [8].

Первое место занял Банк «Санкт-Петербург». У данного банка есть высокие шансы быть успешным прототипом при переходе в digital формат из классического. «Санкт-Петербург» имеет наименьшее число офисов на каждые сто тысяч клиентов на территории присутствия [8].

Такие банки, как ПАО «Сбербанк», ПАО «Тинькофф Банк», ПАО «Альфа-Банк», ПАО « Райффайзенбанк», ПАО « АК Барс Финанс», ПАО «Росбанк», ПАО «ВТБ», ПАО «Банк «Санкт-Петербург», ПАО « Московский Кредитный Банк» закономерно вошли в ТОП-10 банков по критерию соотношения нематериальных активов к общему капиталу банка, находясь на этапе зрелой трансформации бизнеса [8].

Как говорится в Российской Газете 14 января 2020 года: «В 2019 году в России исчезли свыше 500 полноформатных банковских отделений» [5].

Росбанк в 2019 году оптимизировал 6% отделений. «В 2020-м мы продолжим работать в этом направлении аналогично прошлому году — поэтапно, без резких шагов, в зависимости от уровня проникновения

цифровизации», — говорит директор департамента развития и эффективности розничного бизнеса Росбанка Владимир Коробов. Он указывает, что трансформация сети включает релокацию или перевод отделений в мини-формат, открытие новых отделений на перспективных микрорынках. Переход к формату мини-офисов дает банкам больше гибкости.

«Мы продолжаем фокусироваться на развитии цифровых продуктов. Цифровизация — это одно из стратегических направлений, в которое мы инвестируем, так как на российском рынке выстраивание таких условий критически важно для успешного ведения бизнеса банками. Значимым событием первого квартала 2019 года, которое будет способствовать развитию конкуренции в банковском секторе, стало создание Системы быстрых платежей, к которой Росбанк присоединился среди первых [1].

С середины 2019 года в банке активно внедряется сервис по сбору биометрических данных в своих отделениях по всей стране. Как сказал председатель правления банка Илья Поляков: «Цифровизация — ключевой пункт инвест. программы и главный элемент текущей стратегии банка: она расширяет конкурентные возможности участников рынка и качественно меняет возможности клиентов» [1].

Вот что сказал Илья Поляков — председатель правления Росбанка о важности инвестиций в развитие дистанционного банковского обслуживания: «В этом году наши основные инвестиционные ресурсы будут направлены на ускорение цифровизации. Она — ключевой элемент стратегии на 2018–2020 годы. Помимо улучшения самого мобильного приложения и так называемого user experience, Росбанк вводит в него максимальное количество продуктов. В рейтинге 2018 года наиболее надежных российских банков, составленном Forbes, Росбанк занимал первое место, однако за год опустился на две позиции.

Рэнкинг Forbes строится прежде всего на основе кредитных рейтингов. Постоянное присутствие в топ-3 рейтинга самых надежных российских

банков, безусловно, является подтверждением высокой степени надежности Росбанка» [1].

Сдвиг в распределении ответственности за принятие важных решений связан с цифровизацией процессов. В настоящий момент необходимо пересмотреть распределение зон влияния и ответственостей как внутри, так и за пределами организации [4].

Цифровая трансформация в банковской сфере в России происходит по принципу «все, что может перейти в цифровую плоскость, должно туда перейти».

Обобщая рассмотренный в статье материал, можно выделить основные «плюсы» цифровизации:

- незамысловатость и точность приобретения услуг и товаров;
- абсолютная автоматизация рабочих процессов;
- сведение к минимуму ошибок, полученных в результате влияния человеческого фактора;
- освобождение от обилия бумажной документации, в результате хранения данных в электронном формате;
- беспрогрышное ведение бизнес-процессов;
- неограниченные возможности анализа и прогнозирования;
- быстрая окупаемость первоначальных издержек на внедрение технологий;
- возможность оформлять все договоры в электронном виде;
- возможность решать все корпоративные вопросы в виртуальном пространстве;
- возможность заверять документы электронными подписями и не тратить время на посещение банковских офисов.

Также следует отметить и некоторые «минусы» цифровой трансформации банковского сектора:

- высокая стоимость;
- требует больших затрат в короткий промежуток времени;

- высокий риск потери информации при сбое в системе;
- высокий риск утраты данных в результате хищения информации.

Во время того, как информация о человеке находится в одном месте в электронной форме, ее хищение может быть проще и потенциально опаснее. Та же ситуация и с коммерческой информацией предприятий. В случае подключения к сети злоумышленники, как правило, похищают или искажают данные при помощи вредоносных программ. В связи с этим, чтобы защитить информацию необходимы дополнительные меры для обеспечения безопасности. Исходя из этого, требуются не предусмотренные ранее расходы;

- техническая неграмотность людей. Далеко не каждый готов для обеспечения максимальной эффективности изучать новое;
- сложности с защитой прав в суде, т.к. требуются не цифровые, а материальные оригиналы документов;
- трудности с заверением документов у нотариуса;
- увеличение уровня безработицы – автоматизация банковского сектора приведет к сокращению рабочих мест консультантов, кассиров, менеджеров.

С данными моментами могут справиться blockchain-технологии, являющиеся в последние несколько лет основными точками для многомиллионного инвестирования [8].

Цифровая трансформация позволит повысить надежность, качество, скорость и доступность оказания банковских услуг.

Литература

1. Будущее - это Вы.: [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.rosbank.ru/o-banke/press-sluzhba/chistaya-pribyl-gruppy-rosbank-po-itogam-1-kvartala-2019-goda-sostavila-2-2-mlrd-rub-po-msfo> (дата обращения: 17.01.2020).
2. Курс на финтех: перспективы развития рынка в России. URL:
<https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-focus-on-fintech-russian-market>

growth-prospects-rus/\$File/EY-focus-on-fintech-russian-market-growth-prospects-rus.pdf (дата обращения 13.11.2019).

3. Финансовым технологиям очертили горизонт [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. №121 от 07.07.2017 г.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3344744> (дата обращения 13.11.2019).

4. Tadviser summit 2019: Цифровизация государства и бизнеса. Отчет о конференции :[Электронный ресурс].

5. Российская Газета от 14 января 2020:[Электронный ресурс].

URL:https://finance.rambler.ru/other/43498461/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink(дата обращения: 17.01.2020).

6. Цифровизация и ее место в современном мире. URL:
<https://www.gd.ru/articles/10334-tsifrovizatsiya> (дата обращения 13.11.2019).

7. Россия вошла в топ-5 лидеров цифрового банкинга в Европе URL:
<https://www.rbc.ru/finances/17/04/2018/5ad473779a7947ebfc5fa05e> (дата обращения 13.11.2019).

8. Шустиков В.: «Фонд «Сколково» и VR_Bank составили рейтинг цифровизации банков» :[Электронный ресурс]. URL:
<https://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2019/08/21/fond-skolkovo-i-vr-bank-sostavili-revting-cifrovizacii-bankov.aspx> (дата обращения: 17.01.2020).

Кашникова
Татьяна
Васильевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории, экономический факультет,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-
Дону
e-mail: kashnikova@live.ru

ИННОВАЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ТЕХНИКО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются инновации как детерминанта технико-экономического развития в условиях цифровизации. Подчеркивается, что переход от одного технологического уклада к другому всегда сопровождается экономическими кризисами, социальными противоречиями и межстрановыми конфликтами. Утверждается, что в настоящее время мир сталкивается с технологической и институциональной революцией, итогом которой станет доминирование шестого технологического уклада и переход к новой институциональной и управленческой структуре.

Ключевые слова: инновации, цифровизация, технологический уклад, информационно-цифровая революция, инновационное ядро, базисные инновации, информационные и когнитивные технологии, частно-государственное партнерство.

INNOVATION AS A DETERMINANT OF TECHNICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract: The article examines innovation as a determinant of technical and economic development in the context of digitalization. It is emphasized that the transition from one technological structure to another is always accompanied by economic crises, social contradictions and inter-country conflicts. It is argued that the world is currently facing a technological and institutional revolution, the result of which will become the dominance of the sixth technological order and the transition to a new institutional and management structure.

Key words: innovation, digitalization, technological order, information and digital revolution, innovative core, basic innovations, information and cognitive technologies, public-private partnership.

В своих работах авторы современных теорий эволюции развития цивилизаций признают цикличность и волнообразность не только экономических, но и социальных, политических и общечеловеческих процессов. Ученые обращают внимание на то, что технологические

революции и прорывные инновации приводят к культурным и идеологическим изменениям, смене институциональной инфраструктуры. В рамках каждого уклада существует замкнутый цикл использования определенных технологических принципов, связанных друг с другом однотипными технологическими цепями. Структура цикла включает добычу первичных ресурсов, все этапы их обработки и получение готовых изделий. Каждый технологический уклад включает эмбриональную фазу, фазу роста и зрелости, при этом временной промежуток его влияния на развитие экономических процессов составляет от 40 до 60 лет, (однако ввиду ускорения темпов научно-технического развития эти сроки существенно сокращаются). Ядро технологического уклада определяют технологические нововведения или инновации, их С. Глазьев признает «ключевым фактором», который коренным образом меняет структуру экономики и привычный образ жизни общества, а отрасли, вовлеченные в распространение передовых идей – несущими отраслями [3, с. 11].

В настоящее время можно выделить пять последовательно сменявших друг друга технологических укладов, а также новый - шестой технологический уклад, который будет определять глобальное мировое развитие в ближайшие 20-30 лет. Переход от одного технологического уклада к другому всегда сопровождался экономическими кризисами, социальными противоречиями и межстрановыми конфликтами, нередко приводящими к войнам. Каждый этап жизненного цикла производственной парадигмы меняет специфику социально-экономического развития общества. Новый технологический уклад формируется в два этапа – это достаточно длительный процесс. Формирование инновационного ядра нового базиса происходит на первом этапе в рамках еще господствующего старого технологического уклада. Так, на фазе зарождения, в результате конкуренции хозяйствующих субъектов, из всего многообразия возможных вариантов выбираются наиболее эффективные новые базисные инновации. На этом этапе число фирм, перешедших на инновационное производство невелико. Когда экономические возможности предыдущего

ключевого фактора исчерпываются, наступает второй этап - замещение старого технологического этапа новым. Между двумя этими этапами в экономике наблюдается снижение деловой активности в реальном секторе, депрессия, происходит структурная перестройка: старые технологические структуры перестают давать отдачу, капитал сталкивается с падением нормы прибыли и может 5-10 лет зависать в финансовом секторе, из-за чего раздуваются финансовые пузыри. Оставшиеся от старой парадигмы ресурсы в виде капитала, труда постепенно вливаются в обновления нового технологического уклада. После формирования воспроизводственного контура начинается период восходящей «длинной волны» Кондратьева, вызывающей экономический рост [1, с. 44]. На фазе роста идет наращивание базисного производства, однако, после насыщения общественных потребностей в новом продукте, возникает необходимость диверсификации производства, снижения издержек, повышения качественных характеристик в первую очередь для расширения спроса. Завершающая фаза жизненного цикла технологического уклада, совпадающая с зарождением уже следующего, связана с полным насыщением соответствующего типа потребления, кризисом перепроизводства и снижением темпов экономического роста.

Следует отметить, что по мере эволюции фаз технологического уклада меняется и роль экономических агентов, стимулирующих общественное производство. Так, на первой стадии, на этапе зарождения нового технологического уклада, основная роль отведена новаторам – предпринимателям, которые готовы рисковать, вкладываясь в совершенно новые производства. Они первыми внедряют технические нововведения и, фактически, своей деятельностью ускоряют процесс замещения старого уклада новым. Кроме того, особая миссия здесь принадлежит финансовым агентам, которые, чувствуя снижение эффективности кредитования закостенелых производств, ищут новые идеи для инвестирования. Значительное влияние на технологические сдвиги оказывает государственная поддержка инноваций, в лице государственных инвестиций, которые снимают

определенную часть риска с предпринимателей. Важным элементом здесь выступает развитость образовательных центров и институтов венчурного бизнеса. На следующей ступени, на фазе роста, важность приобретает быстрое тиражирование новой технологии, широкое ее распространение, поэтому имитаторы становятся основными движущими силами общественного развития, силами которых возрастают масштабы производства [3, с. 24].

Новая парадигма строится на достижениях и результатах предыдущего технологического уклада: последующее развитие обеспечивается за счет производственного потенциала, созданного еще на прошлом этапе технико-технологического развития [2, с. 9]. Смена технологических укладов способствует росту масштабов производства и производительности труда, усложнению макроэкономических взаимосвязей.

Переход мирового сообщества на шестой технологический уклад, по прогнозам исследователей, должен был произойти в 2010 г. Однако мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. приостановил бурный рост экономик, возникла концепция «инновационной паузы», согласно которой базисным инновациям, обеспечивающим технологический сдвиг, только предстоит появиться в будущем. Технологическим ядром новой волны НТП должны были стать нано-, био-, информационные и когнитивные технологии – NBIC [4, с. 44]. Сейчас исследователи сомневаются в определении для нанотехнологий роли ключевого фактора шестого технологического уклада, поскольку нынешняя нано индустрия позволяет улучшать и модернизировать существующие отрасли промышленности, но не создает глобальное нововведение, способное в корне поменять образ жизни людей, привычные способы производства, создать огромные рынки потребления [4, с. 44].

В контексте структурных изменений важность приобретает информационно-цифровая революция, которая уже меняет социальные и политические составляющие. Цифровая революция последних лет создает серьезные проблемы в социальной среде, связанные, в первую очередь, с угрозой масштабной безработицы. По мнению автора концепции

технологических укладов С. Глазьева, именно сейчас в 2020 г. происходит крупнейшая технологическая структурная перестройка – смена технологических укладов. Нынешние меры по борьбе с пандемией целиком укладываются в логику формирования новой технологической структуры, основные направления которой - цифровизация, информационно-коммуникационные и аддитивные (не требующие участия человека) технологии.

Однако мир в настоящее время проходит не только технологическую, но и институциональную или управленческую революцию: осуществляется переход к новому мирохозяйственному укладу. По мнению С. Глазьева, на сегодняшний день свою эффективность доказали системы управления в Китае и Индии. Данные государства имеют все шансы стать центрами нового шестого технологического уклада. В управляемой структуре данных стран присутствует стратегическое планирование, государственный контроль финансов, но также обеспечивается рыночная конкуренция и свобода частного предпринимательства. Власть поддерживает бизнес дешевыми кредитами, помогает с внутренней и внешней экспансией, обеспечивает стабильность цен на энергоносители и транспортные услуги, берет на себя расходы по развитию инфраструктуры. Управление в общегосударственном масштабе в таких системах направлено, в первую очередь, на рост общественного благосостояния, повышение качества жизни людей. Само же планирование не является директивным, оно осуществляется через механизм частно-государственного партнерства (сотрудничество государства, науки и бизнеса), в рамках которого план формируется на договорно-правовой основе, власть создает ориентиры и определяет стимулы [1, с. 74].

Таким образом, в концепции технологических укладов инновации приобретают определяющее значение. Глобальной структурной перестройке предшествует падение нормы прибыли, раздувание финансового сектора, скачок цен на энергоносители, исчерпание возможностей экономического роста при используемых технологиях. Однако установление новой

технологической структуры способствует обновлению экономики, росту масштабов производства и производительности труда, усложнению макроэкономических взаимосвязей, повышению общественного благосостояния и качества жизни людей. В настоящее время мир сталкивается с технологической и институциональной революцией, итогом которой станет доминирование шестого технологического уклада и переход к новой институциональной и управленческой структуре.

Литература

1. Глазьев С. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. - 765 с.
2. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993. - 310 с.
3. Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тровант, 2009. - 304 с.
4. Кошовец О.Б., Ганичев Н.А. Нанотехнологии и формирование шестого технологического уклада: ожидание и реальность // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 44-52.

УДК 338.266

Лапочкина
Виктория
Владимировна

кандидат экономических наук, заведующий центром мониторинга стратегического развития сферы науки и инноваций, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), г. Москва
e-mail: v.lapochkina@riep.ru

Долгова
Владислава
Николаевна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий сектором, Российский научно-
исследовательский институт экономики,
политики и права в научно-технической сфере
(РИЭПП), г. Москва
e-mail: v.dolgova@riep.ru

Емельянова
Елена
Евгеньевна

кандидат экономических наук, старший научный
сотрудник, Российский научно-
исследовательский институт экономики,
политики и права в научно-технической сфере
(РИЭПП), г. Москва
e-mail: e.emelyanova@riep.ru

ОЦЕНКА ИНДИКАТОРОВ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В НАУЧНОЙ СФЕРЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Ключевой целью научно-технического развития России является обеспечение международного лидерства в сфере науки и технологий, зафиксированной в Указе Президента от 21 июля 2020 г. № 474 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года”, важнейшим направлением достижения которой является наращивание и наиболее эффективное использование интеллектуального потенциала нации, в том числе за счет развития кадрового потенциала.

Ключевые слова: достижение целей научно-технологического развития, национальные цели развития научной сферы, кадровый потенциал, показатели реализации

ASSESSMENT OF HUMAN RESOURCES DEVELOPMENT INDICATORS IN THE SCIENTIFIC SPHERE IN THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC ADMINISTRATION PROGRAMS

Annotation. The key goal of Russia's scientific and technological development is to ensure international leadership in the field of science and technology, as set out in Presidential Decree No. 474 of July 21, 2020 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030”, the most important direction for achieving which is to build up and make the most effective use of the nation's intellectual potential, including through the development of human resources.

Keywords: achieving the goals of scientific and technological development, national goals for the development of the scientific sphere, human resources, implementation indicators

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (далее – Стратегия, СНТР РФ) является основным документом, определяющим приоритеты и перспективы развития научной деятельности в Российской Федерации. Главные цели Стратегии заключаются в обеспечении «независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации» [1] и соотносятся с реализацией национальных целей развития Российской Федерации, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «по обеспечению присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок» [2]. В Стратегии определены ключевые приоритеты реализации государственной политики в области научно-технологического развития, способных обеспечить возможности достижения поставленных целей, одним из которых является акцент на развитии человеческого капитала и трудового потенциала научной сферы.

Для мониторинга достижений целей стратегического развития научно-технологического прогресса распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2019г. № 1824-р. утвержден перечень показателей реализации Стратегии, которые являются индикаторами реализации мероприятий Стратегии и позволяют органам государственной власти принимать оперативные и долгосрочные решения по корректировке планов и направлений научно-технологического развития.

В стратегических документах развития науки и технологий формирование кадрового потенциала и человеческого капитала является одним из значимых направлений государственного управления в научной сфере. Инструментами, направленными на реализацию поставленных в Стратегии целей, выступают национальные и федеральные проекты, государственные программы, важнейшими из которых являются – НП «Наука» [3], НП «Образование» [4] и ГП НТР [5]. Данные стратегические программные документы и утвержденные в них целевые и дополнительные

индикаторы тесно взаимосвязаны и пересекаются между собой. Основными показателями, отражающими кадровый научный потенциал Российской Федерации являются: «Место РФ по численности исследователей в эквиваленте полной занятости среди ведущих стран мира», «Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей» и «Численность исследователей в возрасте до 39 лет (включительно), имеющих ученую степень кандидата наук» [5]. При этом государственная политика в направлении развития кадрового потенциала включает в себя ряд мероприятий, обеспечивающих поддержку талантливой молодежи и построенных на успешном карьерном росте в научной сфере. Кроме этого, создаются возможности для развития кадров за счет различных программ грантовой поддержки и российских научных фондов, создания лабораторий мирового уровня, а также привлечения ведущих ученых и специалистов для создания института преемственности знаний и руководства научно-исследовательскими коллективами.

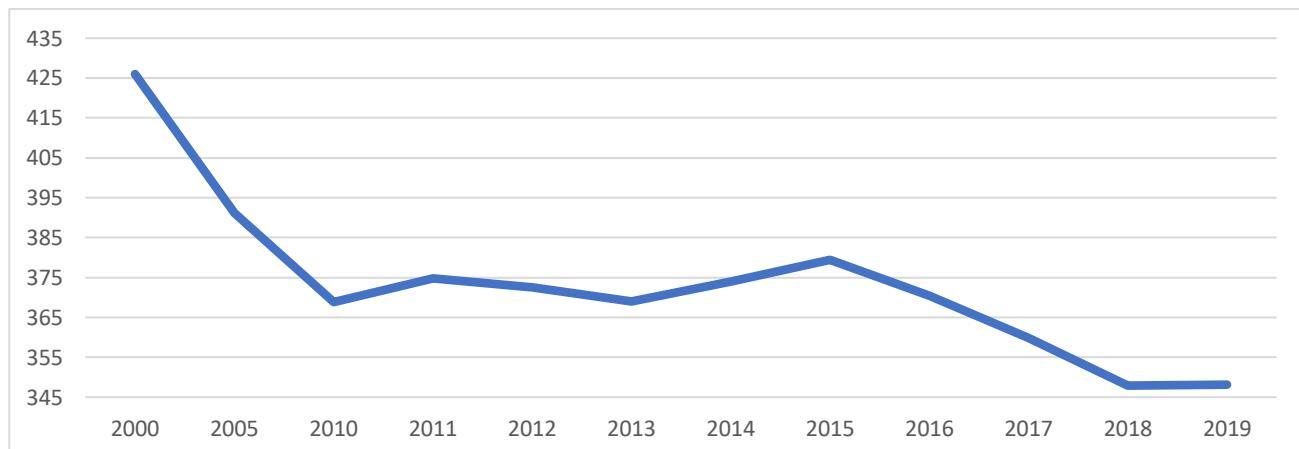
Показатели (индикаторы) мониторинга и их плановые значения (табл.1), позволяющие оценить уровень достижения ожидаемых результатов реализации Стратегии в области кадрового потенциала определены в НП «Наука» и ГП НТР.

Табл. 1. Индикаторы мониторинга выполнения Стратегии научно-технологического развития РФ

Индикатор	2018	2019	2020	2022	2024	2026	2028	2030
Место РФ по численности исследователей в эквиваленте полной занятости среди ведущих стран мира, место	5	5	5	4	4	4	4	4
Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей, %	43,3	44,2	45,6	48,2	50,1	51,0	51,5	51,5
Численность исследователей в возрасте до 39 лет (включительно), имеющих ученую степень кандидата наук, %	24,3	24,6	25,2	26,1	26,7	27,3	27,9	28,5

Источник: Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. №377 (в ред. Постановления Правительства РФ от 31.03.2020 № 390) [5].

При определении кадрового потенциала и развития человеческого капитала в научной среде, в первую очередь, ориентируются на рост численности исследователей. Однако, анализ численности исследователей, занятых в научных организациях, имеет отрицательную динамику (рис. 1). После начала процесса реформирования науки в 2000–2006 гг. произошел резкий спад числа научных сотрудников, связанный с масштабными сокращениями, произошедшими в данный период времени.

Источник: Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (дата обращения: 08.10.2020) [6]

Рис. 1. Динамика численности исследователей в Российской Федерации, тыс. чел.

В период 2010–2014 гг. наблюдалась незначительные колебания числа исследователей, а начиная с 2015 г. был отмечен незначительный рост показателя на 0,36%, после которого произошло резкое падение на 91% в 2018 г. по отношению к 2011 г. За 9 лет средний темп спада составил 98,9%.

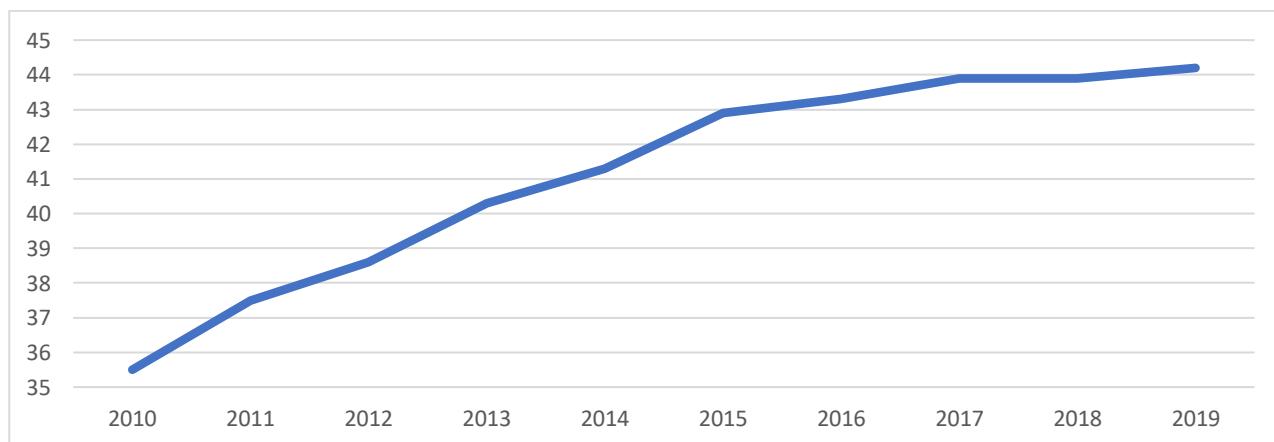
Позиция РФ по численности исследователей, после длительного периода нахождения на 4-ом месте (с 2010 по 2016 гг.), в 2017 г. опустилась на 5-е место в рейтинге, уступив Германии, где темпы роста данного показателя

составили 105% в 2017 г. Кроме Германии в 2018 г. Россию также опередила Южная Корея с приростом в 106%.

То есть, при сохранившейся в РФ тенденции снижения численности работников, занятых исследованиями, и нарастающем темпе роста числа исследователей в Южной Корее, Германии и других странах вероятность достижения определенных нормативными документами плановых значений показателя по количеству исследователей в эквиваленте полной занятости (в 2019 г. Россия должна была занять 5 место по данному индикатору) в ближайшие годы проблематична.

В настоящее время в международном рейтинге стран по данному показателю Россия удерживает 6-ю позицию, вслед за Германией, Кореей, Китаем, США и Японией, имеющих положительную динамику численности исследователей.

Что касается показателя доли исследователей в возрасте до 39 лет, то за этот же промежуток времени он имеет устойчивую тенденцию к росту, прирост которого в 2019 г. к 2010 г. составил 24,5 % и полностью соответствует плановым показателям, определенным Стратегией развития 44,2 % (рис. 2).

Источник: Федеральная служба государственной статистики URL:
<https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (дата обращения: 08.10.2020) [6]

Рис. 2. Динамика доли исследователей до 39 лет в общей численности
исследователей, %

Однако при более детальном рассмотрении данного показателя за последние три года (2017-2019 гг.) возникает неоднозначность интерпретации достижения им целевых значений (рис. 3). Так, количество молодых исследователей до 39 лет в 2018 г. по отношению к 2017 г. снизилось на 3,2%, однако в 2019 г. отмечается незначительный рост данного показателя на 0,9%. При этом, если в абсолютных значениях количество молодых специалистов снизилось в 2019 г. в сравнении с 2017 г. на 2,3%, то используемый в качестве индикатора показатель «Доли исследователей в возрасте до 39 лет» в 2019 г. увеличился на 0,3 пп. по отношению к 2017 и 2018 гг.

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 06.08.2020) [6].

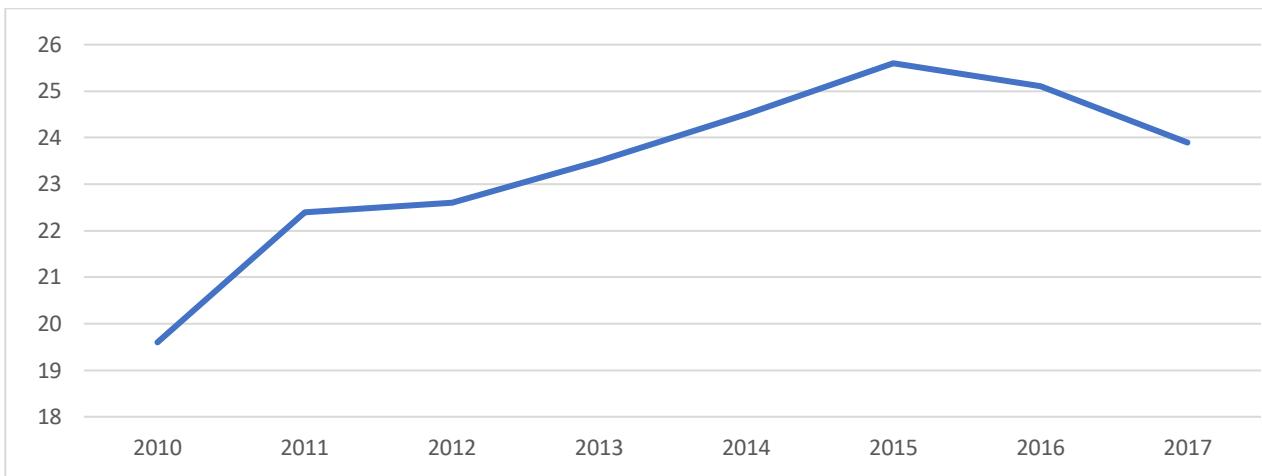
Рис. 3. Численность исследователей и доля молодых исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей за 2017–2019 гг.

Данная динамика показателя связана, в первую очередь, с сокращением общей численности исследователей при определении удельного веса показателя, поэтому доля исследователей до 39 лет в общей численности исследователей имеет некоторую формальную положительную тенденцию. При этом все же необходимо отметить, что при сокращении общей

численности исследователей на 7% в 2019 г. к 2010 г., рост доли молодых специалистов составил порядка 25%.

Увеличение численности молодых ученых связано, в том числе, и с ростом эффективности используемых инструментов для поддержки молодежи в области научных исследований, при помощи различных президентских грантов и стипендий, поддержки российских научных фондов. Дальнейшему росту числа привлеченных молодых специалистов в сферу научных исследований и разработок будет способствовать создание сети центров молодежного научно-технического творчества и развитие специализированных учебно-научных центров, призванных выявлять талантливую молодежь, а также формирование центров компетенций в рамках развития научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ).

Показатель «Численность исследователей в возрасте до 39 лет включительно, имеющих ученую степень кандидата наук, в общем количестве исследователей в возрасте до 39 лет включительно» [5] (рис. 4) в период с 2010 по 2017 гг. демонстрировал разнонаправленную динамику. Так, с 2010 г. по 2015 г. наблюдался существенный рост значения показателя, в результате которого численность исследователей в возрасте до 39 лет, имеющих ученую степень кандидата наук, в 2015 г. по сравнению с 2010 г. увеличилась на 30,8%. Однако, в дальнейшем отмечается снижение значения индикатора на 6,6% в 2017 г. к 2015 г. Более позднюю динамику выявить не представляется возможным из-за отсутствия данных в открытых источниках информации.

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 06.08.2020) [6].

Рис. 4. Численность исследователей в возрасте до 39 лет включительно, имеющих ученую степень кандидата наук, в общем количестве исследователей в возрасте до 39 лет включительно, тыс. чел.

Данное снижение связано с несколькими причинами. Во-первых, это сокращение общей численности молодых специалистов в данный период времени, а, во-вторых, с ужесточением требований Высшей аттестационной комиссии [7] к предоставляемым диссертационным исследованиям, порядку их представления и присвоения ученой степеней. Разработанные Министерством науки и образования изменения в Положение о присуждении ученых степеней [8] и вступившие в силу с 2020 г. еще больше усложняют вероятность достижения плановых значений по данному показателю.

Проведенный анализ реализации стратегических программных документов научно-технологического развития Российской Федерации показал, что за период 2017-2019 гг., который соответствует 1 этапу реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, в направлении развития кадрового потенциала научной деятельности по утвержденным нормативно-правовыми документами показателям, выявил ряд проблем достижения целевых значений:

- наметившаяся в последние годы тенденция снижения численности

исследователей в эквиваленте полной занятости пока не позволяет России занять целевое 5 место среди ведущих стран мира, в настоящее время она занимает 6 позицию в рейтинге стран по данному показателю;

– по показателю доли исследователей в возрасте до 39 лет достигнуто целевое значение индикатора (44,2%), за счет общего прироста количества молодых научных кадров, а также в связи со снижением общей численности исследователей;

– наблюдается снижение численности исследователей в возрасте до 39 лет включительно, имеющих ученую степень кандидата наук, в общем количестве исследователей в возрасте до 39 лет на 6,6% (с 2015 по 2017 гг.), в том числе, в результате ужесточения требований к защите кандидатской диссертаций, в связи с чем, предполагается, что достижение планового значения затруднительно.

Тем не менее, Правительством Российской Федерации ведется целенаправленная планомерная политика по развитию кадрового потенциала и привлечению молодых специалистов в сферу научных исследований и разработок за счет реализации различного рода мероприятий и программ поддержки научных кадров.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. №64 «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»
2. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»
3. Национальный проект «Наука» (утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)
4. Национальный проект «Образование» (утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. №16)

5. Государственная программа «Научно-технологического развития Российской Федерации» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377) (в ред. Постановления Правительства РФ от 31.03.2020 № 390)

6. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

7. Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/>

8. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 №842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»).

УДК 004.81

Никитина Елена Николаевна кандидат филологических наук, научный сотрудник ФИЦ ИУ РАН
e-mail: yelenon@mail.ru

К РАЗРАБОТКЕ МЕТОДА АВТОМАТИЧЕСКОГО ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ В ИНТЕРЕСАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА⁴

Аннотация: В докладе предлагаются и обсуждаются подходы к автоматическому анализу текста – сплошной и избирательный, а также способы психолингвистической интерпретации его результатов, разработанные в рамках междисциплинарного исследования, на примере текстов эссе трех групп испытуемых с разным психиатрическим статусом.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование, автоматический анализ текста, сплошной и избирательный анализ текста, психолингвистическая интерпретация, речевая продукция личности, морфология и синтаксис.

---

⁴ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ, грант №19-29-07163 мк.

ON DEVELOPMENT OF TECHNIQUE FOR AUTOMATED PSYCHOLINGUISTIC TEXT ANALYSIS FOR THE PURPOSES OF HUMAN CAPITAL EXPLORATION

Abstract: The paper proposes and discusses such approaches to technique for automated text analysis as complete and selective ones. They (as well as ways of psycholinguistic interpretation) were developed within a multidisciplinary research based on the texts produced by different clinical groups.

Key words: automated text analysis, multidisciplinary research, complete and selective analysis, psycholinguistic interpretation, speech production, morphology and syntax.

1. Известен сложный характер соотношения и взаимодействия понятий «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «трудовые ресурсы» в социальных науках. На сегодня «человеческий капитал» - это гуманитарный макро-термин, вмещающий многообразные содержательные аспекты частных наук о человеке и предполагающий, в первую очередь, роль человека как составляющей производственного процесса, как производительного и социального фактора. Зародившись в недрах экономической науки, термин «человеческий капитал» не остался в рамках идеологий экономических способностей, источника дохода, стоимости продукта, инвестиций в человека и их отдачи. В связи с инвестиционным аспектом параметры воспитания, образования включались в него еще на ранних этапах, далее «человеческий капитал» для исследователей-экономистов связался с информационной оснащенностью, интеллектуальной собственностью, мировоззрением, культурой, безопасностью и здоровьем человека. Распространившись в сферу психологии, он приобрел новые черты: это не только «человеческий капитал» в плане pragmatiko-экономическом – для профессиональной психодиагностики, но и академические исследования, ставящие своей задачей понимание состояния человека и его интенций через его речевую активность. Тем самым, на современном этапе понятие «человеческий капитал» применительно к психолингвистическим исследованиям получает понимание в широком смысле, демонстрируя свой мощный метафорический потенциал и стимулируя цифровые исследования человека и текста, а отсюда следуют и

прогностические возможности таких исследований, могущих привносить новое знание в науки о экономическом поведении и экономической отдаче человека.

2. Понимание человека посредством анализа и интерпретации его речевой продукции предполагает центральным объектом исследования текст и, тем самым, междисциплинарный характер научного проекта, включающего клинических психологов, лингвистов и программистов.

3. В докладе будут представлены методика и приемы, разработанные в ходе двух психолингвистических исследований, проведённых с опорой на возможности системы автоматического анализа текста «Машина РСА» и обусловленных разными подходами к анализу текста: (1) сплошной автоматический анализ текста и (2) избирательный автоматический анализ текста. При первом подходе сначала машина совершает сквозное обследование морфологии текстов, далее лингвисты и психологи интерпретируют (на основе обращения к текстам испытуемых) статистические значимые расхождения в референтных группах. При втором подходе лингвист, базируясь на предварительных исследовательских гипотезах, задает лексические и грамматические (морфологические) категории для автоматического анализа, после чего на основании промежуточных результатов автоматического анализа задание для машины подвергается коррекции с помощью лингвистических приемов для следующей итерации, а затем лингвисты и психологи интерпретируют окончательные результаты автоматического анализа текста.

4. Сплошной (1) и избирательный (2) подходы к анализу текста различаются не только объемом анализируемого материала, но и разной лингвистической уровневостью, а также разной степенью прицельности исследования. При сплошном анализе главным образом выполняется подсчет морфологических форм, этот тип анализа может быть назван морфологизированным. Избирательный более свободен в выборе уровневого среза средств, оптимальным можно считать лексико-синтаксический срез

(выбор категориального класса лексики задает и синтаксис конструкций). На ранних этапах исследований целесообразно проводить сплошной анализ, в дальнейшем избирательный анализ становится эффективнее. Результатом избирательного анализа становятся не только собственно данные, полученные для конкретных условий, но и микро-словари, которые могут быть применены при дальнейших разработках, включены в более обширные и сложные аналитические системы автоматического анализа в качестве (сменных) модулей.

5. В докладе будут представлены подходы (1) и (2) к автоматическому анализу на примере двух психолингвистических исследований текстов испытуемых с разным психиатрическим статусом. Объектом обоих исследований стал корпус текстов (около 600 текстов), написанных на тему «Я, другие, мир» в жанре эссе, из них 27 текстов принадлежат больным с диагнозом «шизофрения», 43 текста – лицам в состоянии депрессии, 457 написаны здоровыми испытуемыми (соответственно группы «здоровые», «депрессия», «шизофрения»). Исследуемый корпус был собран клиническими психологами Научного центра психического здоровья РАН. Целью исследований было установление некоторых связей между языком и мышлением в норме и патологии. При этом исследователями ставился вопрос о том, какие из лингвистических признаков текста обусловлены решением конкретной темы разными группами испытуемых, а какие – психиатрическим статусом пишущих.

6. При сплошном анализе текста (1) были выявлены статистически значимые корреляции, различающие тексты трех групп испытуемых по двум дейктическим категориям – категории лица, выражаемой местоимениями и формами глаголов, и категории времени: это малая употребительность форм прош.вр. и местоимений 1-го лица в текстах группы «здоровые» и большая употребительность тех же языковых форм в текстах групп «депрессия» и «шизофрения», которые требовали когнитивно-лингвистической интерпретации.

7. В избирательном анализе текста (2) был задействован микро-словарь, соединяющий две родственные семантические группы глаголов: переходные каузативно-эмотивные глаголы и их возвратные корреляты (типа *удивлять – удивляться*). Выбор этих глагольных групп был обусловлен лингвистическими предположениями: 1) определенная независимость этого типа лексики от тематики эссе, 2) «семантическая третьичность» возвратных эмотивов могла дать статистический перевес форм 1-го лица (типа *я удивляюсь, радуюсь*) в группе «депрессия», для которой характерен взгляд на себя со стороны, 3) каузативные конструкции могли доминировать в группе «шизофрения», которой свойственен формальный логизм, навязчивое структурирование текста. Если предположения 1 и 3 подтвердились, то предположение 2 оказалось нерабочим: взгляд на себя со стороны, ведущий к расслоению личности на две одновременные инстанции, проявляется в эссе группы «депрессия» там, где в силу вступают не эмоции, а качества и оценки с точки зрения социума (*Я не приспособлен к жизни в реальном мире. Я слишком изнежен родительской опекой; Я человек великодушный и щедрый*).

8. При избирательном анализе текста (2) корректировка задания была связана с обнаружением глагольной полисемии или омонимии (ср. эмотивное и пространственное значения глаголов *колебаться, занимать*), которая смазывала статистику результатов, а также с тем, что подсчет индивидуальных значений глаголов не дал достоверных результатов. Поэтому были введены новые приемы и параметры анализа: сформулированы и применены параметры эмоциональности текста (общая эмоциональность текстов в группе, плотность эмотивов в тексте), выделены и применены семантические подклассы в составе эмотивных глаголов, произведен учет возвратных глаголов, форм прош.вр.

9. По завершении автоматического анализа была произведена интерпретация языковых характеристик текстов в связи с особенностями мышления и мировосприятия лиц с разным психиатрическим статусом.

10. Наши психолингвистические исследования показали, что различие между группами испытуемых лежит не в сфере владения морфологическими формами, а в тактиках и стратегиях разворачивания текста, в особенностях интерпретации внешнего мира и себя, что проявляется в категориальном выборе лексических средств и синтаксических конструкций, одним, но не единственным признаком которых может являться морфологическая форма. Морфологическая форма может являться хранителем значений уровня конструкции и текста, материальной базой, обнаруживающей разные мыслительные механизмы, характерные для разных групп испытуемых (в частности, наше исследование показало разную морфологическую базу для выражения обобщенно-личного значения). Тем самым, семантически сложные значения конструкции и текста должны опираться на автоматический поиск морфологической формы, которая должна быть дополнена целой группой лексико-семантических и конструктивных условий.

11. Для дальнейшего автоматического анализа текста будут актуальны:

- (а) применение цифровых словарей предикатной лексики, хранящих информацию о грамматических и сочетаемостных свойствах лексем (глаголов); (2) кластерный подход, т.е. учет комбинаторной силы нескольких разноуровневых лингвистических признаков, характерных для той или иной группы испытуемых.

УДК 338.2

Пшеничных
Юлия
Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
технологий управления Высшей школы бизнеса
ФГАОУ «Южный федеральный университет»
E-mail: Pshenichnyh.julia@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ НА УРОВНЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация: цифровизация экономики, которая базируется на качественно новом типе информационно-телекоммуникационных технологий выступает самым важным признаком устойчивого экономического развития страны. На это есть объективные причины: проникновения компьютеров во все сферы жизни, широкое использование мобильных устройств, растущее сетевое взаимодействие в обществе ускоряют оцифровки всех направлений жизнедеятельности. Для развивающихся стран, ускоренная переориентация экономики на цифровой способ функционирования, в основе которого лежит использование во всех секторах экономики сенсорных технологий, технологий анализа больших данных и др.. стала неотложной задачей. В статье проведен анализ степени развития информационного общества на региональном уровне.

Ключевые слова: цифровизация; информационные ресурсы; информационно-коммуникационные технологии, национальная программа

PROBLEMS OF UNEVEN DIGITAL DEVELOPMENT AT THE LEVEL OF RUSSIAN REGIONS

Annotation: digitalization of the economy, which is based on a qualitatively new type of information and telecommunications technologies, is the most important sign of the country's sustainable economic development. There are objective reasons for this: the penetration of computers into all spheres of life, the widespread use of mobile devices, the growing network interaction in society accelerate the digitization of all areas of life. For developing countries, the accelerated reorientation of the economy to the digital way of functioning, which is based on the use of sensory technologies, big data analysis technologies in all sectors of the economy, etc. became an urgent task. The article analyses the degree of development of the information society at the regional level.

Key words: digitalization; information resources; information and communication technologies, national programme

Актуальные тенденции в области инновационного развития российской экономики увеличивают необходимость разработки научно-обоснованных методологических инструментов в цифровой экономике. Сам термин «цифровая трансформация» носит коллективный характер и подразумевает совокупность взаимосвязанных изменений во всех сферах жизни человека под влиянием цифровых технологий. Экономический анализ цифровой экономики около двух десятилетий является активно развивающейся областью исследований. Анализ успешных цифровых преобразований представлены в значительном количестве опубликованных работ по цифровизации экономики.

Они рассматривают проблемы трансформации конкретных сфер и отраслей экономики, рост ВВП цифровой экономики и цифровых лидеров.

Цифровая экономика развивается, главным образом, в условиях, когда на смену традиционным ресурсам приходят интеллектуально-информационные ресурсы, т.е. происходит развитие нематериальной сферы экономики. Цифровую экономику отличают следующие характеристики [1]:

1) основным производственным ресурсом выступает информация. При этом для нее характерные следующие особенности: она быстро устаревает, является воспроизводимой, обладает свойством делимости, не имеет территориальных или иных ограничений, требует постоянного обновления;

2) цифровая экономика меняет тип рынка, в рамках которого функционируют организации, он становится близким к совершенной конкуренции. Это связано прежде всего с тем, что происходят глобальные процессы производства и обмена, в том числе благодаря развитию информационных технологий. Монополисты меняют свое поведение на рынке, в силу повышения конкуренции, стараясь снизить свои издержки производства, в том числе за счет внедрения современных информационных технологий.

3) в условиях развития цифровой и «неэкономики» увеличилось число людей, которые потребляют различные информационные продукты (социальные сети, мобильные телефоны, интернет и т.д.).

Стратегической целью развития России является построение цифровой экономики, в связи с чем в 2017 г. разработана Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, принятая Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2, 3]. Цифровая экономика является необходимым условием повышения уровня качества жизни граждан, обеспечения экономического роста и конкурентоспособности страны [4].

Цифровая трансформация в России немыслима без участия регионов, она является комплексной стратегией регионального развития. Главная задача

исполнительных органов власти – повышение вовлеченности регионов в реализацию национального проекта «Цифровая экономика» и обеспечение учета их реальных возможностей и интересов [5].

Согласно расчетам индекса «Цифровая экономика» центра финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО в пятерку лидеров по цифровизации входит Москва, республика Татарстан, г. Санкт-Петербург, Московская и Тюменская области. При этом по рассчитанным значениям индекса можно отметить, что в 2018 г. в сравнении с 2017 г. средний балл по цифровизации в регионах повысился и сократился разброс региональных значений [6].

Несколько иначе выглядит рейтинг информатизации регионов Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России, рассчитываемый с 2016 по 2018 гг. Пятерка лидеров в 2017 г. выглядела следующим образом г. Москва, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Республика Татарстан, Тульская область [7].

Проанализируем неравномерность развития цифровизации субъектов РФ на основе статистических характеристик рядов по удельному весу домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к интернету за период с 2016 по 2019 гг. Основные статистические характеристики для каждого года сведены в табл. 1.

Таблица 1. Основные статистические характеристики рядов по удельному весу домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к интернету за период с 2016 по 2019 гг. (проценты) [8].

Год	Полярные точки по субъектам РФ		Размах вариации	Среднее значение	Медиана	Дисперсия	Стандартное отклонение
	Rmin	Rmax					
2016	36,0	86,0	50,0	68,14	68,00	74,46	8,63
2017	32,8	93,3	60,5	70,80	70,80	81,96	9,05
2018	50,2	96,3	46,1	71,45	71,45	65,72	8,11
2019	53,5	93,9	40,4	72,80	72,80	62,57	7,91

В целом на протяжении всего рассматриваемого периода средний уровень удельного веса домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к интернету, неуклонно рос с 68,14% в 2016 г. до 72,8% в 2019 г. Для субъектов РФ характерна высокая степень внутренней асимметрии. Минимальные значения полярных точек находятся в диапазоне от 36,0 до 53,5, а максимальные от 86,0 до 93,9. Можно выделить ряд субъектов РФ, для которых значение удельного веса домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к интернету, превосходит средний уровень. В лидерах находятся такие субъекты РФ, как Ямало-ненецкий АО, Магаданская область, г. Москва, Оренбургская область, Тульская область и г. Санкт-Петербург. Снижение дисперсии можно рассматривать, как снижение неравенства между субъектами РФ по уровню цифровизации.

Неравномерность распространения ИКТ приводит к тому, что граждане имеют разные возможности для использования преимуществ «цифровизации». Среди факторов, влияющих на процесс развития цифровизации в отдельных субъектах РФ можно отметить следующие:

1. Нехватка квалифицированного персонала и необходимость корректировки образовательных программ.
2. Отсутствие финансирования. Особенно сложно выделить средства на цифровизацию регионам РФ, имеющим более серьезные экономические проблемы.
3. Проблема цифрового неравенства. Невозможно использовать ни электронное правительство, ни сервисы "Умный город" без интернета. Только треть базовых станций сотовой связи имеет доступ к сетям 4G и LTE, которые считаются современным стандартом мобильного Интернета. Развитие 5G связи отложено до 2022 года.
4. Медленное формирование новой регуляторной среды, которая вызывает появление цифровых технологий. Этот процесс по-прежнему актуален в большинстве регионов России.

Основной проблемой, актуальной для большинства регионов РФ, является нехватка квалифицированных кадров для работы с цифровым программным обеспечением и оперативными процессами. Главная проблема связана с отсутствием «человеческих ресурсов» в современной России. В соответствии с этим появляется комплекс инструментов глобализации: технологическое воздействие на людей через призму цифровой экономики и последующая конкуренция регионов внутри страны и за рубежом. Образование и культурный фон формируют качественные характеристики, определяют ценности и компетенции человеческого капитала. Развитие этих характеристик считается крайне важным для экономического роста страны. Правительство обеспокоено этим и предпринимает разумные шаги. Прекрасным примером для него является проект «Главный сотрудник по цифровой трансформации». Проект стартовал в 2019 году в Российской академии народного хозяйства и государственной службы и был поддержан президентом РФ.

Наблюдается проблема и в финансировании региональной цифровизации, дефиците финансирования, что сказывается на экономической нестабильности регионов, которая вызвана проблемой внедрения новых технологий. Так, на протяжении 2017-2019 гг. пятерка лидеров по объемам финансирования на информатизацию не менялась, лидерами являлись Москва, Санкт-Петербург Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Татарстан, при этом на долю топ-5 приходилось 67% всех региональных ИКТ-расходов. Среди ключевых направлений региональных расходов ЦЭКИ отмечают такие, как: формирование базовой инфраструктуры связи, перевод государственных услуг в электронную форму, создание отраслевых информационных систем [7]. При этом в 2020 г. на развитие информационных систем правительством России будет направлено 500 млн руб. [9].

Так же одна из значимых проблем цифровой трансформации на региональном уровне заключается в отсутствии четкого понимания органами

региональной власти целей, задач и ключевых показателей данной деятельности. В июне 2019 г. Минкомсвязи объявило конкурс на разработку показателей Национального индекса развития цифровой экономики Российской Федерации, который предположительно появится только в конце 2021 г. По сути, на региональном уровне можно увидеть все признаки «трансформации ради трансформации», без четких целей и конечных результатов.

Очевидно, что в стране происходят позитивные преобразования, однако они занимают много времени. Поэтому для решения проблем регионального развития необходимо использовать инструменты цифровой экономики.

Литература

1. Чепурин М.Н., Киселева Е.А. Курс экономической теории: учебник. – Киров: АСА, 2015. – 880 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
3. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 года №1632-р. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».
4. Кравченко Н. А., Кузнецова С. А., Иванова А. И. Факторы, результаты и перспективы развития цифровой экономики на региональном уровне // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 4. С. 168–178.
5. Батракова Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России // Социально-политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 51-64.
6. Индекс «Цифровая Россия» [Электронный ресурс]. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKO_LKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 10.10.2020).
7. ЦЭКИ [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2020).

8. Индикаторы цифровой экономики: 2020 : статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 360 с.

9. Постановление правительства РФ от 30 ноября 2019 года №1557 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Информационное общество”».

УДК 336.647.648

Свиридов
Олег
Юрьевич

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой финансы и кредит,
Южный федеральный университет
e-mail: oysviridov@sedu.ru

Некрасова
Инна
Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансы и кредит,
Южный федеральный университет
e-mail: inna-nekrasova@mail.ru

Подгорская
Ирина
Александровна

магистрант,
Южный федеральный университет
e-mail: irina.aster@yandex.ru

ФИНАНСОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: Цифровизация российского финансового рынка постепенно изменяет банковские бизнес-процессы, а также их подходы к обслуживанию клиентов. В период пандемии банки цифровизируют свои продукты ускоренными темпами, предлагают новые услуги и вступают в коллaborацию со бигтехами. Все это в совокупности формирует принципиально новую цифровую среду, которая требует исследования и разработки рекомендаций по ее совершенствованию.

Ключевые слова: финансовые экосистемы, цифровизация, бигтех, бизнес-модель, продукт-как-услуга.

FINANCIAL ECOSYSTEMS: REGULATORY PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract: The digitalization of the Russian financial market is gradually changing banking business processes, as well as their approaches to customer service. During a pandemic, banks are digitizing their products at an accelerated pace, offering new services, and collaborating with big techs. All this together forms a fundamentally new digital environment, which requires research and development of recommendations for its improvement.

Key words: financial ecosystems, digitalization, big tech, business model, product-as-a-service.

Активное развитие технологий меняет парадигму предоставления финансовых услуг, расширяет существующие бизнес-модели и меняет архитектуру финансового рынка.

Проведенное исследование позволило выделить следующие виды экосистем в зависимости от степени информационной прозрачности: открытые и закрытые экосистемы.

Открытые экосистемы имеют публичные недискриминационные критерии присоединения участников и используются для создания большого количества разнообразных сервисов в сжатые сроки. Компания-лидер предлагает ИТ-разработчикам или производителям продуктов/сервисов возможность заработать в рамках экосистемы.

Закрытые экосистемы имеют непубличные критерии присоединения к экосистеме, и решение принимается оператором в индивидуальном порядке. Такие экосистемы внедряют уникальные нестандартные интерфейсы и проприетарные решения для удержания клиентской базы внутри экосистемы без свободного доступа к ней сторонних разработчиков и поставщиков услуг.

Компании, создающие и развивающие свою экосистему, обычно следуют так называемой стратегии «голубого океана».

Модель стратегического планирования «Голубой океан» предполагает поиск новых рыночных ниш, возникающих вследствие инновационного развития экономики. Цель стратегии состоит в том, чтобы организации находили и разрабатывали «голубые океаны» (новые растущие рынки) и избегали «красных океанов» (развитых рынков с высоким уровнем

конкуренции). Успешным примером реализации подобной стратегии является компания Salesforce.com, которая изначально выбрала стратегию «Голубого океана» и смогла стать лидером на рынке CRM-систем (Систем управлении взаимоотношениями с клиентами). В то время как конкуренты предлагали локальные программные технологии CRM, которые доминировали на корпоративном рынке, Salesforce.com разработала решение для управления взаимоотношениями с клиентами по требованию, которое было намного дешевле, проще в использовании и доступно в том числе и для малых и средних предприятий.

Появление на рынке экосистем, предоставляющих финансовые и нефинансовые услуги миллионам людей, приводит к аккумулированию огромных массивов данных. В этой связи возникают риски накопления и использования финансовыми организациями и бигтех-компаниями в собственных интересах больших объемов наиболее чувствительной информации о человеке, включая сведения о платежах, здоровье, частной жизни и другой.

По мере развития экосистемы, компании скупают финансовые и технологические организации, которые работают в сфере их деятельности и интересов, тем самым ограничивая граждан в выборе наиболее удобных и дешевых продуктов и услуг. Также они навязывают собственные правила работы и условия, которые делают крайне затруднительным переход на сервисы и услуги других организаций. Экосистемы таких компаний трансформируются в социально значимую инфраструктуру, выполняют роль государственных институтов и оказывают существенное влияние на экономические показатели страны.

При этом предоставление финансовых услуг технологическими компаниями, а также развитие банками экосистем из нефинансовых сервисов не попадает под традиционную модель регулирования финансового сектора.

Рассмотрим влияние экосистем на клиентов и финансовый рынок в целом.

Развитие экосистем открывает новые преимущества для клиентов. Часто стратегия экосистем направлена на быстрый захват новых рынков, что реализуется за счет установления относительно низких цен или комиссий для клиентов, которые компания может компенсировать за счет эффекта масштаба или выручки от других направлений деятельности. Накопленная при предоставлении широкого спектра услуг информация о клиенте и его предпочтениях позволяет делать более персонализированные предложения, а встраивание различных сервисов в одну экосистему позволяет сделать весь процесс предоставления услуг более быстрым, бесшовным и удобным для клиента [1, с. 79].

С другой стороны, удобство использования комплекса сервисов в рамках одной экосистемы оборачивается для клиентов сложностью выхода из экосистемы или частичный переход на услуги другой организации/экосистемы. Таким образом, экосистемы потенциально обладают отрицательными чертами монополии.

Появление экосистем оказывает влияние, как на традиционные банки, так и на технологические компании. Способность традиционных банков трансформироваться под влиянием новых вызовов будет определять их конкурентоспособность в будущем.

Экосистемная бизнес-модель имеет тренд к монополизации рынка за счет закрытой модели развития платформы. Кроме того, осуществление деятельности одновременно в разных секторах экономики позволяет применять кросс-субсидирование одних проектов за счет других, что может приводить к снижению цен ниже уровня рентабельности на определенных рынках с целью их быстрого захвата. В результате возникают дополнительные риски появления крупных монополий, которые будут препятствовать выходу на финансовые и нефинансовые рынки новых компаний.

В ответ на развитие бигтех-компаний и экосистемных моделей регуляторы многих стран сталкиваются с необходимостью разработки новых инструментов финансового регулирования, адекватного новым вызовам,

стоящим перед финансовой системой, которые позволяют получить максимум выгод от деятельности бигтех-компаний для общества при минимальных рисках. Важна международная координация действий финансовых властей, т.к. бигтех-компании действуют глобально по всему миру.

По мере роста числа пользователей многие ключевые Интернет-компании, например, Google, Facebook или Amazon отошли от платформенной модели бизнеса. Сервисы данных компаний стали играть критическую роль в социальной жизни людей, платформы, благодаря сетевому эффекту, стали обладать свойствами информационной инфраструктуры, а сервисы характеризуются изобилием функций, вездесущностью и необходимостью.

Существуют различные подходы к регулированию экосистем [2, с. 117]. Однако можно проследить общий тренд перехода к регулированию, которое является технологически нейтральным и пропорционально рискам соответствующего вида деятельности. Актуальным становится подход к регулированию по видам деятельности, при котором уровень регуляторных требований растет вместе с развитием компаний и пропорционален рискам, которые возникают при определенных видах или масштабах деятельности. Данный подход применим для регулирования как небольших финтех-стартапов, так и крупных экосистем, имеющих системную инфраструктурную значимость. Например, в Китае ведется проработка инициативы по лицензированию финансовых холдингов, которым будет запрещено вести нефинансовую деятельность в целях сокращения рисков для реального сектора экономики.

С другой стороны, регуляторам приходится реагировать на монополизацию финансового рынка и других отраслей экономики, а также на создание неконкурентных условий отдельными организациями.

На сегодняшний день развитие цифровых компетенций лежит в основе формирования успешных бизнес-моделей, предоставления инновационных продуктов и сервисов, обеспечения персонализированного клиентского опыта. К числу ключевых глобальных трендов относятся развитие мобильных

мессенджеров, изменение подходов к монетизации, основой которых становится работа по подписке, совершенствование инструментов защиты персональных данных.

В эпоху развития мобильных технологий мессенджеры являются не только средствами передачи сообщений и медиа-контента между пользователями, а становятся основой формирования цифровых экосистем.

Платежные сервисы для перевода средств или оплаты услуг внутри экосистемы, в первую очередь, внедряются в мобильных мессенджерах. Как правило, такая услуга имеет возможность осуществления платежей только внутри одной страны [3, с. 199].

В рамках экосистем цифровизация экономики и общества способствует появлению новых продуктов, к числу которых относится «продукт-как-услуга» (Product-as-a-Service). Это тоже своего рода бизнес-модель, позволяющая клиентам приобретать желаемый результат, а не продукт (оборудование и др.), обеспечивающий такой результат.

Все более актуальными в условиях возникновения новых сервисов становятся задачи обеспечения безопасности персональных данных.

Данный вопрос включен в цифровую повестку, как на государственном уровне (например, Регламент ЕС о защите персональных данных (The General Data Protection Regulation (GDPR)), так и на корпоративном (например, сквозное шифрование в WhatsApp.). Все крупные мессенджеры перешли на сквозное шифрование, социальные сети ограничивают доступ к данным третьим лицам.

Проведенное исследование позволило выявить следующие основные предпосылки успешного развития финансовых экосистем:

- единая авторизация – все продукты доступны под одной учетной записью; отсутствие дублирующих друг друга сервисов;
- все продукты взаимоувязаны таким образом, что клиент постоянно получает стимулы использовать все большее количество сервисов;
- все API экосистемы рассчитаны на передачу информации внутри

экосистемы;

- все большее распространение приобретает модель монетизации, связанная с оплатой услуг по подписке;
- группа продуктов и услуг экосистемы обладает синергетическими свойствами.

Литература

1. Зотова А.И., Некрасова И.В. Гиперрациональность российского фондового рынка как показатель недостаточного уровня его развития // Journal of Economic Regulation. 2011. Т. 2 №2. С. 77-83
2. Некрасова И.В., Свиридов О.Ю. Государственное финансирование индустриальных парков и технопарков как основной элемент промышленной политики России // Финансовые исследования. 2018. №4 (57). С.110-121
3. Свиридов О.Ю., Некрасова И.В. Тенденции развития финтех-экосистемы в Российской экономике // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Т. 21. № 4. С. 197-206

УДК 330.101.22

Симченко
Наталия
Александровна

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории,
Крымский федеральный университет имени В.ИМ.
Вернадского
e-mail: natalysimchenko@yandex.ru

SMART-СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация: Стратегии цифровой трансформации компаний должны опираться на сценарии воспроизводства человеческого капитала. В статье предложены направления формирования smart-сценариев развития человеческого капитала и методы их внедрения. Перспективы дальнейших исследований заключаются в формировании платформенного механизма

воспроизведения человеческого капитала с применением методов проектирования сетевых EdTech-форм.

Ключевые слова: цифровое развитие, человеческий капитал, smart-сценарии, hype-технологии, воспроизведение человеческого капитала.

SMART SCENARIOS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL

Abstract: Strategies of companies' digital transformation should be based on scenarios for the reproduction of human capital. The directions for the formation of smart scenarios for the development of human capital and methods for their implementation are analyzed in the paper. Prospects for further research are in the formation of a platform mechanism for the reproduction of human capital using methods for designing network EdTech-forms.

Keywords: digital development, human capital, smart scenarios, hype technologies, reproduction of human capital.

Технологические инновации являются вызовами для руководства современных компаний, что обуславливает необходимость разработки стратегии управления бизнесом с учетом максимального использования социальных и экономических выгод на региональном, национальном и глобальном уровнях [1-4]. Стратегии цифровой трансформации компаний, наряду с ИТ-модулями и платформенными решениями, должны содержать стратегические задачи воспроизведения человеческого капитала.

В процессе исследования меняющейся роли человеческого капитала в условиях цифровой экономики приоритетное значение для исследования имеют труды Д. Белла, Д. Гэлбрейта, П. Дракера, М. Кастельса, Р. Катца, Е. Масуде, Ф. Махлупа, М. Пората, Д. Робертсона, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера, Т. Умесао, Ф. Фукуямы, Ю. Хаяши и др. Цифровая трансформация экономики и бизнеса обуславливает смещение приоритетов в развитии человеческого капитала по таким основным направлениям:

- 1) инвестиции в аналитические инструменты и использование Big Data;
- 2) облачные решения;
- 3) геймификация как источник мотивации и удержания талантов;
- 4) социальные сети как канал общения и сотрудничества в масштабах

бизнеса, региона, страны;

- 5) виртуализация рабочих групп и сообществ сотрудников;
- 6) доступ к работе через мобильные устройства [5, 6].

По оценкам Deloitte, глобальный рынок хайповых цифровых технологий Digital Twins с использованием цифровых платформ вырастет до 16 млрд долл. к 2023 году, тогда как обороты рынка интернета вещей и машинного обучения к 2020 году должны удвоиться [7]. В связи со стремительными темпами цифровой трансформации экономики и общества наибольшую актуальность сегодня приобретают вопросы воспроизведения человеческого капитала в обеспечении зарезервированного повышения темпов роста производительности труда, опережающих развитие технологий в циклах хайпа Gartner.

Целью настоящей работы является исследование предпосылок формирования smart-сценариев развития человеческого капитала на основе сетевых EdTech-форм воспроизведения человеческого капитала в обеспечении зарезервированного развития экономических агентов в условиях цифровой трансформации экономики.

На основе анализа научных работ в сфере современных форм воспроизведения человеческого капитала нами предложены следующие направления формирования smart-сценариев развития человеческого капитала:

1. Разработка институциональных факторов воспроизведения человеческого капитала в обеспечении опережающих темпов роста производительности труда, определяемых развитием технологий в циклах зрелости Gartner (hype cycles).
2. Исследование сетевых форм воспроизведения человеческого капитала на основе реализации платформенных решений в сфере образовательных сервисов.
3. Разработка концепции развития сетевых EdTech-форм воспроизведения человеческого капитала.
4. Формирование и апробация технологий Edutainment-coaching как

технологии сетевого обучения работников на базе корпоративных университетов крупных корпораций и образовательных учреждений высшего образования.

5. Проектирование целевой архитектуры функциональной модели цифровой образовательной среды региона.

6. Стратегирование развития интеллектуального потенциала региона на основе сетевых форм воспроизведения человеческого капитала и частных инвестиций в образовательные сервисы.

7. Разработка платформенного механизма управления системой образования региона на основе интеллектуального анализа образовательных данных.

В основу предложенных направлений формирования smart-сценариев развития человеческого капитала целесообразно заложить использование следующих подходов и методов:

- концептуальные положения теории человеческого капитала и институциональной теории в части разработки институциональных факторов воспроизведения человеческого капитала в обеспечении опережающих темпов роста производительности труда, определяемых развитием технологий в циклах зрелости Gartner (*hype cycles*);
- сетевой подход к разработке концепции развития сетевых EdTech-форм воспроизведения человеческого капитала;
- методы IoT-интеграции к исследованию сетевых форм воспроизведения человеческого капитала на основе реализации платформенных решений в сфере образовательных сервисов;
- концептуальные положения теории стратегического управления к разработке стратегирования развития интеллектуального потенциала региона на основе сетевых форм воспроизведения человеческого капитала и частных инвестиций в образовательные сервисы;
- методы AI-аналитики для формирования и апробации технологии Edutainment-coaching как технологии сетевого обучения работников на базе

корпоративных университетов крупных корпораций и образовательных учреждений высшего образования;

– проектно-целевой подход к проектированию целевой архитектуры функциональной модели цифровой образовательной среды региона.

Отметим, что основной научной идеей разработки smart-сценариев развития человеческого капитала является формирование сетевых EdTech-форм воспроизведения человеческого капитала в обеспечении зарезервированного повышения темпов роста производительности труда, опережающих развитие технологий в циклах хайпа Gartner (hype cycles). Перспективы дальнейших исследований заключаются в формировании платформенного механизма воспроизведения человеческого капитала с целью динамичного формирования технологически ориентированного человеческого потенциала корпорации, региона, страны. Решение заявленной научной проблемы заключается в разработке конкретных методов проектирования сетевых EdTech-форм воспроизведения человеческого капитала с привлечением частных инвестиций в образовательные сервисы.

Литература

1. Borodulin, K., Radchenko, G., Shestakov, A. (2017). Towards Digital Twins Cloud Platform: Microservices and Computational Workflows to Rule a Smart Factory. – pp. 209-210. – DOI: 10.1145/3147213.3149234. – Available from: <https://www.researchgate.net/publication/321450833> [accessed Aug 15 2018].
2. Qi, Q., Tao, F. (2018). Digital Twin and Big Data Towards Smart Manufacturing and Industry 4.0: 360 Degree Comparison // IEEE Access. – Volume 6, 12 January 2018, pp. 3585-3593. – Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/8258937/> [accessed Aug 02 2018].
3. Shymchenko, A., Tereshchenko, V., Ryabov Y., Salkutsan S., Borovkov, A. (2017). Review of the Computational Approaches to Advanced Materials Simulation in Accordance with Modern Advanced Manufacturing Trends // Materials Physics and Mechanics. – Issue 3, 2017. – pp. 328-352.

4. Halpern, M. (2018). Digital Twins: Beware of Naive Faith in Simplicity. – Available at: <https://www.engineering.com/PLMERP/ArticleID/16272/Digital-Twins-Beware-of-Naive-Faith-in-Simplicity.aspx> [accessed Feb 02 2019].

5. Gawer, A. Bridging Differing Perspectives on Technological Platforms: Toward an Integrative Framework//Research Policy. 2014. Vol. 43. № 7. P. 1239-1249.

6. Parker, G. G., Alstyne, M. W., Choudary, S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – And How to Make Them Work for You. New York, NY: W.W. Norton & Co., 2016. 352 p.

7. Tech Trends 2019: Beyond the Digital Frontier (2019). – Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/Tech-Trends-2019/DI_TechTrends2019.pdf [accessed Jan 26 2019].

УДК 338

Соколовский
Александр
Александрович

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической безопасности
Института Права и Национальной Безопасности
Российской Академии Народного Хозяйства и
Государственной Службы при Президенте
Российской Федерации

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАДРОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: доклад посвящен раскрытию роли кадровой безопасности для обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта в условиях цифровизации экономики. В докладе раскрывается сущность кадровой безопасности, определяются основные задачи и направления минимизации кадровых рисков, характеризуются составляющие содержания категорий «квалификационные риски» и «риски нелояльности персонала», их влияние на обеспечение кадровой безопасности, а значит и экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: цифровизация экономики, информационная безопасность, кадровая безопасность, защита информации, экономическая безопасность, личный фактор процесса производства, общественное воспроизведение, человеческий капитал, персонал, кадровые риски, квалификационные риски, риски нелояльности персонала, угрозы экономической безопасности, хозяйствующий субъект, финансовая устойчивость, экономические интересы, эффективность хозяйственной деятельности.

PRACTICAL ASPECTS OF ENSURING HUMAN AND ECONOMIC SECURITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract: the report is devoted to the disclosure of the role of personnel security to ensure the economic security of an economic entity in the conditions of digitalization of the economy. The report reveals the essence of personnel security, identifies the main tasks and directions of minimizing personnel risks are characterized by the components of the content categories of "qualifying risks" and "risks of disloyalty" staff", their impact on human security and hence economic security of business entity.

Keywords: digitalization of the economy, information security, personnel security, information security, economic security, personal factor of the production process, social reproduction, human capital, personnel, personnel risks, qualification risks, risks of staff disloyalty, threats to economic security, economic entity, financial stability, economic interests, efficiency of economic activity.

Вопросы практического обеспечения экономической и кадровой безопасности хозяйствующего субъекта всегда находились и находятся в центре внимания ученых-экономистов и специалистов-практиков. Однако особое значение они приобретают в современных условиях, в условиях века XXI, когда во все сферы жизни современного общества и каждого отдельного индивидуума проникают цифровые технологии. В этих условиях содержание таких важнейших экономических категорий как кадровая и экономическая безопасность хозяйствующего субъекта приобретает качественно новый смысл поскольку процессы практического обеспечения как кадровой, так и экономической безопасности, процессы теснейшим образом взаимосвязанные друг с другом существенно усложняются. Без цифровых технологий сегодня невозможно себе представить ни современную науку, ни здравоохранение, ни образование, ни тем более экономику. Однако XXI век это не только век

цифровых технологий, но и век информации. Ее распространение при посредстве цифровых технологий, в XXI веке стало молниеносным. Используя цифровые технологии, применяемые в сети Интернет, мы за доли секунды можем получить необходимую нам информацию и столь же быстро ее потерять. Информация составляющая совокупность сведений, отражающих состояние и ход экономических процессов сопровождает процессы воспроизводства, возникающие и развивающиеся в рамках каждого хозяйствующего субъекта. Содержание этих процессов, стратегия хозяйствующего субъекта и планы его развития, его финансовое положение, прогнозы развития, результаты проведения маркетинговых исследований, условия оказания услуг, характеристики производимой и разрабатываемой продукции, состав партнеров и клиентов, содержание хозяйственных договоров, организационная структура хозяйствующего субъекта, система его безопасности, и в первую очередь средства защиты информации составляют основное содержание внутренней деловой информации, коммерческую тайну. Эта конфиденциальная информация становится объектом посягательства недружественных интересантов. Ее получение, стремление к «познанию чужой коммерческой тайны», зачастую, становится ключом к успеху недружественных конкурентных структур. Именно поэтому в условиях когда информация существует в цифровом виде и хранится в памяти компьютеров, она может стать объектом посягательства со стороны той части персонала, которая стремится реализовать свои личные экономические интересы, «удовлетворяя информационный голод конкурентов». Именно в этой связи, в XXI веке практическое значение кадровой безопасности, для обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов чрезвычайно возрастает.

Еще в первой половине XX века, выступая перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 года, лидер Советского государства Иосиф Сталин, отмечал: «Техника без людей, овладевших техникой, мертв... упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших

техникой... Вот почему, старый лозунг "техника решает все" ... должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что "кадры решают все"(1). Это высказывание, чрезвычайно актуально в XXI веке. С ним невозможно не согласиться, поскольку в веке нынешнем, на смену категории «персонал», приходит другая, более глубоко и всесторонне раскрывающая сущность личного фактора процесса производства категория — «человеческий капитал».

«Человеческий капитал» это не просто один из факторов процесса общественного воспроизводства, который используется наряду с землей, капиталом, информацией, предпринимательскими способностями. «Человеческий капитал» это основной фактор процесса общественного воспроизводства, поскольку без его участия в общественном воспроизводстве, станки, машины, механизмы и др., функционировать самостоятельно, пока еще не способны. Для того, чтобы оживить все остальные факторы процесса производства, для обеспечения реального функционирования производственных процессов, необходимо чтобы в этих процессах активное участие принимал «человеческий-капитал».

Однако известно и другое, будучи важнейшим фактором процесса производства «человеческий капитал» представляет главную и вполне реальную угрозу для хозяйственной деятельности, практически любого хозяйствующего субъекта. На практике это означает, что все основные и наиболее серьезные вызовы, а также угрозы экономической безопасности предприятий исходят именно от его «человеческого капитала».

«Человеческий капитал», прирастающий по мере постоянного роста образовательного уровня, с накоплением работниками профессиональных навыков, практического опыта, знаний и умений, способный по мере своего увеличения, становится способным создавать все большую стоимость, служить мощным локомотивом, обеспечивающим постоянное и неуклонное развитие как национальной экономики в целом, так и экономики

хозяйствующих субъектов, может стать основой для утраты хозяйствующими субъектами их экономической безопасности.

Любому экономическому агенту, функционирующему в национальной экономике органически присуща конфиденциальная информация сопровождающая его хозяйственную деятельность. Любому предприятию, любой организации, может быть нанесен существенный экономический ущерб, связанный с утратой конфиденциальной информации. Именно поэтому в современных условиях термин «человеческий капитал», все чаще и чаще соседствует с такими терминами как —«информационная безопасность», «экономическая безопасность» и «кадровая безопасность».

Люди, далекие от управления хозяйственными процессами, от управления персоналом, наивно полагают, что те, кто долго, тщательно и осознанно выбирал место будущей работы и затратил значительные усилия для обретения искомого места, те, чье благосостояние, напрямую зависит от экономической безопасности хозяйствующего субъекта, где они работают, не могут действовать во вред своим экономическим интересам, во вред хозяйствующему субъекту, дающему им возможность реализовывать свои экономические интересы. Однако в повседневной хозяйственной практике все обстоит значительно сложнее. Важнейшей и основной угрозой экономической безопасности хозяйствующего субъекта является его персонал. Именно персонал, «человеческий фактор», способен нанести существенный ущерб деловой репутации, конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности, отрицательно сказать на многих других сторонах хозяйственной деятельности экономического субъекта. Низкая квалификация персонала, отсутствие у персонала необходимой профессиональной подготовки, низкий уровень производственной и исполнительской дисциплины, отсутствие мотивации, прямо и непосредственно вредят имиджу хозяйствующего субъекта, не говоря уже о том, какой вред ему могут нанести хищения и разного рода финансовые махинации, утечка конфиденциальной деловой информации.

Все перечисленные вызовы и угрозы экономической безопасности хозяйствующего субъекта, прямо и непосредственно связанные с функционированием его «человеческого капитала», способны нанести предприятию не только серьезный имиджевый, но и весомый экономический ущерб. Современная хозяйственная практика показывает, что наиболее существенный ущерб активам хозяйствующих субъектов наносится их собственным «человеческим капиталом». На долю внешних попыток несанкционированного проникновения в корпоративные сети, внешних попыток хищения конфиденциальной информации, хранящейся в памяти компьютеров, приходится 20%, тогда как 80% подобных случаев, это попытки со стороны собственного персонала. Более того, 80% подобных противоправных и несанкционированных действий, направленных на нанесение хозяйствующему субъекту существенного ущерба, либо происходит при участии его собственного персонала, либо спровоцированы его собственным персоналом. Необходимо отметить, что ежегодный ущерб хозяйствующим субъектам, являющийся следствием подобных действий персонала, как правило, ведет к утрате части потенциальной прибыли (от 5 до 10–15% от ее размера). Ущерб экономической безопасности хозяйствующего субъекта может носить как умышленный, так и неумышленный характер. Однако и в том, и в другом случае, экономическая безопасность предприятия страдает. Как в случае, когда урон был нанесен вследствие умышленных действий персонала, так и в другом случае, когда нанесенный урон, явился следствием непреднамеренных действий ущерб материализуется в упущенной финансовой выгоде, недополучении части прибыли.

Исследования современной практики хозяйственной деятельности, практики работы с персоналом, социологические обследования, проводимые на предприятиях различных форм собственности и в разных странах, дают основание сделать вывод о том, что «...10–15% всех людей являются нечестными по определению, 10–15% абсолютно честны, остальные 70–80% — колеблющиеся, то есть те, кто поступит нечестно, если риск попасться

будет минимальным»(2). В результате изучения результатов этих исследований формируется достаточно мрачная картина существующей действительности. «Человеческий капитал», являющийся одним из важнейших факторов производства в случае, его неумелого использования, может явиться одной из основных угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Это обстоятельство, видимо следует иметь в виду как топ-менеджменту предприятий, так и в особенности, hr.-менеджменту, отвечающему за подбор и отбор персонала, работающему с персоналом. Не учитывая эту информацию, в работе с «человеческим капиталом» менеджмент хозяйствующих субъектов, рискует столкнуться с комплексом негативных последствий.

Экономическая безопасность и ее важнейшие составляющие: стабильность функционирования хозяйствующего субъекта и его защищенность от разного рода вызовов и угроз, финансовая устойчивость и эффективность хозяйственной деятельности прямо и непосредственно связаны с «человеческим капиталом». Именно поэтому, в условиях современного этапа развития российской экономики, вопросы обеспечения кадровой безопасности приобретают особую значимость становясь неотъемлемой и важнейшей составной частью экономической безопасности российского государства. Чрезвычайная важность и значимость обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта, посредством обеспечения его кадровой безопасности, требует четкого представление о содержании самого термина «кадровая безопасность».

Представляется целесообразным определять категорию «кадровая безопасность хозяйствующего субъекта» как динамичный, непрерывный и постоянно совершенствуемый процесс ликвидации или минимизации большинства возможных вызовов и угроз его экономической безопасности, возникающих со стороны функционирующего на предприятии «человеческого капитала». Кадровая безопасность хозяйствующего субъекта, представляет собой процесс минимизации, либо предотвращения

экономических рисков, связанных с использованием «личного фактора процесса производства - человеческого капитала».

В современной хозяйственной практике реализация задач эффективного обеспечения кадровой безопасности хозяйствующего субъекта, тесно связана с эффективным и рациональным управлением «человеческим капиталом» и предполагает необходимость минимизации его кадровых рисков. Задачи управления «человеческим капиталом» и минимизации кадровых рисков, достаточно успешно решаются крупными и крупнейшими предприятиями в структуре управления которыми изначально, еще на стадии их формирования, предусматривались структурные составляющие в задачи которых входил подбор и отбор персонала обладающего не только необходимой квалификацией, практическими навыками и опытом работы по специальности, но и определенной степенью надежности связанной с кадровыми рисками. Минимизация рисков возникающих в связи с необходимостью привлечения и использования в хозяйственной деятельности «человеческого капитала» осуществляется путем:

- тщательного подбора и отбора потенциальных сотрудников, с привлечением квалифицированных специалистов;
- практической адаптации сотрудников в трудовом коллективе;
- эффективного контроля за состоянием социально-психологического климата в коллективе, за состоянием взаимоотношений между сотрудниками;
- формирования объективного представления о лояльности членов трудового коллектива;
- разработки и реализация программ эффективной трудовой мотивации; эффективного предотвращение конфликтных ситуаций, потенциально способных отрицательно сказаться на лояльности сотрудников;
- разработки и реализации эффективной политики «управления карьерой» и «формирования кадрового резерва»;

- формирование информационного досье на сотрудников, допускаемых к работе с информацией, имеющей конфиденциальный или секретный характер;
- постоянного мониторинга соблюдения конфиденциальности деловой информации и проведения учеб, направленных на обеспечения конфиденциальности деловой информации, неразглашение сотрудниками коммерческой тайны; по работе с документами, имеющими секретный характер;
- разработки и реализации политики регулярной аттестации сотрудников.

Классифицируя кадровые угрозы и риски, мы можем закладывать в основу формируемой классификации различные признаки. Однако среди классификационных признаков целесообразно, в первую очередь, выделить группы рисков, практическая реализация которых представляет максимальную угрозу для экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Это квалификационные риски и риски нелояльности. Как уже отмечалось выше, именно они несут с собой особую опасность в условиях глобального использования цифровых технологий.

Квалификационные риски и риски нелояльности, возникают как следствие несоответствия между компетенциями, приобретенными работниками в процессе их обучения и практической деятельности и потребностями работодателя, выражаящимися в предъявлении им определенных требований к компетенциям претендентов на занятие той или иной должностной позиции в структуре хозяйствующего субъекта. Квалификационный риск, материализуется на стадии отбора персонала и состоит в возможности возникновения несоответствия между компетенциями, которыми обладает кандидат на вакантную должность и компетенциями которых данная должность требует. Несоответствие между предъявляемыми и необходимыми компетенциями способно привести к нарушению бизнес-

процессов, росту издержек, недополучению прибыли, утрате конкурентоспособности предприятия.

Характеризуя риски нелояльности персонала, следует отметить, что к их числу необходимо относить риски, связанные с возможностью утраты самоидентификации сотрудников с предприятием, его целями, нормами, правилами, корпоративными ценностями. Прежде всего, к числу рисков нелояльности персонала, следует отнести нежелание тех или иных членов трудового коллектива и далее поддерживать свою принадлежность к предприятию, отсутствие желания и далее безоговорочно содействовать достижению его целей, прикладывать усилия в направлении реализации его экономических интересов и т. д. Нелояльность того или иного сотрудника заключается в утрате его «верности» предприятию на котором он продолжает работать. Ранее лояльный хозяйствующему субъекту сотрудник, в силу тех или иных причин утрачивает лояльность и начинает считать, что он способен наилучшим образом реализовать свои экономические интересы, предав интересы предприятия с которым связана его текущая трудовая деятельность. Утрата лояльности, ведет к намеренному нанесению ущерба экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Нелояльность персонала, как правило, приводит к невыполнению персоналом своих должностных обязанностей, нарушениям трудовой дисциплины, низкой эффективности функционирования персонала, утечкам конфиденциальной информации и др. По оценкам консалтингового агентства «САЛАДИН» в среднем, каждый четвертый сотрудник любой компании обманывает своего работодателя. Половину работников можно легко убедить пойти на обман, если шансы быть уличенными незначительны и значительна извлекаемая в результате выгода. По данным агентства, мошенничество и злоупотребления собственных служащих ежегодно наносят европейским корпорациям ущерб от 2 до 7% годового оборота (3).

В ситуации отсутствия экономической стабильности в национальной экономике, экономические потери, вызванные нелояльностью персонала,

могут возрастать и крайне негативно сказываться на результатах хозяйственной деятельности экономических агентов (в первую очередь предприятий). Используя нелояльность персонала и получая доступ к конфиденциальной информации о секретах производства и новейших технологиях, о новейших научно-технических разработках, о маркетинговых планах связанных с освоением новых рынков, конкурирующие структуры используют эту информацию для получения незаконных конкурентных преимуществ. Нелояльность персонала в особенности опасна тем, что ущерб экономическим интересам хозяйствующего субъекта наносится его собственным «человеческим капиталом», которому хозяйствующий субъект предоставляет возможность реализации его экономических интересов.

Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить, что век, когда использование цифровых технологий становится жизненно необходимым благом, «человеческий капитал» предприятия являющийся его важнейшим ресурсом для обеспечения процесса расширенного воспроизводства, одновременно может быть и источником возможных крупных потерь, вплоть до банкротства и ликвидации, выступая в качестве основной угрозы экономической безопасности предприятия.

Литературы

1. <https://newsland.com/community/1920/content/kadry-reshaiut-vse-an-ne-kobyly-i-mashiny-original-rechi-stalina-v-1935-g/2197527>.
2. <https://eck.ru/blog/autstaffing/neobhodimost-kadrovoj-bezopasnosti-v-usloviyah-autstaffinga/>.
3. http://www.ceninaku.ru/page_14241.htm.

УДК 331.522.024.54:338

Стрельченко
Елена
Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории, Южный федеральный
университет, г. Ростов-на-Дону
e-mail: estrelchenko@sfedu.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: Неформальная занятость представляет собой специфическое явление, имеющее в условиях цифровизации экономики особенности, обусловленные уровнем экономического развития. С развитием информационно-коммуникационных технологий такой вид занятости приобретает новые формы.

Ключевые слова: рынок труда, неформальная занятость, самозанятость, цифровизация, государственная политика.

SOCIO-ECONOMIC EFFECTS OF INFORMAL EMPLOYMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract: Informal employment is a particular phenomenon that in case of digitalization possesses several distinguishing features that are determined by the level of economic development. This type of employment is transforming into a new state with the development of information technology.

Keywords: Labor market, Informal employment, Self-employment, Digitalization, Government policy.

Современные тенденции экономического развития обуславливают качественную трансформацию трудовых отношений, связанную с внедрением новых технологий производства и ростом телекоммуникационных возможностей. Такие тенденции привели к увеличению значимости сферы услуг и высокой потребности в нестандартных формах занятости. Основные причины появления нестандартной и неформальной занятости обусловлены рыночной трансформацией экономики, переходом к новым способам производства и разделения труда [1].

К неформальной экономике, согласно резолюции, принятой на Международной конференции труда в 2002 году, относят все виды экономической деятельности, которые не учитываются или не в полной мере учитываются официальными правовыми положениями.

Технологическая модернизация и цифровизация в преобладающей сфере производства способствует сокращению ее доли в структуре занятости населения и снижению спроса на наемных работников, вытесняя их из

системы трудовых отношений. Часть занятых уходит в неформальную занятость. Другие адаптируются посредством поиска работы в более востребованной сфере производства, что детерминирует структурное несоответствие предложения и спроса на трудовые ресурсы. Возникает ситуация институционального неравновесия, при которой не все соискатели подходят по требованиям к найму (отсутствие профессиональных навыков, опыта работы, образования и других качеств), и не все рабочие места привлекательны для соискателей (низкая заработная плата или тяжелые условия труда). Невостребованные формальным сектором трудовые ресурсы присоединяются к неформальному сектору в виде самозанятости и наемных работников.

В России сложился особый тип неформальной занятости [2, с. 54], что обусловлено, с одной стороны, синтезом всех советских видов и форм неформальной занятости, с другой, – Россия пережила масштабную волну институциональных преобразований, направленных на создание правовых институтов, регулирующих трудовые отношения. Кроме того, важной специфической особенностью российской неформальной занятости можно считать тот факт, что занятые в неформальном секторе поддерживают тесную связь с формальным сектором. Более того, работники, занятые в формальном секторе, на условиях вторичной занятости нередко взаимодействуют или подрабатывают в неформальном секторе экономики. Экономика России входит в пятерку стран мира по объему теневой экономики.

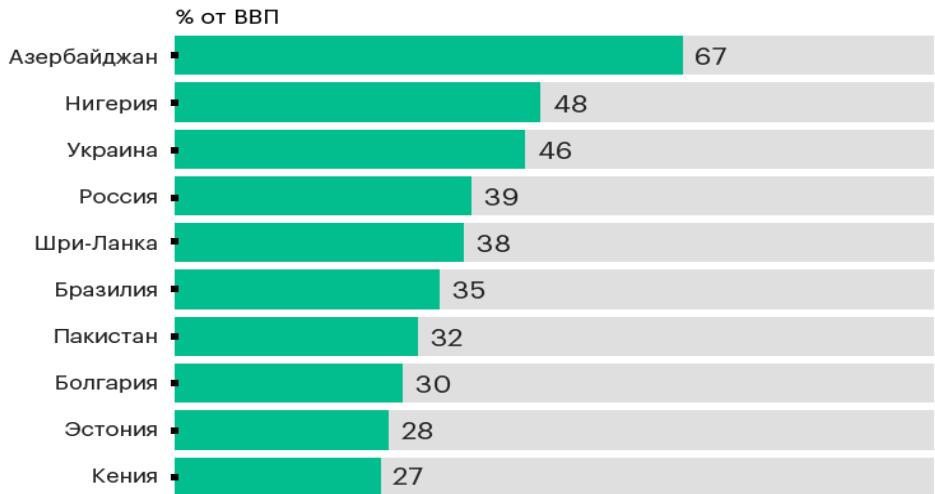

Рис. 1 – Страны с крупнейшей теневой экономикой⁵

Основным институтом регулирования рынка труда является государственная политика в области социальной защиты, трудовых прав и гарантий. Направления государственного регулирования неформальной занятости [3], должны быть направлены одновременно на создание мотивов у самозанятых к формализации самозанятости и обеспечить менее комфортные условия для их неформальной деятельности. Однако, реализация указанных программ требует значительного финансирования, что приводит к увеличению налоговой нагрузки, а, следовательно, и издержек на труд.

Неформальная самозанятость является неотъемлемым компонентом современного рынка труда. С одной стороны, самозанятое население не создает проблем с безработицей и снижает финансовую нагрузку по обеспечению социальных пособий и выплат. С другой, позволяет увеличить общие доходы населения и суммарный спрос на товары и услуги, что в свою очередь стимулирует формальный сектор производства и положительно влияет на экономику страны.

Направления устранения институционального неравновесия на российском рынке труда предполагают легализацию и формализацию существующих неформальных норм и практик, подтягивание неформального сектора экономики к формальному [4] , встречное движение формальных и

⁵ Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой / РБК. – URL:

<https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff> (дата обращения: 12.04.2020).

неформальных институтов, государственный контроль за исполнением законодательства в сфере труда, создания благоприятных институциональных условий (в 2017 году был принят федеральный закон «О самозанятости»⁶, в котором на законодательном уровне закреплено понятие «самозанятости», определены сферы деятельности для самозанятых, ограничения и налоговые режимы).

Однако, при всех перечисленных положительных аспектах неформальная и нерегулируемая государственными институтами деятельность оказывает негативное влияние на общественное производство, которое значительно усиливается с ростом ее масштабов.

В первую очередь, следует отметить отсутствие социальных гарантий и защиты у самозанятого населения. Как правило, им не полагается пособий по состоянию здоровья, декретных выплат и пенсий, что делает их зависимыми от текущего положения рынка и собственных сбережений.

Самозанятые в основном работают за счет своих собственных средств и активов, и несут ответственность своим личным имуществом. Все возникающие риски: отсутствие клиентов, неисполнение ими своих платежных обязательств, недобросовестность поставщиков и прочие форс-мажорные обстоятельства – могут существенно повлиять на их финансовое состояние и ограничить возможности осуществления трудовой деятельности. К тому же, для неформально действующих самозанятых не существует профессиональных страховых случаев и льготных кредитных условий.

Неформальная занятость, сокращая издержки за счет отсутствия налогов, сборов и социальных отчислений, способствует недополучению этих средств в государственный бюджет. Образованный дефицит, с одной стороны, приводит к перераспределению этой нагрузки на формальный сектор, увеличивая его издержки и снижая производство. С другой стороны,

---

⁶ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» (в ред. от 01.01.2020). – URL: <https://samozanyatyi.com/zakon/o-samozanyatyh-grazhdanah.html#i-2>

ухудшается финансирование государственных программ и качество общественных благ, что в конечном счете только усиливает распространение неформального сектора производства.

Неформальная занятость в редких случаях пересекается с незаконной, криминальной и преступной деятельностью. Это может проявляться в некорректном использовании налоговых режимов и манипуляциях с отчетностью, в том числе и в форме фиктивной самозанятости и производства и распространения запрещенных товаров или оказание противоправных услуг. В таблице 1 приведены основные последствия неформальной самозанятости для индивида и общества в целом.

Табл. 1 - Социально-экономические последствия самозанятости⁷

	ПРЕИМУЩЕСТВА	НЕДОСТАТКИ
ДЛЯ ИНДИВИДА	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие издержек регистрации и ведения отчетности; – отсутствие расходов на налоги и социальные выплаты; – высокая мобильность (вход и выход); – свобода выбора организации труда; – независимость в принятии решений; – реализация предпринимательского потенциала. 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие соц. защиты и трудовых прав; – личная финансовая ответственность; – предпринимательские риски; – нестабильность трудового положения; – ограничения в кредитно-финансовых операциях; – ограничения в развитии; – психологическая нестабильность.
ДЛЯ ОБЩЕСТВА	<ul style="list-style-type: none"> – создание новых рабочих мест; – уменьшение государственных расходов на поддержку безработных; – увеличение доходов населения и совокупного спроса; – расширение ассортимента товаров; – развитие новых отраслей, профессий; – формирование резерва рабочей силы; – снижение социальной напряженности. 	<ul style="list-style-type: none"> – уменьшение налоговых поступлений в государственный бюджет и социальные фонды; – отвлечение ресурсов из формального сектора экономики; – не равная конкуренция формальным предпринимателям; – увеличение неравенства доходов; – корrupция; – преступность.

Таким образом, неформальная занятость выступает следствием несостоятельности действующих институтов и механизмов рынка труда и необходима как для выживания индивидов, так и для функционирования экономики в целом. Однако, бесконтрольный рост этого явления наносит

⁷ Составлена автором.

значительный вред хозяйственной деятельности, отвлекая ресурсы из общественного производства в низкотехнологичный неформальный сектор и создавая несправедливую конкуренцию формальным организациям, что требует государственного вмешательства.

Литература

1. Измерение занятости в неформальной экономике: Рекомендации по применению в статистической практике методологических положений по измерению неформальной занятости и занятости в неформальном секторе. 2018. Москва / Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств и Всемирный Банк. – URL: http://www.cisstat.com/CIS_Labourstat/Recomendation_on_economic.pdf

2. Ахмадеев Д.Р. Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте федерации / Д.Р. Ахмадеев // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2014. – Т.5. – № 4.

3. Шпилина Т. М., Дятлова О. В. Молодежная неформальная занятость как современная проблема российского рынка труда. /Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. - №5 <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-neformalnaya-zanyatost-kak-sovremenaya-problema-rossiyskogo-rynka-truda>

4. Михайлов А.Ю. Неформальная занятость на российском рынке труда/ Науковедение, 2015. – Т. 7. – №4 <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-zanyatost-na-rossiyskom-rynke-truda/viewer>

УДК 330.3

Тимонина
Виктория
Ивановна

аспирант Департамента экономической теории
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Ленинградский проспект 51
e-mail: timonina.vika96@yandex.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Аннотация: Эволюция технологического потенциала - один из важнейших векторов развития энергетической отрасли. Запуск инновационных проектов повышает производственную и экономическую эффективность активов компаний. Российские нефтяные компании сегодня активно развиваются свой технологический потенциал нефтедобывающих и перерабатывающих мощностей. Старт развитию дало решение Комитета по энергетике в 2015 г., когда поддержал предложения по цифровизации и интеллектуализации нефтегазовой отрасли РФ и принял ряд обращений к руководству страны по интенсификации работ в данном направлении. В статье описываются эффекты от введения цифровой составляющей в энергетический сектор, а также потенциальные направления для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: цифровизация, энергетика, инновационные направления, мировой рынок, программы развития.

DIRECTIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ENERGY SECTOR

Abstract: The evolution of technological potential is one of the most important vectors of energy industry development. The launch of innovative projects increases the production and economic efficiency of company assets. Russian oil companies are now actively developing their technological potential of oil producing and processing capacities. The start of development was given by the decision of the Committee on Energy in 2015, when it supported proposals for digitalization and intellectualization of the oil and gas industry of the Russian Federation and adopted a number of appeals to the country's leadership to intensify work in this direction. The article describes the effects of introducing the digital component into the energy sector, as well as potential directions for its further development.

Key words: digitalization, energy, innovative directions, world market, development programs.

Цифровой сектор – ключевой элемент экономики стран, который сформирован на новой парадигме модернизации, роста капитализации (стоимости основных активов) компаний и отраслей в целом.

Нефтегазовая индустрия одна из немногих отраслей промышленности, в которой цифровая трансформация заняла особое место. Эта отрасль связана с крайне высокой степенью неопределенности, развитие событий стало

требовать новых инновационных решений: во-первых, если раньше при геологоразведке обнаруживали высокопродуктивные пласты нефти, то в настоящее время компании имеют дело с трудноизвлекаемой нефтью, которая залегает в тонких низкопроницаемых пластах, и при вскрытии бурением могут не дать притока. Однозначно, что для эффективной добычи требуются инновационные изменения; во-вторых, до недавнего времени инфраструктура месторождений происходила в освоенных регионах, прежде всего в Ханты-Мансийском округе и Волго-Уральской нефтегазоносной провинции, а сегодня практически все наиболее крупные проекты реализуются в Ямalo-Ненецком округе, на территории Восточной Сибири, а также на шельфе.

Что же такое цифровизация энергетического сектора? Цифровая нефтегазовая экономика характеризуется активным распространением цифровых технологий, увеличением степени унификации цифровых стандартов и услуг, уменьшением количества транзакций на базе технологии блокчейн между хозяйствующими субъектами на мировом рынке нефти и газа [2].

Цель цифровизация - технологическое развитие в мировой нефтегазовой отрасли, которая позволяет при этом снижать издержки производственных процессов и сокращать сроки реализации инвестиционных проектов. Наибольшие перспективы цифровизации нефтегазовой отрасли и ее первые результаты отмечаются по таким направлениям нефтегазового бизнеса, как:

- сейсмическое моделирование;
- эксплуатационное бурение;
- создание «интеллектуальных месторождений» и «умных» скважин;
- автоматизация процессов нефтепереработки;
- повышение операционной эффективности в цепочке снабжения и поставок.

По данным специалистов Boston Consulting Group, доля цифровой экономики в мировом ВВП составляет около 5,5-5,7%.

Одним из ключевых элементов цифровизации нефтедобычи являются «умные» скважины, которые непрерывно собирают и анализируют всю информацию о себе и окружающей среде, корректируют режимы работы. «Умные» скважины позволяют снизить себестоимость эксплуатации месторождений примерно на 20%. Осознавая это, нефтяные компании активно занимаются внедрением в практику «умных» скважин. Если в 2011 г. в мире использовали данную технологию на 800 скважинах, то к 2017 г. только у компании «Роснефть» было порядка 2000 скважин с признаками искусственного интеллекта. Комплексное использование ИТ-технологий позволяет нефтяникам повысить коэффициент извлечения нефти на 2-7% и при этом сократить операционные затраты на 25%.

Для любого участника мирового энергетического рынка «цифра» - конкурентное преимущество. К примеру, крупнейшие корпорации каждый год прогнозируют увеличение доли на рынке, объемы добычи, изучают спрос и предложение, цены и т.д. Мировой рынок растет в масштабах. По словам Майкла Вирта, исполнительного директора компании «Chevron»: «Гонку выигрывает не тот, кто быстрее всех стартует, а тот, у кого самая мощная машина».

Компания «ExxonMobil», развивая цифровые технологии, сделала ставку на сотрудничество с компанией «Microsoft». Запасы компании, которые охватит интегрированная среда «Microsoft», оценивается в 9,5 млрд. барр., поэтому для роста её производительности будут использованы: бизнес-приложение «Dynamic 365», платформа «Azure Data Lake» и другие новшества. По словам многих экспертов, цифровые технологии наряду с нефтегазовыми помогут стимулировать повышение производственных показателей и эффективность работы компаний, так как с помощью этого, можно будет эффективнее принимать решения по оптимизации бурения, закачивания скважин и т.д.

В свою очередь, компания BP в последнее время инвестирует в новые технологии искусственного интеллекта. Новая технология под названием

«Sandy» была создана для ускорения разработки и реализации проектов по освоению месторождений. В 2019 г. капиталовложения на сумму 20 млн. долл. в Belmont Technology позволили компании продвинуться в цифровых технологиях, используемых в нефтегазовой отрасли. Компания также осуществляет ремонт подводного оборудования морских скважин с помощью робота-манипулятора [7].

«Shell» разработала дистанционно управляемую роботизированную систему «Sensabot», которая занимается мониторингом оборудования и проверкой систем безопасности. «Total» проводит инспекцию оборудования для переработки нефти с помощью роботов-инспекторов. Список проектов не является исчерпывающим. Компании активно формируют и обновляют стратегии цифровой трансформации в своих компаниях [1].

В России стремительно развиваются такие инновационные направления, как цифровое месторождение и цифровая скважина [5]. В последний год отмечен растущий интерес к созданию цифровых платформ для нефтяного бизнеса, применению беспилотных летательных аппаратов для геофизических исследований и диагностирования трубопроводных систем.

Уникальная российская технология бесконтактной магнитометрии для подводных и сухопутных магистральных трубопроводов востребована во многих странах мира. Всего проинспектировано свыше 20 тыс. км трубопроводов, из них 1800 км подводных.

В качестве примера, стоит привести компанию «Роснефть», которая в ходе инновационного проекта реализовала на территории Хабаровской области современные технологии по автоматизации и цифровизации основных технологических процессов. Все основные производственные объекты новой базы оснащены автоматизированными системами измерений и контроля качества нефтепродуктов. Количество нефтепродуктов также контролируется в автоматическом режиме. В результате реконструкции объем резервуара, ключевого для региона объекта топливообеспечения, был увеличен более чем

в 2 раза до 4 тыс. куб. м. (построено 10 новых резервуаров), реконструирована железнодорожная система, система коммуникаций и т.д.

В компании «Роснефть» утверждают, что цифровые технологии и современное оборудование позволили повысить эффективность работы и технологический уровень Хабаровской базы нефтепродуктов, а также надежность обеспечения моторным топливом собственной розничной сети, а также позволило усилить контроль сохранности количества и качества нефтепродуктов.

Также, крупные ТЭК активизируют работы по переходу к цифровым двойникам скважин и вышек, к управлению при помощи искусственного интеллекта и использованию блокчейн-технологий. Например, компания «Газпром нефть» начала внедрять технологии блочейн на основе BigData на Приобском месторождении буровых, нефтеперерабатывающих установок. «Татнефть» присоединяется к остальным компаниям для тиражирования цифровых решений. «Лукойл» разрабатывает фронт-офис: логистическую платформу, которая позволит отслеживать груз в режиме реального времени и отслеживать соблюдение условий транспортировки [D43].

Таким образом, цифровая трансформация НГК позволит активизировать процесс создания инновационных технологий и внесёт весомый вклад в развитие экономики страны.

В итоге, можно сказать, что реализуемые в будущем программы «цифровое месторождение», «цифровой завод», «цифровая цепочка поставок», «цифровая АЗС» позволят перейти на качественно новый уровень современного информационного бизнеса, повысить надежность и экономичность производств, сократить потери, позволит обеспечить энергетическую безопасность государства, удовлетворить рыночный спрос на нефть, газ и продукты их переработки.

Литература

1. Зацепин, А. Ключевой инструмент цифровой трансформации / А. Зацепин, Д. Марисов // Нефтегазовая вертикаль [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
http://www.ngv.ru/upload/iblock/513/51368283239ce913d6ab619526_b9c877.pdf (дата обращения: 18.10.2020).
2. Дмитриевский А. Н., Ерёмин Н. А. Инновационный потенциал умных нефтегазовых технологий / А. Н. Дмитриевский, Н. А. Ерёмин // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений, 2016. № 1. - С. 4-9.
3. Камаева С. С., Ерёмин Н. А. Риск-ориентированный подход к обеспечению безопасности газопроводов с применением бесконтактных технологий технического диагностирования / С. С. Камаева, Н. А. Ерёмин // Нефть. Газ. Новации, 2017, № 9. - С. 75-82.
4. Дмитриевский А. Н., Ерёмин Н. А. Состояние и перспективы традиционного и интеллектуального освоения углеводородных ресурсов арктического шельфа / А. Н. Дмитриевский, Н. А. Ерёмин // Деловой Журнал Neftegaz.Ru, № 1, 2017. - С. 32-41.
5. Ерёмин Н. А. Современное состояние и перспективы развития интеллектуальных скважин / Н. А. Ерёмин // Нефть. Газ. Новации, 2015, № 12. - С. 50-53.
6. «Роснефть» внедрила цифровое управление на Хабаровской базе нефтепродуктов [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<https://www.rosneft.ru/press/news/item/202053/> (дата обращения: 18.10.2020).
7. Кутузова, М. Искусственный интеллект учится добывать нефть [Электронный ресурс] / М. Кутузова // Нефть России. – 2019. – № 3 – 4. – Р. 26–29. – Режим доступа: <https://neftrossii.ru/content/energoperehod-nepopulyarnyy-vzglyad> (дата обращения 17.07.2019).

Цёхла
Светлана
Юрьевна

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского».
e-mail: s.tsohla@yandex.ru

ВОПРОСЫ ТРУДОЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: Выделена актуализация трудовой занятости молодежи в условиях цифровой трансформации экономики. Проведен анализ динамики численности и уровня трудозанятости молодежи по основным сферам экономики, а также в сравнении с показателями уровня цифровизации российских отраслей. Выделены современные изменения на рынке труда, в требованиях к молодым кадрам, формирование новых форм занятости и сотрудничества.

Ключевые слова: молодежь, образование, трудовая занятость, цифровизация, трансформации, отрасли экономики.

YOUTH'S EMPLOYMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE SECTORS OF THE ECONOMY

Abstract: The article highlights the actualization of youth employment in the context of digital transformation of the economy. The analysis of the dynamics of the number and level of employment of young people by the main spheres of the economy, as well as in comparison with the indicators of the level of digitalization of Russian industries is made. The modern changes in the labor market in the framework of the requirements for young personnel are analyzed.

Keywords: youth, education, employment, digitalization, transformation, sectors of the economy.

Вопросы участия молодежи в общественном производстве являются важными для развития экономики страны и особенно актуальными в период цифровой трансформации, когда реализуются инновационные технологии, стратегии цифрового развития, возникают новые формы трудовой занятости.

Ситуация в мире с численностью молодежи характеризуется на данный момент, как «самое большое число за всю историю человечества». В выработанной «Молодежной стратегии ООН» молодые люди отмечены как «ценнейший и крайне важный ресурс», а привлечение их «к участию в жизни

общества сможет обеспечить мир, безопасность, справедливость, устойчивое развитие для всех» [1, с. 4]. Международная организация труда, в свою очередь, в решении проблем безработицы среди молодежи занимается «содействием достойной занятости молодежи», выработкой целенаправленных мер «стимулирования спроса на труд и его предложения, включая уровень и качество занятости молодых людей» [2, с. 6].

В Российской Федерации в последние годы наблюдается иные тенденции – ежегодное сокращение численности людей молодого возраста и их трудовой занятости [3]. Показатели динамики трудозанятости молодежи в России представлены на рисунке 1, где можно наблюдать снижение абсолютных и относительных значений за весь анализируемый период.

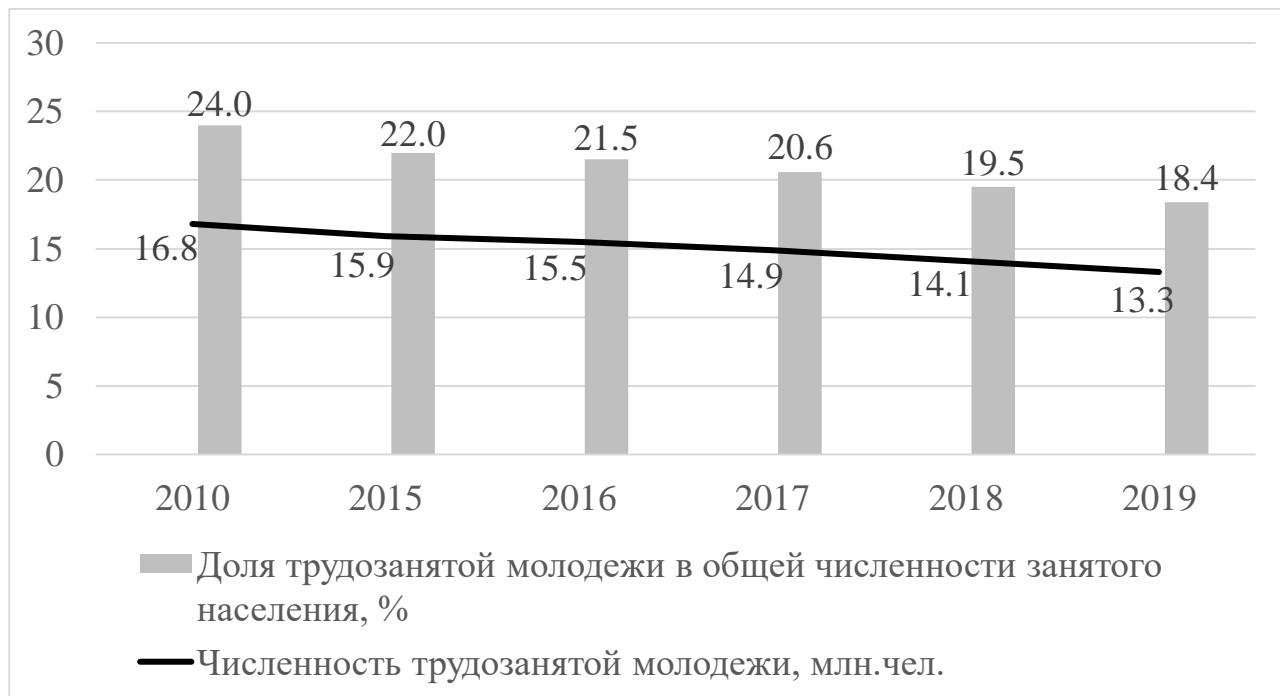

Рис. 1 – Показатели трудозанятости молодежи в России за период 2010-2019гг.*

*Источник: составлено автором на основе данных [4]

Правительством формируются возможности «выявления талантливой молодежи» и ее активного участия в реализации цифровых трансформаций [5, с. 12]. Кадровое обеспечение отраслей народного хозяйства с учетом реальных потребностей рынка труда и требований к качеству рабочей силы является

одним из экономических ресурсов и важнейшим фактором роста объемов производства и повышения качества отечественной продукции, работ и услуг.

Молодые люди, получившие профессиональное образование, реализуют свои знания по выбранной профессии в определенной сфере деятельности. Рассматривая статистические данные за 2018 год по занятости молодежи в основных отраслях экономики, можно отметить относительно высокую долю занятых в возрасте 20-29 лет, и в целом молодежи в работе гостиничного хозяйства и общепита (29,3%), сфере финансов и страхования (29,2%), сельском и лесном хозяйстве (28,7%), деятельности в области информации и связи (28,6%) (таблица 1).

Табл. 1 – Доля занятой молодежи в общей численности занятого населения по основным видам экономической деятельности в 2018 году*

Виды экономической деятельности	Доля молодежи, %		
	всего	в возрасте	
		15-19 лет	20-29 лет
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыбоводство	28,7	15,0	13,7
Добыча полезных ископаемых	19,5	0,1	19,4
Обрабатывающие производства	17,6	0,4	17,2
Обеспечение электрической энергией, газом	13,5	0,1	13,4
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов	12,2	0,2	12,0
Строительство	19,3	0,3	19,0
Торговля, ремонт транспортных средств	24,5	0,6	23,9
Транспортировка и хранение	16,9	0,2	16,7
Деятельность гостиниц и общепита	29,3	1,4	27,9
Деятельность в области информации и связи	28,6	0,3	28,3
Деятельность финансовая и страховая	29,2	0,3	28,9
Деятельность по операциям с имуществом	12,5	0,1	12,4
Деятельность научная и административная	20,6	0,3	20,3
Госуправление, безопасность, соцобеспечение	23,6	1,4	22,2
Образование	14,9	0,1	14,8
Деятельность здравоохранения и соцслужб	14,3	0,2	14,1
Деятельность в области культуры, спорта, досуга	19,7	0,5	19,2
Предоставление прочих видов услуг	23,0	0,7	22,3
Другие виды экономической деятельности	21,6	8,5	13,1
Занятые молодые люди – всего	19,5	0,5	19,0

*Источник: составлено автором по данным [6, с. 31]

При этом наименьшая занятость молодежи наблюдается в сфере водоснабжения и утилизации отходов (12,2%), сегменте операций с недвижимостью (12,5%). Во многом такую ситуацию объясняет наличие противоречия между требованиями работодателей к молодым специалистам (по профессиональным знаниям, практическим умениям и современным навыкам) и ожиданиями молодых людей получать высокую заработную плату на рабочем месте для обеспечения собственного благополучия.

При сравнении данных занятости молодежи в отраслях экономики с показателями уровня цифровизации российских отраслей выявляется несовпадение направлений. Исследователи развития цифровой экономики в России в числе первых выделяют сферы образования, финансовую деятельность и торговлю, а среди отстающих отраслей по уровню цифровизации – добывающую, обрабатывающую промышленность и транспорт [7, с. 75].

Цифровизация обуславливает изменения на рынке труда, меняет требования как к молодым, так и к опытным кадрам, происходит формирование новых форм труда и сотрудничества. По мнению специалистов, «для рынка труда сейчас и для российской экономики характерен кадровый разрыв – переизбыток специалистов при одновременном мощнейшем кадровом голоде» [8]. Ученые считают, что «количество выпускников образовательных организаций, осуществляющих целенаправленную подготовку цифровых специалистов, на сегодняшний день не способно удовлетворить потребности рынка труда в указанной сфере. Поэтому ... необходимо активно использовать возможности других учреждений для формирования цифровых компетенций у современной молодежи, ... организовывать сетевое взаимодействие с другими образовательными организациями» [9, с. 28].

В условиях цифровизации меняется характер труда и занятости. Цифровая организация труда подразумевает использование удаленной (дистанционной) занятости, неполную занятость в нескольких местах, работу

без привязки к жесткому временному графику, что приемлемо для молодежи в процессе обеспечения собственного благополучия и наработки профессиональных навыков [10, с. 416].

Исследованиями влияния цифровизации на профессионализацию молодежи подтверждается, что «нынешняя молодежь придерживается стратегии профессионального серфинга», считая, «что профессий в жизни человека может быть много» [11]. Использование цифровых технологий помогает молодым кадрам на всех стадиях трудовой деятельности: поиск работы, прохождение отбора и трудоустройства, выполнение трудовых обязанностей, участие в профессиональном развитии.

Тесное взаимодействие рынка образовательных услуг и рынка труда в условиях цифровой трансформации экономики способствует созданию условий для трудовой занятости молодежи и выступает важным фактором появления новых тенденций в образовательном пространстве и в формировании человеческого капитала как основы эффективного экономического и социального развития государства.

Литература

1. Молодежная стратегия Организации Объединенных Наций «Молодежь 2030» [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/09/WEBR-UN-Youth-Strategy_Booklet_-Russian-for-WEB.pdf (дата доступа 10.09.2020).
2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблей 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс] URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата доступа 11.09.2020).
3. Демография. Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс] URL:

http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/(дата доступа 11.09.2020).

4. Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020: Стат. сб. / Росстат. [Электронный ресурс] URL: <https://nangs.org/analytics/rosstat-rabochaya-sila-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossii-onlajn-rar-docx> (дата доступа 11.09.2020).

5. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации / Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642. – 24 с. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата доступа 16.09.2020).

6. Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. – 135 с.

7. Всемирный банк. 2018 год. Доклад о развитии цифровой экономики в России «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации». – 176 с. [Электронный ресурс] URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30584/AUS0000158-RU.pdf> (дата доступа 01.10.2020).

8. Вызовы и возможности для молодежи в цифровой экономике [Электронный ресурс] URL: <https://roscongress.org/sessions/vyzovy-i-vozmozhnosti-dlya-molodezhi-v-tsifrovoy-ekonomike/discussion/> (дата доступа 02.10.2020).

9. Сорокина Н.И., Степанов Р.И., Попова Э.Ю. Формирование цифровых компетенций у современной молодежи: проблемы, опыт, перспективы // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 24-29.

10. Цёхла С.Ю. Потенциал молодежи в обеспечении инновационного развития региона (на материалах Республики Крым) // В сборнике «Россия: тенденции и перспективы развития». – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 415-417.

11. Поколение Z: готова ли молодежь к цифровизации? [Электронный ресурс] URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2018/newsitem/47463> (дата доступа 01.10.2020).

УДК 336.2

Иванова

Дарья

Михайловна

Студент ЮРИУ РАНХиГС,

Ростов-на-Дону

Бабанов

Андрей

Борисович

Кандидат экономических наук, доцент

ЮРИУ РАНХиГС,

Ростов-на-Дону

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ОТРАСЛЬ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.

Аннотация: в данной статье речь идет об электронной коммерции как о неотъемлемой части цифровой экономики в условиях пандемии. Электронная коммерция – важная составляющая современного рынка товаров и услуг, включающая в себя такие системы как интернет-банкинг, электронные страхование и маркетинг и многое другое. Все эти отрасли взаимосвязаны и способствуют минимизации издержек производства при сохранении прибыли. Электронная коммерция ведет к новым возможностям для экономики любой страны, а также помогает минимизировать последствия надвигающегося кризиса 2020 года.

Ключевые слова: электронная коммерция, электронная торговля, цифровая экономика, пандемия, коммерция, Интернет, электронные деньги, процессы купли-продажи, Интернет-ресурс, Интернет-рынок.

E-COMMERCE AS A PROMISING BRANCH OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract: this article focuses on e-Commerce as an integral part of the digital economy in a pandemic. E – Commerce is an important component of the modern market of goods and services, including such systems as Internet banking, e-insurance, and marketing, and much more. All these industries are interconnected and help to minimize production costs while maintaining profits. E-Commerce leads to new opportunities for the economy of any country and helps to minimize the consequences of the impending crisis in 2020.

Keywords: e-Commerce, digital economy, pandemic, Commerce, Internet, electronic money, purchase and sale processes, Internet resource, Internet market.

В рамках процесса цифровизации международная экономика испытывает глобальные изменения и непрерывную «перестройку» на протяжении двадцати лет, приобретая новую основу для деятельности всех макро- и микропроцессов.

Понятие «Цифровая экономика» обширно и многообразно, так как новая ветвь развития экономических процессов затрагивает множество направлений (например, международные перевозки, страхование, маркетинг и т. д.). Предлагается ознакомиться с определением, данным в учебнике «Цифровая экономика» Сергеевым Л. И. и Юдановой А. Л.:

«Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в котором ключевым фактором производства являются данные в цифровом формате, обработка больших объемов и использование результата анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1, с. 9].

Из данного определения можно сделать вывод, что, на первый взгляд, система экономической деятельности не меняется кардинально, так как в производственные факторы включаются лишь цифровые технологии. Однако, с другой стороны, именно цифровые технологии требуют пересмотра как экономики отдельных предприятий, так и мировой экономики в целом.

Цифровая экономика входит в многие отрасли, в том числе она влияет на торговлю и торговые отношения. Появляется понятие электронной торговли или электронной коммерции. Для полного анализа данного процесса необходимо рассмотреть термин коммерция.

Коммерция – деятельность физических, юридических лиц, а также государств в операциях купли-продажи, перепродажи и в содействии продажи товаров и услуг.

Согласно статье 38 Налогового Кодекса РФ, товаром признается любое имущество, реализуемое либо предназначенное для реализации; услугой – деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, однако реализуются и потребляются в процессе ее осуществления [2].

Электронная коммерческая деятельность рассматривается с учетом использования цифровых технологий, ее функции и значение не меняются,

меняется сам способ достижения поставленных задач: активно используются информационно-телекоммуникационные технологии, одной из которых выступает сеть Интернет. Помимо многоканальной передачи информации, электронная коммерция включает в себя электронные платежи, следовательно, использование электронной валютой, электронное страхование, электронный банкинг и маркетинг и многое другое [3 с. 23]. Вышеперечисленные составляющие являются основой цифровой экономики и цифровой коммерции, позволяя проводить все необходимые транзакции с помощью цифровых технологий.

Электронная коммерция имеет множество преимуществ: общедоступность, интерактивность, персонификация и др. Если анализировать развитие электронной торговли с зависимой ее частью – сетью Интернет, то можно провести следующие аналогии: с ростом Интернет-пользователей до 2015 года на 21% увеличивается количество проводимых электронных операций купли-продажи в три раза по отношению к концу 2012 года. После 2015 года рост пользователей замедляется, так как большинство граждан РФ уже являлись активными пользователями сети Интернет, однако рост электронной торговли при этом не останавливается. Это связано, в первую очередь, с тем, что торговые операции из реальной жизни молниеносно переходят в цифровую среду, увеличивается спрос на онлайн-товары, расширяется рынок сбыта товара. Торговля физических лиц с заграничными предприятиями становится значительно проще и дешевле, что повышает спрос. Оптимизация производства, сокращение издержек с переходом в электронную торговлю повышает предложение на новых рынках сбыта, тем самым давая мощный толчок для продвижения цифровой экономики.

Как сообщалось в сентябре 2020 года на новостном Интернет-ресурсе РБК, доля электронной торговли (e-commerce) в общем обороте розничной торговли составила 10,9%, а оборот онлайн-торговли – 1,6 трлн. рублей [4]. За первое полугодие 2020 года данный показатель составил 15,2 трлн. рублей.

По данным АКИТ (Ассоциации компаний интернет торговли), оборот розничной торговли в режиме онлайн впервые достиг 10% в связи с нынешними условиями пандемии Covid-19 и приблизился к лидирующим мировым показателям США (13,9%) и Китая (29,9%).

В вышеприведенном показателе имеют место быть как отечественные производители, так и заграничные. Поддержка отечественных производителей охватывает исключение таможенных пошлин и снижение налогов по сравнению с зарубежными, а также автоматическую стоимость снижения издержек на доставку, транспортировку и перемещение по стране. Возвращаясь к важному фактору, меняющему экономику всех стран мира в 2020 году, стоит отметить, что за первое полугодие сокращается торговля между странами. Например, доходы иностранных продавцов на российском рынке за этот промежуток времени выросли на 34% до 504 млрд. руб., а отечественных продавцов – на 73% до 1,15 трлн. рублей.

На Российском интернет-рынке лидируют следующие магазины:

1. Wildberries.
2. Citilink.
3. Ozon.
4. Mvideo.
5. DNS-Shop.

Основным сегментом рынка является бытовая и цифровая техника, однако возросла доля продуктов первой необходимости. Кроме того, в электронную коммерцию постепенно вводится новая отрасль: фармацевтическая. Дистанционная торговля лекарствами не просто создаст новое направление, резко увеличивающее показатели цифрового сектора экономики, но и решит множество вопросов и проблем, связанных с условиями карантина и безопасности граждан.

Законопроект «О легализации дистанционной торговли безрецептурными лекарствами» был выдвинут Минздравом и принят Госдумой еще в 2017 году, однако не имел дальнейшего развития в связи с многочисленными

затруднениями. Крупнейшие Нейросети России выступают с критикой по отношению к данному законопроекту в связи с наймом кадров для транспортировки лекарственного вещества. Только фармацевт имеет право давать необходимые рекомендации по лекарствам, а также транспортировать лекарства, что в итоге обернётся ростом цен на лекарственные препараты. Существует риск, отмечают главы крупнейших фармацевтических предприятий, перехода данного сектора в электронный режим, что приведет к закрытию аптек и переквалификации сотрудников. В этом случае цены на лекарственные препараты также вырастут.

Электронная коммерция является неотъемлемой частью цифровой экономики, имеет успешное развитие и дает множество новых возможностей как производителю, так и потребителю. В условиях пандемии электронная торговля товарами и услугами приобрела дополнительное наиважнейшее значение в экономике каждой страны: массово предприятия переходят по возможности в электронный режим работы для удержания бизнеса и клиентов. Для полноценной электронной торговли необходимы многие составляющие: электронные банкинг, страхование, электронные деньги. Электронная торговля также является фактором конкурентоспособности предприятий и государств. В современном мире важно не только благополучное прохождение процесса цифровизации и перехода предприятий и исполнительных органов власти на цифровую экономику, но и поддержание Научно-технического прогресса, то есть создания новых цифровых технологий, которые сами по себе не только являются средством для купли-продажи, но и товаром с высоким спросом на мировом рынке.

Основными компаниями на международном уровне являются американская компания Amazon и китайская компания Alibaba, завоевавшие за последнее десятилетие рынки всех стран мира. Несмотря на то, что обе компании имеют довольно высокие показатели дохода, они имеют разную скорость продвижения и расширения своих рынков. Такие различия зависят от следующего фактора: компания Alibaba занимает 84% отечественного рынка,

за счет этого не сбавляя темпы роста. По данным Journal.tinkoff.ru, доля зарубежной торговли занимает лишь 16%, что значительно отличается от показателей Amazon [5]. Тот, в свою очередь, занимает 40% отечественного рынка и выходит на мировой большей частью своей торговли (60%). Таким образом, оба конгломерата занимают устойчивые позиции, имея разные бизнес-модели, но расширяющие свои торговые отношения в условиях пандемии. По конкурентным преимуществам первое место занимает компания Amazon с учетом дальнейшего выхода на мировой рынок. Также рост прибыли, прогнозируемый в 31 %, превысит рост основного конкурента из Китая (по сравнению Alibaba – 28%). Однако финансовая стабильность Alibaba имеет сильное преимущество: на 13% выше Amazon. Что касается акций компаний, в условиях пандемии они постепенно растут, однако акции китайского конгломерата дешевле.

Литературы

1. Сергеев Л. И., Юданова Ф. Л. Цифровая экономика // Москва. Юрайт. 2020. С. 9.
2. Информационно-консультационная система КонсультантПлюс. Статья НК РФ 38. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/de41531cd3f46a7c13a3741494f3b3c0569e3aa3/
3. Гаврилов Л. П. Электронная коммерция // Москва. Юрайт. 2020. С. 23.
4. Статья «Доля онлайн в российской рознице приблизилась к уровню развитых стран». Интернет ресурс РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f592c909a79471b55995534>
5. Электронный ресурс журнал Тинькофф. Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/news/review-alibaba/>

УДК 378.1

Шапсугов
Дамир
Юсуфович

доктор юридических наук, профессор,
директор центра правовых исследований ЮРИУ
РАНХиГС, руководитель НИП «Правовой мир
Кавказа», г. Ростов-на-Дону
e-mail: shapsugov@yandex.ru

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ПРАВОВОЙ МИР КАВКАЗА» КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ОБМЕНА РЕЗУЛЬТАТАМИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

1. Необходимость междисциплинарности в научном исследовании обусловлена сложностью предмета исследования и особенностями исследовательского потенциала, используемого для его познания.

Долгое время считалось, что применение математического метода в познании любого предмета, является условием достижения истины в исследовании любого предмета. Следуя этой парадигме, исследователи перенесли естественно-научную методологию в гуманитарные науки. Но еще Р. Декарт⁸ обосновал ошибочность прямого переноса в другие науки математического метода. Задачу других наук он видел в том, чтобы каждая из них нашла собственную систему простоты, которую нашли математики (фигура в геометрии, число в математике), но в гуманитарных науках до сих пор не найдены своя фигура и свое число. Что показывает отсутствие единого универсального метода.

Другая, не естественно-научная парадигма формировалась у наук о человеке, обществе, что делало неизбежным применение в междисциплинарных исследованиях принципа дополнительности, призванного обеспечить междисциплинарное взаимодействие при исследовании сложных научных проблем.

Таким образом, требование о необходимости междисциплинарных исследований нарастающее возникающее в процессе развития

---

⁸ См. об этом Д.Ю. Шапсугов. Проблема свободного мышления в юридической науке. М.2020 г. с.49-65.

исследовательской мысли, становится обязательным в современных условиях в силу осознанной сложности любого предмета исследования и накопленности огромного исследовательского инструментария используемого и развивающегося в процессе исследования.

2. Поэтому актуальным сегодня становится изучение конкретного опыта проведения междисциплинарного изучения сложных предметов который дает необходимую опору научным знаниям, обнаруживает недостаточность имеющегося научного инструментария, является едва ли не единственной площадкой для его наращивания. Такого рода опыт получен в ходе и в результате разработки научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа». Его основной целью являлось восстановление действительной истории государственно-правового развития народов Кавказа с древнейших времен до наших дней.

Первоначально казалось, что речь должна была идти об изучении только обычного права каждого народа Кавказа, которое до определенного времени считалось уже изученным в трудах отдельных исследователей, которые естественно широко использовались при разработке данного проекта. Сопоставление достигнутых ими научных результатов с позднейшими исследованиями позволяло объективно оценить их вклад в изучение государственно-правовой истории народов Кавказа, обнаружить необоснованность ряда сделанных ими выводов.

Однако вскоре выяснилось, что несмотря на их большую значимость в понимании обычного права, они противоречивы и не универсальны, представляют собой, источник необоснованных оценок, превратившихся в догматизированные стандарты и не могут достоверно отразить реально имевший место высокий уровень цивилизационного развития народов Кавказа.

Это обстоятельство обуславливало необходимость проверки достоверности существующих знаний делавшей неизбежной в дальнейшем научную критику как источников сформировавшихся знаний о

государственно-правовой истории народов Кавказа, так и самих текстов, в которых были изложены эти знания.

Выяснилось, что институты власти и права в этих трудах изложены крайне поверхностно, либо не изучены вовсе. Одной из причин такого положения дел оказалось как раз отсутствие междисциплинарности в исследованиях, которые проводились представителями одной научной дисциплины в основном историками, историки права и государства весьма редко принимали в них участие, в силу еще несформированности такой дисциплины.

В качестве примера, можно привести исследования системы власти у адыгских народов. Первые серьезные исследования этой тематики были проведены на рубеже XX-XXI веков, профессором В.Х. Кожаровым в работе «Адыгская хаса»⁹, где были восстановлены тончайшие и эффективные институты власти, обеспечивавшие гармоничное развитие адыгского общества в его связях с другими народами и государствами. Подобного рода исследования, проведенные другими исследователями государственно-правового развития других народов Кавказа явно опровергают идеологические легенды о варварстве и культурной отсталости этих народов.

3. Идея разработки такого проекта возникла в Северо-Кавказской академии государственной службы и была поддержана ее ректорами: профессором В.Г. Игнатовым, а затем и В.В. Рудым. Она вызвала интерес и Российской академии наук. 20 мая 2009 года вопрос о разработке проекта обсуждался Ученым советом института государства и права РАН. В порядке реализации этого решения было издано три тома издания, посвященные обычному праву народов Дагестана, донских казаков, черкесов Адыгов.

4. Структура научно-исследовательского проекта складывалась постепенно, по мере последовательной разработки возникавших научных проблем. Начав с поиска и публикации источников по обычному праву каждого народа Кавказа, мы невольно приходили к их сравнению через их

---

⁹ В.Х. Кожаров. Адыгская хаса. Нальчик. 1992 г.

критическую оценку, перешли к разработке подпроектов: народная память, толковый словарь национальных юридических терминов, учебник истории государства и права народов Кавказа, первая часть которого опубликована в 2020 году. Это привело к выявлению общих и специфических особенностей государственности и права каждого народа. Возникший на этой основе материал потребовал перехода к фундаментальным обобщениям. Так возникла идея права и государства Кавказской цивилизации, что значительно усилило значение междисциплинарного подхода к реализации задач проекта. Проведенная по этой тематике международная научная конференция «Право Кавказской цивилизации» подтвердила необходимость междисциплинарного подхода к дальнейшей разработке проблемы. К исследованиям историков и юристов присоединились ученые – представители разных наук: естественных, философских, филологических, археологических, ДНК-генеологии и др. Как результат научного взаимодействия начал осуществляться подпроект в рамках которого изданы две книги «Истоки Кавказской цивилизации», «Право Кавказской цивилизации», ставшие первыми и единственными по данной тематике научными работами.¹⁰

Проект вызвал большой интерес в вузах и научных учреждениях Северного и Южного Кавказа. В нем приняли активное участие ученые из Ростовского (Южного), Дагестанского, Кабардино-Балкарского, Чеченского, Ингушского, Бакинского, Тбилисского госуниверситетов, Ереванского университета «Манц», Кабардино-Балкарского, Карачаево-Черкесского, Абхазского, Северо-Осетинского институтов гуманитарных исследований.

Основная научная проблематика проекта обсуждалась на Международных научных конференциях, проведенных в Ростове-на-Дону, Нальчике, Баку, Карсе, Ереване с 2009 года по 2019 год. Научные дискуссии, проходившие на этих конференциях, являлись площадками для обсуждения достигнутых результатов и определения программ дальнейших исследований.

---

¹⁰ Право Кавказской цивилизации. Вып. 1. Ростов-на-Дону – Нальчик. 2014 г.
Истоки Кавказской цивилизации. Вып. 2. Ростов-на-Дону. 2014 г.

На них нередко удавалось находить истину по многим остройшим вопросам истории государственно-правового развития каждого народа Кавказа, что можно рассматривать как важный вклад в гармонизацию отношений между ними.

Нельзя не остановиться на организационно-технических и финансовых условиях разработки проекта. Накопленный опыт разработки еще раз подтвердил, что в России еще возможна инициативная разработка сложных научных проблем, компонентом которой является энтузиазм ученых-исследователей, руководствующихся нравственными критериями и относящихся к постижению научной истины как безусловно главной задаче и не требующих получения финансовых выгод. Это конечно не означает правомерность отсутствии системного финансирования таких проектов. В 2019 году был издан 33 том Антологии памятников права народов Кавказа¹¹. За весь период разработки проекта проведено девять международных научных конференций, материалы которых опубликованы и приведены в списке литературы, которым заканчивается данная статья. В ходе исследований была осознанна необходимость объединения исследователей. Была создана Ассоциация юристов Кавказа.

В заключение считаю своим долгом назвать основных участников проекта; проф. Авакян Р.И., проф. Дмитриев В.А., проф. Г. Давиташвили, проф. Х.М. Думанов, проф. Дзамихов К.Ф., к.ю.н. Ажахов К.М., проф. Алиева С.И., проф. А. Абазов, доц. П. Абайханова, проф. Берсиров Б.М., доц. Дышеков М., проф. Кокин А.В., проф. Исмайлова Х.Д., доц. Г. Команджаева, доктор исторических наук Озова Ф.А., проф. Сергеев В.Н., проф. Краковский К.П., проф. Т.В. Шатковская, доц. Гандарова Л.Б., доц. Гулиева М.М., доц. Звонок С.В., проф. Е. Зинков, доц. Ларионов А.Н., проф. П. Кузьминов., проф. А. Мануйлов, проф. А. Маремкулов, проф. Г. Небратенко, проф. Д. Сайдумов, проф. Л. Свечникова, проф Цалиев А.М., проф. Авидзба А.Ф., доц. С.

---

¹¹ Памятники права народов Кавказа (постимперский период). Ростов-на-Дону. 2018 г.

Салакая, доц. М.А. Супатаев, доц. Кишмахов М.Х-Б., доц. Б. Схатум, проф. Л. Сюкияйнян, проф, И.Л. Бабич, проф. А. Урушадзе, проф. Чирг А.Ю., проф. Д. Эгнатошвили, доц. Яндиев М.А., доц. Харсиев Б.М., доц. Товсултанов С.А., доц. Хабаев И.Д., З. Яхтанигов. Автором и научным руководителем данного проекта был и остается профессор Д.Ю. Шапсугов.

Литература:

1. ¹ См. об этом Д.Ю. Шапсугов. Проблема свободного мышления в юридической науке. М.2020 г. с.49-65.
2. ² В.Х. Кожаров. Адыгская хаса. Нальчик. 1992 г.
3. ³ Право Кавказской цивилизации. Вып. 1. Ростов-на-Дону – Нальчик.2014 г.
4. Истоки Кавказской цивилизации. Вып. 2. Ростов-на-Дону. 2016 г.
5. ⁴ Памятники права народов Кавказа (постимперский период). Ростов-на-Дону. 2018 г.
6. - Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научной конференции. Нальчик 14-15 апреля 2011 г.
7. - Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы международной научной конференции. Нальчик 27-28 апреля 2012 год. Нальчик. Ростов-на-Дону. 2012
8. - Проблемы методологии исследования государственно-правового развития народов Кавказа. Материалы Международной научной конференции 18-20 мая 2013 год. Нальчик – Ростов-на-Дону. 2013
9. -Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение. Материалы Международной научной конференции 21-23 мая 2014 г. Нальчик – Ростов-на-Дону 2015.
10. - Политико-правовые компоненты Кавказской цивилизации: общее и особенное в системах власти, правовых институтах, ценностях, менталитете народов Кавказа. Материалы V Международной научной конференции 20-23 мая 2015 год. Нальчик – Ростов-на-Дону. 2015

11. - Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, советов (XVIII–XX вв): сравнительный анализ. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Нальчик, 18-21 мая. Нальчик – Ростов-на-Дону 2016.

12. - «Научная критика и апологетика в исследованиях истории государственно-правового развития народов Кавказа: понятие, исторический опыт, критерии, разновидности, особенности». Материалы Международной научно-практической конференции Ростов-на-Дону 21 декабря 2019. Ростов-на-Дону 2020.

УДК 338.43

Резванов
Александр
Анатольевич

д.с.н., профессор, кафедра политологии и политического управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Удовицкая
Татьяна
Витальевна

магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mob_tehnology@mail.ru

РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ В РЕГИОНЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ И МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассмотрены тенденции развития крестьянских (фермерских) хозяйств региона и страны. Проведен анализ государственной поддержки фермерского сектора. Определен механизм развития крестьянских (фермерских) хозяйств. Предложен метод сценарного прогнозирования развития крестьянских (фермерских) хозяйств.

Ключевые слова: регион, крестьянские (фермерские) хозяйства, государственная поддержка, механизм развития крестьянских (фермерских) хозяйств.

DEVELOPMENT OF PEASANT (FARM) FARMS IN THE REGION: DIRECTIONS OF STATE SUPPORT AND THE MECHANISM OF REGULATION

Abstract: the article considers the trends in the development of peasant (farm) farms in the region and the country. The analysis of state support for the farming sector is carried out. The level of development of peasant farms is determined. A method for predicting the development of peasant (farm) farms is proposed.

Key words: region, peasant (farmer) farms, state support, development of peasant (farmer) farms.

В настоящее время в условиях мирового финансового кризиса, а также существенной продовольственной зависимости возникает необходимость повышения эффективности всех отраслей производства, особенно, мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей, где определенная роль отводится крестьянским (фермерским) хозяйствам.

Из опыта развитых стран видно, что крестьянские (фермерские) хозяйства являются не только основной формой хозяйствования в аграрном производстве, но и одной из наиболее эффективных форм использования различных видов ресурсов. Однако несовершенство действующего законодательства, отсутствие перспективных направлений и механизма регулирования деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств не позволяет в полной мере реализовать их потенциал в условиях современной России.

При этом, не смотря на разную социально-экономическую сущность крестьянского и фермерского хозяйства, но общие проблемы в развитии и значимость для сельского населения, механизм регулирования их развития должен быть, основан на единых принципах, методах и инструментах, что позволяет рассматривать их в совокупности как крестьянские (фермерские) хозяйства.

Также значимость крестьянских (фермерских) хозяйств заключается не только в форме предпринимательской занятости на земле, в основе которой лежат частная собственность, средства производства, семейная форма использования труда, но и представляет определенный стиль жизни

сельского человека. При этом значимость ведения крестьянского (фермерского) хозяйства особенно возрастаёт в периоды сложных экономических ситуаций, что подтверждает изменяющуюся роль крестьянских (фермерских) хозяйств в России: в условиях сложной кризисной ситуации роль крестьянских и фермерских хозяйств существенно возрастает, по мере разрешения кризисной ситуации - снижается.

Тем не менее, существующую классификацию крестьянских (фермерских) хозяйств следует расширить по критерию «ориентированность в развитии производства» на включающую трудозатратное и капиталозатратное производство сельскохозяйственной продукции. Ведь крестьянское хозяйство не всегда и в полном объеме учитывает трудозатраты, поскольку ориентировано на рост благосостояния посредством производства сельскохозяйственной продукции для собственного потребления и сбыта ее излишков (при их наличии); фермерское хозяйство, являясь формой свободного предпринимательства, ориентировано на извлечение прибыли от ведения сельскохозяйственного производства, поэтому всегда и в полном объеме учитывает трудозатраты.

Согласно принятому законодательству крестьянское (фермерское) хозяйство самостоятельно решает вопросы производственно – хозяйственной деятельности, вопросы организации труда и быта. Однако принятые решения о трудовых решениях в К(Ф)Х не должны противоречить трудовому законодательству.

Соответственно, учитывая высокую экономическую и социальную значимость создания и функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств в современной России, содействие их развитию должно быть приоритетной задачей аграрной политики страны, включающей ряд действенных мер по государственной поддержке данной формы хозяйствования.

При этом в условиях современной России государственная поддержка как важнейший инструмент регулирования развития мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей, в числе которых крестьянские (фермерские) хозяйства, крайне необходима с учетом их роли в обществе и социально-экономической значимости. Следовательно, государственная поддержка должна быть основана на принципах дифференциированного подхода в оказании финансовой поддержки по отдельным видам деятельности, адресности финансовой поддержки отдельным сельским поселениям и оценки экономической эффективности при ее оказании.

Тем не менее, учитывая трудности по регулированию развития малых форм хозяйствования, в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств, в связи с сокращением финансовой поддержки по причине последствий мирового финансового кризиса, постепенным переходом существенной части реальной поддержки с федерального на региональный уровень, зависимости суммы выделяемой финансовой поддержки от текущего состояния регионального бюджета, отсутствием комплексного подхода в ряде регионов в анализе и решении проблем сельскохозяйственных товаропроизводителей, концептуальные основы государственной финансовой поддержки, по моему мнению, должны включать меры, осуществляемые на федеральном уровне, и меры, проводимые на уровне региона с учетом природно-климатических, социально-экономических, экологических и других факторов.

К числу основных тенденций в развитии крестьянских (фермерских) хозяйств следует отнести: во-первых, усиление роли крестьянских (фермерских) хозяйств в период экономических преобразований или обострения социально-экономических и финансовых проблем, что характерно для современной России, в связи с последствиями мирового финансового кризиса. При этом для современного этапа характерны

опережающие темпы роста производства продукции крестьянскими (фермерскими) хозяйствами в сравнении с другими категориями хозяйств; во-вторых, стабилизация численности крестьянских (фермерских) хозяйств и их размеров, в основном, мелких и средних; в-третьих, сосредоточение трудового потенциала в селах, не занятого в экономике и домохозяйстве, способного при участии в деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств способствовать решению важной задачи по продовольственному обеспечению населения страны. Кроме того, тенденция усиления роли крестьянских (фермерских) хозяйств проявляется в создании дополнительных рабочих мест на селе, развитии сельскохозяйственных форм занятости; в-четвертых, существенная дифференциация регионов по доли продукции крестьянских (фермерских) хозяйств в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции и количеству крестьянских (фермерских) хозяйств в общем числе сельскохозяйственных товаропроизводителей, способствующая их разделению в три группы: с высокоразвитой, со среднеразвитой и слаборазвитой деятельностью крестьянских (фермерских) хозяйств; в-пятых, сформировавшаяся специализация, где одна часть регионов ориентирована, главным образом, на производство растениеводческой продукции, другая - на производство продукции животноводства.

Реализуемый в России механизм регулирования развития крестьянских (фермерских) хозяйств носит не системный, а вынужденный характер. Формирование действующего механизма развития крестьянских (фермерских) хозяйств основано на методах, инструментах и целевых установках концепции государственного регулирования экономики, а его корректирование представляет собой своего рода реакцию на возникающие проблемы, направленную на устранение последствий экономических,

финансовых, социальных и других проявлений в ходе реализации намеченного.

Не смотря на сохранение бюджетного финансирования и увеличение объемов кредитования, крестьянские (фермерские) хозяйства не имеют достаточной финансовой поддержки для приобретения требуемой сельскохозяйственной техники и оборудования, сельскохозяйственных построек, проведения технико-технологического перевооружения имеющихся фондов.

Государственная поддержка крестьянских (фермерских) хозяйств и всего сельскохозяйственного комплекса области в целом должна проводиться только по самым преимущественным видам деятельности, требующих минимальных затрат для каждого конкретного товаропроизводителя. Например, таким как овцеводство - для крестьянских (фермерских) хозяйств или растениеводства — для крупных сельскохозяйственных предприятий. Соответственно, с учетом отраслевой направленности сельскохозяйственных товаропроизводителей осуществление государственной поддержки должно быть дифференцированным, проводимым по наиболее рентабельным и востребованным для экономики области видам деятельности.

В связи с этим, мною был проведен анализ систематизации основных направлений государственной поддержки развития крестьянских (фермерских) хозяйств: по уровню принятия и введения различают меры, реализуемые федеральными, региональными органами власти и органами местного самоуправления; по степени охвата инструментов регулирования - системные и структурные; в зависимости от вида деятельности - комплексные и специальные; по обязательности применения рекомендательные, инструктивные, ограничивающие и запрещающие; по степени влияния - прямые (субвенции, субсидии, дотации на компенсацию

затрат, финансирование на текущие нужды, целевое финансирование), косвенные (кредитование на льготных условиях, льготы по налогообложению, предоставление государственных гарантий, установление цен и тарифов) и опосредованные (информационное и консультационное обеспечение, маркетинговые и другие услуги).

Так, не смотря на дополнительные затраты государства, государственная поддержка крестьянских (фермерских) хозяйств является актуальной и свое временной, поскольку именно крестьянские (фермерские) хозяйства, обладая гибкостью и мобильностью в рыночных условиях, вносят свой вклад в формирование конкурентоспособного аграрного сектора, содействует развитию сельскохозяйственного производства, удовлетворению потребностей населения в продуктах питания, а также способствует решению проблемы безработицы на селе.

На современном этапе основные направления государственной поддержки по улучшению финансовой устойчивости и повышению эффективности крестьянских (фермерских) хозяйств можно представить в виде трех основных блоков, для каждого из которых присущи свои мероприятия.

Соответственно, в реализации основных направлений государственной поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств должны быть заложены такие требования, как предоставление государственной поддержки в различной прямой, косвенной, опосредованной форме, исходя из тенденций и специфики рыночной ситуации; применение экономических или административных методов государственной поддержки, в зависимости от сложности и особенностей решаемых задач; участие всех уровней государственной власти (федерального, регионального, муниципального), исходя из условий комплексного, системного подхода к решению поставленных задач.

При этом государственная поддержка должна быть системной, ориентированной либо на преимущественное развитие малых форм хозяйствования, к числу которых относятся крестьянские (фермерские) хозяйства, - в условиях кризисных тенденций, социально-экономических преобразований в обществе и т.д., либо - крупных сельскохозяйственных товаропроизводителей, в условиях экономического роста и повышения уровня благосостояния общества. Однако, учитывая деструктивные последствия мирового финансового кризиса, проявляющиеся в экономике России в целом и ее регионах в частности, для современного этапа актуальна государственная поддержка малых форм занятости, в числе которых крестьянские (фермерские) хозяйства. Следовательно, для эффективного развития крестьянских (фермерских) хозяйств на современном этапе требуются такие меры государственной поддержки, как создание и стимулирование сети специализированной мелкооптовой торговли сельскохозяйственной продукции посредством формирования торгово-закупочных центров, содействующих их материально-техническому обеспечению и сбытовой политике.

Механизм развития крестьянских (фермерских) хозяйств должен включать: во-первых, ценовой, налоговый, кредитный и финансовый механизмы стабилизации и развития крестьянских (фермерских) хозяйств, ориентированные на создание благоприятного климата; во-вторых, правовое, нормативное и информационное обеспечение, направленное на создание эффективной законодательной базы и правового регулирования, содействующих защите интересов отечественных товаропроизводителей и развитию малых форм хозяйствования; в-третьих, инфраструктурное обеспечение, включающее создание развитой системы обслуживания, содействующей формированию устойчивого и эффективного сельскохозяйственного производства в малых формах хозяйствования; в-четвертых, механизм контроля и мониторинга, направленный на

своевременный учет и анализ отклонений в реализации программы и принятия корректирующих мероприятий.

Ресурсное обеспечение реализации программ содействия развитию крестьянских (фермерских) хозяйств всех уровней базируется на прямой, косвенной и опосредованной поддержке, включающей субсидии, дотации и другие бюджетные средства, преференции, льготы по налогообложению, государственные гарантии при привлечении кредитов, агролизинг, формирование инфраструктурной среды, страхование и т.д.

Главной целью реализации механизма развития крестьянских (фермерских) хозяйств является решение ряда важнейших народнохозяйственных проблем страны через содействие развитию малых форм хозяйствования, к числу которых следует отнести: снижение продовольственной зависимости страны посредством увеличения объема производства отечественной сельскохозяйственной продукции высокого качества, содействие снижению безработицы и росту занятости сельского населения, повышение уровня и качества жизни сельских жителей.

Обоснована целесообразность применения метода сценарного прогнозирования при определении перспективных вариантов развития крестьянских (фермерских) хозяйств, позволяющего полнее определить перспективы развития рыночной ситуации, учесть большее число факторов риска и неопределенности, осознать опасности или неблагоприятное развитие рыночной или макроэкономической ситуации, дать возможность оценить наиболее вероятный ход развития событий и возможные последствия, обеспечить более высокую вероятность выработки эффективного решения в рамках принятой стратегии развития, на основе которой были определены возможные варианты развития сельскохозяйственного производства в крестьянских (фермерских) хозяйствах Ростовской области, где согласно прогнозным расчетам по всем вариантам с высокой степенью достоверности можно ожидать рост объемов

производства сельскохозяйственной продукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах.

Литература

1. Брянских С.П. Экономика сельского хозяйства / С.П. Брянских. – М.: Агропромиздат, 2017. – 326 с.
2. Кузнецов В.В. Экономика сельского хозяйства / В.В. Кузнецов – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. – 352 с.

УДК 336.02

Григорьева
Наталья
Станиславовна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономика и инновационные рыночные исследования» ЧОУ ВО Южный университет (ИУБиП) (344064, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 33а/47).
e-mail: iubip502@yandex.ru

Колычева
Жанна
Ярославовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и инновационные рыночные исследования» ЧОУ ВО Южный университет (ИУБиП) (344064, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 33а/47).
e-mail: iubip502@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСОВ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТОСЭР

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые проблемы формирования ресурсного обеспечения малого предприятия, осуществляющего свою деятельность в моногороде и имеющий статус ТОСЭР. На примере деятельности малого предприятия представлены результаты проведенного анализа ключевых проблем компании, представлены мероприятия по выходу из сложившейся кризисной ситуации.

Ключевые слова: ТОСЭР, ресурсное обеспечение, кредит, малый бизнес, задолженность, моногород.

IMPROVEMENT OF THE PROCESS OF FORMING RESOURCES OF ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT

Annotation. The article discusses the key problems of the formation of resource support for a small enterprise operating in a single-industry town and having the status of TASED. On the example of the activities of a small enterprise, the results of the analysis of the key problems of the company are presented, measures are presented to overcome the current crisis situation.

Key words: resource provision, credit, small business, debt, single-industry town.

В настоящее время наличие у товаропроизводителей необходимых ресурсов играет большую роль в обеспечении их непрерывной деятельности. Ресурсное обеспечение представляют собой имеющиеся в распоряжении хозяйствующего субъекта денежные поступления и доходы, которые находятся в постоянном движении в процессе производственной и инвестиционной деятельности субъекта и предназначены для выполнения им финансовых обязательств и осуществления затрат.

Экономика моногородов однообразна и она определяет направление социального развития города, неспособного быстро меняться в случае возникновения финансово-экономического кризиса. Любое колебание социально-экономического состояния моногорода вызывает ряд проблем, влияющих на эффективное функционирование малого бизнеса, в том числе на формирование и использование ресурсов предприятиями [1].

В рамках данного научного исследования был проведен анализ проблем формирования и использования финансовых ресурсов ООО «XXX» в условиях развития г. Донецк, Ростовской области.

Первой проблемой формирования и использования ресурсов ООО «XXX» является чрезмерно высокие процентные ставки по банковскому кредиту, имеющемуся в распоряжении компании. Процентные ставки по кредитным продуктам, предлагаемым банками, значительно превышают уровень рентабельности в большинстве малых предприятий и организаций, функционирующих в условиях моногорода. Это приводит к «проеданию» их собственных оборотных средств, изъятию коммерческими банками

собственных средств компаний вместе с полученной прибылью. Указанная проблема вызвана тем, что в настоящее время банковский сектор РФ является высоко центрированным и монополизированным и на долю 5 крупнейших банков приходится более 50 % совокупного капитала банковского сектора и всех банковских активов [2]. Вследствие этого, устойчивые банки завышают процентные ставки, усложняя при этом предприятиям доступ к кредитным продуктам. В 2020 году размер ставок по кредитам, предоставляемым малому бизнесу начинается от 8,9 %, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1 – Процентные ставки по кредитам малому бизнесу в 2020 году

В процентах годовых

Наименование банка	Минимальная процентная ставка, в % годовых	Лимит по кредитам, в тыс. рублей	Срок кредитования
Совкомбанк	8,90	100,00	до 1 года
Росбанк	9,90	2000,00	1-7 лет
ОТП банк	10,50	4000,00	До 7 лет
Ренессанс	10,90	700,00	2-5 лет
Альфабанк		4000,00	1-7 лет
Почта банк		1500,00	1-5 лет
Хоумкредит		1000,00	1-7 лет
Сбер банк		600000,00	до 4 лет
Восточный	11,50	15000,00	до 20 лет
Тинькофф	12,00	2000,00	3-36 мес.

Таким образом, привлечение заемных финансовых ресурсов в виде банковского кредита по текущим процентным ставкам является невыгодным для компаний, функционирующих в условиях моногорода. Это касается и компании «XXX». В 2019 году ООО «XXX» были привлечены кредитные ресурсы в размере 150,00 тыс. рублей под процентную ставку в размере 12,30 % годовых сроком на 1 год на открытие филиала в г. Донецк, ребрендинг бизнеса и покупку нового офисного оборудования. Данное привлечение в силу наличия нераспределенной прибыли компании является нерациональным, а

процентная ставка по кредиту, выданному в ПАО «Сбербанк» слишком высокой [3].

Возникновение резких колебаний в экономике моногорода может повлечь ухудшение финансово-экономических показателей деятельности ООО «XXX» и невозможность своевременной выплаты по кредиту. Вследствие этого может произойти торможение работы предприятия и снижение важных финансовых показателей деятельности компании, что повлечет за собой рост просроченной задолженности ООО «XXX» перед кредитором.

Второй проблемой является накопление нераспределенной прибыли и отсутствие инвестиционной стратегии развития ООО «XXX». В 2019 году компания не использовала финансовые ресурсы в виде нераспределенной прибыли в своей деятельности, что говорит о снижении продуктивности работы компании. У компании отсутствуют инвестиции, она не использует денежные средства на формирование резервного капитала, что особенно важно в сложных социально-экономических условиях развития моногорода [4], следовательно, инвестиционная политика ООО «XXX» нуждается в пересмотре и улучшении.

Третьей проблемой выступает ускорение темпов роста дебиторской задолженности. Темп роста дебиторской задолженности в 2018 г. составил 6,95 %, в 2019 г. данный показатель достиг 95,00 %. Это говорит об ухудшении платежеспособности дебиторов компании и о неосмотрительной кредитной политике ООО «XXX». Рост дебиторской задолженности ухудшает финансовое состояние компании, следовательно, компании необходимо снизить её уровень.

В рамках исследования был также проведен анализ проблем, влияющих в целом на работу малого бизнеса в условиях моногорода. К ним относятся:

- отсутствие должной инфраструктуры, которое влечет за собой сложность развития организации в условиях моногорода;
- неопределенность экономической ситуации в моногороде;
- низкий уровень жизни граждан, проживающих в моногороде, в

результате чего снижается их реальные располагаемые доходы и покупательская способность;

- слабая кредитная инфраструктура;
- недостаточная финансово-кредитная поддержка государства;
- высокие издержки на ведение бизнеса (высокая стоимость присоединения компаний к электросети, завышенные тарифы на электроэнергию);
- низкая информированность о программах поддержки малого бизнеса [5];
- средний бизнес-климат, препятствующий развитию малого бизнеса.

По мнению ведущих экспертов агентства KPMG, указанная проблема занимает второе по значимости место в рейтинге проблем среди собственников малого бизнеса, ведущих свою деятельность в условиях моногорода. Проведенный опрос собственников малого бизнеса в г. Донецке показал, что 30 % респондентов поставили её на первое место среди всех указанных проблем. Они убеждены, что в городе наблюдается низкая заинтересованность местного самоуправления в поддержке малых предприятий и организаций, которые испытывают трудности в формировании и использовании финансовых ресурсов.

Таким образом, рассмотренные проблемы нуждаются в разработке мероприятий по совершенствованию процесса формирования финансовых ресурсов в условиях моногорода. Проведенный анализ проблем позволил разработать следующие пути совершенствования процесса формирования и использования финансовых ресурсов ООО «XXX» в условиях развития моногорода.

Необходимо провести аудиторскую проверку финансово-экономической деятельности ООО «XXX» на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Для проведения данного мероприятия необходимо составить бюджет расходов (таблица 2).

Таблица 2 – Расчет расходов на проведение аудиторской проверки и составление новой кредитной политики ООО «XXX»

Статьи расходов	Стоимость, в руб.	Источник	Ответственное лицо	Результат
1.Проведение обязательного аудита	35000		Приглашенный аудитор	Выявление проблем формирования и использования финансовых ресурсов предприятий. Расчет эффективности финансово-экономической деятельности ООО «XXX».
2.Консультация финансового аналитика	6800		Приглашенный аудитор	Разработка мероприятий новой кредитной политики ООО «XXX».
3. Покупка нового программного обеспечения БИТРИКС.24. Пакет «Корпоративный» для малого бизнеса	49000	Нераспределенная прибыль ООО «XXX»	Главный бухгалтер ООО «XXX»	Отслеживание сроков выплат по кредитам. Планирование мероприятий по привлечению финансовых ресурсов Автоматизация процесса расчета эффективности привлеченных финансовых ресурсов. Отслеживание изменений процентных ставок по кредитным продуктам банков.
Итого	90800		-	-

В качестве автоматизации процесса оценки и формирования ресурсов компании необходимо также приобрести программное обеспечение, позволяющее систематизировать информацию по формированию и использованию финансовых ресурсов предприятий, а также расходы организации.

На основании проведенной проверки необходимо разработать и утвердить новую кредитную политику ООО «XXX». Для этого рекомендуется создать малую группу по разработке мероприятий эффективного формирования и использования ресурсов предприятия. Группа будет состоять

из 5 человек – работников финансового отдела, привлеченного аудитора. Ее будет возглавлять главный бухгалтер и коммерческий директор компании. Это позволит с разных сторон изучить существующую кредитную политику, выявить основные проблемы и разработать мероприятия по эффективному привлечению кредитных ресурсов в работу ООО «XXX». В рамках одного из направлений новой кредитной политики предлагается привлечь более дешевые кредиты (8,9 % - 9,0 %) в надежных банках с выгодным корпоративным обслуживанием. Проведем анализ эффективности предложенного мероприятия (таблица 3).

Таблица 3 – Расчет эффективности привлечения новых кредитных продуктов
ООО «XXX» в 2020 году

Показатели	Текущие кредитные продукты	Новые кредитные продукты
Наименование банка	ПАО «Сбер Банк»	ПАО «Совкомбанк»
Сумма привлеченного кредита, в руб.	150 000,00	500 000,00
Срок кредита	12 месяцев	
Процентная ставка	12,30	8,90
Сумма выплаченных процентов	35 171,27	22 356,30
Стоимость обслуживания	5 880 руб. / год	0 руб. – первые 3 месяца, после: 7 920 руб. / 9 мес.
Итого расходы	41 051,27	30 276,30

Таким образом, расходы на обслуживание кредита снижаются на 26,24 % (на 107 74,97 рублей), а объем полученного кредита увеличится на 350 000 рублей. Выгодный банковский кредит в данном случае выступит катализатором роста инвестиционной активности ООО «XXX», что в свою очередь, способствует сокращению издержек производства, а также внедрению в деятельность компании цифровых разработок. В качестве основного направления использования денежных средств рекомендуется приобретение современных информационных систем и развивать интернет маркетинг в сети интернет.

По предварительным расчетам, общая стоимость данного проекта составит 570,1 тыс. рублей. Таким образом, 87,7% стоимости компании сможет выплатить за счет полученного в ПАО «Совкомбанк» кредита. Частичная автоматизация процессов предприятия позволит сократить затраты.

Вторым направлением совершенствования процесса формирования и использования ресурсов ООО «XXX» является сокращение дебиторской задолженности в течение 2020-2021 годов. Дебиторская задолженность ООО «XXX» по состоянию на конец 2019 года составляет 390,0 тыс. рублей. На сегодняшний день объем дебиторской задолженности, которую можно взыскать незамедлительно, составляет 260,0 рублей. Анализ состава дебиторской задолженности показал, что по ряду дебиторов срок ее погашения был нарушен, однако руководство компании не предприняло санкционных мер в адрес недобросовестных дебиторов. Взыскать данную дебиторскую задолженность возможно с помощью выставления претензии должникам и установления срока для погашения дебиторской задолженности, либо через суд. Кроме того, для предотвращения увеличения объема дебиторской задолженности в будущем компании необходимо установить предоплату за предоставление услуг. Она также может быть установлена индивидуально по согласованию сторон. Проведем анализ эффективности данного мероприятия. Установим, например, средний уровень предоплаты по всем договорам с дебиторами в размере 50 %. Сводные данные для расчета эффективности отображены в таблице 4.

Таблица 4 – Анализ эффективности мероприятия по установлению предоплаты за услуги ООО «XXX»

В тысячах рублей

Показатели	Дебиторская задолженность до введения мероприятия	Дебиторская задолженность после введения мероприятия	Изменение
Взыскание просроченной задолженности	390,00	260,00	130,00
Взимание предоплаты	390,00	195,00	195,00

Анализ таблицы 4 показал, что после внедрения предложенных мероприятий дебиторская задолженность ООО «XXX» сократится в 2 раза. За счет этого организация получит дополнительные собственные средства для финансирования деятельности в размере 195 тыс. рублей. Данное сокращение дебиторской задолженности отразится и на коэффициенте рентабельности активов (ROA):

$$ROA = \frac{82000}{(408000 - 195000)} = \frac{82000}{213000} = 38,49 \%$$

Таким образом, после осуществления данного мероприятия рентабельность активов ООО «XXX» увеличится на 18,40 % (с 20,09 до 38,49 %).

Вырученную от сокращения дебиторской задолженности сумму следует направить на погашение части кредиторской задолженности, что, в свою очередь, тоже повлияет на показатели эффективности управления заемным капиталом – произойдет снижение плеча финансового рычага с 0,62 до 0,31. При снижении данного показателя снизится риск для кредиторов компании. Это исключит возможность дальнейшего увеличения с их стороны процентной ставки по кредитам ООО «XXX» и затруднение в получении новых кредитов.

Третьим направлением совершенствования процесса формирования и использования финансовых ресурсов ООО «XXX» является направление части

нераспределенной прибыли на улучшение финансовой и маркетинговой деятельности компании. В качестве одного из мероприятий предлагается воспользоваться услугами SMM-специалиста для увеличения степени узнавания компании в социальных сетях. Проведем расчет финансовой эффективности данного мероприятия (таблица 5)

Таблица 5 – Расчет экономической эффективности рекламного продвижения компании в 2021 году

В рублях

Показатели	Сумма
Расходы на привлечение SMM специалиста, в том числе:	25000*12 мес. = 300000
- настройка таргетированной рекламы;	5000*12 мес. = 60000
- подключение услуг «массфоловинг» и «масслайкинг»	5500*12 мес. = 66000
- услуги дизайнера;	
- ведение страницы компании в социальных сетях.	12000
Прогнозируемое увеличение прибыли от продаж:	-
- пессимистичный вариант (7,5 %)	23400
- оптимистичный вариант (15 %)	46800

Таким образом, внедрение предложенного мероприятия позволит увеличить прибыль от продаж в среднем на 11,25 %. Кроме того, это позволит увеличить узнаваемость компании на региональном рынке.

Внедрение в практику вышерассмотренных предложений позволит увеличить эффективность формирования и использования ресурсов ООО «XXX» в условиях развития моногорода. Предложенные мероприятия могут выступать частью общей финансовой стратегии, заключающейся в обеспечении наиболее эффективных форм и условий привлечения заемного и использовании собственного капитала в соответствии с потребностями ООО «XXX».

Литература

- Григорьева Н.С., Дынник Д.И. Маркетинговое сопровождение в проектном управлении: применение в бизнесе и государственном секторе /

Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 11-15.

2. Dynnuk D.I., Grigorieva N.S., Galoyan Ya.E. Improving project management of socio-economic development of the region with the use of soft computing / Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Т. 1095. С. 214-220.

3. Григорьева Н.С. Приоритетные направления повышения социально-экономической эффективности государственного регулирования малого бизнеса / В сборнике: Проблемы и перспективы развития предпринимательства в России Сборник докладов международной научно-практической конференции. 2011. С. 101-107.

4. Grigoreva N.S., Kolycheva Zh.Ya., Ushakov D.S. Budgetary administration and macroeconomic systems social effectiveness / Advanced Science Letters. 2018. Т. 24. № 9. С. 6311-6313.

5. Дынник Д.И., Белозубов И.Н. Место стратегического контроля и аудита в системе управления организацией / Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. 2014. № 4. С. 355-370.

УДК 332.363

Евстифеева
Елена
Александровна

доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующая кафедрой
психологии и философии,
Тверскойгосударственныйтехнический университет

Филиппченкова
Светлана
Игоревна

доктор психологических наук, профессор кафедры
психологии и философии,
Тверскойгосударственныйтехнический университет

Майкова
Элеонора
Юревна

доктор философских наук, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии и социальных технологий,
Тверскойгосударственныйтехнический университет

Комаров
Георгий
Владимирович

аспирант кафедры психологии и философии,
Тверской государственный технический университет

Харченко
Андрей
Юревич

кандидат философских наук, соискатель кафедры
психологии и философии,
Тверской государственный технический университет
e-mail: pif1997@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: Опираясь на авторские социально-психологические исследования студенческой молодежи в статье обсуждается в качестве последствия цифровизации современной жизни потеря человеческого капитала российской молодежи, взятого в проекции его социогуманитарных источников. Объясняется проблема редуцирования в самосознании молодежи духовно-нравственных универсалий до ценностей мобильности.

Ключевые слова: последствия цифровизации, потеря человеческого капитала, российская молодежь, пирамида ценностных приоритетов, личностный потенциал, профессиональный ethos.

HUMAN CAPITAL OF RUSSIAN YOUTH AND CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION

Abstract: Based on the author's socio-psychological studies of student youth, the article discusses as a consequence of the digitalization of modern life the loss of the human capital of Russian youth, taken in the projection of its socio-humanitarian sources. The problem of reduction of spiritual and moral universals to the values of mobility in the self-awareness of youth is explained.

Key words: consequences of digitalization, loss of human capital, Russian youth, the pyramid of value priorities, personal potential, professional ethos.

Мы живем в техногенной цивилизации и в эпоху цифровых технологий, где главными приоритетами являются научно-технологические продукты научно-технического прогресса, они органично связаны с обществом потребления, рыночными отношениями, с принципом максимизации прибыли. Миссия НТП не предусматривает наличия иных ценностных установок как-то этических (духовно-нравственных), личностных, социальных, экзистенциальных, экологических. Игнорируются

и социально-психологические последствия внедрения цифровых технологий, среди которых разрушение личностного статуса человека, его субъектности и самоидентичности. Под угрозой влияния продуктов цифровых технологий оказывается человеческий капитал (ЧК).

Признавая позитивную значимость для человека, общества, социума, биосфера внедрения новых технологий, остановимся на связанной с цифровизацией проблеме сохранения человеческого капитала российской молодежи. Полагаем, что решение данной проблемой является шагом по пути к социогуманитарной цивилизации.

Под человеческим капиталом российской молодежи мы понимаем: «персонифицированные способности, знания, опыт, активная самостоятельность, обусловленные конфигурацией ценностных установок, раскрытием личностного потенциала, формированием профессионального ethos, которые влияют на личное и социальное благополучие человека или его качество жизни, связанное со здоровьем» [1, с.7].

Известно, что сегодня в России человеческий капитал по причине ориентации высшего образования на либерально-экономическую модель экономики недостаточно используется, а его социогуманитарные источники остаются без внимания исследователей. К социогуманитарным источникам ЧК мы относим иерархию ценностно-смысловых предпочтений молодежи, ее личностный потенциал и профессиональный ethos. Индикатором такой корзины сохранения ЧК является «качество жизни, связанное со здоровьем» молодежи, различаемое как субъективное, психологическое благополучие.

Под иерархией ценностно-смысловых установок в самосознании молодежи мы понимаем следующее. На вершине пирамиды находятся ориентированные на гуманитарные идеалы ценности, которые формируют душевно-духовный стержень личности. Среди них – обеспечивающие духоподъемность жизни человека и традиционные для российского менталитета человеколюбие, доброжелательность, достоинство, совесть, долг,

свобода, патриотизм и т.д., то есть высокие и подлинные веровательные символы [2, с. 107-149].

Духовно-нравственные универсалии, находясь на вершине ценностной пирамиды укореняют самосознание человека, предотвращают появление таких явлений как безразличие, цинизм, безответственность, насилие и другие девиации. Кроме того они формируют понятийное сознание молодежи, его личностный статус и профиль, персональную идентичность. В комплексе они существенным образом влияют на раскрытие личностного потенциала молодежи и формирование профессионального этоса, что согласно нашей исследовательской логике, отражается на показателях качества жизни. Заметим, что наше российское общество пока не может предложить новейшую модель однозначных духовно-нравственных ориентиров для жизненных стратегий молодежи, для решения моральных дилемм и жизненных коллизий. Без ориентации на универсальные ценности налицо коррозия социализации молодежи, что проявляется в социальных и межличностных отношениях через феномены свободы выбора, доверия, ответственности, уважения и т.п.

В нашем исследовательском проекте личностный потенциал молодежи рассматривается как личностно-субъектно-когнитивная возможность или индивидуальный проект к личностному самоопределению, взятому в контексте нелинейной социодинамики, турбулентности профессиональной среды. Составляющими личностного потенциала являются автономия, ответственность, рефлексивная активность, которые генерализованно готовят человека к активной инициативности, самостоятельности. Нашиими социологическими и психологическими исследованиями объясняется, почему такой измеритель как «личностный потенциал» заточен на достижение высшего уровня переживания КЖ как психологического благополучия [3].

Это с многозначный концепт и конструкт В нашем толковании это с соизмерим с образом как символическое опредечивание жизни, с габитусом, с качеством жизни. В аксиологической проекции этос функционирует как регуляции, адаптация, контроль, проектирование

социально-групповой жизнедеятельности. Функционал этоса ярко проявляется себя для принятия решений в нелинейных ситуациях морального выбора. Личностный этос - это такая конфигурация самоидентичности и социальных идентификаций человека, которая инициирует личностного уровня свободный выбор в принятии решений на личностном уровне как принятие ответственности и поступок, как аксиологическую соотнесенность социальным реалиям. [4]. В наших исследованиях составляющими профессионального этоса молодежи являются профессиональная идентичность, коммуникативные способности, толерантность к неопределенности. Именно эти субъектно-личностные качества порождают личностный самоконтроль, гибкое использование профессионального опыта, критичность мышления, помогают взаимодействовать с постоянно изменяющейся профессиональной средой и релевантной ей внешними условиями.

Становление профессиональной идентичности возможно как взаимосвязь когнитивных, мотивационных и ценностных характеристик личности, что задает адекватную личностную компетенцию в профессиональной среде, раскрывает личностный потенциал в профессиональной деятельности.

Мы ориентируемся на понимание феномена «качество жизни» в его междисциплинарной дискрипции, изучаем его в гуманистическом и социально-психологическом содержании. Качество жизни, связанное со здоровьем интегрирует объективное и субъективное выражение состояния человека, указывает на его субъективное и психологическое благополучие. (От слова «благо» - стать лучше). Качество жизни, связанное со здоровьем – прозрачно заявляет о психологическом здоровье человека, о его психологическом благополучии, что открывает возможность для самореализации в окружающем мире.

Как показывают наши исследования наличие самосознание значительной части современной российской молодежи демонстрирует другую

конфигурацию ценностных установок [1]. Молодежь выбирает в качестве приоритетных ценности мобильности, что порождает ряд проблем личностного и социального характера. Ценностная пирамида, где ценности мобильности выбираются как доминирующие формирует клиповое сознание молодежи с безличностным человеческим конституированием и сетевой идентичностью. Она «заточена» на ценности мобильных практик, на становление глобальной идентичности, на коммуникативную «продвинутость», на чрезмерную доверительность, на рассудочно-расчетливый практицизм вне опоры на духовно-нравственные универсалии и самоидентичность человека. Такая пирамида провоцирует растрату человеческого капитала в таких его составляющих как духовно-нравственные ценности, личностный потенциал, профессиональный ethos, качество жизни, связанным со здоровьем российской молодежи.

Литература

1. Евстифеева Е.А., Майкова Э.Ю., Филиппченкова С.И. Человеческий капитал российской молодежи: конфигурация ценностных установок, личностный потенциал, профессиональный ethos и модель управления качеством жизни, связанным со здоровьем: монография / Тверь: Тверской государственный технический университет, 2020. – 160 с.
2. «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография / [Н.Н. Зарубина и др.]; под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО – Университет, 2017. 281 с.
3. Социогуманитарные технологии качества жизни. Монография / под ред. Е.А. Евстифеевой, Л.А. Мурашовой. - Тверь: Ред.-изд. центр Твер. гос. мед. ун-та, 2017 - 219 с.
4. Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И., Харченко А.Ю. От исторической идентификации к самоидентичности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1. С. 37-44.

Карабанова
Ирина
Владимировна

кандидат географических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южнороссийский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: ivk-neoton@mail.ru

Гамурзиева
Дана
Алихановна

магистрант 1 курса, Южнороссийский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Иванов
Данила
Романович

студент 3 курса, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Ростовской области «Ростовский торгово-экономический колледж

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЛАЧНЫХ СЕРВИСОВ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы безопасности облачных сервисов в цифровой экономике. Наиболее популярными облачными сервисами в России являются SaaS (59%), IaaS (37%) и PaaS (4%). Проведен анализ возникающих рисков для облачных сервисов. Установлено, что незащищенность интерфейсов связана с их неправильным проектированием. Определены основные пути решения потенциальных угроз. Необходимо применять комплексные меры по обеспечению безопасности облачных сервисов, используемых цифровой экономикой.

Ключевые слова: цифровая экономика, облачные сервисы, безопасность сервисов, SaaS, IaaS, PaaS

SECURITY ISSUES FOR CLOUD SERVICES OF THE DIGITAL ECONOMY

Annotation.. This article discusses the security issues of cloud services in the digital economy. The most popular cloud services in Russia are SaaS (59%), IaaS (37%) and PaaS (4%). The analysis of emerging risks for cloud services is carried out. It was found, that the lack of security of interfaces is associated with their incorrect design. The main ways to solve potential threats are identified. It is necessary to apply comprehensive measures to ensure the security of cloud services used by the digital economy.

Keywords: digital economy, cloud services, security, SaaS, IaaS, PaaS

According to the National program "Digital economy of the Russian Federation" the country is on the way to create the necessary conditions for its successful implementation [1]. Digital data sets are an important factor in social production, which leads to an increase in the state's competitiveness and economic security. The introduction of cloud services also reduces CO₂ - emissions from IT infrastructure of companies, which improves the environment.

In addition, cloud services are one of the key tools, the improvement of which are enshrined in the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for the period 2017-2030 [2].

Using different classes of cloud applications can improve business efficiency by reducing the cost of information infrastructure, speeding up computing and analysis [3, p. 81]. The most popular cloud services in Russia are SaaS (59%), IaaS (37%) and PaaS (4%).

The Russian cloud technology market is growing rapidly in 2020. Its volume is 48 billion rubles. The polynomial trend line indicated that the development of SaaS services is not very stable (figure 1). The line trend of the IaaS services market indicates development at a constant rate.

The percentage of using the most popular cloud service SaaS in trade and finance for the period from 2015 to 2018 shows on the figure 2.

The trade sector leads in the number of implemented projects using SaaS services. At the same time, there is a decrease in the share of SaaS amounting to 19.72% and 10.14%, respectively for period from 2015 till 2018. However, in the financial sector, there was an increase in the introduction of SaaS services from 6.42 % in 2015 to 9.42 % in 2017.

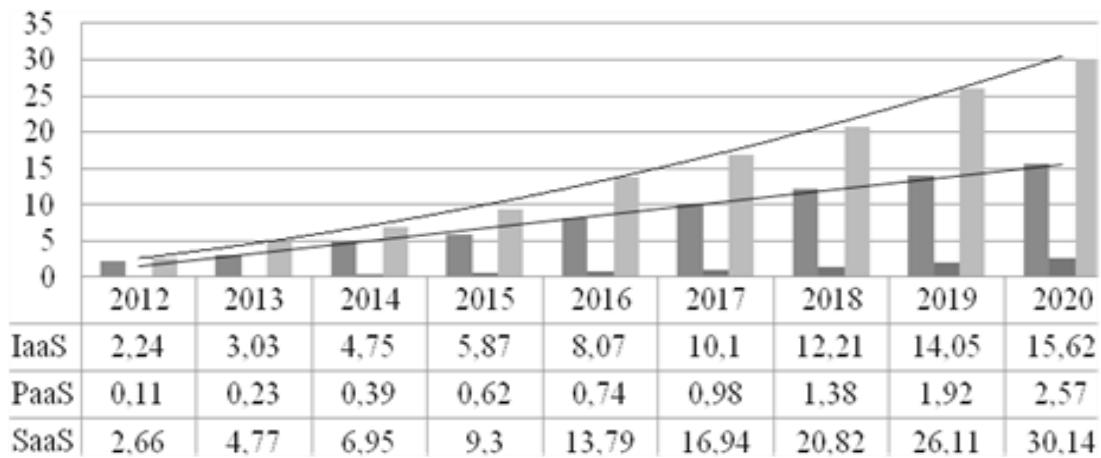

Figure 1. Growth of cloud services in Russia in 2015-2020, billion rubles

Along with the increase in demand in the financial sector, there are a large number of issues in the cloud security field. It is the most important task for both developers and users.

The non-profit organization Cloud Security Alliance (CSA) is a leader in standards for security improving of using cloud computing. CSA identified a number of issues in ensuring the security of cloud services [4].

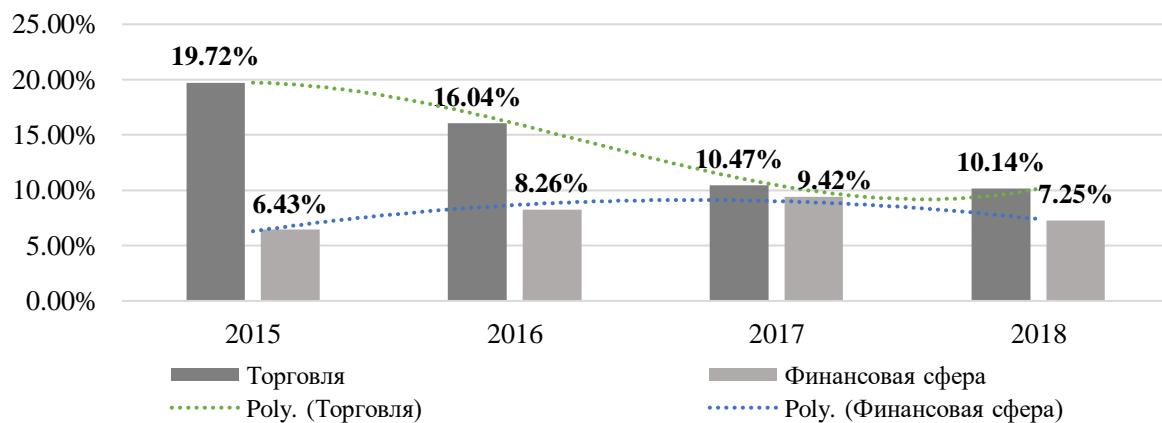

Figure 2. The percentage of using the SaaS service in trade and finance for the period from 2015 to 2018

The following security issues were identified:

- data leakage directly depends on their importance;
- if you are careless about authentication mechanisms, you may compromise accounts and bypass authentication;

- hacking interfaces and APIs;
- in multi-rental cloud services, there is a vulnerability of the systems used;
- account theft may be disrupted due to a user's account being hacked;
- the threat may come from malicious insiders who are interested in causing commercial harm;
- an attacker who decides to install and secure targeted cyber attacks in the target infrastructure is not so easy to detect;
  - permanent data loss and lack of awareness in working with cloud computing;
  - cloud technologies can be used by illegitimate organizations;
  - DDoS attacks can be launched on the cloud service, causing infrastructure overload;
    - cloud model there is a risk of vulnerability through shared resources and most organizations are at risk of theft of confidential information.

The lack of security of cloud interfaces is associated with their incorrect design. To ensure the necessary security, authentication, encryption, and access control must be included in the interface structure.

In addition to common security threats, each cloud model may have its own issues. For example, the PaaS should focus more on host and resource vulnerabilities, the SaaS on applications and deployments.

The study analyzed emerging risks for cloud services and identified the main ways to address emerging threats. Among the solutions, the authors note the following:

- performing code security checks and running penetration tests;
- account control; monitoring and auditing transactions for individual users;
- training employees to properly manage processes using secure backup methods;
- implementing intrusion detection systems.

So, cloud services are one of the basic technologies of the digital economy. On the one hand, when conducting economic activities, it is necessary to ensure

digital independence by using cloud solutions of the best domestic developers. On the other hand, there are a large number of threats that arise in the field of data privacy, which can be minimized by resorting to various methods of eliminating them.

Therefore, it is necessary to apply comprehensive measures to ensure the security of cloud services used by the digital economy.

Литература

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г № 7. Режим доступа URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovay-ekonomika> (дата обращения 12.10.2020).

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы". Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения 10.11.2020)

3. Викторова Н.Г., Шухов Ф.Г. Цифровая экономика: развитие облачных технологий в России и за рубежом [Текст] /Н.Г. Викторова, Ф.Г. Шухов// Электронный научный журнал «Век качества». 2019. - №2. - С. 81-90. Режим доступа: URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2019/219006.pdf> (дата обращения 12.10.2020).

4. Облачные сервисы. / TAdviser - портал выбора технологий и поставщиков – Режим доступа URL: Режим доступа: ГКД <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 28.10.2020).

УДК 331

Газиева
Инна
Александровна

Кандидат социологических наук, директор Центра
общеакадемических образовательных инициатив
РАНХиГС,
e-mail: Gazieva-ia@ranepa.ru

Баранов
Алексей
Викторович

Заместитель директора Южно-Российского
института управления - филиала РАНХиГС,
e-mail: bav.skags@gmail.com

Котлярова
Ольга
Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС,
e-mail: olya-apriori@yandex.ru

Тагаев
Алексей
Васильевич

Кандидат экономических наук, директор
инновационно-технологического центра Южно-
Российского института управления - филиала
РАНХиГС,
e-mail: itc@uriu.ranepa.ru

ВИРТУАЛЬНЫЕ СИМУЛЯТОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ

Аннотация: В статье исследуется влияние виртуальных симуляторов на развитие трудового потенциала студентов. Исследование реализовалось на основе 2 проектов. Формирование управленческих компетенций в процессе ведения собственного бизнеса исследовалось в рамках проекта «Бизнес-баттл», ежегодно реализуемого Институтом организационного развития и стратегических инициатив РАНХиГС, фокус группу составили 150 студентов. Формирование практических навыков исследовалось в процессе применения симулятора по подготовке председателей и членов избирательных комиссий, фокус группу составили 50 студентов, прошедших производственную практику в условиях самоизоляции.

Ключевые слова: виртуальный образовательный симулятор, цифровые компетенции, образовательная парадигма, трудовой потенциал.

VIRTUAL SIMULATORS AS A TOOL FOR DEVELOPING STUDENTS' LABOR POTENTIAL

Abstract: the article examines the influence of virtual simulators on the development of students' labor potential. The study was implemented on the basis

of 2 projects. The formation of managerial competencies in the process of running your own business was studied in the framework of the "Business battle" project, implemented annually by the Institute for organizational development and strategic initiatives of the Ranepa. the focus group consisted of 150 students. The formation of practical skills was studied in the process of using a simulator for training chairmen and members of election commissions. the focus group consisted of 50 students who had passed industrial practice in conditions of self-isolation.

Keywords: virtual educational simulator, digital competencies, educational paradigm, labor potential.

Цифровизация современного общества подразумевает внедрение в процесс жизнедеятельности интеллектуальных интернет технологий для достижения определенных социальных эффектов. Под социальными эффектами понимаются положительные изменения в обществе, в государстве и в мире. Одним из значимых социальных эффектов от внедрения виртуальных симуляторов является развитие трудового потенциала в процессе получения высшего образования.

В качестве гипотезы исследования выступает мысль о том, что применение виртуальных симуляторов в образовательном процессе способствует развитию трудового потенциала студентов посредством совершенствования soft-, hard- и digital-skills. Применение образовательных виртуальных симуляторов «облегчает» процесс адаптации выпускника к новой профессиональной деятельности.

Мы считаем, что получение качественного высшего образования в современной России в некоторой степени страдает по причине отсутствия практикоориентированных методик. Излишняя теоретизация предлагаемого материала не позволяет студентам приобретать необходимые компетенции. Также, эпидемиологическая ситуация в стране и мире ограничивает возможности студентов в приобретении практических навыков.

В этой связи виртуальные образовательные симуляторы становятся мощным инструментом для приобретения компетенций практического характера и развития трудового потенциала обучающихся.

Объектом исследования выступают виртуальные симуляторы, применяемые в образовательной парадигме Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Наше исследование основывается на анализе результатов применения образовательных виртуальных симуляторов 1) проекта «Business-Battle», реализуемого Институтом организационного развития и стратегических инициатив РАНХиГС, 2) проекта по подготовке председателей и членов избирательных комиссий, реализуемого Южно-Российским институтом управления – филиалом РАНХиГС.

Практическая часть исследования основана на применении эмпирического метода в рамках социологических опросов, направленных на определение групп компетенций по принципу прироста их сформированности у обучающихся.

Историю появления образовательных симуляторов опосредованно можно связать с именами великих ученых: Леонардо да Винчи, Вильгельма Шиккарда, Вильгельма Готфрида Лейбница, Чарльз Бебиджа и мн.др. В настоящее время внедрение виртуальных симуляторов является особо актуальной исследовательской темой в эпоху общественной цифровизации и роботизации. В этой связи особо значимыми кажутся работы, направленные на совершенствование *сферы медицинских услуг*, исследующие процессы приобретения врачами новых навыков проведения виртуальных операций и улучшение хирургических техник. См., к примеру, работы В.А. Бывальцева, А.А. Калинина, Е.Г. Белых, И.А. Степанова [1]; Д.Е. Закондырина, Е.Н. Кондакова, В.Л. Петришина, Т.Н. Пирской [2]; Е.А. Колесниковой, А.Ш. Махмутходжаева, Е.Г. Рипп Е.Г. [3]; М.А. Коссовича; М.П. Потапова [4]. В пространстве *инженерии, автомобилестроения и авиации*, интересны работы В.И. Миронова, С.А. Лобова, Н.П. Крыловой, С.Ю. Гордлеевой, А.Я Каплана [5]; В.Г. Иванова, Ю.П. Похолкова, А.А. Кайбиянена, Ю.Н. Зиятдиновой [6]. В *образовательной парадигме* исследуется эффект применения виртуальных симуляторов для развития наиболее востребованных навыков, см. работы К.А.

Фёдорова, А.Л. Никонорова [7]; Ф.Э. Юсуповой, М.О.К. Солижоновой Махсума Обиджон Кизи [8].

В качестве первой фокус группы выступили 150 студентов – участников проекта «Business Battle» - чемпионата для студентов Президентской академии по управлению бизнесом, который базируется на компьютерной учебной модели управления компанией. В основе чемпионата находится компьютерный бизнес симулятор - симулятор бизнес-среды, условия которой меняются от этапа к этапу в зависимости и от сценария, и от решений, принимаемых конкурирующими командами. Благодаря участию в данном проекте, студенты развиваются навыки работы на конкурентном рынке, стратегическое мышление, навыки командной работы, а также профессиональные компетенции, необходимые современному управленцу в условиях глобальной конкуренции.

Целью исследования стала оценка эффективности бизнес-симулятора в образовательном процессе. Для выявления и замера образовательных эффектов был проведен социологический опрос среди 150 участников, направленный на выявление групп компетенций по принципу их прироста.

По принципу прироста наиболее перспективной оказалась группа компетенций, которые сложно сформировать в ходе образовательного процесса. В ее состав вошли: 1) умение трезво оценивать перспективность идей по развитию компании 2) умение разрабатывать маркетинговую политику компании, 3) умение генерировать новые бизнес-идеи (прирост компетенций составил 50%), а также 4) умение управлять персоналом компании и 5) разрабатывать стратегию компании, 6) разрабатывать бизнес-модели (прирост компетенций составил 43%). Немалый прирост компетенций можно отметить и в части 7) умения самостоятельно получать необходимую информацию, 8) оценивать конкуренцию на рынке, 9) адекватно оценивать окружающую обстановку и внешнюю ситуацию, 10) создавать команду и 11) оценивать финансовую устойчивость компаний (прирост компетенций составил 36%).

На рис. 1 продемонстрирован прирост компетенций в результате внедрения в образовательный процесс бизнес-симулятора.

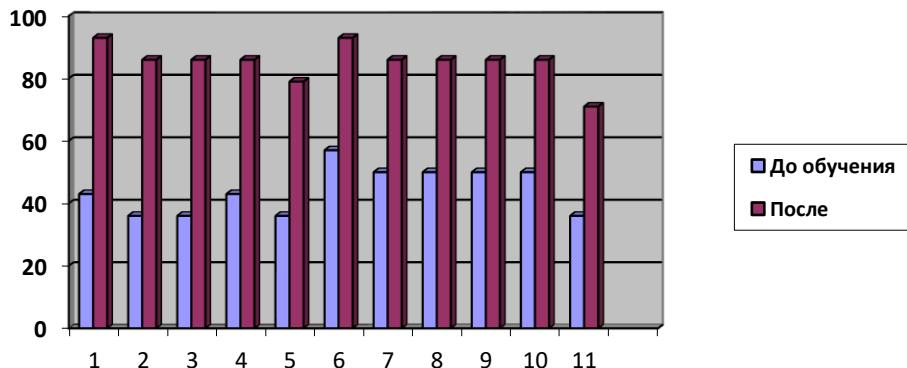

Рисунок 1. Прирост компетенций у студентов, применяющих бизнес-симулятор. Номер компетенции в описании соответствует номеру в графике.

Исходя из данных исследования, представленных выше, можно говорить о том, что тренировки на симуляторе развивают трудовой студенческий потенциал. Ступень получения высшего образования предполагает приобретение практических компетенций, которые быстро формируются в игровой форме и на соревновательной основе. Более того, сформированные компетенции представляют собой компетентностную систему, комплекс, позволяющий управлять реальными бизнес-процессами.

Другим практическим примером применения виртуального образовательного симулятора является опыт коллег из Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС. Виртуальный симулятор для подготовки председателей и членов избирательных комиссий применялся во время прохождения студентами производственной практики в эпидемиологических условиях. Вторую фокус группу составили 56 студентов.

Южно-Российским институтом управления была разработана программа для ЭВМ «Виртуальный образовательный симулятор для подготовки членов участковых и территориальных избирательных комиссий» (свидетельство Роспатент о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2019619176 от 11.07.2019 г.), который был признан победителем в номинации «Лучший

проект в социальной сфере» ежегодного регионального конкурса ИТ-проектов Ростовской области в 2019 году.

Обсуждаемый виртуальный симулятор предназначен для формирования у обучающихся комплекса необходимых компетенций для полноценной и качественной регламентации всего процесса выборов. При помощи симулятора производственную практику в условиях самоизоляции прошли 56 студентов.

Виртуальный образовательный симулятор содержит более 50 учебных и игровых кейсов, включающих в себя описание ситуаций, возникающих во время дня голосования. Рассматриваемые ситуации не только проверяют у студентов знания нормативно-правовых актов, но и стимулируют развитие навыков поведения во внештатных ситуациях, а также способствуют развитию эффективной коммуникации с различными категориями участников избирательного процесса.

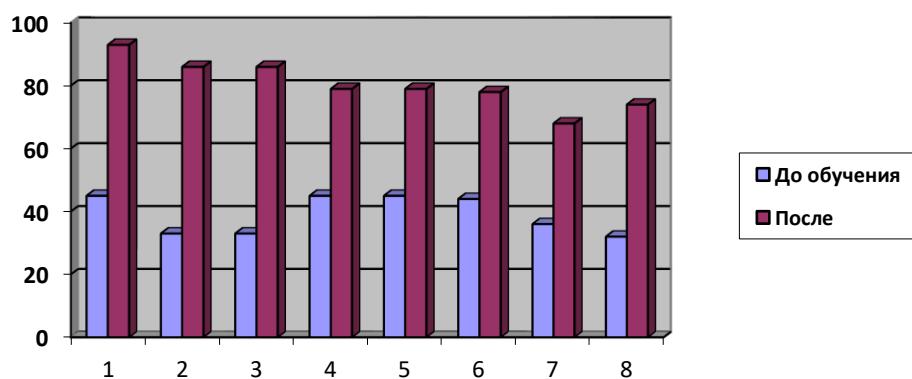
Формируемая симулятором учебная среда основана на реальных ситуациях, возникающих в процессе подготовки и проведения голосования. Она максимально приближена к действительности. Имитация реальных выборов позволяет студентам решать управленческие задачи и предвидеть проблемные ситуации. Имитация реальной деятельности, виртуальное погружение в процесс голосования позволяет обучающимся адаптироваться и привыкнуть к выполняемым обязанностям.

Симулятор подразумевает выбор студентом собственной роли. Можно вступить в игру с позиции председателя участковой избирательной комиссии, члена участковой избирательной комиссии или наблюдателя. В зависимости от выбранной игровой роли варьируется набор образовательных ситуаций и, соответственно, формируется набор определенных надпрофессиональных компетенций. То есть студент имеет возможность определить, какие именно навыки ему необходимо сформировать. Отмечен большой процент студентов, которые применяют симулятор с разных позиций. Проработка виртуальных

ситуаций с позиции каждого героя позволяет системно проанализировать наиболее сложные вопросы и в последствие принимать верные решения.

Освоение программ практик способствует формированию специфичных профессиональных компетенций, к которым отнесем: 1) умение трезво и спокойно воспринимать внештатные ситуации в процессе подготовки и осуществления голосования 2) умение придерживаться законной траектории в процессе голосования, 3) умение грамотно использовать кадровый потенциал наблюдателей и членов избирательных комиссий (прирост компетенций составил 50%), а также 4) умение работать в команде, 5) умение управлять процессом коммуникации между населением и членами избирательных комиссий, 6) умение экономно использовать пространственные ресурсы (прирост компетенций составил 43%). Немалый прирост компетенций можно отметить и в части 7) умения предвидеть критические ситуации в процессе выборов, 8) умение оценивать психологическую устойчивость кадрового состава наблюдателей (прирост компетенций составил 36%).

На рис. 2 продемонстрирован прирост компетенций во время прохождения практики студентов посредством тренировок на симуляторе. Номер компетенции в описании соответствует номеру в графике.

В качестве факторов, подтверждающих развитие трудового потенциала студентов за счет применения симуляторов, назовем.

- 1) Развитие **комплексов** востребованных компетенций. Каждый симулятор ориентирован на формирование определенных знаний, умений и навыков, в совокупности формирующих компетентностный комплекс. На

уровне бакалавриата образовательный симулятор формирует более гибкие компетенции. Во время прохождения преддипломной практики симулятор направлен на формирование жестких навыков.

2) **Практикоориентированность тренировок.** В условиях самоизоляции виртуальные симуляторы становятся мощным инструментарием для приобретения и развития конкретных практических навыков.

3) **Естественное развитие digital скилз.** Как показывает практика, развитие цифровых компетенций у студентов происходит быстро и безболезненно, но старшее поколение в процессе получения дополнительного профессионального образования нуждается в тренировке digital скилз. Так, к примеру, для студентов-заочников, цифровые навыки имеют повышенную актуальность.

4) **Повышение мотивационной активности студентов** к процессу обучения. Большинство студентов воспринимают тренировки на симуляторе как компьютерную игру, они отмечают качественную инфографику, сюжетную линию заданий, юмор.

5) **Безболезненное встраивание симуляторов** в траекторию непрерывного образования без глобальных материальных и трудозатрат.

6) **Совершенствование когнитивных способностей студентов,** в том числе: памяти, внимания, воображения, логического мышления, речи. С этой точки зрения, посредством применения симуляторов развивается непосредственно трудовой студенческий потенциал, а именно, их физиологическое и психологическое здоровье.

Литература

1. Бывальцев В.А., Калинин А.А., Белых Е.Г., Степанов И.А. Симуляционные технологии в спинальной хирургии // Вестник Российской академии медицинских наук. 2016. № 4. С. 297-303.

2. Закондырин Д.Е., Кондаков Е.Н., Петришин В.Л., Пирская Т.Н. Симуляционное обучение навыкам оперативных вмешательств на позвоночнике // Хирургия позвоночника. 2015. № 2. С. 67-70.
3. Колесникова Е.А., Махмутходжаев А.Ш., Рипп Е.Г. Медицинская симуляция в освоении оперативной техники при эктопической беременности // Бюллетень сибирской медицины. 2014. № 6. С. 93-98.
4. Коссович М.А. Модульная программа обучения роботической хирургии // Клиническая и экспериментальная хирургия. 2015. № 1 (7). С. 66-69.
5. Миронов В.И., Лобов С.А., Крылова Н.П., Гордлеева С.Ю., Каплан А.Я., и др. Разработка нейроуправляемого автомобиля для мобилизации людей с двигательным дефицитом - нейромобиля // Современные технологии в медицине. 2018. № 4. С. 49-56.
6. Иванов В.Г., Похолков Ю.П., Кайбиянен А.А., Зиятдинова Ю.Н. Пути развития инженерного образования: позиция глобального сообщества // Высшее образование в России. 2015. № 3. С 67-79.
7. Потапов М.П. Роль симуляционных образовательных технологий в обучении врачей // Высшее образование в России. 2019. № 8-9. С 138-147.
8. Ф.Э. Юсуповой, М.О.К. Солижоновой Махсума Обиджон Кизи Симуляторы в образовательном процессе // Вопросы науки и образования. 2018. № 10. С. 193-195.

УДК 338

Васькина
Марина
Георгиевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории, Южный Федеральный
университет.
e-mail: vaskina_marina@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА: СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Российский рынок труда начал существенно меняться с переходом к цифровой экономике. Существенный положительный эффект на него оказывают информационные технологии и платформы, призванные облегчать поиск новых кадров, минимизировать период поиска новой работы, существенно повышать производительность работников, обеспечивать доступ к качественному образованию и, в целом, расширять рынок труда за счет расширения дистанционной занятости.

Ключевые слова: рынок труда, особенности современного рынка труда, факторы цифровизации рынка труда, информационные технологии.

DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN LABOR MARKET: SPECIFICS AND FEATURES

Annotation. The Russian labor market has begun to change significantly with the transition to the digital economy. Information technologies and platforms designed to facilitate the search for new personnel, minimize the period of searching for a new job, significantly increase the productivity of employees, provide access to quality education, and expand the labor market by expanding remote employment have a significant positive effect on it.

Keywords: labor market, features of the modern labor market, factors of digitalization of the labor market, information technologies.

Одной из характерных особенностей современного российского рынка труда является достаточно высокий уровень скрытой безработицы. Данную ситуацию можно рассматривать с двух сторон: с одной стороны безработицу можно рассматривать как некий резерв для развития производства, но с другой стороны – как источник социальной напряженности.

К другим особенностям современного рынка труда можно отнести существенную территориальную дифференциацию и дифференциацию по секторам экономики, низкий уровень пособий по безработице и неэффективное использование трудового потенциала, когда объем производства сокращается гораздо быстрее, чем численность занятых.

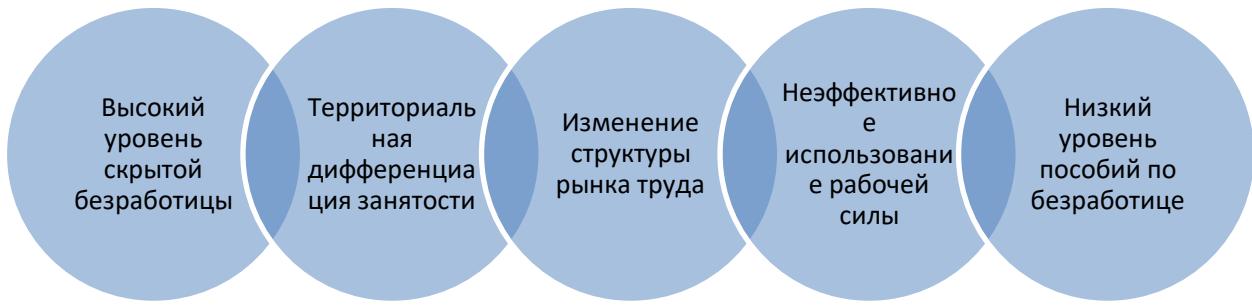

Рисунок 1 - Особенности современного рынка труда

В современном мире взаимосвязь труда и технологий не вызывает сомнения, так как, с одной стороны, внедрение инноваций стимулирует как рост производительности труда так и создание дополнительных рабочих мест. Но, при этом, расширение использования новых инструментов приводит к замене живой рабочей силы аппаратами и роботами, что в свою очередь приводит к росту безработицы [1, с.6]. При этом необходимо отметить, что новые технологии, заменяя рабочие места тем самым образуют новые профессии. Следовательно, в современном мире основным фактором, влияющим на формирование рынка труда, становится система образования.

По данным прогноза «Агентства стратегических инициатив» в период до 2030 года будет формироваться тенденция к росту профессий на рынке труда, который затронет более 20 отраслей (строительство, медицина, образование, культура и т.п.). Но при этом будет наблюдаться и противоположная тенденция развития рынка труда - в период до 2030 года исчезнут около 57 профессий.

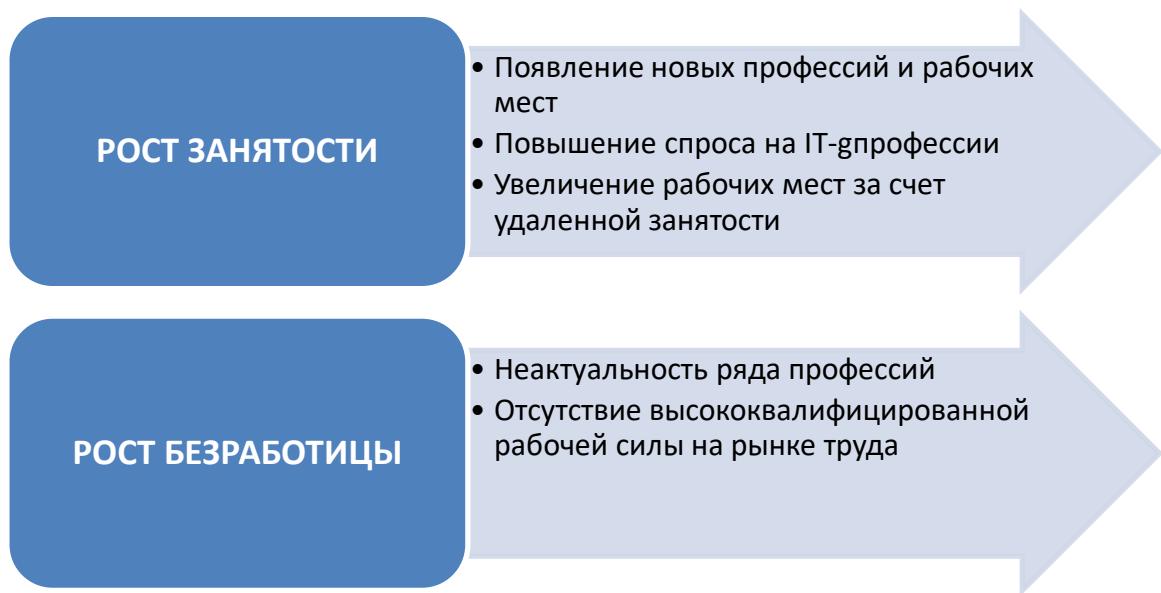

Рисунок 2 - Влияние факторов цифровизации на рынок труда [2, с.140].

В условиях формирования и распространения нового формата воздействия работников и работодателей в период цифровизации экономики у российского рынка труда определяются отличительные особенности, которые заключаются в следующем:

- формировании дистанционных отношений, которое представляет собой удаленную форму занятости между работодателем и работниками. С появлением и развитием такого фактора рынок труда станет оснащен виртуальной занятостью, при которой будет отсутствовать важность фактического географического положения работника. Также именно данный фактор дает возможность получить рабочие места людям, которые имеют ограниченные возможности;
- создание более комфортных условий труда в период формирования цифровых инструментов;
- формировании тенденций, основанных на удаленной форме занятости;
- появления трудностей, связанных с формированием долгосрочного планирования профессионального пути для сотрудника;
- обязательном усилении требований к работникам, которые заняты удаленной формой занятости.

Все это приведет к тому, что на российском рынке труда будет присутствовать структурная безработица, причем до тех пор, пока рынок труда полностью не адаптируется к условиям формирования цифровой экономики.

Несмотря на положительные стороны в развитии цифровой экономики на рынке труда, государство не может гарантировать полную занятость населения. Так, в сентябре 2020г., по предварительным итогам выборочного обследования рабочей силы, 4,8 млн.человек в возрасте 15 лет и старше, или 6,3% рабочей силы классифицировались как безработные. При этом зарегистрированы в качестве безработных в органах службы занятости населения, по предварительным данным Роструда, 3,7 млн.человек, в том числе 3,3 млн.человек получали пособие по безработице [3].

Одно из нововведений на российском рынке труда в 2020 году – это введение нового документа, уведомление из ПФР, взамен СНИЛС. Наравне с этим, на начало 2020 года были введены электронные трудовые книжки, на которые должны будут руководители перевести своих сотрудников в организациях.

Но из-за введения жестких ограничительных мер, вызванных пандемией, по многим профессиям начался спад числа вакансий. К таким профессиям можно отнести: фитнес и индустрия красоты, автомобильный бизнес, образование (речь идет о частных школах и учреждениях дополнительного образования), транспорт и строительство. В процессе режима самоизоляции первым пострадал туристический бизнес.

При этом, пандемия коронавирусной инфекции ускорила процессы автоматизации и цифровизации бизнеса. Внушительный рост будет наблюдаться в сферах ИТ, здравоохранения, робототехники, агропромышленности. Наравне с этим, под угрозой находятся и банковские работники, которые занимаются рутинными операциями, которые постепенно автоматизируются. На период режима самоизоляции стали востребованы специалисты, которые хоть как-то связаны с онлайн-продажами,

продвижениями в интернете и доставками товаров на дом. И по всем прогнозам, количество данных специалистов будет только возрастать.

За время режима самоизоляции значительно выросло число заказов через интернет. Существует вероятность, что и после отмены режима самоизоляции доставка останется одной из самых популярных услуг, так как у потребителей уже сформируется за этот период привычка к пользованию данной услугой [4].

В национальном агентстве развития квалификаций отмечают появление новых профессий, таких как: цифровой куратор, организатор виртуальных бизнес-туров, организатор бизнес-процессов онлайн и т.п.

В целом, можно сделать вывод о том, что сохраняется достаточно стабильное положение рынка трудовых ресурсов. Если же на рынке труда рабочую силу будут заменять новыми технологиями и роботами, то на некоторых специальностях это отразится негативно.

До настоящего момента времени российский рынок труда практически не изменялся под влиянием информационных технологий. Однако ускоряющаяся цифровизация экономики создает новые задачи для отраслей и государства, с которыми они прежде не сталкивались[5, с.53]. В целом для экономики России внедрение технологий и замены рабочих сил может дать и положительный эффект, но это отрицательно скажется на численности рабочей силы и уровне безработицы. Уничтожение множества профессий в период информационной трансформации создает необходимость создания новой государственной программы, которая будет главным центром, связывающим спрос/предложение рынка труда с цифровой грамотностью общества. В России присутствует огромный потенциал человеческого капитала, являющийся важным ресурсом для экономического роста. Перспектива перехода экономики на информационный уровень заключается в том, что в сфере высоких технологий необходимо связать материальные ресурсы (применение новых технологий в производстве) и интеллектуальные ресурсы (предоставление возможности людям создавать и внедрять

креативные идеи) [6]. Наравне с этим, распространение коронавируса показало, насколько незащищенной является жизнь общества. В данной ситуации рынок труда должен как можно быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям.

Литература

1. Кергроуч С. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда // Журнал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 2017. Т. 11. № 4. С. 6
- 2 Составлен по: Никлус, М.П. Влияние цифровой трансформации экономики на рынок труда в России// Международный научно-исследовательский конкурс. 2020. С. 140
3. Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России - 2020 г. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm
4. Как самоизоляция изменит рынок труда. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/8350081>
5. Аптекман, А. Цифровая Россия: новая реальность // Digital/McKinsey. 2017. С. 53
6. Указ президента РФ «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» - URL: <https://base.garant.ru/71670570/>

УДК 141.155

Чернавин
Юрий
Александрович

доктор философских наук, профессор кафедры
социологии и психологии управления,
Государственный университет управления.
e-mail: uchernavin@yandex.ru

**МОЛОДЕЖЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ:
СУБЪЕКТ VERSUS ОБЪЕКТ**

Аннотация: Взаимодействия цифрового общества, утверждающегося в современном мире, и молодого «цифрового поколения» носят неоднозначный субъектно-объектный характер, постоянно меняющий местами активную и пассивную стороны возникающих отношений. Доминирование человека-субъекта как творца общества знания может быть обеспечено путем развития и утверждения норм и ценностей соответствующей культуры – культуры общества знаний.

Ключевые слова: цифровое общество, информационное пространство, цифровое поколение молодежи, субъект информационно-коммуникативной деятельности, объект информационно-коммуникативной деятельности, культура общества знаний.

YOUTH IN A DIGITAL SOCIETY: SUBJECT VERSUS OBJECT

Abstract: the Interaction of the digital society, which is being established in the modern world, and the young "digital generation" have an ambiguous subject-object character, constantly changing the active and passive sides of the emerging relations. The dominance of the human subject as the Creator of the knowledge society can be ensured by developing and approving the norms and values of the corresponding culture – the culture of the knowledge society.

Keywords: digital society, information space, digital generation of youth, subject of information and communication activities, object of information and communication activities, culture of the knowledge society.

Часть современного мира, идущая по пути постиндустриального развития, в последние десятилетия обрела новое содержание социальной динамики: это процесс утверждения цифрового общества и одновременное формирование личности нового типа – «человека информационного» (e-Homo Sapiens). При этом человек предстает как главный субъект постиндустриального общества, он – автор идей и создатель знания, обусловливающего и появление цифровых технологий, и развитие социума. Но останется ли личность в подобном качестве, когда «цифра» обретет полную силу? Нет ли очередного обострения ситуации, в которой техника в своей социальной значимости опережает человека, становясь субъектом принятия решений?

Взаимодействие с феноменами киберпространства неизбежно оказывается на содержании и механизмах социализации личности, формируя в конечном итоге «информационного человека». Характеристики нового типа личности присущи, прежде всего, молодежи. Именно эта социальная группа – «цифровое поколение» – в современном обществе включены в процессы информатизации жизни в наибольшей степени. Многообразные социальные факторы действуют на молодого человека, в значительной мере преломляясь в «линзах» информационного пространства. Абсолютизация подобного рода, безусловно, не может быть позитивной, как минимум она многозначна.

Об опасностях, несущих техногенной цивилизацией обществу и человеку, в научной литературе пишут активно. Главная из них – «привязанность» личности к технике, превращающая индивида в ее элемент, деталь и создающая одномерно-количественный подход к жизни, деятельности, мышлению, духовной культуре, нравственным ценностям. Анализируя мышление человека-субъекта и мышление человека-объекта, подчиненного технике, М. Хайдеггер пишет об «осмысляющем» мышлении и мышлении «вычисляющем», «бегстве от мышления», противопоставляя их друг другу и демонстрируя ущербность второго [1]. Суть технократизма, характерного для человека-объекта – в закреплении частичности, одномерности личности, «линейности» ее мышления и деятельности, их определенной запрограммированности.

Взаимодействие цифрового пространства и молодого человека как его участника реализуется посредством многообразных технологий, в рамках которых их субъект-объектные характеристики различны. Те или иные измерения совершенно не обязательно принадлежат одной стороне, чаще они перекрещиваются либо представляют ту или другую из этих сторон одновременно в двух ипостасях.

В качестве объекта воздействия, управления, порой и манипулирования оставляет молодежь *технология медиатизации реальности*. Это

взаимопроникновение, слияние социальной действительности и средств массовой коммуникации. Организационной медиа-элитой в этом случае выступают вполне определенные субъекты – «символические аналитики» (термин Д. Белла) – все те, кто не просто имеет дело с информацией, но обладает возможностью и способностью управлять коммуникациями и формировать общественное мнение: СМИ различного уровня, агенты влияния, PR-специалисты, специалисты по рекламе, медиа-активисты, блогеры и т.д. В результате их целенаправленной деятельности в киберпространстве в качестве субъектов управления и некритической позиции людей, социальных групп, выступающих объектом воздействия, в обществе с высокой вероятностью возникает заданная направленность оценок и действий.

В других случаях все гораздо сложнее. Во-первых, субъекты киберпространства приобретают диффузный и аморфный характер и перестают ощущаться таковыми. Фактор воздействия предстает как некая сила, опознать которую в том или ином индивиде или группе людей далеко не всегда возможно (чаще просто невозможно). Во-вторых, оказывающие влияние сетевые центры возникают по преимуществу спонтанно в ответ на актуальную ситуацию в жизни или сети, что предопределяет их анонимность. В-третьих, воздействия сети зачастую предстают не в виде целенаправленного влияния того или иного субъекта, а складываются как результат коммуникационного взаимодействия многих социальных субъектов, обменивающихся знаниями и создающих их. В-четвертых, направляющее влияние имеет содержательное наполнение транслируемых знаний, постоянно меняющаяся структура информационных потоков, алгоритмы обработки и подачи сведений, правила общения в сетях.

Под вопросом в данном случае оказывается одна из сторон взаимодействия, ее судьбоносный, определяющий элемент – субъект. В то же время он существует и активно действует, обладая своеобразной ипостасью, которую по аналогии с аморфным словосочетанием «невидимая рука рынка» можно определить как «менеджер из сети».

С позиций такого кажущегося отсутствия субъекта реализуется, например, технология *виртуализации*, которая представляет собой процесс внедрения в массовое сознание идеальных образов действительности, конструирующих и имитирующих саму реальность. Это «симулякры» (термин Ж. Бодрийяра), символические копии (пустые символы), оторвавшиеся от своего оригинала. Результатом виртуализации становится удвоение миров, сосуществование реального и виртуального.

По мнению Ж. Бодрийяра, образ, не связанный с реальностью, – фактор, ведущий к плачевным последствиям. Во-первых, человеку, погруженному в симулятивную гиперреальность, не интересны смыслы, наполненность знаний. Таких людей философ называет «массами». «Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработлен стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зреющим» [2, с. 14]. Во-вторых, длительное пребывание в киберпространстве с его симулярами порождает (и выражает) стремление молодого человека скрыться от суровой действительности, избежать выбора и принятия жизненного решения, снизить ответственность. Все вместе взятое, в-третьих, открывает широкие возможности для манипулирования чужим сознанием и волей.

В то же время феномен виртуализации имеет и другие грани, позитивные в социальном отношении. Действительно, виртуальный я-образ – это совокупность симуляков, но конечная цель процесса не замена реальности симуляцией, а, наоборот, – замена симуляции реальностью. Возможные реальные ситуации симулируются для того, чтобы не пришлось испытывать их в действительности. Поэтому многие симуляции носят превентивный и проспективный характер [3, с. 81-82]. В данном случае они не исключают молодых из реального мира, а, наоборот, подвигают их к деятельности.

Кроме того, присущая молодежи активность неизбежно проявляется в активном управлении виртуальной жизнью виртуальной личности. Постоянный процесс коммуникаций со многими людьми самого разного

социального уровня, посещение сайтов, получение информации, ее осмысление и оценка, возвышение до уровня знаний и т.д. формируют субъект управления, действующий как на собственную вселенную, так и участвующий в создании глобального информационного пространства, соответствующих структур и сообществ.

Таким образом, взаимодействие человека-создателя с порожденным им информационным пространством формирует парадоксальную (и в то же время закономерную) ситуацию, которую представляет на своем примере цифровое поколение. С одной стороны, молодой человек, фокусируясь на собственных ценностях и стремясь к самовыражению, утверждает себя в качестве субъекта познания, мышления и деятельности, демонстрирует независимость, творчество, стремление и способности к управлению. С другой стороны, слабеют его связи с реальными группами и организациями, реальной жизнью в целом. Укореняясь в виртуальном пространстве, он оказывается максимально открытой системой, рискует потерей субъектности, подвержен манипулированию.

Разрешение данного противоречия с точки зрения утверждения человека-субъекта возможно на путях развития *культуры общества знания*. Ее содержание призвано соответствовать требованиям, одно из которых высказано М. Хайдеггером: «Мы можем пользоваться техническими средствами, оставаясь при этом свободными от них». Это качество философ определяет как «отрешенность от вещей»[1]. Второе принадлежит отечественному ученому А. Нариньяни: е-Номо призван стать «развитием вида Homo Sapiens, умноженным на возможности создаваемой им самим новой технологической цивилизации» [4, с. 58]. Кажущаяся противоречивость положений объясняется двойственным – гуманистическим и технократическим – характером современной глобальной цивилизации. Но при создании концепции культуры общества знания только такой подход позволит сформироваться цифровому поколению молодежи в качестве активного социального субъекта.

Литература

1. «Отрешенность»: Мартин Хайдеггер о вычисляющем мышлении и осмысливающем раздумье. URL: <https://cameralabs.org/10512-otreshennost-martin-khajdegger-o-vychislyayushchem-myshlenii-i-osmyslyayushchem-razdume>.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с..
3. Hinterwaldner I. Some Reflections on Computer Simulation // The Philosophy Journal. 2018. Vol. 11. № 4. Pp. 80-94.
4. Нариньяни А. С. е-НОМО – ДВА В ОДНОМ (Homo Sapiens в ближайшей перспективе) // Открытое образование. 2005. №2. С. 51-61.

УДК 331.5(470+571)

Хашева
Ирина
Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: ihasheva@mail.ru

Плехова
Евгения
Александровна

магистрант кафедры государственного и муниципального управления Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: plekhova.e@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация: Несмотря на интенсивное развитие информационных цифровых технологий, необходимое изменение количественных и качественных параметров рынка труда не достигнуто. В данной статье определяются новые тенденции, являющиеся катализатором развития дистанционных форм занятости населения, трансформация сложившихся социально-трудовых отношений, организация и охрана труда дистанционных

работников. В этой связи дается оценка перехода на дистанционную форму занятости в условиях пандемии коронавируса и развития цифровых компетенций. Материалы статьи могут быть использованы государственно-частными структурами при разработке управленческих решений в сфере регулирования рынка труда, взаимодействия работников и работодателей в режиме дистанта, и служить базой для дальнейших исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: трудовые отношения, цифровые технологии, дистанционная форма занятости, трудовая деятельность, рынок труда, пандемия, безработица, организация труда.

DISTANCE FORMS DEVELOPMENT TRENDS EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN LABOR MARKET

Abstract: Despite the intensive development of information technology, the required change in the quantitative and qualitative parameters of the labor market has not been achieved. Transformation of the established social working relations, organization and labor protection of teleworkers. In this regard, an assessment is made of the transition to distance employment in the context of the coronavirus pandemic and the development of digital competencies. The materials of the article can be used by public authorities when making managerial decisions in the field of labor market regulation, as well as the format of interaction between workers and employers in the distant mode, and serve as a basis for further research on this topic.

Key words: labor relations, digital technologies, distance employment, labor activity, labor market, pandemic, unemployment, labor organization.

Современные условия экономического развития обуславливают широкое применение цифровых технологий во всех сферах экономической деятельности. Трудовой потенциал является важнейшим фактором экономического развития территории. Сегодня наблюдается постоянное усложнение структуры рынка труда, а также трансформация механизмов взаимодействия между работниками, работодателями и государством.

При этом, в связи с воздействием ряда глобальных факторов, одним из которых является ускоренное формирование цифровой экономики, происходит преобразование российской модели занятости населения, внося изменения в ее основные характеристики. Цифровизация является основой цифровой экономики и трендом мирового развития, предполагающего переход к цифровому формату предоставления информации, ориентированного на

повышение эффективности экономики и улучшения качества жизни населения.

Активное внедрение цифровых и информационных технологий оказало свое непосредственное влияние на модернизацию производственных отношений, предполагающих пересмотр режима межличностного прямого взаимодействия работодателей и работников, а также количественных и качественных параметров рынка труда. Образовавшиеся при этом новые тенденции в экономике стали катализатором развития дистанционных форм занятости, которые приводят к децентрализации трудовой деятельности во времени и пространстве и формированию гибкого рынка, а также значительным образом трансформируют сложившиеся на рынке труда социально-трудовые отношения [1, с. 66].

Следует признать, что в развитых странах дистанционный формат занятости населения имеет широкое распространение. Данную тенденцию эксперты связывают с интенсивным развитием информационных и коммуникационных технологий и ростом показателей информатизации общества, что так или иначе отражается на динамике и спецификации рынка труда. Как правило, удаленный формат организации занятости населения обуславливают кризисы различной природы возникновения, что требует в качестве антикризисных мер искать иные пути снижения уровня безработицы и повышения трудоустройства и занятости людей. На основе современных информационно-коммуникационных технологий существует возможность реализовывать рабочую деятельность граждан вдали от рабочего места, то есть трудиться дистанционно.

В Российской Федерации такая форма занятости, как дистанционная, в отличие от зарубежных стран, находится на этапе становления. Нормативно-правовая база дистанционной занятости на сегодняшний день до конца не сформирована, не проработаны ее теоретические основы. Правовой статус работы в удаленном формате впервые был определен вступлением в силу нового федерального законодательства ФЗ-№60 «О внесение изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации» и новой главы №49.1 Трудового кодекса РФ, в которой раскрываются специфические особенности регулирования дистанционной трудовой деятельности, включая положения о содержании и условиях трудового договора, охраны труда дистанционных работников, их режима рабочего времени и времени отдыха.

Дистанционная работа представляет собой осуществление закрепленной трудовым договором трудовой функции не в местонахождении работодателя, или же его филиала, представительства, обособленного подразделения, включая находящиеся в иной местности, не на стационарном рабочем месте, территории или объекте, находящимся под прямым или косвенным контролем работодателя, а также при условии использования для осуществления данной трудовой функции и взаимодействия с работодателем по вопросам ее выполнения информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе и сети «Интернет» [2].

Трудовая деятельность дистанционных работников осуществляется в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации с учетом обозначенных особенностей. Взаимодействие между работодателем и дистанционным работником осуществляется посредством обмена электронными документами, а также использования усиленной квалифицированной подписи, при этом стороны обязаны в электронной форме подтверждать получение данных документов.

Вся профессиональная деятельность дистанционных работников осуществляется в соответствии и на основании трудового договора о дистанционной работе. Особое внимание привлекает положение о том, что по соглашению сторон трудового договора о дистанционной работе сведения о дистанционной работе могут не вноситься в трудовую книжку дистанционного работника, а при заключении трудового договора впервые трудовая книжка дистанционному работнику может не оформляться, в этих случаях основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже дистанционного работника является экземпляр трудового договора о

дистанционной работе, где должны быть определены условия работы, наличие оборудования, программного обеспечения, а также порядок и сроки предоставления отчетов о проделанной работе и т.д.

Со стороны работодателя необходимо выполнение обязанностей по обеспечению безопасных условий и охраны труда работников. Если трудовым договором о дистанционной работе не указан режим рабочего времени и времени отдыха, то данные положения устанавливаются работником самостоятельно.

Вместе с тем, для дистанционной формы занятости характерны как преимущества ее внедрения, так и риски использования.

Приведенные в таблице 1 преимущества и риски перехода на дистанционную форму занятости показывают, что в целом данная гибкая форма труда граждан открывает для работодателей новые возможности выстраивания эффективной политики управления трудом и персоналом, отвечающей современным требованиям мирового развития, а также является способом минимизации затрат на организацию и поддержание рабочих мест. Однако, при переводе трудовой деятельности населения в дистанционный формат занятости и ее эффективного использования необходимо, в первую очередь, исключить выявленные риски для всех субъектов социально-трудовых отношений, связанные, с процессом осуществления регулирования и контроля трудовой деятельности, а также обеспечением социальной защищенности работников.

Экономический и социальный шок в марте 2020 года, вызванный пандемией коронавируса (COVID-19), внесли существенные изменения в представление работников и работодателей о трудовой деятельности и их профессии, а также повлекли за собой вынужденные меры и изменения масштабного характера в сфере труда. Экономические меры, ориентированные на борьбу с пандемией коронавируса, изменили привычный уклад жизни общества и их традиционное понимание трудовых отношений,

которые крайне подвластны влиянию социально-экономических факторов [3, с. 423-426].

Таблица 1.

Преимущества и риски дистанционных форм занятости для различных субъектов социально-трудовых отношений

Работники	Работодатели	Государство
<i>Преимущества</i>		
Наличие оплачиваемой занятости; экономия временных ресурсов и денежных средств вследствие отсутствия транспортных расходов; гибкий график работы и возможность совместительства; возможность получения места работы в другом регионе страны, не изменяя при этом своего места нахождения и др.	Сокращение издержек на аренду помещений и организацию рабочих мест; возможность найма высокопрофессиональных сотрудников в штат организации независимо от их местоположения; формирование гибкого подхода к организации труда, позволяющего повысить степень вовлеченности и удовлетворенности трудовой деятельностью у работников	Рост уровня занятости населения, в том числе среди социально незащищенных категорий граждан и маломобильных групп населения; повышение эффективности занятости населения; возможность сохранения рабочей силы в сельских территориях, посредством предотвращения их оттока в город и т.д.
<i>Риски</i>		
Меньшая защищенность трудовых и социальных прав, связанная в первую очередь с несовершенством трудового законодательства в регулировании дистанционных форм занятости; нестабильный характер занятости; отсутствие возможности профессионального роста посредством очного обмена опытом; наличие отвлекающих факторов в процессе осуществления трудовой деятельности и т.д.	Отсутствие возможности осуществления постоянного контроля за деятельностью работника; наличие рисков несанкционированного доступа к служебной информации третьими лицами; сложности при формировании корпоративной культуры организации и др.	Усложнение процесса регулирования и защиты прав дистанционных работников; риск «утечки» интеллектуального капитала в зарубежные страны; снижение уровня налоговых сборов; расширение теневого сегмента занятости населения в стране и т.д.

Согласно письму Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, в качестве одной из основных мер предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории государства, работодателям было рекомендовано использовать гибкие режимы работы сотрудников: удаленную работу, дистанционную работу и надомную работу. На сегодняшний день режим дистанционной формы занятости для большинства граждан сохраняется. В связи с чем возникает вопрос об отношении занятого населения к дистанционному формату осуществления своих служебных обязанностей.

В апреле 2020 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) совместно с ООО «Социал Бизнес Групп» было проведено

исследование среди взрослого населения (от 18 лет и старше) на тему перехода россиян на дистанционную форму занятости в условиях пандемии коронавируса (COVID-19) и развития их цифровых компетенций, необходимых для выполнения трудовой деятельности. При помощи телефонного интервью было опрошено 1600 человек и были получены следующие результаты: 16 % граждан, из числа опрошенных, были переведены на дистанционный формат занятости, при этом 9% полностью осуществили данный переход, 7% - частично. Для 30% респондентов режим работы не был изменен, среди которых 28% - сотрудники, осуществляющие профессиональную деятельность на предприятии или в офисе, а 2% изначально работали в дистанционном режиме занятости. Среди опрошенных граждан 54% составила группа безработных [4].

Доля перешедших на дистанционную работу зависит от категорий трудящихся. Выше всего данный показатель среди специалистов с высшим образованием, работающих в бюджетной сфере — 60%, в коммерческой сфере их доля составляет 51% опрошенных.

Рис. 1. Режим работы респондентов в связи с объявлением пандемии коронавируса в России (%)

Также, необходимо отметить, что суммарная доля занятых трудовой деятельностью дистанционно, значимо различается в крупных, средних и малых населенных пунктах. Так, например, в Москве и Санкт-Петербурге она

составляет 29%, в городах-миллионниках (исключая два мегаполиса) — 21%, в сельской местности — 10% (рис. 1).

В рамках исследования респондентам была предложена возможность оценить свое отношение к дистанционной форме занятости, большая доля опрошенных высказывает больше отрицательное отношение (62%), чем положительное (38%). Наиболее популярным аргументом среди тех, кому нравится данная гибкая форма занятости, является отсутствие временных затрат на транспортное перемещение к рабочему месту (31%), далее следует наличие гибкого графика и возможности самостоятельно планировать свое рабочее время (26%). Еще 17% считают домашнюю обстановку более комфортной для осуществления профессиональной деятельности, а 13% замечают, что у них стало больше свободного времени. Среди других обозначенных аргументов присутствуют: более высокий уровень безопасности, возможность присматривать за детьми и работать на своем компьютере, экономия денежных средств и др. (рис. 2) [4].

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вам нравится дистанционный режим работы (из дома)?» (%)

Участники опроса, которые отрицательно относятся к дистанционному режиму работы, в трех из десяти случаев утверждают, что их работа требует

непосредственного контакта с людьми. В свою очередь, 15% представителей данной группы указывают на то, что дома им сложно сосредоточиться. По мнению 11% опрошенных респондентов, полноценно и эффективно работать в таком режиме невозможно, а каждому десятому просто надоело сидеть дома. Негативно отзываются о данном режиме работы еще 8% респондентов в связи с увеличением объема работы, 7% - сложно совмещают рабочее и частное пространство, а также указывают на недостаточность оснащения информационно-коммуникационными технологиями и наличия плохого интернет соединения.

Среди других обозначенных негативных аргументов присутствуют: осуществление профессиональной деятельности производственного и разъездного характера, низкий уровень информационных ресурсов, снижение степени физической нагрузки или же ее полное отсутствие, сокращение качества выполняемой работы, сокращение объемов работы и, как следствие, доходов (рис. 3) [4].

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Почему Вам не нравится дистанционный режим работы (из дома)?» (%)

Эффективная организация дистанционной работы, как правило, связана с использованием технологий, позволяющих производить, распространять и потреблять информацию в цифровом виде. В свою очередь, для использования этих технологий человеку необходимо обладать цифровыми компетенциями.

В рамках проводимого исследования ВЦИОМ совместно с ООО «Социал Бизнес Групп» была предпринята попытка измерить уровень владения различными цифровыми компетенциями среди россиян.

Результаты исследования данного вопроса показали, что большинство опрошенных граждан удовлетворены своим уровнем владения цифровыми компетенциями (60%). При этом всю совокупность респондентов по уровню владения ими можно разделить на 4 группы: с высоким уровнем – 30%, выше среднего – 32%, ниже среднего — 18%, с низким уровнем владения — 20%. Чем выше у респондента уровень владения цифровыми компетенциями, тем больше вероятность его занятости в дистанционном режиме.

Среди наиболее усвоенных цифровых компетенций участниками исследования отмечены: фотографирование на мобильный телефон или иной гаджет и видеосъемка, осуществление поиска необходимой информации в сети Интернет согласно запросу, использование мессенджеров и электронной почты в процессе трудовой деятельности. К наименее характерным цифровым компетенциям относятся установка и настраивание программного обеспечения, редактирование фотографий и изображений, различный монтаж. При этом большинству респондентов (81%) не пришлось дополнительно осваивать какие-либо новые цифровые технологии, меньше всего потребовалось дополнительно учиться респондентам в возрасте от 18 до 24 лет, а больше всего - от 45 до 59 лет (18%).

Таким образом, на основании данного исследования можно говорить о том, что в связи с распространением коронавируса в Российской Федерации было в восемь раз увеличено количество сотрудников, осуществляющих трудовую деятельность в дистанционном режиме. Основными категориями сотрудников, которые были переведены на данный режим работы, являются

специалисты бюджетной и коммерческой сферы с высшим образованием, а также жители крупных городов России. При этом почти для трети россиян режим занятости в связи с пандемией остался неизменным. Можно сделать вывод, что среди большинства граждан, сменивших режим занятости, установилось отрицательное отношение к дистанционной форме работы, поскольку их специфика деятельности требует непосредственного общения, а также характеризуется сложностями самоорганизации в домашних условиях или же вообще отсутствием таковых.

Итоги данного исследования подтверждаются данными, предоставленными порталом компании интернет-рекрутмента HeadHunter, согласно которым количество вакансий с дистанционной формой занятости по России за период с апреля по август составило 71 969, что на 77% выше, чем за аналогичный период 2019 года. В топ-рейтинг профессиональных областей по числу вакансий с дистанционной формой занятости вошли сферы ИТ-технологий и телекоммуникаций, продаж и маркетинга [5].

Однако, согласно этим же исследованиям, не только работники, но и руководители различных компаний критически относятся к возможности полного перехода на дистанционный режим занятости сотрудников, который, по их мнению, потребует дополнительных расходов на средства контроля за эффективностью деятельности работников, а также на программное обеспечение и компенсацию затрат.

По результатам опроса, проведенного на портале компании интернет-рекрутмента HeadHunter в июле 2020 года, почти каждый шестой сотрудник (17%) заявил о невозможности работы в дистанционном режиме после снятия ограничений, три месяца назад такой же позиции придерживались больше половины руководителей (58%).

Ряд проблем, связанных с дистанционным режимом работы, были выявлены экспертами Национального исследовательского университета Высшей школы экономики России. Согласно исследованиям ВШЭ, также делается вывод относительно негативного формата дистанционной занятости

(78%). Респондентами данного исследования отмечается, наличие трудностей и постоянного физического и психологического напряжения. Треть опрошенных заявила о страхе невыполнения своих профессиональных обязанностей. Почти половина респондентов (48 %) отметила нехватку времени при образовавшемся ненормированном рабочем дне, еще треть (28 %) — упадок сил, а 23 % заявили о трудностях выполнения новых задач [6].

Чуть больше трети опрошенных (33 %) рассказали, что испытывали ухудшение состояния здоровья, в том числе существенные нагрузки на зрение, почти столько же отмечали отсутствие социализации и чувство одиночества, 28 % не ощущали поддержки со стороны руководства организации, отстраненность от коллектива, а 30 % заявили, что не ощущают признания важности, ценности и необходимости своей работы. Для многих отсутствие пространенного рабочего дня, офисных ритуалов, а также отсутствие скоординированного управления оказалось серьезной проблемой, которая, по мнению опрошенных, выражается в неэффективности выполняемых работ. Вместе с тем, стирание границ между рабочим и личным временем, ведет к повышению усталости, так как распоряжения отдаются не только в дневное, но и в вечернее время.

Вышеперечисленные аспекты свидетельствуют о достаточно сложном и пока еще не завершенном процессе перевода работников в дистанционный формат занятости. Следует отметить, в России функционирует портал *удаленная занятость.рф*, который создан при участии консорциума российских компаний в рамках задачи по развитию цифровой грамотности населения федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика РФ». На портале собраны 120 лучших практик, сервисов и инструкций от крупнейших российских компаний по переходу на дистанционную форму занятости сотрудников. Ведущие компании России на страницах портала поделились своими нормативными документами, внутренними регламентами, инструкциями по настройке цифровых сервисов и методами психологической поддержки

работников при дистанционной занятости. Также ими был предоставлен массовый доступ к своим учебным курсам, ранее доступным только сотрудникам этих компаний. Функционирование портала удаленная занятость.рф позволяет оказывать поддержку компаниям и их сотрудникам в условиях массового перехода на дистанционный формат трудовой деятельности, вызванный распространением пандемии коронавируса.

Таким образом, мы можем говорить о том, что дистанционная форма занятости населения в Российской Федерации на сегодняшний день находится на этапе становления. При этом, все больше отечественных компаний и бюджетных организаций в качестве гибкого инструмента рынка труда, используют удаленную работу сотрудников, поскольку при правильной организации она может иметь некоторый положительный потенциал как для работников и работодателей, так и для государства. Тем не менее для эффективного функционирования дистанционного труда в России необходимо решение проблем, связанных с постоянной физической и психологической напряженностью работников, а также проблем, связанных с увеличением продолжительности рабочего времени при неизменных условиях оплаты труда. В этой связи требуется разработка более совершенной законодательной базы, регулирующей дистанционную занятость, позволяющую более гибко реагировать на изменяющиеся условия современного рынка, повышая социальную защищенность граждан. При этом особое внимание следует уделить мотивационному аспекту, влияющему на результативность работы. Здесь необходимо подготовить регламенты и программы по психологической адаптации, организации рабочего места и настроить управленческие механизмы так, чтобы сотрудник ощущал себя частью коллектива.

Литература

1. Одегов Ю.Г., Павлова В.В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. - 2018. - №2(208). - С. 66.

2. Ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 №197-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, №1 (1 ч.), ст.3.

3. Дугужева М.Х. Особенности трудовых отношений в период пандемии // Образование и право. - 2020. - №4. - С. 423-426.

4. Цифровая грамотность и дистанционная работа в условиях пандемии
// Официальный сайт ВЦИОМ. Электронный ресурс [Режим доступа: свободный] <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280>

5. Исследования рынка труда // Официальный сайт компании интернет-рекрутмента HeadHunter. Электронный ресурс [Режим доступа: свободный] <https://hh.ru/article/research>

б. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и мире. Электронный ресурс [Режим доступа]

<https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/376574670.pdf>

7. Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А. Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 30-40.

УДК 37.03+004.5+007

Штанько
Марина
Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры
Гуманитарных дисциплин, Частного образовательного
учреждения Высшего профессионального образования
Таганрогский институт экономики и управления.
e-mail: m.shtanko@tmei.ru

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: В условиях цифрового развития общества, все большее значение приобретает проблема медианасилия. В данной статье раскрываются особенности этого явления как продукта цифровизации

общества, и предпринимается попытка проанализировать роль молодежи как объекта и субъекта этого явления.

Ключевые слова: молодежь, субъект, объект, цифровое развитие, цифровизация, медианасилие.

YOUTH AS A SUBJECT AND OBJECT OF DIGITAL DEVELOPMENT

Abstract: In the context of digital development of society, the problem of media violence is becoming increasingly important. This article reveals the features of this phenomenon as a product of the digitalization of society, and an attempt is made to analyze the role of youth as an object and subject of this phenomenon.

Key words: youth, subject, object, digital development, digitalization, media violence.

XX век стал временем цифрового формирования, развития и расцвета, неотделимой частью которого стали аналогичные процессы, связанные с масс-медиа. В жизнь человека прочно вошли компьютерные сети, видеофильмы и видеоигры. Приверженность значительного количества людей, преимущественно, молодежи, к этим составляющим объясняется тем, что медиа создают совершенно новую коммуникативную связь высокого участия и вовлечения [1, с.221], что соответствует динамичному стилю жизни молодых людей. Двойственное влияние на них цифровых медиаресурсов заключается в том, что, с одной стороны, они оказывают влияние на поведение, а с другой стороны – формируют такое явление как «медианасилие». Это явление, в свою очередь, находит отражение в реальной жизни, увеличивая риск насилиственного поведения. Как справедливо считает С.Г. Кара-Мурза: «Телевидение вводит зрелище смерти в дом каждой семьи вне всяких норм, в огромных количествах и в самом неприглядном виде. С утра до вечера на нас обрушают поток образов смерти – катастрофы, похороны, убийства, морги. И нормальный человек погружается в состояние непрерывного шока» [2, с. 693].

В подобных условиях, молодежь выступает не просто как объект цифровизации, но как объект пассивный, поскольку возрастные

характеристики не позволяют их сознанию избирательно анализировать полученную информацию. Следствием этого становится «замусоренность» представлений об окружающей действительности и искаженное представление о своей роли в системе общественных отношений.

Исключительная восприимчивость медианасилия определенной возрастной группой заключается в том, что оно включает в себя любопытство, желание развлечься, возбуждение и прекращение скуки. Все эти эмоции в максимальной степени присущи молодежи, которая и становится приверженцем медианасилия сначала в виртуальной реальности, а потом и в обычной жизни. Большая часть современной молодежи совершенно искренне убеждена в том, что добиться желаемого для себя результата возможно преимущественно насильственными методами, которые заключаются в вызывающем «нахрапистом» поведении и манере разговора, а также максимальном игнорировании каких бы то ни было норм и правил взаимоотношений.

Возрастающее количество правонарушений, сопряженных с насилием, среди молодежной возрастной группой, активизировало научные исследования проблемы взаимодействия и взаимовлияния молодежи и цифрового пространства. Результаты такого рода исследований привели к очень неутешительным выводам: в конце XX в. перед человечеством возникла важная социальная проблема, суть которой заключается в негативном воздействии цифрового пространства в формате медианасилия на общество в целом и на молодежь, в частности. Исследование воздействия медиавоздействия стало одним из важнейших аспектов научных исследований медиавоздействия в целом и сосредоточило свое внимание на изучении существования причинно-следственной связи между потреблением сцен насилия и последующим агрессивным поведением и установками в обществе. На основании этой проблемы начала формироваться особая научная теория – теория медианасилия.

На сегодняшний день, большинство исследователей сходятся на том, что медианасилие – это психологическое воздействие на сознание посредством печатной, теле-, видео- и аудио продукции, прямо или косвенно ведущее к изменению социального поведения, мнения об окружающей действительности и в ряде определенных случаев побуждающая человека к действию [2, 118]. Подобное понимание медианасилия заставляет сделать вывод о том, что оно рождается в жизни и обратно в нее возвращается, оставляя наиболее глубокий след в жизни молодежи. Это связано с тем, что они являются наиболее уязвимыми и восприимчивыми среди возрастных групп и просмотр тех или иных событий фильма, передачи ведет к незамедлительной апробации определенных социально-поведенческих форм [3, 119].

Постепенно данная проблема приобретает все более массовый характер, который выражается в том, что оно стало количественно-качественной характеристикой медиасфера в целом. Именно в этом, по мнению Абдрахмановой М.А., заключается специфика этого явления. Оно проникает в различные сферы жизни и обусловлено процессами медиаконвергенции – слиянием текстов, форматов и практик [4, с.8].

Таким образом, совершенно очевидно, что медианасилие как продукт цифровизации, негативно влияет на современную молодежь. По мнению Книжниковой С.В. оно зачастую постулирует принцип осуждения жертвы: «Жертва награждается такими характеристиками, как глупость, отталкивающая внешность, явно неприятная манера поведения» [5, с. 107], оно укрепляет мифы и образы убеждения и отношения к насилию. Несмотря на то, что культурой разрушается то, что ею и создается, относительно медианасилия необходимо понимать следующее: его, невозможно преодолеть, необходимо его изучать, и сублимировать его воздействие.

Однако, молодежь может и должна выступать не только объектом, но и субъектом цифровизации в целом и активным противником медианасилия, в частности. Будучи особой социальной группой, она наиболее чутко реагирует на все изменения, которые происходит в цифровом пространстве и в

виртуальной среде. Вместе с тем, большая часть из них характеризуется поистине наивной убежденностью в истинности той информации, которая распространяется в интернете. Это качество может сыграть на руку тем, кто захотел бы наполнить это пространство ненасильственными образами. Будучи убежденными сторонниками авторитетности интернет - публикаций, молодежь довольно охотно дает вовлечь себя в его наполнение и, таким образом, в качестве активного коммуникационного субъекта сможет «разбавить» сгустки насильственных сообщений.

Кроме того, нельзя забывать о том, что, все-таки, спрос рождает предложение. До тех пор, пока инициатором формирования спроса будет выступать цифровое пространство, а точнее, его создатели, в сознание людей будут проникать удобные для создателей образы и конструируемая реальность будет постоянно подпитываться практическим проявлением насилия. Для того, чтобы минимизировать его воздействие, необходимо разрушить эту связь, привив молодым людям такой формат деятельности, который исключал бы агрессивные аспекты. Массовая вовлеченность в спортивные мероприятия, приобщение к промышленной компьютеризации, содействие проведению тематических флешмобов, - вот то немногое что уже делается и должно делаться в будущем.

Не следует, также, забывать об исключительной роли семьи и институтов образования, в которых подросток, а потом и большая часть молодых людей проводит значительную часть своей жизни. «Затянувшееся взросление» - одна из существенных характеристик современной молодежи [6, С.126], которая может способствовать снижению уровня насилия в обществе. В том случае, если семья и субъекты образования будут культивировать схожие ненасильственные ценности и синхронно приобщать к ним подростков, то сознание также будет формироваться в соответствии с ними. Проблема, однако, заключается в том, что семья, по большей части, вообще не занимается цифровой грамотностью ребенка, а в школе педагоги, по большей части, отличаются практически цифровым неведением. Восприятие

большинством людей гаджетов как обычного источника связи и новостей делает их разрушительные последствия для молодежи все более и более масштабными.

В целом, если молодежь будет выступать активным субъектом ненасилия, то это будет продуктом совместной деятельности нескольких акторов: семьи, институтов образования и самой личности. Убежденность молодых людей в том, что насилие порождает исключительно насилие, а ненасильственными мерами можно достичь куда больших успехов в жизни, безусловно, будет способствовать снижению уровня насилия в обществе и обновлению современного цифрового пространства.

Литература

1. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково-поле, 2014. 464 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2010. 864 с.
3. Марзан М.А. Феномен медианасилия: историко-философский генезис // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-medianasiliya-istoriko-filosofskiy-genezis> (дата обращения: 29.02.2020).
4. Абдрахманова М. А. Проблема медианасилия в текстах СМИ. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. Казань, 2018. 22 с.
5. Книжникова С.В. Девиантология для педагогов и психологов: Учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 363 с.
6. Коршунова С.А. Молодежь как активный субъект развития современного цифрового общества / Россия и мировые тенденции развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41412485&> (дата обращения: 29.02.2020).

Кот
Вера
Витальевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории, Южный федеральный
университет
e-mail: vkot@sfedu.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: В статье проанализирована роль технологических и институциональных изменений и их влияние на молодежный рынок труда, предложена платформенная модель взаимодействия субъектов молодежного рынка труда в условиях цифровизации, оценено ее положительное и отрицательное влияние на рынок труда.

Ключевые слова: институциональные изменения, технологические изменения, молодежный рынок труда, цифровизация.

INSTITUTIONAL MODELING OF THE YOUTH LABOR MARKET IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract: The analyzes the role of technological and institutional changes and their impact on the youth labor market, proposes a platform model of interaction between the subjects of the youth labor market in the context of digitalization, evaluates its positive and negative impact on the labor market.

Keywords: institutional changes, technological changes, youth labor market, digitalization.

Институциональные изменения, происходящие во всех сферах общества и на рынке труда, частности, обусловлены трансформацией формальных и неформальных институтов под воздействием внешних и внутренних факторов. Внутренние факторы проявляются в изменении общественного поведения и сознания, трансформации ценностной системы общества и паттернов. Внешние факторы отражают воздействие таких современных мировых тенденций, как технологизация, цифровизация, информатизация, роботизация. К ним можно отнести трансформацию институциональной структуры рынка труда [1]. Отметим, что информационно-коммуникационная революция и технологическая модернизация обладают высоким экономическим потенциалом для эффективного социально-экономического

развития и оказывают существенное влияние на формальные институты рынка труда [2].

Стремительная информатизация и цифровизация обуславливают появление принципиально новых способов приложения человеческого капитала, прежде всего, в сфере занятости, способствуя трансформации общества в постиндустриальное. Традиционная модель занятости теряет свою актуальность, поскольку в условиях высокой волатильности экономического развития предприятиям необходимо повышать эффективность производства. Поэтому в качестве основной модели оптимизации производственной деятельности, на наш взгляд, выступает полномасштабная цифровизация производства [3].

В условиях высокой изменчивости развития отсутствуют прочные взаимосвязи экономических интересов рынка труда и целевых ориентиров системы высшего образования, что обуславливает несоответствие требований, которые выдвигают работодатели к специалистам, и компетенциям, которые формирует вуз в процессе обучения. Дефицит квалифицированных работников, владеющих цифровыми компетенциями, обостряется отсутствием соответствующей образовательной подготовки. Кроме того, молодежь все чаще попадает в «ловушку опыта». Эта проблема острее проявляется в условиях цифровизации, когда темпы обновления информации и устаревания знаний резко увеличиваются [4].

Основным детерминантом успешной реализации стратегии технологической модернизации, на наш взгляд, может служить рабочая сила, которая при выходе на рынок труда уже имеет навыки, соответствующие современным реалиям, и базовые знания в области наукоемких технологий. Молодёжный рынок труда играет определяющую роль в социальной системе того или иного общества, служит фундаментом в формировании экономического потенциала. Наем молодых специалистов позволит не только сократить предприятиям издержки производства, связанные с

переподготовкой сотрудников, но и снизить уровень безработицы в молодежном сегменте

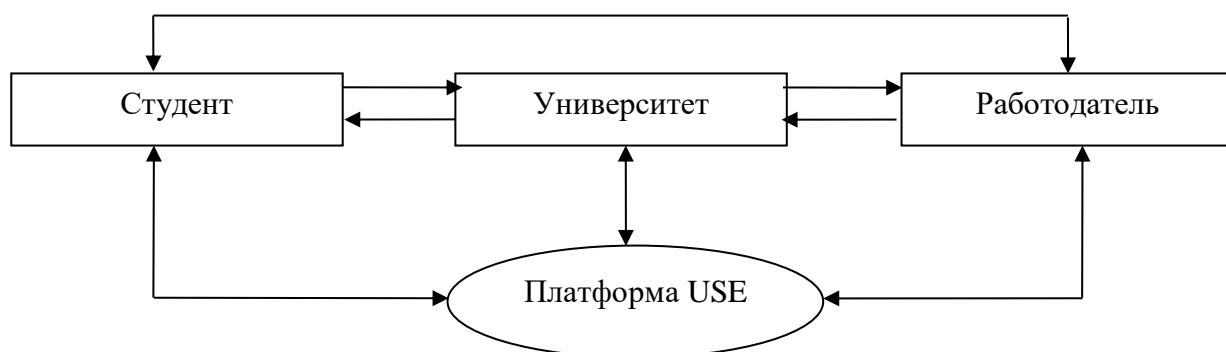
Однако чтобы иметь возможность получения высокой отдачи на производстве от интеграции высококлассных молодых специалистов и цифрового оснащения, необходимо наращивать темпы осуществления цифровых трансформаций, поскольку под воздействием технологических изменений происходит модификация профессий, обуславливающая необходимость формирования у будущих специалистов набора знаний и навыков, которые будут удовлетворять потребностям современного рынка труда: аналитическое мышление, активное обучение, самосовершенствование, креативность, оригинальность и инициативность, проектирование технологий, анализ и критическое мышление, лидерство, эмоциональный интеллект, системный анализ и оценка [5].

Результатом институциональной модернизации должно быть повышение качества цифрового образования, ускорение цифровой модернизации рынка труда и создание современной адаптивной системы рынка труда, оперативно реагирующей на внешние и внутренние изменения, поскольку эффективность рынка труда определяется соответствием сформированных институтов реалиям цифровой экономики.

Инструментом, способным генерировать синергетический эффект и связывать различные субъекты рынка труда между собой, является платформенная модель взаимодействия субъектов молодежного рынка труда. Так, в 2016 году в Москве с целью взаимодействия ключевых субъектов рынка труда в цифровом пространстве создано пространство коллективной работы «Точка кипения». К 2020 году в РФ действует 83 Точки и 6 из них в Ростовской области.

USE (University-Student-Employer) – единая электронная цифровая платформа, представляющая собой алгоритм взаимовыгодных отношений основных участников рынка труда (университет, студент, работодатель). В результате работы в единой информационной среде и применения

специального пакета цифровых технологий предполагается снизить трансакционные издержки трудовых взаимоотношений. Регистрация на данной платформе выпускникам предоставит возможность трудоустроиться, работодателям предоставит широкий доступ к базе студентов, желающих трудоустроиться, университетам – возможность получения статистической информации по количеству трудоустроенных студентов по тем или иным специальностям (рисунок 1).

Источник: составлено автором

Рис. 1. Простейшая модель взаимодействия субъектов рынка труда посредством USE

Целью функционирования данной платформы является преодоление барьеров первичного трудоустройства выпускников и обеспечение эффективного взаимодействия между работодателями и студентами российских вузов. С помощью платформы USE будет осуществляться прямой обмен данными между работодателями и студентами. Работодатели, зарегистрированные в системе, предоставляют данные о своей организации и вакантных местах с указанием требуемых личностных и профессиональных навыков, студенты – заполняют портфолио на сайте университета, университет верифицирует занесенную студентом информацию и выгружает ее на платформу. Таким образом, университеты имеют возможность осуществлять сбор статистических данных по трудоустройству своих выпускников и оценивать востребованность тех или иных образовательных программ на рынке труда.

Работа USE ориентирована, главным образом, на взаимодействие с теми работодателями, чья кадровая стратегия направлена на привлечение молодежи и ее обучение внутри организации. Предполагается, что платформа USE будет функционировать на некоммерческой основе, т.е. финансироваться государством в рамках реализации программы «Цифровая экономика РФ». Функции основных субъектов платформы заключаются в следующем:

- для студентов как потенциальных работников: регистрация в личном кабинете, осуществляемая вузом; отображение личных достижений в профессиональной, научной, учебной, общественной и иной деятельности; поиск желаемого места работы по установленным критериям;
- для работодателя как участника рынка труда: регистрация организации в личном кабинете; отображение основных сведений об организации, ее вакантных местах; поиск соответствующего потенциального работника по установленным критериям;
- для университета как субъекта рынка труда: регистрация университета в личном кабинете; отображение основных сведений об университете, направлениях подготовки, основных компетенциях; доступ к статистической информации по трудоустроенным выпускникам.

Предполагается внедрение цифровой технологии во всех регионах России. Согласно отчету «Проникновение Интернета в России: итоги 2019 года», пользователями интернета являются более 78% всего населения [6]. Основной группой, использующей интернет, является молодежь, и ее количество, по прогнозам, будет возрастать, что будет способствовать эффективному внедрению платформы в России.

SWOT-анализ цифровой платформы USE показал, что ее положительное воздействие состоит в цифровой трансформации рынка труда, способствует созданию мотивационного механизма для студентов к освоению необходимых компетенций, созданию механизма взаимодействия основных субъектов рынка труда – предпринимателей-работодателей, молодежи, вузов, государства, частного сектора реализации механизма сотрудничества

государства, частного сектора. Отрицательные черты воздействие проявляется в ограниченности предоставляемых функций, низкой мотивации работодателей использования USE, высоких государственных расходов на содержание платформы.

Таким образом, технологизация и информатизация трансформируют рынка труда. Успешность цифровой модернизации российского рынка труда определяется трансформацией институтов рынка труда. Цифровая платформа USE способствует снижению бюрократических издержек, повышению производительности труда, совершенствованию системы взаимодействия работников, работодателей и вузов.

Литература

1. Лозовая И.В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты // Территория науки. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-institutsionalnyh-izmeneniy-d-norta-formalnye-i-neformalnye-institut>.
2. Кузьмина А.Г. Влияние цифровизации на молодежный рынок труда // Актуальные проблемы современной экономики: от политики экономического роста к управлению предприятием: сборник научных работ молодых исследователей, 2019. С. 220-227.
3. Доклад о развитии цифровой экономики в России. Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для России / <https://roscongress.org/materials/doklad-o-razvitiu-tsifrovoy-ekonomiki-v-rossii-konkurentsii-v-tsifrovuyu-epokhu-strategicheskie-vyz/>.
4. Капельюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? / Р. И. Капельюшников: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 39 с.
5. The Future of Jobs // The World Economic Forum. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf.

6. Иволгина Н.В. Учет расходов на создание интернет – сайта // Российский налоговый курьер. 2017. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/22514-uchet-rasxodov-sozdanie-internet-sajta>.

7. Отчет Российского филиала исследовательского концерна GfK Group. Проникновение Интернета в Россию: итоги 2019 года. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/01/GfK>.

УДК 334.72

Донченко
Юлия
Анатольевна

Студентка 3 курса магистратуры
ЧОУ ВО ЮУ (ИУБиП) «Финансы в цифровой
экономике»
e-mail: juliadonchenko96@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ КРАУДФАНДИНГА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация В рамках данной статьи будет рассмотрено понятие краудфандинга, его особенности, роль цифровизации в реализации цифровизации, развитие и становление краудфандинга как способа финансирования.

Ключевые слова: краудфандинг, проект, проектная деятельность, финансирования проектной деятельности.

THE POSSIBILITY OF USING THE CROWDFUNDING SYSTEM IN THE IMPLEMENTATION OF PROJECT ACTIVITIES

Annotation This article will discuss the concept of crowdfunding, its features, the role of digitalization in the implementation of digitalization, the development and formation of crowdfunding as a way to Finance project activities.

Keywords: crowdfunding, project, project activity, project activity financing

На современном этапе экономического развития не осталось отраслей, которые были бы не охвачены цифровизацией. Экономическая сфера тоже не является исключением. Благодаря цифровизации появились новые

возможности как у начинающих предпринимателей так и у опытных бизнесменов.

В настоящее время множество проектов, касающихся различных сфер деятельности, прекращают свое существование еще на стадии планирования. Причиной такого исхода является неэффективная поддержка со стороны государства или вовсе, ее отсутствие. Решением сложившейся ситуации может послужить массовое внедрение такого способа финансирования как краудфандинг.

Краудфандинг представляет собой способ привлечения капитала , который заключается в коллективном сборе денежных средств (через коллективные усилия друзей, родственников, клиентов и индивидуальных инвесторов), вкладывающих в новый проект или бизнес относительно небольшие суммы денежных средств.

С 1 января 2020 года в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 2 августа 2019 года N 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". В обществе этот Закон называют "закон о краудфандинге".

При реализации проекта, целесообразно так же рассмотреть такой термин, как «проектная деятельность». Проектная деятельность представляет собой процесс реализации проекта , который предусматривает ряд этапов от начала его планирования до получения конечного результата.

Еще около 20 лет назад, финансирование бизнеса, проекта или предприятия включало сбор крупных сумм от нескольких лиц или фондов. Однако, краудфандинг позволяет поменять сложившийся порядок финансирования, посредством использования сети Интернет, которая позволяет обратиться к множеству возможных инвесторов[3].

Рынок краудфандинга ежегодно набирает обороты и достигает каждый год роста, примерно, в два раз. Об этом свидетельствуют данные из отчета Crowdfunding Industry Report.

Так, по итогам 2018 года объёмы привлеченных средств на проект в рамках благотворительности или в целях получения прибыли составили \$34,4 млрд. В рамках краудлендинга (микрокредитование проекта) собрано \$25,1 млрд. 3 % от всего рынка — краудвестинг с вариантом приобретения доли кампании или доли от её прибыли, что составляет \$1 млрд. На благотворительный краудфандинг остается 23 % рынка, что составляет \$7,9 млрд.

Впервые такой вариант финансирования использовали фанаты одного британского музыкального коллектива в 1997 году, объявив сбор для оплаты турне любимой группы. Первая краудфандинговая площадка появилась в США, в 2003 году. С тех пор краудфандинг стал популярен среди стартаперов в России и мире, как способ быстро и с минимальными усилиями собрать начальный капитал для организации бизнес-проекта, или благотворительной акции.

Лицам, которые желают привлекать , выше указанным, способом финансовые ресурсы, необходимо создать профиль проекта на определенной платформе, веб-сайте.

Интернет-ресурсы, где стартаперы размещают информацию о своих проектах и предлагаемых условиях финансирования, называются краудфандинговыми площадками. Учредители данных интернет-ресурсов являются посредниками в оказании услуг по предложению и продвижению новых стартапов, а для бэкеров предлагают информацию по максимально выгодным вариантам вложений[2].

Самыми крупными площадками краудфандинга в России, являются:

Планета.ру – один из первых ресурсов;

Boomstarter.ru – работает с 15 категориями стартапов;

Smipom.ru – «С миру по нитке», только для россиян;

Kroogi – поддержка стартапов в творческой сфере;

Русини – поддержка социальных проектов (деятельность платформы приостановлена).

Далеко не каждый проект становится успешным. Исследовательское агентство CB Insight предположило двадцать основных причин провала стартапа на краудфайндинговой платформе:

1. Не нужны рынку (42 %) Начинающие стартаперы, неэффективно изучают спрос на продукт, который они хотят предложить обществу. И как результат, продукт становится невостребованным.
2. Нехватка финансовых ресурсов (29 %) Для реализации новых проектов, командам не хватает денег. Стартаперам сложно найти инвесторов.
3. Плохая команда (23 %) У основателей стартапа возникают проблемы с подбором коллектива, начав запуск бизнеса, основатели стартапа часто сталкиваются с нехваткой опыта.
4. Не нашли свою целевую аудиторию (19 %) Результат внедрения проекта во многом зависит от конкурентной среды. Чем выше уровень конкуренции, тем сложнее выдержать конкуренцию.
5. Ценовые проблемы (18 %) Низкая окупаемость проекта, применен неэффективный метод ценообразования.
6. Низко качество продукта (17 %) Качество продуктов не удовлетворяет потребителей. При производстве не учитываются желания потребителей.
7. Плохая бизнес-модель (17 %) Организаторы стартапа неправильно планируют бизнес-процессы.
8. Плохой маркетинг (14 %) Умение привлечь внимание целевой аудитории и преобразование его в потенциальных и, в конечном итоге, реальных клиентов — один из важнейших навыков успешного бизнеса. Неумение этого делать приведет к провалу стартапа.
9. Не изучили клиента (14 %) Игнорирование отзывов потребителей о продукции является большой ошибкой для большинства стартапов.
10. Несвоевременный продукт (13 %) Если вы выпускаете свой продукт слишком рано, не доделав даже самые мелкие детали, потребители могут не воспринять его и дать ему плохую оценку. Вернуть доработанный продукт на

рынок будет сложно, так как первое мнение о нем будет негативным. Если же вы выпускаете свой продукт слишком поздно, вы можете упустить момент.

11. Потеряли фокус (13 %) Отвлечение организаторов на дела, не касающиеся данного проекта.

12. Плохие отношения в команде с инвесторами (13 %) Разногласия с инвесторами могут привести к большим проблемам, особенно финансовым.

13. Неудачный пивот (10 %) Если стартап удачно развивается, то изменение его направленности, для того чтобы протестировать какое-то новое направление развития, будет большой ошибкой.

14. Недостаток энтузиазма (9 %) Идея стартапа может быть хорошей, но если организатор недостаточно заинтересован в данной области или владеет малым количеством информации, то это может привести к провалу.

15. Плохое расположение (9 %)

16. Не интересны инвесторам (8 %) Бизнес-план поп проекту не убеждает потенциальных инвесторов в том, что проект окажется рентабельным.

17. Юридические проблемы (8 %)

18. Не использовали социальные сети (8 %) .Неэффективное использование интернет- ресурсов для реализации своих возможностей и рекламы своего продукта.

19. Потеряли интерес к проекту (8 %) .Занимаясь им длительное время и не получив желаемых результатов, стартаперы теряли желание дальше его развивать и тратить на него свое время.

20. Не сделали пивот (7 %) Отказ от пивота или медленный уход от плохого продукта приводит к негативным последствиям.

Проанализировав, самые частые причины провала проекта можно сделать вывод, что каждому стартаперу до начала реализации его проекта необходимо оценить свои силы. Разработать базу, необходимую для воплощения проекта в жизнь, а также ценить возможные риски и ресурсы, которые могут возникнуть при работе.

Таким образом, рассмотрев возможность применения системы краудфандинга при реализации проектной деятельности, можно прийти к выводу, что данный вид финансирования является достаточно выгодным для начинающего предпринимателя, однако, в России не является популярным, в связи со своей новизной и недоверием людей к данной системе.

Но благодаря цифровизации всех отраслей народного хозяйства, начинающий предприниматель все же имеет возможность профинансировать свой проект таким образом.

Эффективность данного способа финансирования напрямую зависит от уровня заинтересованности и организации данного процесса самим предпринимателем.

Литература

1. The Croud funding Industry report — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL <http://www.crowdsourcing.org> (дата обращения: 07.11.2020)

2. Geektimes- [Электронный ресурс]-Режим доступа: URL <https://geektimes.ru/post/142650/> (дата обращения:07.11.2020)

3. Kickstarter- [Электронный ресурс].-Режим доступа:URL https://www.kickstarter.com/discover/advanced?sort=most_funded (дата обращения 07.11.2020)

УДК 338

Сафонов
Евгений
Александрович

Студент ЮРИУ РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону
e-mail: skuratov6@yandex.ru

Брусник
Лилия
Владимировна

Студент ЮРИУ РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону

Акопян
Тигран
Норайрович

Студент ЮРИУ РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ИМПЕРАТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА

Аннотация: В настоящее время весь мир претерпевает цифровую трансформацию, поскольку сталкивается с проблемой оптимизации своих процессов и разработкой новых возможностей и моделей. Оцифровка может расширить охват организации, упростить управленческие решения и ускорить разработку новых продуктов и услуг. В то же время быстрое развертывание технологий может нарушить традиционные модели.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровая элита.

DIGITAL TRANSFORMATION AS AN IMPERATIVE FOR THE PUBLIC SECTOR

Abstract: currently, the whole world is undergoing a digital transformation, as it faces the problem of optimizing its processes and developing new features and models. Digitization can expand an organization's reach, simplify management decisions, and accelerate the development of new products and services. At the same time, rapid deployment of technologies can disrupt traditional models.

Keywords: digitalization, digital transformation, digital elite.

На последней Ежегодной встрече ВЭФ в Давосе большая часть дискуссий была сосредоточена на необходимости сотрудничества государственного и частного секторов для преодоления глобальных проблем, от изменения климата до экономического неравенства. Здесь мы опишем некоторые способы, которыми правительства могут внедрять цифровые технологии, впервые внедренные частным сектором, и работать вместе для предоставления полезных цифровых услуг, которые улучшают жизнь граждан во всем мире. Эти цифровые технологии могут помочь правительствам:

Лучше понимайте своих граждан и добивайтесь лучших результатов

Предоставлять услуги более эффективно и результативно

Найдите новые решения политических проблем

Работа с внешними партнерами для разработки новых моделей доставки

Коммерциализировать некоторые общественные услуги и найти новые источники дохода

И все же, несмотря на некоторые области передового опыта в области инноваций, большинство правительств отстают от корпоративного мира, когда дело доходит до использования цифровой мощи. В недавнем отчете Всемирного экономического форума (ВЭФ) правительства описываются как «динозавров цифровой эпохи: медлительные, неуклюжие и устаревшие». Согласно индексу веб-готовности ВЭФ за 2016 год, который измеряет цифровой прогресс, разрыв между ростом использования ИКТ отдельными лицами и приверженностью правительств цифровой экономике увеличивается.

Чтобы построить государственный сектор, соответствующий требованиям завтрашнего дня, правительство должно заново изобрести себя. Цифровая трансформация касается не только новых технологий, но и требует обзора организационных структур, управления, рабочих процессов, культуры и образа мышления. Это также означает реализацию более широкого видения взаимоотношений и бизнес-моделей, которые изменят способ работы государственных служб. Только тогда правительства осознают более широкие преимущества, которые цифровая трансформация может принести людям и обществу.

Чтобы создать этот цифровой государственный сектор будущего, правительствам необходимо рассмотреть пять важнейших областей.

Сегодняшние граждане ожидают, что государственные услуги будут такими же индивидуализированными и гибкими, как и услуги, которые они получают от частного сектора. Правительствам необходимо переосмыслить, как цифровизацию можно использовать для улучшения всестороннего опыта использования гражданами государственных услуг. Для этого необходимо принять культуру и образ мышления «прежде всего гражданин» при разработке политики и предоставлении услуг. Конечная цель - улучшить качество обслуживания, способствовать прозрачному и эффективному

взаимодействию, повысить доверие общества к правительству и добиться лучших результатов для граждан.

Социальные сети и мобильные платформы заменяют традиционные каналы как способ взаимодействия с правительством, сообщения о проблемах и предоставления обратной связи. Мобильные услуги, такие как приложения и SMS, позволяют пользователям получать доступ к нужным им услугам более удобным и целевым образом. Эти инструменты электронного участия также способствуют более тесному сотрудничеству с гражданами, вовлекая их в процесс принятия решений, разработки политики, определения приоритетов бюджета, решения проблем и совместного проектирования услуг.

Использование расширенной аналитики позволяет правительствам использовать данные, которые постоянно собираются от людей и устройств, для улучшения дизайна услуг и персонализации доставки. Например, пациенты, записывающиеся на прием к врачу через Интернет, могут быть направлены к дополнительным ресурсам для помощи с их состоянием, таким как ближайшая группа поддержки или занятия по гимнастике.

Искусственный интеллект (ИИ) уже может помочь в предоставлении услуг гражданам, использующим чат-ботов для проведения транзакций на государственных веб-сайтах. Может помочь улучшить городское планирование за счет оптимизации маршрутов для транспортных операторов, сокращения времени в пути пассажиров пригородных поездов; оказывать студентам образовательную поддержку с учетом их индивидуальных потребностей в обучении; и позволяют самостоятельно сообщать информацию через Интернет и проверять, направляя граждан в социальные службы в зависимости от их потребностей и прав.

В условиях неопределенного роста и увеличения спроса правительства должны найти устойчивые способы финансирования государственных услуг и инфраструктуры. Цифровые технологии предлагают возможности для открытия новых моделей предоставления услуг, улучшения управления ресурсами за счет более разумного расходования средств и увязки денег,

вложенных в программы и услуги, с результатами, которые они приносят гражданам, повышая подотчетность и доверие.

Технология блокчейн может помочь вам отслеживать, как деньги тратятся системой - например, от министерства финансов до отдела расходов, а затем до агентства доставки. Благодаря лучшей прозрачности расходов правительства могут принимать более обоснованные решения о распределении государственных средств.

Роботизированная автоматизация процессов (RPA) обеспечивает большую скорость и эффективность, гибкость для работы с пиковыми потребностями или невыполнеными задачами, а также снижает количество ручных ошибок. Некоторые правительства уже используют виртуальную рабочую силу для автоматизации рутинных бизнес-процессов, облегчая бремя больших повторяющихся задач и высвобождая время и ресурсы, которые можно сосредоточить на услугах первого уровня.

Прогнозная аналитика и интеллектуальный анализ текста могут внести важный вклад в интеллектуальное управление общедоступными ресурсами за счет прогнозирования проблем и принятия превентивных мер - например, выявления налогоплательщиков, которым грозит неплатеж.

3D-печать может сократить время выполнения заказа и снизить затраты на строительство инфраструктуры и строительство общественного транспорта; создание более эффективных и дешевых цепочек поставок для оборонных ведомств; и облегчить создание рабочих мест и экономическую трансформацию удаленных мест за счет внедрения новых производственных возможностей.

В дополнение к развертыванию этих технологий для повышения общественной ценности, правительствам необходимо иначе думать о своей роли, становясь платформой для экосистемы партнеров, включая агентства, частные предприятия, некоммерческие организации, социальные предприятия и граждан, чтобы работать вместе над разработкой инновационных услуг и моделей. бизнес.

Мы живем в неопределенное время. Угрозы со стороны непредсказуемых государств, террористических групп и других негосударственных субъектов растут и усложняются благодаря цифровым технологиям. Сегодня конфликты происходят не только на поле боя, но и в общественном транспорте, социальных сетях и киберпространстве.

Правительства обязаны защищать своих граждан от широкого спектра угроз, позволяя им жить и работать без страха. Оцифровка - препятствие и помочь в этой борьбе.

С одной стороны, по мере того, как правительства внедряют цифровые технологии и становятся более связанными с партнерскими организациями и интеллектуальными устройствами, появляются новые уязвимости, которые могут быть использованы киберпреступниками. Террористы, мошенники и хакеры могут угрожать предоставлению основных государственных услуг и бесперебойному функционированию гражданского общества, включая избирательный процесс.

С другой стороны, цифровые технологии и улучшенный обмен данными предоставляют сложные меры по борьбе с угрозами. Оборонные организации инвестируют в искусственный интеллект и машинное обучение; кибероружие и программы обнаружения угроз; устройства кибербезопасности; робототехника и цифровые инструменты, чтобы сделать их более гибкими и эффективными. Полиция использует мобильные технологии для сокращения времени реагирования на инциденты, а аналитика данных позволяет прогнозировать полицейские модели и лучше планировать анализ угроз.

Граждане все больше обеспокоены тем, как используются их данные. Поэтому правительства внедряют системы управления информационной безопасностью для защиты данных, которые они хранят и на которые они все больше полагаются.

Правительства также должны использовать возможности облачных вычислений для расширения своих вычислительных возможностей,

поддержки безопасных программ биометрической идентификации и предоставления безопасных платежных платформ для транзакций граждан.

Экономический рост, социальная сплоченность и равные возможности зависят от квалифицированной рабочей силы страны, которая готова удовлетворить потребности работодателей 21 века.

Правительствам необходимо развивать навыки и возможности своих сотрудников для повышения производительности, повышения ориентации на клиентов и содействия разнообразию и вовлеченности. На конкурентном рынке труда государственный сектор не всегда был предпочтительным работодателем для наиболее талантливых работников. Правительствам необходимо делать больше для привлечения, удержания и развития людей, обладающих необходимыми навыками и способностями. Постепенно создавая более динамичную и гибкую среду, правительства будут привлекать молодых работников, стремящихся к определенным ролям, в которых они могут трансформировать общество.

Формирование этой культуры отчасти зависит от того, как правительства тратят время на выполнение более стимулирующих и дополнительных задач. Это можно сделать, внедрив интеллектуальные средства автоматизации для пополнения штата. Сокращение количества ручной и повторяющейся работы приводит к более высокому уровню производительности и удовлетворенности, что, в свою очередь, помогает привлекать и удерживать высококачественных кандидатов и улучшать опыт граждан в государственных услугах.

Мобильные технологии могут помочь агентствам повысить производительность труда. Поскольку высокий процент сотрудников государственного сектора регулярно работает вне офиса, они могут быть оснащены такими устройствами, как смартфоны, планшеты и ноутбуки, для выполнения своих обязанностей, где бы они ни находились.

Пока правительства готовят свою рабочую силу к цифровой эпохе, технологические изменения, такие как автоматизация и искусственный

интеллект, имеют далеко идущие последствия для будущего труда, экономики и общества в целом. Правительствам необходимо принимать, обновлять и укреплять политику для смягчения неблагоприятных социальных и экономических последствий, таких как перемещение работников на определенные низкоквалифицированные рабочие места и усиление социального неравенства.

Многие из самых фундаментальных проблем сегодняшнего дня - урбанизация, глобализация, загрязнение, нехватка воды и изменение климата - могут быть решены с помощью интеллектуальных инфраструктурных решений, таких как подключенные автомобили, электромобили, интеллектуальные сети, энергоэффективные здания, сети Интернета вещей и порталы открытых данных.

Правительства сталкиваются с сильным давлением, требующим создания и модернизации инфраструктуры, особенно в городских центрах, где рост населения оказывает все большее давление на стареющие объекты. Многие развивающиеся страны нуждаются в новой инфраструктуре для поддержки роста населения и повышения экономической активности, в то время как зрелые рынки нуждаются в восстановлении изношенной или неэффективной инфраструктуры. Однако годы недостаточного инвестирования в инфраструктуру теперь догоняют страны по всему миру. По оценкам, в ближайшие 20 лет на инфраструктуру во всем мире придется потратить около 100 триллионов долларов.

Интеллектуальная инфраструктура позволяет использовать новейшие технологии для достижения максимальной отдачи и эффективности, устойчивости и устойчивости. Он применяет цифровые технологии, такие как интеллектуальные устройства, датчики и программное обеспечение, к физическим структурам, от электростанций до мостов. Эти интеллектуальные устройства обеспечивают более эффективный и действенный мониторинг и контроль энергетических и водных систем, транспортных сетей, социальных

служб и операций по обеспечению общественной безопасности - всех основных государственных функций.

Правительства также должны проводить политику, способствующую процветанию цифровой экономики. Это включает в себя работу с частными компаниями по созданию улучшенных сетей 4G и будущих сетей и центров обработки данных 5G; сформировать у граждан высокий уровень цифровых навыков; продвигать цифровую интеграцию; и обеспечить безопасный доступ к услугам через системы цифровой идентификации.

Государственный сектор не может финансировать каждый инфраструктурный проект в одиночку; должны найти инновационные способы сотрудничества с другими инвесторами.

Правительства, успешно управляющие цифровой трансформацией, обеспечат своим гражданам качество жизни мирового уровня, восстановят доверие общества и улучшат конкурентоспособность своей страны в мировой экономике. Они также будут в гораздо лучшей форме, чтобы выдержать следующую волну потрясений, какую бы форму она ни приняла.

Литература

1. Sidorova M.I. Upravlencheskij uchet kak jelement edinogo informacionnogo prostranstva organizacii / M. I. Sidorova, A. A. Guljaeva // Uchet. Analiz. Audit. – 2016. – № 5. – S. 50-65.
2. Maksimov N.V. Informacionnye tehnologii v professional'noj dejatel'nosti: uchebnoe posobie / N. V. Maksimov, T. L. Partyka, I. I. Popov. – M.: FORUM, 2010.– 496 s.
3. Bol'shoj jekonomiceskij slovar' / Pod red. A. N. Azrilijana. – 4-e izd. dop. i pererab. – M.: Institut novoj jekonomiki, 1999. – 1248 s.
4. Polenova, S. N. Standartizacija buhgalterskogo ucheta i otchetnosti:

Zarubezhnyj i rossiskij opyt / S. N. Polenova. – M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2012. – 348 s.

Секция 2. Социальные коммуникации, этика и образование в условиях цифровизации

УДК 658

Hayrettin
Kemal
SEZEN

Arzu
Eren
ŞENARAS

PhD, Professor, Department of information management systems, School of applied Sciences, Altinbas University, Turkey
e-mail:kemal.sezen@altinbas.edu.tr

arzueren@uludag.edu.tr

DIGITIZATION, DIGITALIZATION, DIGITAL TRANSFORMATION CONCEPTS AND A HISTORICAL VIEW

Abstract Digitization, digitalization and digital transformation are three terms we use since many years but often in the wrong sense. Sometimes terms do have different meanings because they are used by different people within a different context for very good reasons.

In this study, having presented a historical background for technological accumulation of human being, digitization, digitalization, digital transformation concepts defined and the differences among them discussed. In addition, the effects of digital transformation on economy and society were emphasized.

Introduction

Through time in history, people have pictured information on rocks, typed down stones, clay tablets, papyrus, leather, cellulosic paper, stone plaque, magnetic tape, optical Cd, Eeprom memory and have transmitted information through sound, speech, signs, smoke, messengers, pigeons, stagecoachs, telegraphs, telephones. In these days data farms for storage and fiber optic cables or highly advanced wireless technologies are used for transmission.

Today, some of ordinary jobs in many industries are done by robots and/or cyber - physical intelligent systems, which are learning from data in unlightened factories and people does not exist for regular operations its inside. The dinosaurs was not able to adapt to the ice age and disappeared from the history scene. Countries or institutions can't be able to adapt to the digital age will be challenging

to extinct in the new period. Societies are facing a novel more likely innovative digital disruption storm.

The world has been going through the digital transformation period which has been called information or computer technology or sciences period as well. Recently we heard someone saying he wanted to digitize his business, wanted to digitalize his workforce. Someone says that world is living a digital transformation era. The differences among these terms using for expressing works related with information technology do matter.

A Short Historical View To Technological Transformation

Let us first have a short look at history. Two million years ago, our hunter-gathering nomadic ancestors began using stone tools and later on primitive axes. Twelve thousand years ago they domesticated the dog, rye, wheat and made their first shrine in Gobeklitepe-Türkiye. [9] Having found Abacus in about 5000 BC in China, someone asserted that found in Russia [27], as a computer, the Boolean algebra was a prominent invention for digit(al)ization. However the organization is one of mankind's all-time great inventions, the biggest or perhaps the most important step in discoveries in the digital transformation journey is the Eniac, the first digital-electronic computer.

Up until the end of the 17th century, Industry was powered solely by physical labor. Eventually water, steam and machine power emerged, resulting in an unprecedented increase in the volume of production and thus constituted the first era was followed by another leap with the emergency of the industrial revolution. Just before the 20th century began the invention of electricity enabled mass production.

This was followed by another leap with the emergence of Information Technologies (IT), otherwise known as digitization which brought automation in production systems in the second half of the 1900's. Cyber physical systems are accepted as the fourth phase of the industrial revolution. Although some steps are being taken towards the transition to cyber physical systems, which link the physical world to cyber IT systems with the help of sensors. we have not yet fully

completed the third industrial revolution [21]. Roughly summarized, It has been witnessed that the use of steam machines in guild production three centuries ago, the Ford T line in electrically applied mass production at the beginning of the 20th century, and programmable machines-robots in the 60's [7] . And all these inventions triggered great social transformations.

Digital transformation confronts organizations with huge challenges and opportunities. With all economic and societal sectors being affected by emerging technologies, the digital economy is highly volatile, uncertain, complex, and ambiguous [4]. We may only see the universe according to our own limitations and accepting technology without understanding its implications is a dangerous route to follow [1].

While digit(al)ization prompts companies around the World to go beyond conventional ways of doing business, both the organizational structure and customer relations of companies are affected by this transformation. Digital transformation is creating a different business environment with new rules. Instead of forming an IT infrastructure that is not integrated, companies are using the opportunities brought on by digital technologies to use their resources to generate new revenue, growth and operational outputs that will add value. [21]

Digitization, digitalization and digital transformation are three terms we use since many years but often in the wrong sense. Sometimes terms do have different meanings because they are used by different people within a different context for very good reasons. And often those meanings can be totally different, given their background, which is perfectly fitted or all right. Some of these terms actually changed meaning over time. Fortunately we don't have the same issues of extremely different meanings when it boils down to digitization, digitalization and digital transformation but still, confusion does reign and far from everyone agrees. So we are taking a look at each one of them [2].

Definitions of Digit(al)ization

What is Digitization:

Wikipedia defines digitization as the process of converting information into a digital (i.e. computer-readable) format, in which the information is organized into bits[15]. Digitization is a term we've been all using for ages not always in the right context at least in our view. You notice that some past decades digitization is mainly used in a context of document capture and scanning, admittedly, for some digitization is more than what it was just described above, and in a context of digitizing of business processes.

Digitization, *firstly*, is the act of transforming or converting “analog/physical things” such as paper documents, microfilms images, photographs, sounds or signals, health records, location data, identity cards, and more into bits and bytes, the smallest unit of data in a computer [1,2] “with the goal to digitize and automate processes or workflows.” [2] Digitizing doesn’t mean replacing the original matter; document, image, sound etc. [1] Sometimes it gets destroyed, sometimes it disappears and sometimes it is transformed but that’s not that much about digitization in the strictest sense. if you take a picture of a building you have a digitally born representation of the building but the building is not digitized or you might have an analog picture which you scan or simply take a picture with your mobile so it is digitized [2].

In conclusion; digitization is digitization. Digitization is the automation of existing manual and paper-based processes, enabled by the digitization of information. In one sentence, digitization is the transformation from analog to digital or digital representation of a physical item with the goal to digitize and automate processes or workflows [2]. There is no digitalization and no digital transformation without digitization (of paper and processes).

What Is Digitalization?

Digitalization, refers to the ongoing adoption of digital technologies across all possible societal and human activities, is often used interchangeably with digital transformation. It is integration of digital technologies into everyday life by the digitization of everything that can be digitized. Digitalization means turning interactions, communications, business functions and business models into (more)

digital ones which often boils down to a mix of digital and physical as in omnichannel customer service, integrated marketing or smart manufacturing with a mix of autonomous, semi-autonomous and manual operations. It requires digitization of information but it means more and at the very center of it is data, nowadays lots of data and big data.

Digitalization is what leads to digital business. In general, digitalization is seen as the road of moving towards digital business and digital transformation, as well as the creation of new – digital – revenue streams and offerings while doing so. And that requires change. This is why many people interchangeably use digitalization and digital transformation. Think about, for instance, the increasingly digital customer, the rise of digital healthcare, the growing digitalization of government, of marketing, of customer service, etc. In other words things are more digital in various possible areas.

Digitalization means the use of digital technologies and of data (digitized and natively digital) in order to create revenue, improve business, replace/transform business processes (not simply digitizing them) and create an environment for digital business, whereby digital information is at the core.

While digitization is more about systems of record and, increasingly systems of engagement, digitalization is about systems of engagement and systems of insight, leveraging digitized data and processes. Digitization has enabled the process of digitalization [16].

Digitalization focus business models where overlapping technology and processes. Its outcomes are digital business innovation and new types of value of digitization. It treats colleagues as partner, engage with external customers [2]. The sub dimensions of digitalization in terms of people & organizations, technical infrastructure, smart product & services are shown at the Table 1 [22].

What is Digital Transformation

As we use it today, Digital Transformation (DT) is broader than digitalization as a way to move to digital business. It requires far more bridges to be built in an encompassing digital transformation strategy. Digital transformation is the profound

and accelerating transformation of business activities, processes, competencies and models to fully leverage the changes and opportunities of digital technologies and their impact across society in a strategic and prioritized way. [2].

Digital transformation is transforming products, sectors and consumer expectations. It is described as the total and overall societal effect of digitalization. It is the use of new, fast and frequently changing digital technology to solve problems. It is about transforming processes that were non-digital or manual to digital processes [16].

The degree of the digital transformation includes the incremental (marginal) as well as the radical (fundamental) change of a business model. The digital transformation of business models relates to individual business model elements, the entire business model, value-added chains, as well as the networking of different actors in a value-added network [10]. The reference unit with regard to the level of novelty is primarily the customer, but a digital transformation can also affect its own business, partners, industry, and competitors. Within the digital transformation of business models, enabler(s) and technologies, such as big data, are used to generate new applications or services (e.g., on-demand prediction). These enablers require skills that enable data collection and exchange as well as the ability to analyze, calculate, and evaluate options. The evaluated options are used to initiate new processes within the business model. The digital transformation of business models is based on an approach with a sequence of tasks and decisions that are related to one another in a logical and temporal context. It affects four target dimensions: time, finance, space, and quality [See: 10]. It is rather important to use the potential of IT to offer customers smarter and faster services and to do so it is necessary to actively shape the business model's digital transformation.

Economic and societal effects of transformation

Digitization blurs the boundaries between products, by removing the notion of using different products for different purposes. Companies can see an increase in their effectiveness as they continue to use digital technologies. Digitization becomes a catalyst for new collaborations. When this collaboration is shaped

properly, it has the potential of generating a much wider gain than ever before. Someone argue that digitization converts the relationship between customers and organizations into a new form based on data and democratizes it. Creating a digital ecosystem helps society gains the capabilities necessary for digitization and reap the benefits from openness, interconnections and more interactions. It would be more appropriate to interpret these comments within the scope of digital transformation.

Digital transformation encompasses all aspects of business, regardless of whether it concerns a digital business or not, in times when the acceleration of technology adoption and of change leads to entirely new market, customer and business (people, capabilities, processes, models,...) realities, opportunities and challenges, ultimately leading to a new economy [2].

Digital transformation affects different areas of society, all industries of economy. It opens up new networking possibilities and allows for cooperation between different actors, who can then exchange data and thereby initiate new processes [See: 4]. Researchers spotted a positive and statistically remarkable correlation between digitization and companies' profitability. It indicates that a 10% increase in a company's Accentura Digitization Index score corresponds on average to a 1% increase in their earnings before Interest and tax margin [See: 21]. Digit(al)ization also offers companies an opportunity not just for productivity and growth, but also for increased competitiveness [4].

Analysis at the firm-level in Turkey revealed that current export advantages based on low labour cost and logistics can be lost during the digital transformation era[22]. Countries have to find clever digital transformation strategies for improving productivity, employment and gross domestic product (GDP).

Strategy dimension of digital transformation

Some writers claim that culture is often the reason why digital transformation fails [25]. The success of countries will rely on digital strategy that will accelerate adaptation to digitization. To what extent digitization is integrated into a country's strategy towards achieving its objectives and goals is the digital strategy dimension

and this dimension increases countries' competitiveness in the global economy. In order to assess a country's digital strategy, the essential elements are prioritization, creation of a roadmap, setting of performance goals, calculating of returns.

Prioritization, refers to society should regard digitization as a primary objective, what extent the country's strategic objectives reflect digitization. Creation of a roadmap, refers to the planning of the implementation of a digital strategy. Setting of performance goals point out performance tracking of investment or projects. Calculation of returns means that the correct calculation of returns obtained from a society's digital transformation investments, which were made within the scope of digital strategy, is vital in order to assess the success of the digitization journey and important by means of identifying which digital action contributes more to productivity.

Conclusion

What is the difference between digit(al)ization and digital transformation is that digitalization leads to digital business. Digital transformation requires digital business and digitization. As the digital disruption or revolution continues, some intellectual claimed that we are now in the final phase of Industry 3.0, thus making it necessary to discuss the role digit(al)ization will play in the transition to industry 4.0. This has become an obligation for nations and urges them to act [21]. Every nation, institution or organization ought to be ready to keep up with this transformation.

References

1. <https://www.pysdens.com/wp-content/uploads/250-digitization-and-digitalization.pdf>
2. <https://www.i-scoop.eu/digital-transformation/digitization-digitalization-digital-transformation-disruption/> 11,08,2020
3. https://www.researchgate.net/publication/327799867_Introduction_to_Digitalization

[Cases How Organizations Rethink Their Business for the Digital Age](#) (Nills)

4. H.Kemal SEZEN, Fatma ETEMAN, Arzu SENARAS, Beyond Lean Management Applications, XVIII. Uluslararası Ekonometri, Yöneylem Araştırması ve İstatistik Sempozyumu, 2017, Trabzon.
5. Dünya tarihi, çev. Hakan Abacı, Alfa yayınları 2014.
6. https://www.researchgate.net/publication/326260383_Digital_Transformation_of_Business_Models-Best_Practices_Enablers_and_Roadmap Schallmo, Williams The XXVIII ISPIM Austria, Vienna on 18-21 June 2017. And https://www.researchgate.net/publication/322467178_History_of_Digital_Transformation International Journal of Innovation Management Vol. 21, No. 8 (December 2017) 1740014 (17 pages) © World Scientific Publishing Europe Ltd. DOI: 10.1142/S136391961740014X1740014-1
7. https://en.wikipedia.org/wiki/Digitization#cite_note-wi-1
8. https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_transformation
9. Accentura Turkey Digitization index 2016, Türkiye Bişim Vakfı, 2017, <http://tbv.org.tr/en/accenture-Türkiye-dijitallesme-endeksi-2/> (08.10.2020)
10. <http://turkonfed.org/detay/1950/dijital-anadolu-2-sektor-bazli-dijital-donusum-yol-haritasi/> Digital Anadolu 2, Sektör Bazlı Digital Dönüşüm Yol Haritası, TURKONFED, 2018
11. <https://www.thedigitaltransformationpeople.com/channels/the-case-for-digital-transformation/disruption-mindset-an-interview-with-charlene-li/>
12. For first use of byte word see <https://eugene.kaspersky.com/2018/02/22/the-worlds-first-ever-bytes/>

УДК 33

Авакова
Элина
Борисовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры
управления персоналом и рекламы, Санкт-
Петербургский государственный технологический
институт (технический университет).
e-mail: elina_avakova@mail.ru

Кузнецов

преподаватель кафедры рекламы и связей с

Артем
Александрович

общественностью,
государственный университет промышленных
технологий и дизайна; ведущий специалист
коммерческого отдела, ООО «НоваФабрик»
e-mail: artsmith@inbox.ru

Санкт-Петербургский

КОРПОРАТИВНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием корпоративных коммуникаций в современных условиях цифровизации экономики, перечислены возможности, открывающиеся перед организацией, и препятствия, существующие на пути цифровой трансформации деятельности организации. Отдельно рассмотрен вопрос о выстраивании коммуникации между организацией и молодыми специалистами в процессе развития HR бренда работодателя.

Ключевые слова: корпоративные коммуникации, цифровизация, молодежь, молодые специалисты, HR-бренд работодателя.

CORPORATE COMMUNICATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract: The article discusses issues related to the development of corporate communication in modern conditions of digitalization of economy, lists the possibilities for organization and obstacles in the way of the digital transformation of the organization. The issue of communication between the organization and young professionals in the process of developing the employer's HR brand is separately considered.

Key words: corporate communications, digitalization, youth, young professionals, employer's HR brand.

Стремительное развитие современных информационных технологий трансформирует облик не только отдельных отраслей, но и в целом меняет принципы, по которым выстраиваются бизнес-процессы, развиваются внутренние и внешние корпоративные коммуникации. Важно понимать, что цифровая трансформация сводится не просто к внедрению новых технологий, она предполагает и изменение подходов к работе во всех направлениях деятельности организации. В условиях цифровизации экономики и острой конкуренции на рынке меняются подходы к культуре коммуникации, ее природе и содержанию.

Корпоративные коммуникации представляют собой совокупность потоков информации как внутри компании – вертикальных (начальник – подчиненный), горизонтальных (между работниками одного иерархического уровня) так и с лицами, заинтересованными в ее деятельности и продуктах. Под корпоративными коммуникациями понимают операции, посвященные распространению информации среди целевой аудитории, исполнению корпоративной стратегии и развитию сообщений для различных целей как внутри организации, так и за ее пределами [1. с. 179].

Целями выстраивания корпоративных коммуникаций можно назвать: создание и актуализацию мотивации потенциального потребителя; формирование и поддержание взаимовыгодных отношений с партнерами; организацию эффективного взаимодействия сотрудников внутри компании для решения текущих производственных задач; формирование среди сотрудников приверженности (высокой степени лояльности) к компании; разрешение кризисных ситуаций; информирование и уведомление общественности о мероприятиях и действиях, проводимых предприятием; привлечение государственной поддержки; создание и продвижение положительного имиджа предприятия как привлекательного работодателя и др. Все эти задачи могут быть успешно решены с помощью цифровых технологий и решены при этом намного эффективнее, чем без них.

В 2016 году на государственном уровне официально была признана необходимость и неизбежность цифровизации. Президент Российской Федерации предложил «...запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики... Это вопрос национальной безопасности и технологической независимости России, в полном смысле этого слова – нашего будущего» [2]. Вслед за данным предложением был опубликован Указ Президента «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в котором цифровая экономика впервые определяется как деятельность, ключевым фактором производства которой

становятся данные, представленные в цифровом виде. Образование, обработка и использование этих данных в больших объемах, по сравнению с традиционными формами, позволяет значительно повысить эффективность, качество и производительность в различных сферах хозяйственной деятельности [3].

Требования новой цифровой экономики приводят к необходимости инноваций как в управлении корпоративной культурой и внутрикорпоративных коммуникациях, так и в корпоративных коммуникациях организации на всех уровнях в целом: организация-государство; организация-организация; организация-персонал; организация-потребители и т.д.

Но, безусловно, и сегодня не все компании готовы меняться и движутся по пути цифровых преобразований с разной скоростью, а некоторые вовсе стоят на месте. Трансформацию бизнес-модели с использованием современных технологий осмысленно реализуют только те компании, высший менеджмент которых достиг «цифровой зрелости» и понимает, что без цифровизации не будет роста и развития бизнеса, а иногда и его существования [4].

Серьезным толчком к активному использованию цифровых технологий в своей деятельности для многих организаций и учреждений стала ситуация, в которой оказалось мировое сообщество в связи с пандемией COVID-19. Перед руководителями организаций встал неизбежный и при этом очевидный выбор: либо трансформироваться и приспосабливаться, либо прерывать или прекращать свою деятельность. И, конечно, необходимость уйти в цифровое пространство выявила большое количество проблем, связанных с неготовностью инфраструктуры и отсутствием необходимого бюджета, а также нехваткой знаний, квалификации и внутренним сопротивлением изменениям и отстаиванием сложившегося порядка среди персонала организаций. При этом, обращаясь к упрощенной формулировке, можно сказать, что цифровой трансформацией по своей сути является эффективное использование новых информационно-коммуникационных технологий при

решении стандартных производственных задач. На практике мы видим применение этих процессов как при решении внутриорганизационных задач, так и при экономической деятельности организации в целом: электронный документооборот, распространение информации через корпоративные сети, использование соответствующего программного обеспечения для организации видеоконференций, интернет-маркетинг, кастомизированные рассылки и спецпредложения, виртуальные голосовые помощники, цифровые бизнес-платформы, цифровой рекрутинг, HR-брэндинг и т.д.

Актуальность последнего для современной компании сложно переоценить, ведь HR-брэндинг оказывает влияние на многие аспекты деятельности организации и их эффективность. При этом реализация проектов в сфере employer branding в России сегодня осуществляется не везде, но количественно все-таки растет. Организаций, занимающихся HR-брэндингом, становится больше, а эффективно выстроенные корпоративные коммуникации безусловно необходимы, как одно из важнейших условий сильного бренда работодателя.

Основная целевая аудитория для рекрутера сегодня – это представители поколений Y и Z. И рекрутеру необходимо учитывать их особенности: где и как они ищут информацию, что ценят, что ждут от потенциального работодателя.

Многие крупные компании активно используют программы привлечения студентов и выпускников вузов как выгодные инвестиции в будущее. Привлекая молодежь, такие компании приобретают персонал инициативный и ориентированный на развитие, обладающий гибкостью мышления и креативностью, готовый предоставлять свой труд за менее высокую оплату в сравнении с опытными специалистами.

Молодежь всегда была самой мобильной и динамичной частью общества, она выступает двигателем и главным потребителем цифровых технологий. Новые требования к поведенческим моделям выдвигаются в коммуникационной среде и санкционируются «лайками» или эксклюзией,

отказом от подписок на блоги и страницы, исключением из общения и, соответственно, отторжением субъекта из сферы монетизации социального капитала. Указанные характеристики отражают новое положение молодежи в информационном обществе и инновационной экономике знаний, в рамках которой «лайки» и спрос на «умные устройства» определяют успех фирм и стран в глобальной конкуренции за ресурсы и за потребителей [5, с. 152-153].

В связи с этим в цифровой среде активно используются и продолжают развиваться такие каналы коммуникации с потенциальными кандидатами на вакансии как: карьерные сайты компаний, сервисы и платформы по поиску работы и сотрудников, ярмарки вакансий, социальные сети, чат-боты, видео- и аудио интервью и др.

Одновременно молодежь остается и группой риска. Так, например, у современной молодежи прочно сформировалась новая модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации [3].

Действительно, молодежь в силу возраста и отсутствия жизненного опыта не всегда может верно определить свои потребности при выходе на рынок труда в начале своего профессионального пути. Представители молодежи на этом этапе еще не обладают сформированной жизненной целью, выработанной моделью поведения и устойчивым отношением к пониманию своего будущего – они находятся под воздействием множества внешних факторов [6, с. 219].

Потому, в том числе, и важно расширять контакты молодежи с потенциальным работодателем на этапе обучения не только в профессиональных учебных заведениях, но и раньше – в процессе получения среднего общего образования.

Цифровая трансформация позволяет успешно решать проблему привлечения представителей профильных организаций, специалистов-практиков, потенциальных работодателей к процессу развития профессионального потенциала молодежи. Так, например, в цифровой среде

можно преодолевать препятствия, связанные с нехваткой времени у представителей организаций для принятия участия в мероприятиях образовательных учреждений в рамках реализации практико-ориентированного подхода: организация виртуальных экскурсий на предприятия, «онлайн» встречи со школьниками в рамках профориентационных проектов, проведение конкурсных испытаний среди перспективных выпускников в дистанционном и/или комбинированном формате, удаленный формат прохождения практик студентов, когда с одной стороны, студент привлекается к рабочему процессу, знакомится с его особенностями изнутри, при этом у организации нет необходимости тратить излишние ресурсы.

Например, учебно-производственная практика студентов может быть организована в ситуационном центре, где для них обеспечиваются возможности дистанционного наблюдения за реальными производственными процессами, участия в обсуждении и анализе возникающих производственных ситуаций (в т.ч. проблемных), выработке решений [7, с. 31].

Так, возвращаясь к вопросу важности выстраивания эффективных коммуникаций между работодателем и потенциальными работниками из числа молодых специалистов, можно привести онлайн программу повышения квалификации «Трудоустройство студентов и выпускников в цифровом мире: новая реальность», иницииированную летом 2020 года Национальным фондом подготовки кадров [8], в рамках которой предусмотрено рассмотрение вопросов профориентации студентов, выстраивания эффективных партнерств с работодателями, поиска практик для студентов, в том числе в удаленном формате, подготовки их к трудоустройству через вовлечение в проектную деятельность, готовность работодателей перейти на онлайн-стажировки, выбор эффективных способов взаимодействия компаний с центрами карьеры и трудоустройства.

В целом стоит отметить, что в современном мире наблюдается повышенный интерес к цифровой сфере и цифровым инструментам, к их

активному использованию в развитии как внутренних, так и внешних корпоративных коммуникаций организаций. Широкий выбор предлагаемых на рынке цифровых продуктов дает работодателю необходимые инструменты для повышения эффективности бизнеса.

Литература

1. Токарева Ю.А., Суворкова Ю.Е. Роль корпоративных коммуникаций в стимулировании персонала в условиях срочных трудовых отношений // International Journal of Medicine and Psychology. 2019. Том 2. №4. С. 178-181.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978 (дата обращения: 01.11.2020).
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 01.11.2020).
4. DTR 2018: Игорь Кириченко рассказал о выполненных Naumen 15 проектах цифровой трансформации в России [Электронный ресурс] URL: <https://www.naumen.ru/events/news/2975/> (дата обращения: 02.11.2020).
5. Авакова Э.Б., Покровская Н.Н., Голохвастов Д.В. Развитие молодежной политики и студенческого предпринимательства для построения экономики знаний на евразийском пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 152-157.
6. Авакова Э.Б., Бразевич С.С., Кузнецов А.А. Профессиональное самоопределение учащейся молодежи: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 218-221.
7. Проект дидактической концепции цифрового профессионального

образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – 72 с.

8. Официальный сайт Национального фонда подготовки кадров [Электронный ресурс] URL: <https://www.ntf.ru/content/online-ppk-trudoustroystvo-studentov-i-vyupusknikov-v-tsifrovom-mire> (дата обращения: 03.11.2020).

УДК 008.316.321

Черкасова
Татьяна
Павловна

доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Айрапетян
Давид
Армикович

магистрант факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: david.space.98@inbox.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В данной статье подробно рассматривается влияние цифровизации на процессы социальных трансформаций современности. На основе теории Мануэля Кастельса проводится анализ основных сфер общества XXI века, в результате чего делается вывод о положительных и отрицательных последствиях конструирования сетевого социопространства. Отдельно рассматривается положение человека в новом сетевом обществе, и готовность России к новым цифровым преобразованиям.

Ключевые слова: цифровизация, сетевое общество, сети, научно-технический прогресс, системы, развитие, трансформация.

DIGITALIZATION AS A TREND TOWARDS THE FORMATION OF A GLOBAL NETWORK SOCIETY

Abstract: This article examines in detail the impact of digitalization on the processes of social transformations of our time. Based on the theory of Manuel Castels, the analysis of the main spheres of society of the XXI century is carried out, as a result of which the conclusion is made about the positive and negative consequences of constructing a network sociospatial space. The article also examines the position of a person in the new network society and Russia's readiness for new digital transformations.

Key words: digitalization, network society, networks, scientific and technological progress, systems, development, transformation.

Динамично развивающийся процесс социально – экономической эволюции человеческой цивилизации неоднократно наводил исследователей в области обществоведческих наук на попытки осмыслиения социальной трансформации общества, а также роли государств, институтов и самого человека в новых общественных формациях. Так появились теории о постиндустриальных, супериндустриальных, информационных и иных социумах, которые во многом основывались на фактических научных достижениях третьей промышленной революции, начавшейся с создания ЭВМ в середине XX столетия и тесно связанной с повсеместным переходом от аналоговых технологий к цифровым.

Масштабная цифровизация, берущая начало в конце 1970-х – начале 1980-х гг. с распространения информационно-коммуникационных и компьютерных технологий во все сферы жизни и производства только усилила интерес политологов, социологов, экономистов, философов к проблеме цифровой трансформации, ввиду чего интенсивные исследования в данной области продолжались [1]. Весомые наработки в этот период, в связи с тотальным процессом перехода на цифровые форматы, получила собирательная теория, так называемого, сетевого общества. Термин «сетевое общество» впервые был официально введен в науку (но не в оборот) норвежским ученым Стайном Брэтеном, а затем развит в работах еще ряда ученых, среди которых нидерландец Ян ван Дейк и испанский социолог Мануэль Кастельс [2, с.15]. М. Кастельс является наиболее ярким и современным исследователем влияния коммуникаций и цифровых трендов на

формирование сетевой структуры общества. Его сетевую концепцию можно отнести к инновационным макротеориям, которые пытаются описать, характеризовать, интерпретировать и проанализировать современные социумы, экономические и политические системы, влияние глобализации на становление информационной эры.

По мнению ученого, сегодня социальную морфологию, или социоконструкт нашего общества составляют своеобразные сети. Давая определение сетевому обществу, Мануэль Кастельс отмечает, что такое общество существует, главным образом, за счет ключевых социальных структур и институтов, а также деятельности его членов, организованных вокруг электронных сетей коммуникации [3, с.469]. Здесь речь идет не только о социальной сети как феномене, так как подобная форма организации групп существует давно, а именно о сетях, призванных обрабатывать информацию как главный ресурс XXI века и управлять ею с помощью цифровых технологий и микроэлектронных устройств. Быстрое и динамичное распространение таких сетей кардинально меняет технологии производства в экономике, выработку социального опыта, форму культуры и осуществление политической власти. Современность по Кастельсу – есть пространство сетевых потоков.

Теория Кастельса во многом соответствует действительности. Спустя 20 лет нового столетия, цифровые технологии и различные коммуникационные сети, буквально, пронизывают современного человека, социальные группы и институты. Так, например, Интернет становится фундаментальной площадкой для реализации миллиардов различных действий, осуществления общения, совершения транзакций. С изобретением более совершенных технологий, связанных с цифровизацией, возросла эффективность важнейшего аспекта современного мира – бизнеса. Появление электронных таблиц и программного обеспечения для их обработки, стратегий интеграции производства и операций (ERP), стратегической инфраструктуры и технических возможностей автоматизированного управления документацией,

компьютерных программ для управления персоналом и CRM систем по анализу и управлению взаимоотношения с клиентами [4] ознаменовало новую бизнес – эру, приведшую к невероятному росту экономических показателей, распространению макрорегиональных производственных сетей, возрастанию ведущей роли транснациональных корпораций в мире.

Современная экономика перешла в цифровой формат именно благодаря быстрой имплементации и внедрению новых технологий в бизнес – процессы. В результате, практически все экономические отрасли переходят на новые модели электронного управления и взаимодействия между предприятиями, рынками и потребителями, разрабатываются методы инновационного менеджмента для оптимизации всех процессов с использованием информационных технологий. Цифровые сети здесь помогают осуществлять сквозную межпроцессную интеграцию данных, управление жизненным циклом инноваций и продуктов, обеспечение кибербезопасности, переход от ручного труда к полной автоматизации производств роботами.

Политика так же, вслед за экономикой, подвергается цифровой трансформации. Происходит глубокая виртуализация политической власти, которая рассматривается акторами политики как синергетически и качественно новая формация ее осуществления. Упомянутая виртуализация происходит в глобальной информационной сети Интернета и берет свое начало от включения правительств, партий, государственных институтов, НКО и других структур публичного сектора в число пользователей [5, с. 9]. Развивается система представления и оказания государственных и муниципальных услуг в онлайн – форматах, разрабатываются государственные программы по созданию цифровой информационной среды, институты политической власти теперь взаимодействуют посредством мгновенной коммуникации через электронную почту, единые и специализированные базы данных. Достаточно активно в развитых странах сегодня функционирует институт электронной демократии и краудсорсинга для коллективных мыслительных, инновационных и административных задач. Происходит

принятие совместных решений в цифровом формате – электронные голосования, существует возможность контролировать исполнение решений на всех уровнях, начиная от муниципального, и заканчивая международным. Методы осуществление власти и функционирование государственных органов становятся прозрачнее, более подверженными общественному контролю, однако, в то же, время, и сам гражданин переходит в состояние практической деанонимности, приватная часть жизни более не является таковой.

В социальных сетях для обмена сообщениями все чаще можно заметить явление цифровой дипломатии, где на глобальных медиаплощадках принимают участие государственные ведомства, правительственные органы, а также неправительственные организации для решения внешнеполитических повесток. Таким образом, отлично реализуются методы информационной войны, пропаганды, манипулирования массовым сознанием, PR – кампании, борьба политических элит и даже электронные революции (twitter – революции).

Сама политическая власть как феномен подчинения больше не может в полной мере контролироваться институтами государства, организациями или элитой. В сетевом обществе власть «растворяется» в потоковых сетях финансов, информации, договоров, преступных схем. Политические лидеры перестают быть полноценным воплощением народной воли, они трансформируются в проводников власти, итоговый концепт которой формируется под влиянием множества сетевых факторов.

Правительство некоторых государств, преуспевающих в инновационном развитии, активно используют цифровизацию для своих внутриполитических и внешнеполитических стратегий. Например, Германия с хайтек – концепцией «Индустрии 4.0» провозглашает своей целью скорейшее осуществление четвертой промышленной революции, связанной с киберфизическими системами, полной автоматизацией, машинным обучением и цифровыми нейросетями искусственного интеллекта, способного к самообучению.

Япония, как одна из самых технологически развитых и давно перешедших на цифру стран, в 2016 г. представила мировому сообществу грандиозный план создания «Общества 5.0». Если немецкая индустриальная концепция – это в основном «умный бизнес», то японская общественная парадигма скорого будущего – это «суперумное» общество, состоящее из миллиона взаимозависимостей всех сфер жизнедеятельности социума на основе информационных технологий, находящих свое применение через неисчислимое множество виртуальных сетей. Важную роль здесь принимают разработки VR/AR – технологий, аналитика больших массивов данных (Big Data), биоинженерия, системное исследование человеческого тела и т.д.

В сфере культуры также присутствуют сетевые пространства. Крупные пользовательские информационные порталы (например, Reddit) объединяют десятки миллионов человек по всему миру. Мгновенный обмен информацией и новостями, а также креативный подход пользователей порождает культуру интернет – мема – основной культурной категории виртуального пространства, которая становится невероятно значимой для социально-политических процессов, как в сети, так и в реальности. Крупные компании, отвечающие сегодня за масс – медиа, нацелены переводить большую часть контента и развлечений в виртуальное пространство. Их главной задачей является распространение оцифрованной продукции (книг, кинофильмов, музыкальных композиций и т.п.) в массы в геометрической прогрессии.

Как мы видим, Интернет становится основным распределителем сетевой активности современного общества. Именно глобальная паутина регулирует полную деятельность подключенных к ней устройств, способных к координации с другими такими устройствами посредством встроенных технологий передачи данных. Все сетевые потоки, существующие сегодня, проходят через центры управления, анализа и контроля информации, которые и оцифровывают данные для дальнейшей их передачи.

Ведущей целью сетевого общества, в конечном счете, становится создание мегасетей синергетической природы, объединяющих в себе полное

взаимодействие всех систем и подсистем современного социума. Это формирует глобальную информационную экономику, цифровую политику и культуру виртуальной реальности. Происходит экстраполяция сетевых закономерностей цифрового мира на реальные связи между общественными институтами, а в мировом масштабе – конвергенция политико-экономических и культурных систем. Как результат этих процессов [6]: рост производительности труда, повышение конкурентоспособности государств и компаний, значительное снижение издержек производства, преодоление проблемы безработицы, бедности и социального неравенства.

Однако, тотальная цифровизация и создание огромного количества сетевых взаимозависимостей – это не самая оптимальная тенденция современности. Ведь в таких условиях невозможно сохранить, например, стабильность региональной экономики, так как она непосредственно связана с динамикой мирового рынка через тысячи сетевых контактов. Из – за процесса глобализации, новой «сетевой природы» бизнеса и индивидуализации трудовой деятельности слабеют социальная защита населения и организация рабочих, становятся неэффективными институты, которые ранее обеспечивали их права. При таких условиях легко создаются предпосылки для социальной поляризации и аномии. Также более не является возможным создание автаркии или ведение тотального протекционизма, так как в современных условиях страна не может самостоятельно себя обеспечить абсолютно всем, и вести минимальный внешний товарооборот. В политике роль национального государства также утрачивается. Возникает необходимость модернизации государства в сетевое, состоящее из корпоративных элит и находящееся в жесткой зависимости от международных организаций, что постепенно ведет либо к авторатиям и централизации власти, либо к потере суверенитета.

Для человека нахождение в современном обществе, полном информации, является несколько опасным ввиду информационного переизбытка. Повышается уровень стресса, все более частое распространение имеют клинические депрессии, возникающие из – за слишком быстрой

жизненной динамики, к которой человек не может привыкнуть, увеличивается число суицидальных идеаций и непосредственно самоубийств. Несмотря на широкий спектр виртуальных развлечений, легкодоступного общения, возможности получить социальное одобрение и прославиться растет ощущение незащищенности, уязвимости и беспокойства за личную информацию.

Цифровая модернизация затрагивает, конечно же, и наше государство. Ввиду определенных политических обстоятельств недавнего прошлого, в Российской Федерации реализуется догоняющая модель экономического развития, поэтому переход к сетевому обществу в нашей стране пока что замедлен. И, возможно, это скорее положительный фактор, нежели отрицательная тенденция. Цифровизация, хоть и полезный, но еще малоизученный процесс, влекущий за собой множество социально-политических рисков [7]. Рискогенность – не самый желательный показатель для России в условиях нового мирового экономического кризиса. Поэтому сегодня было бы уместно ставить вопрос о продуцируемых цифровизацией проблемах и рисках совместно с постепенной выработкой опыта ее внедрения [8]. Так, например, форматы цифровой экономики, к которой стремится наше государство, требуют определенной адаптации традиционной вертикали управления к либерализации и гибким методикам государственно-административного менеджмента [9]. К тому же, цифровизация и формирование сетевого общества вступает в конфликт с бюрократической схемой государственного управления. Решение данной проблемы заключается в разработке качественно новых административных схем межинституционального взаимодействия и связи с гражданским обществом.

Завершая данное исследование, нужно отметить, что прорывные возможности и риски, которые несет в себе цифровизация и создаваемое ею сетевое глобальное общество, будут зависеть исключительно от тех акторов, которые преуспевают в данных процессах. От успешной приспособленности современных государственных систем к глобальным коммуникационным

трендам зависит то, какое будущее ждет наше общество – более качественная стадия развития мирового социума, или же антиутопия, подобная тем, что отражены в произведения О. Хаксли и Дж. Оруэлла.

Литература:

1. Кашпар. В.И. Теоретические подходы к изучению коммуникативных практик в условиях растущей цифровизации общества. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-kommunikativnyh-praktik-v-usloviyah-rastuschej-tsifrovizatsii-obschestva> - (Дата обращения 26.10.2020);
2. Курочкин А.В., Антонов Г.К. Концепция сетевого общества в системе социального знания. // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №12. С.14 – 17;
3. М. Кастельс. Расцвет сетевого общества: информационная эпоха, общество и культура. Том 1. 2000. С. 469 - 472.
4. «Что такое цифровизация и чем она отличается от цифровой трансформации и Индустрии 4.0.». 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rb.ru/story/what-is-digital-transformation> - (Дата обращения 26.10.2020)
5. Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12(6). С. 6-28.
6. «Цифровизация и цифровая экономика: определение, выгоды, риски». 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bigdataschool.ru> – (Дата обращения 26.10.2020).
7. Золочевская Е.Ю., Арсеньева В.А., Черкасова Т.П., Лозовова Л.А. // Сдерживающие факторы российской цифровой трансформации на этапе перехода от становления цифровой экономики к ее развитию в контексте

глобальных трендов // CBU International Conference Proceedings. 2019. Vol. 7, 351-359;

8. Черкасова Т.П., Игнатова Т.И. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 5 – 14;
9. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества. // Власть. 2018. № 1. С. 40 – 46.

УДК 711. 332

Андреева

Ольга

Валентиновна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, Руководитель Центра стратегических исследований социально-экономического развития Юга России, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
e-mail: olvandr@ya.ru

Чернобай

Оксана

Сергеевна

Младший научный сотрудник Центра стратегических исследований социально-экономического развития Юга России, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
e-mail: Oksana.chernobay1982@yandex.ru

«УМНЫЙ ГОРОД» В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее актуальные на сегодняшний день способы управления городской средой, основой которого является концепция «Умного города». Цель исследования – выделить задачи и мероприятия по активизации использования цифровых технологий для развития современной комфортной городской среды. Представлены результаты изучения российского опыта реализации проектов, а также примеров мировых практик внедрения системы «Умный город» в условиях борьбы с пандемией коронавируса.

Ключевые слова: «умный город», урбанизация, цифровая экономика, городская среда, коммуникационные технологии, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, информационная система.

A “SMART CITY” IN FIGHTING THE COVID-19 PANDEMIC

Annotation: The article discusses the most relevant today ways of managing the urban environment, which is based on the concept of "Smart City". The purpose

of the study is to highlight the tasks and activities to enhance the use of digital technologies for the development of a modern comfortable urban environment. The results of the study of the Russian experience in the implementation of the project, as well as examples of world practices of the implementation of the "Smart City" system are presented in the face of the coronavirus pandemic.

Keywords: Smart city, digital economy, urban environment, communication technologies, digital environment, intelligent information technologies, intelligent transport systems.

Урбанизация влечет за собой ряд проблем: экологических, экономических и социальных. Рост числа населения в городе увеличивает потребление водных и энергетических ресурсов, количество отходов, нагрузку на транспортные, земельные и другие ресурсы – все это ухудшает жизнь людей, проживающих сегодня в городах. Во многих странах мира сейчас активно реализуют проекты «Умных городов». Сам термин имеет много формуллировок. На наш взгляд, наиболее точным определением является следующее: «Умный город – это концепция объединения информационных и коммуникационных технологий, а также систем Интернета вещей для управления городской инфраструктурой» [1]. В данном ракурсе к составляющим концепции «Умный» город можно отнести: умный дом; умная энергия; умные здания; умная безопасность; интернет вещей; Smart Care; умное управление продуктом; цифровизация образования и других сфер.

Smart City выступает как живой организм, который должен работать отлаженно и на благо людей. Сервисы «умного города» должны решать разные задачи, повышая уровень и качество жизни простых жителей. Базис «умного города» – эффективное управление на основе применения инновационных технологий. Понятие многогранно, включает в себя большой спектр мероприятий, которые направлены на сбор, мониторинг, обработку данных.

Система «умный город» используется во многих отраслях: образование, транспорт, здравоохранение, госуслуги, общественные службы и другие [2, с. 193-201; 3].

Развитие цифровой среды становится возможным в результате сбора, систематизации и передачи данных, налаживания связи между городскими жителями и администрацией, а также благоустройства городской среды. Сбор информации осуществляется с видео и фотокамер, различных датчиков, сенсоров и прочих информационных систем.

Внедрение информационно-коммуникационных услуг наиболее перспективно в следующих сферах: жилищно-коммунальное хозяйство, энергия и водные ресурсы; образование; здравоохранение; транспорт и другое [3].

Табл. 1. Ключевые объекты концепции «умный город»

Объект концепции	Примеры технологий
Умный транспорт	- умная парковка; - умная остановка общественного транспорта; - информационная система общественного транспорта; - системы мониторинга дорожной ситуации и управление транспортом
Умные здания	- развитие сетей; - домашняя автоматизация и управление энергопотреблением; - умные приложения и ИТ сервисы
Умные системы жизнеобеспечения	- умные счетчики потребления ресурсов; - прогнозирование потребления - умное освещение; - управление чрезвычайными ситуациями
Социальные услуги, безопасность	- электронные услуги в здравоохранении, образовании, культуре; - комфортная среда для граждан; - электронное правительство и госуслуги; - умное видеонаблюдение и система безопасности

Главная цель системы – улучшение уровня жизни в городе, повышение качества жизни людей [4, с. 297-233].

Данная система уже достаточно эффективно применяется во многих мегаполисах и развитых городах. К самым технологичным городам можно отнести: Сингапур, Осло, Цюрих, Женева, Копенгаген, Окланд, Тайбэй, Хельсинки и другие. Наиболее яркий пример – город Сингапур, где создана эффективная система передвижения общественного транспорта, создано

беспилотное движение автобусов нового поколения, высокое качество медицины с применением высокоточного медицинского оборудования, также высоко развита система предоставления госуслуг посредством ИКТ. Разработана 3D модель города [5]. Повсеместно заявляется о том, что сделать города «умнее» призвано использование Big data, облачные технологии, искусственный интеллект. Эксперты прогнозируют повышение спроса на «умное» строительство, в рамках которого будут использоваться возобновляемые источники энергии, внедряться интернет вещей, автоматизированные системы контроля в «умных» зданиях [6].

Концепция «умных городов» в России развивается не так стремительно. В настоящее время запущена программа «цифровой экономики», государство является основным двигателем развития цифровизации в стране. Многие города готовы и уже внедряют технологии, присущие «Умному городу» [7; 8; 9]. В России самых больших успехов в рейтинге «умный город» добилась Москва, а самыми цифровыми среди столиц субъектов РФ оказался Краснодар и Екатеринбург.

Развитие проекта «умный город» шло в России по двум направлениям:

- мероприятия, направленные на повышение комфорта городской среды;
- мероприятия, направленные на повышение безопасности городской среды, развитие систем видеонаблюдения.

В современных условиях беспрецедентного проявления последствий распространения коронавируса COVID-19 требуется кардинальным образом модернизировать имеющиеся технологии системы «Умный город», а также создать новые, способные дать адекватный ответ текущему и аналогичным вызовам.

Выделим наиболее востребованные технологии для городов в условиях борьбы с COVID-19 с учетом российского и зарубежного опыта. Их можно разделить, по нашему мнению, на две большие группы.

1. Технологии, востребованность в которых времененная, для решения экстренных проблем: тепловизионные камеры, решения на базе искусственного интеллекта по прогнозированию очагов вспышки заболеваний, контролю соблюдения правил гигиены и др., системы информирования граждан
2. Технологии, потребность в которых может быть постоянной: телемедицина, поддержка ИТ-сервисов для удаленной работы граждан, удаленной передаче данных (напр., в ЖКХ), алгоритмы искусственного интеллекта и больших данных для анализа и обработки видеоизображений (напр., для выявления преступлений и поиска преступников), технологии энергосбережения и др.

Как нам представляется, дальнейшие направления исследований данной темы наиболее востребованы по следующим проблемам: какие изменения происходят и будут происходить в жизни города и горожан после пандемии, какие новые цифровые сервисы необходимы для жителей города и организаций, какими вопросами могут заниматься Центры управления городом, которые необходимы для практической реализации проектов «Умного города», какие новые технологические решения будут интересны инвесторам, государству и др.

Литература

1. Интеллектуальные города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bitly.su/vWTzG> (дата обращения 25.09.20020).
2. Степанов А.С. Smart City. Эволюция умных городов // Диалог цивилизаций: восток-запад. 2019. С.193-201.
3. Хан А.А. Развитие городской среды на базе применения технологий «умного города» // Инженерные решения: эл. научный журнал. 2019. №6 (7).
4. Александрова А.В. Формирование инновационно-предпринимательской среды муниципального образования в условиях

цифровизации экономики. В книге: формирование цифровой экономики и промышленности: новые вызовы. -Санкт-Петербург, 2018. - С.297-333.

5. От Сингапура до России: как разные страны реализуют умные города. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/356399-ot-singapura-do-rossii-kak-raznye-strany-realizuyut-umnye-goroda> (дата обращения 1.10.2020)

6. Ахтямов Р.Э. Самоизоляция – это плата за неразвитость ИТ-инфраструктуры и диагностики [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/171070-hroniki-umnyh-gorodov-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa> (дата обращения 8.10.2020)

7. Умный город: развитие в России [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения 2.10.2020)

8. Умный город: технологии против вируса [Электронный ресурс] Режим доступа: https://events.vedomosti.ru/events/spb_umniy_gorod (дата обращения 8.10.2020)

9. Туров Ф. Жизнь города: технологии против коронавируса [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ksonline.ru/372586/zhizn-goroda-tehnologii-protiv-koronavirusa/> (дата обращения 8.10.2020)

УДК 316.4

СЕТЕВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОСТВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА¹²

Аннотация: Представлен обзор результатов эмпирического исследования, реализованного в трех регионах России и направленного на

¹² Текст подготовлен при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00132).

апробацию новых показателей оценки социального развития, среди которых сетевая активность пользователей. В контексте рассуждений о нарастании тренда поствиртуализации делается вывод о преобладании практик пассивного потребления сетевого контента и низкой сетевой и социальной активности пользователей.

Ключевые слова: виртуализация, поствиртуализация, социальные сети, сетевая активность, социальная активность, телефонный опрос, социальное развитие.

NETWORK AND SOCIAL ACTIVITY IN A POST-VIRTUALIZATION OF SOCIETY

Abstract: The article presents an overview of the results of an empirical study implemented in three regions of Russia and aimed at testing new indicators for assessing social development, including user network activity. In the context of reasoning about the growing trend of post-virtualization, it is concluded that the practice of passive consumption of network content and low network and social activity of users prevail.

Key words: virtualization, post-virtualization, social networks, network activity, social activity, telephone survey, social development.

Рубеж XX-XXI вв. был отмечен трендом виртуализации, взбудоражившим воображение социальных ученых. Замена «реальных» практик образами и коммуникациями в интернет-пространстве была поистине впечатляющей. Перспективы социального развития связывались с экспансией виртуальной реальности, порождающей как новые риски, так и новые возможности. Внимание ученых фокусировалось на инновационных технологиях, опосредующих социальные процессы и проникающих во все сферы жизни общества, что нашло отражение, например, в концепциях медиатизации и цифровизации. Действительно, жизнь современного человека в значительной степени определяется участием в сетевых и потоковых структурах. На начало 2019 г. по всему миру в социальных сетях было зарегистрировано 3,48 млрд чел [1]. Согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на 2020 г. 82% россиян используют интернет, при этом 71% – ежедневно [2]. Однако, феномены, до недавнего времени воспринимавшиеся как «передовая» социальных изменений – виртуальность, онлайн, социальные сети, интернет

Web 2.0, становятся повседневностью, рутиной современного человека. Сегодня нарастает запрос на аналоговый – тактильный, физический, сенсорный – опыт, а виртуальная активность все более сочетается с активностью в физическом мире. В результате социальная реальность ускользает от взгляда исследователей, а социологическое теоретизирование не успевает за новейшими социальными трансформациями [3]. На смену тенденциям виртуализации приходит тренд поствиртуализации, а жизнь индивида теперь протекает в формате дополненной реальности, сочетающей в себе онлайн и офлайн-практики [4].

Несмотря на то, что сетевая активность остается значимой характеристикой деятельности индивида, в ней можно выделить различные неравнозначные аспекты, позволяющие зафиксировать проявления поствиртуализации. В феврале – марте 2020 г. было реализовано социологическое исследование методом телефонного опроса в трех российских регионах – в Москве, Санкт-Петербурге, Свердловской области, целью которого являлась оценка новых показателей социального развития, одним из которых выступала сетевая активность пользователей¹³. Выборки формировались на основе квот; критериями отбора служили пол, возраст, тип населенного пункта (только для Свердловской области). В Москве опрошено 356 человек, в Санкт-Петербурге – 420, в Свердловской области – 402. Остановимся на некоторых итогах.

84,7% опрошенных отметили, что пользуются интернетом практически ежедневно, при этом лишь 18,2% не используют социальные сети или не знают, что это такое (См. Табл. 1). 78% респондентов просматривает новости, читает посты и блоги, смотрит видео, а 76,1% – обменивается сообщениями с друзьями, коллегами, близкими, причем среди жителей Свердловской области доля таких пользователей несколько выше по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом. Если пассивное потребление информации и поддержание

---

¹³ Исследование проведено с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет исследования» (проекта № 106-16435)

коммуникаций свойственно большинству, то существенно меньшее количество участников исследования проявляют активность и креативность в социальных сетях. Так, лишь 48% респондентов размещает свои посты, выкладывает фото или видео, ведет блоги, 52,6% – оставляет комментарии к чужим сообщениям, а 61,1% – делает перепосты и ставит лайки/дизлайки. Региональные различия невелики, но присутствуют (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Сетевая активность пользователей (%), N=1178)

Вид активности	Всего	Москва	Санкт-Петербург	Свердловская область
Просматриваю новости, читаю посты, блоги, смотрю видео, слушаю музыку	78,0	76,4	76,5	81,0
Обмениваюсь сообщениями с друзьями, коллегами, близкими	76,1	75,1	75,1	78,1
Размещаю свои посты (веду блоги, выкладываю тексты, истории, фото, видео, картинки и т. д.)	48,0	48,2	50,4	45,5
Оставляю комментарии к чужим постам, фото, видео	52,6	52,0	53,2	52,6
Делаю перепосты, ставлю лайки / дизлайки	61,1	57,1	61,0	65,1
Играю в онлайн-игры	24,1	22,3	24,2	25,7
Не пользуюсь / не знаю, что это такое / вообще не пользуюсь интернетом	18,2	19,2	19,8	15,7

Большинство респондентов часто просматривает новости, смотрит видео, слушает музыку, и т.д. и поддерживает коммуникацию в социальных сетях – 78,1% и 72,8% соответственно. В то же время активное участие в сетевой жизни менее выражено. Так, лишь 18,4% часто размещает свои посты, 40,3% делает это иногда. 14,8% опрошенных часто и 49,4% иногда оставляет комментарии к чужому контенту. Соответственно, 27,1% респондентов часто и 47,6% иногда ставят лайки или делают репосты (см. Табл. 2). Таким образом, можно заключить, что несмотря на то, что интернет и социальные сети

использует подавляющее число участников исследования, активных пользователей, самостоятельно и регулярно генерирующих контент, гораздо меньше. Преобладают пассивное потребление содержания сетевых сообщений и воспроизведение привычных социальных взаимодействий.

Таблица 2.

Проявления сетевой активности (%), N=1178)

Вид активности	Часто	Иногда	Никогда	Затрудняюсь ответить
Просматриваю новости, читаю посты, блоги, смотрю видео, слушаю музыку	78,1	17,3	4,3	0,3
Обмениваюсь сообщениями с друзьями, коллегами, близкими	72,8	20,3	6,6	0,3
Размещаю свои посты (веду блоги, выкладываю тексты, истории, фото, видео, картинки и т. д.)	18,4	40,3	40,7	0,6
Оставляю комментарии к чужим постам, фото, видео	14,8	49,4	34,4	1,3
Делаю перепосты, ставлю лайки / дизлайки	27,1	47,6	24,8	0,5

Интерес также представляет социальная активность пользователей в контексте сочетания онлайн и офлайн-практик. Вполне ожидаемо, что традиционные форматы, такие, как членство в политических партиях (2,8%), профсоюзах (11,4%) и иных общественно-политических организациях и движениях (4,1%) не популярны среди опрошенных. Чуть более они востребованы жителями Свердловской области по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом (см. Табл.3), что позволяет предполагать большее доверие традиционным общественным и политическим институтам среди представителей регионов. В то время как в реально проводимых акциях участвует 13,4% респондентов, в сетевых мероприятиях – 27,6%. Несмотря на то, что онлайн-практики гражданской активности более распространены среди опрошенных, доля участвующих в них все-таки не так велика, что

подтверждает тезис о преобладании пассивного потребления интернет-контента и свидетельствует о низкой социальной инициативности пользователей.

Таблица 3.

Социальная активность пользователей (%), N=1178)

Виды активности	Всего	Москва	Санкт-Петербург	Свердловская область
Членом политической партии (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, Яблоко и т. п.)	2,8	1,1	2,6	4,6
Членом профсоюза, профессиональной ассоциации	11,4	8,8	6,9	18,5
Членом другой общественно-политической организации или движения	4,1	3,7	3,9	4,6
Участвуете в реально проводимых акциях, мероприятиях (собраниях, митингах, маршах, пикетах, перформансах и т.п.)	13,4	12,4	12,2	15,7
Участвуете в сетевых акциях (обмен информацией в интернете, репосты, комментарии, флешмобы в социальных сетях и т.п.)	27,6	28,3	26,4	28

В контексте проверки тенденций постvirtуализации наше внимание привлекли онлайн-практики художественного или технического творчества. Согласно результатам исследования, 29,3% респондентов ничем не занимается. В то же время от четверти до трети опрошенных вовлечены в различные виды онлайн-активности, при этом их представленность и распределение имеют региональные различия (см. Табл. 4).

Таблица 4

Офлайн-активность пользователей

Вид активности	Всего	Москва	Санкт-Петербург	Свердловская область
Живопись, рисунок, лепка	25,6	25,7	27,0	24,1
Музыка, танцы, любительский театр	24,9	29,6	23,7	21,6
Поделки из дерева, металла, игрушки, сувениры, реставрация вещей	27,6	24,0	26,3	32,5
Фотография, кино- и видеосъемка	34,0	41,0	34,9	26,1
Конструирование электронных устройств, программирование, веб-дизайн, цифровая графика	14,5	17,0	16,3	10,4
Рассказы, стихи, пьесы	17,1	16,2	20,9	14,4
Вязание, шитье	37,2	31,9	37,8	41,9

Можно заключить, что несмотря на широкое распространение интернета, среди пользователей преобладает пассивное потребление онлайн-контента, а сетевая и социальная активность оказываются достаточно низкими. Большинство опрошенных сравнительно редко самостоятельно производят интернет-контент, а также участвуют в его оценке и воспроизведстве. Таким образом, погружение в сетевые и потоковые структуры, непрерывное потребление современных интерактивных медиа имеет и обратную сторону, проявляющуюся в усталости от вовлечения и формировании пассивного реципиента информационных сообщений. В то же время мы можем говорить о сочетании виртуальной активности пользователей с востребованностью различных практик в «реальном» мире, что позволяет делать предположения о рутинизации реальности интернета и социальных сетей и формировании тренда поствиртуализации.

Литература

1. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Сеть как спасение. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения 10.10.2020)
3. Сергеев В.С. Метатеоретизирование как преодоление социологического лага // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 137 – 142. DOI: 10.31857/S013216250005801-4
4. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44-55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9

УДК 347

Свистунов
Станислав
Витальевич

Аспирант 2 курса,
Институт права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
8-915-184-41-14, Россия, Москва
svistunovstar@mail.ru.

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЗАЙМОВ ОНЛАЙН

Аннотация На рынке микрофинансирования имеются организации, которые незаконно ведут свою деятельность, они не состоят ни в одном государственном реестре, как правило, по юридическому адресу таких компаний никогда не находятся ответственные лица, поэтому при причинении вреда возмещение убытков через гражданские механизмы, обращение непосредственно к виновнику или через суд, практически невозможны.

Актуальность выбранной темы обусловливается наличием проблем обеспечения защиты персональных данных граждан, соответствующей защиты документов удостоверяющих личность, мошеннических действий

при заключении договора займа с использованием копий документов, персональных данных, в информационной телекоммуникационной сети «Интернет», а также краденных, утерянных документов, защита прав граждан при обработке персональных данных микрофинансовыми организациями для получения потребительского займа. На основе правового анализа и метода моделирования необходимо разработать рекомендации по совершенствованию российского законодательства о микрофинансовой деятельности.

Ключевые слова: заем, мошенники, микрофинансовые организации, поддельный паспорт, персональные данные, идентификация, Центральный банк Российской Федерации, надзор, заемщик.

DIGITAL SECURITY OF THE PERSON FOR OBTAINING A CONSUMER LOANS ONLINE

Annotation There are organizations in the microfinance market that illegally conduct their activities, they are not included in any state register, as a rule, there are no responsible persons at the legal address of such companies, therefore, in the event of harm, compensation for losses through civil mechanisms, appeal directly to the culprit or through the courts are almost impossible.

The relevance of the chosen topic is due to the problems of ensuring the protection of personal data of citizens, the corresponding protection of identity documents, fraudulent actions when entering into a loan agreement using copies of documents, personal data, in the information telecommunications network "Internet", as well as stolen or lost documents, protection of citizens' rights when processing personal data by microfinance organizations to obtain a consumer loan. Based on the legal analysis and modeling method, it is necessary to develop recommendations for improving the Russian legislation on microfinance activities.

Keywords: loan, fraudsters, microfinance organizations, fake passport, personal data, identification Central Bank of the Russian Federation, supervision, borrower.

Простой обыватель не в состоянии определить, является ли организация, занимающаяся предоставлением потребительских кредитов (займов), добросовестным участником отношений даже с учетом всей нормативно-правовой базы по обеспечению защиты прав потребителя, имеющейся на данный момент в Российской Федерации. В силу юридической неграмотности и специфических особенностей данного вида деятельности, гражданин является слабой (юридически не грамотной) стороной отношений. Отмечается рост преступлений мошеннического характера с использованием поддельных

документов и использования сайтов дублеров. В обществе наблюдается повышение социальной напряженности в связи предъявлением со стороны кредиторов, в лице микрофинансовых организаций (далее - МФО), явно завышенных требований по обязательствам договора займа с длительной просрочкой за период неисполнения обязательств, возникших до внесения изменений в законодательные акты ограничений по начислению процентов по потребительским кредитам (займам) на срок до одного года.

По мнению Л. Ю. Рыжановской, оказание материальной помощи населению посредством предоставление денежных средств в виде потребительских займов юридическими лицами преследующими в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли, не могут в полной мере обеспечить социальную функцию по финансовой поддержке возложенную на государство. Такие организации могут поспособствовать реализации коммерческих проектов лиц, которые хотят открыть свое дело или оказать поддержку бизнесу. Банки и другие финансовые организации всегда ориентировались на специализированный состав своих клиентов, которые могут обеспечить возврат заемных денежных средств, не обращая внимания на малый бизнес и лиц с низким достатком [1; 7].

Деятельность микрофинансовых организаций периодически привлекает внимание разного уровня государственных деятелей и политиков, даже Президент Российской Федерации, В.В. Путин, в своем обращении к Федеральному собранию в феврале 2019, обратил внимание на правонарушения в сфере микрофинансирования. Президент дал поручение ЦБ и правоохранительным органам принять меры к мошенническим действиям на этом рынке [2].

Опасение вызывает тот факт, что с целью осуществления мошеннических действий при заключении договоров потребительских займов в сети «Интернет», мошенники используются персональные данные граждан.

Вопрос об использовании чужих документов мошенниками для получения микрозаймов не является новым, но он не являлся острым и не

создавал социальной напряженности в обществе, потому что микрофинансовые организации позиционировались с негативной стороны, полулегальные с криминальным оттенком. И на требования о возврате заемных денег со стороны МФО, люди никак не реагировали. В большинстве случаев собственник документов, он же «должник» понимал всю серьезность ситуации, только на стадии рассмотрения дела в суде или при принудительном взыскании денежных средств судебными приставами.

Получение мошенниками чужих персональных данных в Интернете может произойти по вине самих же собственников. Люди пытаясь приобрести какой-либо товар или при получении услуги, беспечно предоставляют свои персональные данные включая фото с 2-3 страницей паспорта на сомнительных сайтах или пересылают эти данные через социальные сети неизвестным лицам, а также для получения микрозаймов онлайн (круглый стол «Fraud как реалии жизни», 20 февраля 2019 года в СРО «МиР» [3].

Сейчас можно набрать в поиске в Интернете «Приобрести копии документов удостоверяющих личность» или «Купить фото с паспортом в руках» [4], после чего поисковая система выдаст достаточно большое количество интернет страниц, где достаточно по «демократическим» ценам можно купить не только копии документов удостоверяющих личность, но и многие другие, такие как, ИНН, СНИЛС, водительское удостоверение. Не сложно предположить, что эти данные получены путем несанкционированного взлома баз данных крупных организаций.

С развитием компьютерных технологий и переходом государственных и коммерческих структур к цифровым технологиям все больше становится востребованным метод обработки большие данные (Big Data).

В общем толковании большие данные (Big Data) — это экономико-социологическое явление, обусловленное развитием технологий, возможностью обрабатывать и анализировать большое количество данных, за короткий срок [5;35].

Большие данные (Big data) как процесс — это получение, копирование, сбережение, переработка и использование в любой момент, в любом удобном для пользования виде и месте информации о событиях, явлениях и процессах. Основное преимущество больших данных заключается в оперативности использования информации в больших объемах в режиме реального времени. Таким образом, большие данные самостоятельно, являются ключевым преимуществом для государственных и коммерческих структур, наличие которого обеспечит преимущество и доминирование в бизнесе, а также в государственной политике [6;111]. Именно поэтому к информационным базам проявляется большой интерес, в том числе и со стороны криминальных кругов.

Завладев персональными данными мошенническим путем, преступники без каких-либо затруднений могут получить займы, онлайн займы, в различных финансовых организациях включая кредитные учреждения и МФО.

Разговор о том, что удаленная идентификация возможна только банками и МФК, а значит заемщик еще больше защищен при получении микрозайма [7, с 62], не является актуальной.

Согласно ч. 1, ст. 9 Федеральный закон от 02.07.2010 N 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [8], организация вправе запрашивать у лица персональные данные для осуществления своей деятельности.

Согласно п. 1.5-2. ст. 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" [9] (далее – ФЗ-115) только банк и микрофинансовая компания могут перепоручать идентификацию.

В связи с тем, что сумма по договору микрозайма является незначительной (около пяти тысяч рублей), то идентификация клиента осуществляется в упрощенной форме. Пункт 1.12-1. ст. 7 Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ, упрощенная идентификация лица применяется в

отношении договора потребительского кредита (займа), сумма которого не превышает 15000 рублей.

В соответствии со ст. 3 Закона № 115-ФЗ, упрощенная идентификация клиента - физического лица, это действия направленные га удостоверение личности. Упрощенная идентификация клиента – осуществляется путем предоставления необходимых документов лично физическим лицом; путем направления информации и материальных носителей в определенный реестр организаций, в перечень которых не входят не микрокредитные, не микрофинансовых компаний, а также через авторизацию через единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) (п. 1.12 ст. 7).

Другими словами, если клиент представит анкету со своими данными, сканы документов, удостоверяющие личность фото через сеть «Интернет», данный способ идентификации подпадает под п.п. 1, п. 1.12 ст. 7 ФЗ-115, и мошенник получает онлайн заем по поддельным документам.

Согласно Положения (утв. Центральным Банком РФ 12.12.2014 N 444-П; далее-Положение) [10] п. 2.2. при упрощенной идентификации клиента, физического лица, организация может использовать любые законные источники информационных систем, в том числе официальный сайт ФМС России.

При таких условиях получается, что если клиент не состоит в перечне сведений о причастности к экстремистской деятельности или терроризму и его документы действительны согласно официальному сайту Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, на страничке данного сервиса указано, что предоставляемая информация не является юридически значимой, сервис является информационным, иными словами достоверность сведений указанных на нем вызывает подозрения, что не позволяет своевременно выявить утрату документов и пресечения мошеннических действий.

Согласно ст. 21 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ "О персональных данных" [11] (далее – ФЗ-152), законодатель дает алгоритм

действий в случае выявления субъектом, неправомерной обработки, своих персональных данных. Но в то же самое время, субъект персональных данных в случае совершения в отношении него мошеннических действий, не может знать в какие отношения за него вступали трети лица и таким образом не сможет предоставить конкретные сведения о совершении таких действий. В результате чего, оператор, осуществляющий обработку персональных данных, может отказать в прекращении обработки и клиент будет вынужден обращаться в суд для защиты своих интересов.

Еще одной проблемой оказания услуг является достоверность сайта организации оказывающей услуги. Мошенники используют так называемый способ социального инжиниринга, сущность которого заключается в применении компьютерной программы, троянского коня, с помощью которой пользователя перенаправляют с реального сайта банка или микрофинансовой организации по запросу клиента на адрес мошеннического сайта, страница которого внешне копирует оригинальность настоящего сайта организации. Фишинговый сайт применяется, чтобы получить персональные, конфиденциальные данные клиентов, включая пароли, номера телефонов. Для осуществления банковской транзакции в режиме онлайн возникает необходимость подтвердить покупку или оказываемую услугу индивидуальным набором числе (код), который приходит собственнику расчетного счета на мобильный телефон в виде sms-сообщения. Чтобы получить указанные сведения преступники направляют клиентов на фишинговые (поддельные) страницы, которые требуют ввести ранее направленные пароли для подтверждения или отмены операции. В случае подтверждения или отмены действия мошенники получают необходимую информацию для завершения операции и перевода денежных средств на сторонние банковские счета. Даже если клиент не вводит пароль, мошенники, используя номер телефона жертвы может перезвонить и представившись менеджером банка убедить последнего произвести нужные манипуляции или заблокировать реальный номер клиента и поставить переадресацию sms-

сообщений и телефонных звонков на другой номер телефона для осуществления манипуляций с денежными средствами клиента от его имени [6;114].

В настоящий момент на рассмотрении в Государственной думе Российской Федерации находится законопроект № 605945-7 «О внесении изменений в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Положениями законопроекта предусматривается наделение Центрального Банка правом принятия решения о включении сайтов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в перечень для блокирования, за введение в заблуждения потребителей о предоставлении услуг и принадлежности указанных сайтов.

Подводя итоги проанализированной информации, автор приходит к выводу, что органы надзора в лице Центрального Банка осуществляют политику, основанную на жестком контроле и применении наказания в указанной области. Также становится понятна реальная необходимость применения новых компьютерных технологий как в обработке и хранении информации, так и для мероприятий по обеспечению ее защиты. Для усовершенствования системы обеспечения прав и законных интересов граждан необходимо подготовить комплекс законодательных и межведомственных нормативных актов для обеспечения защиты конфиденциальной информации.

Литература:

1. Рыжановская Л.Ю. Социальная и финансовая составляющие микрофинансовой деятельности: выявление рисков // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2013. № 3 (17). С. 5-16.

2. Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 02.10.20020).
3. Круглый стол «Fraud как реалии жизни», 20 февраля 2019 года в СРО «МиР» URL <http://npmir.ru/news/mir-news/detail.php?ID=3771>.
4. Электронный ресурс URL: <https://kit-capper.ru/threads/prodam-skany-pasportov-i-foto-s-pasportom-v-rukax.496/>. Интернет-портал по продаже сканов паспортов (дата обращения 02.10.2020).
5. Кнопперс Б.М. Генетика, геномика и права человека // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. N 3. C. 35 - 41.
6. Арямов А.А., Грачева Ю.В. Цифровизация: уголовно-правовые риски в сфере экономики // Актуальные проблемы российского права. 2019. N 6. C. 108 - 116.
7. Прушенов Н.С. Правовое регулирование микрофинансовых организаций на современном этапе развития экономики страны // Научный журнал. 2017. № 9 (22). С. 61-64.
8. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: федер. закон от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант плюс».
9. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант плюс».
10. Об идентификации некредитными финансовыми организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: положение Банка России от 12.12.2014 № 444-П // Доступ из СПС «Консультант плюс».
11. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант плюс».

Карцева
Екатерина
Александровна

кандидат культурологии, доцент кафедры Кино и
современного искусства
Российского государственного гуманитарного
университета (РГГУ)
e-mail: katyakartseva@gmail.com

ВЕБ-СТРАНИЦЫ И САЙТЫ-САТЕЛЛИТЫ МУЗЕЕВ КАК ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Российские музеи находятся в состоянии постоянно конкурентной борьбы за внимание своего зрителя. Статья посвящена новым форматам взаимодействия с аудиторией при помощи сайтов-сателлитов и различных спецпроектов, которые особенно интенсифицировались во время пандемии короновируса.

Ключевые слова: музейное дело, маркетинг культуры, сайт музея, сайты-сателлиты, музейный контент, пандемия

WEB PAGES AND SATELLITE SITES OF MUSEUMS AS INNOVATIVE INTERACTION FORMATS

Abstract: Russian museums are in a constant state of competition for the attention of their viewers. The article is devoted to new formats of interaction with the audience using satellite sites and various special projects, which were especially intensified during the coronavirus pandemic.

Keywords: museum business, cultural marketing, museum website, satellite sites, museum content, pandemic.

Научные труды зарубежных – Ф. Колбер [1], Ф. Котлер [2], – и отечественных – Тульчинский Г.Л. [3] авторов и других специалистов, а в первую очередь мнения представителей культурного сообщества позволяют сделать вывод, что между сферой культуры и сферой рекламы и PR существует тесная связь. Интернет и ит-технологии коренным образом изменили представления о маркетинге и открыли новые возможности.

Продвижение в интернете зачастую дешевле и эффективнее традиционных инструментов за счет точной статистики и таргетинга. Главное преимущество Интернета – интерактивность, наличие обратной связи. В комплексе с возможностью хранить неограниченный объем данных создаются

идеальные условия для поиска, сбора и распространения информации. В коммуникационной стратегии музея особенно важными и перспективными сегодня являются Digital (англ. цифровые) форматы. Они выполняют следующие функции:

- массовой коммуникации и общения с аудиторией;
- инструмента финансовых операций;
- частично, канала дистрибуции.

Одним из ключевых источников информирования аудитории о деятельности музея является его сайт. Он позволяет решать задачи по повышению узнаваемости, информированности, так и по получению статистики и пользовательского поведения, и возможность осуществлять фактические действия, например, “купить билет” на выставку.

В последние годы главные российские музеи обновили и в значительной степени дополнили свои страницы в интернете разнообразным контентом и функционалом. В 2014 запущен обновленный сайт Государственного Эрмитажа; в 2016 запущен обновленный сайт Русского музея; в 2016 запущен обновленный сайт Третьяковской галереи; в 2018 запущен обновленный сайт Пушкинского музея.

Современный сайт музея - это не только общая информация о музее, часах его работы, руководстве и структуре менеджмента музея, проходящих выставках и экскурсионных программах, актуальных новостях, а также возможность купить билеты онлайн, вступить в клуб друзей музея, пожертвовать в его эндаумент и ознакомиться с финансовыми документами. Это полноценные веб-архивы, включающие биографии художников, изображений экспонатов, описаний к ним. Почти везде есть возможность расширенного поиска по коллекции, а также уже готовые тематические подборки, можно почитать про сами экспонаты. Многие репродукции доступны для скачивания в высоком разрешении.

Для музейных сайтов актуальным являются задачи:

- Обновления текстов, изображений и улучшение читаемости страниц.

- Упрощение навигации по разделам.
- Изучение аудитории, аналитика для дальнейшего улучшения пользовательского опыта на сайте.
- Расширение пользовательской базы рассылок благодаря более качественной интеграции формы подписки, сбор предпочтений посетителей.
- Раздел медиа, упрощающий доступ к фотографиям, видео, интерактивным проектам, аудиогидам и приложениям.
- Развитие интерактивных проектов
- Производство собственного видеоконтента (видео трансляции лекций и экскурсий, видеообращения и видео ответы посетителям сайта и пользователям соц.сетей).
- улучшение таргетирования рекламы с помощью *Big Data*, создание кастомизированных рассылок и запуск узкотаргетированной рекламы в социальных сетях.

Помимо основного сайта, как центрального информационного ресурса, музеи все чаще практикуют создание вокруг основного сайта кольца сайтов-сателлитов, по отдельным зданиям, коллекциям, тематикам.

У ГМИИ им. Пушкина есть множество сайтов-сателлитов, посвященных отдельным коллекциям живописи: Шедевры античного искусства; Итальянская живопись VIII-XX веков; Британская гравюра XVIII—XIX веков; Гравюра в России XVIII – первой половины XIX столетия; Немецкая гравюра: Альбрехт Дюрер и его ученики; Японская гравюра XVIII-XIX веков. Специализированные сайты сделаны для разных зданий и отделов музея: Музейный городок; Галерея искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков; Отдел личных коллекций; Мемориальная квартира Святослава Рихтера; Отдел реставрации и консервации музея; Отдел нумизматики; Учебный художественный музей им. И.В. Цветаева (в РГГУ).

У онлайн-пользователей есть возможность ознакомиться с тем, что находится в фондах музея и доступных для посетителей только на временных

выставках. На сайтах размещены научные каталоги с описаниями, справочными материалами и качественными изображениями музейных предметов.

Сайты специальных проектов: Проект “Другая война” к 75-летию Победы; Виртуальные прогулки по музею, Технология виртуальной реальности VR; Фестиваль “Декабрьские вечера Святослава Рихтера” Музей. Пространство внимания; Проекты музея на Венецианской биеннале современного искусства; Проект реставрации египетской погребальной пелены II века н.э.; Меценаты нового искусства. Официальный интернет-магазин ГМИИ им. Пушкина также имеет отдельный сайт - artsmuseumshop.ru

Чтобы расширить пространство выставки, перевести часть проекта в онлайн или откликаясь на широкий интерес аудитории к выставкам-блокбастерам музеи разрабатывают отдельные промо-сайты выставок. В Третьяковской галерее это с 2012 года применяется ко всем крупным выставкам. В связи с пандемией коронавируса музей выложил в сеть фото всех выставок последних лет. Этую тактику использует и Пушкинский. Промо-сайты выставок отличаются удобством навигации, включают виртуальные туры, аудиогиды, серии видео-экскурсии, информацию об экспонатах, поданную в увлекательной или игровой форме.

На COVID-19 ряд музеев пытались отреагировать созданием спецпроектов и онлайн-контентом для того, чтобы помочь своим посетителям увлекательно пережить самоизоляцию, не выходя из дома, а самим извлечь долгосрочную выгоду из сложившихся обстоятельств. Пушкинский запустил спецпроект “100 способов прожить минуту” [5], а Музей Гараж – “Изоляция” [4], при этом оставив возможность отключить весь контент на одной кнопкой. Таким образом, в Гараже продемонстрировали, что уважают право посетителя не желать что-либо читать – хороший ход в укреплении ценности самого бренда Гаража.

Сегодня, когда музеи и выставочные площадки конкурируют не столько друг с другом, сколько с другими формами досуга, в том числе цифровым

пространством (в первую очередь Youtube, Netflix) очень важно предоставлять своим посетителям, ставшую привычной для них форму онлайн-коммуникации, через различные онлайн-проекты.

Литература:

1. Колбер Ф., Нантель Ж., Билодо С., Рич Дж. Д. Маркетинг культуры и искусства / Пер. Л. Мочаловой. – СПб.: Издатель А. И. Васин, 2004,
2. Котлер Ф., Шефф Д. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств. Классика XXI, 2012.
3. Тульчинский Г.Л., PR в сфере культуры. – СПб.: Лань, 2011
4. Музей Гараж – “Изоляция” [Электронный ресурс] URL: <http://self-isolation.garagemca.org/ru> (дата доступа: 15.09.2020).
5. “100 способов прожить минуту” ГМИИ им. Пушкина [Электронный ресурс] URL: <https://100waystoliveaminute.pushkinmuseum.art/> (дата доступа: 15.09.2020).

УДК 008

Воронова
Наталья
Игоревна

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии, истории, политологии
и права, ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет».
e-mail: voronova-ni@mail.ru

ПРОБЛЕМА БЕССУБЪЕКТНОСТИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМНОГО И СВЕРХРАЗУМНОГО

Аннотация. В статье анализируется проблема бессубъектности культуры цифровой эпохи. Рассматривается влияние цифровой культуры на трансформацию человека как субъекта культурной деятельности. Затрагивается ряд философско-культурологических проблем, связанных с соотношением естественного и искусственного интеллектов.

Ключевые слова: технокультура, цифровая эпоха, бессубъектность, гибридная культура, сингулярность, техносубъект, искусственный интеллект.

THE PROBLEM OF DIGITAL CULTURE INSUBBITANCE: THE COEVOLUTION OF THE SANE AND THE SUPERRISE

Abstract: The article is devoted to the study of the influence of digital culture on the transformation of a person as a subject of cultural activity. The article analyzes the philosophical and cultural problems associated with the relationship between natural and artificial intelligence.

Key words: digital age, subjectlessness, singularity, technosubject, artificial intelligence.

В рамках постмодернизма была провозглашена «смерть субъекта», его мифичность. Парадоксальным образом, человек как субъект социокультурной деятельности, все в меньшей степени определяет генезис культуры в цифровую эпоху, нивелируется субъект-ориентированность современного культурного проектирования. Остаются актуальными вопросы о легитимации, культурных ресурсах и отдаленных результатах, существенных смыслах такого проектирования. Более того, все чаще ставится под сомнение ценность гуманитарного творчества и возможность качественной эволюции духовных форм культуры.

Мировоззренческие картины мира прошлого строились на тех или иных доминирующих понятиях, будь то Бог, Личность, Творчество, Разум, вокруг которых систематизировались основополагающие культурные смыслы, выстраивались историко-культурные конфигурации. Теперь социокультурная динамика столь стремительная, что одни понятия сменяются другими так быстро, а их концептуальное поле столь многогранно и изменчиво, что стабильных систематизированных картин мира не выстраивается, отсюда мировоззренческая мозаичность и «клиповость» мышления, а также множественность и нестабильность идентичности, многообразие ее форм.

Мир дополняется виртуальной реальностью, порой человек теряет самотождественность, иногда утрачивается сама возможность различения подлинного и «симулякра» (по Бодрийяру) [2]. Например, все копии цифрового произведения искусства одновременно являются подлинниками.

Виртуальные цифровые певцы проводят реальные концерты, дают интервью, как например, японская искусственная певица Мику Хацунэ, созданная компанией Crypton Future Media. У человека посткультуры актуализируется острая потребность к независимости от реального мира, некий феномен «компьютерного отшельничества» или «электронного коттеджа» по терминологии Э. Тоффлера [8], что чревато «компьютерным аутизмом» и «агорофобией».

Способность к творческому преобразованию действительности и внеинстинктивному принятию решений более не является прерогативой только человека. Люди все чаще делегируют «умным» компьютерным технологиям планирование и принятие решений, и чем дальше, тем масштабнее подобное стратегическое проектирование «искусственного интеллекта» по разным направлениям социокультурной деятельности. Людям же не хватает уже ни времени, ни скорости, ни даже уже интеллекта, чтобы проверять такие «нечеловеческие решения». В ситуации посткультуры формируется новая модальность – «творец-Искусственный разум». Да, искусственный «разум», точнее пока лишь «интеллект», несомненно, часть культуры, ее порождение, но он же может стать новым субъектом ее творчества или, по крайней мере, со-творчества. Происходит качественный переход от вычислительной эпохи к когнитивной эпохе, когда компьютеры учатся работать с неструктуризованными данными и начинают замещать деятельность людей при решении многочисленных когнитивных задач.

Будет ли прогрессивной новая реструктуризация общества в связи с развитием цифровых технологий нового поколения, будет ли и далее Человек «звучать гордо», либо грядет новая форма посткультурного и постчеловеческого общества, пока определить сложно, но многие тенденции уже обнаруживаются. Становится все серьезнее проблема нарушения социокультурной преемственности, подрывается техницизмом фундамент гуманитарного знания. При этом все чаще встречаются высказывания об ошибочности и даже вреде массовых гуманитарных представлений,

унаследованных от прошлых эпох и ведущих к фантомным формам идиократической стереотипизации. Все большей критике подвергаются гуманитарные метафизические понятия, рассматривающиеся как порождение исключительно человеческого восприятия и мышления и не способные в принципе отражать какие-либо системные или внесистемные связи в реальном мире. Ряд наблюдений в релятивистской и квантовой механике не вписывается в привычную систему понятий, в традиционную антиномичность и диалектичность мышления. Человек все в меньшей степени уверен в том, что его представления о мире достоверно соответствуют этому самому миру. Мы стремительно растим свое незнание. Вместе с тем совершенствующиеся цифровые технологии существенно дополняют аналитические возможности человеческого интеллекта, все больше видов деятельности, в том числе профессиональных, реализуются через сопряжение виртуального с реальным. Все чаще реальная социокультурная среда проигрывает все новым возможностям виртуального мира в конкурентной борьбе за предпочтения индивида. Человек все в большей степени инкультируется и актуализируется именно в виртуальной среде, социокультурные контакты становятся все более опосредованными. В перспективе распространение человеко-машинных интерфейсов, позволяющих общаться не только с себе подобными, но с компьютерной системой на уровне биоэлектрических эффектов, подобно тому, как это делается в некоторых системах протезирования нейротерапии.

Если раньше обитание в виртуальной среде основывалось на выборе и желании индивида, пусть даже детерминированном общественными факторами моды, престижа, новых возможностей и т.п., но был выбор и возможность определения баланса времени пребывания в нем, если не учитывать фактор наличия психологической зависимости. Во многих аспектах цифровая виртуальная опосредованная среда обитания становится необходимой и определяющей формой современного социокультурного бытия независимо даже от предпочтений самого индивида. Возможно, в перспективе

– феномен моделирования «виртуального двойника» (в том числе на основе технологий эмулирования) с долей определенной автономности, который сможет принимать ряд самостоятельных решений на основе своего прототипа. Человеку предстоит фундаментальное переосмысление собственного сознания и самосознания, своей индивидуальности и общественного бытия как подверженных значимым, с одной стороны, прогрессивным, но с другой, небезопасным трансформациям под влиянием новых искусственных и сверхискусственных технологий.

Для посткультуры характерно отсутствие универсальных идеалов, «ризомный принцип», децентрализация, насыщенность «симулякрами», ценностный релятивизм, бессубъектные оргсистемы. Бессубъектные оргсистемы возникают тогда, когда от работника по сути ничего не зависит, и он не в состоянии принять свое решение, тем более – осуществить его, наивысшая степень «отчуждения». То есть он – не субъект в своей деятельности, в организации. Уже с эпохи Постмодернизма не принято «служить Истине», даже ее искать. В условиях ценностного релятивизма социокультурные процессы инициируются и моделируются ситуационно на основе избираемых тех или иных методологических основах.

Киберчеловек пока не столь актуален, сколько развитие автономного искусственного интеллекта (ИИ), который все чаще рассматривают как основу четвертой промышленной революции.

Искусственный интеллект на основе нейронных сетей (ИНС) не программируется, а обучается. Некий безличностный техносубъект становится средоточием серьезных сил, определяющих целый ряд социокультурных процессов [10]. Формы современного ИИ переходят из состояния управляемых в состояние самоуправляемых, способных к самоактивации, приобретая качества субъектности. Системы, созданные на основе метода генетического программирования, например «Эврика», могут обучать алгоритмы проектировать самих себя путем естественного отбора, решать определенный класс задач при поиске оптимальных решений. Вполне

автономным и самопроектирующим выступает робот-трейдер на финансовых биржах автоматизированной торговли. Не требуется наблюдений человека и так называемому Интернету вещей, который стремительно умнеет и также умеет сам изменять свои базовые алгоритмы. Возрастает автономность коммуникации и самостоятельный обмен данными между различными устройствами [5]. Возникает новый вид интеракций. При взаимодействии Интернета вещей с Интернетом людей получается гибридный техноантропосубъект, как синтез психофизиологического и символически-цифрового – Интернет всего (термин, введенный компанией Cisco Systems). Продолжается активное развитие технологий «глубинного машинного обучения» (deep learning, DL), искусственных нейронных сетей (ИНС), моделирующих работу биологических нейронов, а также технология распределенного глубинного обучения (DDL), позволяющая существенно оптимизировать и ускорить время обучения искусственной нейронной сети [6].

ИНС обладает способностями адаптируемости, целенаправленности, определения ассоциативных правил, обучения на эмпирических данных, собственном опыте, контекстуальной обработки информации, способностью к обобщению и абстрагированию, выявлению скрытых, сложных нелинейных закономерностей и мн.др. «Человек, по сути, должен будет преодолеть свою человеческую природу» [4, с. 35]. Сейчас эволюция роботов опережает эволюцию человека [1]. Рассматривая возможные варианты конвергенции технологии и человека, В.И. Игнатьев отмечает: «Вероятно, вариант, который позволит сохраниться человеку как виду — это экзокортекс — компьютер как дополнение, продолжение мозга. Таким может быть путь желательной трансформации человека. В итоге симбиоз человека и экзокортекса станет одним из видов разумных существ наряду с умными машинами» [7, с. 67]

Роботизированные технологии на основе искусственного интеллекта все активнее влияют на поведение людей, модифицируя это поведение, а зачастую вообще заменяя человека. Раньше машины увеличивали производительность

работников, теперь они сами становятся работниками. Техносубъект обрабатывает Большие Данные, вторгается в личное пространство, собирая персональные данные, создает сложные системы, не понятные человеку, обучается социальным ролям. Прогностическая информация на основе Больших Данных замещает человеческий опыт и способности суждений. Когда-то машины замещали физический и низко-квалифицированный труд человека, то теперь вытесняют человека и на высоко квалифицированных позициях. Возможно, общество находится на пороге технологической сингулярности, когда цифровые новации столь стремительно меняются и качественно усложняются, что человек своим развитием за этими процессами просто не успевает, они становятся все более непонятными для него. Ведущим представителем данной идеи является Рэй Курцвейл – технический директор Google и основатель Университета сингулярности. По его прогнозу уже в ближайшее десятилетие будет создан универсальный человекоподобный интеллект – УЧИ (Artificial General Intelligence – AGI) [11]. Вместе с тем, многие исследователи предполагают, что биокибернетическая эволюция окажется неконкурентоспособной эволюции искусственному интеллекту. Концепцию же сингулярности разделяют далеко не все ученые, полагая возможное замедление процесса ускорения развития технологий по S-кривой, а также отмечая зачастую спекулятивный характер дискурса, строящегося на данной теме.

Сможет ли человек сохранить хоть какие-то преимущества как субъект перед техносубъектом? Человек обладает любознательностью, способен к смыслотворчеству, воображению, выявлению новых закономерностей, сложным формам коммуникации. Творчеству, в том числе художественному, сегодня обучают и системы искусственного интеллекта. Например, лежащая в основе системы распознавания изображений Inception нейросеть создает картины в стиле, который получил название инцептионизма. Художник Пиндер Ван Арман обучает основанную на принципах искусственного интеллекта систему «bitPrintr» изобразительному творчеству. Распространено

создание с помощью рекуррентной нейросити музыкальных произведений [3]. Даже профессиональным искусствоведам все сложнее или уже даже невозможно отличать такие произведения от созданных человеком.

Начался новый виток радикальных изменений в профессиональной структуре, что приведет к существенной трансформации актуальной социальной системы. В том числе, возникнет много коллизий по поводу правового статуса автономного Техносубъекта. Законодателям необходимо проработать и соблюсти баланс между безопасностью общества и человека и интересами и возможностями информационно-технического прогресса. Например, в феврале 2017 г. Европарламент принял резолюцию Civil Law Rules on Robotics – Нормы гражданского права о робототехнике. Пока это в большей степени курьезно, но уже сейчас есть робот-гуманоид Пеппер и робот-геноид София, имеющие удостоверения личности, дающие им определенные права и свободы, считавшиеся до настоящего времени исключительно человеческими. Хотя, если все-таки будет создан искусственный суперинтеллект (ИСИ), осознающий себя, то вряд ли к нему будут применимы «антропоморфные формы мышления», понятия и категории.

Моделированием человеческого мозга занимаются исследователи Федеральной политехнической школы в Лозанне. Это крупный международный проект (Human Brain Project (HBP)), в котором принимают участие десятки научно-исследовательских групп со всего мира. Можно отметить такие крупные проекты как: проект Blue Brain в Швейцарии по изучению работы ансамблей нейронов; проект нейроморфной электроники SyNAPSE, целью которого является создание копии мозга, опредмеченной на специальных микросхемах и многие другие. Исследованиями и разработками ИИ сейчас занято огромное количество научно-исследовательских институтов, университетов и крупных компаний, таких как: Google, IBM, Apple, Microsoft, Amazon, DARPA и др. Отечественная наука также проводит отдельные исследования по проблемам ИИ, но пока мало крупных и скординированных проектов. Следует отметить деятельность в этом направлении Федерального

исследовательского центра «Информатика и управление» (ФИЦ ИУ РАН), «Сколково», компании «ЦРТ-инновации», совместный проект «Сбербанка» и МФТИ «Нейроинтеллект iPavlov» и др.

С другой стороны, что касается человека, то все чаще звучит вопрос: а был ли субъект, «смерть» которого провозгласили десятки научных школ и исследовательских направлений XX-XXI вв., включая постмодернизм, конструктивизм, «когнитивистику» и ряд направлений в нейрофизиологии, нейролингвистике и нейропсихологии, изучающих высшую нервную систему? Может субъект будет устранен из познания и культуры? Возможно ли бессубъектное мировоззрение? Скорее речь должна идти не об исчезновении субъекта, а об изменении и динамике субъект-объектных взаимодействий, об отрицании объективно-истинностных качеств знания и доступности его субъекту, но не устраниении его из познавательного процесса. Не стоит забывать, что человеческую субъектность определяют не только мозговые нейродинамические и физиологические процессы, а социализация и аккультурация, различные механизмы включения человека в общество и культуру.

Основные опасения вызывает непредсказуемость самообучающихся систем, с все возрастающей автономностью, уже сейчас не всегда понятно, каким образом система ИИ выбрала то или иное решение, а также потенциальная скорость их самоусовершенствования и влияние на них разного рода случайностей. Актуальным остается и вопрос о все более многоаспектном и возрастающем воздействии таких систем на человека и культуру, о коэволюции разумного со сверхразумным, о возможности техносубъекта без человека. Возможности искусственного интеллекта открывают перед человеком новые объекты познания. Если раньше человек создавал технологии и определял им место в своем мире, то теперь технологии ставят нас перед новым пониманием самих себя и определением, что значит быть человеком, что значит быть социокультурным существом...

Литература

1. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры *Homo sapiens* / пер. с англ. Н. Лисовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 304 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления М.: Культурная революция, 2006. С. 240-241.
3. Генерация классической музыки с помощью рекуррентной нейросети // URL <https://geektimes.ru/post/259958/> (Дата обращения: 16.11.2019).
4. Гречкина, Е. М. 2015. Трансгуманизм – мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки 8: 34–37.
5. Грингард С. Интернет вещей: Будущее уже здесь / пер. с англ. М. Троценко. М.: Издательская группа «Точка», 2017. 224 с.
6. Иванов А. Искусственный интеллект. Текущие достижения и направления развития. – Режим доступа: <https://iot.ru/gadzhety/iskusstvennyy-intellekt-tekushchiedyostizheniya-i-osnovnye-napravleniya-razvitiya>
7. Игнатьев В.И. Социокультурные аспекты роботизации//Социология науки и технологий. 2019. Том 10. №1. С. 64-78.
8. Тоффлер Э. Третья волна /Э.Тоффлер.-М.: Издательство «ACT», 2004.-106 с.
9. Флиер А.Я. Науки о культуре после постмодернизма // Флиер А.Я. Культурология 20-11 М.: Согласие, 2011. С. 13-25.
10. Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / пер. с англ. С. Чернина. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с.
11. Шанахан М. Технологическая сингулярность / пер. с англ. А. Врублевского. М.: Издательская группа «Точка», Альпина Паблишер, 2017. 256 с.

УДК 316.014

Глухова
Мария
Евгеньевна

аспирант, Европейский Университет,
г. Санкт-Петербург
email: mglukhova@eu.spb.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАТЕГИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕПРЕССИИ СТУДЕНТАМИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА И ХЕЛЬСИНКИ¹⁴

Аннотация: Доклад посвящен рассмотрению способов использования цифровых технологий для преодоления депрессии в разных социокультурных контекстах. На материале 36 глубинных полуструктурированных интервью со студентами Санкт-Петербурга и Хельсинки были выявлены три универсальных способа применения цифровых технологий для преодоления депрессии: поиск информации о здоровье, поиск поддержки в интернете, а также отслеживание симптомов депрессии и управление ими. Однако если для студентов из Хельсинки цифровые технологии всегда были лишь дополнением к медицинскому лечению, то для опрошенных из Санкт-Петербурга они формируют контекст для самостоятельного преодоления депрессии.

Ключевые слова: депрессия, цифровые технологии, молодежь, интервью.

THE USAGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN STRATEGIES OF COPING WITH DEPRESSION BY STUDENTS FROM SAINT PETERSBURG AND HELSINKI¹⁵

Abstract: The report is devoted to the consideration of the ways of using digital technologies to overcome depression in different sociocultural contexts. Using 36 in-depth, semi-structured interviews with students from St. Petersburg and Helsinki, three universal ways of using digital technologies to overcome depression were identified: finding health information, seeking online support, and tracking and managing depression symptoms. However, whether for students from Helsinki digital technologies have always been just an addition to medical treatment, for those surveyed from St. Petersburg, they have formed a context for independent recovery from depression.

Key words: depression, digital technologies, young people, qualitative study, interview.

---

¹⁴ Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770A, "Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст".

¹⁵ The text was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-013-00770A, "Digital and biomedical technologies in health care practices: the Russian context".

Современная реальность характеризуется кризисом государственных систем здравоохранения, к которому привели глобальные процессы старения населения, роста количества хронических болезней и увеличения расходов на содержание медицины [1]. Одновременно с этим, распространение неолиберальной идеологии смешает фокус ответственности за здоровье с государственных и частных институтов здравоохранения на самих пациентов [2]. В ответ на эти вызовы современности возникает новая модель здравоохранения, основанная на активном использовании цифровых технологий, - 4-П медицина (персонализированная, предиктивная, превентивная и партисипативная). На сегодняшний день, в научной дискуссии отмечается потребность в проведении эмпирических исследований реального опыта применения цифровых технологий к преодолению конкретных заболеваний. В представленном исследовании обсуждаются способы использования интернета, социальных сетей и мобильных приложений в контексте борьбы с депрессией в сравнительной перспективе России и Финляндии.

Депрессия – одно из самых распространенных хронических заболеваний во всем мире [3]. По данным 2017 года, порядка 300 миллионов человек столкнулись с этим диагнозом [3]. В это же время, мобильные решения для лечения депрессии были признаны одним из самых перспективных направлений развития мобильного здравоохранения (mHealth) [4].

Статистика распространенности депрессии в России и Финляндии приблизительно одинакова (5,5% и 5,6% соответственно) [3], однако количество самоубийств в России практически в два раза превышает этот же показатель в Финляндии (26,5 и 13,8 случаев самоубийств на сто тысяч населения) [5]. Это противоречие может быть объяснено как следствие различных стратегий преодоления депрессии, распространенных в этих двух странах. Сравнительная перспектива поможет акцентировать эти различия применительно к использованию цифровых технологий в борьбе с заболеванием.

В рамках исследования было изучено 36 нарративов студентов из Санкт-Петербурга (22 информанта – 16 женщин, 6 мужчин) и Хельсинки (14 информантов – 10 женщин, 4 мужчины). Основной метод сбора информации – полуструктурированное глубинное интервью, которое в Финляндии было дополнено сбором письменных автобиографий из-за сложности доступа к полю. Обладателями медицинского диагноза были одиннадцать участников из России и все участники из Финляндии. В результате анализа нарративов, были выявлены три универсальных, общих для обоих изучаемых контекстов, способа применения цифровых технологий для преодоления депрессии: поиск информации о здоровье, поиск поддержки в интернете, а также отслеживание и облегчение симптомов депрессии.

Одним из наиболее распространенных способов использования цифровых технологий был поиск информации о здоровье, депрессии и способах ее лечения в интернете. Участники исследования из обеих стран отметили, что обращались к различным источникам, в том числе онлайн-энциклопедии «Википедия», социальным сетям (YouTube и Instagram блогеры), веб-сайту Всемирной Организации Здравоохранения, а также другим неидентифицированным сайтам. Интересно, что финские информанты отдельно отметили веб-сайт некоммерческой организации «Mieli ry», занимающейся вопросами охраны психического здоровья. При этом уровень доверия к профессиональным или специализированным медицинским источникам был выше, чем к другим информационным ресурсам. Необходимо отметить, что для участников из Финляндии информация из интернета была лишь дополнением к сведениям, полученным от врача, в то время как для студентов из Санкт-Петербурга, избегающих обращения в институты здравоохранения, интернет был единственным источником информации о здоровье.

Часто способность определить свой опыт как соответствующий медицинской категории «депрессия» способствовала обращению информантов из Хельсинки и Санкт-Петербурга за квалифицированной медицинской

помощью. Интернет также опосредовал поиск врача, начиная от определения профиля специалиста (психолог, психотерапевт или психиатр) и заканчивая поиском подходящей кандидатуры. Здесь более значимыми оказались классовые различия: студенты, не имеющие средств, чтобы прибегнуть к частной медицине, были ограничены предложениями страховой системы здравоохранения и третьего сектора. Были найдены и структурные различия между двумя странами: организация страховой медицины в Финляндии давала студентам возможность выбрать из нескольких специалистов, аффилированных с национальной страховой компанией «Kela». В то же время, участники из России чаще всего выбирали лишь учреждение (например, психоневрологический диспансер, кабинет при психиатрической больнице или клиника неврозов), где врач закреплен за участком прописки пациента. Студенты из обеих стран, обладавшие более широкими материальными возможностями, выбирали специалиста на специальных сайтах-агрегаторах (например, в России – ПроДокторов, www.prodoctorov.ru/), руководствуясь своими предпочтениями в области квалификации и специализации врача, а также их фотографиями.

Финские информанты значительно чаще, чем русские, использовали цифровые технологии для поиска поддержки. Так, шесть из 14 опрошенных в Финляндии студентов участвовали в каких-либо онлайн группах поддержки, а одна информантка упоминала веб-сайт, объединявший людей для помощи друг другу. Студенты из Санкт-Петербурга практически не состояли в онлайн группах поддержки, негативно характеризуя опыт участия в них. Однако участники из обеих стран активно использовали социальные сети для выстраивания коммуникации вокруг опыта депрессии (в Финляндии чаще всего использовался Facebook, а в России – Instagram и Вконтакте). Часто именно через социальные сети студенты впервые сообщали о своем заболевании своему социальному окружению. В качестве объяснения можно предположить, что опосредованная цифровыми технологиями коммуникация

открывала больше возможностей для проговаривания сензитивного опыта депрессии.

Использование мобильных приложений для мониторинга и облегчения симптомов оказалось самым редким способом применения цифровых технологий в борьбе с депрессией в обеих изучаемых странах. Несколько участников из Санкт-Петербурга и Хельсинки отмечали, что пытались использовать мобильные приложения для медитации или предотвращения панических атак, но не смогли долго продолжать из-за отсутствия видимого эффекта. Геймификация психологических приемов,ложенная в основу таких приложений, способствовала их восприятию как созданных для игры, а не для лечения. Также для информантов из обеих стран характерна низкая осведомленность о существовании и функционале мобильных приложений для лечения депрессии. Три студента (два из Хельсинки, один из Санкт-Петербурга) описали долгосрочный опыт использования мобильных решений для отслеживания симптомов (трекинг настроения), однако этот способ был инициирован врачом и выступал, главным образом, выполнением своеобразного «домашнего задания» от лечащего специалиста, а не самостоятельным актом борьбы с депрессией.

Суммируя вышесказанное, нужно отметить, что между опытом использования цифровых технологий для преодоления депрессии студентов России и Финляндии было найдено множество параллелей. Однако главным различием выступает то, что если для студентов из Хельсинки цифровые технологии всегда были лишь дополнением к медицинскому лечению, то для опрошенных из Санкт-Петербурга они формируют контекст для самостоятельного преодоления депрессии.

Литература

1. Sharon T. Self-tracking for health and the quantified self: Re-articulating autonomy, solidarity, and authenticity in an age of personalized healthcare //Philosophy & Technology. – 2017. – Т. 30. – №. 1. – С. 93-121.

2. Swan M. Sensor mania! the internet of things, wearable computing, objective metrics, and the quantified self 2.0 //Journal of Sensor and Actuator networks. – 2012. – Т. 1. – №. 3. – С. 217-253.

3. Всемирная организация здравоохранения. URL:
<https://www.who.int/>

4. Research2Guidance: mHealth App Developer Economics study 2017
5. World Health Organization. Suicide rate estimates, age-standardized.
Estimates by country. URL:

<https://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR?lang=en#>

УДК: 33.027

Грибов Павел Геннадьевич кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ
e-mail: pg223@yandex.ru

УНИВЕРСИТЕТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СТАРАЯ ФОРМА И НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация: цифровые технологии становятся катализатором нового витка реформирования системы высшего образования по всему миру. Начавшаяся в 1980-х гг. реформа в странах Европы требует подведения промежуточных итогов. Исследованы аспекты коммерциализации деятельности, объединения университетов. Особое внимание уделено изучению результатов внедрения системы дистанционного образования.

Ключевые слова: дистанционное образование, целевой капитал, предпринимательский университет, инновационный университет.

UNIVERSITY IN THE DIGITAL AGE: OLD FORM AND NEW CONTENT

Annotation: digital technologies are becoming a catalyst for a new round of higher education reform around the world. The reform that began in the 1980s in European countries requires summing up interim results. Aspects of commercialization of activities and University associations are studied. Special

attention is paid to the study of the results of the introduction of the distance education system.

Keywords: distance education, target capital, entrepreneurial University, innovative University.

Развитие высшего образования является одним из важнейших вопросов развития современного общества. Конец XX века ознаменовался накоплением определенных проблем в данной сфере и осознанием необходимости ее реформирования. В странах Европы подготовка к подобной реформе началась еще в 1980-х гг., а в это же время в Азии происходит формирования новой системы высшего образования. Однако, перед авторами реформы встал вопрос о выборе направления развития, который вскрыл куда более сложную проблему: что есть современное высшее образование?

В начале XXI, пандемия коронавируса и распространение цифровых технологий обучения подготовили основу для нового витка реформы образования. В странах Европы, где университеты оказались в условиях работы исключительно в цифровой среде практически на весь учебный год, дискуссия об изменении роли университетов в современном обществе вышла на новый этап.

Поиск ответа на вопрос о путях развития университетов продолжается более двадцати лет. Появились концепции «инновационного университета», «предпринимательского университета», которую сформировал Бертон Р. Кларк. [1. с. 11]. В своей работе автор провел обширное исследование возможности использования понятий «предпринимательский» и «инновационный» применительно к университету, но в итоге отдал предпочтение первому термину. Именно понимание университета как предпринимательской организации стало основой реформирования всей системы высшего образования в Европе. Ее характерными чертами стали:

1. Коммерциализация деятельности.
2. Объединение университетов.
3. Внедрение дистанционных технологий.

Коммерциализация деятельности - одна из главных задач, которую решает современная реформа образования в условиях развития цифровой экономики. На примере стран Европы продемонстрирована тенденция к сближению университетов с коммерческим сектором экономики и внедрение в систему управления вузом элементов рыночного механизма. Целью данных мероприятий является, прежде всего, диверсификация источников финансирования современных университетов. В 2012 году произошло знаковое событие в университетской среде - Кембриджский университет впервые выпустил облигации на 350 млн. фунтов стерлингов (примерно на 563 млн. долл. по курсу 2012 года) со сроком погашения 40 лет и ставкой 3,75% годовых. Незадолго до этого рейтинговое агентство Moody's присвоило Кембриджскому университету наивысший рейтинг надежности - «AAA» (прогноз - «стабильный»). Университет де Монфор на несколько месяцев опередил Кембридж, выпустив облигаций на 110 млн. фунтов со сроком погашения 30 лет и ставкой 5,75% годовых. В 2016 году общий объем облигаций, выпущенных британскими университетами составил 1,8 млрд. фунтов, а в 2017 году Оксфордский университет объявил о планах выпуска облигаций на 250 млн. фунтов стерлингов со сроком погашения 100 лет.

Отметим, что и раньше университетам присваивали различные рейтинги, но в основном они касались качества образования, ведения научной деятельности и.т.д. Никогда до этого университеты не проходили оценку аудиторов рейтинговых агентств, работающих в секторах предпринимательской экономики и оценивающих коммерческие компании, банки, государства и.т.д. Данный факт означает, что университет должен соответствовать не только требованиям качества образования и научной работы, но и требованиям качества заемщика и объекта инвестирования.

Объединение университетов стало еще одной знаковой чертой европейской реформы высшего образования. Однако, эта часть реформы в некоторых странах растянулась на десятилетия [2. с 18]. Так, например, во Франции в ходе создания университете Лотарингии был пройден длинный

путь, начало которого было положено в 2005 году, когда началось обсуждение возможности объединения университетов Нанси и Мец. В ходе попытки создания университета были выявлены трудности в интеграции четырех университетов, и в итоге принято решение пустить процесс объединения через промежуточный этап - создание «колледиального университета», и лишь в 2012 году процесс был завершен.

Рассмотрим другой пример - объединение вузов в Финляндии, который более ярко иллюстрирует выдвинутое утверждение. В 2010 году был образован Университет Восточной Финляндии, путем слияния Университетов Куопио и Йоэнсуу (с филиалом в Савонлинне). Удивительно, насколько разные вузы стали частью нового университета. Ведущими специальностями Университета Йоэнсуу являлись лесное хозяйство, социология и теология, в то время как Университет Куопио специализировался на медицине и биологии. Набор специальностей созданного университета действительно поражает.

Третьей важной чертой европейской реформы высшего образования стало активное внедрение дистанционных технологий в образовательный процесс. Если в 2007 году в Италии был только одним специализированный вуз в сфере дистанционного образования - Университет имени Гульельмо Маркони, то в 2017 году практически все итальянские вузы внедрили дистанционные технологии. В значительной степени на дистанционное образование перешли системы МВА, а также программы магистратуры. Такая система позволяет вузам более эффективно использовать труд преподавателей.

Подводя итог, можно сказать, что в начале XXI века европейская система высшего образования пережила период бурного реформирования. Сейчас уже можно говорить о контурах новой системы, однако, совершенно ясно, что новый «современный» европейский университет будет иметь больше общего с бизнес-корпорацией, чем с классическим университетом прошлых лет.

Литература:

1. Кларк Бертон Р. Создание предпринимательского университета, М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей Школы Экономики, 2011.
2. К.Р. Романенко, Д.В. Козлов, О.В. Лешуков, М.А. Лисюткин, Д.. Платонова, Д.С. Семенов, Уроки международного слияния университетов, М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования, 2015.

УДК 316.723

Дряев
Максим
Русланович

студент 4 курса факультета управления, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: makdryaev9@gmail.com

Труханович
Дарья
Сергеевна

старший преподаватель кафедры
государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления-филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
E-mail: trukhanovich.daria@yandex.ru

FAKE NEWS КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО МИРА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация: Развитие цифровых технологий и обилие информации поражает появление новых проблем, одно из которых является стихийное распространение ложных новостей. Особенно остро данная проблема проявилась во время пандемии Covid-19. Однако Fake News воспринимаются представителями поколений по-разному. В связи с этим возникла острая необходимость изучения закономерностей взаимодействия представителей различных поколений с такой информацией в цифровом мире и последствий этого взаимодействия

Ключевые слова: fake news; Covid-19; цифровой мир; Интернет; всемирная паутина; поколения; киберкультура; ложная информация

FAKE NEWS AS A GLOBAL PROBLEM OF THE MODERN WORLD: A VIEW THROUGH THE PRISM OF GENERATIONAL THEORY

Annotation: The development of digital technologies and the abundance of information affects the emergence of new problems, one of which is the spontaneous spread of false news. This problem was particularly acute during the Covid-19 pandemic. However, Fake News is perceived differently by representatives of generations. In this regard, there is an urgent need to study the patterns of interaction between representatives of different generations with such information in the digital world and the consequences of this interaction

Keywords: fake news; Cavid-19; digital world; Internet; world wide web; generations; cyberspace; false information

Неотъемлемым элементом общественных отношений, который сегодня формирует новую реальность, отбрасывая отжившие механизмы социального взаимодействия, является киберкультура. В самом общем виде под этим термином понимается такой вид современной культуры, который формируется её носителями с помощью цифровой техники. Интернет-культура в этом контексте является более масштабной составляющей нового мира и представляет собой глобальную массовую культуру, которая формируется всеми пользователями Интернета.

Процесс постоянного увеличения масштабов всемирной паутины имеет двойственный характер: с одной стороны, благодаря развитию интернет-коммуникаций и цифрового пространства люди получают упрощённые механизмы взаимодействия друг с другом, что позволяет им упрощать многие повседневные рутинные процессы. Более того, в цифровом мире зачастую отпадает потребность во многих ранее необходимых общству механизмов.

С другой стороны, такая тенденция приводит к появлению сложных, ранее не изученных моделей человеческого поведения, которые приводят к серьёзным негативным последствиям. Среди таких выделяют Fake News или распространение заведомо ложной информации в сети Интернет.

В общем виде под термином Fake News понимают заведомо ложный новостной фон, который массово распространяется в самых различных

информационных источниках. Такие псевдоновости как правило приводят к паническому состоянию определенных групп населения и способны накалять социальные отношения[3].

Опасность такой цифровой тенденции возросла в условиях пандемии вируса Covid-19. Этот интернет-парадокс объясняется тем, что в условиях длительной изоляции людей многие коммуникации и рабочие процессы стали реализовываться именно в цифровой среде. А это, в свою очередь, позволило приверженцам псевдоновостей создать новые механизмы, которые способны воздействовать на психику людей различных поколений, активно использующих во время карантина цифровую сеть для личных и профессиональных целей.

В этом контексте крайне важно оценить степень воздействия этих киберпарадоксов на представителей каждого из поколений. Понимание таких элементов социально-цифрового взаимодействия может позволить снизить риски, с которыми люди могут столкнуться в современном мире в сети.

Российской школе Теории поколений известны четыре самые масштабные возрастные группы. Среди них выделяют следующие поколения:

- Беби-Бумеры (1944-1963);
- X (1964-1984);
- Миллениумы (Y) (1985-2002);
- Хоумлендеры (Z) (2003-2023)[6].

Хоумлендеры – в большей своей части дети и подростки, психика которых ещё не сформирована должным образом и может легко поддаваться манипуляциям. Это неоднократно доказывается в бихевиористских работах Бехтерева, Павлова и Скиннера.

В 2012 группа психологов под руководством Шелли Тейлор из университета штата Калифорния в Лос-Анджелесе (США) изучали работу мозга пожилых людей[4].

Тейлор и ее коллеги собрали две группы добровольцев — около 20 молодых студентов из калифорнийских университетов и 120 пожилых

людей из домов престарелых. Добровольцы должны были посмотреть на фотографии разных людей и сказать, кому из них они бы смогли довериться.

Поскольку ответы пожилых людей оказались намного более положительными в плане доверия незнакомым людям, учёные пришли к выводу о том, уязвимость пожилых людей перед угрозой мошенничества связана с понижением активности центра интуиции в мозге[5].

Таким образом, в 2020 году к самым уязвимым группам – жертвам Fake News можно отнести поколение Беби-бумеров, X и Z. Миллениумов в этой ситуации можно считать буферной зоной. Устоявшаяся психика этих людей и их уровень знаний в области цифровой безопасности позволяет им рационально распознавать элементы ложных новостей и не поддаваться на попытки негативного психологического воздействия.

Основную классификацию видов киберугроз выделила Нэнси Виллард. Ключевым элементом нашего исследования является именно распространение слухов или «Denigration». Этот вид угроз стал особенно распространенным в России после начала пандемии Covid-19[7].

Поколение «миллениумов» и «хоумлендеров» впервые столкнулось с жестким кризисом, когда неизвестно, как действовать в условиях COVID-19. Это действительно переломный момент в их социализации, поскольку они сталкиваются с жизнью в полной неопределенности. В этих условиях ими становится легче манипулировать.

Фейковые новости с момента распространения вируса стали появляться в цифровом мире всё чаще. Эта тенденция привела к тому, что у подростков и их ближайших друзей и родственников начал снижаться уровень стрессоустойчивости. За время пандемии крупные социальные группы нередко подвергались массовой панике на необоснованных новостях, заброшенных в мессенджеры и иные цифровые ресурсы. Такая тенденция способна привести к крайней нестабильности в обществе, если не контролировать её извне.

Сеть "ВКонтакте" в марте 2020 года уточнила по запросу ТАСС, что "ограничивает доступ к информации, которая вводит в заблуждение и развивает другие инструменты, помогающие бороться с распространением недостоверного контента, потенциально опасного для жизни и здоровья"[3]. Однако уже через месяц в этой сети массово стала распространяться информация о том, что Россия изолирует своих граждан, однако на тот момент информации об этом ещё не было.

В октябре 2020 года газета The Times провела независимое расследование. Из выводов этого мероприятия следует то, что специалистами была раскрыта российская кампания дезинформации, направленная на подрыв и распространение страха перед вакциной от коронавируса Оксфордского университета[2]. По заявлению газеты в России были созданы картинки, мемы и видеоклипы, представляющие вакцину британского производства как опасную, и теперь посредники теперь стремятся распространить эти изображения в социальных сетях по всему миру.

«Это может нанести ущерб не только Оксфордской программе, но и более широким глобальным усилиям по защите от вируса, поощряя теоретиков заговора и движение против вакцинации», - полагает газета[2].

Подобные «вбросы», которые дезориентируют население, если их не пресекать, приводят к социальной напряженности и увеличению недоверия граждан по отношению к органам власти и учёным.

Также в октябре стали наблюдаться новые масштабные волны ложных новостей, которые в последующем были опровергнуты Общественной палатой РФ[1]. Среди них РИА Новости выделили псевдоновости о введении новых ограничительных мер в Краснодарском и Ставропольском краях, Чеченской республике. В качестве примеров распространенных фейков были приведены сообщения о том, что в Краснодарском крае якобы вводят карантин и возвращают режим пропусков, а в Ставропольском - организовывают рейды по магазинам.

Власть признаёт сложность механизма Fake News в современном мире. Эта проблема требует от специализированных государственных органов особого внимания и проработки системы наказания, привлечения к ответственности лиц, причастных к таким киберугрозам. В 2019 году из-за повышенной опасности распространения ложных новостей в Рунете в российское законодательство были внесены изменения, предусматривающие ответственность за распространение фейковых новостей.

Возвращаясь к Теории поколений, отметим, что «Беби-Бумеры» и некоторые «Йксы», более подверженные риску быть обманутыми, находятся в особой группе риска восприятия фейковых новостей. Повышение стресса и неоправданный приём медицинских препаратов, предложенный псевдоврачами в цифровой среде, могут нанести серьёзный вред пожилому населению.

Для решения этой проблемы в первую очередь старейшему поколению необходима информационная помощь миллениумов. Они должны предостерегать пенсионеров от ложной информации, которая не проверена достоверными источниками. Массовые рассылки в популярных мессенджерах осложняют эту ситуацию. Необходимо проводить массовые социальные работы с таким населением, чтобы создавать новую базу знаний, которая могла бы повысить уровень цифровой грамотности среди пожилых людей.

Для хоумлендеров нужно создавать совершенно иную систему защиты от таких киберугроз[7]. Для этого слоя общественности крайне важно создавать механизмы, которые бы позволяли его представителям активно взаимодействовать с органами власти, чтобы всегда быть в курсе последних событий. Государство – единственный достоверный источник правовой информации, которая в условиях распространения короновирусной инфекции стала основной базой знаний дальнейших действий. Нормативно-правовые акты, издаваемые государством, стали главными жертвами подделки в цифровом мире. Государственные органы в современном мире должны вести активную политику по взаимодействию с молодым поколением с целью

выработки у него доверия к белым источникам важнейшей информации. Такие механизмы социально-государственного взаимодействия способны привести к снижению паники в обществе и повышению политической и цифровой грамотности среди всех поколений.

Литература

1. В Общественной палате заявили о новой волне фейков о коронавирусе [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20201009/koronavirus-1579052788.html> (Дата обращения: 20.09.2020 г.)
2. Расследование The Times: "Россияне распространяют фейковые новости об оксфордской вакцине от коронавируса" [Электронный ресурс] URL: <https://www.inopressa.ru/article/16Oct2020/times/investigation.html> (Дата обращения: 20.09.2020 г.)
3. Вводится наказание за распространение фейков о коронавирусе. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2020/03/31/vvoditsia-nakazanie-zrasprostranenie-fejkov-o-koronaviruse.html> (Дата обращения: 20.09.2020 г.)
4. Ковин Е.А. Критический анализ современных теорий поколений в социологии // StudNet. - 2020. - №7. – С. 96 - 100
5. Скоробогатько Екатерина Миллениалы: особенности и проблемы поколения Y // StudNet. - 2018. - №1. – С. 20-25
6. Ковин Е.А., Лысенко О.В. Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление. - 2019. - №4 – С. 151 - 162
7. Немцев И.А. Теория поколений как ключ к пониманию коммуникационного процесса в обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2018. - №12-1. – С. 135 - 140

Зинченко
Ярослава
Геннадиевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: yazinchenko@uriu.ranepa.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье анализируются перспективы развития электронных образовательных услуг для профессионального корпуса государственной гражданской службы Российской Федерации.

Ключевые слова: практики профессионального развития, информационные образовательные ресурсы, электронные образовательные технологии, дистанционное обучение.

DIGITALIZATION OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION PROGRAMS FOR PUBLIC CIVIL EMPLOYEES RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article analyzes the prospects for the development of electronic educational services for the professional corps of the state civil service of the Russian Federation.

Key words: professional development practices, information educational resources, electronic educational technologies, distance learning.

Профессиональная корпорация чиновников является одной из наиболее масштабных в российском обществе. По последним данным Росстата численность работников государственных органов и местного самоуправления составляет более двух миллионов человек. В период до 2021 года это крупное сообщество ждёт переход к новым формам профессионального развития, в том числе предусматривающим использование ИКТ [1].

Профессиональное развитие государственного управленца – это освоение им компетенций, совершенствование его профессиональных и личностных качеств в целях поддержания и повышения уровня квалификации, необходимого для исполнения должностных обязанностей.

Практики профессионального развития предполагают:

1) освоение программ ДПО (16 - 500 ч.);

2) участие в краткосрочных мероприятиях: семинарах, тренингах, мастер-классах;

3) прохождение служебной стажировки;

4) самообразование;

5) освоение онлайн-курсов [2].

Сфера ДПО чиновников регулируется федеральными законами «Об образовании в Российской Федерации», «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «О муниципальной службе в Российской Федерации», Указом Президента РФ «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации».

ДПО чиновников осуществляется в двух форматах: профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Под профессиональной переподготовкой понимается получение компетенций, позволяющих выполнять прежние должностные обязанности в новой профессиональной среде, либо осуществлять новый вид служебной деятельности.

Под повышением квалификации подразумевается актуализация знаний в целях поддержания квалификационного уровня, необходимого для эффективного исполнения должностных полномочий.

В федеральный реестр образовательных организаций, осуществляющих ДПП с использованием государственных образовательных сертификатов вошли 34 учреждения. Среди них 17 федеральных государственных образовательных организаций, 16 частных, 1 – субъектовое.

С 2019 года начинает действовать практика применения образовательных сертификатов, предполагающая в том числе и вариант инициативного порядка направления на обучение, однако выбор госслужащего ограничивается перечнем программ реестровых образовательных организаций. Таких программ на сегодняшний день пятьдесят.

В качестве приоритетных направлений профессионального развития выступают двенадцать программ, направленных на развитие компетенций в следующих областях: улучшение инвестиционного климата, демографической ситуации, совершенствование социальной защиты, национальной политики, стратегического и проектного управления, государственных расходов, цифровых технологий в государственном управлении, государственных услуг, развитие гражданской службы, инструментов государственного регулирования, противодействие коррупции, обеспечение обороны и безопасности государства [4].

В целях интеграции современных образовательных продуктов; внедрения ИКТ в процессы планирования, организации и реализации мероприятий по ДПО гражданских служащих, в настоящее время создан и содержательно наполняется единый специализированный информационный ресурс (Режим доступа: <https://gossluzhba.gov.ru/professional-education>) [5].

К концу 2021 года появятся сервисы, обеспечивающие доступ к методическим и аналитическим материалам для самостоятельного обучения; образовательным платформам учреждений, практикующих ДОТ. Сервисы позволяют контролировать качество проведенных мероприятий посредством электронных социологических опросов обучающихся и представителей кадровых управлений административных, а также составлять рейтинг программ ДПО и реализующих их учреждений [6].

Планируемые мероприятия существенно преобразуют и институционализируют рынок образовательных услуг для работников государственного и муниципального управления. Его потенциал определяется численностью профессиональной корпорации и закрепившейся в практике кадровых служб периодичностью (раз в три года) прохождения служащими повышения квалификации.

По сведениям Федеральной службы статистики в 2018 году получили дополнительное профессиональное образование 128684 гражданских и 78895 муниципальных служащих. Из них по программам профессиональной

переподготовки – 2940 и 6908 соответственно, а по программам повышения квалификации – 125739 и 71931 человек.

Как видно, образовательные услуги по программам повышения квалификации являются более востребованными по сравнению с программами профессиональной переподготовки, особенно в связи с переходом к двухступенчатой системе высшего образования и появлением различных направлений программ магистратуры, освоение которых может расширить профессиональные способности служащего, направить их в практическое служебное русло, и получить степень магистра.

Какие организации и с какими форматами услуг выходят на этот перспективный образовательный рынок?

На портале «Госслужба» (<https://gossluzhba.gov.ru/professional-education/education-org>) обозначены 5 вузов, имеющими статус организаций при федеральном Правительстве: МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РАНХиГС, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Финансовый университет.

Перечисленные учебные заведения предлагают широкий спектр программ ДПО, доходя в ряде случаев до 60 позиций и охватывая такие образовательные направления как международные отношения, иностранные языки, политология, социология, юриспруденция, менеджмент. Реализуются программы ДПО в основном в очном, в меньшей степениочно-заочном и заочном вариантах. По состоянию на конец 2019 года лишь одна программа повышения квалификации – «Управление государственными и муниципальными закупками» в двух вузах (РАНХиГС и НИУ «ВШЭ») реализуется в дистанционном формате. В 2020 году в связи с пандемией инфекции Covid-19 образовательные учреждения столкнулись с необходимостью предоставления образовательных услуг в дистанционном формате, в том числе тех, которые связаны с профессиональной переподготовкой и повышением квалификации. Но и эти обстоятельства не привели к значительному расширению линейки электронных продуктов пятью

ключевыми вузами страны, сегодня, на конец 2020 года их только одиннадцать.

Интересен опыт реализации электронного обучения по программам ДПО такого корпоративного вуза как Российская таможенная академия. В структуре учебного заведения электронное обучение осуществляют Институт дистанционного обучения, предлагающий шестнадцать программ ДПО, из них две являются программами профессиональной переподготовки, оставшиеся четырнадцать – повышения квалификации по актуальным вопросам деятельности ФТС для различных категорий служащих. В текущем году запланировано обучение 4322 человек.

Целесообразно также обратиться и к примеру частных учреждений, предлагающих услуги в онлайн-формате для чиновников. ООО «Парус – Национальные Реформы» – компания, работающая на рынке управленческого, стратегического и информационного консалтинга, проводит курсы повышения квалификации для руководителей и сотрудников государственных (муниципальных) органов власти и учреждений, реализуя 15 программ повышения квалификации по проектному управлению, нормотворчеству, противодействию коррупции, цифровой грамотности. В настоящий момент организация не обучает слушателей за счет бюджетных средств и не входит в федеральный реестр.

Итак, возможно сделать вывод о том, что у нанимателя – государства, его представителей – руководителей органов государственного и муниципального управления и их работников существует запрос на информационные, предметно-поисковые и проблемно-аналитические технологии при получении образовательных услуг. В ближайшие два года Правительство будет создавать организационные, финансовые, технические условия для внедрения цифровых форматов профессионального развития чиновников. Всё это означает, что для образовательных учреждений, педагогических работников, ИТ-инженеров открываются интересные возможности для создания инновационных образовательных продуктов,

плодотворного партнёрства и, в конечном итоге, формирования инновационной культуры, повышающей эффективность профессиональной служебной деятельности чиновников и государственных структур.

Литература

1. Указ Президента РФ от 24.06.2019 N 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019 - 2021 годы».
2. Указ Президента РФ от 21.02.2019 N 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке осуществления профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации»).
3. Постановление Правительства РФ от 18.05.2019 N 619 «О государственном образовательном сертификате на дополнительное профессиональное образование государственного гражданского служащего Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственном образовательном сертификате на дополнительное профессиональное образование государственного гражданского служащего Российской Федерации»).
4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 5 июня 2019 г. N 378н «Об утверждении перечня приоритетных направлений профессионального развития федеральных государственных гражданских служащих на 2019 - 2020 годы».
5. Постановление Правительства № 1056 от 15 августа 2019 г. «О едином специализированном информационном ресурсе, предназначенном для профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации».
17. Распоряжение Правительства РФ от 24.07.2019 N 1646-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации

основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019 - 2021 годы».

УДК 37.01, 37.03

Казакевич Анастасия Васильевна	старший преподаватель кафедры высшей математики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», Краснодар e-mail: yokresenia@gmail.com
Кораченцов Александр Александрович	магистр ИТ-технологий, руководитель группы, ПАО «МТС», Краснодар e-mail: shady2k@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕСС СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Аннотация: В условиях взрывного роста цифровых технологий, приобретают все большее значение модификация текущего семейного воспитательного процесса, увеличение цифровой грамотности граждан. В данной работе проведен анализ текущей ситуации и даны предложения по решению указанных проблем.

Ключевые слова: цифровая грамотность, семья, воспитание, цифровизация, интернет, новые технологии, дети, контроль.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE PROCESS OF FAMILY EDUCATION OF CHILDREN

Abstract: In the context of the explosive growth of digital technologies, it is becoming increasingly important to modify the current family educational process, increase the digital literacy of citizens. In this paper, the analysis of the current situation is carried out and proposals are given for solving the indicated problems.

Key words: digital literacy, family, education, digitalization, internet, new technologies, children, control.

Ни для кого не секрет, что цифровые технологии прочно вошли в нашу повседневную жизнь, во взаимоотношения родителей, детей и общества. Новое поколение не представляет себе жизнь без игр, общения, обучения без использования современных интернет-технологий.

Необходимо понимать, что внедрение цифровизации несет в себе не только пользу, но и существенные риски, особенно для детей. Для развития способности распознавать угрозы требуется развитие цифровой грамотности.

Цифровая грамотность – набор знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета. Создан проект, направленный на измерение Индекса цифровой грамотности россиян и проведение мероприятий по повышению уровня знаний и компетенций населения в этой области, при поддержке Региональной общественной организации «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ).

Современный ребенок приобретает знания в области цифровой грамотности стихийно, основываясь на собственном опыте при взаимодействиях с интернет-средой. Необходимо сделать этот процесс управляемым, так как он оказывает существенное влияние на становление и развитие личности и общества в целом [1].

Становится очевидно, что дети, как потребители современной цифровой среды, не становятся глупее, у них меняется образ мышления. Тот факт, что баланс между физической и цифровой реальностью изменился, указывает на то, что способы восприятия информации и механизмы мышления, тоже меняются.

Мозг современного ребенка перегружен большим количеством информации с раннего детства. В отличие от детей предыдущих поколений, современные дети получают многообразие стимулов без особых усилий: яркие картинки, завлекающая музыка, сенсорное управление. Больше не требуется фантазировать, достаточно нажать кнопку. Таким образом мозг лишается возможности развития абстрактного мышления, воображения, а нервная система перегружается избытком стимулов.

За последние 20-25 лет произошла эволюция в подаче информации. Ранее общество предпочитало фундаментальные труды с большим количеством информации, зачастую без иллюстраций, что способствовало

развитию абстрактного мышления. А поиск нужной информации или специалиста в определенной сфере становился нетривиальной задачей.

В современном же мире особую популярность приобрели сайты с простыми пошаговыми инструкциями с иллюстрациями и видео, например [wikihow.com](http://www.wikihow.com), а также так называемые «лайфхаки», которые в большинстве случаев подготовлены непрофессионалами и содержат большое количество ошибок, заблуждений. При этом дети относятся к такому контенту излишне доверчиво, не используя критическое мышление.

Информация, поданная в классическом повествовательном стиле, современных детей не привлекает, так как усвоить ее значительно труднее. Мозг привыкает к простоте и доступности информации и не желает тратить энергию на переработку таких сложных текстов, если есть более простая альтернатива.

Но есть и положительные моменты: современный ребенок хорошо ориентируется в потоке информации и за короткое время может обработать большое ее количество, извлечь нужные сведения, провести анализ и получить широкое представление с разных точек зрения, а не только мнение одного автора. Таким образом, мышление ребенка становится более концептуальным, четким и структурированным. Также современные дети привыкли к многозадачности: они могут одновременно играть, слушать музыку и общаться, легко переключаясь с одного вида деятельности на другой. Однако, при этом снижается внимание и трудоспособность, так как велика нагрузка на ЦНС.

Проникновение интернет-технологий упрощает контакты между людьми, при этом вытесняя реальное общение. Опасной ситуация становится, когда виртуальное взаимодействие полностью заменяет физический контакт. Проявление такого синдрома заметил японский психиатр Тамаки Сайто в начале 1990-х годов в своем труде «Социальная абstinенция: подростковый возраст без конца». В результате подобной изоляции подростки теряют навыки социального взаимодействия. Однако, в молодежной среде такой образ

жизни получил признание. Такие люди зачастую более социализированы, чем остальные, поскольку активно общаются с большим количеством людей через мессенджеры и социальные сети. Не удивительно, что стали появляться врачи, специализирующиеся на лечении таких синдромов.

При этом зародилось движение родителей-технофобов, которые стали ограждать детей от цифровизации, опираясь на эти страхи. Технофобия – это внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новых технологиях, возникает страх или тревога, связанные с ее использованием, иногда сопровождающиеся враждебными, агрессивными действиями в отношении новых технологий.

Технофобы выражают недоверие к новым технологиям, тревога в связи с текущим или предвосхищаемым взаимодействием с технологиями, самопорицание в процессе этого взаимодействия. В основном, такие тревоги разделяют пожилые люди. Чаще всего они боятся генной инженерии, нанотехнологий и искусственного интеллекта. У людей среднего возраста (нынешние родители) беспокойство вызывают кража персональных данных, слежка, мошенничество в сфере информационных технологий и финансов. Например, активное развитие и внедрение технологии «Умный дом» большинство людей воспринимают достаточно настороженно [2].

Стоит отметить, что социальный статус в интернете уже не так важен, любой человек может написать письмо мэру или президенту, традиционная социальная иерархия рушится. Однако, не все понимают, что написанное в интернете – тут же становится общественным достоянием, миф об анонимности уничтожен. Поэтому как никогда становится актуальной цифровая грамотность населения и особенно детей.

Цифровая грамотность должна прививаться с детских дошкольных учреждений. Педагоги дошкольного образования должны обладать компетенциями ИКТ для того, чтобы он мог грамотно составить образовательную программу.

Применение цифровых технологий в дошкольных учреждениях – это не просто обеспечить их необходимым оборудованием, цель состоит в развитии у дошкольников исследовательских способностей, привлечь пассивных слушателей к активной деятельности, научить решать творческие и познавательные задачи с помощью современных гаджетов. Такие технологии помогают детям с речевыми проблемами, развивают мелкую моторику, повышают уровень заинтересованности детей [3].

Важно отметить, что достаточный уровень цифровой грамотности детей и учителей становится предпосылками повышения доступности образования для детей с ограниченными физическими возможностями. Процесс идет очень медленно, несмотря на активные попытки министерства образования его внедрить [4].

В школах необходимо увеличить количество часов на дисциплину «Информатика», в которой должно быть запланировано время на изучение основ цифровой грамотности, этикета, защиты персональных данных и безопасности информации. Детская аудитория является одной из самых уязвимых в вопросах защиты персональных данных. А высших учебных заведениях необходимо закрепить полученные навыки. При этом во время этого переходного процесса, необходимо учить не только ребенка, но и его родителей, а также представителей старшего поколения совместно [5, 6].

Одним из важных вопросов взаимодействия в семьях является родительский контроль. Современные технологии дают сейчас широкий спектр возможностей контроля. Например, для определения местоположения используются смартфоны или умные часы с передачей координат GPS, кнопкой SOS, а также возможностью установить аудиосоединение с прослушиванием происходящего без ведома и согласия ребенка.

С одной стороны, ребенка необходимо защитить от негатива цифровых технологий, но при этом с другой стороны, необходимо привить навыки обращения с цифровыми технологиями, грамотно дозируя время на их использование. Для контроля и ограничения доступа в интернет к

определенным сайтам можно воспользоваться публичными DNS серверами со списками, защищающими от «опасных» сайтов, взрослых материалов, злоумышленников, например: Яндекс.DNS, Open DNS Family Shield, SkyDNS и т.д.

Крупные ИТ-компании уже позаботились о своих семейных пользователях: добавили в свои устройства возможности родительского контроля. Например, компания Apple в iOS встроила функцию «Экранное время», которая позволяет блокировать или ограничивать доступ к определенным приложениям и функциям на устройстве, которым пользуется ребенок. Компания Google для Android внедрила функцию Family Link, которая позволяет ограничить время использования, отследить местоположение, что дает возможность найти баланс между учебой, игрой и отдыхом. В ОС Windows 10 от компании Microsoft можно создать семейную группу с возможностью настроить ограничения экранного времени, заблокировать неподобающее содержимое, получать отчет о действиях и произвести поиск ребенка. Также функции родительского контроля внедрены и в популярные игровые консоли, такие как XBOX, Sony PlayStation и т.д.

Однако, такой тотальный контроль влияет на психическое здоровье личности, а также оказывается на социальном самочувствии детей. Во многих исследованиях указывается на идеи ценности приватности детского мира, которая рассматривается как ключевой фактор развития личности. Способность создавать и регулировать личные границы в отношениях с социумом, развивается только в случае, если в детстве было сформировано личное пространство. Дети, в воспитании которых использовался принцип жесткого контроля, которые были лишены приватности, как правило, вырастают беспомощными, скрытными, а также безэмоциональными, потому как научились подавлять свои чувства. Тотальная опека делает ребенка неопытным, не имеющим собственного мнения и не умеющим принимать

решения, что заставляет родителей беспокоится еще больше. С связи с этим важно найти баланс между контролем и свободой ребенка.

С взрослением ребенка, доверие к нему должно расти. На деле же наблюдается обратная ситуация, со взрослением ребенка родители пытаются усилить контроль, что приводит к постоянным конфликтам, в связи с вмешательством в личное пространство подростка. Этого делать не стоит, поскольку в этот период происходит становление личности. Чтобы ребенок мог вести себя разумно и ответственно, лучше начать воспитывать в нем эту ответственность заранее, еще в начальной школе.

Одним из этапов в становлении личности является финансовая грамотность. В современном мире создано большое количество банковских продуктов, ориентированных на детей. Например, вместо наличных можно использовать банковскую карту. Это позволит контролировать траты ребенка и учить его финансовой грамотности. Можно отметить банковскую карту Тинькофф Джуниор (от 7 лет), СберKids (от 6 лет) и т.п. Также, как правило, у банков существует отдельное приложение специально для детей, которое позволяет родителям создавать цели и задания для ребенка и вознаграждать финансово [7].

Подводя итоги, хочется отметить, что прививать цифровую грамотность необходимо в течение всей жизни человека, не только на государственном уровне, но и внутри семьи. Во время переходного процесса обучать необходимо не только детей, но и остальных членов семьи, иначе такой дисбаланс будет вызывать семейные конфликты. В процессе воспитания ребенка необходимо соблюдать разумный контроль, не забывая предоставлять необходимые свободы. Становится очевидно, что детей не только не нужно ограничивать в доступе к современным технологиям, но и оказать посильную помощь в освоении новых компетенций.

Литература

1. Кузьмина, Э.В. Цифровизация и качество образования / Э.В. Кузьмина, Н.Г. Пьянкова, Н.В. Третьякова // Информационные ресурсы России. - 2020. - №2(174). - С. 33-38.
2. Казакевич А.В. Способ автоматического управления освещением в помещении с использованием датчиков движения в системах «Умный дом» / А.В. Казакевич, А.А. Кораченцов. – Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2020. – С. 106-110.
3. Казакевич А.В. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения студентов аграрного вуза / А.В. Казакевич // Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 3: Педагогика И Психология. – 2011. – № 2. – С. 86-91.
4. Казакевич А.В. Педагогическое сопровождение развития профессиональной компетентности преподавателя вуза / А.В. Казакевич // Общество: Социология, Психология, Педагогика. – 2016. – № 8. – С. 79-82.
5. Казакевич А.В. Профессиональная позиция преподавателя вуза: педагогическая диагностика и технология развития / А.В. Казакевич, В.А. Петьков // Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 3: Педагогика И Психология. – 2016. – Профессиональная позиция преподавателя вуза. – № 4 (188). – С. 40-45.
6. Казакевич А.В. Практико-ориентированный подход в обучении математике прикладных бакалавров / А.В. Казакевич. – Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2017. – С. 90-91.
7. Оsipян А.Г., Кондратенко Л.Н. О функциональных преимуществах электронных денег. / Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 72-ой научно-практической конференции

студентов по итогам НИР за 2016 год./Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2017. 1050 с.

УДК 373.51

Крупецких
Игорь
Ростиславович

магистрант ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Сибирский федеральный университет, СФУ, г. Красноярск;
e-mail: krupetskikh@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИГИТАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА СРЕДНЕМ ОБЩЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Аннотация: В статье представлено раскрытие содержание актуальных понятий «цифровизации» и «дигитализации». Обозначена и обоснована актуальность исследования информатизации образовательного процесса на основном общем этапе в общеобразовательной организации, а также рассмотрены эффективные и проблемные аспекты повсеместных внедрений информационных технологий в современную образовательную среду.

Ключевые слова: дигитализация, цифровизация, образовательные программы, дистанционное обучение, обучающий, обучающийся, общеобразовательная организация.

ON THE EFFECTIVENESS OF DIGITALIZATION OF THE PROCESS OF IMPLEMENTING EDUCATIONAL PROGRAMS AT THE SECONDARY GENERAL STAGE OF SCHOOL EDUCATION

Annotation: The article reveals the content of the current concepts of «digitalization» and «cifrovisation». The relevance of the study of digitalization of the educational process at the main general stage in a general educational organization is indicated and justified, as well as the effective and problematic aspects of the widespread introduction of information technologies in the modern educational environment are considered.

Key words: digitalization, cifrovisation, educational programs, distance learning, educator, student, educational organization.

В наши дни, в эпоху повсеместного распространения экранной культуры, процесс цифровизации буквально пронизывает все сферы

общественной жизни, а также современную образовательную среду, включающую в себя такой базисный, фундаментальный и привлекающий к себе особое внимание в свете последних событий процесс, как реализация образовательных программ, в том числе в рамках дистанционного обучения.

Актуальность исследования эффективности реализации основных образовательных программ на среднем общем этапе обучения в школе подтверждается стремительной изменчивостью их структуры, модели и формы, что безусловно оправдано сложившейся эпидемиологической ситуацией. Изменениями в требованиях и вызовах к современному образованию провоцируют здесь и сейчас незамедлительное реагирование, плавную перестройку процесса преподавания различных дисциплин. В отечественной и зарубежной практике уже сейчас существует большое количество мнений, создающих своего рода полемическое поле взглядов и идей, которые зафиксированы в работах таких исследователей как: А.А. Васильева, И.Н. Потапова, И.В. Таратута, Р.М. Сафуанов, М.Ю. Лехмус, Е.А. Колганов, Л.А. Чупрыгина и др.

Популярность термина «цифровизации», а теперь уже «дигитализации» за последние 5-10 лет отрицать нельзя, а раскрытие содержания понятий каждого из них с легкостью подтвердит высокий уровень роста повсеместной оцифровки образовательной сферы и огромное влияние на потенциальную разработку принципиально новых технологий и методик обучения той или иной дисциплины. Дигитализация в сфере образования, по мнению А.А. Васильевой, И.Н. Потаповой, И.В. Таратута, сейчас представляет из себя основополагающий способ изменения возможностей реализации образовательных программ посредством раскрытия индивидуального потенциала каждого обучающегося. Данный процесс, по мнению исследователей обусловлен облигаторным требованием дигитализации к пересмотру и изменению традиционно практикуемых форм обучения, а также расширение образовательных целей в свете реструктуризации современной образовательной среды [1, с. 39].

Изменение процесса реализации образовательных программ в условиях дигитализации образовательного пространства, по мнению Р.М. Сафуанова, М.Ю. Лехмус, Е.А. Колганова, подразумевает:

- преобладание использования искусственного интеллекта;
- внедрение автоматического, моментального перевода интересующей/запрашиваемой информации с любого языка;
- общедоступность электронных, мировых библиотечных платформ;
- перераспределение функционала обучающего и обучающегося.

Как следствие, по мнению исследователей, дигитализация образовательной сферы способствует фундаментальному изменению структуры обучения, что подтверждает неизбежность глобализации всего образовательного пространства [2, с. 111].

Дигитализация в образовательном учреждении, предоставляющим услуги основного общего образования представляет из себя реализацию образовательных программ посредством информационных технологий, а также Интернет-платформ и Интернет-ресурсов. Среди вышеупомянутых способов взаимодействия обучающего и обучающихся чаще всего сейчас встречаются следующие информационные посредники: Zoom, Skype, Google (почти все ресурсы), ЯКласс, Onlinetespad, Viber, Whatsapp и др.

Наиболее дискуссионным аспектом в процессе реализации образовательных программ в школе посредством информационных технологий в настоящее время является уровень эффективности, который для каждой образовательной организации, обучающего и обучающегося определяется по-разному, что обусловлено разнообразием критериальных баз в области оценивания.

С своей преподавательской точки зрения, а также поддерживая мнение исследователя Л.А. Чупрыгиной, можно обозначить следующие неоспоримые преимущества реализации основных образовательных программ в условиях дигитализации данного процесса:

- развития навыка самоконтроля обучающихся, повышение уровня самодисциплины;
- возрастание случаев продуктивной обратной связи «обучающий-обучающийся»;
- использование принципиально новых форм коллективной дистанционной работы как способ замотивировать обучающихся;
- высокий уровень персонализации образования (каждый обучающийся сам решает каким способом ему лучше выполнять поставленные задачи) [3, с. 489-490].

В сложившихся условиях преподавателям, как и обучающимся, не всегда удается максимально эффективно выполнять свою функцию в образовательном процессе, и, поэтому, существует ряд проволочек дигитализации процессов преподавания и обучения, которые, по нашему мнению, являются следующими:

- низкий уровень координированности освоения учебного материала и, как следствие, снижение объективности оценивания результатов в условиях одновременного преподавания дисциплины в нескольких классах несколькими преподавателями;
- ситуация игнорирования рекомендаций преподавателя и родителей, причиной которого является отсутствие повсеместного контроля обучающегося;
- присутствие безнаказанности в пропусках обучающимися учебных занятий;
- нехватка необходимого времени в распоряжении преподавательского состава для качественной реализации образовательных программ;
- отсутствие (редко) технических возможностей у обучающихся к участию в образовательном процессе дигитализационного формата;

– недостаточная компетентность (чаще более возрастного) преподавательского состава в области преподавания с применением информационных технологий.

Как итог, стоит отметить, что эффективность дигитализации образовательного процесса на основном общем этапе действительно ощутима, ведь это удобно, практично, общедоступно и современно, но нельзя отрицать тот факт, что минусов, пусть точечных и небольших, тоже много. Ликвидация возникающих в процессе цифрового образования проблем, пробелов, проволочек есть наилучший путь к повышению эффективности образования в целом.

Литература

1. Васильева А.А., Потапова И.Н., Таратута И.В. К вопросу о дигитализации высшего образования // АПК: Инновационные технологии / Государственный аграрный университет Северного Зауралья. – №4. – 2019. – С. 38-42.
2. Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е.А. Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – №2(28). – 2019. – С. 108-113.
3. Чупрыгина Л.А. Оценка эффективности дистанционных систем обучения в преподавании иностранного языка на примере информационной образовательной среды (LMS) В сборнике: Коммуникация в современном поликультурном мире: прагматика лингвистического знака. Отв.ред. Т.А. Барановская. М. – 2015. – С. 487-497.

Сударкина
Евгения
Сергеевна

магистрант, Южно-Российский институт
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ.
e-mail: jane-next@mail.ru.

МОНИТОРИНГ ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ВОЗРАСТНОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: В статье представлен социокультурный портрет молодежи Ростовской области, составленный на основе эмпирических данных социологического исследования. Проанализированы направления реализации молодежной политики, исходя из выявленных потребностей, ценностей и настроений молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, Ростовская область, исследование, патриотизм, гражданственность, молодые семьи, здоровый образ жизни.

MONITORING THE SITUATION OF YOUNG PEOPLE IN THE ROSTOV REGION: AGE AND TERRITORIAL ASPECTS

Abstract: The article presents a socio-cultural portrait of the youth of the Rostov region, compiled on the basis of empirical data from a sociological study. The directions of youth policy implementation are analyzed based on the identified needs, values and attitudes of young people.

Keywords: youth, youth policy, Rostov region, research, patriotism, citizenship, young families, healthy lifestyle.

В современном мире молодежь можно рассматривать как основной объект для инвестиций в наиболее мобильную часть общества в целях ускорения социально-экономического развития, а также повышения инновационной и интеллектуальной активности.

В 2020 статус молодежной политики повышен до основного закона государства и национальных целей развития. В Конституции Российской Федерации по итогам общероссийского голосования закреплены понятия «молодежная политика» и «добровольчество». Указом Президента от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития до 2030 года» одной из

пяти целей обозначены «возможности для самореализации и развития талантов» и 3 целевых показателя сферы молодежной политики [1].

Вместе с тем, молодежная среда является весьма дифференциированной, ее нельзя рассматривать как единую социальную группу с одинаковыми потребностями, проблемами и жизненными стратегиями. Современная молодежь содержит и реализует как конструктивные, так и деструктивные элементы – например, с одной стороны, значительная часть молодежи отличается вовлеченностью в различные социальные практики, имеет и выражает активную гражданскую позицию, с другой стороны, часть молодежи является невостребованной, исключена из общественных процессов, не чувствует поддержки со стороны субъектов государственной молодежной политики и обладает деструктивным импульсом.

В связи с этим требуется постоянное совершенствование проводимой государством молодежной политики, которая должна основываться на систематическом исследовании актуальных потребностей молодежи и ее проблем и выработке на основе полученных результатов механизмов реагирования, соответствующих запросам молодежи.

В статье представлен анализ проведенного в 2018 году по заказу комитета по молодежной политике Ростовской области социологического исследования по вопросам реализации государственной молодежной политики на территории Ростовской области. Данное исследование направлено на изучение показателей, свидетельствующих о характере выполнения задач, поставленных органами государственной власти. Такими показателями выступают: осознание консолидированности общества, формирование российской идентичности, формирование у молодежи толерантности и уважения к представителям других народов, культур, религий, их традициям и духовно-нравственным ценностям, вовлеченности молодежи в мероприятия патриотической направленности, вовлеченности в волонтерское движение, инновационную деятельность и научно-техническое творчество, наличие

установок на брак, создание семьи и традиционных семейных ценностей и т.п. с учетом возрастных и территориальных особенностей.

Методика социологического исследования – опрос в форме очного формализованного интервью по месту жительства.

Численность молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в Ростовской области составляет 818,5 тыс. человек или 19,4 процента от общей численности населения региона, что соответствует среднероссийскому уровню [2].

Выборочная совокупность социологического исследования составила 1000 человек в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих в Ростовской области.

По итогам проведения мониторинга положения молодежи Ростовской области можно сделать вывод, что социокультурный портрет молодежи Ростовской области крайне дифференцирован и разнообразен, это доказывают эмпирические данные. Разнообразие и дифференциированность социокультурного портрета обуславливают как аскриптивные характеристики – пол, возраст и тип территории проживания, а также такие факторы как – социальное и материальное положение, доступ к материальным, культурным, информационным ресурсам, в том числе и благам. В совокупности это и определяет настроения молодежи. В целом при наличии преобладающих положительных настроений, существует доля молодежи с негативными установками, их весьма заботит, беспокоит собственное будущее, особенно это характерно для молодежи двух старших возрастных групп – от 18 до 24 лет и от 25 до 30 лет [3].

Для молодежи крайне важно реализоваться в качестве «успешного человека» через полноценную семью (37% опрошенных) с обеспечением ее запросов, потребностей и желаний, что предопределяет высокие требования к материальному уровню. Это весьма важно для молодежи, поэтому «материальный достаток и обладание престижной собственностью» находится также на верху ценностной структуры молодежи (28% опрошенных).

Гражданская идентичность молодежи Ростовской области в портфеле идентичностей занимает доминирующее положение (62% опрошенных) и

вместе с этим само гражданство воспринимается более чем положительно самой молодежью. Можно сделать вывод о том, что фундамент формирования российской идентичности является основательным. Вовлеченность молодежи Ростовской области в мероприятия по гармонизации межэтнических отношений и содействию межкультурному диалогу достаточно высока, более половины молодежи участвовали в различных мероприятиях. Также уровень положительного восприятия молодежи к представителям другим национальностей характеризуется как удовлетворительный, исходя из преобладающих позитивных ответов молодежи о формах совместного сосуществования.

Вовлеченность молодежи в мероприятия патриотической направленности является весьма значительной (46% опрошенных), молодежь принимает участие в различных акциях, мероприятиях и как участники, и как зрители. Подавляющее большинство молодежи Ростовской области (78% опрошенных) считают себя патриотами России.

В молодежной среде в целом существует социокультурная основа для дальнейшего формирования традиционных семейных ценностей, она более устойчива в сельской среде, но размыта в среде городской. Молодежь положительно в большинстве своем относится к регистрации брака, необходимости создавать семью при обоюдном желании жить вместе (71% опрошенных). Также отношение к браку зависит от возраста – ценность семьи с возрастом приобретает другое, более важное значение и смысл.

Здоровый образ жизни достаточно популярен среди молодежи Ростовской области, но с достаточной долей условности, так как регулярно занимаются спортом не преобладающая доля молодежи. Вместе с тем, здоровый образ жизни является модным трендом – правильное питание, йога, занятие фитнесом и игровые виды спорта популярны среди молодежи.

Вовлеченность молодежи Ростовской области в мероприятия по популяризации здорового образа жизни, профилактике асоциального

поведения и употребления наркотических веществ удовлетворительна (41% опрошенных).

Изучение положения молодежи Ростовской области с помощью эмпирических данных позволило выявить их основные предпочтения и взгляды на жизнь, что в дальнейшем должно являться основой для корректировки программ по работе с молодежью со стороны ее субъектов: органов власти, образовательных и общественных организаций.

Анализ показал, что необходимо разрабатывать комплекс программ реализации государственной молодежной политики по отдельным направлениям с учетом возраста, пола и типа территории проживания, осуществлять адресный подход в работе с разными возрастными молодежными группами и т.п.

Особое внимание в программах реализации направлений государственной молодежной политики необходимо уделять работе с самой старшей возрастной группой – от 25 до 30 лет, которая зачастую выпадает из сферы влияния по объективным причинам.

Программы патриотических мероприятий необходимо разрабатывать с учетом актуальной проблематики современной молодежи Ростовской области – молодежь (особенно старшей возрастной группы) в процессе формирования патриотических установок должнаствовать свое профессиональное и общественное признание, свою востребованность государством

Необходимо продолжать информационно-разъяснительную и пропагандистскую работу по повышению значимости семьи в современном мире, важности семейных отношений, профилактике и гармонизации семейных отношений. Необходимо продолжение реализации программ по поддержке молодых семей, оказанию консультационной помощи.

Особое внимание при разработке новых мероприятий по повышению значимости семьи необходимо уделить мужской части молодежи, очевидна задача по генерированию смыслов понимания и осознания важности семьи и семейных отношений для этого сегмента (в том числе с учетом восприятия).

Необходим мониторинг условий для занятий физической культурой и спортом специально под молодежные группы в муниципальных образованиях и городских округах Ростовской области. Пропагандистская работа по популяризации здорового образа жизни должна сочетаться с работой по привлечению внимания к созданию условий для занятий физической культурой и спортом.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»

2. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года. Раздел 4.2.9. «Молодежь» // Электронный ресурс [Режим доступа: свободный] <https://www.donland.ru/activity/2158/#pril429>

3. Аналитический отчет ООО МЕДИА-АГЕНТСТВО «ДОН» «О результатах проведения социологического исследования по вопросам реализации государственной молодежной политики на территории Ростовской области». Ростов-на-Дону. 2018 год.

УДК 316.346.32-053.6

Левицкая
Александра
Николаевна

аспирант кафедры Экономики и управления
социально-экономическими системами
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44-А
+7 981 781 94 61
alexandra_levitskaya@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Стремительное изменение мира в эпоху цифровизации обусловило необходимость комплексного изучения главного ресурса нового

времени – человека. Формирующееся общество знаний ставит перед человечеством новые задачи, в рамках которых развитие технологий осуществляется не вопреки, как в эпоху индустриального развития, а благодаря человеческому потенциалу. Безусловно, важной движущей силой процесса цифрового развития становится молодежь, как наиболее открытая к изменениям и динамично мыслящая категория людей. Сейчас в активную жизненную фазу вступают представители поколения, которое принято называть поколением Z. От того, как пройдет их социализация, во многом зависит развитие общества в ближайшие десятилетия. В связи с этим научное сообщество ставит перед собой целью изучить не только характеристики представителей нового поколения, но также осмысливать роль молодежи в качестве субъекта и объекта цифрового развития, что в дальнейшем позволит использовать молодежь в качестве эффективного человеческого ресурса.

Ключевые слова: молодежь, цифровизация, общество знаний, цифровое развитие, поколение Z, социализация, субъектный подход, объектный подход.

YOUTH AS A SUBJECT AND OBJECT OF DIGITAL DEVELOPMENT

Abstract. The rapid change in the world in the era of digitalization has necessitated a comprehensive study of the main resource of the new time - man. The emerging knowledge society poses new challenges to humanity, within the framework of which the development of technologies is carried out not in spite of, as in the era of industrial development, but thanks to human potential. Of course, youth, as the most open to change and dynamically thinking category of people, is becoming an important driving force of the digital development process. Now representatives of the generation, which is commonly called generation Z, are entering an active phase of life. The development of society in the coming decades largely depends on how their socialization will take place. In this regard, the scientific community sets itself the goal of studying not only the characteristics of representatives of the new generation, but also to comprehend the role of youth as a subject and object of digital development, which in the future will make it possible to use youth as an effective human resource.

Key words: youth, digitalization, knowledge society, digital development, generation Z, socialization, subjective approach, object approach.

Принято считать, что наиболее развитые страны уже осуществили переход от постиндустриального этапа развития к информационному, тогда как Россия только встает на этот путь. Заданный правительством курс на цифровизацию во всех сферах жизни уже приносит свои плоды. Безусловно, наша страна сейчас переживает техническую революцию, в рамках которой

жизненные процессы во всех сферах человеческой деятельности переходят из живого формата в онлайн. Переход к информационному обществу обусловил собой формирование общества знаний [1, с. 131], то есть системы, в которой знание становится наиболее ценным ресурсом, а человек, как носитель этого знания, наиболее ценной фигурой. Следует отметить, что ускорению темпов перехода к информационному обществу способствует пандемия коронавируса. Если ранее этот переход осуществлялся эволюционным путем [2, с. 172], то сейчас вынужденный уход на удаленную форму общения дает революционный скачок в цифровизации наиболее значимых сфер жизни.

Говоря о переходе к обществу знаний следует отметить тот факт, что основным ресурсом в этом обществе становятся не просто люди, а именно молодежь. С точки зрения науки важно не только изучить новое поколение, которое входит в активную жизненную и трудовую фазу [3, с. 373], с позиции понимания особенностей его представителей, но и разработать пакет адаптивных мер, благодаря которым потенциал молодежи можно будет максимально эффективно использовать в изменившихся условиях жизни.

Поколенческие концепции, сформулированные западными и российскими учеными, сходятся в едином мнении о том, что сейчас наступает активная жизненная фаза людей, которых принято называть «поколением Z» [4, с. 131]. Прежде чем перейти к рассмотрению представителей этого поколения в качестве движущей силы цифрового общества, важно разобрать их качественные характеристики и особенности.

Помимо общепринятого термина «поколение Z», людей, рожденных в период с 1995 по 2005 год, обобщенно называют «цифровое поколение», «поколение digital», «іпоколение», «зуммеры». Типичных представителей этого поколения объединяют общие характерные особенности:

1. Высокий уровень зависимости от «цифровой реальности».

Для представителей поколения Z будущее уже наступило. С самого детства они используют ресурсы сети Интернет для всех сфер своей жизни – обучения, общения, покупок. Они гораздо меньше имеют привязанность к

живому общению со сверстниками, так как это общение в основном уходит в социальные сети. Безусловно, это не могло не сказаться на психологическом портрете представителей поколения, одной из особенностей которых является неумение выходить из реального конфликта, так как основные их конфликты виртуальны. Возможность обучаться онлайн, что является удобным форматом для зуммеров, также накладывает свой отпечаток на них – у многих не развит навык командной работы.

2. Высокий темп жизни и следование последним тенденциям.

Мышление представителей нового поколения работает более динамично, чем мышление их предшественников, что накладывает определенный отпечаток на все сферы их жизнедеятельности. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что поколение Z – поколение стремительно развивающихся технологий. То, что еще вчера было новым трендом, сегодня уже является устаревшим, а завтра уже выйдет новая модель.

3. Низкая степень ориентации на материальное благосостояние, высокая степень потребности в признании.

В отличие от предыдущих поколений, которые застали переходный этап российской экономики в девяностые годы XX века и все тяготы, связанные с ним, представители поколения Z не жили в сознательном возрасте в экономически-сложные периоды, поэтому деньги не составляют для них значимой ценности в прямом смысле. Деньги для представителей поколения Z – это лишь средство достижения цели. Тогда как сама цель в эпоху информационного общества – это признание, известность, трендовость человека в своей социальной группе.

Рассматривать современную молодежь, как субъект цифрового развития, можно с нескольких разных позиций. Одна из них будет в большей степени философской. В рамках такого подхода молодежь не только сама активно познает мир, но и является той движущей силой, которая его меняет. Субъектность такого подхода заключена в потребности представителей молодого поколения быть трендсеттерами, что вызывает у окружающего мира

необходимость постоянно развиваться и привносить какие-то новшества. Молодежь является той категорией, которая наиболее активно реагирует на новинки технологического рынка. Приобретая в 2019 году какой-то модный гаджет, они ожидают, что в 2020 году выйдет следующая модель, которую также важно будет приобрести.

В рамках второго подхода к субъектной природе молодежи, как неотъемлемой части развития цифрового общества, следует рассмотреть представителей молодого поколения в качестве носителей прав и обязанностей. Такой подход обычно более свойственен юриспруденции. Имея высокую степень зависимости от виртуальной формы взаимодействия и потребность в постоянном развитии технологий, представители молодого поколения должны осознавать, что любая технология является плодом интеллектуального труда. Стремительное цифровое развитие будет возможным только при том условии, что будет развиваться общество знаний, и люди, которые являются основой этого развития, будут постоянно вносить свой вклад в него [5, с. 301].

Подход, в рамках которого молодежь рассматривается, как объект цифрового развития, неразрывно связан с таким понятием, как медиапространство. Именно оно является той «оболочкой», которая влияет на все сферы жизнедеятельности молодежи. Несмотря на то, что объект воздействия зачастую носит неодушевленный характер, можно судить о молодежи, как об объекте цифрового развития, имея ввиду тот факт, что именно на молодежь ориентированы основные потоки информации в сети Интернет. Целевая аудитория социальных сетей, блогов, обучающих программ – это именно представители молодого поколения, так как они наиболее открыты к изменениям, следят за тенденциями и имеют более низкий уровень критического мышления, чем взрослые.

Важно отметить тот факт, что современная молодежь часто выбирает не линейную образовательную траекторию, а склоняется к комбинированному варианту обучения, то есть дополняет знания, полученные в учебных

заведениях, самостоятельной работой на онлайн-курсах. В этом плане мы опять же можем говорить о молодежи, как об объекте цифрового развития в силу того, что именно на нее будет направлено массированное рекламное воздействие организаторов обучающих программ в сети Интернет, а также молодежь будет в основной массе являться потребителем этих услуг.

Цифровизация всех жизненных процессов сама по себе не является негативным явлением, безусловно, она ведет к прогрессу. Однако в контексте рассмотрения молодежи в качестве субъекта и объекта цифрового развития важно соблюсти баланс реальности и цифрового пространства [6, с. 402]. Мировоззренческие установки, которые формируются у молодежи в процессе социализации, закладывают «фундамент» их будущих взглядов на жизнь. Медиапространство оказывает огромное влияние на формирование взглядов молодежи, но важно понимать, что информация, идущая потоком в сознание представителей молодого поколения из внешней среды, зачастую является неконтролируемой и не подлежит сортировке на «качественную» и «некачественную», «обучающую» и «пропагандистскую», «научную» и «популистскую». Отсюда важно не только дать молодежи возможность быстрыми темпами развиваться в новом цифровом мире, но также важно контролировать этот процесс силами социальных институтов – семьи, школы, университета и т.п.

Взрослым следует помнить о том, что информационная псевдодебильность – это проблема не ребенка, а взрослого, который не смог оградить его от избыточного влияния информационной среды, что впоследствии оказало влияние на его восприятие, развитие, психологические особенности [7, с. 189]. С точки зрения образовательных учреждений важно соблюсти баланс между вовлечением молодежи в технический прогресс и развитием социальных навыков. Если еще десять лет назад рынок труда диктовал в качестве одного из ключевых требований к работникам «умение работать на компьютере», то сейчас это знание является базовым, а в число основных требований рынка вошли мягкие навыки, такие как умение работать

в команде, умение слушать собеседника, искусство публичных выступлений, умение вести дискуссию. Развитие у молодежи мягких навыков прежде всего лежит не на цифровой среде, а на социальном окружении.

Литература

1. Бойко С.В., Покровская Н.Н. Эволюция бренда социально-гуманитарных исследований в постсовременной экономике знаний и инноваций // Брендинг как коммуникативная технология XXI века. материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией А. Д. Кривоносова. - 2016. - С. 130-133.
2. Вылкова Е.С. Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности / Е.С. Вылкова и др. - Коллективная монография. - Санкт-Петербург, 2020. – 258 с.
3. Покровская Н.Н. Эволюция моделей труда в контексте цифровых технологий // Системный анализ в проектировании и управлении. - сборник научных трудов XXIV Международной научной и учебно- практической конференции : в 3 ч. - Санкт-Петербург, 2020. – С. 369-376.
4. Howe, Neil; Strauss, William (1997). The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York: Broadway Books.
5. Покровская Н.Н. Качество труда и непрерывное обучение в контексте инновационного роста: возможности цифрового образования / Эффективность труда и качество трудовой жизни XXI века. – 2020. – С. 299-307.
6. Левицкая А.Н. Влияние средств массой информации на трудовую социализацию молодежи / А.Н. Левицкая, Л. Каппелли, Д.В. Голохвастов // Технологическая перспектива в рамках евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста. - Труды 5-ой Международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 399-403.

7. Нечунаев В.В. Преодоление клипового мышления у современных студентов // Reflexio. – Т. 11 №2. – 2018. – С. 181-207.

УДК 334.02

Мальцева Ольга Викторовна	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и предпринимательства, Южно- Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ e-mail: ovmaltseva@mail.ru
Марков Владимир Игоревич	магистрант, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ e-mail: darthkotik5@gmail.com

ЦИФРОВАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос необходимости кардинальных преобразований в молодежной политике, который предполагает качественные изменения в процессе взаимодействия государства и молодежи. Одним из путей развития может служить перевод молодежной политики из традиционного вида в цифровую среду. Это поможет установить удобный путь коммуникации и приведёт к улучшению исполнения государственных инициатив.

Ключевые слова: молодежная политика, цифровизация, интернет, молодежь, государство, онлайн-мероприятия, информационное обеспечение молодежной политики

DIGITAL YOUTH POLICY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation: this article discusses the need for radical changes in youth policy, which involves qualitative changes in the process of interaction between the state and youth. One of the ways of development can be the transfer of youth policy from the traditional form to the digital environment. This will help establish a convenient communication path and lead to better implementation of government initiatives.

Keywords: youth policy, digitalization, Internet, youth, state, online events, information support for youth policy

Тренд на цифровизацию, который актуален уже достаточно давно, прочно вошёл в нашу жизнь. В государственном и муниципальном управлении он нашёл своё применение в сфере предоставления услуг, если мы рассматриваем прямое взаимодействие с гражданами, а также СМЭВ и МЭДО, в том случае, если речь идёт о работе в структуре самого государства.

Речь о необходимости принятия закона о молодежной политике идёт уже более десяти лет. Мы предлагаем рассмотреть этот предложенный недавно законопроект подробнее и перевести молодежную политику в цифровое пространство. Такая идея имеет сразу несколько преимуществ:

Во-первых, нет необходимости создавать новую инфраструктуру. Мы можем использовать текущие элементы для распределенной работы всех систем. Это значительно снизит траты на работу технических специалистов и дополнительное оборудование.

Во-вторых, для подавляющего большинства представителей молодежи информационная среда является наиболее удобной как для повседневной работы, так и для взаимодействия между коллегами, родственниками и друзьями.

В-третьих, цифровая среда быстро реагирует на все изменения, благодаря этому молодежная политика не будет отставать от нужд молодежи. Таким образом, мониторинг цифрового пространства изменяет свою позицию с наблюдающей на активно использующую эту информацию для быстрой реакции.

Конечно, надо отметить, что большие успехи уже достигнуты в этом направлении и примером тому может служить АИС «Молодежь России», на базе которой мы и предлагаем оцифровать направление молодежной политики.

На сайте общественной палаты от 27.11.2018 были представлены результаты исследования влияния цифровизации на профессионализацию молодежи. Согласно исследованию, для 90,2 процента российской молодежи

интернет является важным или абсолютно незаменимым источником образовательной и профессиональной информации; 78,3 процента молодых россиян проводит в глобальной сети более четырех часов ежедневно, из них около 38 процентов — до восьми часов в сутки. Для 47 процентов молодежи РФ интернет — это в первую очередь средство получения информации и публичной коммуникации, позволяющее сформировать профессиональный имидж [1].

В этом году, в связи с пандемией, которая заставила большинство людей перейти на удаленный режим работы, произошли качественные изменения в данной сфере. Онлайн-мероприятия, перевод школ и ВУЗов на удаленный режим работы стали не просто трендом, а необходимостью. Не исключено, что подобная ситуация повторится уже зимой. К примеру, в этом году РАНХиГС провёл своё онлайн-мероприятие, посвящённое 1 сентября, в ходе которого директора филиалов поздравили студентов и преподавателей с началом учебного года, а ведущие зачитали поздравления от крупнейших политиков, предпринимателей и государственных деятелей [2]. В таком же режиме прошёл и День Академии, которая в этом году отметила первый юбилей после преобразования. Все эти мероприятия проходили в онлайн-формате, во время трансляций не было никаких серьезных проблем, связанных с технической стороной.

На этом фоне можно выделить проведение летних форумов и встреч в таком же дистанционном формате, создание так называемых цифровых аватаров, которые представляли участников на мероприятии. Примером может служить форум «Территория смыслов», на котором и был примере данный метод [3]. Несмотря на все меры предосторожности, капитаны команд на форуме должны были присутствовать очно, эти меры существенно снижали риск заражения, но не смогли полностью его нивелировать. Перевод таких встреч на удаленный режим взаимодействия может значительно сократить транспортные и организационные расходы.

Цифровизация молодежной политики имеет достаточно слабую проработку. К примеру, с точки зрения законодательства мы можем указать на тот факт, что до сих пор не принят федеральный закон. При этом, в 78 субъектах из 85 есть свои нормативные акты, регулирующие этот вопрос. Но в ближайшее время ситуация может исправиться, так как 16.09.2020 был внесён законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации»

Законопроектом предлагается определить на федеральном уровне такие понятия как: «молодежь», «молодая семья», «молодежная политика» «молодежные общественные объединения» и другие, тем самым закрепив статус граждан, относящихся к «молодежи». Особо стоит отметить, что проектом федерального закона сформирован единый подход к определению возрастной группы, которая относится к категории «молодежи» – это лица в возрасте от 14 до 35-ти лет [4]. В законе также указаны органы, ответственные за реализацию молодежной политики, ее инфраструктура, принципы и так далее.

Однако, изучив документ полностью, мы не нашли упоминания цифровизации или других терминов, указывающих на перевод данной сферы в цифровое пространство. То есть, предлагается работать с группой людей, нацеленных на инновационное развитие старыми методами. Такой подход изначально обречён на провал. В качестве примера неэффективности мы можем привести газету «Наше время», в которой не описывается актуальных для молодежи проблем, связанных с трудоустройством, жильем и вопросов, касающихся дальнейшего развития области. Вместо этого на сайте газеты в актуальных новостях указаны такие темы как: лучший сайт администраций в области, в Россию разрешен ввоз генно-модифицированных бобов и вопросы разрешения на использование специальной сельскохозяйственной техники. Как именно связаны указанные на сайте новости с молодежной политикой в столь сложный для России период пандемии, не уточняется. Из всех опубликованных новостей нечто близко связанным с молодежной политикой имеют только две новости: одна из них связана с недавно открывшимся

досуговым центром в Аксае, а вторая рассказывает о том, что в Красносулинском районе есть хутор, где недоступны телефон, чистая вода и асфальт.

Цифровизация экономики происходит длительное время, имеются серьезные положительные изменения в сравнении с прошлым пятилетним периодом. Тем не менее, рассматриваемый вопрос все ещё находится на той стадии, которая не позволяет прийти кциальному решению проблемы. Связано это, на наш взгляд, прежде всего, с фактором малой информированности.

Согласно нашему прошлогоднему исследованию, проведённого в рамках ВКР в форме опроса, результаты по вопросу информированности группы населения говорят не только о сложной коммуникации, но и о малом проценте информированности молодежи деятельностью регионального комитета.

Опрос проводился в два этапа – 47 человек были опрошены при помощи сервиса Google Forms и еще 183 человека были опрошены непосредственно на улице.

Исходя из полученных данных, мы можем подсчитать соотношение между категориями ответивших:

На вопрос о частоте появления информации респонденты ответили так:

1. Не слышал (27 человек) – 57.45%
2. Редко слышал (15 человек) – 31.91%
3. Слышал (4 человека) – 8.51%
4. Часто – (2 человека) – 2.13%

Как видно из опроса, более половины пользователей практически не знают или даже не слышали о существовании и работе Комитета. Это является очень тревожным показателем, так как категория опрашиваемых – это как раз молодежь, на которое и было направлено воздействие комитета.

Интересен и тот факт, что остальные респонденты, опрошенные непосредственно на улице, подтвердили процентные данные, полученные через сервис. Практически 2/3 не знают о работе Комитета, а правильно ответить на вопрос о его деятельности смогли единицы. В итоге мы можем

констатировать слабую разработанность вопроса информированности граждан о работе государственного органа.

Данная ситуация наглядно показывает недостаток информационного обеспечения и неправильно выстроенную коммуникацию как со стороны органов власти, так и со стороны молодежи. Следует сказать, что этому явлению не первый год и что оно со временем только усугубляется. Параллельно с этим существует проблема общего градуса напряженности и недоверия со стороны населения по отношению к органам власти, но, что касается не политической стороны, а механизма реализации, он демонстрирует в последнее время улучшение показателей, благодаря политике открытости данных.

Динамика численности молодежи и ее доля от общего числа населения в России, в целом, имеет негативную тенденцию. Согласно данным Росстата с 2013 до 2016 г. численность молодежи сократилась на 2,8 млн. человек, а доля молодежи от общего числа населения снизилась до 21,5%. В течение следующих пяти лет до 2025 г. численность молодежи будет снижаться в силу демографических причин, причем это снижение по отношению к 2012 г. будет драматическим – более чем на четверть. Особенno сильное снижение численности молодежи будет в самых продуктивных и с экономической, и с социальной точек зрения возрастах – 23-28 лет – от 35 до 50% [5, 124].

Решением всех этих проблем может стать та модель, которую мы предлагаем. Она может не только улучшить взаимодействие молодежи и органов власти, но и дать возможность работать наиболее эффективно.

Однако, прежде чем принимать эту модель, необходимо провести ряд подготовительных работ:

1. Обеспечить должный уровень безопасности данных.
2. Расширить возможности АИС «Молодежь России» до необходимого уровня.
3. Упростить взаимодействие между молодежью и органами власти путём более эффективного использования информационного ресурса.

Выполнив эти три ключевые задачи, Россия сможет развернуть полномасштабную цифровую молодежную политику, которая станет более простой, быстрой, эффективной и гибкой. Предложенный нами вариант даёт значительный задел на будущее в концепции электронного и цифрового управления государством, что обеспечит более структурированный и адресный подход в работе с молодёжью.

Литература

1. Поколение Z: Готова ли молодёжь к цифровизации? (электронный ресурс, дата обращения 29.09.2020) URL -

<https://www.oprf.ru/press/news/2018/newsitem/47463>

2. День Знаний в Президентской Академии (электронный ресурс, дата обращения 25.09.2020) URL - <https://www.ranepa.ru/dz/>

3. Всероссийский молодёжный образовательный форум «Территория смыслов» 2020, цифровые аватары (электронный ресурс, дата обращения 28.08.2020) URL - <https://myrosmol.ru/measures/view/41679>

4. Законопроект «О молодежной политике в Российской Федерации» (электронный ресурс, дата обращения 02.10.2020) URL -

<https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7>

5. Институционализация молодежного предпринимательства в России. Мальцева О. В., Гончарова О. Ю., Марков В. И., Куприна С. А. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020 № 2, 124-129.

УДК 316

Оsipov
Олег
Георгиевич аспирант, Южно-Российский институт управления
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
,344002, Россия, г.Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская,
70/54).
E-mail: osipov.og@mail.ru

**РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И
ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ С УЧЕТОМ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИСПОЛНЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТЯМИ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Аннотация Социально-культурная адаптация и интеграция иностранных граждан стала важной частью национальной политики Российской Федерации. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, общественные объединения вместе создают благоприятные условия для адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, иностранные граждане, российское общество, национальная политика, публичное управление.

**DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION AND
INTEGRATION OF FOREIGN CITIZENS IN RUSSIA, TAKING INTO
ACCOUNT PERFORMANCE INDICATORS AND OPPORTUNITIES FOR
DIGITALIZATION**

Abstract : Socio-cultural adaptation and integration of foreign citizens has become an important part of the national policy of the Russian Federation. The bodies of state power and bodies of local self-government, public associations work together to create favorable conditions for adaptation and integration of foreign citizens into the Russian society.

Keywords: adaptation, integration, foreign citizens, Russian society, national policy, public administration.

Социально-культурная адаптация и интеграция иностранных граждан в Российской Федерации с каждым годом развивается и позволяет иностранным гражданам комфортнее себя чувствовать в Российской Федерации.

Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» учитывает основные направления развития национальной политики, которые способствуют сохранению и

развитию культурных ценностей народов Российской Федерации, их национальных языков, стабильной и комфортной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество.

Основные направления реализации госпрограммы :

- 1) Реализация мероприятий, направленных на социальную и культурную адаптацию и интеграцию иностранных граждан.
- 2) Обеспечение выплат лицам, ходатайствующим о признании их беженцами, вынужденными переселенцами, а также прибывшим с ними членам семьи.

Мероприятия по социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан позволяют им быстрее и комфортнее влиться в российское общество. Социальная поддержка в виде выплат беженцам, вынужденным переселенцам является помощью от государства нуждающимся людям.

- 3) Проведение мероприятий, направленных на выявление вопросов и выработку эффективных решений и направлений деятельности по социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан.
- 4) Привлечение средств массовой информации к формированию положительного образа иностранного гражданина. Телеканалы, информационные агентства и сайты, блоггеры могут делать репортажи, интервью, статьи, посты об адаптации иностранных граждан России.
- 5) Популяризация легального труда иностранных граждан и улучшение восприятия образа иностранного гражданина в российском обществе.
- 6) Создание интернет-ресурса, посвященного вопросам социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан. Меры цифровизации адаптации иностранных граждан улучшит её удобство и восприятие для иностранных граждан, потому что на сайтах, группах Вконтакте, профилях Instagram, специализирующихся адаптацией и интеграцией иностранных граждан публикуется контент, показывающий необходимые действия по регистрации и оформлению необходимых

документов по пребыванию иностранных граждан в России, рассказывающий о истории и культуре России и её народов, проводятся анонсы и релизы мероприятий по развитию межнациональных отношений.

7) Обеспечение выплат лицам, ходатайствующим о признании их беженцами, вынужденными переселенцами, а также прибывшим с ними членам семьи.

Показатели мероприятий:

1. Количество участников мероприятий, направленных на социальную и культурную адаптацию и интеграцию иностранных граждан, в отчетном году.

2. Доля граждан, не испытывающих негативного отношения к иностранным гражданам, в общей численности граждан Российской Федерации (Позиция в редакции, введенной в действие с 16 апреля 2020 года постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 года N 387-21).

В государственной программе «Реализация национальной политики» есть подпрограмма, посвященная адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации. По состоянию на 16 апреля 2020 года в неё были внесены поправки. В Паспорте подпрограммы № 5 «Социально-культурная адаптация и интеграция иностранных граждан в Российской Федерации», последняя редакция, введена в действие 16 апреля 2020 года Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 года N 387-21 указан ответственный исполнитель подпрограммы - Федеральное агентство по делам национальностей Российской Федерации.

Участниками подпрограммы являются : Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Целью подпрограммы является создание условий успешной социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество. Задачи подпрограммы включают разработку и внедрение научно-методических и образовательно-просветительских программ, информационно-

справочных изданий, ресурсов информационного сопровождения процессов социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан; создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, в том числе для приема и содержания лиц, ходатайствующих о признании их беженцами, вынужденными переселенцами, а также вынужденных переселенцев, беженцев и прибывших с ними членов семьи.

Целевыми показателями (индикаторами) подпрограммы являются:

Показатель 5.1 Количество участников мероприятий, направленных на социальную и культурную адаптацию и интеграцию иностранных граждан, в отчетном году и показатель 5.2 Доля иностранных граждан, успешно сдавших экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, в общем количестве иностранных граждан, сдававших экзамены.

Ожидаемые результаты реализации подпрограммы включают:

– увеличение количества участников мероприятий, направленных на социальную и культурную адаптацию и интеграцию иностранных граждан, в отчетном году (до 4,5 тыс. человек ежегодно к 2025 году); увеличение доли иностранных граждан, успешно сдавших экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, в общем количестве иностранных граждан, сдававших экзамены (до 93,6 процента к 2025 году). Срок реализации данной подпрограммы с 1 января 2017 г. по 31 декабря 2025 г. в один этап¹⁶.

Высшие учебные заведения Российской Федерации подключаются к социально-культурной адаптации иностранных студентов. В Южно-Российском институте управления - филиале РАНХиГС 13 марта 2020 года состоялось общественно-культурное мероприятие, направленное на развитие

---

¹⁶ Правительство России. Государственная программа «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/836/about/>

межнациональных отношений - Фестиваль культур ЮРИУ РАНХиГС 2020 г. Мероприятие было организовано Студенческим советом ЮРИУ РАНХиГС.

Студенты разных народов и культур представляли историю и культуру народов ближнего зарубежья и России. В этом году были показаны русская, украинская, армянская, грузинская, армянская, азербайджанская и дагестанская культуры. Представители культур посредством интересных рассказов, танцев и песен красочно и живо описали особенности исторического и культурного развития народов. Между выступлениями культур проходили розыгрыши призов от партнеров фестиваля.

Заместитель администрации Кировского района города Ростова-на-Дону Косенко Андрей Васильевич высоко оценил хорошую организацию Фестиваля культур ЮРИУ РАНХиГС 2020 года, проведенного Студенческим советом ЮРИУ РАНХиГС.

После выступлений гостей фестиваля ждали столы с блюдами национальной кухни, которые они могли попробовать. Фестиваль культур стал площадкой межнационального и межкультурного взаимодействия студентов института. Хорошими показателями мероприятия стало участие в фестивале 75 студентов, привлечение 15 партнёров из сферы бизнеса и предоставления услуг и просмотр мероприятия более 500 студентами и преподавателями¹⁷.

5 марта 2020 года в Ростовском филиале Российской таможенной академии состоялся День национальных культур «Цветок дружбы». Он уже стал хорошей традицией для студентов Таможенной академии, представляющей себя большую, дружную и многонациональную семью.

Заместитель директора филиала Тирабян Карина Гарушевна обратилась с приветственным словом к участникам и гостям мероприятия. В своей речи она отметила важную особенность этого фестиваля – практически полная

---

¹⁷ Студенческий совет факультета Политологии ЮРИУ РАНХиГС. В Южно-Российском институте управления - филиале РАНХиГС 13 марта состоялось мероприятие, направленное на развитие межнациональных отношений. [Электронный ресурс] Режим доступа:

https://vk.com/studsovetpolitologiiuriu?w=wall-189193913_26

самостоятельность студентов в его организации и проведении. Такой основательный подход свидетельствует о желании студентов стать ближе и лучше узнать друг друга.

Ведущими праздника стали студенты филиала – Елена Галько и Валерий Попов. Команды ребят, представляющих разные народы, словно красочные узоры калейдоскопа, сменяли друг друга на сцене.

Открыл фестиваль зажигательная и самая многочисленная команда студентов, представляющих Армению. Один за другим на сцене вспыхивали яркие выступления, наполненные теплотой и любовью. Выступления команд заманчиво приглашали посетить колоритный Азербайджан, гостеприимную Грузию, загадочные Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую республики, величественный Дагестан, очаровательную Осетию, солнечный Таджикистан, жизнерадостный Узбекистан, уютную Киргизию и красочную Калмыкию. Ребята рассказывали интересные факты, читали стихи, пели песни и исполняли народные танцы. Не осталась без внимания и хозяйка вечера – наша любимая Россия.

После выступления всех команд со словами благодарности к организаторам, участникам и зрителям фестиваля обратилась председатель Совета обучающихся филиала Диана Джанаева.

Завершил фестиваль захватывающий флешмоб – все участники фестиваля вышли на сцену со своими флагами под зажигательную композицию «Флаг моего государства» в исполнении талантливой Анастасии Коломейцевой.

Огромное спасибо всем командам-участникам, организаторам из числа Совета обучающихся Ростовского филиала Российской таможенной академии – Джанаевой Диане, Павлюкевич Анне, Сасиевой Дзерассе, студенческой первичной профсоюзной организации и ее председателю Мальчук Darье за

такой яркий и незабываемый праздник – увлекательное путешествие по уникальным местам нашей страны и всего мира!¹⁸

Российские общественные организации проводят мероприятия, направленные на развитие гражданского общества, международных отношений, навыков публичного выступления и повышения компетенций молодежи.

Всероссийская общественная организация «Молодая гвардия» реализовала федеральный проект «Другой университет». Часть его мероприятий в связи с пандемией коронавируса была переведена в онлайн-режим. В рамках проекта были проведены дебаты в онлайн-формате 27 – 28 апреля 2020 года. Молодые люди опробовали свои возможности в анализе и синтезе информации для формирования тезисов для публичных выступлений на дебатах.

Дебаты включали в себя : 3 тура, 2 ярких дня соревнований, 8 команд, из которых только одна станет победителем, жаркие дискуссии и обсуждение самых актуальных тем для молодёжи. На дебатах молодежь получала возможность высказаться и обрести новые знакомства и впечатления¹⁹.

Международные дебаты прошли в рамках проекта. Экспертами дебатов стали люди, которые погружены в сферу молодежной политики и международных отношений. Ими стали : Диана Фазлитдинова - председатель Академии молодежной дипломатии, член Сообщества глобальных шейперов, член Консультативного совета по делам молодежи Совета Европы ; Елизавета Мишишина - заместитель исполнительного директора СРОО «Мир Молодежи», вице-президент AEGEE – Samara, член команды «Центр академической мобильности»; Виктория Самойлова - руководитель

---

¹⁸ Ростовский филиал РТА. 5 марта 2020 года в нашей большой, дружной и многонациональной семье состоялся долгожданный и уже ставший традицией праздник – День национальных культур «Цветок дружбы» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/B9rx-q4KQGI/?igshid=12vinewiqduat>

¹⁹ Другой университет. Впервые! Дебаты «Другого университета» в онлайн-формате. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vk.com/mger_university?w=wall-112153441_6045.

Департамента молодежных проектов в Ассоциации журналистов и СМИ зарубежья.

Механизм проведения международных онлайн-дебатов был довольно прост, чтобы участники не боялись сделать свой шаг на пути к заветной победе. Мероприятие проходило в три тура. Платформа проведения - Zoom. Темы и позиции «за» или «против» распределялись в прямом эфире. У всех команд было 15 минут для подготовки тезисов. Затем 5 минут для выступления, чтобы отстоять свою позицию. Потом в режиме онлайн все участники выбирали ту команду, которая показалась им наиболее убедительной²⁰.

23 мая прошли крутые онлайн-дебаты от Кировского местного отделения Молодой гвардии. В них приняли участие молодежные команды, объединившие людей из разных городов и университетов. Компетентное жюри задавало интересные вопросы и выносило справедливые решения. Все участники проявили себя достойными дебатерами, что дало им возможность развить навыки поиска информации, выработки тезисов и публичного выступления²¹.

4 июня в 17:00 министр по делам молодежи Республики Татарстан Дамир Фаттахов провел онлайн-встречу с молодежью в рамках проекта «Другой университет». Спикер является заслуженным работником сферы молодёжной политики Республики Татарстан, окончил Московскую школу управления «Сколково», в 2016-2018 гг. был первым заместителем руководителя исполнительного комитета г. Казани. Чтобы принять участие в вебинаре нужно было лишь заполнить анкету регистрации²².

Студенческая онлайн-модель Шанхайской организации сотрудничества, организованная «Другим университетом» МГЕР, была для меня новым

---

²⁰ Другой университет. Всего три дня остаётся до международных дебатов. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vk.com/mger_university?w=wall-112153441_6094

²¹ Олег Осипов. 23 мая прошли крутые онлайн-дебаты от Кировского местного отделения Молодой гвардии. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vk.com/olegosipov15?w=wall153252109_2284

²² Другой университет. Министр по делам молодежи Республики Татарстан в «Другом университете». [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vk.com/mger_university?w=wall-112153441_7462

опытом в сфере изучения международных отношений. Тема онлайн-модели «Восстановление экономик стран Содружества» была очень актуальна. Участники мероприятия полноценно раскрыли её с позиций членов ШОС, экспертов и наблюдателей. Развитие логистических цепочек, упрощение таможенных процедур были тезисами, которые я защищал как представитель Казахстана на онлайн-модели ШОС. Данный формат позволяет развивать анализ и синтез данных, строить тезисы публичной речи²³.

Развитие гражданского общества включает в себя необходимость соблюдения толерантности в отношении к представителям иностранных государств, разных культур, национальностей, вероисповеданий и идеологий. Общественные и культурные мероприятия позволяют создавать позитивную атмосферу адаптации иностранных граждан в российское общество.

Литература

1. Правительство России. Государственная программа «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/836/about/>
2. Студенческий совет факультета Политологии ЮРИУ РАНХиГС. В Южно-Российском институте управления - филиале РАНХиГС 13 марта состоялось мероприятие, направленное на развитие межнациональных отношений. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vk.com/studsovetpolitologiiuriu?w=wall-189193913_26
3. Ростовский филиал РТА. 5 марта 2020 года в нашей большой, дружной и многонациональной семье состоялся долгожданный и уже ставший традицией праздник – День национальных культур «Цветок дружбы» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/B9rx-q4KQGI/?igshid=12vinewiqduat>
4. Другой университет. Впервые! Дебаты «Другого университета» в

---

²³ Молодая гвардия. Онлайн-модель Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mger.ru/novosti/napravleniya/7627-onlays-model-shankhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva-/>

онлайн-формате. [Электронный ресурс] Режим доступа:
https://vk.com/mger_university?w=wall-112153441_6045.

5. Другой университет. Всего три дня остаётся до международных дебатов. [Электронный ресурс] Режим доступа:
https://vk.com/mger_university?w=wall-112153441_6094

6. Олег Осипов. 23 мая прошли крутые онлайн-дебаты от Кировского местного отделения Молодой гвардии. [Электронный ресурс] Режим доступа:
https://vk.com/olegosipov15?w=wall153252109_2284

7. Другой университет. Министр по делам молодежи Республики Татарстан в «Другом университете». [Электронный ресурс] Режим доступа:
https://vk.com/mger_university?w=wall-112153441_7462

8. Молодая гвардия. Онлайн-модель Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://mger.ru/novosti/napravleniya/7627-onlayn-model-shankhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva-/>

УДК 372

Иванова
Людмила.
Леонидовна

кандидат политических наук, доцент Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХ и ГС);
г. Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ОНЛАЙН-КУРСОВ

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ ввел понятия электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, что детерминировало повышение интереса на дистанционное обучение как со стороны образовательных организаций, так и со стороны обучающихся. Использование такой формы обучения как онлайн-курсы посредством

информационной системы Интернет, делает доступными их максимально большому количеству людей, что особо актуально для сегодняшнего информационного общества.

К сегодняшнему дню количество онлайн-курсов, предлагаемых различными образовательными организациями, возросло по экспоненте по сравнению с прошлыми годами, что вызывает резонный вопрос о качестве этих курсов. Для этого стоит вспомнить о дидактике – науке об обучении и образовании, принципы которой позволяют оценить курс со всех сторон.

Во-первых, необходимо оценить онлайн-курс по его цели. Если по окончании курса заявленная цель достигнута, то в целом курс может быть положительно оценен. Однако такой оценки недостаточно, поскольку важно оценить и содержание курса.

Согласимся с А.А. Андреевым в том, что процедура оценивания должна быть построена на совокупности показателей качества. В данном случае можно использовать целый комплекс подходов:

- по типу оценки: педагогический, технико-эргономический, экономический;
- по методам обработки полученной количественной оценки индикаторов (показателей) качества: ручной, автоматизированный;
- по представлению результата обработки индикаторов для принятия решения: результат предоставляется одним числом или наглядно в форме диаграммы;
- по тому, кто оценивает курс: эксперты, студенты, преподаватели [1].

Особенностью оценки качества онлайн-курсов является пролонгированность во времени. Это связано в том числе и с периодом его аprobации. Первую оценку качества, несомненно, можно получить от экспертного сообщества. Именно эксперты могут оценить содержательную составляющую курса, соответствие задач – цели курса, эффективность подобранных форм и методов обучения, эффективность средств оценивания

полученных знаний. Экспертная оценка позволяет разработчику внести дополнения и изменения в онлайн курс еще до этапа его апробации. Например, мне, как участнику проектной группы по разработке и внедрению онлайн-курса для участковых избирательных комиссий, приходится отслеживать обратную связь от слушателей, и, в том числе, принимать во внимание некоторые замечания по итоговому тестированию. В частности, слушатели обращаются с предложением увеличить время, отведенное на прохождение теста, поскольку за предложенный временной промежуток они успевают пройти не более 80% тестовых заданий. Мы связываем это в том числе и с тем, что синхронизация времени была осуществлена при ответе на вопросы экспертом в данной области и наша команда не учла того, что отвечать на вопросы будут люди, которые получают многие знания впервые, поэтому им необходимо более длительное время для ответов. Нашей проектной группой были внесены изменения в онлайн-курс.

Немаловажным этапом является оценка онлайн-курса оператором ресурса «одного окна» для его аккредитации на онлайн-образовательной платформе. В данном случае проводится проверка соответствия курса минимальным обязательным требованиям, в том числе и работоспособность компонентов онлайн-курса.

Стоит отметить и то, что оценить курс могут потенциальные «слушатели». Это так называемая непрерывная оценка, поскольку пользователи являются индикатором эффективности предложенного курса. Обратная связь от них позволяет обратить внимание разработчика на «тонкие» места курса (например, форму подачи материала, недостаточную наглядность, сложность средств оценки и т.д.).

Система оценки качества онлайн-курсов решает ряд важных задач:

- обеспечение доверия к онлайн-курсам образовательной организации;
- упрощение процесса принятия решения о зачете результатов обучения на онлайн-курсе;

- использование образовательных онлайн-платформ;
- обеспечение конкурентной среды на рынке образовательных онлайн-услуг [2].

Таким образом, комплексная оценка онлайн-курсов позволяет получить всестороннюю информацию о его качестве, собираемую из разных источников, что гарантирует ему успешное продвижение.

Литература

1. Андреев А.А. Оценка качества онлайн-курсов // Территория науки. 2015. № 1. С. 20-26.
2. Карасик А.А., Ларионова В.А., Кузьмина А.В. Система оценки качества онлайн-курсов и виртуальная академическая мобильность // Новые информационные технологии в образовании и науке. 2018. № 1. С. 65-72.

УДК 316.6

Панкратова
Ирина
Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент
кафедры организационной и прикладной
психологии образования, Южный
федеральный университет
e-mail: iapankratova@sfedu.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: В настоящее время, наблюдается значительный рост времени, которое люди проводят в Интернете, в период пандемии это время увеличилось в несколько раз. Необходимость находиться постоянно на связи, быть в курсе новостей, обучение вызывает рост интернет-зависимости. Проблема интернет-зависимости стала особенно актуальна. В статье описываются результаты исследования личных предикторов интернет зависимости подростков

Ключевые слова: подростки, подростковый возраст, интернет, интернет зависимость, предикторы, личность, личностные характеристики.

PERSONAL CHARACTERISTICS AS PREDICTORS OF INTERNET-DEPENDENT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

Abstract: Currently, there is a significant increase in the time people spend on the Internet; during the pandemic, this time has increased several times. The need is found constantly in touch, in the news, training causes an increase in Internet addiction. The problem of Internet addiction has become especially urgent. This article describes the results of a study of personal predictors of adolescent interdependence.

Key words: teenagers, adolescence, internet, internet addiction, predictors, personality, personality characteristics.

В современном мире отмечается постоянный рост Интернет-пользователей, а в период пандемии количество проводимого времени в Интернет возросло значительно: учеба, работа, общение перешло на просторы Интернет. Реалиями настоящего времени являются, с одной стороны, жизненная потребность быть «на связи» и «в курсе событий», а, с другой стороны, – непрерывно увеличивающийся поток информации, который человеку необходимо «пропустить через себя». Информационные технологии в целом, и Интернет – в частности, стали тем важным посредником, которые помогают соединить эти стороны вместе, при этом возраст «среднего» пользователя постоянно снижается, что не может не оказывать воздействие на формирование и развитие личности современного молодого человека.

К позитивным эффектам относятся практически неограниченные возможности для общения и обмена информацией, доступ к разнообразным ресурсам и услугам, и т.п. К негативным последствиям использования Интернета относится, в первую очередь, разнообразие появившихся зависимостей, включая Интернет-зависимость (зависимость от социальных сетей, сетевых игр, «блуждание» по страницам и т.п.), гаджет-зависимость и т.п.

Феномен Интернет-зависимого поведения, благодаря развитию информационных технологий, постоянно видоизменяется, что определяет особую потребность подробного изучения данного явления. И, несмотря на постоянное увеличение количества исследований в этой области, на данный

момент не существует единого, признанного всеми, определения Интернет-зависимости, а также отсутствуют единые критерии и типологии этого феномена.

Впервые проблема Интернет-зависимого поведения стала изучаться около 25 лет назад. Несмотря на то, что Интернет не был столь широко распространен как сейчас, но некоторые признаки Интернет-зависимости были выделены. Психологические и физические симптомы, характерные для данного вида зависимости, выделил доктор М. Орзак. М. Гриффитсом была рассмотрена возможность формирования Интернет-зависимости на базе других форм зависимого поведения [1].

В Российской Федерации проблема Интернет-зависимости стала активно изучаться в последнее время. А.Е Войскунский разработал собственные критерии оценки данного вида зависимого поведения [2]. В.А. Лоскутова изучила культуральные особенности у пользователей Интернета русскоязычного сегмента. А.Ю. Егоров, А.Е. Жичкина, Е.А. Петрова и И.В. Чудова и др. исследовали личностные особенности Интернет-зависимых пользователей.[3] Важно отметить, на данный момент психологические особенности подростков с разным уровнем Интернет-зависимого поведения исследованы недостаточно.

Таким образом, проблема профилактики Интернет-зависимого поведения, выявления факторов, способствующих его возникновению, а также предикторов, указывающих на возможные зоны риска в подростковом возрасте, является чрезвычайно актуальной и нуждается в подробном изучении.

На основе проведенного теоретического исследования было установлено, что Интернет-зависимость можно определить по трем пунктам:

- количество времени нужное пользователю для достижения удовлетворения возрастает;
- если человек не увеличивает количество времени, которое он проводит в Интернете, то эффект заметно снижается;

– если пользователь прекращает или сокращает время проводимое в интернете, то это приводит его к плохому самочувствию, которое развивается в разных промежутках например от нескольких дней и до месяца и очень часто выражается более чем двумя факторами такими как: эмоциональное и двигательное возбуждение, повышенная тревожность, навязчивые мысли об интернете, а так же произвольные и не произвольные движения пальцами.

К психологическим признакам относятся:

- раздражение при вынужденном отвлечении;
- отсутствие желания прекратить время провождение в сети интернет;
- смена приоритетов человека (больше времени человек уделяет компьютеру, а не семье как полагается);
- при отсутствии либо невозможности проводить время за компьютером человек может испытывать депрессию, раздражение либо ощущение пустоты;
- повышается времяпровождение человека в сети интернет;
- пользователь может испытывать эйфорию и постоянное улучшение самочувствия при времяпровождении в сети интернет;
- пользователь начинает врать окружающим о своей деятельности и это часто сопровождается проблемами на учебе и работе.

Также выделяют 6 типов Интернет-зависимости:

- Игровая зависимость.
- Пристрастие к просмотру фильмов через Интернет.
- Навязчивый веб-серфинг.
- Киберсексуальная зависимость.
- Пристрастие к виртуальному общению и виртуальным знакомствам.
- Навязчивая финансовая потребность (Интернет-аукционы, казино и т.п.) [4].

Интернет – один из многих способов изменения состояния своего сознания, то что происходит в виртуальном пространстве создает ощущение

реальности, окружающий мир уходит на второй план, при этом данный способ изменения сознания является леагальным и не влечет никакого наказания. Обычно зависимые от Интернета люди страдают от одиночества в реальной жизни и стремятся восполнить и скомпенсировать эмоции не полученные в реальной жизни. При этом людям свойственно вместо решения проблем отрицать ее наличие или уходить от нее. В результате пользователь Интернета не решает свои проблемы, а порождает новые своим отрицанием либо уходом от реальности. В.А. Бурова в своей работе «Интернет-зависимость, как форма нехимических аддитивных расстройств» выделяет некоторые причины зависимости:

- анонимность в сети – пользователь испытывает чувство защищенности и безопасности;
- формируются новые (дополнительные) образы пользователя (различные его фантазии);
- широкие возможности поиска новых партнеров по переписке, так же можно с легкостью отказаться от него и искать нового.

По мнению К. Янг, Интернет-зависимость может сочетаться со степенью депрессивности, а именно с патологией. Пользователи настолько боятся быть отвергнутыми в жизни, что начинают жить и общаться в Интернет мире. [5]

Особенностями подросткового возраста являются острая потребность быть понятым и принятым, нестабильность самооценки, беспокойство относительно своих личностных особенностей (способности, характер, авторитетность, внешность и др.), и завышенные требования к себе, часто повышенный уровень тревожности и агрессивности, а также субъективное ощущение одиночества. Все это может подтолкнуть подростка к уходу из объективной в виртуальную реальность.

Нами было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 13 до 15 лет в количестве 60 человек с разным уровнем Интернет-зависимого поведения. По результатам

проведенного эмпирического исследования были сделаны ряд выводов и обобщений:

1. Средний возраст начала его активного использования составляет 11 лет. При этом к 14 годам уже больше половины школьников не представляют свою жизнь без Интернета, замещая виртуальным погружением некоторые сферы своей реальной жизни и испытывая дискомфорт при его отсутствии.

2. В целом все респонденты продемонстрировали низкую и среднюю степень склонности к различным видам зависимостей. При этом подростки, несклонные к Интернет-зависимости демонстрируют тенденцию к таким видам зависимости, как «пищевая зависимость», «зависимость от межполовых отношений» и «зависимость от здорового образа жизни».

3. Подростки с более выраженным уровнем Интернет-зависимости, более часто испытывают повышенный уровень тревожности и могут демонстрировать агрессивное поведение в повседневной жизни, при этом они имеют несколько заниженные представления о своих возможностях и в зависимости от уровня Интернет-зависимости подростки отличаются уровнем уверенности в себе. Подростки с более высоким уровнем Интернет-зависимости также больше склонны к переживанию чувства субъективного одиночества.

4. Статистическая обработка данных психодиагностического исследования позволила доказать, что подростки с разным уровнем Интернет-зависимого поведения будут отличаться по степени выраженности у них психических состояний (тревожность, агрессивность) и уровню самооценки.

Статистически значимых различий между уровнем Интернет-зависимости и переживанием субъективного чувства одиночества не выявлено. Особенности переживание субъективного чувства одиночества в связи с разным уровнем Интернет-зависимого поведения требуют дополнительного исследования.

5. Корреляционный анализ полученных данных позволил выявить, что существует взаимосвязь между уровнем выраженности психических

состояний (тревожность, агрессивность), самооценкой, чувством одиночества и уровнем Интернет-зависимого поведения у подростков. Зависимость от компьютера (Интернета) прямопропорционально связана с такими психическими состояниями, как тревожность и агрессивность, и обратнопропорциональна уверенности в себе и таким видам зависимости, как пищевая, любовная, зависимость от межполовых отношений и зависимость от здорового образа жизни.

Состояния тревожности и агрессивности тесно прямопропорционально взаимосвязаны и имеют прямую корреляционную связь с субъективным ощущением одиночества. Также тревожность прямопропорционально взаимосвязана с зависимостью от межполовых отношений и фрустрацией и обратнопропорционально связана с уверенностью в себе и зависимостью от здорового образа жизни.

Уверенность в себе подростков прямопропорционально связана с такими компонентами самооценки, оценка своего авторитета и способностей и обратнопропорциональна субъективному ощущению одиночества.

На основании проведенного психодиагностического исследования, а также статистической обработки данных можно заключить, что повышенная тревожность и агрессивность подростка, а также низкий уровень уверенности в себе и субъективное ощущение одиночества могут выступать как предикторы Интернет-зависимости.

Литература

1. Рогова Е.Е., Суворова Е.В. Интернет-зависимость – проблема современной молодежи // Science Time. 2015. №12 (24) С.641-646.
2. Войсунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета II Гуманитарные исследования в Интернете // Под ред. Войсунского А.Е. – М.: Можайск-Терра. 2000. С. 100-131.
3. Ловпаче Ф.Г. Психологические особенности Интернет-аддикции как актуальная проблема современного мира // Вестник Адыгейского

государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2017. №2 (198). – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-internet-addiktsii-kak-aktualnaya-problema-sovremennoogo-mira> (дата обращения: 21.04.2020).

4. Войскунский А.Е. Психологические исследования феномена Интернет-аддикции. – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.psychology.ru/internet/ecology/04.stm> (датапосещения: 19.09.2020)

5. Бурова В.А. Интернет-зависимость, как форма нехимических аддиктивных расстройств. Автореф. дис. канд. мед. наук – Новосибирск, 2014.

УДК 008

Пивоваров
Александр
Михайлович

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет,
a-pivovarov@mail.ru

Пушкина
Анастасия
Антоновна

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, st061567@student.spbu.ru

ФОРМЫ ТЕЛЕСНОГО КАПИТАЛА В ФИТНЕС-БЛОГАХ СЕТИ INSTAGRAM

Аннотация: В работе содержатся результаты pilotного исследования аккумуляции телесного капитала в блогах, фокусирующихся на тематике заботы о своем теле с помощью различных видов фитнеса. В выборку вошли 10 фитнес-блогов с наибольшим числом подписчиков в российском секторе сети Instagram. В качестве теоретической рамки анализа используется современные интерпретации бурдьезианской теории капитала.

Ключевые слова: тело, телесность, телесный капитал, физический капитал, эротический капитал, гендерный капитал, эстетический капитал, Бурдье.

FORMS OF BODY CAPITAL IN INSTAGRAM FITNESS BLOGS

Annotation: The paper uses the results of a pilot study of body capital in blogs that focus on caring for your body through various types of fitness. The sample

included 10 fitness blogs with the largest number of followers on the Russian Instagram network. The modern interpretation of the Bourdiesian theory of capital is used as a theoretical basis for the analysis.

Keywords: body, corporeality, physical capital, bodily capital, erotic capital, gender capital, aesthetic capital, Bourdieu.

Для анализа репрезентации телесности в фитнес-блогах мы выбрали на одну из наиболее признанных в социальных науках концепций капитала, а именно теорию П. Бурдье, согласно которому культурный капитал в его инкорпорированном виде существует «в форме длительных диспозиций ума и тела». Помимо культурного багажа личности, этических представлений, эстетического вкуса, и пр., инкорпорированная форма культурного капитала аккумулируется в форме телесного капитала («body capital») [1], который согласно П. Бурдье, формируется во взаимоотношениях трех переменных: социальной локации, габитуса и вкуса, и проявляется в качествах внешности, здоровья и манеры поведения конкретного индивида.

Несмотря на то, что утверждение П. Бурдье о том, что тело тесным образом связано с репрезентацией социального положения («классовой принадлежностью») своего обладателя, находит определенные подтверждения, нам близка позиция [2], согласно которой телесный капитал может рассматриваться как независимая форма капитала (наряду с экономическим, культурным и социальным), именно потому, что телесность современного человека сама по себе обладает тем потенциалом, который способен влиять на создание, поддержание и преодоление социальных неравенств.

Идея П. Бурдье рассматривать телесность в качестве капитала оказалась очень востребованной в современных Body studies. В этой области за последние возникло немалое число новых концептов, отражающих различные стороны телесности, среди которых наибольшей значимостью, на наш взгляд, обладают физический, эротический, гендерный и эстетический капитал.

– Физический капитал понимается нами как совокупность объективно наблюдаемых физических свойств организма, позволяющие

получать те или иные выгоды, либо в своем прямом применении, либо с помощью своего символического значения. Яркие примеры функционирования физического капитала можно встретить в особых профессиональных областях, таких как спорт или индустрия моды [3; 4].

– Под «эротическим капиталом» понимается как «качество и количество свойств индивида, которые вызывают в другом эротический отклик» [5]. Эротический капитал функционирует в двух идеальных разновидностях, коррелирующих с разными гендерными стратегиями. В своей самой простой форме эротический капитал проявляется в количестве и разнообразии партнеров. Второй тип эротического капитала связан с накоплением ресурсов, которые могут быть конвертированы в другие формы капитала и в большей степени отражает «женскую» стратегию поведения в поле сексуальности.

– Гендерный капитал индивида тем выше, чем больше его наружность, манера поведения, формы активности, демонстрируемые ресурсы и пр. ассоциируются с теми типами маскулинности, феминности и иных разновидностей гендера, которые доминирует в рамках определенного гендерного режима [6] - локального набора договоренностей и предпочтений, касающихся гендера.

– Эстетический капитал понимается как особенности красоты, которые воспринимаются как активы, способные принести привилегии, возможности и благосостояние [7]. В качестве таких активов могут восприниматься свойства лица, прически, телосложения, одежды, макияжа, татуировок и аксессуаров, и которые могут стать залогом социальных и культурных различий, привилегий и богатства.

Капитализации телесности имеет два аспекта: аккумуляция и конвертация. Аккумуляция телесного капитала осуществляется с помощью различных форм “body work, бодимодификаций, «покупки красоты» и прочих вложений в свойства внешности и здоровья. Конвертация телесного капитала

заключается в возвращении инвестиций в виде материальных и символических прибылей.

Для первичного анализа нами было отобрано 10 российских фитнес-блогов в сети Instagram с разными концепциями ведения, разным объемом аудитории, с отличающейся гендерной принадлежностью (см. Таблицу 1). Выборка формировалась методом «снежного кома», через просмотр подписок блогера на различные фитнес блоги.

Таблица 1. Описание фитнес-блогов сети Instagram, попавших в выборку.

Название блога в сети Instagram	Гендерная принадлежность	Количество подписчиков	Статус блога в рамках соц. сети Instagram
@serovski	Мужской	3,8 млн	Блогер
@usmanovakate	Женский	3,6 млн	Тренер по фитнесу
@nastyashardakova	Женский	1,4 млн	-
@stasy.morozova	Женский	1,1 млн	-
@tema_fit	Мужской	1 млн	Личный блог
@valeriya_bearwolf	Женский	916 млн	Тренер по фитнесу
@denisgusev_com	Мужской	525 тыс	Спортсмен
@yana_smith_kuznetsova	Женский	478 тыс	Спортсмен
@tanyatgym	Женский	474 тыс	Блогер
@ingvarvoitenko	Мужской	446 тыс	-

Далее мы будем говорить о том, как фитнес-блогеры сети Instagram, конструируя свой образ с помощью визуального контента, аккумулируют телесный капитал по обозначенным направлениям. На данном этапе исследования мы не проводили специальных интервью с блогерами, но есть все основания полагать, что цель этой аккумуляции напрямую подчинена коммерческим интересам. Она заключается в конвертации телесного капитала в капитал коммуникативный [8], основой которого является внимание аудитории, т.е. время, проведенное интернет-пользователями на определенном участке Сети, в данном случае на странице в социальной сети.

Что касается *физического капитала*, то из фотоматериалов, размещенных на личных аккаунтах выяснилось, что шесть из десяти спортсменов (три мужчины и три женщины) участвовали в соревнованиях по бодибилдингу или фитнес-бикини, что уже говорит об их уровне физической подготовки. Перед соревнованиями такого рода спортсмен набирает большое количество мышечной массы и выводит из организма лишнюю воду, избавляется от большого количества жирового запаса, что делает тело более рельефным. После окончания подготовки и участия в соревнования спортсмен приходит в более спокойный образ жизни, без строгих ограничений и изматывающих тренировок. Однако, как показал визуальный анализ, демонстрируемая спортивная форма не утрачивается, а поддерживается в отличном состоянии. Те блогеры, которые не принимали участия в соревнованиях, но тем не менее имеют отношение к фитнес тренировкам, спортивному образу жизни и т. п. демонстрируют обладание атлетичной фигурой. Все спортсмены независимо от их опыта в фитнес индустрии имеют рельефное тело, у мужчин хорошо выделяется хорошо проработанная верхняя часть тела (руки, торс, плечи, грудные мышцы), а у женщин выделяются мышцы пресса, ягодицы и ноги.

Анализ *гендерного измерения капитализации телесности* в отобранных фитнес-блогах показывает, что на сегодняшний день происходят заметные изменения в представлениях об отцовстве и роли отца в формировании и поддержании института семьи. Изменения заключаются как в увеличении включенности мужчины в семейные дела, уходу за детьми, так и уменьшения значимости традиционной патриархальной модели отцовства.

Так, на странице блогера @serovski можно увидеть сконструированный образ «идеального» отца и мужчины. В описание профиля говорится: «качаю мышцы, своих деток и мозг», что является хорошей иллюстрацией позиционирования себя как успешного человека и семьянина. Сам мужчина в спортивной форме, ведет активный образ жизни и помогает людям как личный тренер совершенствовать свое тело. Из 30 последних публикаций с фото на личной странице, лишь на 6 фотографиях мужчина запечатлен один. На

остальных 24 фотографиях блогера можно увидеть с женой и детьми. На фото изображены и рекламные интеграции, и спортивные достижения, и совместный отдых. То есть контекст фотографий достаточно разнообразный: от повседневной домашней рутины до путешествий и ярких праздников. Исходя из этого можно судить о том, что мужчина практически все свое время проводит с семьей и даже разделяет с ней свою рабочую деятельность, поскольку Instagram страница так же является и бизнес-аккаунтом. После просмотра таких изображений складывается впечатление, что в семье теплые и близкие отношения с детьми и между супругами.

Таким образом, можно сказать, что данный фитнес-блог является примером той стратегии аккумуляция гендерного капитала, которая укладывается в рамки типа «ответственного отца» [9], то есть отца чье поведение отличается вовлеченностью в заботу и воспитание, а также способностью брать ответственность за физическое и личностное развитие детей.

В целом анализ подтверждает представления о том, что мужчины демонстрируют не менее тщательное внимание к своей внешности, чем женщины. Прическа, стрижка, растительность на лице, одежда и аксессуары подобраны в соответствии с тенденциями моды и визуально привлекательны для зрителя.

Гендерная капитализация женской телесности в проанализированных блогах полностью укладывается в современные конвенциональные представления (стандарты) об идеально красивом женском теле. Ведущие фитнес-блогов из нашей выборки, демонстрируют себя в качестве обладательниц хорошо «проработанных» ягодиц, эстетической формы груди и в целом фигуры типа «песочные часы».

Эротизация телесности в блогах в сети Instagram чаще всего проявляется в визуализации желаемого образа. Почти в каждом из выбранных женских блогов есть фотографии (профессиональные и непрофессиональные) в откровенном нижнем белье или купальнике, что является максимально

простым и явным способом привлечь внимание к своей фигуре, ее достоинствам и отличительным параметрам. Существует также особый тип фотографий, который, по нашему мнению, является более сложным для конкретного писания, потому как он проявляется в символических компонентах, в различных вариациях составляющих образ сексуальности девушки. Это может быть яркий макияж, красная помада, длина ногтей, особая укладка волос, наличие татуировок, взгляд, отличительная мимика лица, рта, поза и жесты.

В качестве маркеров аккумуляции эротичного капитала блогерами-мужчинами можно рассматривать оголенный атлетический торс, особые позы, например, сокращение мышц торса, рук, спины и т. п. У каждого из выбранных блогеров-мужчин есть фотографии в коротких футболках/майках/шортах, демонстрирующих их физическую форму. Видимо, для создания эротического эффекта во всех анализируемых мужских блогах можно увидеть немало фотографий, сделанных после занятий в спортивном зале. По-видимому, это объясняется распространенным представлением о том, что образ уставшего от интенсивной тренировки с небрежно взъерошенными волосами мужчины придает особую привлекательность снимку.

Эстетическое измерения капитализации телесности вызывало наибольшие сложности при анализе визуального контента фитнес-блогов, поскольку на практике оказалось практически невозможным отделить его от других форм телесного капитала. По-видимому, это связано с тем, что в случае с фитнес-блогами эстетическое впечатление возникает как синергетический эффект сочетания физических, гендерных и эротических характеристик конструируемых телесных образов.

Исходя из анализа фотографий в блогах женщин из нашей выборки выяснилось, что для них наиболее часто используемой тактикой аккумуляции телесного капитала является использование эротизированных изображений. Эта тактика и помогает женщинам расставлять акценты в демонстрации своей телесности. В мужских фитнес-блогах наиболее востребованной тактикой

аккумуляции телесного капитала является акцент на формировании физической формы, чаще всего через демонстрацию усердной работы в зале по наращиванию мышечной массы и проработке отдельных групп мышц.

Литература

1. Bourdieu, P. (1986) The Forms of Capital // In Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / edited by J. G. Richardson. New York, N.Y.: Greenwood Press. Pp. 241-258.
2. Hutson, D. (2012). Training bodies, building status: Health, physical capital, and the negotiation of difference in the U.S. Fitness Industry. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of Michigan.
3. Wacquant, L. 1995. Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labour among Professional Boxers / Body & Society 1(1): 65-93.
4. Mears, A. and Finlay W.,(2005) Not Just a Paper Doll: How Models Manage Bodily Capital and Why They Perform Emotional Labor. Journal of Contemporary Ethnography 34(3): 317-343.
5. Green, A. (2008) The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach // Sociological Theory, 26(1) 25–50.
6. Bridges, T.S. 2009. Gender Capital and Male Bodybuilders. Body & Society, 15 (1), pp. 83-107.
7. Anderson T. L., Grunert C., Katz A. and Lovascio S. (2010) Aesthetic Capital: A Research Review on Beauty Perks and Penalties // Sociology Compass 4/8, pp. 564–575.
8. Декалов В. В. Коммуникативный капитал: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 397–409
9. Клёцина И. С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы. СПб.: Питер, 2010. С. 7—28.

УДК 316.324.8

Крицкая
Анна
Александровна
Кандидат политических наук, доцент кафедры
политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС,
научный руководитель
e-mail: kritskaya-aa@ranepa.ru

Клименко
Андрей
Георгиевич
Магистрант факультета политологии ЮРИУ
РАНХиГС
e-mail: prytkovevgeni@yandex.ru

Прытков
Евгений
Павлович
Студент очной формы обучения, 4 курса,
факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС, e-mail:
prytkovevgeni@yandex.ru

Куклицкий
Андрей
Валерьевич
Студент очной формы обучения, 4 курса,
факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС, e-mail:
andreas_top@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ЦИФОРВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В настоящей научной работе рассматриваются аспекты цифрового развития молодежи и цифровизации общества в целом. Приведены актуальные экономические и социально-политические факторы цифровизации, даны необходимые понятия и определения, а также анализ приведенных процессов.

Ключевые слова: цифровизация; молодежь; общественные трансформации; интернет; цифровое развитие; общество.

YOUTH AS A SUBJECT AND OBJECT OF DIGITAL DEVELOPMENT

Annotation. This research paper examines aspects of digital development of youth and digitalization of society as a whole. The current economic and socio-political factors of digitalization are presented, the necessary concepts and definitions are given, as well as an analysis of the above processes.

Keywords: digitalization; youth; social transformations; Internet; digital development; society.

Цифровизация стала неотъемлемой частью нашей жизни, и процесс внедрения цифровых технологий имеет общемировую тенденцию. Сегодня, в

условиях информационного общества, основным ресурсом становится информация, оказывая влияние на все сферы экономики. С процессом становления цифровой экономики произошла массовая цифровая трансформация, именуемая по-другому процессом «цифровизация»

При этом, стоит отметить, что цифровизация – это преобразование информации в цифровую форму, то есть внедрение современных технологий в любые сферы жизни общества, результатом которого является доступность и простота многих процессов в нашей повседневной деятельности.

Иными словами, это революционная трансформация всех сфер жизни, поскольку просто разработка и внедрение сайтов, чат-ботов, приложений, искусственного интеллекта, анализа данных являются недостаточными для того, чтобы произошла цифровизация. Так как под данным понятием понимается также и глубокое преобразование продуктов и услуг, структур организаций, стратегий развития, технологий во всех областях [6, с. 149].

Необходимость цифровой трансформации продиктована изменениями в обществе, сейчас молодежь желает получать продукцию и услуги моментально и без особых усилий, поэтому данный процесс во многих аспектах упрощает и улучшает качество жизни. Так, к преимуществам цифровизации можно отнести:

- снижение издержек,
- оперативное получение информации,
- возможность персонализированного воздействия,
- экономию времени,
- ускорение и облегчение различных процессов [3, с. 145].

Сегодня, в связи с процессами цифровизации, особенно обостряются вопросы места и роли молодежи в рамках цифрового развития общества. Молодежь, выступая, как объектом, так и субъектом данного процесса, требует отдельного изучения как феномен.

В настоящее время прослеживаются тенденции расширения сфер социальной жизни молодежи, упрощения доступа к информационным

ресурсам, что продиктовано цифровым развитием. Молодежь, являясь наиболее мобильной социальной группой, занимает важное место в социально-экономических процессах общества, так как быстрее всего реагирует на появившиеся изменения [2, с. 40].

Характеризуя молодежь как субъект цифрового развития, нужно отметить, что новое поколение обладает возможностями для реального преобразования общественных сфер, помимо устойчивых процессов воспроизведения уже сложившихся социальных отношений.

Также к характеристикам молодежи можно отнести зависимость настроений и массового сознания данной социальной группы от непосредственных условий жизни, и нетерпимость, в случае неудовлетворенности этими условиями [4, с. 9].

Можно выделить ряд отличительных особенностей сегодняшней молодежи, к которым относят:

- использование технических средств для коммуникаций с окружающим миром;
- преобладание взаимодействия в онлайн среде над реальным общением;
- возрастание скорости реакции на информацию;
- снижение авторитета старшего поколения, и повышение уровня доверия к сети Интернет;
- высокая степень убежденности в своем мнении без достаточного числа достоверных подтверждений;
- повышение креативности и смелости в творческих проявлениях [5, с. 32].

В процессе формирования цифровых реалий и глобализации общества, молодежь начала обретать новые черты, благодаря которым начал изменяться как статус этой социальной группы, так и формироваться ее новая роль в обществе.

Данную тенденцию можно связать с виртуализацией общения молодежи, расширением цифрового пространства и быстрого освоения его молодежью. Социологические исследования показывают, что для молодежи сегодня виртуальное пространство стало наиболее удобной площадкой для учебы, работы и общения, и именно это поколение занимает большую долю пользователей цифровых ресурсов.

Нужно отметить, что для использования результатов цифрового развития общества, необходимо обладать рядом навыков и умений, которыми в большей степени владеет именно молодежь. К таким навыкам относятся:

- Развитые цифровые навыки: Они связаны с разработкой технологий, включая программирование, разработку программного обеспечения и приложений, управление сетями, машинное обучение, анализ больших данных.

- Базовые цифровые навыки: это общие навыки работы с ИКТ, необходимые практически на любом рабочем месте. Они включают поиск в интернете, общение в интернете, использование профессиональных онлайновых платформ и цифровых финансовых услуг.

- Цифровые навыки среднего уровня: включают графический дизайн и маркетинг, подготовку публикаций и управление социальными сетями и требуются как для рабочих мест, так и для занятия предпринимательской деятельностью.

- Навыки межличностного общения: это навыки, необходимые для эффективного сотрудничества в цифровой экономике.

- Цифровые предпринимательские навыки: это навыки, необходимые предпринимателям, они включают онлайневые исследования рынка, стратегическое планирование, бизнес-анализ и использование платформ для сбора средств.

Безусловно, в общем понимании, именно на молодежь возлагаются самые большие надежды в сфере цифрового развития общества. Но у данной социальной группы есть и проблемные черты, такие как отсутствие

жизненного опыта, подверженность влиянию извне, из-за чего нередко в поколении Z встречаются негативные настроения, берущие начало именно в цифровом пространстве.

Но превалируют, все-таки, положительные последствия цифровизации, к которым можно отнести:

- сформированное личное мнение,
- хорошее образование,
- креативность,
- индивидуализм,
- правовую грамотность,
- гражданскую ответственность.

Сегодня с увеличением количества источников информации и развитием виртуальной коммуникации, молодежь имеет возможность быстрее получать знания, раньше обретать независимость, при этом параллельно достигая своих целей в оффлайн пространстве.

Безграничные возможности для коммуникаций в любой точке планеты, и одновременно со многими людьми, применение новейших средств обмена информацией, открытость и отсутствие препятствий для общения позволяют считать нынешнюю молодежь самым универсальным и свободным поколением.

Безусловно, цифровое развитие сегодня внедряется во все сферы жизнедеятельности, например, в бизнесе, это облегчило процесс получения новых клиентов, компании теперь не тратят много времени на их поиски, так как заинтересованные лица сами оставляют заявки в интернет-пространстве.

Также государственные структуры находятся на пути цифровизации, так, в 2023 году в России планируется полный переход на электронные паспорта, что облегчит жизнь граждан, так как не нужно будет носить документ с собой, и снизит риск подделки документов, поскольку все зарегистрированные лица будут находить на едином федеральном портале [1, с. 11].

Эти примеры показывают, что будущее России именно за цифровым развитием, поэтому предполагается, что в ходе формирования цифрового общества основным актором всех нововведений будет именно молодежь, поскольку эта социальная группа одной из первых займет важное место в социально-экономических процессах общества, так как быстрее всего среагирует на появившиеся изменения.

Таким образом, владение цифровыми технологиями, обеспечивающее включенность молодого человека в эту коммуникативную среду, становится одним из главных факторов культурной глобализации молодежи. Уже сегодня можно проследить увеличение значимости процессов цифровизации во всех отраслях экономики, будущее для которой находится в руках молодежи. В дальнейшем следует ожидать, что эта тенденция распространится уже на все поколения людей, живущих в современной цифровой реальности.

Литература:

1. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. № 3. С. 9–25.
2. Бабуров А.А., Куклицкий А.В., Ароян А.С. Осуществление региональной молодёжной политики в современной Российской Федерации // Наука, образование и культура. 2019. №7(40). С. 36-44.
3. Коршунова С. А. Затянувшееся взросление молодежи как актуальная проблема современного образовательного процесса // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: Чебоксары: ИД «Среда». 2017. С. 143–146.
4. Крицкая А.А. Инновационная составляющая политики обеспечения кадровой безопасности современной России // автореферат дис. ... кандидата политических наук / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, 2015. С. 9-10

5. Мирошкина М. Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30–35.

6. Мищенко Я.П. Экономическое поведение российской молодежи в условиях перехода к рынку // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Научный и общественно-теоретический журнал №3. 2014. – С. 148 – 154.

7. Стилман Д., Стилман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер.2018. С. 270-272.

УДК 378.147

Рошина
Наталья
Михайловна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
e-mail: r.vad@mail.ru

Торшина
Диана
Евгеньевна

заместитель директора, Муниципальное автономное образовательное учреждение дополнительного образования «Центр детского творчества «Прикубанский»»
e-mail: torshinadiana@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: В условиях вынужденной самоизоляции цифровые технологии в образовании становятся незаменимым ресурсом в достижении обучающих и воспитательных целей образовательных организаций. При этом ключевое значение обретает цифровая безопасность образовательной среды, которая должна обеспечивать качество и доступность дополнительного образования, эффективность и объективность оценки образовательных результатов. В статье обобщается опыт дистанционного обучения школьников города Краснодара.

Ключевые слова: цифровые технологии, образовательная среда, дистанционный формат обучения, школьники, образовательные результаты.

DIGITAL SECURITY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE CONDITIONS OF DISTANCE LEARNING FORMAT

Abstract: in conditions of forced self-isolation, digital technologies in education are becoming an indispensable resource in achieving the educational goals of educational organizations. At the same time, digital security of the educational environment is of key importance, which should ensure the quality and accessibility of additional education, as well as the effectiveness and objectivity of evaluating educational results. The article summarizes the experience of distance learning for schoolchildren in Krasnodar.

Key words: Digital technologies, educational environment, distance learning format, schoolchildren, educational results.

В современных социально-экономических условиях проблемы цифрового образования являются актуальными и стратегически важными, особенно в связи с распространением ковид-инфекции и вынужденной изоляции граждан Российской Федерации. За этот период в условиях пандемии все участники образовательного процесса были вынуждены приспособиться к новой системе обучения и воспитания детей на основе применения цифровых технологий.

Большая часть школ использовала онлайн ресурсы и электронные обучающие курсы, рекомендуемые муниципальными административными органами. В период перехода школ на дистанционное обучение доля пользующихся онлайн-ресурсами увеличилась с 64% до 85%. Из тех, кто не пользовался никакими образовательными онлайн-ресурсами, 74% стали их применять. В период перехода школ на дистанционное обучение доля пользующихся онлайн-ресурсами в Краснодарском крае увеличилась с 50% до 79% [1, с. 7; 30].

Проблема дистанционной организации обучения для организаций дополнительного образования состояла в разработке самостоятельных образовательных кейсов по дисциплинам шести направленностей: естественнонаучной, технической, туристко-краеведческой, художественной,

социально-педагогической и физкультурно-спортивной.

В последние десятилетия практически все сферы социально-экономической деятельности переходят на цифровые носители. Активно внедряется электронный документооборот, позволяющий эффективно решать управленческие и коммуникативные задачи субъектов социального пространства.

Образование – это социальный институт, который без непосредственного взаимодействия «педагог»-«обучающийся» невозможно представить, однако распространение пандемии в 2020 год внесли свои корректизы и ускорили процесс внедрения цифровых технологий в образование.

Цифровые технологии в образовании – это методы и способы обучающего, воспитательного и развивающего процесса, применяемые на основе современных информационно-коммуникативных средств. Основными свойствами цифровых технологий можно назвать: быстрое распространение и обновление, необходимость наличия программного компонента, соблюдение технических условий при осуществлении дистанционного обучения, необходимость методического сопровождения образовательного процесса, требования профессиональной цифровой компетентности участников образовательного процесса.

Известно, что цифровые технологии обладают целым рядом преимуществ по сравнению с традиционными методами:

1. Возможность визуализации обучающих компонентов.
2. Возможность аудио и видео сопровождения обучающих компонентов, частичная или полная геймификация образовательного процесса.
3. Возможность интерактивно осуществлять контроль и оценку образовательных результатов.
4. Повышение мотивированности обучающихся (за счет погружения в деятельность максимально интересную и приближенную к современным детям).

5. Возможность регулярного методического контроля в организации за результатами образовательного процесса.

6. Вариативность образовательного контента в соответствии с индивидуальными потребностями обучающихся. Персонализация обучения.

7. Организация более выраженной реверсивной связи в коммуникативной цепочке «административный корпус ОУ – педагог – учащийся – родитель»

Согласно Н. Козловой, цифровые технологии обеспечивают массу возможностей для улучшения образования, но их интеграция в учебный процесс далеко не проста. Само по себе оснащение образовательных организаций цифровыми технологиями не ведет к повышению образовательных результатов. Цифровую трансформацию образования можно представить себе, как решение проблем преодоления цифрового разрыва. В своей основе система образования – это информационное производство, которое всегда осуществляется в информационной среде. [2, с. 90].

В период повышенной готовности и связанными с этим карантинными мерами, можно сказать, что абсолютно все педагоги дополнительного образования оказались в индивидуальном инновационном пространстве. Поскольку в реалиях дистанционного обучения классические и привычные методы, приемы и технологии перестали быть единственными. Более того многие просто оказались нежизнеспособны в условиях онлайн обучения. В очень короткий срок педагогам пришлось сформировать у себя новые профессиональные компетенции, вооружиться совершенно новыми инструментами. Переход в «цифру» для дополнительного образования был равносителен цунами, крушащем все на своем пути. В силу своей уникальности, мультикатегорийности и вариативности именно для дополнительного образования нет и не может быть единых алгоритмов перехода к цифровому образованию.

Проблемным полем внедрения цифровых технологий в дополнительном образовании детей оказалась неготовность педагогического коллектива к

новым цифровым условиям, которая выражалась не только в ограничениях материально-технической базы, но и в отсутствии практических навыков в работе с цифровыми и электронными образовательными ресурсами (ЦОР и ЭОР). Более того, педагоги оказались не готовы к разработке собственного цифрового образовательного контента (онлайн трансляции, запись обучающих видеороликов). По данным исследования (на основе анкетирования, проведенного в апреле 2020 года; объем выборки 156 респондентов) педагоги испытывали серьезный стресс, осознавая тот факт, что видео с их участием может подвергнуться какой-либо критике со стороны родителей, обучающихся или коллег. Для многих педагогов страх публичности и связанной с ней оценкой (как положительной, так и отрицательной) был самым мощным сдерживающим фактором в выборе той или иной формы синхронной коммуникации.

На начальных этапах педагоги предпочитали использовать, трансформируя под образовательные потребности привычные мессенджеры и социальные сети. В ходе анонимного опроса было выявлено, что более 85% участников исследования выбирали для организации дистанционного обучения WhatsApp Messenger, Viber, ВКонтакте. Именно асинхронные средства общения превалировали в процессе организации обучения. Но как оказалось на практике, эти средства информационного взаимодействия были малоэффективны и неинтересны детям. Вовлеченность обучающихся в образовательный процесс постепенно снижалась. Такая отрицательная тенденция требовала быстрых, но стратегически выверенных решений. Таким образом, педагогу пришлось находиться в постоянном инновационном поиске новых форм взаимодействия, максимально трансформировать свои образовательные программы под возможности и потребности детей и родителей, применять на практике непривычные для его педагогической деятельности технологии. В повторном опросе более 50% педагогов, отмечали удобными для организации дистанционного обучения такие электронные ресурсы как Zoom, Skype, Trello, Padlet, Google Класс, Moodle и т.д.

В целом, участники образовательного процесса показали высокую удовлетворенность содержанием и результатами обучения по дополнительным общеобразовательным общеразвивающим программам. В результате мониторинга было выявлено, что в открытых мероприятиях учреждений дополнительного образования приняло участие свыше 1000 детей из других муниципалитетов и регионов.

На основе полученных практических результатов внедрения цифровых технологий в дополнительное образование детей были сформулированы следующие рекомендации:

1. Разработать систему поддерживающего обучения «педагог»-«обучающийся».
2. Обеспечить равный доступ участников образовательного процесса к обучающим и контрольным материалам, дидактическим пособиям и методическим рекомендациям.
3. Разработать и оптимизировать для тренинговой работы платформу психологического сопровождения образовательного процесса.
4. Обеспечить доступность регламентов цифрового образования для всех участников образовательного процесса.
5. Постоянно развивать и обновлять цифровую инфраструктуру в реализации дистанционного обучения.
6. Обеспечивать качественную подготовку и компетентностное развитие педагогических работников в цифровом образовании, в том числе – технологиях, методах, кейсах.
7. Расширить цифровые возможности дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в дополнительное образование детей представляет собой новый этап развития образовательной системы. Дистанционные формы обучения являются не только доступными, но и надёжными средствами в организации образовательного процесса в условиях социальной изоляции. Цифровые технологии позволяют

использовать обучающие и воспитательные практики на основе электронного и методико-программного обеспечения образовательного процесса. На сегодняшний день имеются все основания считать цифровые образовательные технологии перспективным направлением в системе дополнительного образования.

Литература

1. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей // Лаборатория медиакоммуникаций в образовании НИУ ВШЭ. 2020 Режим доступа: https://ioe.hse.ru/fao_distant
2. Козлова Н.Ш. Цифровые технологии в образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 1/40. С. 83-91.

УДК 291.1

Рыжов
Юрий
Владимирович

Доктор культурологии, доцент Института радиотехнических систем и управления Южного федерального университета в г. Таганроге
e-mail: ausculta.fili@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: В статье на основе системного подхода и принципов социокультурного анализа рассматривается процесс цифровизации религии в современном мире, а также показаны основные тенденции ее развития.

Ключевые слова: религия, общество, постмодерн, информатизация, цифровизация, виртуализация, социокультурный подход

DIGITALIZATION OF RELIGION IN MODERN WORLD

Abstract: Based on a systematic approach and principles of sociocultural analysis, the article examines the process of digitalization of religion in the modern world, and also it shows the main trends in its development.

Key words: religion, society, postmodernity, informatization, digitalization, virtualization, sociocultural approach

Для описания современного типа общества используют такие термины как «постиндустриальное», «информационное», «постмодернистское», «цифровое» и т.д. Не стоит абсолютизировать эти определения, ведь они просто указывают на те или иные аспекты реальности: индустриальное общество эпохи модерна уступает место принципиально новому типу социальной структуры, и в этом процессе одна из важнейших ролей принадлежит цифровым технологиям. По мнению одного из теоретиков информационного общества М. Кастельса, «в новом, информациональном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации» [1, с. 39]. Общество активно «виртуализируется», а религия является неотъемлемым институтом практически любого общества, поэтому в рассмотрим некоторые проблемы трансформации религии в контексте цифровизации общества.

Что такое «цифровизация»? В широком смысле, это процесс переноса в цифровую среду функций, ранее выполнявшихся людьми и организациями. Цифровизация также предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий и виртуальной реальности. Так, Д.В. Иванов выделяет следующие особенности виртуализации: нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного), условность параметров (объекты искусственны и изменямы), эфемерность (свобода входа и выхода, приющая к возможности прерывания и возобновления существования) [2]. В нашем понимании, виртуализация – это частный случай цифровизации, когда социальная реальность замещается симуляциями (образами), созданными с применением логики виртуальной реальности.

Как же проявляет себя религия в контексте цифровизации? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, будем рассматривать социокультурную сферу

как систему, а религию – как одну из ее важнейших подсистем. Обратимся к основным принципам социокультурного анализа [3, с. 31-32].

- *Принцип взаимопроникновения культуры и социальности* предполагает наличие этих двух областей в любом обществе, их взаимосвязь и взаимовлияние, но и не сводимость одного к другому.
- *Принцип человека активного* говорит о важности личности как субъекта действий и ее взаимодействия с другими, включая противоречивость человека как многомерного существа.
- *Принцип антропосоциetalного соответствия* означает совместимость характеристик человека и общества — как через ограничение инициатив индивида, так и через изменение общественных структур.
- *Принцип социокультурного баланса* говорит о динамическом равновесии между культурным и социальным как о необходимом условии устойчивости общества.
- *Принцип симметрии и взаимо обратимости социальных процессов* предполагает, что каждый процесс в обществе имеет противоположно направленный процесс, а при переходе процесса из одной стадии в другую он может превращаться в свою противоположность.

Что же можно сказать о цифровизации религии в свете системного подхода и принципов социокультурного анализа? Религия – одна из подсистем культуры, сама же культура в некотором роде является *инструментом цифровизации*: ведь она продуцирует образы, смыслы, ценности в реальности ранее не существовавшие. Но, согласно принципу взаимопроникновения культуры и социальности, религия – не только культурный, но и общественный институт, следовательно, цифровизация религии подразумевает трансформацию ранее сложившихся социальных отношений между верующими. Например, уже сегодня в Интернете можно найти огромное количество виртуальных церквей, эзотерических кружков и движений, практически не оказывающих никакого влияния на общественную жизнь:

религия постепенно переходит из социальной сферы в сферу культурного досуга.

Принцип человека активного применительно к религии означает, что религиозные предпочтения все более будут определяться самой структурой личности, а не навязываться ей извне религиозными организациями или обществом в целом (тем более, что в ситуации цифровизации это сделать будет весьма затруднительно). При этом многомерность человека может подразумевать его полирелигиозность (уже сейчас некоторые черты этого наблюдаются в эклектизме многих новых религиозных движений).

Из принципа антропосоциetalного соответствия можно сделать вывод, что личностные характеристики человека будут все более виртуализироваться вслед за культурой и обществом – важнее становится « казаться, а не быть», обладать набором масок-«имиджей», используемых в зависимости от ситуации. Это – основной, но не единственный тренд: различные традиционалистские сообщества будут стараться сдерживать негативные последствия цифровизации (в том числе и посредством религиозных институтов). В любом случае, будут появляться новые религиозные течения, соответствующие изменяющимся запросам личности, а старые религии вынуждены будут трансформироваться под влиянием культуры и общества. Скорее всего, эта трансформация не будет затрагивать существенных сторон сложившегося вероучения и культовой практики, а будет выражаться, прежде всего, в создании новых привлекательных образов религии – не в последнюю очередь благодаря рекламе и масс-медиа. Вполне возможно, уже в ближайшем будущем нас ожидает волна «религиозного пиара». Личные же контакты между верующими (да и между всеми членами общества) в целом будут ослабевать.

Социокультурный баланс во многом будет обеспечиваться именно цифровизацией всех подсистем культуры и общества, поскольку в виртуальной реальности можно достичь удовлетворения всех, даже противоречивых потребностей, ценностей и интересов. В частности, если

вышеуказанные тенденции подтвердятся, то можно будет с уверенностью говорить о виртуализации религии.

Наконец, принцип симметрии и взаимо обратимости социальных процессов требует поставить в соответствие процессу цифровизации противоположный процесс. Какой это процесс? Поскольку виртуализация подразумевает «развеществление» реальности, то ей должен соответствовать процесс «овеществления», свойственный предыдущей эпохе, т.е. Модерну. Такой процесс, скорее всего, будет иметь место, но не в рамках сложившихся социальных институтов, которые сами виртуализируются. Кроме того, необходимо отметить противоречивость цифровизации: ведь она способствует не только интеграции социокультурной системы, но и дезинтеграции, связанной с новым отчуждением человека от условий жизни и труда. Если в эпоху модернизации происходило отчуждение человеческой сущности *в вещи*, то сегодня происходит отчуждение человеческой сущности *в образы*.

Насколько опасна цифровизация для традиционных религий? Известный религиовед М.Ю. Смирнов рассматривает возможные способы и перспективы применения цифровизации в сфере религии и делает вывод, что информационные технологии в религиозных практиках не ущемляют духовного достоинства религий, но приводят религиозную жизнь в соответствие с изменившимися социокультурными обстоятельствами [4].

Итак, цифровизация религии представляет собой сложный и неоднозначный процесс, связанный с виртуализацией всей социокультурной сферы. Этот процесс далек от завершения, но уже сегодня мы можем предвидеть некоторые его последствия: будущее многих религиозных институтов будет отчасти зависеть от их способности усвоить достижения современной техники и культуры.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

2. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002.
3. Социальная информатика: основания, методы, перспективы. Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Смирнов М.Ю. Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. №3, 2019. С. 137-145.

УДК 316.643

Сикевич
Зинаида
Васильевна

Доктор социологических наук, Профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: sikevich@mail.ru

Федорова
Анна
Александровна

Кандидат социологических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
e-mail: an-f@list.ru

ИЗУЧЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЭТНИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ РЕАКТИВНОЙ И НЕРЕАКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: Современный уровень развития цифровых технологий позволяет исследовать отдельные аспекты этничности в дистанционном формате, крайне актуальным в период пандемии. На материале прикладных исследований, проведенных авторами в 2018-2020 годах, в статье осуществляется сравнение эффективности и ограничений анкетного опроса и нереактивного исследования русской этничности пользователей сети Интернет. Выполнено по гранту РФФИ 19-011-00219 А "Модель соотношения виртуальной и реальной этничности"

Ключевые слова: цифровая среда, виртуальная этничность, русские, интернет-опрос, нереактивная стратегия, реактивная стратегия, методы опроса, социальные сети.

STUDYING VIRTUAL ETHNICITY IN A DIGITAL ENVIRONMENT: EXPERIENCE IN COMPARING REACTIVE AND NON-REACTIVE RESEARCH STRATEGIES

Abstract: the current level of digital technologies development makes much easier to study certain aspects of ethnicity remotely, that is extremely relevant during the pandemic. Based on the material of research projects, conducted by the authors in 2018-2020, the article compares the effectiveness and limitations of a questionnaire survey and a non-reactive study of the russian ethnicity of internet users. The article was prepared by the rfbr. Grant no 19-011-00219 "a model of interrelation between online and offline ethnicity".

Key words: digital environment, virtual ethnicity, russians, internet survey, non-reactive strategy, reactive strategy, survey methods, social networks.

Методологическая традиция нереактивных исследований восходит к 1960-м годам, когда задолго до формирования цифровой среды было сформулировано теоретическое обоснование изучения так называемых «следов» деятельности информантов в физическом пространстве [1]. Появление Интернета, а в особенности – сайтов и социальных сетей форматов Web 2.0/3.0, отличающихся высоким вкладом пользователей в формирование контента и разветвленной сетью коммуникаций – позволило по-новому рассмотреть незаметные для пользователей «нереактивные» социологические методы, и тем самым существенно снизить эффект социальной желательности в сложных кейсах.

Говоря о проблематике этнической идентичности на групповом и индивидуальном уровнях, нельзя не отметить высокий уровень самоцензуры информантов, участвующих в исследовании данного феномена. В общественном сознании классическая для антропологии дихотомия «свой-чужой» нередко выступает своего рода запретной темой, из-за которой социологи и социальные психологи вынуждены обращаться к нестандартным опросным методикам (в том числе – психолингвистическим методам) и контрольным вопросам для получения достоверного среза мнений информантов.

Можно ли избежать подобного рода проблем, обращаясь к

нереактивным методам анализа цифровых следов русских пользователей сети Интернет?

На протяжении последнего десятилетия неуклонно растет доля пользователей интернета, имеющих аккаунт хотя бы в одной социальной сети. По состоянию на середину 2020 года, 3,8 миллиарда человек по всему миру имеют аккаунты в социальных сетях, которые используются не реже одного раза в месяц. Более того, постоянно увеличивается время, проведенное пользователями в социальных сетях: если в 2012 году средний пользователь тратил на виртуальное общение не более 90 минут в день, то в 2020 году он проводит там 144 минуты [2]. Именно в социальных сетях сегодня происходит процесс кооперации пользователей по признаку принадлежности к определенным социальным группам, и принадлежность к русской этничности не становится исключением из этого правила.

С опорой на опыт пилотажного исследования распределения национальных и националистических русских сообществ в социальных сетях, в качестве базы для конструирования модели русской онлайн-этничности была выбрана сеть Вконтакте, обладающая наибольшим количеством активных пользователей во всех возрастных категориях, а потому – наиболее репрезентативная из популярных в России социальных сетей. Так, в 2018 году количество активных аккаунтов в сети Вконтакте составило 24 млн, в то время как Facebook увеличил количество активной русскоязычной аудитории с 2 до лишь 2,3 млн человек.

В целом пространство русской этничности в сети Вконтакте характеризуется постоянным обращением к дискурсу этнического национализма. Среди наиболее общих черт этого дискурса можно назвать:

- Контагиозный характер демонстрации групповой этничности (пользователи часто состоят в нескольких русских сообществах).
- Постоянное онлайн-противостояние с воображаемым врагом. Ими могут быть как этнонациональные группы (например: мигранты, Украина, США), так и абстрактные идеи (например: пьянство, мировой заговор против

русского населения).

– Виртуальное пространство играет важную роль в отношениях между участниками русских этнических сообществ в силу разобщенности представителей русского этноса и преследования националистических взглядов на территории России.

Учитывая все эти особенности, выбор стратегии нереактивного исследования с помощью совмещения цифровой этнографии и автоматизированных средств анализа дискурса видится нам возможным вариантом преодоления негативного аттитюда участников русских сообществ по отношению к опросам и мониторингу. Отсутствие заметной фигуры исследователя, а также свойственная этим сообществам изначальная горизонтальная иерархическая структура общения, по нашим наблюдениям, выступают факторами, повышающими групповую идентичность. Также стоит упомянуть широкие возможности для изучения фактов ненормативного и социально-неодобрительного поведения (или высказываний) отмеченные другими исследователями групп в социальных сетях [3]. Эти факты создают обширную информационную базу для выявления межэтнической и внутриэтнической напряженности, доступную, впрочем, и при правильном совмещении методов анкетного опроса.

Частичное подтверждение данного тезиса было получено нами в ходе проведения анонимного опроса пользователей сети Интернет, осуществленного на площадке Anketolog.ru в середине 2020 года.

В данном «реактивном» анкетном опросе наиболее сложной задачей, требующей решения, стало снижение эффекта «социальной желательности». Экспериментально установлено, что некоторые респонденты, преимущественно женщины, принадлежащие к старшей возрастной группе, пытаются предугадать «правильный», с их точки зрения, нормативный ответ, которого в действительности не существует.

Для того, чтобы, если не исключить, то хотя бы уменьшить эту помеху, целесообразно применить нетрадиционные формулировки вопросов [4]. Так,

примерно треть вопросов при проведении анкетного опроса в сети, носили открытый характер (проективные ситуации, незаконченные предложения). Отвечая в свободной форме, респондент значительно в меньшей степени контролировал себя в плане соответствия «норме», поэтому достоверность информации возросла и соответствовала тем установкам, которые были обнаружены в сетевом пространстве.

В частности, в ряде вопросов ответы с националистической коннотацией составили примерно треть от общего числа полученных, что вряд ли было бы возможно при использовании традиционных для социологии шкал или вопросов-меню.

В целом, следует отметить, что несмотря на наличие границ применимости обоих рассмотренных нами методов, именно их совмещение в рамках исследования «деликатных» социальных проблем видится наиболее перспективным механизмом получения достоверного социологического знания.

Литература

1. Webb E., Weick K. E. Unobtrusive measures in organizational theory: a reminder // Qualitative Methodology. Beverly Hills, CA: Sage. 1983.
2. BroadbandSearch.net // <https://www.broadbandsearch.net/blog/average-daily-time-on-social-media> URL: <https://www.broadbandsearch.net/blog/average-daily-time-on-social-media> (дата обращения: 11/11/2020).
3. Hine C. Towards ethnography of television on the internet: A mobile strategy for exploring mundane interpretive activities // Media, Culture & Society. 2011. №33. С. 567–82.
4. Сикевич З.В. Психологические методы в социологии. СПб., изд-во СПбГУ, 2018. 127 с.

Сытник
Анна
Николаевна

Ассистент американских исследований факультет
международных отношений Санкт-Петербургского
государственного университета
e-mail: anna@sytnik.me

ФИЛОСОФОСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Аннотация: Постмодернисты отвергают все предыдущие попытки объяснения мирового развития, называя их тотальными объяснениями или «великими сказаниями». Согласно их мнению, теоретики не способны беспристрастно описывать происходящие изменения. Они также опровергают существование универсальной истины, так как в мире есть множество различных обществ, у которых у каждого своя «общая политика», дискурс и правда.

Ключевые слова: теории, постмодернизм, цифровизация, информационное общество, цифровые технологии

PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF DIGITALIZATION: THEORY OF INFORMATION SOCIETY AND POSTMODERNISM

Abstract: Postmodernists reject all previous attempts to explain world development, calling them explanations or “great legends”. According to them, theorists cannot impartially describe the changes taking place. They also refute the existence of universal truths, as there are many different societies in the world, each with its own “common policy,” discourse, and truth.

Key words: theories, postmodernism, digitalization, information society, digital technologies

Систематизация различных концепций информационного общества представлена в работе Ф. Уэбстера «Теории информационного общества». Автор провел критический анализ различных социальных теорий современного общества начиная со второй половины 20-ого века и разделил их на две группы: первая - сторонники понятия информационного общества как нечто принципиально нового, а вторая – сторонники идеи, что происходящее можно описать как информатизацию уже существующих отношений²⁴.

---

²⁴Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; Пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; Под. ред. Е. Л. Вартановой. — М.: Аспект Пресс, 2004.— 400 с., С. 8

Таблица 1. Классификация теорий информационного общества Ф. Уэбстера. (составлено автором)

	Общество нового типа		Идея социальной преемственности	
	Парадигма / теория	Представители	Парадигма / теория	Представители
Постиндустриализм	Д. Бэлл и последователи		Неомарксизм	Г. Шиллер
Постмодернизм	Ж. Бодрийяр, М. Постер		Регуляционная теория	М. Альетта, А. Липиц
Гибкая специализация	М. Пайор, Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн		Гибкая аккумуляция	Д. Харви
Информационный способ развития	М. Кастельс		Рефлексивная модернизация; Публичная сфера	Э. Гидденс Ю. Хабермас, Н. Гарнэм

Российский исследователь информационного общества С.Б. Луковкин выделяет еще одну категорию ученых – тех, которые считают, что информационное общество уже построено в наиболее развитых капиталистических странах Запада - США, Японии, Германии²⁵. К ним он относит Д. Белла, С. Пивоварова²⁶. Среди сторонников идеи информационного общества как новой социальной организации людей, процесс формирования которой еще должен пройти несколько этапов, он выделяет Е. Масуде, Э. Тоффлера, А.Д. Урсула, Н.Н. Моисеева²⁷. К третьей группе теоретиков, отрицающих новизну информационного общества, С.Б. Луковкин относит тех же авторов, что и Ф. Уэбстер – Г. Шиллера, М. Альетта, Д. Харви, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса²⁸.

²⁵ Луковкин С.Б. Проблемы становления информационного общества в современной философии // Дисс. на соиск. ст. к.ф.н. с. 191.

²⁶ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Пивоваров Ю.С. Информационное общество в России // Свободная мысль-XXI. 2003. № 8. С. 108. информации и знаний (Д. Махлуп, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, А. Турен).

²⁷ См.: Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981; Тoffлер Э. Третья волна. М., 2002; Урсул А. Д. Информатизация общества: введение в социальную информатику. М., 1990; Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998.

²⁸ См.: Schiller H. Who Knows: Information in the Age of the Fortune 500. Norwood; NJ., 1981; Aglietta M. A theory of Capitalist Regulation. New Left Books, 1979; Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford. Blackwell, 1989; Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987; Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989.

Другой российский ученый, Чугунов А.В., подчеркивает антитетичность понятий «информационное общество» и «общество знаний». К примеру, «общество знаний» позиционируется ЮНЕСКО как линия гуманизации процесса глобализации²⁹, в то время как в большинстве концепций информационного общества делается акцент на увеличение влияния западных стран в мире как наиболее развитых с технологической точки зрения.

Долгое время в дискуссии об информации доминировал технократический детерминизм, т.е. исследования апеллировали к произошедшей «информационной революции» и роли технологических инноваций в социальных изменениях, концентрируясь на появившихся технологиях и произошедших сдвигах в различных сферах³⁰. Примерами таких исследований являются работы Э. Тоффлера³¹, Н. Негропонте³² и М. Дертузоса³³. Суть технического (как в случае Д. Бэлла) или технократического детерминизма заключается в выделении определенной технологии или метода и последующим нареканием ее или его первопричиной произошедших изменений в обществе.

Так, З. Бжезинский адаптировал теорию постиндустриального общества для американского видения международного геополитического ландшафта. Ученый выдвинул концепцию «технотронного общества», которая заключалась в том, что технотронная революция носит всемирный характер. Анализируя новые возможности экспорта массовой культуры США в связи с пространственно-временной коммуникационной революцией, З. Бжезинский делает вывод о конце идеологии. Деидеологизация обусловлена появлением электронных слуховизуальных средств связи, которые дают людям

---

²⁹ Чугунов А.В. Развитие информационного общества: теории, концепции и программы: Учебное пособие. — СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. — 98 с., С. 5

³⁰ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; Пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; Под. ред. Е. Л. Вартановой. — М.: Аспект Пресс, 2004.— 400 с., С. 193

³¹ Toffler, Alvin (1990), Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam

³² Negroponte N. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.

³³ Dertouzos, Michael L. (1997), What Will Be: How the New World of Information Will Change Our Lives. Piaktus.

возможность получить новое видение мира, освободившись от прежних ценностных установок³⁴.

Т. Стоуньеर пишет: «...инструменты и машины, будучи овеществленным трудом, суть в то же время овеществленная информация. Эта идея справедлива по отношению к капиталу, земле и любому другому фактору экономики, в котором овеществлен труд. Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации. Более того, информацию, подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования. В постиндустриальном обществе национальные информационные ресурсы суть его основная экономическая ценность, его самый большой потенциальный источник богатства»³⁵.

Й. Масуда считает, что фундаментом нового общества станет компьютерная технология, которая усилит умственные способности человека. Согласно его теории, информационное общество будет бесклассовым, бесконфликтным, а государственный аппарат значительно сократится³⁶.

В вышеуказанном подходе ключ к социальным изменениям ищется за пределами социальных связей. Другими словами, технология сначала изолируется от общества, т.е. от сферы оценок и мнений, а затем вводится в научный или публицистический оборот как нечто обособленное — как автономная сила, изменившая общество.

Тем не менее, сторонники асоциальных «революций информационных технологий» и идеи слома, т.е. идеи возникновения принципиально нового общества, привнесли в мировую науку глубокое понимание роли феномена информации в современном обществе. В работах Д. Белла, Л. Хиршхорна, Дж. Ваттимо и М. Постера это новое состояние было описано с помощью таких терминов как информационное общество, постиндустриальное общество,

---

³⁴ Brzezinski Zb. Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. N.Y., 1970. P.9.

³⁵ Стоуньеर Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе: Сборник. М., 1986

³⁶ Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.

постсовременность, информационная эпоха и эпоха гибкой специализации. Для оценки реальности информационного общества исследователи данной группы используют преимущественно количественные критерии. Во-первых, они количественно измеряют явления, характерные для нового общества, к которым относят информационные технологии, стоимость созданной информации, число занятых в информационной сфере, насыщенность общества информационным сетями или рост количества знаков и значений. Во-вторых, приверженцы идеи возникновения общества нового типа по-своему подходят и к интерпретации самой информации. Для них, в первую очередь информация измерима: например, можно подсчитать количество битов, определенную стоимость или количество знаков. В данном подходе внимание исследователей сосредотачивается на квантификации и несемантической интерпретации информации, в то время как содержание этой информации мало изучается. Все эти, безусловно, увеличившиеся количественные характеристики, авторы интерпретируют как свидетельство качественного перехода к информационному обществу³⁷.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов некоторые ученые сконцентрировали свое внимание вокруг ««могущественного микро», способного революционизировать привычный образ жизни³⁸. Тогда же известный футуролог Э. Тоффлер выдвинул идею о трех волнах технологических инноваций: первая — сельскохозяйственная, вторая — промышленная, и третья — информационная. Согласно идеи автора, волны как высокий прилив остановить нельзя, и если направить силы на то, чтобы удержаться на гребне третьей волны, то человечество перейдет к новому образу жизни³⁹. Э.Тоффлер заявил, что изменяется вся мировая система: роль и значение традиционных субъектов меняется, и появляются новые

---

³⁷ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; Пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; Под. ред. Е. Л. Вартановой. — М.: Аспект Пресс, 2004.— 400 с., С. 199-200

³⁸ Evans, Christopher (1979), The Mighty Micro: The Impact of the Computer Revolution. Gollancz., Martin, James (1978), The Wired Society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

³⁹ Toffler, Alvin (1980), The Third Wave. Collins.

возможности для раскрытия негосударственных акторов – в первую очередь, индивида⁴⁰.

В 1990-х-2000-х гг. футуристический энтузиазм Э. Тоффлера подкрепила возможность компьютерных технологий трансформировать телекоммуникации, объединяя две технологии⁴¹. В тот момент Н. Негропонте, Гейтс, Дертузос начали рассуждать о распространении цифровых коммуникационных технологий (электронная почта, передача данных и текстов, онлайн-информационный обмен и т.п.), и их роли в становлении нового общества. Ключевое внимание они уделяли Интернету как средству на пути к экономическому успеху и демократии⁴². А роль компьютерных технологий для информационного века неоднократно сравнивалась с ролью механизации для промышленной революции⁴³.

Великобританская школа объединила идею Шумпетера о «творческом разрушении», порождаемом технологическими инновациями, с «длинными волнами» экономического развития Кондратьева, заявив, что коммуникационные технологии означают становление новой эпохи⁴⁴. Согласно мнению этой группы исследователей, на ранних фазах эта новая эпоха вызывает дискомфорт, но в перспективе является экономически выгодной. Таким образом, «информационный век», зрелость которого должна была настать с началом 21 в., представлен в данном случае через «техноэкономическую парадигму»⁴⁵.

Другая группа исследователей, изучая феномен информационного общества, делали акцент не на технологиях, а на сдвигах в занятости населения.

---

⁴⁰ Тоффлер О. Эра смещения власти // Философия истории: Антология. – М., 1995. С.336

⁴¹ Toffler, Alvin (1990), Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam.

⁴² См.: Negroponte N. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.
Gates, Bill (1995), The Road Ahead. Harmondsworth: Penguin.

Dertouzos, Michael L. (1997), What Will Be: How the New World of Information Will Change Our Lives. Piaktus.

⁴³ Naisbitt, John (1984), Megatrends: Ten New Directions Transforming our Lives, P. 28

⁴⁴ Freeman, Christopher (1987), Technology Policy and Economic Performance. Pinter.

⁴⁵ Hall, Peter and Preston, Paschal (1988), The Carrier Wave: New Information Technology and the Geography of Innovation, 1846—2003. Unwin Hyman.

В 1962 г. Ф. Махлуп выявил ключевые «информационные» отрасли, к которым отнес образование, право, издательское дело, средства массовой информации и производство компьютеров, а также указал на изменения их экономической ценности⁴⁶. Его идеи нашли продолжение в работах М. Пората⁴⁷, который разделил информационный сектор экономики на первичный и вторичный. Первичный сектор информационной экономики – это деятельность по созданию информационного продукта информационных услуг, а вторичный — это общественное и частное делопроизводство, т.е. информационная деятельность внутри компаний и государственных учреждений. Различие между секторами заключается в том, что первичный информационный сектор экономики поддается точной оценки, так как обладает рыночной стоимостью, в то время как рыночную стоимость вторичного сектора оценить сложнее. Тем не менее, М. Порат произвел вычитания из ВНП США неинформационных элементов экономики и вычислил, что американское общество является информационным обществом, так как почти половина ВНП США основана на двух информационных секторах экономики⁴⁸.

О сдвигах в занятости в сторону информационной сферы как свидетельстве перехода к новому обществу в 1973 г. писал уже упомянутый Д. Белл. Он описал постиндустриальное общество, которое по своему смыслу синонимично информационному обществу⁴⁹. Увеличение работающих «белых воротничков» и уменьшение «рабочего класса», т.е. снижение производства и увеличение сферы услуг (или увеличение доли труда в информационной сфере), в Западной Европе, Японии и Северной Америке трактовалось теоретиком как доказательство появления информационного общества⁵⁰.

---

⁴⁶ Machlup, Fritz (1962), *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

⁴⁷ Porat, Marc Uri (1977), *The Information Economy: Sources and Methods for Measuring the Primary Information Sector (Detailed Industry Reports)*. OT Special Publication 77-12 (2). Washington, DC: US Department of Commerce, Office of Telecommunications.

⁴⁸ Porat, Marc Uri (1978), 'Communication Policy in an Information Society', in Robinson, G. O. (ed.), pp. 3-60, P. 32

⁴⁹ Bell, Daniel (1973), *The Coming of Post'Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Harmondsworth: Penguin, Peregrine, 1976.

⁵⁰ Bell, Daniel (1979), 'The Social Framework of the Information Society', in Dertouzos, Michael L.

В 1990-х годах многие ученые в рассмотрении новых профессий заняли более антропоцентристскую позицию, сделав акцент на качествах, которыми должен быть наделен индивид, желающий добиться успеха в информационном обществе. Р. Райх, П. Дракер, М. Кастельс, Ч. Лидбитер полагали, что движущая сила новой экономики – это люди, обладающие навыками создания и использования информации⁵¹.

Р. Райх, ученый и экс-министр труда США при Клинтоне, пишет о появлении и важности «символических аналитиков» - тех, кто занимается интеллектуальным трудом, анализом и планированием в информационный век. Он пишет, что на первый план в производстве выходит информация и знания, т.е. все то, что может создать наибольшую добавленную стоимость продукции и обеспечить успешный выход на глобальный рынок⁵². Л. Туруо высказывает мысль, что в глобальной экономике ведущую роль играют «мозговые отрасли» (программирование, СМИ, биотехнологии и т.п.)⁵³.

В центре внимания трудов М. Пайора и Ч. Сейбла, разработавших концепцию «гибкой специализации» (flexible specialization), находятся трудовые процессы. «Гибкая специализация» означает новую форму производства, отличающуюся от производства эпохи фордизма меньшими объемами производства и, следовательно, большей конкурентоспособностью малых фирм. Следовательно, возвращается контроль человека за производственным процессом⁵⁴. Главная роль в теории гибкой специализации отводится информации. Большинство авторов сходятся в том, что ИКТ

---

and Moses, Joel (eds), pp. 163-211, P. 183

⁵¹ См.: Reich, Robert B. (1991), *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*, New York: Vintage.

Drucker, Peter F. (1993), *Post-Capitalist Society*. New York: HarperCollins.

Castells, Manuel (1996), *The Rise of the Network Society*. Vol. 1 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.

Castells, Manuel (1997), *The Power of Identity*. Vol. 2 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.

Castells, Manuel (1998), *End of Millennium*. Vol. 3 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.

Leadbeater, Charles (1999), *Living on Thin Air: The New Economy*. Viking.

⁵² Reich, Robert B. (1991), *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*, New York: Vintage.

⁵³ Thurow, Lester (1996), *The Future of Capitalism*. Nicholas Brealey.

⁵⁴ Piore, Michael and Sabel, Charles (1984), *The Second Industrial Divide*. New York: Basic Books.

являются главным условием существования гибкой специализации. Они пишут о том, что важная черта новых технологий – это умение инкорпорировать большие объемы данных, что делает их «умными технологиями». Гибкость трудового процесса подразумевает под собой, что работник должен быть готов к постоянному переобучению, в чем заключается ключевое отличие от индустриального общества, где доминировало массовое производство и постоянные навыки. Гибкая специализация влияет на работников, делая их более инициативными – компьютеризация производства и новые данные предоставляют возможность получения «петли обратной связи» или «кибернетической обратной связи»⁵⁵.

Ш. Зубофф называет этот феномен рефлексивностью, порожденной природой ИКТ как информирующего и обучающего процесса⁵⁶. С. Лэш и Дж. Юрри идут дальше и заявляют, что человечество живет в эпоху «рефлексивного накопления», подразумевая, что экономическая деятельность становится все более самоконтролируемой как со стороны работников, так и нанимателей – она эффективно реагирует на появление новых технологий и изменения запросов рынка⁵⁷.

Критики идеи гибкой специализации выдвигают три аргумента. Первый аргумент сводится к укору в технологическом детерминизме, т.е. надежде на возможности компьютеров. Например, Хиршхорн писал о том, что «постиндустриальная технология» привнесет гибкость в социальную жизнь⁵⁸. Во-вторых, критики обращают внимание на то, что массовое производство, которому противопоставляется идея гибкой специализации, также переняло новые технологии и способность к гибкости, при этом сохранив массовость и жесткий контроль за работниками⁵⁹. И, наконец, последний аргумент

---

⁵⁵ Hirschhorn, Larry (1984), *Beyond Mechanization: Work and Technology in a Postindustrial Age*. Cambridge, MA: MIT Press, P. 40

⁵⁶ Zuboff, Shoshana (1988), *In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power*. Oxford: Heinemann.

⁵⁷ Lash, Scott and Urry, John (1994), *Economies of Signs and Space*. Sage.

⁵⁸ Hirschhorn, Larry (1984), *Beyond Mechanization: Work and Technology in a Postindustrial Age*. Cambridge, MA: MIT Press, P.15

⁵⁹ Garrahan, Philip and Stewart, Paul (1992), *The Nissan Enigma: Flexibility at Work in the Local Economy*. Mansell. 467

заключается в том, что гибкость всегда была свойственна предпринимательству⁶⁰.

Представители другого теоретического течения, самым ярким из которых является М. Кастельс, в изучении общества нового типа опирались на информационные сети, способные связывать различные географические места. Таким образом, исследователи описывали «проводниковое общество», состоящее из людей с ноутбуками с модемами, которое может функционировать на национальном и международном уровнях по «информационной кольцевой магистрали»⁶¹. С течением времени, люди все больше вовлекаются в работу сетей, и сами сети увеличивают свои возможности⁶². Новые возможности «электронных магистралей» повлекли за собой переосмысление взаимоотношений времени и пространства. М. Кастельс обращает внимание на новые возможности сетевого общества, связанные с повышением эффективности работы как отдельных людей, так и глобальных корпораций⁶³. Таким образом, речь идет о перестройке социального устройства⁶⁴ по сетевому признаку.

Идея «новизны» сетевого общества опровергается аргументом, что информационные сети давно существуют в виде почтовой связи, телеграфа и телефона⁶⁵. Тем не менее, взгляды М. Кастельса оказали значительное влияние на современные социальные науки⁶⁶. Ф. Уэбстер относит М. Кастельса к постмарксистам (или парамарксистам), поскольку он приводит и развивает критику марксизма⁶⁷.

---

⁶⁰ Pollert, Anna (1988), 'Dismantling Flexibility', *Capital and Class*, (34) spring: 42-75, PP. 45—46

⁶¹ Barron, Iann and Curnow, Ray (1979), *The Future with Microelectronics: Forecasting the Effects of Information Technology*. Pinter.

⁶² Urry, John (2000), *Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. Routledge.

⁶³ Castells, Manuel (1996), *The Rise of the Network Society*. Vol. 1 of *The Information Age: Econ- omy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.

⁶⁴ Mulgan, Geoff (1991), *Communication and Control: Networks and the New Economies of Communication*. Cambridge: Polity.

⁶⁵ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; Пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; Под. ред. Е. Л. Вартановой. — М.: Аспект Пресс, 2004.— 400 с., С. 16

⁶⁶ В первую очередь, речь идет о трехтомнике М. Кастельса «The Information Age»

⁶⁷ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; Пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; Под. ред. Е. Л. Вартановой. — М.: Аспект Пресс, 2004.— 400 с., С. 71

Для обозначения периода, начавшегося в 1970 г., М. Кастельс использует термин «информационный капитализм», который трактует как всепоглощающую форму капитализма, сочетающую гибкость и глобальное присутствие благодаря сетевым связям⁶⁸. Аргументация М. Кастельса сводится к тому, что «информационная эпоха», характеризующаяся возросшей ролью информационных потоков и сетевой структуры, приводит к появлению «нового общества»⁶⁹. Информационные потоки интегрируют регионы в международные сети⁷⁰. Стержнем нового общества является «дух информационализма» - способность акторов обмениваться информацией в киберпространстве, используя сетевые связи⁷¹. А основным источником власти в «информациональном обществе» становится генерирование, переработка и передача информации⁷².

Продолжая аргументацию Э. Гидденса и Д. Харвея о сжатии времени и пространства, М. Кастельс вводит понятие вневременного времени, подразумевающего под собой «вечную вселенную» сетевого общества⁷³. Слом привычных образов жизни, гибкий рабочий график, манипулирование временем на электронных глобальных рынках капитала, «мгновенные войны»⁷⁴ - все это является характеристиками новой культуры сетевого общества, в которой доминирует «системный беспорядок» и «постоянная мгновенность»⁷⁵.

---

⁶⁸ Castells, Manuel (1998), *End of Millennium*. Vol. 3 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell, P. 338

⁶⁹ Castells, Manuel (2000c), 'Toward a Sociology of the Network Society', *Contemporary Sociology*, 29 (5) September: 693-9, P. 693

⁷⁰ Castells, Manuel (1996), *The Rise of the Network Society*. Vol. 1 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell, P. 381

⁷¹ Castells, Manuel (1996), *The Rise of the Network Society*. Vol. 1 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell, P. 199

⁷² Castells, Manuel (1996), *The Rise of the Network Society*. Vol. 1 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell, P. 17

⁷³ Castells, Manuel (1996), *The Rise of the Network Society*. Vol. 1 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell, P. 437

⁷⁴ Так М. Кастельс обозначает войны после окончания Холодной войны, масштабно освещаемыми СМИ. Например, операция НАТО в Сербии в 1999 г.

⁷⁵ Castells, Manuel (1996), *The Rise of the Network Society*. Vol. 1 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell, P. 464

Идеи М. Кастельса перекликаются с аргументацией М. Маклюэна. Так, обращаясь к концепции «реальной виртуальности»⁷⁶, М. Кастельс выдвигает важную гипотезу в духе постмодернизма: в системе, где реальность погружена в виртуальные образы, виртуальный мир не только сообщает нам некий опыт, но и сам становится опытом⁷⁷. Кроме того, М. Кастельс следует за идеей М. Маклюэна о культурных последствиях возникновения телевидения, которое уничтожило печатную культуру⁷⁸, и рассматривает культурные последствия технологических перемен. М. Кастельс отмечает две противоположные тенденции. С одной стороны, распространение Интернета способствует фрагментации общества. Так, СМИ сегментируют целевую аудиторию для осуществления выбора транслируемой информации. В этой связи, М. Кастельс перефразирует афоризм М. Маклюэна и говорит, что посланием становится само средство сообщения («message is the medium»). Человечество живет уже не в глобальной информационной деревне, а в отдельных локально кастомизированных коттеджах⁷⁹. С другой стороны, возможности Интернета объединяют людей: интерактивность и индивидуализация Интернета способствуют возникновению электронных сообществ⁸⁰.

Центральное место в сетевом обществе М. Кастельса принадлежит социальным движениям. Согласно ему, социальные движения – это целенаправленные коллективные действия, трансформирующие ценности и институты общества и дающие человеку представления о его идентичности⁸¹. Сетевое общество способствует созданию социальных движений сопротивления и движения «проектной идентичности». Примерами последних

---

⁷⁶ McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man, 1964. New York: McGraw-Hill. 318 p.

⁷⁷ Castells, Manuel (1996), The Rise of the Network Society. Vol. 1 of The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, P. 373

⁷⁸ Castells, Manuel (1996), The Rise of the Network Society. Vol. 1 of The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, P. 329

⁷⁹ Castells, Manuel (1996), The Rise of the Network Society. Vol. 1 of The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, P. 341

⁸⁰ Castells, Manuel (1996), The Rise of the Network Society. Vol. 1 of The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, P. 358

⁸¹ Castells, Manuel (1997), The Power of Identity. Vol. 2 of The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell., P. 3

являются экологическое и феминистическое движения, которые увеличивают свое влияние благодаря ИКТ⁸².

Завершим рассмотрение теорий, в центре которых лежит идея о возникновении нового общества, обратившись к постмодернизму. Постмодернисты отвергают все предыдущие попытки объяснения мирового развития, называя их тотальными объяснениями или «великими сказаниями»⁸³. Согласно их мнению, теоретики не способны беспристрастно описывать происходящие изменения. Они также опровергают существование универсальной истины, так как в мире есть множество различных обществ, у которых у каждого своя «общая политика», дискурс и правда⁸⁴.

Постмодернисты полагают информация утратила свое семантическое значение, будучи нейтрализованной взрывным ростом производства знаков и символов. Ж. Бодрийяр указывает на парадокс коллапса смысла: «Информации становится все больше, а смысла все меньше». В то же время аудитория, нацеленная на получение информации, стала более креативной, и интерпретируют информацию так как пожелает. Поэтому теоретик считает, что знаки означают лишь самих себя, то есть симуляцию или «гиперреальность». Исследователь утверждает, что человек больше не верит в том, что информация правдива, в результате чего знаки теряют свое значение. Это приводит к тому, что люди просто выбирают ту информацию, которая им нравится. Следовательно, наступает «век зрелищ»⁸⁵. В такой интерпретации информационного общества существует «набор значений, [которые] переданы, [но] не имеют значений»⁸⁶. Таким образом, главный признак информационного общества для постмодернистов – это увеличение набора значений как нового способа информации.

---

⁸² Castells, Manuel (1997), *The Power of Identity*. Vol. 2 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell

⁸³ Использована терминология Ж.-Ф. Лиотара

⁸⁴ Foucault, Michel (1980), *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977*. Brighton: Harvester, P. 131-132

⁸⁵ Baudrillard, Jean (1983a), *In the Shadow of the Silent Majorities, or, The End of the Social and Other Essays*. Translated by Paul Foss, John Johnson and Paul Patton. New York: Semiotext(e), P. 95

⁸⁶ Poster, Mark (1990), *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge: Polity, P. 63

Сочетая идеи Ж. Бодрийяра и осмысление роли технических инноваций, М. Постер выдвигает идею о том, что постсовременность отделена от предыдущих обществ «модусами информации»⁸⁷. Другими словами, само развитие информации стало источником изменений в жизни общества. М. Постер выделяет три модуса, то есть способа обмена символами: устный, письменный и электронный. На этапе устного общения индивид использовал знаки, которые соответствовали реалиям того образа жизни. На этапе письменного общения знаки начали представлять различные концепции, а индивиду стало присуще эмоциональное и ответственное поведение. И, наконец, этап электронного обмена сообщениями дал индивиду возможность симулировать действительность, создавая множество «идентичностей»⁸⁸. М. Постер пишет о «сетяхах» (*netizeri*), которые с появлением новых технологий и, в первую очередь, Интернета получили свободу от национального государства и навязываемой миру западной системы ценностей.

Ж.-Ф. Лиотар выделяет основополагающий принцип перформативности при описании процессов создания и использования информации и знаний в эпоху постсовременности. Под перформативностью он понимает их востребованность, взаимосвязанную со способностью приносить результат, конвертируемый в экономическую выгоду. Стремление к перформативности приводит к отмиранию областей знаний, не приносящих видимых результатов, таких как философия и этика. Результатом становится появление «корпоративной науки» по типу университетской - например, научно-исследовательские подразделения IBM⁸⁹. С появлением банков данных возрастаёт потребность в специалистах, способными работать с ними, а также обесценивается прежний подход к передаче знаний. На первый план выходят такие навыки как «лидерство» и «принятие решений»⁹⁰.

---

⁸⁷ Poster, Mark (1990), *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge: Polity.

⁸⁸ Poster, Mark (1994), 'The Mode of Information and Postmodernity', in Crowley, David and Mitchell, David (eds) *Communication Theory Today*. Cambridge: Polity, pp. 173-192. P. 174

⁸⁹ International Business Machines Corporation (IBM) – крупнейшая американская технологическая корпорация

⁹⁰ Lyotard, Jean-François (1993), *Political Writings*. Translated by Bill Readings and Kevin Paul Geiman. UCL Press, P. 53

Современная наука переняла образ ризомы как постмодернистский символ современного сетевого общества. Понятие «Ризома» было предложено французскими постструктураллистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари в 1976 г⁹¹. В ботанике ризомом называется горизонтальный ползучий корнеподобный подземный стебель некоторых растений, из которого образуются новые побеги и корни. Ризоматическое пространство коммуникаций способствовало активному развитию сетевых онлайн и офлайн связей. «Ризома» также используется для описания социально-технической структуры Интернета. А.В. Курочкин, А.С. Шерстобитов замечают, что ризома включает в себя основные признаки сетевого общества – «декентрированность, неиерархичность социальной структуры, множественность коммуникационных каналов, постоянно меняющих свою конфигурацию, открытость внешней среде.⁹²» Группа российских исследователей пришла к выводу, что «rizomные» информационные потоки, ставшие возможные благодаря развитию коммуникационных технологий, – это главная характеристика связей с общественностью в сфере международных отношений. Политические акторы получили возможность целенаправленного воздействия на общественное сознание других стран, что, в свою очередь, влияет на политическую элиту тех стран, и, как следствие, внешнюю политику этих государств⁹³.

Ряд важных концепций для понимания современных социальных процессов разработал французский социолог и философ П. Бурдье, назвавшим свою теорию «структуралистским конструктивизмом». К структурализму относится его утверждение, что в мире существуют «объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления». Конструктивизм же скрыт в его мнении, что «существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия,

⁹¹ Deleuze G., Guattari F. *Mille plateau / Capitalisme et schizophrénie 2.* Paris: Minuit (Collection Critique), 1980. 648 p.

⁹² Курочкин А., Шерстобитов А. Роль социальных сетей в становлении нового пространства коммуникаций современной России // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 35 (77). С. 111-115, С. 111

⁹³ PR в международных отношениях. Прикладные аспекты / Под редакцией Выходца Р.С. – СПб: «Экспертные решения», 2015 – 192 с., С. 190

мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями»⁹⁴. П. Бурдье описывал сеть как наглядное структурированное социальное влияние, показывающее горизонтальное распространение идей и мгновенную реакцию. Социальное «поле» — это отзывчивая среда, сеть информационных каналов. В «поле» соревнуются конкуренты с помощью ресурса «капитала». «Габитус» — это место в сплетении разномерных сетей. Если актор займет «габитус», он окажется в центре социальных процессов.

Г. Хакен обогатил научную дискуссию термином «синергетика», объясняющим образование и самоорганизацию моделей и структур в открытых системах. С точки зрения сторонников синергетики, причиной изменений в развитии служит случайность, необратимость и неустойчивость. Происходит постепенный процесс самоорганизации через флюктуации, то есть случайные отклонения, влияющие на элементы системы. Новый порядок возникает из-за усложнения систем⁹⁵.

Т. Парсонс ввел понятие двойной контингенции (*contingency*). Контингентность — это ситуативность, непредсказуемость и привязанность феномена к месту и времени. С помощью двойной контингенции можно объяснить взаимодействие участников коммуникации: они обладают выбором, как реагировать исходя из имеющихся альтернатив и реакции второй стороны⁹⁶. Таким образом, коммуникация — это двойная ситуация. Н. Луман пишет, что каузальность, то есть причинно-следственные связи, заменяются «контингентностью» - порядком коммуникации, основанном на двойной контингенции⁹⁷.

⁹⁴ Бурдье П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 181—182. — ISBN 5-86942-006-7. Цит. по: Коркюф, Филипп. Новые социологии / науч. ред. Н. А. Шматко. — М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алтейя, 2002. — С. 43.

⁹⁵ H. Haken. Synergetik. Springer-Verlag Berlin Heidelberg New York, 1982, ISBN 3-8017-1686-4

⁹⁶ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 437.

⁹⁷ Назарчук А. Общество как коммуникация в трудах Никласа Лумана // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 156–173.

Подводя итог, компьютерные и информационно-коммуникационные технологии постепенно проникли в общественные сферы, что стимулировало развитие научных исследований, футурологических и публицистических работ. Большинство авторов сошлись во мнении, что краеугольным камнем нового общества станет симбиоз информации и знаний. Сторонники технологического детерминизма выразили надежду на формирование более справедливого глобального общественного уклада, основанного на культуре реальной виртуальности⁹⁸. В последствии, некоторые из них пересмотрели свои взгляды⁹⁹, поскольку современная глобальная информационная деревня не стала безопасным и инклюзивным местом¹⁰⁰. Тем не менее, с 1990-х г. дискуссия о новом обществе перестала быть чисто научной - ее понятийный аппарат стал использоваться на государственном и международном уровнях. Концепция информационного общества начала применяться в социальной практике и обсуждаться на международном уровне.

УДК 316.723

Саркисян
Анна
Арменовна

Студентка факультета управления, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: sarkisyan_ina@mail.ru

Васюта
Евгения
Александровна

старший преподаватель кафедры
государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления-филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
E-mail: eug.vasuta2012@yandex.ru

БЛОГ МНЕ СУДЬЯ: ЭТИКА И ЦИФРА

⁹⁸ Кастельс моя книга

⁹⁹ Кастельс новые книги

¹⁰⁰ Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75-87., С. 76

Аннотация: в данной статье рассмотрены основные нормы цифрового этикета, определена его роль в современных реалиях, выделены основные направления его развития. Проанализированы специфика и особенности цифрового этикета в рамках делового общения. Также рассмотрены основные виды информационных площадок, на которых осуществляется общение внутри сети.

Ключевые слова: цифровой этикет, интернет-технологии, онлайн-общение, деловая переписка, месседжеры, коммуникационные площадки, удаленная работа

BLOG I THE JUDGE: ETHICS AND THE FIGURE

Annotation: this article examines the basic norms of digital etiquette, defines its role in modern realities, and highlights the main directions of its development. The specifics and features of digital etiquette within each direction are analyzed. The main types of information platforms where communication is carried out within the network are also considered.

Keywords: digital etiquette, Internet technologies, online communication, business correspondence, messengers, communication platforms, remote work

На современном этапе развития большая часть жизни каждого человека переместилась в цифровое онлайн-пространство. Наиболее отчетливо это можно наблюдать в условиях возникновения COVID-19.

В сложившихся условиях каждый человек вне зависимости от возраста и социального положения должен обладать основами цифровой грамотности. Это связано с тем, что большинство вопросов как личных, так и деловых необходимо решать в сети.

Особенность сложившейся ситуации заключается в том, что, несмотря на то, что люди были изолированы друг друга, они еще никогда так не чувствовали свою сплоченность.

Это означает, в первую очередь то, что географическая удаленность перестала быть преградой не только для обыденного общения, но и для делового взаимодействия.

В связи с этим роль правил хорошего тона крайне важна и в рамках цифрового взаимодействия.

Касается это и деловой переписки, и общения в различных месседжерах, и введения корпоративных аккуантов и т.д.

Изучив современную литературу, мы столкнулись с различными трактовками понятия цифровой этикет. Но в целом пришли к выводу, что цифровой этикет – это определенные правила общения и культурного поведения участников виртуального пространства. Цифровой этикет дает возможность ответить на главный вопрос: как сделать так, чтобы всем участникам виртуального общения было комфортно.

Стоит отметить, что опираясь на правила классического этикета, участники цифрового взаимодействия учитывают особенности коммуникационных платформ и площадок, на которых происходит непосредственное общение.

Одним из первых проявлений цифрового этикета, закрепленных в первом своде правил цифрового этикета, написанный американкой Вирджинией Ши в книге «Netiquette» в 1994 году. В этом своде правил отражены 10 основных правил корректного поведения в сети.

Ключевой фигурой всех правил становится человек, точнее его комфорт и безопасность в сети интернет. Автор данного кодекса отстаивал принцип гуманности интернет-этикета, который и на сегодняшний день является базовым.

Но несмотря на приверженность цифрового этикета к принципам классического этикета, который плавно перетекает в онлайн-пространство, он продолжает претерпевать множество изменений.

Можно предположить, что соблюдение правил цифрового этикета зависит от того, на каких коммуникационных площадках происходит общение. На представленном ниже рисунке отражены типы коммуникационных площадок (рисунок 1).

Рисунок 1 Основные типы коммуникационных площадок

По данным отечественных операторов мобильной связи, только в течение первого месяца самоизоляции трафик увеличился примерно на 30%. Максимальный прирост показывают различные онлайн-сервисы видеоконференций (наиболее распространеными являются «Zoom» и «MS Teams»). Более того, объем потребления трафика этих приложений вырос примерно в 10 раз, а количество скачиваний из данных приложений, уступало только TikTok. Более того, данные платформы онлайн-коммуникаций стали лидерами по загрузкам и среди бизнес-приложений в России [1].

Стоит обратить внимание на то, что современные технологии влияют на формирование нового типа этикета. Современный вежливый человек это не просто тот кто говорит «спасибо/ пожалуйста» соблюдая правила светского этикета, но и тот, кто не раздражает аудиторию и не доставляет лишних неудобств.

Чтобы понять, какие правила цифрового общения самые строгие, а какими можно пренебречь, нами был проведен опрос, в котором выяснялось, что раздражает при общении в социальных сетях, в деловой переписке, на форумах и т.д. Анкетирование было проведено среди активных пользователей интернета. В нем приняло участие почти 150 человек в возрасте от 20 до 60 лет. Результаты получились следующими (рисунок 2).

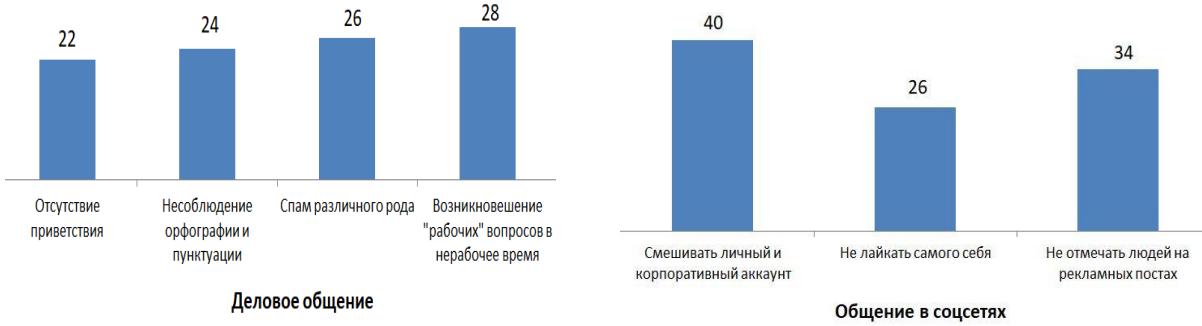

Рисунок 2 Несоблюдение правил цифрового этикета, негативно сказывающихся на эффективности цифрового взаимодействия

По результатам данного опроса было выяснено, что больше всего раздражает решение «рабочих» вопросов в нерабочее время и смешение личного и профессионального. Например, у человека включены уведомления от почтового приложения. И любое «ночное» письмо может разбудить его или членов его семьи. Вывод: все деловые письма должны быть отправлены в период рабочего времени и не позже 18.00.

Или почему считается дурным тоном заводить для организации страницу в социальной сети в формате личного, а не публичного аккаунта? Потому что организация, таким образом задаром пытается получить возможности активного взаимодействия с аудиторией (лайкать, комментировать, добавлять в друзья). При этом организация теряет доступ к большому количеству функций корпоративных аккаунтов и рискует быть заблокированной социальной сетью.

Именно поэтому «тайминг» является одной из самых распространенных «болезней» цифровой эпохи. К сожалению, мы совершенно не ценим онлайн-время наших собеседников, не разделяем личное и рабочее время, опаздываем на сеансы конференц-связей, раздражаем наших партнеров посторонними шумами и т.д. На сегодняшний день это явление не укоренилось, как правило цифрового этикета, но мы находимся в такой ситуации, когда формируется уникальный онлайн-образ каждого человека, своеобразный цифровой двойник.

Возвращаясь к вопросу введения аккаунтов и блогов в социальных сетях, современный интернет-пользователь сталкивается с необходимостью создания цифрового «альтер-эго» [2].

Первый профиль создается как корпоративный. Здесь есть возможность рассказать о сфере вашей деятельности, вести деловую переписку, осуществлять шейлинг (некая обратная связь) и т.д. Второй блог – это личное пространство. Здесь нет без привязки к вашей профессиональной деятельности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что цифровой этикет – это принципиально новый коммуникативный феномен, определяющий правила поведенческой культуры в виртуальном пространстве. [3].

Важно понимать, что по ту сторону любого современного гаджета находится человек, поэтому для построения эффективной коммуникации, нельзя пренебрегать элементарными правилами цифрового этикета, который в дальнейшем должен стать единой целостной нормативно-этической системой, позволяющей регулировать все уровни взаимодействия в пространственно-временном контексте современного информационного общества. Более того, междисциплинарный характер цифрового этикета требует внимания со стороны практикующих специалистов, как в области гуманитарного знания, так и со стороны ИТ-специалистов с целью оформления данного типа этикета в новый вид этикетной коммуникации и приобретения им принципиально нового статуса.

Литература

1. Жукова Кристина. «Все «дыры» Zoom: чем рисуют пользователи самого популярного сервиса видеоконференций эпохи карантина» / Журнал «Forbes». Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/398629-vse-dyry-zoom-chem-riskuyut-polzovatelisamogo-populyarnogo-servisa>

2. Мамина Р.И. Искусство самопрезентации. СПБИД: «Петрополис», 2017
3. Сиберг Д. Цифровая диета: как победить зависимость от гаджетов и технологий. М. Альпина Паблишер, 2018, с.170

УДК 342.5

Филимонова
Елена
Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Теория и история государства и права»,
Донской государственный технический университет.
e-mail: lenarnd1008@mail.ru

Бондаренко
Владислав
Сергеевич

магистрант, Донской государственный технический
университет.
e-mail: wlad.bondarenko2027@gmail.com

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В данной статье речь идет о цифровой безопасности личности, а также о том, какие нормативные правовые акты регулируют общественные отношения в области использования цифровых технологий. Обращено внимание на принципы, которых придерживается государство при обеспечении цифровой безопасности личности.

Ключевые слова: цифровая безопасность личности, информация, информационная среда, киберпространство, информационные технологии, обеспечение цифровой безопасности.

PERSONAL DIGITAL SECURITY

Annotation: This article deals with the digital security of the individual, as well as what regulatory legal acts regulate public relations in the use of digital technologies. Attention is drawn to the principles that the state adheres to when ensuring digital security of the individual.

Keywords: digital security of the individual, information, information environment, cyberspace, information technologies, digital security.

На сегодняшний день процесс развития цифровых технологий с каждым днем стремительно возрастает. В Российской Федерации и во всем мире цифровые технологии находят свое отражение практически во всех сферах

человеческой деятельности. По данным Digital 2020, количество интернет-пользователей в мире выросло до 4,54 миллиарда, а в России составило 118 миллионов (81% россиян).

Информационные системы, электронная система предоставления государственных и муниципальных услуг, социальные сети стали частью жизни граждан РФ. Среднестатистический пользователь проводит в интернете 6 часов 43 минуты каждый день.

Стремясь сформировать информационное пространство, обеспечить реализацию гражданами права на достоверную информацию, государству следует гарантировать цифровую безопасность личности.

Возможность обмена различной информацией (экономической, научно-технической, культурной и т.д.) является, с одной стороны, великим достижением. Однако, с другой стороны, данное благо при неправильном использовании или злоупотреблении может привести к различным неблагоприятным последствиям. Пользователи Интернета стали больше беспокоиться о конфиденциальности информации. По данным GlobalWebIndex, в России эта проблема волнует 60% пользователей (возраст – от 16 до 64 лет).

Поскольку для государства основной задачей в области использования цифровых технологий должно быть обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, Президент Российской Федерации в своих выступлениях отмечает важность создания условий для развития информационной среды Российской Федерации и защиты персональных данных в области использования цифровых технологий. Также важно обеспечить соблюдение и охрану права на неприкосновенность частной жизни.

Стоит отметить, что, согласно статистическим данным, Российская Федерация занимает одну из лидирующих позиций в области обеспечения цифровой безопасности.

С точки зрения теоретического подхода, цифровая безопасность личности подразумевает под собой, прежде всего, обеспечение неприкосновенности персональных данных, которые используются в киберпространстве. В частности, защита от угроз, которые исходят из источников программного характера [1, с. 544]. Сегодня постоянно осуществляется сбор информации о пользователях, их интересах и потребностях посредством не только социальных сетей и поисковых систем, но и через приложения в мобильных телефонах, которая может быть использована в мошеннических или других преступных целях.

При обеспечении цифровой безопасности личности государство придерживается следующих принципов:

- соблюдение законодательства Российской Федерации и норм международного права;
- равенство всех участников пользования информационной средой.

Стоит отметить, что политический или социальный статус личности никак не влияет на принцип равенства.

В настоящее время существует тенденция появления новых проблем в обеспечении цифровой безопасности. Это связано, прежде всего, с тем, что с каждым днем происходит стремительное развитие цифровых технологий практически во всех сферах человеческой деятельности [2, с. 426]. Сейчас любая деятельность человека осуществляется с сопровождением цифровых технологий. Например, банковские счета, банковские карты, телефонные звонки, покупка авиабилетов и так далее.

Многие специалисты в этой области считают, что на вышеуказанные проблемы государство должно в большей степени обращать свое внимание. Некоторые полагают, что это должно быть заложено в системе образования. Высокий уровень подготовки обучающихся в области цифровых технологий влияет на уровень цифровой безопасности личности [3, с. 105-112].

Цифровая безопасность личности основывается на положениях Конституции Российской Федерации [4], в частности статьи 23, суть которой

заключается в том, что запрещен доступ и передача персональных данных, а также телефонных сообщений.

Помимо Конституции Российской Федерации цифровую безопасность личности регулируют такие нормативные правовые акты, как: Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ, Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ, Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» и др.

Также цифровая безопасность личности регулируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [5]. В качестве примера можно привести статью 13.11, предусматривающую ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных.

Следует согласиться с мнением специалистов в области обеспечения цифровой безопасности личности, что обозначенные угрозы можно искоренить путем повышения уровня цифровой грамотности населения.

В настоящее время большая часть персональных данных находится в информационных системах государства. Процесс развития и внедрения цифровых технологий свидетельствует о том, что информационная безопасность личности является важным аспектом защиты конституционных прав и свобод человека.

Литература

1. Белов Е.Б. Основы информационной безопасности / Е.Б. Белов, В.П. Лось и др. – М.: Горячая линия-Телеком, 2006. – 544 с.
2. Соловьев А.А., Метелев С.Е., Зырянова С.А. Защита информации и информационная безопасность: учебник. – Омск: РГТЭУ, 2011. – 426 с.

3. Козлов О.А., Поляков В.П. Информационная безопасность личности: актуальные педагогические аспекты // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 3 (33). С. 105-112.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

УДК 378

Чеснюкова
Людмила
Константиновна ассистент, кафедра экономики предприятий,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет», 620144, Свердловская
область,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д.
62/45;
e-mail: uvl70@yandex.ru

Купцова
Светлана
Николаевна преподаватель, ГАПОУ СО «Уральский
железнодорожный техникум», 620050,
Свердловская область,
г. Екатеринбург, ул. Билимбаевская, д.26
e-mail:ksn28@bk

Доровских
Валентина
Николаевна руководитель информационно-методического
центра, ГАПОУ СО «Уральский железнодорожный
техникум», 620050, Свердловская область, г.
Екатеринбург,
ул. Билимбаевская, д.26
e-mail:dorovskikh.valya@bk.ru

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ – КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА

Аннотация. В настоящей статье рассматривается влияние цифровых компетенций на преподавателей государственных учебных заведений среднего профессионального образования, на процессы подготовки обучающегося. Рассматривается механизм формирования цифровых компетенций педагога, описаны критерии оценки сформированности цифровых компетенций. Результаты показывают, что цифровые навыки повышают производительность в развитии образовательной деятельности, общении и управлении информацией, что способствует процессам обучения и достижению целей.

Ключевые слова: цифровая компетентность, компетенции, преподаватель, образование, информационно-коммуникационные технологии.

DIGITAL COMPETENCE IS A KEY COMPONENT OF A TEACHER'S PROFESSIONALISM

Abstract. This article examines the impact of digital competencies on teachers of state educational institutions of secondary vocational education, on the processes of training students. The mechanism of formation of digital competencies of a teacher is considered, and criteria for evaluating the formation of digital competencies are described. The results show that digital skills increase productivity in the development of educational activities, communication and information management, which contributes to learning processes and achievement of goals.

Keywords: digital competence, competencies, teacher, education, information and communication technologies.

В современном мире наблюдаются значительные изменения в обществе, особенно в образовательном контексте отмечается потребность в педагогах, умеющих управлять информационно-коммуникационными технологиями (далее ИКТ), которые облегчают различные образовательные процессы, улучшают пространство для обучения в классе и способствуют общению между учащимися.

Перед лицом технологических достижений и изменений, которые общество представляет в образовательном контексте, необходимо развивать цифровые компетенции, которые позволяют развивать компетентных и образованных работников. Поэтому необходимо, чтобы преподаватели были обучены и представляли уровень присвоения и управления цифровыми компетенциями, которые выходят за рамки управления ИКТ, позволяя им обогащать среду обучения студентов.

Принимая во внимание вышесказанное, возникает основной вопрос настоящего исследования: каково влияние цифровых компетенций, которыми обладают преподаватели на процессы подготовки студентов, из которого вытекает вопрос: какими цифровыми компетенциями должен обладать преподаватель, и, наконец, увязка цифровых навыков с практической деятельностью педагога.

Перед лицом изменений на технологическом и научном уровне необходимо, чтобы образование было направлено на стандарты качества, позволяя обучать граждан, способных эффективно управлять технологиями.

Задача преподавателя заключается в том, чтобы превратить ИКТ в педагогические инструменты. Профстандарт педагога [1] ориентирует на применение ресурсов дистанционного обучения, организацию публичных выступлений, обучающихся на интернет-форумах и интернет-конференциях, профессиональное использование элементов информационной образовательной среды (с учетом возможного отсутствия некоторых элементов непосредственно в образовательной организации).

Термин «компетентность» определяется как способность выполнять деятельность на ожидаемом уровне [3]. Это сочетание знаний, способностей, навыков, установок и ценностей, которые позволяют трансформировать сложную реальность, среди знаний, связанных с этой реальностью[7].

В. А. Плешаков и О. И. Войнова пишут о киберонтологическом подходе к образованию, рассматривают его как основу применения в системе образования современных информационно-коммуникационных, цифровых, электронных и интернет-технологий [4].

В.П. Бесpal'ко исследует возможности помочь работникам образования в полной мере использовать педагогический потенциал, обнаруженный в компьютере [2].

И.В. Роберт анализирует теоретические основы создания и внедрения новых цифровых технологий в образовании, педагогической осуществимости

использования программных средств и перспективы использования новых инструментов[6].

Э. С. Полат отмечает особенности использования информационных технологий и рекомендует при подготовке к занятиям строго следовать методическим рекомендациям, учитывать виды деятельности, цели и задачи [5].

А. Ю. Уваров в своем исследовании дает характеристику и способы использования электронных планов, учебников, способов их корректировки, дополнения, исправления (быстро и без усилий) [8].

Г-н Чан утверждает, что к числу компетенций, требующихся для действий в цифровой среде, относятся так называемые медийные, которые позволяют развивать критическое мышление, сотрудничество и диалог, терпимость и разнообразие для получения новых знаний и функциональности обучения [11].

Аларсон подчеркивает необходимость применения цифровых навыков преподавателями для обогащения условий обучения: педагоги должны быть привержены постоянному развитию и совершенствованию в этой области, что позволит им развивать цифровые навыки для удовлетворения потребностей сегодняшнего и завтрашнего мира [9].

Общество информационных технологий и педагогического образования, определяет критерии, которые должны быть известны педагогам для достижения эффективного технологического развития, которые основаны на интеграции технологий в любую учебную программу и в контексте, использовании основных вычислительных инструментов, обучении и экспериментах в образовательных условиях с использованием технологий в качестве инновационного фактора в обучении [10].

Цифровые навыки связаны с обработкой информации, она объединяет обзор ИКТ с точки зрения концепций, характеристик, типологий и функций.

Ниже приведены одиннадцать измерений основных компетенций в области ИКТ: знание компьютерных систем, использование операционной

системы, поиск и отбор информации через Интернет, межличностное общение и совместная работа в сетях, обработка текстов, обработка изображений, использование электронных таблиц, использование баз данных, развлечения и обучение ИКТ, телетестирование и общее отношение к ИКТ.

К этим компетенциям относятся медиальные компетенции, такие как набор знаний, навыков и навыков, необходимых для использования средств массовой информации.

Контекстуальной основой этого исследования является ГАПОУ СО «Уральский железнодорожный техникум». Образовательное учреждение находится под контролем Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. Для сбора информации были применены два инструмента: интервью и наблюдение.

Первоначально вопросы были сгруппированы в три группы. Первая группа вопросов позволяет получить информацию от участников, включая такие данные, как имя, уровень образования, возраст, пол, место, к которому он принадлежит, предмет или предметы, которые он преподает, область профессиональной деятельности и время преподавательского опыта. Во второй группе вопросов находятся те, которые относятся к цифровым компетенциям, в то время как последняя группа фокусируется или углубляется в темы в области ИКТ.

Были получены следующие категории: концептуализация цифровых навыков, цифровая грамотность и ИКТ; размышления о цифровых способностях; цифровые навыки, используемые в процессе обучения; ИКТ и использование цифровых навыков и связь цифровых навыков и развития деятельности.

Сделаны выводы о том, что наиболее часто используемые в процессе обучения навыки включают основные навыки управления информацией и программами (поиск, анализ, кодирование, обмен, редактирование, загрузка информации в целях создания или расширения знаний); коммуникативные навыки, обычно связанные с интернетом, включая использование электронной

почты, чата, форумов и социальных сетей; компетенция в области технологического управления, где используются и используются такие приборы, как компьютер, мобильный телефон, планшет, сканер, принтер. Наконец, компьютерная компетентность, направленная на пересмотр информации в целях обучения, включая управление ИКТ, позволяющее развивать критическое мышление, которое является продолжением восприятия, признания, обучения и воображения.

Применение цифровых компетенций в развитии педагогической деятельности, позволяют преподавателю вызвать интерес у студентов. Цифровые компетенции позволяют преподавателям разрабатывать содержание и материалы, облегчать обучение и активизировать процессы взаимодействия между студентами. Интеграция ИКТ в процессы преподавания и обучения студентов создает мотивацию, социальную интеграцию, облегчая развитие академических процессов и деятельности.

В заключение следует отметить необходимость приведения образования в соответствие со стандартами качества, где преподаватели должны использовать ИКТ, что позволяет им интегрироваться в образовательное, экономическое, политическое и культурное развитие. Чтобы повысить уровень и качество образования, необходимо включить инновации с помощью цифровых навыков, которые помогают студентам в получении множества знаний. Кроме того, необходимо проявлять открытость в отношении ИКТ, что позволит молодежи лучше осознать свою собственную практику, помогая повысить свою собственную медийную и компьютерную грамотность.

Литература

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (с изменениями и дополнениями)

2. Беспалько В.П. Киберпедагогика. Педагогические основы управляемого компьютером обучения (E-Learning). – М.: Т8 RUGRAM, 2018. – 240 с.
3. Бухарова Г.Д., Старикова Л.Д. О сущности понятий «компетентность» и «компетенция». Электронный архив УГЛТУ // <https://elar.usfeu.ru/handle/123456789/4014> (дата обращения: 18.10.2020).
4. Плешаков В.А., Воинова О.И. Опережающие направления развития киберпедагогики // Научная школа Т.И. Шамовой: методолого-теоретические и технологические ресурсы развития образовательных систем Сборник статей X Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Ответственные редакторы С.Г. Воровщиков, О.А. Шклярова. – М.: «5 за знания»; МПГУ, 2018. – С. 180-185.
5. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М: Академия, 2008. – 272 с.
6. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы. – М.: ИИО РАО, 2010. – 141 с.
7. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе: пер. с англ. М.: HippoPublishing Ltd., 2005. С. 9.
8. Уваров А.Ю. Образование в мире цифровых технологий – М: Перспектива, 2018. – 167 с.
9. Alarcón, P. (2009). Competencias Digitales: un imperativo del Siglo XXI. Educar Chile: el portal de la educación. Recuperado de: <http://www.educarchile.cl/Portal.Base/Web/VerContenido.aspx?ID=199103> (дата обращения: 18.10.2020).
10. Lic. Yair Fernando Merchán Lesmes Impacto de las competencias digitales en los docentes de básica secundaria // Facultad de Ciencias de la Educación | Universidad Católica del Maule | Julio - Diciembre 2014, pp. 67-83

11. Pérez-Rodríguez, M.A., Aguaded, J.I. y Monescillo, M. (2010). Hacia una integración curricular de las TIC en los centros educativos andaluces de Primaria y Secundaria. *Bordón* 62 (4), 7-23.

УДК 316.776.23

Щекотуров
Александр
Вячеславович

кандидат социологических наук, заведующий
социологической лабораторией, Балтийский
федеральный университет им. И. Канта.
e-mail: ASHCNekoturov@kantiana.ru

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ В ФЕЙСБУК: ЭФФЕКТ МНОЖЕСТВЕННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация: Фейсбук остается единственной международной социальной сетью в России, позволяющей мультимодальное самовыражение пользователя. Однако в ходе самопрезентации каждый индивид может столкнуться с противоречивой оценкой своего образа со стороны разных категорий друзей, составляющих его виртуальную аудиторию. Основная цель данной статьи – определить значимость мнения основных типов аудитории в зависимости от характера самопрезентации студентов в Фейсбуке.

Ключевые слова: виртуальная самопрезентация, социальная сеть, Фейсбук, множественная аудитория

Работа выполнена в рамках исследования «Приватное в публичном: культурные особенности управления самопрезентацией студенческой молодежи в социальных медиа (на примере России и США)» при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-1909.2019.6 в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

FEATURES OF STUDENTS' SELF-PRESENTATION IN FACEBOOK: EFFECT OF MULTIPLE AUDIENCE

Abstract: Facebook remains the only international social network in Russia that allows multimodal self-expression of its user. However, in the course of self-presentation each individual may encounter a contradictory assessment of his image from different categories of friends that make up his virtual audience. The main goal of this article is to determine the importance of the opinions of the main types of audience depending on the nature of students' self-presentation on Facebook.

Keywords: virtual self-presentation, social network, Facebook, multiple audience

Социальные сети прочно стали частью повседневной жизни человека 21 века. Помимо новых возможностей в продвижении бизнеса и множественного применения искусственного интеллекта этих платформ, социальные сети по-прежнему остаются ареной для самопрезентации, конструирования виртуальной идентичности и управлением впечатлением других [1]. При этом самопрезентация происходит при одновременном присутствии сразу нескольких аудиторий (семья, друзья, коллеги и так далее). Проблема заключается в том, что конструируемый образ может быть по-разному воспринят различной аудиторией [2]. Это препятствует достижению стратегических целей самопрезентации и осложняет процесс управления впечатлением [3]. Цель данной статьи – дать общее представление о структуре аудитории российского студента в Фейсбуке определить влияние самопрезентации студента в социальной сети Фейсбука на характер и способы управления впечатлением основных категорий аудитории.

Фейсбук: самопрезентация и эффект аудитории

Согласно классической традиции, самопрезентация – процесс создания желаемого образа в представлении определенной аудитории [4]. Виртуальная самопрезентация отличается контекстом (прежде всего, степень анонимности пользователя) и технологическими возможностями виртуальной платформы. Чем более верифицируемым является онлайн пространство, тем более вероятно, что пользователи будут создавать «желанный образ своей возможной идентичности» (hoped-for possible self) [5].

Фейсбук формирует «проверяемую» («nonymous») социальную среду за счет поддержания институциональных, родственных, профессиональных и других типов связей [5]. При этом самопрезентация в Фейсбуке происходит одновременно для всех типов связей и всех типов аудиторий, эти связи представляющие. В научной литературе обобщенно это обстоятельство обозначается как проблема множественной аудитории в интернете (online multiple audience problem) [6, p. 57].

Существует как минимум две конкурирующие теории, которые объясняют стратегии виртуальной самопрезентации. Первая – эффект наименьшего знаменателя (lowest common denominator effect) [7], когда пользователи выстраивают свою самопрезентацию в соответствии со стандартами своей самой строгой аудитории. Например, человек может иметь намерение поделиться публикацией умеренно сексуального характера со своими сверстниками, однако он предпочтет этого не делать, поскольку это будет несовместимо со стандартами другой аудитории (например, его родителей). Вторая теория – эффект самой сильной аудитории (strongest audience effect), когда самопрезентация зависит в большей степени от ценности и значимости аудитории, а не от страха перед ней [6].

В большинстве случаев объектом проверки исследовательских гипотез выступает студенческая молодежь. Как объясняют Б. Даффи и Н. Чан, интерес к этой демографической группе связан, прежде всего, с вынужденной необходимостью молодежи соответствовать социальным стандартам сразу нескольких референтных групп: семья, близкие друзья и потенциальный работодатель [8]. Ставясь оставить правильные цифровые следы, они рисуют упустить конгруэнтное и когерентное конструирование собственной идентичности и только ухудшить качество имеющихся социальных отношений.

В России пока нет ни одной публикации, в которой была бы рассмотрена взаимосвязь виртуальной аудитории с возможной реакцией аудитории социальной сети, а также проблема конструирования приватного дискурса в публичном пространстве социальных медиа. С целью восполнить данный информационный вакuum было реализовано поисковое исследование, некоторые результаты которого представлены в этой статье. Прежде всего, нас интересовал вопрос, кто составляет основную аудиторию студенческой молодежи в социальной сети Фейсбук и какова связь между виртуальной самопрезентацией и мнением наиболее представленных в социальной сети категорий аудитории.

Методика

В данной работе содержатся результаты, полученные на первом этапе анализа в ходе проведения разведывательного опроса студентов одного из федеральных вузов России (БФУ им. И. Канта). Для большей возможности сравнения результатов исследования и экстраполяции зарубежных теорий на отечественное научное поле опрос был проведен среди студентов и аспирантов, которые не менее одного раза в неделю используют социальную сеть Фейсбук. Всего было опрошено 196 человек, 40,8% мужчин и 59,2% женщин. Средний возраст – 21 год ($SD=2,56$). В качестве независимой переменной (фактора) был взят характер конструирования самопрезентации в Фейсбуке, главным индикатором которой выступил тезис: «я использую настройки параметров конфиденциальности профиля, поскольку я хочу создать положительный образ себя». В зависимости от степени согласия с этим утверждением (шкала Лайкерта) все пользователи были поделены на три группы: 1) склонные к самопрезентации (21,5%); 2) не склонные к самопрезентации (51,8%) и 3) неопределившиеся (26,7%).

Результаты

Первая задача – определить основные категории друзей в Фейсбуке, которые мы будем рассматривать как типы виртуальной аудитории пользователя. Согласно опросу (табл. 1), чаще других студенты «дружат» в социальной сети с близкими друзьями и друзьями по университету, а также с родственниками¹⁰¹. Реже всего был представлен работодатель и человек, с которым студент был в романтических отношениях.

Таблица 1. Основные категории друзей в социальной сети Фейсбук, %

Категория	%	Категория	%
Близкие друзья	69,9	Одногруппники	52,7
Друзья, знакомые по университету	64,0	Коллеги	37,6
Семья, родственники	61,8	Романтический партнер	25,8
Друзья по школе	57,0	Работодатель	23,7

¹⁰¹ Закрытый вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа.

Вторая задача – определить влияние характера самопрезентации (определенной через намерение создавать положительный образ в социальной сети) на значимость мнения основных категорий друзей. Респондентам был задан вопрос: «Укажите важность мнения друзей в Фейсбуке, когда Вы решаете что-то опубликовать у себя в профиле» и предложены основные категории аудитории с возможностью дать оценку их мнения по шкале: «совсем не важно», «скорее не важно», «скорее важно» и «очень важно». Затем мы объединили процент ответов в две группы: «Не важно» и «Важно». Результаты перекрестного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Связь между характером самопрезентации и оценкой мнения основной аудитории в Фейсбук

Характер самопрезентации	Не важно	Важно	Статистические показатели
Как отреагируют мои близкие друзья			
Не склонные к самопрезентации	85,1%	14,9%	p<0,05, $X^2=57,26$, ст.св.= 6
Неопределившиеся	71,2%	28,8%	
Склонные к самопрезентации	33,3%	66,7%	
Как отреагирует потенциальный работодатель			
Не склонные к самопрезентации	75,2%	24,8%	p<0,05, $X^2=28,23$, ст.св.= 6
Неопределившиеся	55,8%	44,2%	
Склонные к самопрезентации	35,7%	64,3%	
Как отреагирует потенциальный молодой человек/девушка			
Не склонные к самопрезентации	79,2%	20,8%	p<0,05, $X^2=36,39$, ст.св.= 6
Неопределившиеся	55,8%	44,2%	
Склонные к самопрезентации	29,3%	70,7%	
Как отреагируют мои одногруппники			
Не склонные к самопрезентации	91,1%	8,9%	p<0,05, $X^2=50,76$, ст.св.= 6
Неопределившиеся	88,5%	11,5%	
Склонные к самопрезентации	52,4%	47,6%	
Как отреагирует моя семья			
Не склонные к самопрезентации	77,2%	22,8%	p<0,05, $X^2=42,31$, ст.св.= 6
Неопределившиеся	65,4%	34,6%	
Склонные к самопрезентации	23,8%	76,2%	

Ответы различались на статистически достоверном уровне ($p<0,05$), а значения Хи-квадрата Пирсона свидетельствуют о влиянии характера самопрезентации на значимость оценок определенной категории друзей. Из таблицы следует, что студенты, не склонные к самопрезентации, в меньшей степени склонны считаться с мнением основной аудитории Фейсбук.

Сравнительно выше других эта группа студентов поставила мнение потенциального работодателя (24,8%) и собственной семьи (22,8%), в то время как к мнению одногруппников они практически безразличны (91,1%). Для студентов, склонных к самопрезентации через создание положительного образа в социальной сети Фейсбук, наоборот, практически каждая представленная категория друзей имела значение. Исключением стали одногруппники, мнение которых все же, скорее, не важно при публикации у себя в профиле (52,4%).

Дополнительно в качестве зависимой переменной были рассмотрены пол, возраст, курс обучения, количество друзей, а также стаж использования данной социальной сети и время, проводимое в Фейсбук ежедневно (табл. 3).

Таблица 3. Связь между самопрезентацией и основными атрибутами социального статуса студента

Зависимая переменная	p-уровень
Возраст	p=0,08
Курс обучения в университете	p=0,393
Стаж использования Фейсбук	p=0,802
Пол	p=0,123
Количество друзей	p=0,243
Количество ежедневного использования Фейсбук	p=0,011

Исходя из полученных данных, виртуальная самопрезентация статистически достоверно оказывает влияние лишь на количество времени, проводимого в социальной сети ($F=4,639$, ст.св.=2). Согласно критерию Шеффе, студенты, создающие положительный образ в Фейсбук, проводят в социальной сети больше времени (1-2 часа), чем студенты, равнодушные к самопрезентации (30-60 минут в день).

Основные выводы:

Во-первых, анализ структуры друзей в социальной сети Фейсбук показывает, что основная аудитория студента – это уже установленные отношения в прошлом (семья, школа и близкие друзья), а также связи, актуальные в данный в момент (университет). В друзьях работающих

студентов преобладают коллеги, однако это может быть связано с тем, что работодателей априори численно меньше.

Во-вторых, в результате анализа «воображаемой аудитории» (imagined audience) [2] установлены значимые различия между теми, кто конструирует положительный образ в Фейсбук и теми, кто в этом не заинтересован. Само существование этих двух непропорциональных групп свидетельствует о неоднозначной связи использования Фейсбук с конструированием «желанного образа своей возможной идентичности». Однако более точные данные дают проверка гипотезы с использованием нескольких индикаторов.

В-третьих, несмотря на то, что одногруппники составляют значимую часть аудитории современного студента-пользователя Фейсбук, их мнение в меньшей степени значимо в процессе виртуальной самопрезентации. Характер конструирования положительного образа во многом зависит от оценки семьи и потенциального партнера для романтических отношений. В отличие от американских сверстников, которых со школьной скамьи ориентируют на мнение потенциального работодателя [9], лишь для 64% российских студентов мнение этой аудитории имеет значение. Объяснение выявленных связей может быть найдено уже в ходе проведения исследования с применением качественных методов. Гипотетически высокая оценка мнения потенциального молодого человека или девушки может быть связана с поиском будущего партнера из других стран, а поскольку Фейсбук – единственная международная социальная сеть с обширными возможностями для самовыражения, то именно здесь эта аудитория особенно значима.

И, наконец, статистический анализ показал, что с характером самопрезентации связано лишь количество времени, ежедневно проводимого в Фейсбук. Создание положительного образа в социальной сети требует более вдумчивого отношения и внимания к реакции на публикуемый контент, что в итоге требует большего количества времени.

В завершении отметим, что данное исследование носило поисково-разведывательный характер, статистически установленные связи применимы

лишь к представленной выборочной совокупности и не способны репрезентировать мнение студенческой молодежи в г. Калининград. Однако это не умаляет ценности полученных результатов, поскольку речь идет о новой для российской социологии медиа и коммуникации проблематике: эффект множественной аудитории в процессе виртуальной самопрезентации, управления личным брендом и брендом компании в социальных медиа. Развитие темы видится в серии глубинных интервью с целью интерпретации самими респондентами выявленных связей.

Литература

1. Grieve R., March E., Watkinson J. Inauthentic self-presentation on Facebook as a function of vulnerable narcissism and lower self-esteem // Computers in Human Behavior. 2020. Vol. 102. 144–150 pp.
2. Litt E., Hargittai E. The imagined audience on social networked sites // Social media + Society. 2016. January-March. 1-12 pp.
3. Frampton B., Child J. Friend or not to friend: coworker Facebook friend requests as an application of communication privacy management theory // Computers in human behavior. 2013. Vol 29. 2257-2264 pp.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304с.
5. Zhao Sh., Grasmuck Sh., Martin J. Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships // Computers in Human Behavior. 2008. Vol. 24. 1816–1836 pp.
6. Marder B., Joinson A., Shankar A., Thirlaway K. Strength matters: Self-presentation to the strongest audience rather than lowest common denominator when faced with multiple audiences in social network sites // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 61. 56–62 pp.
7. Hogan B. The presentation of self in the age of social media: distinguishing performances and exhibitions online // Bulletin of Science, Technology and Society. 2010. Vol. 30. 377–386 pp.

8. Duffy B., Chan N. “You never really know who’s looking”: imagined surveillance across social media platforms // New media and society. 2018. 1-20 pp.

9. Hedenus A., Backman C. Explaining the data double: confessions and self-examinations in job recruitments // Surveillance & Society. 2017. Vol. 15(5). 640–654 pp.

УДК 377: 37.04

Янцукевич-Ушакова
Оксана
Евгеньевна

Преподаватель ФСПО, аспирант, Северо-Западный институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: yantsukevich-oe@ranepa.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБУЧЕНИИ

Аннотация: В современных условиях все большее внимание уделяется государством вопросам обеспечения доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Получение профессионального образования является основой для их успешной социализации. Электронные образовательные ресурсы, используемые в процессе обучения, позволяют создать необходимую среду инклюзивного обучения, в которой лица с ограниченными возможностями здоровья смогут не только получить профессиональное образование, но и успешно социализироваться в современной обществе.

Ключевые слова: электронные образовательные ресурсы, инклюзивное обучение, инвалиды, лица с ограниченными возможностями здоровья, социальная адаптация и интеграция, доступная образовательная среда.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN INCLUSIVE LEARNING

Abstract: In modern conditions, the government pays more and more attention to the issues of providing an accessible environment for persons with disabilities. Getting a professional education is the basis for their successful socialization. Electronic educational resources used in the learning process make it possible to create the necessary inclusive learning environment, in which persons with disabilities can not only receive professional education, but also successfully socialize in modern society.

Key words: electronic educational resources, inclusive education, people with disabilities, persons with disabilities, social adaptation and integration, accessible educational environment..

В последние годы идет интенсивная активизация внедрения дистанционных форм обучения. Согласно ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации"[1] дистанционное обучение сегодня становится неотъемлемой частью современного образования.

Дистанционное обучение – способ организации процесса обучения, основанный на использовании современных информационных и телекоммуникационных технологий, позволяющих осуществлять обучение на расстоянии без непосредственного контакта между преподавателем и учащимся.

Одной платформ, которая используется для применения дистанционных образовательных технологий является модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда Moodle (англ. Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment)[2, с. 280]. Система реализует философию «педагогики социального конструktionизма» и ориентирована, прежде всего, на организацию взаимодействия между преподавателем и учениками, хотя подходит и для организации традиционных дистанционных курсов, а также поддержки очного обучения.

Использование электронных образовательных ресурсов, с использованием электронно-образовательный среды в Moodle, дает целый ряд преимуществ:

- позволяет изменить качественный подход к организации учебного процесса в целом и самостоятельной работы студентов в частности;
- повысить заинтересованность учащихся в изучении отдельных предметов путем внедрения современных информационных технологий и форм обучения;

- способствовать развитию профессиональных компетенций студентов;
- раскрыть уровень образовательного потенциала обучающихся и перспективы развития образования;
- повысить профессиональную мобильность студентов, их предпринимательскую активность, видение собственного профессионального назначения и самореализации;
- дает возможность применения лучших педагогических практик отечественной образовательной системы, а также возможность ее научного и практического развития.

В рамках данного доклада предлагается рассмотреть возможность использования инновационные технологии в инклюзивном обучении.

Актуальность данного процесса заключается в том, что использование дистанционных форм обучения в процессе подготовки специалистов на всех уровнях образования носит неоднозначное отношение в педагогической среде. В настоящее время, значительная доля преподавателей считает, недопустимым применение дистанционных форм обучения. Однако перед электронными образовательными ресурсами стоит задача объединения положительных сторон различных методов обучения и эффективной интеграции в современную образовательную среду. Очевидно, что при использовании общепринятых педагогических методов при осуществлении смешанного обучения, его возможности позволяют обеспечить высокое качество профессионального образования. Особым преимуществом электронных методов обучения является обеспечение обучающегося теоретическими материалами преподаваемого курса на 100%. При этом аудиторная или иная контактная работа преподавателя и обучающегося может быть направлена на вопросы студентов, разъяснение трудноусваиваемого материала, организации диспутов, т.е. для активизации процесса обучения. Электронные технологии обучения предоставляют новые возможности для более активного вовлечения студентов в образовательный процесс.

Необходимость внедрения технологии дистанционного обучения также обусловлена следующими факторами:

- обучение детей с ограниченными возможностями и инвалидами;
- обучение часто болеющих детей;
- работа со спортсменами, получающими основное общее, среднее общее или профессиональное образование, проходящие при этом этапы спортивной подготовки по разным видам спорта;
- необходимость развития интерактивного взаимодействия обучающихся и преподавателей;
- повышение интереса к проектной деятельности обучающихся;
- развитие способностей с одаренных детей и др.

Учитывая все те преимущества, которые дает система Moodle студентам, обучающимся на очной форме обучения и не имеющим возможность систематически посещать занятия, возникла идея о том, что данные технологии в рамках концепции «Доступная среда» могут сделать возможность обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов еще более открытыми. Создание специальных условий для получения профессионального образования инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья в государственных профессиональных образовательных организациях осуществляется с путем реализации комплекса мер по программе «Доступная Среда», который призван устранить все барьеры на территории учреждения и внутри здания таким образом, чтобы свободный доступ могли иметь все посетители, вне зависимости от своих физических возможностей. Обеспечивается транспортная и пешеходная доступность территорий, прилегающих к образовательным организациям, входов в здания, возможностей самостоятельного перемещения обучающихся внутри зданий; обеспечения специальных учебных мест в аудиториях. Применение в образовательных организациях пандусов, поручней, тактильных направляющих, подъемных

устройств, что дает возможность получения образования лицами, различных нозологических групп.

Однако, в реальной жизни, без посторонней помощи, воспользоваться предоставленными возможностями лица с ограниченными возможностями здоровья и инвалиды не способны. Физическое состояние данной категории студентов не стабильно, что не может не оказывать влияния на систематическое посещение ими занятий. Все это служит основанием для необходимости создания соответствующих курсов, которые позволяют обеспечить получение профессионального образования студентами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами в любом общеобразовательном учебном заведении среднего и высшего профессионального образования.

Идея данного проекта заключается в том, что при осуществлении систематической работы по разработке электронных образовательных ресурсов преподавателями по всем дисциплинам, студенты, имеющие ограничения здоровья, смогут получать образование наравне со студентами, которым не требуется создание особых условий. То есть обеспечение «Доступной среды» в реальных условиях.

Основной целью является создание полноценного безбарьерного доступа, в сфере получения профессионального образования лицами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами, которое позволит данной категории граждан эффективную самореализацию в современном мире.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1. Провести анализ профессий, получение которых позволит лицам, имеющим ограниченные возможности здоровья и инвалидам, обеспечить трудоустройство и эффективную социализацию в существующем обществе;
2. Создать и утвердить на государственном уровне перечень перспективных профессий (по аналогии с Топ-50), способных обеспечить

самореализацию лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов на рынке труда;

3. Установить для соответствующих Федеральных государственных образовательных стандартов требование по обеспечению их адаптированными дистанционными формами обучения;

4. Организовать устойчивое взаимодействие между образовательными учреждениями и предприятиями, заинтересованными в профессиональной деятельности инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также повысить престижность такого взаимодействия;

5. Систематизировать инструменты, использование которых позволит преподавателю адаптировать свой курс для студентов различных нозологических групп;

6. Установить минимальные требования к программному обеспечению, для реализации адаптированных образовательных программ[3].

7. Осуществить повышение квалификации преподавателей по направлениям, связанным с использованием информационных технологий с сферой образования.

Одним из основных этапов на пути достижения данной цели является создание адаптированных электронных образовательных ресурсов, которые представляют собой точную копию обычного курса, но адаптированного в соответствии с особенностями обучающегося.

Одной из важнейших проблем заключается в том, что *не всегда* лица с ограниченными возможностями здоровья могут посещать учебное заведение систематически. В тоже время такого рода студенты должны понимать, что они *не исключены из общества и в любой момент могут присоединиться к своей группе и продолжить обучение* вместе со студентами, не имеющими особенностей здоровья. При этом в периоды вынужденного отсутствия на занятиях студенты имеют возможность получать равноценные знания в дистанционной форме.

Разработка подобных курсов должна осуществляться с учетом базового курса и курсов, с учетом физиологических особенностей обучающихся:

1. Материалы к учебному занятию для студентов очников;
2. Материалы к учебному занятию для лиц с нарушением слуха;
3. Материалы к учебному занятию для лиц с нарушением зрения;
4. Материалы к учебному занятию для лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата.

Для осуществления дистанционных форм обучения в настоящее время большое число преподавателей используют возможности открытых информационных ресурсов, к которым относятся в первую очередь – электронная почта и социальные сети. Данные ресурсы обеспечивают взаимодействие учащегося и преподавателя в конкретный момент времени и, позволяет осуществлять лишь передачу информации от учителя к ученику и обратно.

Необходимость систематизации данных процессов обусловила возникновения специально созданных программных продуктов, которые в свою очередь обеспечивают не только обмен информацией, но и обеспечила учебный процесс специальным инструментарием, направленным на активизацию этого процесса.

Система дистанционного обучения Moodle обладает простым интерфейсом. Она состоит из курсов, создаваемых преподавателями, на которые могут быть зачислены студенты.

Необходимо отметить, что образовательная среда для лиц с ограниченными возможностями здоровья является лишь частью большой работы по обеспечению безбарьерного доступа обучающихся к профессиональному образованию. Использование системы Moodle демонстрирует только концептуальные возможности по обеспечению «Доступной среды» в сфере образования. В рамках практической реализации возможно применение и иных, доступных программных продуктов.

Основной идеей современного подхода к «доступной среде» является социализация лиц с ограниченными возможностями и инвалидов в учебных заведениях, обеспечения их безбарьерного доступа. Очные занятия требуют от студентов проведение 6-8 часов на территории учебного заведения (в т.ч. сидя в инвалидном кресле и т.п.), следовательно, программа обучения должна быть построена таким образом, чтобы обучающийся мог присутствовать на уроке в учебном заведении в силу своих физических возможностей. В остальное время, необходимо обеспечить возможность обучения студентов в дистанционном режиме. Следовательно, рабочая программа дисциплины для обычных студентов и адаптированная рабочая программы должны быть идентичными, лишь с учетом особенностей обучающегося.

Одной из задач, стоящих перед учебным заведением является обеспечение неразрывности процесса образования обучающихся, имеющих физиологические особенности и их сверстников, обучающихся на базе учебного заведения. В связи с этим интеграция адаптированной рабочей программы в существующий курс – основная задача, которая лежит на преподавателях. От качественного подхода зависит результат освоения программы лиц с ограниченными возможностями здоровья образовательной программы [4, с. 25], и, как следствие, получения профессии и возможность ее практического применения в современных условиях.

Это обусловило необходимость обеспечения непрерывного процесса обучения и повышения квалификации преподавателей, применения современных информационных технологий и программных продуктов.

Для обеспечения эффективной социализации таких обучающихся возможно проведения совместных семинаров с использованием инструментов Moodle, где все обучающиеся будут иметь возможность принимать участие, как в общей дискуссии, так и в оценивании ответов друг друга.

И в заключении необходимо отметить, что использование систем дистанционного обучения позволит выйти на новый этап в обеспечении «доступной среды» лицам с ограниченными возможностями здоровья и

инвалидам. Для данной категории обучающихся перестанет быть проблемой транспортная доступность учебного заведения и зависимость от возможностей сопровождающих. И, студент, сможет сконцентрировать свое внимание возможности применения полученные знания, реализации на рынке труда. И тогда «Доступная среда» станет действительно доступной.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ (действующая редакция) "Об образовании в Российской Федерации"//РГ от 31.12. 2012 N 303
2. Землянская Е. Н. Инновационная начальная школа: подготовка магистров по педагогике в условиях сетевого взаимодействия / Е. Н. Землянская — «МПГУ», 2015, ISBN 978-5-4263-0254-9 [Электронный ресурс] <https://u.to/cRvLFw> (дата обращения 10.03.2020).
3. Блинов В. И. и др. Актуальные вопросы развития среднего профессионального образования: практическое пособие под общ. ред. АН Лейбовича //М.: Федеральный институт развития образования. – 2016. [Электронный ресурс] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24045853>(дата обращения 01.11.2020).
4. Галиуллина С. Д., Айсмонтас Б. Б. Особенности получения образовательных услуг в условиях инклюзивного обучения //Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2015. – №. 3 (13). [Электронный ресурс] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24853531> (дата обращения 10.11.2020).

УДК 364.025.2

Ярошенко
Галина
Васильевна

кандидат политических наук, доцент кафедры
политологии и этнополитики, начальник отдела по
воспитательной работе и сопровождению
инклюзивного обучения, Южно-Российский

институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: yaroshenkogv@uriu.ranepa.ru

Кулябо
Анна
Александровна

студент, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: annakuliabo1703@gmail.com

Прямова
Ксения
Павловна

студент, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ksu22131@gmail.com

Тутаев
Данила
Викторович

студент, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Danilatutaev00@mail.ru

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ COVID-КРИЗИСА НА МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы, с которыми столкнулись молодые семьи в период пандемии и анализируются меры государственной поддержки в данной сфере.

Ключевые слова: молодая семья, COVID-кризис, трудоустройство, ипотечное кредитование, материальное обеспечение молодых семей.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF THE COVID-CRISIS ON THE FINANCIAL CONDITION OF YOUNG FAMILIES

The article examines and analyzes the problems faced by young families during the pandemic and provides measures of state support in this area.

Key words: young family, COVID crisis, employment, maternity capital, material support for young families.

Вспышка коронавируса, зафиксированная впервые в Ухане в декабре 2019 года, 30 января 2020 года была названа Всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуацией международного значения. Уже 11 марта вспышка была объявлена пандемией. В конце апреля 2020 года ООН выпустила доклад с призывом к созданию новой экономики в странах, так как

существующая уже не будет прежней вследствие пандемии коронавируса COVID-19.

Аналитики Bloomberg указывают, что экономика нашей страны подошла к пандемии с низкими показателями инфляции и безработицы, стабильным банковским сектором и значительными финансовыми резервами, что дает основание строить позитивные прогнозы на восстановление экономики.

Однако, российская экономика всё же понесла серьёзные потери. По данным Росстата, оборот экономики снизился на 3-4 триллиона рублей (по работающему населению и средней зарплате). По данным ЦБ, во втором квартале ВВП снизился на 8%.

С марта число официально зарегистрированных безработных выросло более чем в четыре раза и перешло черту в 2,8 млн человек. Более половины (51%) — это молодые люди в возрасте от 25 до 40 лет [1].

Снижение активности из-за COVID-эпидемии затрагивает все регионы, и ситуация меняется очень динамично.

Одной из самых уязвимых групп во время пандемии стали молодые семьи. Молодыми считаются семьи с ребенком в возрасте до 18 лет, в которых брак длится не более 3 лет, один из супругов находится в возрасте до 30 лет. В случаях, когда воспитанием несовершеннолетнего занимается один родитель в возрасте до 30 лет, семья также относится к данной категории.

Молодые семьи как один из самых незащищенных, неокрепших слоев населения больше всего пострадали от последствий пандемии.

Основными проблемами после выхода с карантина для молодых семей стали следующие:

Во-первых, проблема потери места работы и сложности с трудоустройством. Зачастую родители в молодых семьях не имеют большого трудового стажа и не так сильно востребованы на рынке. Так как в современном обществе заработка плата зачастую является единственным источником доходов, данная проблема является наиболее острой в настоящий период;

Во-вторых, проблема выплат задолженностей перед банками и другими лицами (ипотека, потребительский кредит, срочные займы и т.д.). Известно, что 72% семей имеют задолженности перед банками. Молодые семьи в данной ситуации сталкиваются с определенными рисками, так как многие из них ещё не обзавелись таким дополнительным капиталом, потеря которого в случае непредвиденных обстоятельств не приведет к финансовому краху [2];

В-третьих, проблема обеспечения в молодых семьях с детьми. Так как молодые родители несут финансовую ответственность за детей, статьи расходов данной категории семей выше чем у остальных, особенно перед началом учебного года, когда нужно собирать ребенка в школу, что приводит к необходимости воспользоваться займом.

Для решения данных проблем государство разрабатывает меры поддержки. В 2020 году молодым семьям доступны социальные выплаты в связи с пандемией COVID-19, а также по вопросам жилищного и материального обеспечения.

На данный момент молодым семьям предоставляются следующие льготы, связанные с покупкой или строительством жилья:

1. Социальные выплаты на жилье молодым семьям в рамках программы: «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

2. Льготная ипотека, установленная в соответствие с Постановлением Правительства РФ от 23 апреля 2020 г. N 566 "Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 году".

3. Частичное погашение кредита многодетным семьям.

Молодые семьи имеют право получить государственную выплату в сумме 30-35% от стоимости жилья. Эти средства можно направить на приобретение готового жилого помещения, квартиры в новостройке,

строительство нового жилья, первоначальный взнос или погашение ипотечной задолженности.

Льготная ипотека дает возможность молодой семье с детьми получить жилищный кредит с уменьшенной процентной ставкой. Если с 01.01.2018 года по 31.12.2022 года число членов семьи увеличилось за счет рождения второго или последующего ребенка, семья может рассчитывать на ипотеку с господдержкой. Для получения данной поддержки необходимо просто обратиться в банк и собрать соответствующие документы. В настоящее время предоставляются следующие ставки: 4,7 – 6,5%.

Также государство оказывает поддержку при рождении ребенка в семье с двумя и более детей в период с 1 января 2019 года: выплачивается 450 тыс. рублей для погашения ипотечного кредита.

Помимо упомянутых льгот молодым семьям предоставляются выплаты:

1. Пособие по беременности и родам. В этом году государство внесло изменения в минимальные и максимальные декретные и пособия по уходу за ребенком. Декретные: от 55 831 до 322 192 рублей. По уходу: от 4 852 до 27 985 рублей [3].

2. Единовременная выплата при рождении ребенка – 18 000 рублей плюс региональная надбавка.

3. Пособие на ребенка до полутора лет, выплачиваемое ежемесячно – 40% от среднего заработка.

4. Выплаты на детей до 3-х лет – пособия семьям с суммарным доходом, не превышающим двух прожиточных минимумов.

Также, в связи с обостренной коронавирусной обстановкой и вынужденным карантином, семьи в РФ могут получить дополнительные пособия на детей до 16 лет.

Исходя из вышеписанного, можем прийти к следующим выводам:

Наиболее серьезными проблемами в данное время остаются проблемы трудоустройства и финансовой состоятельности молодых семей;

Государство оказывает поддержку молодым семьям для улучшения их финансового положения, погашения задолженностей перед банками и юридическими лицами. Также государство оказывает помощь молодым семьям путем предоставления различных выплат по определенным критериям.

Такие меры способствуют повышению уровня доверия к Президенту РФ, о чем свидетельствует положительная динамика этого показателя в период пандемии. Согласно данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента Российской Федерации на сегодняшний день составляет 63,6%, о своем доверии Владимиру Путину заявили 68,2% россиян. При этом данные показатели на конец июля 2020 года составляли 61,2% и 66,2% соответственно.

Последующее их повышение может быть простимулировано путем информирования граждан о существующих мерах поддержки и методах их получения, так как население, не осведомленное о существовании указанных выше программ, негативно оценивает работу органов власти.

Литература

1. Сычева И. Как пандемия повлияла на рынок труда в России. Инфографика // «Правмир». Москва, 28.07.2020г. // режим доступа:

<https://www.pravmir.ru/kak-pandemiya-povliyala-na-rynek-truda-v-rossii-infografika/> (дата обращения 16.09.2020г.).

2. Долги россиян достигли исторического рекорда Finanz.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа URL:

<https://www.finanz.ru/novosti/lichnye-finansy/dolgi-rossiyan-dostigli-istoricheskogo-rekorda-1029490759> [Дата обращения 10.10.2020].

3. Изменения по декретным выплатам и пособиям в 2020 году [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/detskie-posobiya-2020/> [Дата обращения 10.10.2020].

Секция 3. Цифровая власть, цифровая элита и «Электронное правительство

УДК 007 +321.02

Шиповалова
Лада
Владимировна

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии науки и техники Института философии СПбГУ
l.shipovalova@spbu.ru

АГЕНТНОСТЬ ИЛИ АКТИВНОСТЬ? ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ КАК ПОСРЕДНИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

Аннотация: Автор рассматривает двойственную роль, которую могут играть цифровые технологии в процессах управления: быть проводниками интенций субъектов власти или средствами распределения этой власти и соучаствующего управления. В контексте этой двойственности рассматривается актуальность различия между концептами активности и агентности как характеристиками деятельности различных участников процессов управления. Используются идеи акторно-сетевой теории, приводятся примеры из исследования работы платформы «Активный гражданин» в г. Москва.

Ключевые слова: цифровое управление, цифровые платформы, активность граждан, технологии, посредники.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

AGENCY OR ACTIVITY? DIGITAL GOVERNANCE TECHNOLOGIES AS INTERMEDIARIES FOR CIVIC PARTICIPATION

Abstract: The paper considers the dual role that digital technologies can play in governance processes. They can implement the intentions of dominant actors or distribute their power. Discussing this duality, the author offers the distinction between two concepts - activity and agency - as characteristics of various participants in the governance processes. The author uses the ideas of the actor-network theory, and gives the examples from the research of the «Active citizen» digital platform in Moscow.

Key words: digital governance, digital platforms, citizen activity, technologies, intermediaries.

Рассматривая тенденции осуществления цифровой власти посредством создания платформ соучаствующего управления, можно обнаружить одну существенную проблему. Цифровые технологии трактуются и позиционируются как средства вовлечения граждан в управления, активизации их участия [1], но в реальной их работе они могут выступать проводниками исключительно интенций управляющих ими субъектов. Представляется, что эта проблема выражает неоднозначность философского истолкования роли технологий в общественном развитии. Критическая теория технологии отрицает возможность отношения к технике как к нейтральному проводнику взаимодействий, предлагает рассматривать ее как орудие доминирования над человеком [2]. Исследования науки, технологий и общества (Science Technology and Society – STS), а также исследования подходящих технологий (appropriate technology), напротив, склонны рассматривать технику как не только провоцирующую активность граждан, но и требующую этой активности, зависящую от нее [3]. Более того, за техническими посредниками также признается роль активных участников общественных взаимодействий [4]. Представляется, что такая неоднозначность усугубляется в случае цифровых технологий, которые с одной стороны обладают принципиально публичным характером и делают любого пользователя потенциальным участником процессов, осуществляемых при их посредничестве [5], с другой стороны, успешно вписываются в практики «капитализма платформ». Такая неоднозначность в концептуальном истолковании цифровых технологий как посредников реализации цифрового участия создает сложности как в теоретическом исследовании, так и в интерпретации конкретных случаев работы цифровых технологий управления. Потому концептуальный анализ, проясняющий их роль, и, соответственно, роли акторов, участвующих во взаимодействии посредством цифровых платформ, представляется актуальным.

В представленном исследовании в фокусе внимания оказывается понятие активности, которое может раскрывать деятельность как самих технологий, так и людей как участников политических процессов. Концепт активности рассматривается в контексте акторно-сетевой теории, которая уже использовалась в качестве концептуального основания и методологической стратегии анализа цифровизации управления и формирования цифровых социально-технических ансамблей [6]. Здесь ее идеи предлагаются применить к анализу практик соучаствующего управления городами посредством цифровых платформ, используя различие между агентностью и активностью действующих акторов как двумя модусами активности в широком смысле слова, проводимое в исследовании М. Лаэт и А. Мол [7, с. 176]. Агентность характеризует актора, не обязательно имеющего собственную интенцию, но производящего своим действием определенный эффект. Активность же в узком смысле относится к актору, реализующему собственную интенцию, отличную от интенции других и служащую основанием индивидуализации. В контексте этого различия концепт агентности может быть применен, во-первых, к гражданам, которые включаются в практики соучаствующего управления городом, подчиняясь при этом интенциям субъектов власти. Их деятельность нельзя назвать пассивной, однако активность как наличие собственной интенции будет в этом случае проблематичной. Во-вторых, понятие агентности может быть применено к самой технологии, платформе, обеспечивающей участие граждан в управлении. Однако в таком применении необходимо соотнести агентность технологии и ее функции посредника и проводника, описываемые Б. Латуром [8, с. 58-59]. Обеспечение общественной коммуникации в качестве проводника, беспрепятственно передающего намерения взаимодействующих, вряд ли может быть определено как агентность. Тогда как осуществление посредничества, связанное с тем, что технология привносит во взаимодействие определенные «шумы», становится заметной, следует назвать агентностью.

Проясним предлагаемое концептуальное различие на примере работы такой цифровой технологии управления как платформа «Активный гражданин» в Москве. Платформа была создана с целью вовлечения граждан в управление городом в 2014 году и существует в Москве наряду с платформами «Наш город» и «Краудсорсинг-проекты Правительства Москвы». «Активный гражданин» принципиально отличается от двух других проектов тем, что он создан органами власти для вовлечения активных граждан в управление и полностью содержательно координируется властью. Субъекты власти решают какие вопросы и проблемы городского устройства можно вынести на обсуждение граждан и отвечают за реализацию принятых гражданами в ходе голосований решений, поскольку обсуждают эту реализуемость еще на этапе подготовки голосования. В этом случае активность однозначно может быть признана за субъектами власти, тогда как участвующие в голосовании граждане оказываются скорее агентными, поскольку они разделяют цели организаторов платформы. В случае двух других проектов деятельность граждан можно трактовать как активность, поскольку именно они оказываются субъектами жалоб и описания проблем (в случае платформы «Наш город»), а также предлагаемых к реализации проектов (в случае платформы «Краудсорсинг-проекты Правительства Москвы»). Хотя нельзя не отметить, что при этом сами проекты и сообщения о проблемах отличаются меньшей реализуемостью и разрешимостью. В качестве достоинства платформы «Активный гражданин» рассматривается непрерывность цепочки: вынесение вопроса на голосование, принятие решения гражданами, воплощение решения. Обеспечивает эту цепочку определенная социотехническая система, включающая кроме администратора платформы - учреждения Новые технологии управления - различные организации города, обращающиеся к администратору с проблемными вопросами, требующими решения, к принятию которого можно подключить граждан, а также организации, отвечающие за воплощение принятых на голосованиях решений. Эта специфика работы «Активного гражданина» является одновременно как его недостатком, ограничивающим

активность граждан и делающим их участие лишь реагирующими на активность субъектов власти, так и его достоинством, поскольку контроль вопросов и обеспечение их реализуемости может приводить к возрастанию доверия и желания граждан участвовать.

Однако платформа «Активный гражданин» начинает очевидно провоцировать и активность, а не только агентность граждан на определенном этапе своего развития, который связан с накоплением критики в адрес функционирования платформы. Вопросы вызывала непрозрачность в просчете голосов или учете зарегистрированных пользователей, необъективность в составлении вопросов и т.п. Критика звучала как со стороны экспертного ИТ сообщества, так и со стороны граждан, с подозрением относящихся к платформе как к официальному ресурсу власти. Такую критику следует рассматривать как выражение именно активности потому, что она идентифицирует граждан со своими собственными интенциями, отличающимися от интенций организаторов платформы, граждан, не соглашающихся на такой способ распределения власти. Кроме того, в результате появления критики сама платформа меняет свой способ действия. Она становится заметной, оказывается в фокусе обсуждений и подозрений и, в этом смысле реализует свой посреднический агентный характер. Критика заставляет организаторов корректировать работу платформы и это приводит, в частности, к тому, что осенью 2017 г. в работу «Активного гражданина» внедряется блокчейн, призванный обеспечить независимое наблюдение за процессами голосования, происходящими на платформе, сделать ее работу более прозрачной и контролируемой. Безусловно блокчейн не решает всех проблем легитимации платформы и не позволяет справиться со всеми вызовами, стоящими перед данной технологией управления в целом, однако он становится шагом по пути к большему распределению власти в практиках соучаствующего управления.

В докладе будут представлены результаты эмпирического исследования работы платформы «Активный гражданин», осуществленного автором данной

статьи, которое включало в себя экспертные интервью с сотрудниками Департамента информационных технологий мэрии Москвы, отвечающего за функционирование платформы «Активный гражданин», а также анализ различных публикаций в СМИ, сопровождающих ее работу.

Литература

1. Starshinova A.V., Arkhipova E.V., Borodkina O.I. Crowdsourcing Technologies in Municipal Administration: the Cases of Russian Cities // Sociology of Science and Technology. 2020. № 3. P. 90-105.
2. Feenberg A. Critical theory of technology. Overview // Tailoring Biotechnologies. 2005. Vol. 1 (1). P. 47-64.
3. Faulkner A. O., Albertson M. L. Tandem use of Hard and Soft Technology: an Evolving Model for Third World Village Development // International Journal of Applied Engineering Education. 1986. Vol. 2(2). P. 127–137.
4. Law J. STS as Method // Handbook on Science and Technology Studies / Eds. U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, L. Smith-Doerr. 2017. Cambridge, MA: MIT Press. P. 31-57.
5. Ceruzzi P. The Historical Context // The Sage Handbook of Digital Technology Research. Price / Eds. S. Price, C. Jewitt, B. Brown. London: Sage, 2013. P. 9-25.
6. Heeks R., Stanforth C. Understanding e-Government project trajectories from an actor-network perspective // European Journal of Informational System. 2007. Vol. 16(2). P. 165–177.
7. Лаэт М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текущей технологии // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 171-232.
8. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. - М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. - 384 с.

Черняк
Екатерина
Анатольевна

магистрант юридического факультета, Донской
государственный технический университет.
e-mail: stayzi@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Аннотация: В работе отражены основные аспекты необходимости реформирования системы государственного управления в России в соответствии с тенденциями развития современного общества. В качестве одного из способов предлагается реализация имеющегося инновационного потенциала государственных служащих.

Ключевые слова: государственная служба, гражданский служащий, инновационный потенциал, система государственного управления, эффективное управление.

PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE POTENTIAL IN THE PUBLIC SERVICE

Abstract: the paper reflects the main aspects of the need to reform the public administration system in Russia in accordance with the development trends of modern society. Implementation of the existing innovative potential of civil servants is suggested as one of the ways.

Keywords: civil service, civil servant, innovative potential, public administration system, effective management.

Основополагающим этапом развития современного демократического государства является становление структурированной системы отношений между властью и обществом, предполагающей тесное взаимодействие участников. Политика не может проводиться государством «в интересах народа» при невозможности получения обратной связи – не только посредством обращения с предложениями, но и откликом граждан на результаты реагирования органов власти.

Соответственно, одной из центральных задач, стоящей перед аппаратом государства, является развитие и совершенствование существующей системы государственного и муниципального управления как основополагающего элемента взаимосвязи общества и государства.

В настоящее время одной из приоритетных задач государства как института управления является усиление регулятивной роли через модернизацию системы государственной службы при непосредственном взаимодействии с гражданами. Необходимость такой модернизации обусловлена, в первую очередь, защитой интересов общества и обеспечением его социальных интересов, соблюдением прав и свобод граждан, повышением уровня и качества их социально-экономической жизни.

В свою очередь, создание благоприятных условий для жизни членов общества будет оказывать положительное воздействие на экономический рост и укрепление макроэкономических показателей в целом, отражая прямую зависимость субъектов указанных отношений друг от друга.

Реализация механизма модернизации аппарата государственной службы в Российской Федерации является необходимым условием роста национального благосостояния, ввиду чего государству необходимо разработать стратегию, сочетающую в себе не только способность эффективного управления имеющимся потенциалом, но и реализующую в себе прогрессивные тенденции. В частности, этого можно достигнуть благодаря привлечению специалистов, использующих в полной мере инновационный потенциал и человеческий капитал, способных к творческому мышлению и готовых принять ответственность за направленное развитие государства.

Государственное управление как юридическая категория может рассматриваться с двух сторон [1, с. 6-7]:

- 1) в широком смысле – как механизм управления национальными социально-экономическими системами;
- 2) в узком смысле – как инструмент разработки и реализации государственной политики на локальном уровне: с точки зрения организаций и граждан, выступающих участниками указанного процесса.

В первом случае государственное управление рассматривается как инструмент реализации полномочий государства в процессе руководства и направленного воздействия на общество в целом.

Во втором случае подход к определению государственного управления строится на характеристике его как особого вида профессиональной деятельности в рамках осуществления функций государства (правотворческой, воспитательной, правоохранительной и др.) и воспроизведения его полномочий.

С точки зрения научного анализа система управления представляет особый интерес ввиду специфики отношений между участниками: государство выступает в лице субъекта, оказывая управляющее воздействие на объект – общество посредством принятия управленческих решений в различных сферах деятельности.

Увеличение эффективности результатов таких решений стоит во главе множества исследований, которые помогают определять степень влияния различных факторов как со стороны субъекта (правовые и социально-экономические основы проводимой политики), так и со стороны объекта отношений, позволяя нивелировать возникающие риски с целью минимизации негативных последствий.

Вместе с тем, в современных условиях система государственной службы в Российской Федерации должна соответствовать текущим социально-экономическим тенденциям, среди которых можно выделить [2]:

- 1) глобализация, и, как следствие, увеличение миграционных потоков как внутри страны (передвижение между субъектами РФ), так и связанные с пересечением государственных границ (приток иностранных граждан);
- 2) увеличение уровня общественных ожиданий от действий правительства вследствие упрощения взаимодействия между субъектами отношений посредством использования информационно-коммуникационных технологий;
- 3) размытие существующих границ между государственным и частным сектором, усиление влияния рыночных отношений.

Таким образом, одним из приоритетных направлений реформирования системы государственной службы является развитие инновационного потенциала субъекта отношений – государственного служащего.

Следует отметить, что стремление к реализации инновационного потенциала неразрывно связано с принципами государственной службы, которые законодательно закреплены в статье 4 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3]. В том числе, к ним относится профессионализм и компетентность гражданских служащих.

Модернизация системы государственного управления на практике представляет собой сложный процесс, сочетающий в себе не только подготовку пакета законопроектов и его апробацию, но и предшествующий этому процесс технического анализа, построение модели с учетом возможных рисков ее внедрения. Схематично процесс создания модели реализации инновационного потенциала на государственной службе можно представить в виде следующего рисунка:

Рис. 1 – Схема построения модели реализации инновационного потенциала

Кроме того, следует отметить, что определение модели реализации инновационного потенциала – внедрения идей и проектов должно осуществляться с учетом степени значимости инновации для общества в целом, с соблюдением процесса сопоставления предполагаемого результата от внедрения и понесенных на его осуществление затрат. Инновации в системе государственной службы по степени оказываемого влияния можно классифицировать следующим образом:

- 1) инновации «первого круга» (локального уровня) – обновление целей и задач реализуемых механизмов, реализация организационных изменений, применение на локальном уровне новых методов при реализации внедренных идей (отдел организации, учреждение в целом);
- 2) инновации «второго круга» – внедрение новых продуктов с применением широкого спектра технологий на укрупненной территории, подготовка системы оценки качества деятельности по результатам реализации инноваций «первой среды» (группа организаций, административно-территориальная единица);
- 3) инновации «третьего круга» – формирование нового поколения измененных элементов системы государственной службы с учетом результатов реализации инноваций «первого и второго круга», внедрения их для всей системы государственной службы.

Таким образом, в качестве одного из эффективных направлений реформирования системы государственного управления является разработка модели реализации инновационного потенциала государственных служащих, формирующегося под воздействием глобализационных процессов.

Указанный способ позволит не только увеличить доверие граждан к органам государственной власти, повысить авторитет профессии, но и стимулировать социально-экономическое развитие страны посредством развития научных инструментов реализации инновационных идей, усиления роли и значение института образования, наращивания интеллектуального потенциала.

Литература

1. Мидлер, Е.А. Государственное и муниципальное управление: учебное пособие / Е.А. Мидлер, Н.М. Ованесян, А.Д. Мурzin; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. – 109 с.
2. Бекмурзиева Х.М. Инновации в государственной службе: перспективы реформирования государственной службы // Наука и бизнес: пути развития. – Издательство: Фонд развития науки и культуры (Тамбов), 2019. – С. 175-177.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ [ред. от 31.07.2020] // Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 351/354, 304, 369.032

Тропинова Елена Александровна	кандидат экономических наук, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет e-mail: e.tropinova@spbu.ru
Максименко Данил Артёмович	магистрант программы «Политическое управление и публичная политика, Санкт-Петербургский государственный университет e-mail: maksdaar@yandex.ru

ПАРТИСИПАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ РЕГИОНОВ

Аннотация: В нынешних условиях информационные технологии становятся важным компонентом государственного управления. Активизация гражданина в цифровой среде публичной политики требует от него приобретения цифровых компетенций, новых моделей поведения, которые позволяют ему взаимодействовать с государством в публичномправленческом процессе. Российские регионы активно включены в процессы

цифровизации, имплементируют алгоритмическое управление. Настоящее исследование посвящено изучению партисипаторного потенциала алгоритмического управления в аспекте реализации электронного участия граждан. Проанализированы региональные практики (на примере проектов гражданского бюджетирования Сахалина и Курил), обоснован тезис о влиянии алгоритмизации политического управления на процесс институционализации гражданского участия.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, партисипаторное управление, цифровизация, гражданское участие, гражданское бюджетирование, регионы.

PARTICIPATORY ALGORITHMIC GOVERNANCE: OPPORTUNITIES FOR RUSSIAN REGIONS

Abstract: Nowadays information technology is becoming an important component of public administration. Citizens involvement in the public digital environment requires them to acquire digital competencies that allow them to effectively interact with the state in the public management process. Russian regions are actively involved in digitalization processes and implement algorithmic governance. Our paper aimed to study participatory algorithmic governance and its opportunities for Russian regions in the aspect of implementing electronic citizen participation. Regional practices have been examined analyzed (on the example of participatory budgeting projects in Sakhalin and the Kuril Islands), and the thesis about the influence of algorithmization of political governance on the process of institutionalization of civil participation is substantiated.

Key words: algorithmic governance, participatory governance, digitalization, citizen participation, participatory budgeting

Нынешний этап развития политico-административной системы России характеризуется наращиванием темпов цифровизации и постепенной адаптацией к принципиально новым управленческим форматам, которые активно задействуют все группы политических акторов: государственные институты, политические партии, гражданские объединения, публичные институты, отельных граждан. В условиях цифровизации публичного управления актуальным становится запрос на открытое, управленчески эффективное государство-партнера, способного быстро и гибко реагировать на возникающие общественные потребности и создавать пространство для публичной инициативы. В этой связи возникает довольно дискуссионное сопротивление между расширением участия и сохранением контроля над

функционированием важнейших общественно-политических процессов. Одним из современных подходов, предполагающих использование цифровых технологий для координации публичного участия и сохранения управляемости, является алгоритмическое управление.

Государство остается ключевым политическим институтом, разрабатывающим протоколы использования информационных технологий, и им осуществляется выбор тех сфер жизнедеятельности общества, в котором эти технологии будут служить публичным целям. Именно поэтому приоритетом государства становится не столько технологическое развитие, сколько конструирование управленческого процесса, предполагающего определение форматов, принципов и методологии гражданского участия, а также порядок легитимации этого участия.

Концепция алгоритмического управления связана с процесс-ориентированным походом, согласно которому упор делается именно на качественную организацию самого процесса, который, при существовании определённых внешних обстоятельств, приводит к достижению результата. Сам результат не игнорируется и является важным показателем, однако, он перестаёт выступать в качестве определяющего критерия. Такой взгляд базируется на том, что зачастую достижение определённого результата в определённых обстоятельствах не представляется возможным. Важно понимать, что, если поставленный результат не был достигнут, это вовсе не подразумевает, что организованный процесс был некачественно организован. Зачастую внешние обстоятельства не позволяют выполнить поставленные задачи. С другой стороны, достижение какого-либо желаемого результата вовсе не означает, что сам процесс был организован качественно и, что данный подход может сработать и в других условиях, что, как подчеркивает Е. Медина, демонстрирует систематическая ошибка выжившего: “во-первых, политики вырабатывают четкое представление о желаемом результате; во-вторых, они проводят измерения в режиме реального времени, чтобы увидеть, достигнут ли результат; в-третьих, они используют алгоритмы для оценки новых данных и

соответствующей корректировки действий правительства; и в-четвертых, они проводят периодические оценки, чтобы увидеть, работают ли алгоритмы так, как ожидалось» [1, С.1006]. Исследователь подчеркивает, такие формы регулирования открывают новые возможности для управления, основанного на данных, и даже могут служить моделью для совершенствования законодательства. Главным же элементом алгоритмического управления становится алгоритм [2, С. 2]. Трактовка алгоритма формируется из двух точек зрения: как созданный управленцами процесс и как технологическая составляющая алгоритмического управления. Акцентируя своё внимание на первой, Л. Эндрюс отмечает: “Словарное определение алгоритма — это процесс или набор правил, которыми следует пользоваться при вычислениях или других операциях, которые связаны с решением проблем, особенно компьютерных [3, С.3]”. Понимание алгоритма выходит за рамки исключительно информационных технологий и становится процедурным элементом, включающим набор последовательных задач, которые в управленческом процессе приобретают качественное определение. Для достижения желаемого качества оказывается важной внутренняя структура алгоритма, его последовательность. Выражается это в том, что переход к следующему этапу невозможен, пока предыдущий не был завершён. С позиций технологического подхода "...алгоритм и производные от него термины используются в качестве сокращенного обозначения технологий и моделей машинного обучения, вычислительных методов, практик, допускающих мелкозернистые паттерны, обнаруживаемые и обрабатываемые в наборах данных [4, С.11]”. Рассматривая алгоритм с этой точки зрения, авторы работы *“Algorithmic Regulation”* акцентируют внимания на его свойствах: алгоритмы способны "учиться", они характеризуются огромными вычислительными мощностями и большой емкостью "хранилища", которая создаёт возможность культивирования нового знания. В алгоритме пользователи, соглашаясь со сложными условиями, не всегда понимают каким образом обрабатывается конкретно их профиль. При этом система поведения базируется на

подталкивании к определённым действиям. Таким образом, алгоритмическое управление характеризуется высокой степенью автоматизации управленческих рутин внутри алгоритма, который, в свою очередь, является закрытым [5, С.2].

Ядром алгоритмического управления, является код. Код выступает институциональным основанием, правилом, по которому реализуется управление – «код есть закон» или то, что Скотт Лэш называет «властью через алгоритм»: правила не только вводятся в действие с помощью программного обеспечения, но сама система управления устраниет возможность неповиновения, как таковую, возможность апеллировать к более широким рамкам закона [6]”. Происходит это по большей степени по той причине, что код написан на жёстко формализованном языке, который по своей природе не имеет какой-либо склонности к интерпретации [7, С.89]. Важное место приобретает вопрос процессуальной справедливости, которая предполагает, что независимый критерий для правильности процедуры отсутствует. Справедливая или правильная процедура соответствует справедливому или правильному результату, при условии, что процедура была исполнена надлежащим образом. Л. Сморгунов подчеркивает: “Сегодня регулирование посредством кода носит прогрессивный характер, становясь регулятивным механизмом, принятым не только частным, но и государственным сектором. Правительства и государственные администрации все больше полагаются на программные алгоритмы и технологические инструменты для определения правил кодовой базы, которые автоматически выполняются (или утверждаются) базовой технологией. Основная проблема заключается в том, что код большинства алгоритмов на данный момент далёк от соответствия демократическим требованиям. В этом плане он может выказывать поддержку по отношению к определённым политическим структурам или ставить в приоритет определённые действия, типы поведения, которые были в него заложены» [8, С.90]. Формирование кода подчинено политическим, управленческим приоритетам, культурным особенностям страны, может даже включать предубеждения и неформальные практики, сложившиеся в данной

стране, что может порождать дискриминационные эффекты [9, С. 188]. Беспристрастность кода должна быть поставлена под сомнение и подвергаться критической оценке разработчиков и политиков, принимающих решение об его использовании. В табл. 1 авторами обобщены риски алгоритмического управления.

Таблица 1 - Классификация рисков алгоритмического управления

Технические	Управленческие
Непрозрачность, закрытость алгоритма (как технологии)	Непрозрачность, закрытость алгоритма (как процесса)
Алгоритмические неизвестные	Чрезмерный техно-оптимизм или технотерпессимизм
Алгоритмическая ошибка выбора	Недостаток специалистов
Открытость персональных данных	
Склонность к манипулированию	

Важным потенциальным преимуществом алгоритмического управления являются возможности для гражданского участия и их вовлечения в процесс принятия решений или общественную оценку политики. При этом наличие конкретных механизмов электронного участия вовсе не подразумевает под собой само наличие этого участия. Через усвоение алгоритма, понятный набор шагов граждане (пользователи публичных платформ) вовлекаются в управленческий процесс. Существенную роль играет процесс научения и снабжения участников информацией, поскольку, как справедливо отмечают исследователи, именно понимание алгоритма определяет политическую и социальную легитимность данной системы [2, С.3].

Рассуждая о партисипаторном потенциале алгоритмического управления важно акцентировать внимание на двух основных подходах – партисипаторной демократии и демократическом элитизме. С точки зрения первого подхода, политическое участие обеспечивает расширение и внедрение демократических

принципов практически во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни, что является надежным механизмом легитимации политической власти и создает возможность контроля действий властей. Сторонники демократического элитизма считают, по мнению А. Чугунова, что инструменты принятия решений следует сохранить в руках политических элит, как наиболее информированных и подготовленных к управлению [10, С.16]”. Д. Хьюз, развивая идею алгоритмов в государственном управлении, отмечает, все человеческие сообщества, все механизмы, по сути своей, являются набором последовательных действий - алгоритмами. Однако перевод этих алгоритмов в сферу технологий требует вовлечения граждан в процесс контроля с их стороны, что соотносится с идеей “партиципаторной демократии”. В противном случае, при концентрации таких механизмов в руках элиты, алгоритмическое управление будет наиболее подвержено возникновению рисков, упомянутых ранее. В целом автор выделяет три цели, которые должны быть выполнены [11, С.15]:

1. Автоматизированное наблюдение: создание цифровых инструментов и платформ, которые делают возможным гражданский мониторинг правительств, корпораций и их информационных архитектур.
2. Автоматизированное демократическое обсуждение и взаимодействие: создание цифровых инструментов и платформ, которые автоматизируют переговоры снизу вверх, организацию и принятие решений.
3. Граждане-Киборги: поощрение граждан к продолжению когнитивного совершенствования с помощью программного обеспечения, а также создание устройств, расширяющих их возможности по агрегированию и участию в демократических процессах.

Таким образом, можно увидеть существенное согласование целей и возможностей партиципаторного и алгоритмического управления, когда технологические решения (алгоритмы) могут служить эффективным средством вовлечения граждан в управленческие процессы в случае их правильной адаптации.

Вовлечение граждан в цифровую среду оформляет принципиально новый тип публичного участия – электронное участие. По мнению А. Чугунова электронное участие становится новым механизмом обеспечения интерактивного взаимодействия власти и общества [10, С.17]. Исследование ООН: «Электронное правительство 2018» определяет электронное участие как “процесс вовлечения граждан при помощи ИКТ в политику, принятие решений, разработку и оказание услуг в целях обеспечения участия, инклюзивности и целенаправленности” [12, С. 112]. Индекс электронного участия, позволяющий измерять масштабы участия формируется из трех элементов: электронное информирование или доступность информации онлайн, электронные слушания или публичные слушания онлайн и электронное принятие решений или прямое вовлечение граждан в процесс принятия решений. В табл. 2 авторы систематизировали наиболее распространенные формы электронного участия.

Таблица 2. Типологизация форм электронного участия

Тип	Формат
Информирование	Порталы открытых данных
	Официальные порталы органов власти, субъектов, муниципальных округов и т.д.
Консультирование	Электронные опросы
	Порталы электронных слушаний, обсуждений
Принятие решения	Порталы городских проблем
	Порталы подачи петиций, инициатив
	Порталы инициативного бюджетирования
	Порталы электронного голосования

Изучение практики реализации форматов электронного участия в России позволило обозначить ряд проблем. Важнейшей, по нашему мнению, проблемой внедрения электронного участия является ограниченность ресурсных возможностей правительства, особенно на региональном уровне. Использование доступных и малобюджетных социальных сетей как

пространства вовлечения граждан может быть эффективным с точки зрения повышения числа акторов электронного участия. Кроме того, можно утверждать, что использование социальных сетей повышает прозрачность государственного сектора, так как информация более доступна. Социальные сети обладают высоким интерактивным потенциалом, поэтому, как отмечают исследователи, пользователи будут сильнее вовлечены в процесс комментирования и обмена своими идеями [13, С.13]. Однако, как представляется, по мере наращивания цифровых компетенций, государство должно формировать собственные площадки (порталы/платформы) для решения специфических политico-управленческих задач и использовать социальные сети в качестве дополнительного канала коммуникации, поддержки официальных платформ. Концентрация специфических интересов и групп политических акторов на специальной площадке, позволяет выстраивать культуру партнерства государства и граждан, и осуществлять необходимый уровень контроля и координации за процессом формирования повестки дня и принятия решений.

Важно отметить, что региональные системы характеризуются различной степенью готовности к имплементации алгоритмического управления и использования его потенциала для вовлечения граждан. Авторы принимали участие в составлении “Рейтинга систем электронного участия”, который был разработан в Национальном исследовательском университете ИТМО. Работа над рейтингом ведётся с 2017 г. группой ЦТЭП, с 2018 г. в рамках проекта Российского научного фонда №18-18-00360. На основании методики, заложенной в Рейтинге, нами были выделены критерии анализа парисипаторного потенциала алгоритмического управления: правовой базис, управление электронным участием, просвещение граждан, доступ к электронному участию, логика процесса участия и обработка поступающей информации, оценка результатов участия и последующие процедуры.

Представленная последовательность критериев (шагов) отвечает основным задачам построения алгоритма - пропуск одного шага ведёт к

некачественной работе последующей процедуры. Так, отсутствие проработанной и доступной законодательной базы делает невозможным переход к следующим шагам, так как именно она является фундаментом процедуры. Помимо этого, если не выполняется второй пункт (управление электронным участием) и ресурс существует лишь формально, а в действительности он не функционирует, то переход к следующему шагу – просвещению граждан, распространению информации о данном ресурсе не имеет никакого смысла.

Методика оценивания включает в себя 15 критерии. Эти критерии поделены на 5 блоков (по 3 критерия в каждом). Каждый критерий оценивался на 0, 1 или 2 балла. Таким образом, максимальный балл, который мог набрать отдельно взятый канал – 30 баллов.

В качестве кейса был проанализирован портал **“Инициативное бюджетирование. Сахалин и Курилы”**, как набравший наибольшее количество баллов – 22, характеризующийся высокой степенью освоения принципов партисипаторного управления и использующий элементы алгоритмического управления [14].

Правовой базис. Первым шагом алгоритма является создание и размещение законодательной базы. Этот аспект отлично реализован в рамках портала, на котором, хотя и не представлено отдельного раздела с законодательными актами, однако, все необходимые документы представлены в разделе описания основных этапов проекта. Постановление Правительства Сахалинской области от 08.02.2017 № 52 и Распоряжение Правительства Сахалинской области от 02.07.2018 № 365-р регулируют и подробно раскрывают такие вопросы, как порядок проведения конкурсного отбора, состав конкурсной комиссии, порядок предоставления и расходования субсидий и т.д. Помимо этого, необходимо отметить “Распоряжение об утверждении программы развития инициативного бюджетирования в Сахалинской области на 2017 – 2019 годы”. Этот документ достаточно

подробно раскрывает цели, задачи программы, ожидаемые показатели и этапы её осуществления [15].

Управление электронным участием. Доступность ресурса приемлемая, никаких проблем с его нахождением или использованием не было выявлено. Единственным ограничивающим фактором в этом плане может выступать необходимость регистрации, которая производится в Единой системе идентификации и аутентификации ГосУслуги, однако это является необходимой мерой, в связи с потребностью идентификации авторов инициатив. Помимо этого, необходимо отметить, что портал действительно функционирует: происходит постоянное обновление новостей, загружаются проекты, реализованные в 2019 году, проводятся опросы.

Просвещение граждан. Портал не имеет собственных аккаунтов в каких-либо социальных сетях, однако, все новости, касающиеся инициативного бюджетирования, публикуются в рамках групп, посвящённых открытому бюджету. Такие группы представлены в двух социальных сетях - Facebook и VK. Это в некоторой степени формирует его каналы информирования своей целевой аудитории. Основной проблемой является то, что на официальном сайте правительства Сахалинской области ссылка на данный портал отсутствует, однако, периодически публикуются новости, посвящённые инициативному бюджетированию [16]. Какие-либо другие мероприятия с целью популяризации ресурса на портале не упоминается.

Доступ к электронному участию. Ограничений участия в рамках данного портала не применяется. В данном случае все жители Сахалинской области имеют беспрепятственный доступ к функционалу портала. Правила предоставления инициатив прописываются на сайте портала достаточно подробно и включают в себя описания основных этапов, критерии оценки конкурсной комиссией, детали экспертизы и т.д. Помимо этого, необходимо отметить существование методических материалов, которые содержат в себе краткую информацию о этапах рассмотрения инициатив.

Процесс участия. Положительным аспектом в данном случае является то, что каждая рассматриваемая инициатива публикуется на платформе. Пользователи имеют возможность оставить комментарий к каждому отдельному проекту. При этом, эти комментарии являются публичными. Помимо этого, каждый проект имеет свой рейтинг и историю рассмотрения, в которой фиксируются все ответственные лица и статус рассматриваемой заявки, благодаря чему можно отследить развитие инициативы. Фиксируются стоимость проекта и закупки, произведённые для его реализации.

Обработка поступающей информации. В связи с тем, что каждый отдельный проект публикуется на портале, и существует возможность отслеживать его в реальном времени, можно говорить о том, что его рассмотрение происходит в соответствии с оговоренными правилами. Важным моментом являются временные рамки. Несмотря на то, что в самих правилах платформы не прописывается, сколько времени занимает реализация проекта, каждая опубликованная инициатива имеет предполагаемую дату завершения работ. В действительности, существуют проекты, дата реализации которых не соответствует изначально прописанной дате завершения.

Осуществление результатов участия. Необходимо заметить, что рассматриваемые инициативы действительно реализуются, что хорошо демонстрируют фотоотчёты, отчёты закупок, прилагаемые к инициативе документы и маркеры диспетчеризации, которые фиксируют статус проекта.

Последующие процедуры. Все существующие отчёты после завершения работ публикуются на самом портале.

Таким образом, как показало проведенное исследование, алгоритмическое управление за счет высокой степени автоматизации процессов и своего аналитического потенциала обладает потенциалом для вовлечения граждан в процессы со-управления. Через взаимодействие с алгоритмом происходит постепенное его усвоение и вовлечение в публичные практики, например, в процесс гражданского бюджетирования. Алгоритм способен обучаться и обучать, передавать пользователям определенные ценности,

позицию государства в отношении ряда вопросов, создавать или ограничивать возможности прямого влияния граждан на принимаемые решения (проблема сверхконтроля снизу или сверху). Регионы России в различной степени готовы к имплементации принципов алгоритмического управления, что зачастую связано с ресурсными ограничениями, невысокой управленческой компетенцией, а также техническими возможностями. Существенным тормозом для расширения электронного участия граждан является непроработанность нормативно-правовой базы.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00756A «Исследование гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства».

Литература

1. Medine E. Rethinking algorithmic regulation // Kybernetes. - 2015. - Vol. 44 No. 6/7. C. 1006.
2. Danaher J., Hogan M.J., Noone C., Kennedy R., Behan A., De Paor A., Felzmann H., Haklay M., Khoo S., Morison J., Murphy M.H., O'Brolchain N., Schafer B., Shankar K. Algorithmic governance: Developing a research agenda through the power of collective intelligence // Big Data & Society. - 2017.
3. Andrews L. Public administration, public leadership and the construction of public value in the age of the algorithm and ‘big data // Public Admin, 2018.
4. Brass I., Veale M. Administration by Algorithm? Public Management meets Public Sector Machine Learning // 2019, C. 11.
5. Andrews L., Benbouzid B., Brice J., Bygrave L.A., Demortain D., Griffiths A., Lodge M., Mennicken A., Yeung K. Algorithmic Regulation // London School of Economics and Political Science, 2017 C. 2.
6. O'Dwyer R. Code = Law: Explorations of the Blockchain as a Mode of Algorithmic Governance // C. 5 URL: https://www.academia.edu/34734732/Code_Law_Explorations_of_the_Blockchain_as_a_Mode_of_Algorithmic_Governance

7. Hassen S., De Filippi P. The Expansion of Algorithmic Governance: From Code is Law to Law is Code // Field Actions Science Reports, 2018. C. 89.
8. Сморгунов Л.А. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования, 2018, No. 5, C. 90.
9. Dominguez P.S., Lopez A.J.G. Data activism versus algorithmic control. New governance models, old asymmetries // Revista Científica de Información y Comunicación, 2019, C. 188.
10. Чугунов А.В. Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии // Управленческое консультирование, №8, 2017, C. 16.
11. Hughes J. Algorithms and Posthuman Governance // Journal of Posthuman Governance, vol. 1, 2018, C. 12.
12. Исследование ООН: электронное правительство 2018. C. 112 // URL: <https://publicadministration.un.org/publications/content/PDFs/UN%20E-Government%20Survey%202018%20Russian.pdf>.
13. Kaya T., Medeni T., Sağsan M. Key succes factors for e-participation maturity levels: a proposal for case study of Northern Cyprus municipalities // Yönetim blisim sistemleri dergisi, 2016, C. 13.
14. Инициативное бюджетирование. Сахалин и Курилы // URL: <https://pib.sakhminfin.ru/>.
15. Распоряжение об утверждении программы развития инициативного бюджетирования в Сахалинской области на 2017 – 2019 годы // URL: <http://docs.cntd.ru/document/543737849>.
16. Губернатор и правительство Сахалинской области. Официальный сайт // URL: <https://sakhalin.gov.ru/>.

УДК 351.71

Тер-Геворкова
Наира
Карэновна

студент 4 курса бакалавриата по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: NairaTer@yandex.ru

Скакунова
Алеся
Анатольевна

кандидат экономических наук доцент кафедры «Налоги и налогообложение», Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РФ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в данной статье рассмотрены предпосылки необходимости трансформации налоговых институтов в соответствии с современными тенденциями экономики. Проанализирован зарубежный опыт развитых стран и предложены основные пути ускорения цифровизации в Российской Федерации.

Ключевые слова: налоги, налогообложение, налоговая система РФ, цифровизация, цифровая экономика.

JUSTIFICATION OF THE NEED FOR DIGITALIZATION OF THE TAX SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

Annotation: This article examines the prerequisites for the need to transform tax institutions in accordance with modern economic trends. The foreign experience of developed countries is analyzed and the main ways to accelerate digitalization in the Russian Federation are proposed.

Key words: taxes, taxation, tax system of the Russian Federation, digitalization, digital economy.

В современной реальности все наибольшую актуальность приобретает такое явление, как всесторонняя глобальная цифровизация. Данное явление можно определить, как переход всех существующих систем на новый уровень развития с использованием и повсеместным внедрением цифровых технологий.

Прежде всего представляется интересным перевод экономических институтов в цифровое пространство, так как предполагается, что в таком случае система сможет побороть множество существующих недостатков, например, существование теневого рынка, скрытие данных, подлежащих всеобщему опубликованию, уклонение от тех или иных уплат. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть, есть ли возможность трансформировать налоговую систему РФ с учетом современных тенденций цифровизации, и выяснить, какие проблемы решит данный процесс. В большинстве развитых западных странах уже существует нормативно-правовая база, позволяющая регулировать налогообложение с учетом новых внедряемых технологий, отследить эти особенности можно в таблице 1.

Таблица 1

Зарубежный опыт цифровизации налоговой системы

Страны	Особенности
Франция, Чехия, Сингапур, Польша, Италия, Великобритания	Введение цифрового налога. Во Франции максимальная ставка составляет 5%, в Чехии, Польше, Сингапуре и Италии – 3%, в Великобритании – 2%.
США, Корея	Внедрение технологий искусственного интеллекта, с помощью которого осуществляются консультационные меры, а также замещаются некоторые примитивные действия налогового инспектора.
Япония, Эстония	Все граждане зарегистрированы в единой базе, у каждого имеется свой личный индивидуальный код. Вся база строится на платформе блокчейн.
Китай, Франция	Использование технологий BIG DATA. С помощью нее страны достигли автоматической системы борьбы с мошенничеством, происходит аналитика и прогнозирование налоговых рисков [2].
США, Канада	Внедрение технологий контрольно-кассовой техники, что закреплено центральной властью и децентрализовано на уровне административно-территориальных образований.

Данный анализ зарубежного опыта показывает основные тренды, направленные на перевод налоговой системы в цифровое пространство, а именно:

1. Использование системы блокчейн и BIG DATA.

2. Внедрение искусственного интеллекта и КТТ для упрощения и прозрачности финансовых операций.

3. Законодательное регулирование и появление феномена «цифровых» налогов.

При этом Зверева Т.В. отмечает, «что контролировать налогообложение при цифровой экономике на порядок сложнее, чем при традиционной экономике. Поэтому для минимизации случаев уклонения от уплаты налогов, необходимо создать принципиально новые методы налогового администрирования» [1]. У Российской Федерации несомненно также существуют определенные предпосылки, которые дают весомые основания полагать, что цифровое администрирование налоговой системой не обойдет нас стороной. Например, мы можем в цифрах увидеть следующие тенденции, касающиеся одновременно системы налогообложения и информатизации в таблице 2.

Таблица 2

Год	Поступление налога на прибыль, млрд р.	Количество пользователей сервиса Личный кабинет юр. лица, в млн	Сумма дополнительно начисленных платежей налога на прибыль по результатам проверок, в млн р.	Количество зарегистрированных онлайн-касс, в тыс. шт.	Количество фирм-однодневок, в тыс.
2014	1898	57.2	30.7	298.2	1900
2015	2248	105.3	33.9	310.5	1600
2016	2770	394.6	55.2	315.6	1200
2017	3290	538.7	41.1	1600.0	600
2018	7754	757.8	33.3	2300.0	300

Исходные данные трендов цифровизации администрирования [3]

Исходя из статистики, мы можем заметить, что переход в цифровое пространство как минимум юридических лиц как налогоплательщиков является процессом объективным, независимо от существования нормативно-правовой базы о цифровом законодательстве, переход в информационную сферу представляется удобным. В связи с этим встает вопрос о регулировании данной сферы, поскольку в цифровом пространстве есть свои недостатки, касательные

налогового администрирования. Это подтверждается статистикой киберпреступлений, представленной на рисунке 1.

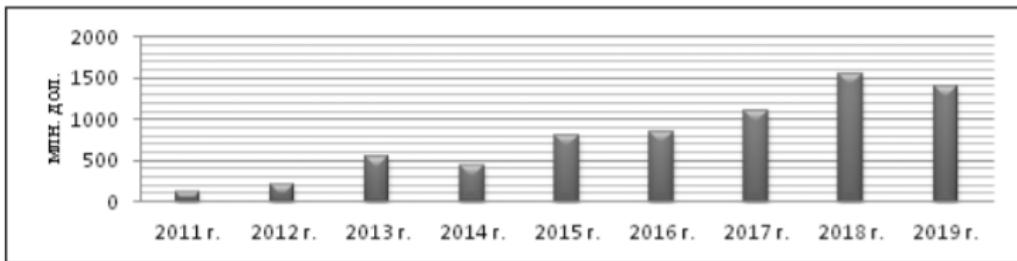

Рис. 1. Сумма денежного ущерба, причиненного в результате зарегистрированных киберпреступлений в России [5]

В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации на базе программы «Цифровая экономика Российской Федерации» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. Как раз в ней законодатель закрепил основные направления улучшения нормативно-правовой базы в данной сфере, а именно:

- введение пониженного налогообложения доходов от распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности (Patent Box);
- оптимизацию применения повышающего коэффициента к расходам на НИОКР и приобретение прав на результаты интеллектуальной деятельности при исчислении налога на прибыль;
- установление налоговых вычетов по НДФЛ для налогоплательщиков — физических лиц, являющихся бизнес-ангелами, в целях создания стимулирующих механизмов инвестирования в высокорискованный венчурный рынок для и повышения инвестиционной привлекательности технологических стартапов;

- упрощенный порядок получения российского налогового резидентства для физических лиц — высококвалифицированных специалистов;
- оптимизацию обложения налогом на добавленную стоимость услуг, оказываемых в электронной форме.

В целом указанные инициативы призваны снизить налоговую нагрузку акторов российской цифровой экономики и создать им более комфортные финансовые условия [4].

Однако цифровое пространство влечет за собой новые проблемы для системы налогообложения в РФ, среди них можно выделить: новые схемы уклонения от налогов электронного бизнеса, низкий уровень цифровой грамотности населения, недостаток нормативно-правовых актов.

Полагаем, что последующее развитие технологий цифровизации регистрационноучетных процедур должно осуществляться с учетом тенденций трансформации экономических процессов в направлении Smart-общества, к которым следует отнести [6]:

- 1) перевод в «цифру» как вертикальных процессов внутри ФНС России, так и горизонтальных связей с внешней средой;
- 2) создание цифровой платформы ФНС, вокруг которой станет формироваться эко- система для налогоплательщиков и участников внешнеэкономической деятельности;
- 3) формирование и апробацию проекта обложения налогами робототехнических устройств и киберфизических систем, правовое обеспечение этого процесса;
- 4) внедрение информационной налоговой системы с ИИ для обработки быстрорастущих объемов больших данных и налогообложения в условиях функционирования международной цифровой монетарной системы (МЦМС), а в последующем разработку полномасштабного проекта применения квантовых технологий в налогообложении.

Протекающий в мире процесс цифровизации является объективным и в ближайшей перспективе продолжит свое распространение в России, бросая

новые вызовы действующей налоговой системе. Поэтому необходима трансформация налоговой системы в условиях цифровой реальности, осуществляемая в соответствии с продуманной, взвешенной и эффективной налоговой политикой.

Литература

1. Зверева Т.В. Снижение налоговых рисков государства в условиях цифровой экономики /Т.В. Зверева // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2018. – № 2 (24). – С. 195–199.
2. Барсова У.В., Чан Е.Т. Государственное регулирование электронной коммерции: опыт АТР // Новая экономика, бизнес и общество. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2019. – С. 683–690.
3. Официальный сайт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nalog.ru>.
4. Mamrukova O.I. Taxation of innovative activity of enterprises in Russia: problems and directions of improvement. International accounting, 2017, no. 48, pp. 20—34. (In Russ.)
5. Цифровая экономика — различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, SMART CITY, BIG DATA и другие) / А. П. Добрынин, К. Ю. Черных, В. П. Куприяновский, П. В. Куприяновский, С. А. Синягов // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 4. No. 1.
6. Евстигнеев Е. Н., Викторова Н. Г. (2018). Будущее российской налоговой системы // Известия Дальневосточного федерального университета. Серия: Экономика и управление. № 2 (86). С. 5–15

УДК 336.02

Брюханова
Наталья
Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, руководитель научно-организационного отдела ЮРИУ РАНХиГС (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: bruhanovany2009@yandex.ru

Дынник
Дмитрий
Игоревич

старший преподаватель кафедры «Управление и экономика таможенного дела», Ростовский филиал Российской таможенной академии (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20) E-mail: iubip502@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые проблемы финансирования развития социальной инфраструктуры сельских территорий. На примере муниципального образования Ростовской области проведен анализ доходной и расходной части местного бюджета. Сформулированы предложения для снижения уровня дефицита бюджета муниципального бюджета.

Ключевые слова: *территория, местное самоуправление, бюджет, бюджетная эффективность, социальная инфраструктура, дефицит.*

PROBLEMS OF FINANCING THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF MUNICIPAL EDUCATIONS

Annotation. The article discusses the key problems of financing the development of social infrastructure in rural areas. On the example of the municipal formation of the Rostov region, the analysis of the revenue and expenditure side of the local budget is carried out. Proposals have been formulated to reduce the level of the municipal budget deficit.

Key words: territory, local government, budget, budget efficiency, social infrastructure, deficit.

Особую роль в развитии территорий занимает система государственного и местного управления. Важность поиска новых подходов к совершенствованию финансирования социальной инфраструктуры предопределяет существующий экономический, демографический, экологический, культурный потенциал сельской территории, который на ряду с

кризисными явлениями в экономике, с оттоком трудовых ресурсов, ухудшением экологической ситуации, ростом безработицы формирует современную специфику их развития. В виду снижения уровня собственных доходов бюджета муниципального района, ставит муниципальное образование в финансовую зависимость перед Правительством Ростовской области и даже перед Правительством РФ, которые требуют достижение ключевых индикаторов, которые прописаны в бюджетных соглашениях о выделении средств из федерального или регионального бюджета.

Проблемы социальной инфраструктуры и ее финансирования занимали заметное место в работах как отечественных, так и зарубежных ученых, особенно в работах М.А. Абрамова, А.И. Алымова, Д.В. Белорусова, С.Г. Важенина, С.А. Дебабова, А.И. Кочерга, П. Розенштейн-Родана, Ж.Т. Тощенко, С.А. Хейнмана, А. Хиршмана. Вопросы развития социальной инфраструктуры представлены в работах в научных трудах В.М. Баутина, В.А. Богдановского, Л.В. Бондаренко, Н.Я. Коваленко, А.Н. Кочетова, И.Н. Ларионовой, В.В. Пациорковского, А.В. Петрикова, И.Т. Шаяхметова, И.Г. Ушачева.

Правительство РФ пришло к выводу, что преодолеть возникшие социальные вызовы можно путем выработки решений в рамках нового подхода – устойчивого развития сельских территорий. Главная цель социального развития сельских территорий заключается в создании условий для достижения благополучия жителей, формирований в ней саморазвивающейся и самобытной социально-экономической системы и предполагает всестороннее обустройство, и обеспечение жизни сельской части общества.

С принятием Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2030 года определен ключевой ориентир социального развития территорий Ростовской области – обеспечение качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе полифункциональности аграрного сектора, многопрофильности сельской экономики, многоукладности аграрного производства, сохранения неурбанистического образа жизни населения.

Ключевым элементом в Стратегии Ростовской области является человек, общество [1]. Перед органами исполнительной власти Ростовской области, органами местного самоуправления стоит задача создать все условия для комфортного и безопасного проживания жителей региона и особенно создать условия к доступности к социальным услугам и объектам в сельских территориях.

Социальное развитие сельских территорий это стабильное социальное развитие сельских территорий достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни. В свою очередь, социальная инфраструктура в сельской местности состоит из следующих сфер: здравоохранение; образование; культура; спорт и физическая культура; социальное обслуживание; жилищная сфера; труд и занятость; демография и миграция; молодежная политика; безопасность и правопорядок [2].

Все вышеперечисленные сферы социальной инфраструктуры в сельских территориях находятся в упадке. Социальная инфраструктура оказывает большое влияние на устойчивое комплексное развитие сельских территорий, поэтому в стратегических документах РФ и региона для развития сельских территорий определены основные цели государственной политики устойчивого социального развития [3]:

- создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения селом его производственной и других общенациональных функций;
- устойчивый рост сельской экономики, повышение эффективности сельского хозяйства и вклада села в экономику региона и благосостояние граждан;
- повышение занятости, уровня и качества жизни сельского населения, приближение села к городским жизненным стандартам;
- замедление процесса депопуляции, стабилизация численности сельского населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни;

- сокращение меж- и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве жизни сельского населения;
- рационализация использования природных ресурсов и сохранение природной среды;
- сохранение и приумножение культурного потенциала села.

В финансовой системе применяются разнообразные финансовые инструменты для финансирования проектов, программ. В государственном и муниципальном секторе используют следующие инструменты: частные инвестиции; кредиты коммерческих организаций; бюджет; субвенции; дотации; государственно-частное партнерство.

Первые два инструмента не очень популярны среди инвесторов и коммерческих организаций, особенно в сельской местности, да и сама администрация муниципального района не имеет финансовых ресурсов, чтобы уплачивать проценты по кредиту. В сельских территориях отсутствует как социальная, так и экономическая инфраструктура [4]. Реальным финансовым инструментом для сельских территорий является, в настоящее время, местный бюджет, который в свою очередь является дотационным, и поэтому прибегают к межбюджетным трансфертам в виде субвенций, дотаций на выравнивание и исполнение публичных обязательств перед жителями района. Бюджетом района является план доходов и расходов Администрации района на текущий год и на плановый период, составленный в форме баланса и имеющий силу закона. В сельских территориях бюджет – ведущее звено финансовой системы. На рисунке 1 представлены этапы составления и утверждения бюджета на примере Советского района Ростовской области.

Функционирование бюджетов муниципальных образований происходит за счет доходов и расходов. Доходная часть служит финансовой базой деятельности муниципального образования, а расходная, в свою очередь, необходима для удовлетворения потребностей населения и создания социальной инфраструктуры.

Рисунок 1 – Этапы составления и утверждения бюджета
Советского района Ростовской области

Рассмотрим доходную часть бюджета Советского района за 2018-2019 годы (таблица 1).

Таблица 1 – Доходы бюджета Советского района за 2018-2019 годы

В тыс. рублей

Наименование дохода	2018	2019	Отклонение	Темп роста, в процентах
Налоговые и неналоговые доходы	20453,8	28704,8	8251	140,3
Налоги на прибыль, доходы	7836,9	10592,7	2755,8	135,2
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	639,2	4602,2	3963	720,0
Налоги на совокупный доход	3074,7	3255,4	180,7	105,9
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	7801	8075,6	274,6	103,5
Платежи при пользовании природными ресурсами	115	64,1	(50,9)	55,7
Доходы от оказания платных услуг (работ) и компенсации затрат государства	9,3	15,9	6,6	171,0
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	432,2	1309,3	877,1	302,9
Штрафы, санкции, возмещение ущерба	356,6	387,1	30,5	108,6
Безвозмездные поступления	292321,7	310449,5	18127,8	106,2
Всего доходов	312775,5	339154,3	26378,8	108,4

Как видно из таблицы 1 в 2019 году доходная часть бюджета Советского района увеличилась на 26378,8 тыс. рублей или на 8,4% по сравнению с 2018 годом. Отмечен рост каждого вида доходной части за исключением платежей при использовании природными ресурсами, здесь отменно снижение поступлений на 50,9 тыс. рублей, но это отрицательное явление не повлияло на общий результат. Следует отметить, что в 2019 году налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации увеличились на 3963,0 тыс. рублей или на 620% в виду доступа к российскому рынку товаров стран участниц Евразийского союза, доходы от продажи материальных и нематериальных активов также увеличилась на 877,1 тыс. рублей или на 202,9%. Структура доходов Советского района в 2019 году представлена на рисунке 2.

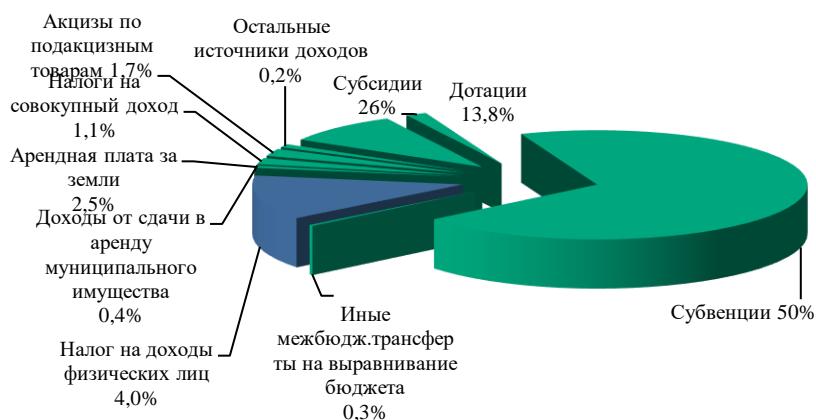

Рисунок 2 – Структура доходов Советского района в 2019 году

Как видно, наибольшую часть в структуре доходов бюджета составляют субвенции (50%), субсидии (26%), дотации (13,8%) из регионального и федерального бюджетов и в совокупности составляет 89,8%. Рассмотрим структуру собственных налоговых и неналоговых доходов бюджета Советского района (рисунок 3).

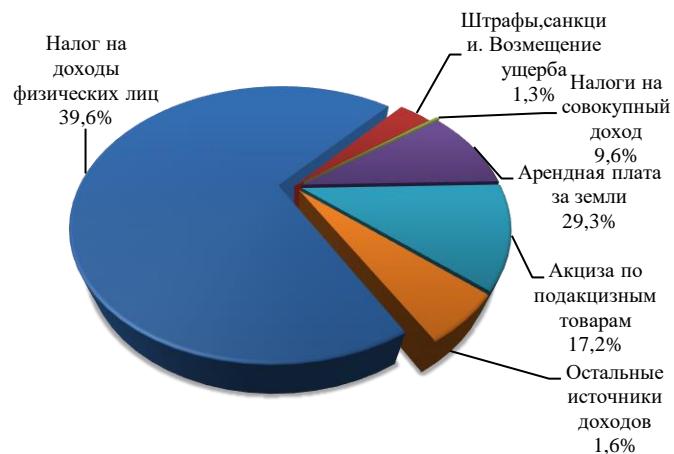

Рисунок 3 – Структура собственных налоговых и неналоговых доходов бюджета Советского района в 2019 году

Наибольшую часть занимают налоговые доходы: НДФЛ (39,6%), налоги на совокупный доход (9,6%), акцизы (17,2%), а также штрафы, санкции и возмещение ущерба. Собственных источников не хватает Советскому району для исполнения публичных обязательств перед населением. Администрация прибегает к финансовой помощи региональным властям. Теперь рассмотрим расходную часть бюджета Советского района (таблица 2).

Таблица 2 – Расходы бюджета Советского района за 2018-2019 годы

В тыс. рублей

Вид расходов	2018	2019	Отклонение	Темп роста, в процентах
Общегосударственные вопросы	26948,90	27219,00	270,10	101,00
Национальная экономика	71389,10	81165,10	9 776,00	113,69
Жилищно-коммунальное хозяйство	5263,50	15715,10	10 451,60	298,57
Охрана окружающей среды	30,00	30,00	0,00	100,00
Образование	84154,90	99329,50	15 174,60	118,03
Культура, кинематография	13169,40	13038,60	(130,80)	99,01
Здравоохранение	2121,60	8209,90	6 088,30	386,97
Социальная политика	97218,50	95063,30	(2 155,20)	97,78
Физическая культура и спорт	2837,20	36,50	(2 800,70)	1,29
Средства массовой информации	-	1,80	1,80	-
Обслуживание государственного и муниципального долга	4,60	2,00	(2,60)	43,48
Всего расходов	310966,30	339811,00	28 844,70	109,28

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что расходная часть в 2019 году также имеет тенденцию к росту. Рост составил 9,28% по сравнению с 2018 годом. Больше всего увеличение финансирования коснулось здравоохранения на 6 088,30 тыс. рублей или на 286,97%; жилищно-коммунального хозяйства – на 10 451,60 тыс. рублей или на 198,57%. Также видно снижение объемов финансирования по таким статьям, как физическая культура и спорт на 2 800,70 тыс. рублей или на 98,71%. В 2019 году на спорт в Советском районе было запланировано финансирование 36,50 тыс. рублей. На социальную политику, культуру финансирование также сократили на 2,22% и 0,99% соответственно. Видно, что на территории муниципального образования сокращают финансирование социально значимых сфер и все мероприятия направлены не на создание (модернизацию) социальной инфраструктуры, а на поддержание экономической стабильности в сельских территориях. Наибольший удельный вес в структуре расходов бюджета в 2019 году занимает социальная политика (30,2%), образование (29,0%) и национальная экономика (27,6%). Как уже отмечалось ранее, на физическую культуру и спорт сократили финансирование и в структуре расходов составляет около 0,1%.

При рассмотрении динамики доходных и расходных частей бюджета (таблицы 1, 2) можно утверждать, что ситуация по сбалансированности бюджета соответствует нормативам (с учетом дотаций и субвенций из бюджетов другого уровня), но на развитие социальной инфраструктуры сельских территорий финансирование не предусмотрено как таково. Предусмотрен капитальный ремонт уже существующей социальной инфраструктуры (капитальный ремонт сельских школ, дома культуры, библиотеки). Все остальные мероприятия направлены в основном на развитие предпринимательской активности в территориях.

В Советском районе применяется программно-целевого подход в управлении финансами. Все статьи расхода бюджета привязываются к программному документу, в котором предусмотрены контрольные события, программные мероприятия и показатели эффективности реализации программ.

На территории района в 2019 году действовало 17 муниципальных социально-экономических программ. Объем финансирования в 2019 году выглядел следующим образом (таблица 3):

Таблица 3 – Финансирование муниципальных программ Советского района в 2019 году

В тыс. рублей

Наименование программы	Финансирование
Муниципальная программа Советского района «Развитие здравоохранения Советского района»	8 209,90
Муниципальная программа Советского района «Развитие образования»	94 900,00
Муниципальная программа Советского района «Социальная поддержка граждан»	89 427,70
Муниципальная программа Советского района «Доступная среда»	10,00
Муниципальная программа Советского района «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Советского района»	5 137,80
Муниципальная программа Советского района «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»	35,00
Муниципальная программа Советского района «Управление муниципальными финансами и создание условий для эффективного управления муниципальными финансами»	3 419,80
Муниципальная программа Советского района «Молодежь Советского района»	43,80
Муниципальная программа Советского района «Развитие системы предоставления государственных и муниципальных услуг в Советском районе Ростовской области на базе муниципального бюджетного учреждения «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг муниципального образования «Советский район»	2 516,30
Муниципальная программа Советского района «Развитие культуры»	15 401,90
Муниципальная программа Советского района «Развитие физической культуры и спорта»	36,50
Муниципальная программа Советского района «Развитие транспортной системы»	78 784,50
Муниципальная программа Советского района «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»	2 514,10
Муниципальная программа Советского района «Поддержка казачьих обществ»	936,40
Муниципальная программа Советского района «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование»	30,00
Муниципальная программа Советского района «Муниципальная политика»	29,80
Муниципальная программа Советского района «Обеспечение качественными жилищно-коммунальными услугами населения»	1 124,00
Непрограммные расходы	37290,00
Всего	339 811,00
– социальные программы	216 655,30
– экономические программы	123 155,70

Наибольший удельный вес в финансировании муниципальных программ района отдается социальной направленности более 65% от общего объема

средств в бюджете, но реализация программ не помогает решить проблему развития социальной инфраструктуры сельских территорий. Администрации Советского района необходимо обратить внимание на эффективности реализации программ, в том числе бюджетную эффективность. Чтобы каждый объект социальной инфраструктуры функционировал на благо жителей сельских территорий, а также необходимо разработать комплексную систему оценки эффективности муниципальных программ социального развития сельской территории. Применив метод Паттерна [5], наглядно отобразим состояние Советского района Ростовской области в 2013 году (перед началом реализации муниципальных программ) и к чему пришли к 2020 году в части развитии социальной инфраструктуры (рисунок 4).

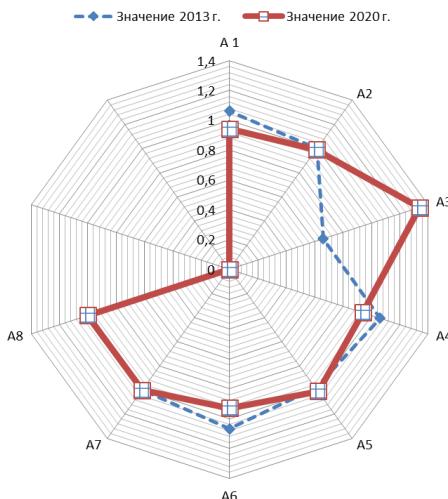

Рисунок 4 – Положение социальной инфраструктуры Советского района

Из рисунка 4 видны проблемные участки, которые должны были решить программы развития социальной инфраструктуры. К 2020 году Советский район должен был показать «рывок» в социальной сфере, но как видно, положение останется прежним. Лишь один индикатор А3 (доступность медицинских услуг для населения сельских территорий) покажет значительный рост (+0,68 пунктов). Остальные останутся на том же уровне или даже покажут отрицательную динамику (А1 – социальное обеспечение населения сельских территорий, А4 – книгообеспечение библиотек, А6 – бюджет на душу населения).

В виду дефицитности бюджета Советского района существует проблема поиска источников финансирования дефицита, не прибегая к финансовой помощи к другим бюджетам. Администрации района необходимо сотрудничать с налоговой службы по вопросу администрирования местных налогов, снижение налоговой задолженности, уплата штрафов, пеней за несвоевременную уплату налога в бюджетную систему РФ [6]. Местные налоги являются одним из главных источников доходов Советского района Ростовской области. На данный момент земельный налог является одним из основных источников доходной части местных бюджетов. Помимо этого, его размер влияет на личный располагаемый доход почти каждого гражданина РФ. К сожалению, на данный момент поступления по данному налогу крайне малы. Размер земельного налога не зависит от финансовых результатов деятельности налогоплательщика, а зависит только от кадастровой оценки, на которую влияют только объективные факторы. Основные резервы роста доходов бюджета Советского района лежат не в увеличении налогового бремени, а, наоборот, в сокращении задолженности, совершенствовании механизмов налогового администрирования и усиления борьбы с совершаемыми налоговыми правонарушениями.

Привлечение инвестиций в район является одной из основных задач, стоящих перед администрацией муниципального образования, решение которой возможно путем формирования целенаправленной и комплексной инвестиционной политики. Инвестиционная деятельность является важнейшей составляющей экономической деятельности. От нее зависят перспективы развития экономики и развития социальной инфраструктуры, поскольку эта деятельность определяет потенциал.

Министерство финансов РФ в целях исполнения пункта 3.18 плана реализации государственной программы «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», утвержденного постановлением Правительства РФ от 18.05.2016 № 455, подготовило

методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, способствующие увеличению доходной базы бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В целях повышения доходной базы региональных и местных бюджетов органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендуется реализовать комплекс следующих мер:

- меры по повышению эффективности администрирования доходов региональных и местных бюджетов;
- меры по активизации работы по выявлению потенциальных доходных источников бюджетов;
- меры, способствующие развитию экономики территорий;
- меры по совершенствованию подходов к межбюджетному регулированию на региональном и муниципальном уровнях.

Проведенный анализ показал, что применяемые муниципалитетами меры недостаточно эффективны, и в работе региональных и местных органов власти по обеспечению ускоренного роста доходной базы бюджетов следует уделить наибольшее внимание именно повышению эффективности предпринимаемых мер. Повышение эффективности уже предпринимаемых мер должно базироваться на системном и научно-обоснованном подходах к оценке эффективности.

Все вышесказанное и перечисленные предложения по выявлению дополнительных источников финансирования социальной инфраструктуры поспособствуют изменению к формированию доходной части бюджета и снижению зависимости от финансовой помощи от других бюджетов.

Литература

1. Григорьева Н.С., Колычева Ж.Я. Взаимодействие государственных и предпринимательских структур в сфере ЖКХ муниципальных образований. /

Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2 (93). С. 37-41.

2. Курилова Л.М., Дынник Д.И. Проблемы оценки эффективности налоговой политики региона (на примере Ростовской области). / Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. 2017. № 5. С. 264-279.

3. Григорьева Н.С., Дынник Д.И. Маркетинговое сопровождение в проектном управлении: применение в бизнесе и государственном секторе / Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 11-15.

4. Dynnik D.I., Grigorieva N.S., Galoyan Ya.E. Improving project management of socio-economic development of the region with the use of soft computing / Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Т. 1095. С. 214-220.

5. Григорьева Н.С. Приоритетные направления повышения социально-экономической эффективности государственного регулирования малого бизнеса / В сборнике: Проблемы и перспективы развития предпринимательства в России Сборник докладов международной научно-практической конференции. 2011. С. 101-107.

6. Grigoreva N.S., Kolycheva Zh.Ya., Ushakov D.S. Budgetary administration and macroeconomic systems social effectiveness / Advanced Science Letters. 2018. Т. 24. № 9. С. 6311-6313.

УДК 663.5:34

Скоков
Роман
Юрьевич

доктор экономических наук, профессор
кафедры менеджмента и логистики в АПК,
Волгоградский государственный аграрный
университет.
e-mail: rskokov@mail.ru

Попова

доктор экономических наук, профессор

Лариса
Витальевна

кафедры экономической безопасности,
Волгоградский государственный аграрный
университет.
e-mail: lvpopova@bk.ru

ЭФФЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИЗАЦИИ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ И ИНФОРМАЦИИ НА РЫНКАХ АДДИКТИВНЫХ ТОВАРОВ

Аннотация: На рынках вредных аддиктивных товаров государственная монополия показала свою социальную и экономическую предпочтительность, поскольку по сравнению с откупной, акцизной и смешанной системами способствует росту доходов бюджета, сокращению теневого сектора, повышению цен, снижению спроса и предложения, сокращению мотивации роста продаж, что целесообразно на специфических рынках аддиктивных товаров. В современных условиях цифровизации monopolизация государством информации о функционировании рынков, ее сбора и учета сопровождается негативными эффектами в форме бюрократических барьеров, реаллокации конкурентных преимуществ субъектов рынка, перераспределения прав собственности, ухода от налогообложения, коррупции. Необходимо обеспечить прозрачность и доступность информации для всех заинтересованных сторон: бизнеса, общества, научных, общественных организаций.

Ключевые слова: аддиктивные товары, государственная монополия, монополия на информацию, монополия на товародвижение, государственное регулирование.

EFFECTS OF STATE MONOPOLIZATION OF GOODS AND INFORMATION ON THE MARKETS OF ADDICTIVE GOODS

Abstract: In the markets for harmful addictive goods, the state monopoly has shown its social and economic preference, since it contributes to an increase in budget revenues, a reduction in the shadow sector, an increase in prices, a decrease in supply and demand, and a reduction in the motivation for sales growth, which is advisable for specific markets for addictive goods. In modern conditions of digitalization, the state's monopolization of information on the functioning of markets, its collection and accounting is accompanied by negative effects in the form of bureaucratic barriers, reallocation of competitive advantages of market entities, redistribution of property rights, tax evasion, corruption. It is necessary to ensure transparency and availability of information for all interested parties: business, society, scientific, public organizations.

Key words: addictive goods, state monopoly, monopoly on information, monopoly on commodity circulation, state regulation.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19–410–340006, р_а.

Мировой рынок аддиктивных товаров огромен: табачных изделий – 1 трлн долл в год [6], алкогольных напитков – 1,5 трлн долл в год [8], наркотиков – 0,8–1 трлн долл [1], азартных игр – 0,4 млрд долл [4]. По данным государственной монополии розничной реализации алкоголя Alko (Финляндия), за первый месяц действия чрезвычайного положения в связи с COVID-19 было продано 9,1 миллиона литров алкогольных напитков, что на 23% больше, чем в 2019 г.

Аддиктивные товары являются опасными, вызывающими привыкание товарами. Потребление аддиктивных продуктов сопровождается отрицательными эффектами для потребителей и общества в целом. Фактом является то, что некоторые люди наносят вред себе и окружающим, в том числе своим семьям, употребляя алкоголь, табачные изделия, наркотические средства. Ежегодно в мире гибнет около 8 млн. человек от последствий употребления табака [5], 3 млн. человек – от алкоголя [2], 0,5 млн. человек – от наркотиков [7]. Спектр показателей, свидетельствующих о «деградации» человеческого капитала вследствие злоупотребления аддиктивными товарами настолько разнообразен, что его систематизации можно отвести отдельное исследование. Однако, вывод о том, что злоупотребление аддиктивными товарами оказывает негативное влияние на развитие человеческого капитала аксиоматичен.

Среди экономистов преобладает согласие, что рынок является лучшим механизмом в условиях, где имеется так много продавцов и покупателей, что ни один из участников не имеет значительной власти на рынке, и нет экстерналий, т.е. потребление, производство и информирование одних участников рынка не влияют на потребление и производство других [9].

Но только доктрины могут быть настолько догматичны, чтобы быть против государственного регулирования обращения и потребления

аддиктивных товаров. С точки зрения экономической теории существуют серьезные аргументы в пользу государственной монополии на рынках аддиктивных товаров (рис.1).

Рис.1. Теоретическая аргументация государственной монополии на рынках аддиктивных товаров

Главным недостатком государственной монополии считается стеснение частной промышленной и торговой деятельности. Однако, на рынках вредных аддиктивных товаров предпочтение отдается монополии по следующим причинам: большей эффективности с точки зрения сокращения теневой деятельности и доходов бюджета; в возможности оказывать государственное воздействие на характер и размеры потребления; устранение частного интереса снижает мотивацию в росте продаж у предпринимателей и продавцов; сокращение возможностей снижения цен различными фальсификациями. Самый сильный аргумент для общественного здравоохранения к построению монопольного рынка - для минимизации коммерческих интересов, аддиктивные товары могут быть более эффективно изолированы от коммерческого давления с целью «роста рынка».

Во многих странах системы государственной монополии на алкоголь были приняты в качестве средства общественного контроля над доступностью алкоголя. Эти страны включают как промышленно развитые, так и развивающиеся страны.

С точки зрения государственных доходов алкогольные монополии в таких странах, как Канада, эффективны и прибыльны. Сравнивая продажи спиртных напитков в монопольных и конкурентных (лицензионных) штатах США, монополисты стабильно получают больше доходов от продаж, чем лицензиаты.

Рынки аддиктивных товаров всегда были объектом сложных экономических отношений. Уже в древности существовало регулирование выпуска алкогольной продукции, взималась так называемая «медовая дань». Очевидная связь между производством алкогольной продукции и государственными финансами сформировалась только в XV в.

Анализ периодизации систем государственного управления рынком алкогольной продукции России в 1474-2020 гг. показывает, что преобладающей являлась государственная монополия (таблица 1).

Таблица 1
Системы государственного регулирования рынка алкогольной продукции
в России

Наименование преобладающей системы управления	Период	Продолжительность, лет
Государственная монополия	1474-1553 гг., 1651-1663 гг., 1681-1705 гг., 1819-1826 гг., 1895-1913 гг., 1923-1984 гг., 1989-1991 гг.	203
Смешанная	1554-1589 гг., 1664-1680 гг., 1706-1764 гг.;	109
Откупная система, государственно-частное партнерство	1765-1818 гг., 1827-1862 гг.	88
Продажа питей на вере	1590-1650 гг.	60
Конкурентная	1863-1894 гг., 1992-2020 гг.	59
в т.ч. элементы государственно-частного партнерства	2008-2015 гг.	7
Прогибиционизм	1914-1922 гг., 1985-1988 гг.	11

При откупной системе право производства и продажи алкогольной

продукции предоставляется определенным частным лицам за взнос в казну ежегодно известной суммы денег. При системе «продажа питей на вере» запрещалась частная торговля водкой в корчмах и осуществлялась исключительно в царских кружечных дворах и кабаках, под управлением кабацких голов. При системе государственной монополии место откупщика занимает государство, сосредотачивая в своих руках всецело производство и продажу или же что-то одно. При акцизной системе как производство, так и продажа алкогольной продукции остаются свободными при условии взноса в казну установленного сбора, взимаемого или с количества переработанного сырья, или с вместимости или силы аппаратов производства, или с действительного количества готовой продукции.

В отечественной практике государственная монополия показала большую социально-экономическую эффективность по сравнению с другими системами государственного регулирования: продажей питей на вере; откупной системой; государственно-частным партнерством; смешанной; «сухим законом»; конкуренцией с лицензированием и акцизами.

Наиболее успешным периодом функционирования государственной монополии на розничную продажу был 1895-1913 гг. Фактически заново были построены 336 водочных завода с численностью работников 40-60 тыс. чел; доходы бюджета выросли в 3,5 раза в 1913 г. по сравнению с 1890 г. (с 268,3 млн руб. до 953 млн руб.), составив 26 % всех доходов. Качество продукции стало выше, число отравлений снизилось. Если в 1863 г., когда существовала акцизная система, потребление алкоголя составляло 14,76 л абс.алк на душу населения в год, то к 1913 г. – 3,6 л.

В 1960-2020 гг. наименьший уровень теневой деятельности на рынке крепкого алкоголя был в период государственной монополии на производство, оборот и розничную торговлю алкогольной продукцией (1960-1991 гг.), за исключением сухого закона (1985-1988 гг.). В доходах бюджета на долю алкогольной продукции в 1970, 1980 гг. приходилось 6,5 %. Уровень летальных отравлений нелегальным алкоголем и суррогатами в 1970 г., 1975 г. и 1980 г.

составлял – 19 тыс. чел, 23 тыс. чел и 32 тыс. чел.

На фоне цифровизации в России идет процесс государственной монополизации информации, ее сбора и учета. С 2017 г. субъектом официального статистического учета, информации и рынке алкогольной продукции стало Росалкогольрегулирование. После раскрытых хищений с помощью ухода от налогообложения, промышленного выпуска фальсифицированной алкогольной продукции, искажения российской статистики, подделки специальных федеральных и акцизных марок, коррупции, вытеснения с рынка независимого бизнеса, при содействии чиновников Росалкогольрегулирования самого высокого уровня с помощью декларирования и ЕГАИС такое решение является необоснованным [3]. Установление Росалкогольрегулированием монополии на большие массивы информации о ситуации на алкогольном рынке России не позволит решать многие задачи государственного управления.

Таким образом, государственная монополия на рынках аддиктивных товаров показала свою большую социально-экономическую эффективность по сравнению с откупной, акцизной, смешанными системами государственного регулирования. На современном этапе развития цифровизации государственная монополизация информации, ее сбора и учета на рынках аддиктивных товаров приводит к росту бюрократических барьеров, реаллокации конкурентных преимуществ субъектов рынка, перераспределения прав собственности, ухода от налогообложения, коррупции.

Литература

1. 1 Данные о доходах от наркобизнеса. Справка [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20110829/426373328.html>. (дата обращения: 03.10.2020).
2. Какова статистика смертности от алкоголя? [Электронный ресурс] // URL:https://yandex.ru/q/question/health/kakova_statistika_smertnosti_ot_alkogolia_832e591e/?utm_source=yandex&utm_medium=wizard&answer_id=1c949b4e-37f2-

обращения: 03.10.2020).

3. Международный розыск – за что Путин ищет экс-главу Росалкоголя // <https://pasmi.ru/archive/219575/> (дата обращения: 29.01.2019).

4. Мировой рынок азартных игр и российские достижения [Электронный ресурс] // URL: <https://vseloterei.livejournal.com/185908.html> (дата обращения: 03.10.2020).

5. Табак [Электронный ресурс] // <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/tobacco> (дата обращения: 03.10.2020).

6. Табачные гиганты обещают "мир без курения". Как это будет в России [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20200221/1565025641.html> (дата обращения: 03.10.2020).

7. Число жертв табака и алкоголя превышает мировую смертность от наркотиков [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/23/chislo-zhertv-tabaka-i-alkogolya-prevyshaet-mirovuyu-smertnost-ot-narkotikov.html> (дата обращения: 03.10.2020).

8. BELUGA GROUP Вкус к хорошим напиткам [Электронный ресурс] // URL:

https://belugagroup.ru/upload/documents/BELUGA_initiation_20200416_RUS.pdf

9. Skokov R.Yu., Brizhak O.V. Consumption of addictive goods in russian regions and its impact on the quality of human capital / R-Economy. - 2020. T. 6. - № 1. - С. 50-60.

Саврадым
Виктория
Михайловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления,
Сибирский институт управления - филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: savradym-vm@ranepa.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: В условиях цифровизации экономии, цифровой трансформации государственного управления все большее значение приобретают вопросы, связанные с электронным взаимодействием населения с государственными органами. В статье рассмотрены проблемы данного взаимодействия, решение которых станет сопутствующим фактором успешной цифровизации предоставления государственных услуг в контексте вызовов современности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственные услуги, население.

PROBLEM ASPECTS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC SERVICES FOR THE POPULATION

Abstract: In the context of digitalization of economy, digital transformation of public administration, issues related to electronic interaction of the population with government bodies are becoming increasingly important. The article discusses the problems of this interaction, the solution of which will become a concomitant factor in the successful digitalization of the provision of public services in the context of modern challenges.

Key words: digital transformation, public services, population.

Фундаментальные изменения могут произойти только с изменениями в системе управления... Большая прозрачность может помочь делу, но даже здесь значимые реформы натолкнутся на сопротивление.

Дж. Стиглиц «Глобализация: тревожные тенденции»

Определение цифровой трансформации закреплено решением Высшего Евразийского экономического совета как «явление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых

преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический и экономический уклад, а также происходит создание новых отраслей экономики» [1].

С 1.11.2018 г. в рамках национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» стал реализовываться федеральный проект «Цифровое государственное управление». На реализацию данного проекта предусмотрено выделение из федерального бюджета около 236 млрд руб. (табл. 1) [2].

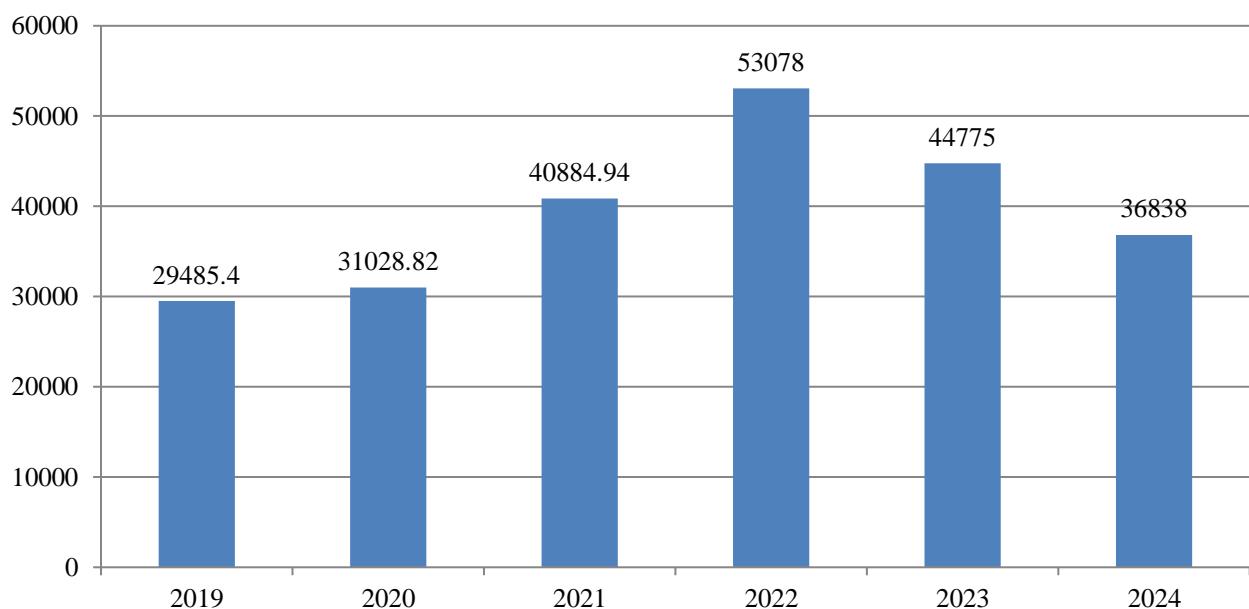

Рисунок 1 – Объемы финансового обеспечения реализации федерального проекта, млн руб.

Миссия внедрения цифровых технологий в сферу государственного управления, как отмечают И.И. Смотрицкая и С.И. Черных, «должна состоять в повышении его качества, в том числе качества государственных услуг и качества управления реализацией национальных проектов (программ) для обеспечения экономического роста страны» [3, с. 23].

Цифровая трансформация государственного управления должна следовать единой технической политике, которая предусматривает, в том числе, достижение следующих параметров:

- гражданин имеет возможность получить на «Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций)» любую услугу любого федерального ведомства, доступную в цифровом виде (принцип единой фронтальной системы и омниканальности).
- государство обеспечивает доверенную идентификацию человека в цифровом пространстве через цифровой профиль в рамках «Единой системы идентификации и аутентификации».
- обеспечение предоставления информации в систему государственного управления от человека или бизнеса только один раз и ее переиспользование внутри системы государственного и муниципального управления.
- все данные, участвующие в межведомственном объеме для предоставление государственных и муниципальных услуг, доступны онлайн и юридически значимы.
- приоритет облачных решений и технологий над локальными инфраструктурными решениями.

Другими словами, трансформация государственного управления предполагает собой переходный процесс от оффлайнового взаимодействия государственных органов с населением и бизнесом к онлайновому – в цифровом формате с использованием ИКТ-инфраструктуры, что, в конечном счете, позволит обеспечить высокий уровень удовлетворенности потребителей госсервисов таким взаимодействием.

При этом, как отмечают эксперты РАНХиГС, низкий уровень цифровых компетенций, в частности, государственных гражданских и муниципальных служащих, а также сотрудников подведомственных организаций и учреждений является одним из факторов, сдерживающих развитие цифровой экономики в России [4].

Однако немаловажным фактором сдерживания является и низкий уровень цифровых компетенций самого «услугополучателя» – гражданина.

Согласно данным Росстата, навыками работы с персональным компьютером обладает подавляющее большинство граждан России – 70,8 % [5]. При этом, по расчетам экспертов НИУ ВШЭ, имеются существенные проблемы в степени освоения определенных навыков [6, с. 29], представленные на рис. 2.

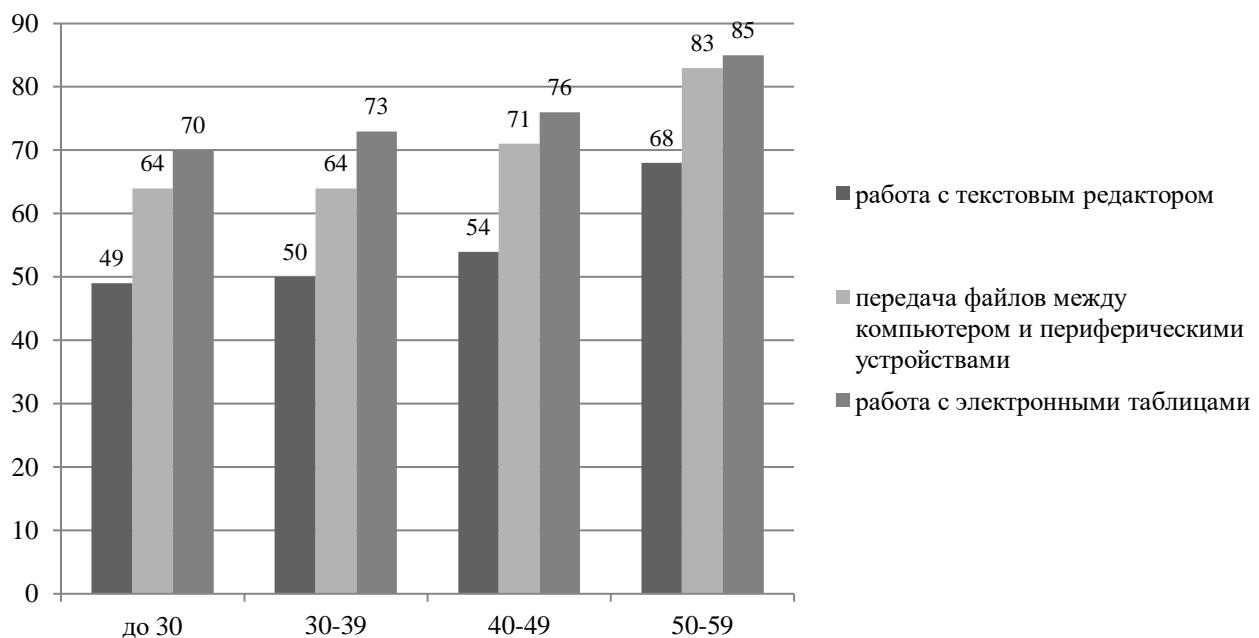

Рисунок 1 – Доля граждан (по возрастным группам), не обладающих простыми навыками работы с программными инструментами

И, тем не менее, ежегодно возрастает количество граждан, обращающихся за получением государственных и муниципальных услуг именно в электронной форме – за последние пять лет соотношение «взаимодействовал – не взаимодействовал» фактически диаметрально изменилось (табл. 1).

При этом, целевым индикатором успешности цифровизации государственных и муниципальных услуг является увеличение доли взаимодействий граждан и коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями, осуществляемых в

цифровом виде, до 70 % к 2024 г. Согласно выше представленных данных на сегодняшний день доля гражданского взаимодействия составляет уже 57,5% (при 10,6% в 2014 г.).

Таблица 1 – Доля населения Российской Федерации,
взаимодействовавшего с органами государственной власти и местного
самоуправления, %

Показатели	014	015	016	017	018	019
Всего, из них:	00	00	00	00	00	00,0
Взаимодействовали с органами государственной власти и местного самоуправления, из них:	9,9	6,4	6,1	5,7	2,9	4,0
через сеть Интернет (используя официальные сайты и порталы государственных и муниципальных услуг, мобильные устройства (мобильный телефон, планшет и пр.), электронную почту, терминалы самообслуживания)	0,6	8,4	8,8	2,3	4,5	7,5
в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ)	,9	,1	1,8	8,9	9,6	2,5
при личном посещении	4,0	1,2	2,5	4,0	1,5	1,8
другими способами (по почте, факсу и т.п.)		,9	,6	,4	,9	,9
Не взаимодействовали с органами государственной власти, местного самоуправления	0,1	3,6	3,9	4,3	7,1	6,0

Источник: составлено автором по данным Росстата [5]

Однако существует целый спектр проблемных зон в сфере электронного предоставления государственных услуг (табл. 2).

Таблица 2 – Доля населения Российской Федерации, столкнувшегося с проблемами при получении государственных и муниципальных услуг через официальные веб-сайты и порталы, %

Показатели	014	015	016	017	018	019
Население, сталкивавшееся с проблемами	3,5	8,2	8,5	7,9	4,9	5,9
Их них:						
с техническими сбоями на сайте/портале	0,5	7,5	7,0	8,1	7,6	8,3
недостаточной, неясной или устаревшей информацией	3,6	,8	,7	,8	,3	,0
не удалось получить необходимую поддержку и помочь (онлайн или офлайн)	,1	,3	,1	,6	,9	,9
для необходимой услуги нет кнопки «получить услугу»		,1	,3	,1	,0	,8
другое	,8	,7	,5	,9	,9	,1

Источник: составлено автором по данным Росстата [5]

Основная проблема комфорtnого взаимодействия – это наличие регулярных технических сбоев, занимающих на протяжении пяти лет лидирующее место в анти-рейтинге.

Решение указанных в табл. 2 проблем позволит существенно повысить результативность цифровой трансформации государственных услуг.

Также необходимо учитывать, что, как было указано в табл. 1, весьма существенная доля населения вообще электронно не взаимодействуют с гос.органами. Выявление причин отказа (табл. 3) позволит определить проблемные места и, тем самым, создать вектор потенциального роста показателя электронного взаимодействия.

Таблица 3 – Причины отказа населения Российской Федерации от использования сети Интернет при получении государственных и муниципальных услуг, %

Причины отказа	014	015	016	017	018	019
Не было необходимости отправлять официальные формы заявления вообще	5,9	6,7	1,7	2,4	6,1	7,8
Требуемая услуга недоступна на официальных веб-сайтах и порталах государственных и муниципальных услуг	,1	,5	,9	,0	,9	,7
Предпочитают личный визит и персональные контакты	2,3	0,1	9,6	0,9	8,7	7,1
Нет немедленной реакции (ответа)	,3	,4	,1	,5	,5	,2
Недостаточно навыков или знаний (например, не знаю как использовать веб-сайт или его использование слишком сложное)	2,3	0,3	,7	4,3	7,1	7,2
Есть опасения насчет защиты и безопасности персональных данных	,3	,6	,7	,3	,2	,5
Получение необходимой услуги требовало личного визита для предоставления бумажных форм и получения результата	9,8	8,4	0,7	3,5	2,1	4,0
Проблемы с электронной подписью или другими способами электронной идентификации, необходимыми для получения услуги	,1	,4	,6	,7	,6	,1
За респондента это сделали другие люди (консультанты, друзья, родственники или члены семьи)	,1	,9	,6	6,2	7,1	7,3
Другие причины	,2	,8	,0	,8	,0	,1

Источник: составлено автором по данным Росстата [5]

Как видно из данных таблицы, больше половины респондентов, отказавшихся от электронной формы взаимодействия с гос.органами, предпочитают формат личного общения (57,1%). Следует признать, что это весьма существенный фактор, сформированный ещё на генетическом уровне и сопутствующий человеческому общению на всём историческом пути его развития. Однако, и этот фактор, пусть медленно, но также уменьшает свое влияние – с 62,3% в 2014 г. до 57,1% в 2019 г.

В целом, представленный анализ проблем на пути цифровой трансформации государственных услуг показал, что их решение значительно повысит уровень и качество электронного взаимодействия с населением, а также станет сопутствующим фактором успешной цифровизации всей экономики в контексте вызовов современности.

Литература

1. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12. – URL: <https://bazanpa.ru/vysshii-evraziiskii-ekonomiceskii-sovet-reshenie-n12-ot11102017-h3844559/osnovnye-napravleniya/>.
2. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» – URL: [https://nalogcodex.ru/government/_pasport-federalnogo-proekta-_tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie_-\(utv.-prezidiumom-ot-28.05.2019.](https://nalogcodex.ru/government/_pasport-federalnogo-proekta-_tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie_-(utv.-prezidiumom-ot-28.05.2019.)
3. Смотрицкая И.И., Черных С.И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления // Вестник ИЭ РАН. – 2018. – №5. – С. 22-36.
4. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления/под ред. Шклярук М.С., Гаркуши Н.С. – М.: РАНХиГС, 2020. – 84 с.
5. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html.
6. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др. ; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой ; Нац. исслед.

ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 43 с.

УДК 338

Савин
Глеб
Владимирович

к.э.н., доцент кафедры логистики и коммерции,
Уральский государственный экономический
университет
e-mail.ru: glebsavin@ya.ru

SMART-КОНТРАКТЫ В ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ УМНОГО ГОРОДА

Аннотация: В статье предложен новый взгляд на развитие транспортно-логистической системы умного города. При этом выход на новый уровень взаимодействия возможен только при изменении крена стратегического планирования, что позволит ускорить развитие интеллектуальных транспортно-логистических систем нового типа, функционирующих по принципу Smart-контрактов.

Ключевые слова: транспортно-логистическая система, умный город, Smart-контракты

SMART CONTRACTS IN SMART CITY TRANSPORTATION AND LOGISTICS SYSTEM

Abstract: The article offers a new view on the development of the transport and logistics system of a smart city. At the same time, access to a new level of interaction is possible only when the roll of strategic planning changes, which will accelerate the development of intelligent transport and logistics systems of a new type, operating on the principle of Smart contracts.

Keywords: transport and logistics system, smart city, Smart contracts

Сегодня исторически сложившаяся транспортно-логистическая система любого города играет сдерживающую роль при обороте экономических ресурсов, что выражается в росте личных потребительских расходов граждан, и экономическими потерями бизнеса и бюджетов разных уровней.

Сегодня для решения проблем экономического и социального характера, и призванных контролировать три основные направления (безопасность,

мобильность и охрану окружающей среды), развиваются транспортно-логистические системы умного города. Проблема их управления сводится к построению интеллектуальных транспортных систем [1]. При этом прогресс не стоит на месте: реализуются проекты по интеграции транспортных и логистических систем, а также НИОКР, стандартизация, «пилотные проекты» в области кооперативных и автономных интеллектуальных транспортных систем. Текущие процессы в области их развития приводят к изменению карты мобильности в городе, а также видоизменяется система управления, поскольку влияние «человеческого фактора» снижается поскольку сегодня с бурным развитием цифровой экономики и технологий происходит замещение функций человека автоматизированными системами, что позволяет привести транспортно-логистические системы к контролируемой синергетике.

Отметим, что функционирование транспортно-логистической системы умного города отражает движение системы в пределах одного качественного состояния, а переход в другое состояние предполагает изменение системы, последовательность которых, в итоге приводит к необратимому развитию системы, а при достижении стратегической цели, конечно, приводит к прогрессу [2, с. 80]. С авторской точки зрения, транспортно-логистическая система умного города может обладать возможностями перехода из состояния в другое в зависимости от диапазона условий ее функционирования, и ее движение невозможно без качественных изменений всех ее элементов и нового подхода в области организации ее работы.

Обратимся к методологии «управляемого хаоса» (множественности), с которой транспортно-логистическая система при всех ее состояниях: децентрализации, централизации и самоорганизации будет находиться в состоянии упорядоченности, которое может существовать непродолжительное время для поиска новой точки бифуркации, т.е. перехода ее на новый уровень. Возникает ответ на оценку ее состояния, что существует «управляемая критичность», на которую необходимо воздействовать, т.е. управлять факторами, влияющими на транспортно-логистическую систему умного города.

В итоге, транспортно-логистическая система, функционируя в системе циклов и разных состояний, под воздействием технологий [3] и развития цифровой инфраструктуры, при переходе из одного состояния в другое, движется к интеллектуальным транспортным системам, но перегруженность системы растет (Таблица 1).

Таблица 1 – Перегруженность «умных» городов мира в 2020 г.¹⁰²

«Умные» города по рейтингу ¹⁰³	Перегруженность, макс/год	Дополнительное время, потраченное из-за пробок, в день (мин.)	
		утром	вечером
1. Лондон	57/38	19	20
2. Нью-Йорк	59/37	16	21
3. Париж	78/39	22	21
4. Токио	71/42	20	19
5. Рейкьявик	48/18	12	14
6. Копенгаген	48/22	14	14
7. Берлин	54/32	15	18
8. Амстердам	61/26	13	17
9. Сингапур	47/32	17	18
10. Гонконг	54/31	17	17
...	...	...	...
87. Москва	97/59	26	32

В этой ситуации необходим новый крен стратегического планирования, создающий интеллектуальные транспортно-логистические системы нового типа – с кооперативными и автономными транспортными средствами, обладающей свойствами самообучаемости и интеллектуального поиска лучшего решения [4, 5], и функционирующей в единой информационной системе при приоритете внедрения Smart-контрактов, которые вступают основой развития интегрированной и автоматизированной системы «умного» города.

Smart-контракт как цифровая проформа транспортно-логистической системы умного города представляет собой автоматизированный алгоритм,

¹⁰² TomTom [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tomtom.com> (Дата обращения: 18.10.2020);

¹⁰³ IESE Cities in Motion Index 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.iese.edu/research/pdfs/ST-0542-E.pdf> (Дата обращения: 18.10.2020);

основанный на технологии Blockchain (Рисунок 1), при соответствующей вариативной комбинации способов передвижения для человека с учетом гибкой ценовой политики, так и оптимальный маршрут для организаций на определенный интервал времени.

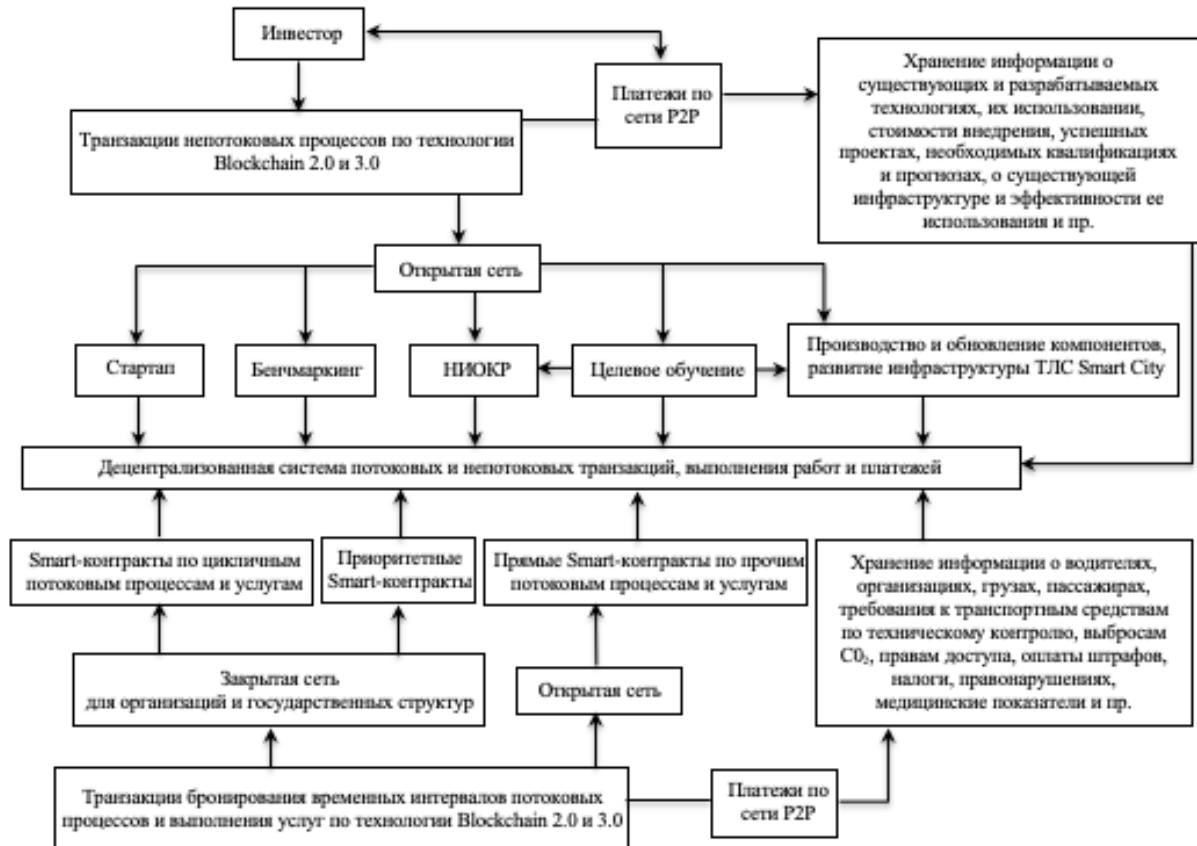

Рисунок 1 – Smart-контракты в транспортно-логистической системе умного города

Как децентрализованная система Smart-контракт функционирования (dApp 2 типа) объединяет основных участников потоковых процессов (человек, водитель, перевозчик, муниципалитет, организация, сервисная компания) в систему взаимоотношений нового типа на основе протокола P2P. Отметим, что децентрализованное приложение dApp 2 типа формирует собственные протоколы и токены (предоставляет доступ, определяет стоимость услуги и совершает транзакции) в защищенной пиинговой сети. Даный подход позволяет контролировать перегруженность системы как основной факторный показатель предлагаемой потоковой модели и формировать цифровые

проформы транспортно-логистической системы умного города функционирования для каждой группы потребителей, обеспечивая системность в области ограничений, побуждений и альтернатив выбора для каждого участника потоковых процессов.

Развитие транспортно-логистической системы умного города также выражено в виде формирования проформ для городов разной формации, что представляет комбинацию соответствующей транспортно-логистической, цифровой и интеллектуальной инфраструктуры, электронных сервисов и их разработку, хранение информации, обучение и т.п., а также механизм реализации.

Развитие Smart-контрактов при формировании интеллектуальной транспортно-логистической системы умного города позволит ускорить их формирование, а также обеспечит более эффективное их функционирование при заданном уровне издержек, что в приведет к снижению перегруженности транспортно-логистической системы, а также повысит качество жизнедеятельности человека в городе.

Литература

1. Legacy C. Transport planning in the urban age, *Planning Theory & Practice*. 2017. Vol. 18. № 2. pp. 177-180.
2. Савин Г.В. Циклы функционирования транспортно-логистической системы мезо-уровня и факторы, влияющие на ее развитие // *Modern Economy Success*. 2019. № 6. С. 77-81.
3. Anda C., Erath A., Fourie P.J. Transport modelling in the age of big data, *International Journal of Urban Sciences*. 2017. Vol. 21. № sup1. pp. 19-42.
4. Balasubramaniam A., Gul M.J.J., Menon V.G., Paul A. Blockchain for Intelligent Transport System, *IETE Technical Review*. 2020. Vol. 0. № 0, pp. 1-12.
5. Gessa A., Sancha P. Environmental open data in urban platforms: an approach to the Big Data life cycle, *Journal of Urban Technology*. 2020. Vol. 27. № 1. pp. 27-45.

УДК 338.984

Целыковская
Алина
Альбертовна

кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономика и финансы,
Финансовый университет при
Правительстве РФ - Липецкий филиал
e-mail:alina_ts@mail.ru

Путинцева
Евгения
Эдуардовна

магистр, Финансовый университет при
Правительстве
РФ - Липецкий филиал
e-mail:Zhenya.Put@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АВТОМАТИЗАЦИИ ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ, БЮДЖЕТИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Аннотация: В современных быстрыменижающихся условиях особую значимость для эффективного развития компании приобретают инструменты финансового планирования. В статье рассмотрены современные тенденции в автоматизации финансового планирования. Кроме того, особое внимание уделено системе EPM, которая значительно повышает эффективность бизнеса.

Ключевые слова: финансовое планирование, управление эффективностью, EPM, автоматизация, цифровые технологии, бюджетирование.

MODERN TRENDS IN THE AUTOMATION OF FINANCIAL PLANNING, BUDGETING AND MANAGEMENT REPORTING

Abstract: Nowadays financial planning is the key to the effective development of the company. The article discusses current trends in the automation of financial planning. In addition, special attention is paid to the EPM system, which significantly increases business efficiency.

Keywords: financial planning, efficiency management, EPM, automation, digital technologies, budgeting.

В современных условиях рыночной экономики невозможно добиться успеха в бизнесе без продуманного финансового плана и бюджета. Без точного представления об объемах денежных поступлений и расходов в текущий момент времени и в будущем, у компании есть вероятность столкнуться с такой проблемой как банкротство. Именно поэтому система управления любой

компанией включает в себя такие элементы как финансовое планирование и бюджетирование.

Комплексное финансовое планирование представляет собой процесс разработки системы финансовых планов и показателей по обеспечению развития предприятия всеми необходимыми финансовыми ресурсами, а также повышению эффективности его деятельности в будущем. Основная цель – продумать расходы предприятия так, чтобы оно могло осуществлять бесперебойную работу, уверенно развиваться, выполнять обязательства перед государством, поставщиками, клиентами и кредиторами, а главное -приносить прибыль. Как правило, финансовый план – это документ, в котором отображаются все возможные источники доходов, цели расходов, графики поступлений и платежей за определенный период времени. Благодаря финансовому планированию компании удается определить свои потребности в активах, оптимизировать их состав с помощью эффективного использования, добиться максимизации прибыли, а также минимизировать издержки.

Бюджетирование является составным элементом финансового планирования и представляет собой систему управления денежными ресурсами предприятия, его доходами и расходами, рассчитанную на краткосрочный период, до одного года. Таким образом, если финансовое планирование ставит общие цели компаний, то благодаря бюджетированию удается разработать практические способы достижения этих целей.

Современный бизнес сталкивается с различными изменениями, которые происходят повсеместно с беспрецедентной скоростью, затрагивая совершенно все сферы экономики (рис. 1). В этой связи необходимо подходить к финансовому планированию более ответственно, поскольку грамотно продуманный финансовый план является основой экономического развития компаний.

Рисунок 1. Факторы, влияющие на функционирование современного бизнеса

Происходящие изменения вынуждают предприятия разрабатывать новые модели управления финансами, находить новые точки роста, внедрять цифровые технологии, с помощью которых происходит автоматизация бизнес-процессов. Именно поэтому руководители компаний стали проявлять высокий интерес к вопросам, связанным с управлением эффективностью бизнеса, так как рациональное управление персоналом и автоматизация бизнес-процессов способны мобилизовать потенциал внутренней эффективности предприятия. Управление эффективностью предприятия представляет собой набор управленческих процессов (планирование, организация выполнения плана, контроль и анализ), которые позволяют бизнесу определить стратегические цели, затем оценить и управлять деятельностью по достижению поставленных целей при оптимальном использовании имеющихся ресурсов. Так с помощью автоматизированных систем нового поколения (ЕРМ, СРМ, ВРМ, FP&A), которые построены на принципах управления эффективностью можно решать вопросы согласованного бизнес-планирования. Данные концепции

представляют собой комплекс, который объединяет в себе процессы, информационные системы, методики, позволяющие оценивать показатели деятельности компании и управлять ими.

EPM система включает в себя следующие основные инструменты: сбалансированная система показателей, бюджетирование, ориентированное на цели, инструменты целевого управления, консолидация данных, бизнес-анализ и многое другое.

Данная система обеспечивает гибкость, доступность, понимание ситуации, эффективность и регулирование. В современных быстроменяющихся условиях компания должна быть гибкой, так как непрерывные изменения требуют разработки динамичных бизнес-стратегий и операционных моделей. Необходимо повышать и доступность данных, так новые технологии позволяют просматривать и анализировать финансовую отчетность на мобильных устройствах практически в любом месте и в любое время.

Для того, чтобы получить максимальную выгоду от внедрения систем управления эффективностью для финансового планирования и анализа, необходимо использовать комплексный подход, который подразумевает проработку операционной модели EPM и внедрение ее в корпоративную культуру компании.

Операционная система EPM подразумевает четкое распределение ролей и обязанностей между участниками процесса, необходимость проработки механизма контроля и процессов, которые будут обеспечивать своевременные и точные результаты, а также налаживание процесса предоставления информации таким образом, чтобы нужные люди получили ее в нужное время и смогли принять правильные управленческие решения.

Разработка проекта по системе планирования, который будет опираться на EPM, позволит получить ряд положительных эффектов: во-первых, произойдет ускорение обработки плановой информации приблизительно на 80%; во-вторых, сократится количество затрачиваемого времени, которое

уходит на прогнозирование и анализ отчетов; в-третьих, обеспечивается оптимизация бюджетного процесса и процесса прогноза.

Также на сегодняшний день можно выделить основные мировые тренды во внедрении информационных систем для финансового планирования и анализа. Один из трендов – управление финансовыми процессами в облачных технологиях, которые являются наиболее простыми и эффективными в обслуживании. Так в мировом сообществе говорят о возможности перехода финансовых систем в облако в течение ближайших лет. Следующим популярным направлением развития является цифровизация. Такие технологии как искусственный интеллект, машинное обучение, роботизация бизнес-процессов уже сегодня повышают эффективность финансового планирования. Кроме того, можно выделить такой тренд как фокус на упрощение. Действительно, сейчас все сводится к удобству в использовании. Это означает, что инструмент способен обеспечить любые потребности бизнеса, и именно данный аспект является приоритетом при выборе финансовых инструментов для планирования, бюджетирования и анализа управленческой отчетности.

Таким образом, в результате автоматизации, которая сегодня происходит повсеместно и затрагивает все предприятия российской экономики, процесс финансового планирования охватывает все более широкий круг бизнес-процессов. Современные решения предусматривают специализированные модели для управления персоналом, планирования продаж, управления проектами и других областей. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что современные тенденции в области финансового планирования призваны повысить результативность данного процесса, что, в свою очередь, даст возможность для более эффективного развития компании.

Литература

1. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива // Российская академия наук - 2017, С. 3-10. с.
2. Аренков И.А., Смирнов С.А., Шарафутдинов Д.Р., Ябурова Д.В.

Трансформация системы управления предприятием при переходе к цифровой экономике // Российское предпринимательство.- 2018. - № 5. - с. 1711-1722.- doi: 10.18334/gr.19.5.39115

УДК 377

Кузнецов
Геннадий
Иванович

кандидат военных наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: 9404100@mail.ru

КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ЦИФРОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация: В условиях развития цифрового общества с опорой на социальную ориентированность остро встает вопрос подготовки управляющих социальными процессами на основе креативных психолого-педагогических технологий. Предлагаются практические рекомендации по применению креативных психолого-педагогических технологий на всех этапах подготовки преподавателя к учебной деятельности в цифровом социально ориентированном государстве.

Ключевые слова: социальное управление, цифровое государство, креативность, технологии обучения, педагогические технологии обучения, психолого-педагогические технологии, педагогическая инновация, инновационно-цифровые образовательные ресурсы.

CREATIVE TECNNOLOGIES OF SOCIAL PROCESSES MANAGEMENT TEACHING IN A DIGITAL GOVERNMENT

Annotation: In the context of the development of a digital society based on social orientation, the issue of training managers of social processes on the basis of creative psychological and pedagogical technologies arises. Practical recommendations on the use of creative psychological and pedagogical technologies at all stages of teacher preparation for educational activities in a digital socially oriented state are offered.e.

Key words: social management, digital government, creativity, teaching technologies, pedagogical teaching technologies, psychological and pedagogical technologies, pedagogical innovation, innovative digital educational resources.

Цифровое государство – это изменение системы государственного управления на основе применения информационно-коммуникативных технологий. Предназначение цифрового государства построение гармоничного социально ориентированного общества. Базисом такого государства является инфраструктура, позволяющая органам государственного управления и гражданам взаимодействовать с применением новых информационных технологий. Особое значение в цифровом государстве отводится цифровой экономике, социальным процессам и образованию.

Социальный процесс – это социально значимые изменения в обществе, вызванные стремлением различных групп влиять на сложившиеся в социуме условия с целью удовлетворения определенного интереса. Социальные процессы происходят в различных социальных сферах. Социальная сфера – это сфера взаимодействия имеющихся в обществе социальных групп, которые способствуют воспроизведству их жизненных сил:

- 1)условия производственной деятельности;
- 2)уровень материального благосостояния;
- 3)решения проблем здравоохранения и социального обеспечения;
- 4)соблюдение социальной справедливости;
- 5)совершенствование образования.

Эффективность социальных процессов во многом зависит от качества управления ими, то есть социального управления. Необходимость социального управления обусловлена фактом разделения труда в группах людей, в крупных коллективах, в масштабе государства, а также необходимостью объединения усилий всего общества. Совместная деятельность людей составляет основу общества, а управление является необходимым элементом общей профессиональной деятельности, существования и развития общества. Совершенствование социального управления в современном мире базируется на цифровых технологиях.

Социальное управление – это общественно значимая деятельность людей, которая осуществляется с целью обеспечения согласованности и упорядоченности совместных действий людей и их коллективов в интересах эффективного достижения стоящих перед ними социальных задач. К особенностям социального управления можно отнести:

- 1) осуществление в системах взаимодействия людей (государство, семья, общественная организация, общество в целом и т.п.);
  - 2) выполнение совместной деятельности людей для достижения общих целей;
  - 3) упорядочивание воздействия на участников совместной деятельности;
  - 4) обеспечение согласованности индивидуальных действий участников совместной деятельности;
  - 5) осуществление управленческих воздействий на коллективные действия.
- Необходимость управленческой деятельности социальными процессами требует особой категории сотрудников – *управляющих социальными процессами*. Они должны обладать определенными специфическими свойствами, качествами, знаниями, навыками и умениями.

Свойства управляющего социальными процессами:

- социальная направленность деятельности;
- высокая компетентность;
- организаторские способности;
- высокие моральные качества;
- эмоционально-волевые черты характера;
- интеллектуальные способности;
- способности поддерживать свой авторитет;
- имиджевые способности;
- крепкое здоровье.

Структура качеств управляющего социальными процессами:

- *индивидуально-личностные*: чувство себя, активная жизненная позиция, моральная надежность, справедливость, ответственность, стрессоустойчивость, креативность, независимость и др.;
- *организационно-управленческие*: обращенность в будущее, гибкость поведения, способность создавать команду, способность организовывать группу для решения определенной задачи и др.;
- *социально-психологические*: межличностная чувствительность, коммуникативная компетентность, справедливость, способность отстаивать интересы группы, способность брать ответственность на себя и др.

Базовые знания, навыки и умения управляющего социальными процессами:

- знания законов социального управления; принципов профессиональной деятельности; знания законов прогнозирования развития социальных процессов; процессов взаимодействия людей, коллективов и организаций и др.;
- иметь навыки планирования деятельности в социальной сфере; самооценки и рефлексии в управленческой деятельности; предотвращения конфликтов в организации; мотивирования к продуктивной деятельности и др.;
- уметь управлять социальными процессами; оценивать экономические затраты; выбирать показатели эффективности управления социальными процессами; управлять социальными процессами в экстремальных ситуациях и др.

Формирование необходимых управляющему социальными процессами свойств, качеств, знаний навыков и умений возможно при многоуровневом современном обучении. И это достижимо на основе внедрения креативных психолого-педагогических технологий обучения.

Общепринятое определение *креативность (созидание)* – способность вырабатывать новые идеи, решения, методики и методы, технологии и теории, т.е. новые механизмы и продукты деятельности человека. Главной составляющей креативности является дивергентное мышление, т.е. мышление

характеризующееся развитием идей в различных направлениях, содержащих разнообразные подходы к проблеме. Такое мышление характеризуется спонтанностью, гибкостью и оригинальностью.

Креативность в образовательной сфере является двуединым процессом и опирается на креативность преподавателя и креативность студента. Креативность преподавателя и студента меняется при продвижении в процессе обучения от бакалавриата к переподготовке по основной профессиональной деятельности. Креативность преподавателя опирается на инновационность, творчество, интуицию. Креативность студента опирается на способности, мотивацию, инициативность.

Креативное взаимодействие преподавателя и студента реализуется в психолого-педагогических технологиях обучения в высшей школе. Технология обучения (1, с. 384-385) – совокупность форм, методов, приемов и средств передачи социального опыта с помощью технического оснащения этого процесса; системный подход проектирования, реализации, оценки, коррекции и последующего воспроизведения процесса обучения, а также техническое оснащение этого процесса. Технология обучения отражает современный уровень научных психолого-педагогических знаний, использование эффективных методов обучения, применение доступных технических средств обучения; обеспечение объективными методиками контроля уровня обученности.

В современной интерпретации технология обучения – комплексная интегративная система. Включающая упорядоченное множество операций и действий, обеспечивающих педагогическое целеопределение, содержательные, информационно-предметные и процессуальные аспекты, направленные на усвоение знаний, приобретение профессиональных навыков и умений, формирование личностно-психологических качеств обучающихся, заданных целями обучения, диагностику качеств дидактического процесса.

Психологические технологии обучения – это методы, приемы и способы воздействия на психические процессы, состояния и образования обучающегося

в процессе обучения. К данным технологиям относятся: технология развития критического мышления; технология педагогических мастерских; технология оптимального пути развития способностей обучающихся (Л. В. Зенков); технология развития способностей обучаемого как субъекта мышления эмпирического (сравнительного) типа (Н. А. Менчинская); технология опережающего роли развития (В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин); технология поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина); технология сотрудничества (Ш. А. Амонашвили); технология совместно-разделенных действий обучаемых (В. В. Рубцов, Г. А. Цукерман); технология личностно-ориентированного обучения (И. С. Якиманский); технология совместной продуктивной творческой деятельности (В. Я. Ляудис); технология развития самопознания (Е. А. Сорокоумова) (2. с. 232).

Педагогические технологии обучения – это процесс деятельности по передаче знаний, навыков и умений обучающимся в процессе обучения. К данным технологиям относятся: технология модульно-компетенстного обучения; технология проблемного обучения; технология знаково-контекстного обучения; технология кейс-метода; технология метода проектов; эвристические технологии обучения; информационные технологии обучения; технологии вебинаров; технологии дистанционного обучения (3, с. 199-200).

Креативная психолого-педагогическая технология – это творческий и созидательный подход к решению проблем педагогического процесса, в ходе которого интересы и ценность личности преподавателя и студента являются доминирующей компонентой организации и смысла учебной деятельности (4. с.402). Доминирующим фактором организации системы высшего профессионального образования является ценность личности, так как современное образование опирается на учет реальных перемен в характере общественного запроса к личности и изменившейся роли личности в общественном процессе.

Структурными составляющими психолого-педагогических технологий являются:

во-первых: цели обучения;
во-вторых: содержание обучения;
в-третьих: средства педагогического взаимодействия (средства преподавания и мотивация);
в-четвертых: организация учебного процесса;
в-пятых: студент;
в-шестых: преподаватель;
в-седьмых: диагностика результатов педагогического процесса.

При реализации креативных психолого-педагогических технологий опираются на следующие **принципы**:

- Преподаватель становится не столько источником передачи знаний, навыков и умений, сколько помощником совершенствования личности студента. На смену авторитарного управления деятельностью студента приходит партнерско-демократическое взаимодействие, помощь, сотрудничество, поощрение инициативы.
- Процесс усвоения знаний перестает носить рутинное заучивание, репродукцию, а организуется в поисковую мыслительную деятельность и творческий процесс. Знание становится системным, обобщенным и междисциплинарным.
- Социальная природа обучения и развития личности, ориентация не на индивидуальное обучение, а на коллективное взаимодействие, межличностное общение и отношения. Обучение организуется на основе перехода от индивидуального к групповому освоению учебного материала.

Креативная психолого-педагогическая технология предполагает генерацию, творческую формулировку и разработку замыслов, проектов и идей в социуме взамен решения готовых дидактических задач. Основными доминирующими функциями креативных технологий являются следующие функции.

Первая, партнерское взаимодействие преподавателя и студента в учебном процессе. Преподаватель помогает студенту в выборе исходной учебной информации, а студент сам выбирает вектор учебной деятельности.

Вторая, студент не усваивает готовые определения, понятия, а самостоятельно выстраивает траекторию обучения на основе выбора определенных знаний и понятий о своем представлении мировоззрения. *Третья*, основным элементом учебного процесса становится информация, а не знание; информация учебно-педагогическая – система сведений научного, технического, воспитательного и информационного характера, выполняющие функцию объяснения и служащие для передачи научно обоснованного опыта, накопленных знаний о природных и общественных явлениях, систематизированных с учетом интеллектуальных возможностей студентов. *Четвертая*, учет психической деятельности, как особый способ восприятия и преобразования объективной реальности, особенность личностного функционирования, основанного на глубине мышления и гибкости действия.

Креативный подход к обучению подразумевает:

- не объективную, а проблемно-целевую постановку задач;
- не заданность решения, а его выбор или разработку методов решения;
- не наличие решения, а поиск его аналогов;
- не определенность решения, а вероятность успешности решения.

Успешная реализация креативных психолого-педагогических технологий базируется на взаимосвязи трех составляющих: креативность профессионала-выпускника; креативность студента; креативность преподавателя

Сочетание креативных качеств студента, выпускника-профессионала вуза и преподавателя позволяет решать при реализации креативной психолого-педагогической технологии следующие задачи:

- раскрывать учебные вопросы, оживлять занятия элементами занимательности;

- всесторонне использовать воздействие наглядных средств обучения и информационные компьютерные технологии;
- побуждать студентов к коллективной деятельности на занятиях и анализу индивидуальной деятельности в группе;
- практиковать индивидуальные задания, требующие знаний, выходящих за пределы учебной программы;
- развивать творческие способности студентов и приучать к нестандартным решениям практических задач;
- использовать кругозор «продвинутых» студентов для активизации учебной деятельности других студентов;
- знакомить студентов с современными достижениями науки и техники, а также современными технологиями в избранной профессии;
- показывать необходимость научных знаний для объяснения явлений жизни и практической деятельности;
- раскрывать перед студентами практическую значимость научных знаний, возможность применения знаний в практической деятельности;
- создавать педагогические условия и использовать средства обучения для развития творческих способностей студентов в учебном процессе.

Для реализации креативных психолого-педагогических технологий в мировом образовании, в том числе российском, внедряются информационно-цифровые модели обучения. К ним относятся: игровые, информационные, имитационные, исследовательские, компьютерные, контекстные, проблемные, проективные и другие. Педагогическая цифровая инновация: 1) целенаправленное изменение, вносящее в образовательную среду стабильные элементы (новшества), улучшающие характеристики отдельных частей, компонентов и самой образовательной системы в целом; 2) процесс освоения новшества (нового средства, метода, методики, технологии, программы и т.п.); 3) поиск идеальных методик и программ, их внедрение в образовательный процесс и их творческое переосмысление. Педагогические цифровые

инновации предполагают личностный и творческий подход к организации учебного процесса и охватывают всю сферу образования по деятельности преподавателя.

Преподаватель является основным творцом педагогической цифровой инновации. На каждом уровне профессиональной подготовки преподаватель опирается на соответствующие технологии обучения, имеющие свое содержание, и решаящий определенные дидактические задачи.

Внедрение педагогических цифровых инноваций требует определенных цифровых образовательных ресурсов, создаваемых для:

- обеспечения нового качества обучения, направленного на высокую интерактивность за счет наглядности;
- внедрения современных креативных технологий обучения;
- ориентирование на достижение прогрессивных компетенций, побуждающих студентов к самостоятельной учебной деятельности;
- обеспечения многоуровневой подготовки профессионалов при формировании необходимых знаний, навыков и умений;
- учета возрастных психолого-педагогических особенностей обучаемых на каждом из четырех этапах подготовки;
- ориентирования на учебную деятельность, требующую нестандартных решений, в том числе в нестандартных ситуациях;
- организации учебной деятельности как в самостоятельном режиме, так и групповом, направленной на развитие исследовательских функций.

Цифровые образовательные ресурсы должны отвечать следующим требованиям:

- соответствовать руководящим документам;
- соответствовать содержанию конкретного учебника;
- обеспечивать новое качество образования;
- ориентироваться на креативные технологии обучения;
- усилить самостоятельность обучающихся в учебном процессе;

- обеспечивать возможность дифференциации и индивидуализации обучения;
- содержание должно ориентироваться на нестандартные способы решения учебных задач;
- предлагать особые виды учебной деятельности, ориентированные на жизненные ситуации.

Этапы профессиональной подготовки преподавателя: первый – бакалавриат; второй – магистратура; третий – аспирантура; четвертый – профессиональная подготовка.

Первый этап – обучение на бакалавриате.

Задачи. Формирование мировоззренческих знаний. Развитие первичного интереса к профессии. Освоение методик изучения учебных дисциплин. Формирование способностей к общению и деятельности в группе. *Содержание.* Общие знания профессиональной деятельности. Знания, навыки и умения усвоения учебного материала. Развитие самостоятельности мышления. Развитие способностей применения современными информационными технологиями. Развитие способностей к самообучению. *Технологии.* Модульно-компетентностное обучение. Проблемное обучение. Интенсивное обучение. Активное обучение. Знаково-контекстное обучение. Деловая игра. Развивающее обучение. Самостоятельная работа. *Уровень.* Репродуктивный: стремление к освоению стандартного учебного материала и осознание необходимости его применения в практической деятельности.

Второй этап – обучение в магистратуре.

Задачи. Формирование творческой направленности педагогической деятельности. Развитие и углубление интереса к педагогической деятельности. Формирование педагогического общения. Развитие способности анализировать и решать нестандартные педагогические задачи.

Содержание. Специальные психолого-педагогические знания. Знания, навыки и умения по технологии педагогического творчества. Навыки и умения по самостоятельности принятия решений. Развитие способностей к

саморазвитию. Знания, навыки и умения по самоанализу своей деятельности. Знания по основам инновационной педагогики. Знания по методике педагогического исследования. Знания и навыки по основам общения. *Технологии*. Тренинги личностного роста. Кейс-методы. Методики активного обучения. Проблемно-поисковое обучение. Технологии вебинаров. Технологии дистанционного обучения. Ситуационное обучение.

Уровень. Репродуктивно-эвристический. Стремление к освоению педагогических новшеств. Элементы поиска в решении нестандартных педагогических ситуаций. Осознание необходимости самосовершенствования

Третий этап – обучение в аспирантуре.

Задачи. Развитие вариативности педагогической деятельности. Формирование новаторства в педагогической деятельности. Совершенствование инновационности при применении информационных технологий. Развитие общей и педагогической культуры. Формировать креативное мышление.

Содержание. Психолого-педагогические знания и навыки. Знания, навыки и умения по инновационной педагогике. Знания, навыки и умения по методике педагогического исследования. Навыки и умения по педагогическому общению. Навыки и умения по альтернативной организации обучения в вузе.

Технологии. Личностно-ориентированные технологии обучения. Тренинги самопознания и общения. Изучение развивающих технологий обучения. Эвристическое обучение. Тренинги по педагогической технике и технологии. Выбор инновационных методов обучения. Организация самостоятельной работы. Интерпретация авторских курсов обучения. *Online обучение.* *Уровень.* Эвристический. Формирование устойчивого отношения к педагогическим новшествам. Овладение структурными элементами педагогического поиска. Открытость педагогических инноваций.

Четвертый этап – профессиональная подготовка.

Задачи. Совершенствование педагогической деятельности. Развитие педагогического общения. Формирование педагогического мастерства. Освоение технологий инновационной педагогической деятельности в вузе.

Содержание. Освоение методики создания авторских программ. Умения по инновационной педагогике. Умения по педагогике педагогического исследования. Ораторское искусство в педагогической деятельности. Проведение психолого-педагогических исследований. Внедрение инноваций в педагогический процесс. Осуществление коррекции технологий обучения.

Технологии. Дистанционные технологии обучения. Организационно-деятельностные игры. Рефлексивно-инновационный практикум. Разработка авторских программ. Практическая педагогическая деятельность в вузе. Участие в различных формах повышения квалификации и переподготовки. Педагогическое проектирование. Педагогические мастерские и мастер классы.

Уровень. Инновационный. Психолого-педагогическая готовность к аналитической деятельности. Педагогическое мастерство. Творческая активность. Интерактивное обучение.

Вывод. Происходящие в стране социально-экономические преобразования закономерным образом побуждают введение инновационных подходов в систему профессионального образования. Наиболее значимой особенностью современной ситуации в системе профессиональной подготовки является сосуществование двух стратегий организации обучения: традиционной и инновационной. Обе стратегии требуют креативности в своей реализации. Каждый из четырех этапов профессиональной подготовки предполагает применение тех или иных креативных психолого-педагогических технологий на основе цифровизации обучения основой которых является творчество и устремленность в будущее.

Литература

1. Словарь-справочник под общей редакцией П.И. Пидкастого. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 448с.
2. Г.И. Кузнецов, Э.А. Нехвядович. Педагогическая психология. – Учебное пособие. -СПб.: Свое издательство. 2013.- 219 с.

3. Кузнецов Г.И. Психология и педагогика высшей школы. Учебное пособие. – СПб.: - Свое издательство. 2017. – 326 с.

4. Морозов А.В., Чернилевский Д.В. Креативная педагогика и психология: Учебное пособие. – М.: Академический Проект, 2004. – 560 с.

УДК 34.342.9

Коломейцева
Анастасия
Григорьевна

старший преподаватель кафедры
частного и публичного права, АНО ВО
«Волгоградский гуманитарный институт»
E-mail: gou_anastasia@mail.ru

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы цифровизации сферы предоставления государственных услуг. Именно применение цифровых технологий позволит достичь таких целей административной реформы, как оптимизация, повышение эффективности работы органов исполнительной власти, а также удовлетворенности населения качеством государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги, исполнительная информационное общество, электронное правительство, цифровизация государственных услуг, суперсервисы

PROVISION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES IN ELECTRONIC FORM AS ONE OF THE DIRECTIONS OF DIGITIZATION OF THE ACTIVITIES OF STATE AUTHORITIES

Abstract: This article discusses the problems and prospects of digitalization of public services. It is the use of digital technologies that will allow us to achieve such goals of administrative reform as optimization, improving the efficiency of Executive authorities, as well as public satisfaction with the quality of state and municipal services.

Keywords: public services, Executive information society, e-government, digitalization of public services, super services

XXI век называют эпохой информационного общества, и действительно, развитие информационно-телекоммуникационных технологий за последние несколько десятилетий изменило жизнь человечества больше, чем за все предшествующие периоды. Информация стала самым ценным ресурсом и, при этом, самым доступным. Появилось множество профессий, связанных с деятельностью в сети-Интернет. Торговля, развлечения, реклама, межличностное общение – все реализуется в виртуальной реальности. Соответственно, возникает необходимость создания адекватных механизмов управления данной сферой. Государство, как один из важнейших социальных институтов, заинтересовано не только в том, чтобы обеспечить правовое регулирование в информационно-телекоммуникационной среде, но и в том, чтобы стать равноправным, если не доминирующим, участником данных отношений. Применение в деятельности государства, да и любой организационной структуры, электронных технологий позволяет в разы повысить ее эффективность, обеспечить мгновенную передачу и распространение информации, оптимизировать взаимодействие различных органов и, в конечном счете, повысить доверие населения к управленческим структурам за счет более быстрой реализации прав и законных интересов граждан и организаций.

Уже в начале 2000-х годов в нашей стране начали разрабатываться программы «Электронная Россия» и «Электронное правительство». Целью реализации данных программ стало обеспечение доступа к информации о деятельности и услугах органов государственной власти в электронном виде, межведомственное электронное взаимодействие и единый государственный контроль результативности деятельности органов государственной власти. В 2014 году была принята государственная программа «Информационное общество», в том числе, включающая подпрограмму «Электронное государство», целью которой является обеспечение исполнения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляемых в электронной форме, в том числе предоставление гражданам

и организациям государственных, муниципальных и социально значимых услуг (реализации функций), а также повышение эффективности государственного управления, взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий [1]. Кроме того, в настоящее время действует Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. [2]. Ее действие преимущественно направлено на развитие цифровой экономики, но затрагивает и вопросы совершенствования государственного управления в данной сфере. Как отмечает Н.А. Молчанов, разработка вышеперечисленных программных документов стала следствием того, что в 2000 году Россия подписала Окинавскую хартию глобального информационного общества, в соответствии с которым взяла на себя обязательства по обеспечению равного доступа к информации и информационным технологиям, внедрения этих технологий в образование, медицину и экономику [3, с. 126], однако в системе органов исполнительной власти разработка и принятие данных нормативных актов осуществлялись также в рамках административной реформы, направленной на оптимизацию и повышение эффективности работы властных структур.

Принятые государством меры по внедрению информационно-коммуникационных технологий в деятельность публичных органов управления оказали весьма позитивное влияние на сферу предоставления государственных услуг. Юридическое понятие государственных и муниципальных услуг было закреплено в российском законодательстве указом Президента РФ от 09 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», в котором предоставление государственных услуг обозначалось как одна из функций органов исполнительной власти и возлагалось на федеральные агентства [4], однако полноценное правовое регулирование государственные услуги получили с принятием федерального закона от 27 июня 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Если несколько расширить толкование, данное в законе, то государственные и муниципальные услуги можно понимать, как деятельность органов исполнительной власти, местного самоуправления и иных субъектов в пределах предоставленных им полномочий, имеющую нормативный процедурный и индивидуализированный характер, юридически значимый результат, осуществляемую в заявительном порядке, и направленную на реализацию субъективных прав граждан и организаций, получение определенных благ, приобретение правовых статусов, и которая необходима, в конечном счете, для достижения публичных интересов.

Федеральным законом № 210-ФЗ была установлена обязанность публичных субъектов предоставлять государственные и муниципальные услуги не только при личном приеме заявителей, но и в электронном виде. Еще в 2012 году Президент РФ в своем указе «Об основных направлениях совершенствования государственного управления» поставил следующую задачу: доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году должна достичь не менее 70 процентов [5]. В установленный срок эта задача была выполнена.

Для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде был создан специальный сервис в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» - портал gosuslugi.ru. Данный портал представляет собой государственную информационную систему, обеспечивающую предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также доступ заявителей к сведениям о государственных и муниципальных услугах, предназначенным для распространения с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет [6, с. 141].

Правовой основой функционирования портала является постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление

функций)». Данный нормативный правовой акт устанавливает виды доступов заявителя, а также различные возможности предоставления государственных услуг. Работа портала постоянно совершенствуется, для удобства граждан услуги группируются по принципу жизненной ситуации.

На уровне регионов созданы также порталы государственных и муниципальных услуг, предоставляемых, соответственно, органами исполнительной власти субъекта и органами местного самоуправления муниципальных образований субъекта.

Однако в настоящее время перечень государственных услуг, предоставляемых с помощью портала ЕПГУ, отнюдь не является полным. Немалая часть государственных услуг предоставляется в электронном виде лишь частично, например, с помощью информационно-телекоммуникационных систем можно записаться на прием, подать заявление, но установленная административным регламентом процедура получения услуги требует личной явки заявителя на определенном этапе. Как правило, чем сложнее процедура получения услуги, чем больше стадий она предусматривает, тем вероятнее, что данная услуга не будет полностью представлена в электронном виде. Причины этого имеют разный характер: во-первых, технический, во-вторых, юридический. Что касается проблем технического характера, то уровень информатизации и цифровизации различных сфер жизни в России до сих пор не достиг оптимальных значений, в работе портала государственных услуг нередки сбои, а, например, оформление с его помощью социальных выплат в связи с эпидемией COVID-19 весной 2020 года, вообще парализовало работу портала на несколько дней. Для портала разработано также мобильное приложение, позволяющее получить доступ к госуслугам с любого мобильного устройства, однако оно зачастую работает некорректно.

Правовые проблемы являются прямым следствием проблем технических. Государственные структуры, осознавая нерешенность вопросов быстроты и бесперебойности работы портала, полной интеграции баз данных различных органов, хранения информации, обеспечения безопасности персональных

данных в личных кабинетах пользователей и т.д., продолжают параллельно с электронным вести традиционный бумажный документооборот, что, как правило, и требует личной явки получателя услуг и порождает внесение соответствующих норм в административные регламенты предоставления государственных услуг.

По мнению Н.Ф. Поповой, достижение поставленных государством целей возможно лишь путем трансформации электронного правительства в цифровое, в том числе, в сфере предоставления государственных услуг, а в настоящее время предоставление госуслуг в электронном виде нельзя назвать цифровизацией, поскольку продолжает действовать традиционный принцип их предоставления на основе документов, в то время, как цифровые технологии работают на основе данных. Автор отмечает, что выгоды цифровизации госуправления будут реализованы только при соблюдении требования, что цифровыми станут все стадии процесса госуправления, уровни и функции управления. Цифровизация подразумевает переход к данным, сервисам и инфраструктуре совместного использования органами госуправления [7, с.50].

Только при таком подходе возможно проактивное предоставление государственных услуг – не по инициативе услугополучателя, а в результате его уведомления о возможности получения соответствующей услуги.

Перспективами цифровизации государственных услуг являются также использование технологии блокчейн, позволяющей обеспечить безопасность хранения данных, технологий искусственного интеллекта, предоставляющего возможность обрабатывать массивы больших данных, создавать различные прогнозы и т.д., перевод всех государственных услуг в электронный вид, обеспечение идентификации пользователей на портале на основе биометрических данных.

Еще одним важным направлением цифровизации государственных услуг является создание на портале госуслуг так называемых суперсервисов, которые значительно расширят сферу предоставления государственных услуг и позволять осуществлять множество действий, включая, например, участие в

судопроизводстве, поступление в вуз и т.д., не выходя из дома. Внедрение десяти суперсервисов, таких, как «Правосудие онлайн», «Рождение ребенка», «Переезд в другой регион», «Поступление в вуз онлайн» планируется завершить в 2024 году. Суперсервис будет включать весь перечень государственных и муниципальных услуг на основе жизненной ситуации, при этом органы публичной власти, предоставляющие услугу, сами подберут и получат документы, необходимые для ее оказания, с помощью суперсервиса будут автоматически формироваться заявления, получатель услуги будет уведомляться о необходимости их подписания, оплаты государственной пошлины, гражданин сможет единовременно получить результат оказания нескольких услуг на основе одной жизненной ситуации.

Таким образом, именно цифровизация государственных услуг может стать важным шагом на пути к построению информационного государства и информационного общества.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
3. Молчанов Н.А. Правовое регулирование науки и образования в интересах национальной безопасности в условиях сетевого общества // Lex russica. 2019. № 11. С. 124 - 130.
4. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

5. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.

6. Логинова А.С., Шубина Е.А. Предоставление электронных государственных услуг в Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Российский юридический журнал. 2018. № 4 (121). С. 137-144.

7. Попова Н.Ф. Необходимость цифровизации государственного управления в РФ // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 48 - 53.

УДК 330.34.01

Ипатова
Анна
Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории, Южный федеральный
университет
(344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88)
E-mail: ipatova_a_v@mail.ru

Кобелева
Диана
Андреевна

Бакалавриат, направление «Экономика»,
Южный федеральный университет
(344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88)
E-mail: kobeleva.diana14@yandex.ru

О ТЕНДЕНЦИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНДУСТРИИ 4.0: УГРОЗЫ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ

Аннотация: современная стадия экономического развития активно демонстрирует включение в факторы экономического роста тенденций цифровизации. Кроме того, человечество постепенно переходит на новую ступень промышленной революции – в различных областях, в том числе и в экономике, где уже сейчас используются информационные технологии, облачные вычисления, роботизация, интернет вещей. Несомненно, происходящие процессы улучшают функционирование экономической системы не только на макроуровне, но и с точки зрения глобализационных процессов, однако, рассматриваемые тенденции цифровизации формируют возможные угрозы, анализируемые в настоящей статье, и актуализируют внимание к

вариантам минимизации рисков применения технологий Индустрии 4.0 в бизнесе.

Ключевые слова: индустрия 4.0, цифровизация общества, социальные вызовы, бизнес-процессы, инновации, цифровые технологии, новейшие технологии, экономическое развитие

DIGITALIZATION TRENDS IN THE CONTEXT OF INDUSTRY 4.0 TECHNOLOGIES: THREATS AND SOLUTIONS

Abstract: the current stage of economic development actively demonstrates the inclusion of digitalization trends in the factors of economic growth. In addition, humanity is gradually moving to a new stage of the industrial revolution – information technologies, cloud computing, robotics, and the Internet of things are already being used in various fields, including the economy. Undoubtedly, the ongoing processes improve the functioning of the economic system not only at the macro level, but also from the point of view of globalization processes, however, the considered trends of digitalization form possible threats analyzed in this article, and actualize attention to options for minimizing the risks of using Industry 4.0 technologies in business.

Keywords: industry 4.0, digitalization of society, social challenges, business processes, innovations, digital technologies, latest technologies, economic development

В настоящее время многие предприниматели, ведущие бизнес, уделяют все большее внимания поиску инструментов, методов перехода компаний к устойчивому развитию. То есть их усилия направлены на создание необходимых условий для осуществления совокупности изменений, направленных на повышение эффективности деятельности за счет разработки таких процессов производства, которые бы поддерживали экологическую безопасность, а также удовлетворяли бы потребности общества. Такие изменения станут доступны только после радикальных изменений в бизнесе, которые могут обеспечить технологии Индустрии 4.0.

Технологии Индустрии 4.0 включают в себя интернет-технологии, роботизацию, интернет вещей. Также сюда входит технология BigData – Позволяет собирать и анализировать данные об отдельных пользователях, делать персональные предложения на основе истории покупок, способствует углублению персонализации. При помощи мониторинга компании внимательно

изучают предпочтения клиентов и оптимизируют процесс продаж. Технология регистрирует регулярные или случайные явления в сети, связанные с определенными явлениями и процессами [1]. Еще одно достижение Индустрии 4.0, которая активно применяется в бизнесе уже сейчас - технология Blockchain. Она представляет информацию как упорядоченную базу данных в виде системы блоков. Блоки, в которых находятся данные, почти невозможно взломать. Данные хранятся не на одном сервере, а на различных компьютерах сети, что обеспечивает высокий уровень безопасности хранения информации. Технологию Blockchain можно применять для осуществления денежных транзакций, покупки товаров и услуг, заключения сделок, передачи конфиденциальной информации, хранения документов и др. [2].

Следует отметить, что в России ежегодно повышается число граждан в возрасте от 16 до 55 лет, совершающих покупки или же приобретающих услуги через интернет (Рис. 1).

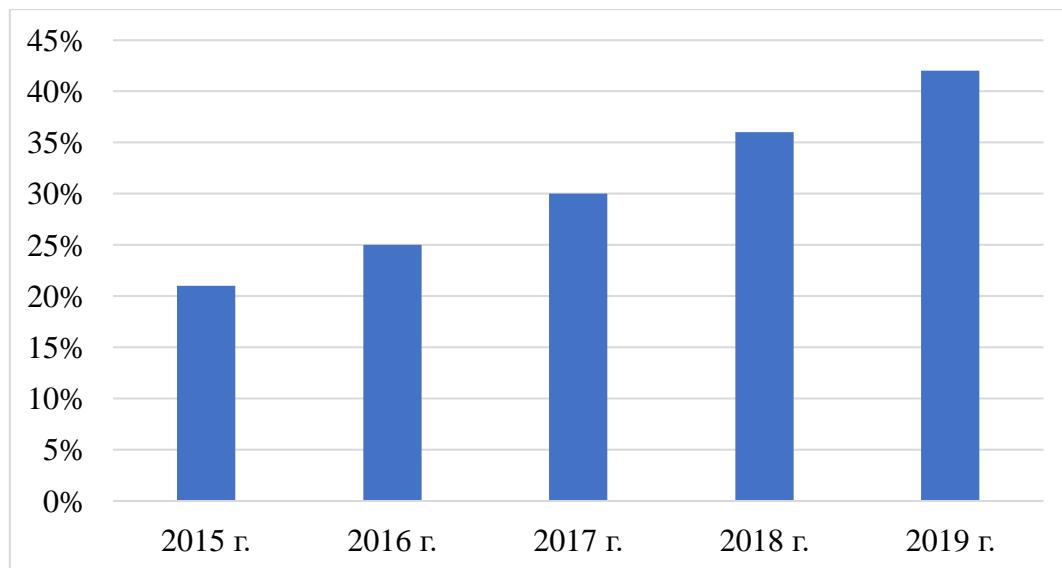

Рисунок 1 – Доля онлайн покупателей в России за 2015-2019 г., % [2].

Так, к 2019 г. доля россиян, совершающих покупки онлайн, составляет 42%. Значение данного показателя с 2015 г. возросло на 21%, что говорит о возрастании популярности использования интернет-технологий в бизнесе.

Несомненно, использование технологий Индустрии 4.0 в бизнесе может принести ряд положительных результатов: возможность оптимизировать бизнес-процессы, совершенствовать взаимодействие с пользователями,

принимать рациональные решения; рост объемов продаж и аудитории потребителей, следовательно, повышение уровня прибыли; сокращение издержек на организацию бизнеса; образование новых каналов маркетинга и сбыта товаров; отсутствие географической привязки; экономия времени при выборе товара [3].

Однако применение технологий Индустрии 4.0 в бизнесе может привести к ряду проблем. К ним относятся [4]:

- проблема безопасности осуществления финансовых сделок и передачи личной информации – причинами недостаточной безопасности являются недостаточная подготовка сотрудников к использованию технологий в бизнесе, низкая киберграмотность населения, создание новых способов кражи информации и денежных средств;
- недостаток ИТ-специалистов – по данным Фонда развития интернет-инициатив к 2027 г. рынок электронной торговли испытает нехватку около 2 млн. ИТ-специалистов;
- несовершенство российского законодательства – существуют проблемы регулирования информационного пространства;
- наличие психологического барьера у некоторых покупателей – потребители не могут тщательно рассмотреть товар вживую или же с опасением относятся к новым технологиям, не уверены в их безопасности.

Рассмотренные выше проблемы требуют проведения ряда мероприятий, призванных не допустить их наступление. Возможными способами устранения данных угроз могут быть [5]:

- создание отраслевых, региональных и международных систем обеспечения кибербезопасности за счет усиления межстранового информационного обмена, принятие новых законов, направленных на противодействие киберпреступности;
- направление средств на увеличение объемов подготовки ИТ-специалистов, специалистов по интернет-маркетингу и рекламе;

- доработка законодательства, принятие более точных законов и введение более жестких мер за правонарушения в цифровом пространстве;
- предоставление покупателям возможности максимально изучить товар или услугу путем проведения подробных обзоров на них; передача наиболее полной и достоверной информации.

Таким образом, одним из трендов экономики в настоящее время является использование технологий Индустрии 4.0 в бизнесе, они позволяют компаниям осуществлять деятельность более эффективно и быть наиболее конкурентоспособными. Однако, несмотря на значимые преимущества, применение технологий Индустрии 4.0 в бизнесе связано с рядом проблем. В этой связи особое значение в формировании условий для устойчивого развития экономической системы в условиях цифровизации имеет роль государства как инициатора проведения «институционального проектирования» [6], что актуализирует направленность дальнейших исследований в области теории экономического развития.

Литература

1. Михайлов А.А., Горюнова Л.А., Цветкова Л.А. Цифровизация коммерческой деятельности в компаниях // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 10А. С. 472480. 8
2. Арланова А. А. Развитие электронного бизнеса: мировой и национальный опыт// Экономический журнал. 2018. № 3 (31). С. 75-83. 5
3. Русаяева Д.О., Ядова Н.Е. Эффективные коммуникации в электронной коммерции // Европейский журнал социальных наук, 2018, №7(2). С. 41-48 7
4. Беляков К. С. Цифровая экономика России: проблемы и перспективы // Информационное общество: состояние, проблемы, перспективы: Материалы V ежегодной Всероссийской научно-практической интернет-конференции. М.: Изд-во РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 61–67. 9

5. Трачук А.В., Линдер Н.В., Тараков И.В. Трансформация промышленности в условиях четвертой промышленной революции /Под ред. А.В. Трачука. СПб.: Реальная экономика. 2018. 146 с.

6. Ипатова А.В. Контекстный анализ неоиндустриализации как инструмент целеполагания промышленной политики в рамках институционального проектирования //Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №2. С.117-122.

УДК 364.075.71

Захаров
Данила
Сергеевич
кандидат философских наук, преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский
институт управления и экономики.
e-mail: d.zaharov@tmei.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НЕКОММЕРЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

Аннотация: Представлены основные проблемы, с которыми сталкиваются некоммерческие организации в процессе внедрения цифровых технологий в свою деятельность, кратко описаны методы преодоления барьеров в развитии некоммерческого сектора в условиях глобальной цифровизации.

Ключевые слова: некоммерческие организации, цифровые технологии, НКО, цифровизация, технологические инновации.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE NON-PROFIT SECTOR

Abstract: The main problems by non-profit organizations in the process of introducing digital technologies into their activities are presented, methods of overcoming barriers in the development of the non-profit sector in the context of global digitalization are briefly described.

Key words: non-profit organizations, digital technologies, NPOs, digitalization, technological innovation.

В некоммерческом секторе существует огромная потребность в технологиях как способе развития эффективного и действенного функционирования. Для интеграции технологических инноваций и улучшения

предоставления услуг крайне важно, чтобы НКО преодолели нехватку финансирования и ресурсов, наладили цифровые каналы взаимодействия с бизнесом и государством. Важно отметить, что система государственного управления, стоит на пороге цифровой трансформации, о чём свидетельствует постановление Правительства РФ «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами»[1].

Цифровые технологии постепенно включаются в некоммерческий сектор с целью повышения качества предоставления социальных услуг. Сам процесс цифровизации НКО включает не только приобретение оборудования и программного обеспечения, но целый комплекс трансформаций в корпоративной культуре, управлении, экономике, праве и социальных взаимодействиях [2, с.50]. С другой стороны, на пути цифровизации НКО существует ряд барьеров. Интеграция цифровых технологий в некоммерческом секторе предоставляет новые горизонты не только самим НКО, но и государственным социальным службам, которые в процессе информационного взаимодействия с НКО могут совершенствовать методы повышения качества предоставляемых услуг и повышать эффективность своей работы.

Хотя некоммерческие организации в России включают цифровые технологии в свою повседневную работу, все еще остается неиспользованный потенциал [3, с.59]. В результате устойчивого роста социальные сети становятся все более важными инструментами для некоммерческих организаций. Роль социальных сетей в некоммерческом секторе повышение осведомленности и проведение информационной работы.

Технологические инновации в области мобильных, информационных и облачных решений предоставляют некоммерческим организациям возможность сократить время и затраты, необходимые для эффективного предоставления услуг, сбора средств и привлечения заинтересованных сторон [4]. Современные информационные технологии, которые большинство некоммерческих

организаций используют для предоставления услуг, включают сайты, системы электронной почты и базы данных. Однако мобильные технологии и программные системы, которые позволили бы специалистам социальной сферы улучшить коммуникацию с благополучателями и получить доступ к информации за пределами сайта, используются немногими некоммерческими организациями.

Хотя некоммерческие организации интегрируют базовые технологии в свою деятельность, степень внедрения обновленных технологий должна расти. Сочетание больших данных и мобильных решений позволит специалистам социальной сферы предоставлять услуги быстрее и охватывать больше благополучателей. Использование больших данных и информации для обоснования программных методов и методов предоставления социальных услуг имеет важное значение для масштабирования успешных проектов.

Чтобы стимулировать сбор средств, большинство некоммерческих организаций полагаются на поддержку фондов, специальные мероприятия и крупных спонсоров. Единственный тип сбора средств, который постоянно растет - это онлайн-пожертвования. Мобильные технологии, в частности приложения с функцией обмена текстовыми сообщениями, являются упущеной возможностью для сбора средств для некоммерческих организаций. Мессенджеры становятся все более популярными каналами для доноров, чтобы они вносили свой вклад в благотворительность [4].

Мобильные функции, позволяющие некоммерческим организациям охватить большее число потребителей, включают разработку мобильных веб-сайтов и приложений для смартфонов. Однако перед внедрением некоммерческие организации должны сначала оценить, соответствует ли мобильная технология их организационным целям. Помимо предоставления более качественных услуг клиентам и увеличения усилий по сбору средств, интеграция мобильных технологий в деятельность позволит некоммерческим организациям создать более прочное сообщество и способствовать лучшему взаимодействию с донорами.

Недостаток знаний является самой большой преградой на пути для технического прогресса, образование необходимо для того, чтобы научить некоммерческие организации связывать задачи социального воздействия с технологическими инновациями, выявлять причины и последствия технологических инвестиций, которые приводят к предполагаемому социальному воздействию, и обучать персонал мобильным технологиям.

Нехватка ресурсов также объясняет неспособность некоммерческих организаций интегрировать передовые технологии в свою деятельность. Чтобы повысить уровень освоения технологий, некоммерческие организации должны не только стремиться к образованию, но и сотрудничать в различных секторах, чтобы лучше управлять и приобретать новые ресурсы. Три причины сокращения ресурсов включают усиление конкуренции со стороны других некоммерческих организаций за предоставление услуг, повышение требований со стороны спонсоров к предоставлению отчетов о результатах и других данных, а также расширение полномочий регулирующих органов. Кроме того, недостаток трёх главных ресурсов, с которыми столкнулись некоммерческие организации, были связаны с отсутствием финансирования, времени и ИТ-персонала. Расходы на технологии составляют небольшую долю в годовом бюджете некоммерческих организаций. Стоимость является вторым по величине препятствием для внедрения технологии облачных вычислений. В частности, ключевые проблемы для некоммерческих организаций для развития и поддержания инноваций - это отсутствие столь необходимых ресурсов, таких как растущий бюджет, и тенденция государственных фондов поощрять инновации, но финансово не поддерживать их [3, с.60].

Перед финансирующими организациями стоят те же задачи, что и перед некоммерческими организациями, поскольку они должны быть информированы о быстро меняющемся технологическом ландшафте и получать информацию о потенциальном воздействии технологий на некоммерческие организации. В результате многие финансирующие организации обладают ограниченным опытом и знаниями о роли технологий в обслуживании

благополучателей и улучшении операционной деятельности. Спонсоры не знают о преимуществах технологических тенденций и поэтому не разрабатывают планы финансирования технологий. Кроме того, финансирующие организации сталкиваются с конкурирующими приоритетами финансирования и отсутствием ясности в отношении того, как организации будут использовать технологии для достижения результатов социального воздействия.

В целом некоммерческие организации сталкиваются со значительными проблемами, такими как отсутствие образования и ресурсов в сочетании с ограниченной осведомленностью финансирующих организаций, перед лицом внедрения технологических инноваций [3]. В ответ на сложный технологический ландшафт современности это мешает организациям оптимизировать технологические предложения.

Генерация новых идей поможет некоммерческим организациям внедрить инновационные технологии в сектор социальных услуг. Первое образовательное направление должно быть ориентировано на руководителей некоммерческих организаций для выявления технологических проблем в некоммерческом секторе и оказания им помощи в выборе и применении технологических решений для решения проблем. Второе направление будет заключаться в том, что бы направить ИТ-специалистов для решения технологических проблем, с которыми сталкиваются некоммерческие организации, узнавать о новых и появляющихся технологиях и делиться опытом решения проблем в некоммерческом секторе.

Интеграция технологий предоставляет некоммерческим организациям метод для достижения лучших результатов в области предоставления услуг, сбора средств, охвата целевой аудитории и коммуникации. Специалисты социальной сферы получат выгоду от внедрения технологий в некоммерческом секторе, сокращая время, необходимое для планирования и проведение мероприятий. Получая образование о потенциале технологий для охвата большего числа благополучателей, выступая за создание совместных

инноваций и начав сотрудничество с донорами, коммерческим и государственными секторами, можно преодолеть барьеры и усилить социальный эффект благотворительных проектов.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 10 октября 2020 года №1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/PmS49R3XvRyqFjxbcEkILUTuQPyOO83B.pdf> (дата обращения 17.10.2020).
2. Вишнева К.В. Цифровизация некоммерческого сектора // Ученые заметки ТОГУ. 2019. Т.10. №4. С.49-52. Режим доступа: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 17.10.2020).
3. Будко А.С., Родин А. В. Межсекторное взаимодействие в условиях цифровизации экономики региона// Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. №7 (33). Режим доступа: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 15.10.2020).
4. Digital technology in the not-for-profit sector. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2019-10/apo-nid265681.pdf> (дата обращения 17.10.2020).

Гришина
Валерия
Владимировна

преподаватель Уральского государственного
экономического университета
e-mail: valeria902010@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: В период пандемии коронавируса происходит всестороннее изменение построения модели взаимоотношений производителя и потребителя, которое, безусловно, станет вектором инновационного развития. Внедрение цифровых платформ в этой связи выступает инструментом цифровизации экономического развития, которое является драйвером изменения процесса формирования стоимости для всех участников рыночных отношений.

Ключевые слова: инструменты инновации, драйвер, цифровые платформы.

DIGITAL PLATFORM AS A TOOL FOR DEVELOPING AN INNOVATIVE ECONOMY

Abstract: During the coronavirus pandemic, there is a comprehensive change in the model of relations between the manufacturer and the consumer, which will certainly become a vector of innovative development. In this regard, the introduction of digital platforms is a tool for digitalizing economic development, which is a driver of changes in the process of value formation for all market participants.

Keywords: innovation tools, driver, digital platforms

Одно из основных последствий пандемии коронавируса является достаточно быстрое переустройство существующей модели экономического развития. Сложившаяся ситуация выступила стимулом для перехода Российской Федерации на новый этап инновационного развития во всех секторах экономики. На данный момент существует несколько показателей, оценивающих уровень цифровизации, например: уровень доступности широкополосного интернета, использование облачных сервисов, работа с большими данными и т.д.

Для того, чтобы провести анализ готовности российских бизнес-структур к более глобальным изменениям на пути к повышению уровня цифровизации, следует рассмотреть следующие показатели (Таблица 1):

Таблица 1 – Выборка по показателям готовности российских компаний к цифровой трансформации¹⁰⁴

Показатель	2017 год	2018 год	2019 год
Организации, имеющие веб-сайт, %	47,4	50,9	51,9
Организации, использующие Интернет, %	88,9	91,1	91,2
Затраты организаций на приобретение программных средств, % (от общих затрат на ИКТ)	18,9	18,1	20,2*
Затраты организаций на оплату услуг сторонних организаций и специалистов по информационным и коммуникационным технологиям, % (от общих затрат на ИКТ)	25,3	26,6	28,1*
Затраты организаций на обучение сотрудников, связанное с развитием и внедрением ИКТ, % (от общих затрат на ИКТ)	0,4	0,3	0,5*

Анализируя, показатели, характеризующие уровень цифровизации российских компаний, следует сказать о том, что динамика затрат на внедрение ИКТ, в общих чертах, положительная, но далеко недостаточная для того, чтобы конкурировать с европейскими и мировыми компаниями по данному показателю. Также отметим, что если рассматривать показатель использования Интернета хозяйствующими субъектами в России, то ЦФО занимает лидирующие позиции за последние три года, далее следует ПФО, а замыкает этот список СКФО.

Современное состояние уровня цифровизации, к сожалению, не позволяет Российской Федерации в стать полноправным игроком на современных мировых рыночных площадках, так как на них уже продолжительное время формируются иные цепочки создания стоимости

---

¹⁰⁴ Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2020)

товаров и услуг, в основе которых лежит использование новейшие достижения в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Сегодня многие компании пытаются автоматизировать работу управленческого аппарата, посредством внедрения в их работу различных сервисов и приложения, которые, в свою очередь, безусловно, упрощают работу, но это только лишь отдаленно связано с повышением уровня цифровизации организаций. Для того, чтобы обеспечить повышение экономической эффективности деятельности любого хозяйствующего субъекта необходимо создавать и внедрять именно цифровую инфраструктуру. Одним из наиболее развивающихся ее структурных элементов является цифровая платформа.

Рассмотрим изменение взглядов на эту экономическую категорию в ретроспективе (Таблица 2):

Таблица 2 – Определения цифровых платформ

Авторы	Определения цифровых платформ
N. Srnicek, (2017) [1]	Цифровая инфраструктура, которая осуществляет перечень определенных работ в направлении осуществления взаимодействия нескольких групп
J.J. Yun et all (2017) [2, с. 805-826]	Некие экономические экосистемы, определяющие направления прогрессивного регионального развития
Специалисты ООН (2018) ¹⁰⁵	Площадка, предоставляющая функциональную инфраструктуру для обеспечения слаженного механизма взаимодействиями между различными группами пользователей
A.Mackenzie, (2018) [3, с. 36-53]	Важный инструмент в реализации экономических процессов, осуществляющий работу с большими данными
E. Penttinen et all, (2018) [4, с. 479-509]	Площадка, предоставляющая услуги связи, а также различные специализированные услуги для бизнеса, а также, обеспечивающая обмен данными
F. Huang, H. Yang, J. Tao, Q. Zhu (2020) [5]	Площадка, реализующая комплекс услуг, направленных на упрощение процесса обработки информации различных приложений, в целях обеспечения экономического роста организации

¹⁰⁵ Увеличение выгод электронной торговли и цифровых платформ для развития // Доклад межправительственной группы экспертов по электронной торговле и цифровой экономике (ООН), г. Женева, 18-20 апреля 2018 г.

Проведя анализ существующих взглядов на определения цифровой платформы, был расширен теоретический аппарат этого инструмента экономики инноваций, который определяет цифровую платформу как технологическую инфраструктуру, ориентированную на повышение экономической эффективности межфирменных взаимодействий, основанную на использовании поливариантных алгоритмов и технологий во всей цепочке производства и реализации товаров и услуг [6, с. 1234].

Говоря, о цифровых платформах, как об инструментах развития в экономике, следует отметить, что они являются структурным элементом в системе цифровой трансформации бизнеса (Рисунок 1):

Рисунок 1 – Система цифровой трансформации бизнеса

В 2020 году мир потрясла пандемия коронавирусной инфекции (COVID- 19), которая заставила пересмотреть отношение компаний к внедрению и использованию цифровых инструментов, которые, в это непростое для экономической системы время, выступили единственным возможным способом продолжения своей профессиональной деятельности во всех областях бизнеса и не позволили организациям продолжить стагнацию. Выход из экономического кризиса возможен только лишь при условии активного создания, внедрения и использования цифровых платформ и формирования цифровых экосистем.

В итоге, реализация идей создания цифрового общества окажет огромное влияние на изменение конфигурации способов и методов построения бизнес-структур, а также повлияет на способы и скорость принятия управленческих решений. Эти процессы повлекут за собой изменение существующей модели получения доходов в Российской Федерации, так как смогут осуществить структурные изменения в составе валового внутреннего продукта посредством внедрения инновационных разработок.

Литература

1. Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge, UK: Polity Books. 2017;
2. Yun JH.J., Won DK, Park KB., Yang JH., Zhao X. Growth of a platform business model as an entrepreneurial ecosystem and its effects on regional development // European Planning Studies. 2017. Vol. 25.P. 805–826;
3. Mackenzie A. 48 million configurations and counting: platform numbers and their capitalization // Journal of Cultural Economy. 2018. Vol.11.P. 36–53;
4. Penttinen E., Halme M., Lyytinen R., Myllynen N. What Influences Choice of Business-to-Business Connectivity Platforms? // International Journal of Electronic Commerse. 2018. Vol. 22.P. 479–509;
5. Huang F., Yang H., Tao J., Zhu Q. Universal workflow-based high performance geo-computation service chain platform // Big Earth Data. 2020. <https://doi.org/10.1080/20964471.2020.1776201>;
6. Попов Е.В., Симонова В.Л., Гришина В.В. Типология цифровых платформ межфирменных взаимодействий // Экономический анализ: теория и практика. – 2020. – Т. 19, № 7. – С. 1231 – 1248.

УДК 329.273

Гонтарева
Дарья
Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории и предпринимательства,
Южно-российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
E-mail:dng61rnd@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ КОНКУРЕНТНОСТИ И ПРОЗРАЧНОСТИ

Аннотация: В современных условиях закупки играют важную роль в экономической политике, как на муниципальном, так и на федеральном уровне. Закупки являются инструментом, используемым, органами власти для регулирования социально-экономической ситуации. От развития системы государственных закупок зависит эффективность использования бюджетных средств.

Ключевые слова: система государственных закупок, цифровизация закупочной деятельности, новые технологии в закупках, бюджет, электронные торги.

DIGITALIZATION OF THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM AS A TOOL TO INCREASE ITS COMPETITIVENESS AND TRANSPARENCY

Annotation: In modern conditions, procurement plays an important role in economic policy, both at the municipal and federal levels. Procurement is a tool used by the authorities to regulate the socio-economic situation. The efficiency of using budget funds depends on the development of the public procurement system.

Key words: public procurement system, digitalization of procurement, new technologies in procurement, budget, electronic bidding.

Важным инструментом государственного регулирования экономики являются государственные закупки, поэтому их трансформация это важная составляющая цифровизации всей экономической системы. Государственные закупки играют важную роль при формировании и расходовании бюджетных средств, поэтому создание прозрачной системы государственных закупок одна из первостепенных задач государства.

Система государственных закупок Российской Федерации имеет множество проблем и путем постоянного изменения законодательства о контрактной системе и внедрения новых инструментов продолжает развиваться и модернизироваться, этому способствует и цифровизация.

Согласно словарям цифровизация – это цифровая форма передачи информации, в отношении системы государственных закупок под «цифровизацией» подразумевается полный перевод закупочной деятельности на электронные рельсы или система «одной кнопки».

Цифровизация государственных закупок – это процесс внедрения передовых технологий в закупках, путем изменения инструментов, способов закупок, внедрение цифровых платформ, обеспечивающих рациональное взаимодействие всех хозяйствующих субъектов.

На сегодняшний день цифровизация (диджитализация) - основной инструмент повышения эффективности и результативности закупок.

Цифровизация системы государственных закупок прошла ряд этапов.

1-й этап (2008 - 2013гг.). На данном этапе было принято распоряжение Правительства от 17.11.2008 № 1662-р, главной целью которого это инновационный путь развития российской экономики, путем масштабного технологического обновления всех отраслях хозяйства, формирование конкурентоспособного национального сектора и внедрение научных разработок как вектор инновационного поведения всех субъектов хозяйствования. Также на данном этапе внесены изменения в Закон № 94-ФЗ (1 января 2011 года), согласно которым заказчики на региональном и муниципальном уровне должны закупать необходимые им товары и услуги на [открытых электронных аукционах](#) на едином портале zakupki.gov.ru, основная цель изменений – повышение прозрачности и гласности закупок.

2-й этап (2014 – 2015 гг.). Принятие в 2014 году Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) и заложившим основные принципы контрактной системы:

ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок, открытость, прозрачность информации, стимулирование инноваций, единство контрактной системы в сфере, обеспечение конкуренции, профессионализм заказчиков.

Для реализации указанных принципов введено единое информационное пространство всей системы [государственных закупок](#) - единая информационная система в сфере закупок (ЕИС) (размещение сведений о закупках в соответствии с Законами [№ 44-ФЗ](#) и [№ 223-ФЗ](#)), обеспечивающая процесс осуществления закупок в автоматическом режиме (начиная от размещения извещения и заканчивая этапом исполнения контракта).

3-й этап (2016-2018 гг.). В 2016 году ОЭСР обозначает один из принципов государственных закупок цифровых технологий, т.е. адаптация государственных закупок к новым технологиям и методам (программное обеспечение с открытыми источниками, новые формы партнерства государства и бизнеса) в рамках 12 принципов Инструментария цифрового правительства.

В 2017 году Указом Президента поставлена цель о формировании цифрового общества путем внедрение технологий обработки данных (электронных технологий) для уменьшения расходов при выполнении работ, оказании услуг и выпуске товаров. Также Правительством принимается программа «Цифровая экономика в Российской Федерации», которая предопределяет вектор государственной политики по формированию цифровой экономики.

Таким образом, трансформация государственных закупок сегодня идет по следующим направлениям: внедрение цифровых платформ из бизнес процессов; автоматизация всех действий заказчиков и поставщиков; информационная безопасность; инновационная направленность системы государственных закупок; поддержка субъектов малого предпринимательства.

4-й этап (2019 – по настоящее время). Все закупки переведены в электронную форму (кроме контрактов с единственным поставщиком) и

регистрация в ЕИС для участников государственных закупок стала обязательной (ЕРУЗ).

Таким образом, процесс цифровизации системы государственных закупок активно продолжается и позволит в будущем минимизировать существующие проблемы, в т.ч. субъективный фактор, тем самым повысить эффективность всей закупочной системы. Тем более, новшества в закупках, продиктованы технологическим развитием предпринимательского сектора и государственного управления.

На сегодняшний день система государственных закупок это колоссальный пласт информации, о чем свидетельствуют такие данные как: 5 млн. контрактов (21,6 трлн. рублей), 2 млн. пользователей системы, 340 Тбайт данных, более 220 млн. ед. (к ЕИС) запросов в сутки. Это объем продолжает увеличиваться с каждым днем, поскольку добавляется новый функционал в ЕИС (электронный контракт и циклы закупки) [1].

Объем закупок в Российской Федерации увеличивается ежегодно, по аналитическому отчету Министерства финансов РФ объем государственных закупок в РФ в первой половине 2020 года вырос по сравнению с аналогичным показателем прошлого года на 34% (до 4,1 трлн. рублей - заключено 1,7 млн. контрактов, в 2019 году 3 трлн. рублей - 1,7 млн. контрактов). В то же время в I половине 2020 года в ЕИС в сфере закупок государственными заказчиками было размещено только около 1 млн. извещений о проведении закупок с общим стоимостным объемом 4,7 трлн. рублей (это на 38% меньше в количественном выражении и на 7% больше в стоимостном выражении аналогичных показателей прошлого года (1,6 млн. извещений на 4,4 трлн. рублей)) [2].

При этом, в большинстве случаев для проведения закупок использовались процедуры электронного аукциона (939 тыс. извещений на 3,8 трлн. рублей) и открытого конкурса в электронной форме (16,2 тыс. извещений на 354 млрд. рублей).

Сегодня можно оценить положительные и отрицательные черты цифровизации системы государственных закупок.

Среди положительных черт: новый уровень закупок по технологиям в рамках цифровизации всей экономики России; максимальная прозрачность и снижение коррупционных рисков; электронный документооборот, сокращение издержек автоматизация и стандартизация процесса; соблюдение принципов контрактной системы (гласность, конкуренция).

Среди отрицательных черт: дополнительные расходы с оплатой электронной площадки и наличием усиленной квалифицированной электронной подписи, для СМП и СОНО; необходимость привлечения квалифицированных кадров, обладающих навыками работы с электронной информацией; не все закупки, возможно, перевести в электронный формат (закрытые конкурсы и аукционы).

Электронный формат системы государственных закупок очевиден, но необходимо и дальше осуществлять ее цифровизацию. Среди инструментов способствующих трансформации системы закупок можно назвать следующие.

Внедрение системы «Независимый регистратор», которая записывает экран компьютера после скаченного с ЕИС установочного файла (запись только по URL (адреса только электронных площадок)), т.е. все действия на электронной площадке фиксируются как видео, можно хранить на своем компьютере или доверить эту информацию системе «Независимый регистратор». Кроме того, в системе зафиксирована информация, передаваемая электронными площадками (вход в личный кабинет, подача ценового предложения и т.д.)

Внедрение в систему закупок блокчейна как реестра, который сохраняет и передает информацию с высокой степенью безопасности. Блокчейн позволит в полной мере реализовать принципы закупок, такие как: прозрачность (контролирующие органы получат доступ ко всем стадиям закупочного процесса и соответствующих документов); обеспечение конкуренции (хранение сведений в зашифрованной форме на серверах, что исключает фальсификацию или удаление данных); стимулирование инноваций (автоматизация всех

процедур). Но использование данной технологии основывается на дорогостоящем оборудовании и высоком энергопотреблении.

Еще одной важной технологией для системы государственных закупок – смарт-контракт, детальное описание договорных обязательств и контроль их выполнения сторонами. Смарт-контракт – это компьютерная программа, отслеживающая условия указанные в контракте (штрафные санкции, ответственность сторон, права и обязанности), а также с помощью оракулов – сервисов, смарт-контракт имеет онлайн доступ к экономическим показателям (курс валюты, изменение цен, платежи). Фактически смарт-контракт работает по принципу вендингового аппарата.

Следующая технология – это искусственный интеллект, обеспечивающий автоматизацию процесса закупок — от анализа расходной части (сведения и информация) и поиска подходящих исполнителей до управления закупками (процесс запроса, размещения закупки, управления контрактами и поставщиками, а также доставки продукта (услуги) за пару кликов, обрабатываемых при минимальном участии людей) и счетами.

Виртуальные собеседники как имитация поведения человека при общении с несколькими участниками закупок, так называемые чат-боты, также прочно вошли в систему государственных закупок. Например, на электронной площадке «РТС-тендер» работает чат-бот в виде диалогового интерфейса для участников закупок, органов контроля и экспертов, предоставляющий всю информацию о закупках. На портале поставщиков Правительства Москвы круглосуточно работает чат-бот, ориентирующий пользователей на сайте и отвечающий на основные вопросы о закупках (от регистрации на сайте до заключения контракта с заказчиком).

Еще одна технология анализа и оценки для участия в конкретной закупке – это предиктивная аналитика по закупкам, осуществляющая прогноз конкуренции, прогноз снижения цены и прогноз заключения контракта по закупке, позволяет оценить возможности участников закупок.

Когнитивные системы поддержки принятия решений также встраиваются в систему государственных закупок. Это системы коллективного отображения информации с формированием баз данных и созданием телекоммуникационных и справочных систем, автоматизация документационного обеспечения и оформления документов.

Автоподбор поставщиков – технология по подбору поставщиков с учетом предмета закупки и региональной принадлежности, представляет собой аналитический инструмент со списком потенциальных участников для соответствующей процедуры.

Бесплатные онлайн-вебинары и онлайн-конференции по проблемным вопросам контрактной системы в сфере закупок.

Для исполнения программ и проектов федерального, регионального и муниципального уровня (закупки и заключенные контракты) применяется проект «ситуационный центр по управлению проектами».

Что касается закупок малого объема, то активно используется каталог товаров - электронный магазин для малых закупок, где существует полноценный конкурентный рынок.

Активно развиваются такие технологии облегчающие работу в системе государственных закупок как: виртуальные помощники по закупкам; роботизация в транзакциях [3]; автоматизация проверки обоснования Н(М)Цк; автоматическая проверка поставщиков по стопфакторам; безопасный сервис «онлайн-перевыпуск электронной цифровой подписи»; заседание и голосование в дистанционном режиме с подписанием протоколов ЭП; робот по анализу информации по РНП и СМСП; мониторинг, контроль действий пользователя.

Внедрение технологий, платформ и разработок, требует высочайшего уровня безопасности, которая позволяет перевести процессы в электронный вид с наименьшими рисками и издержками.

Цифровизация закупок активно проходит не только на федеральном уровне (совершенствование ЕИС, разработка сервисов, новые технологии), но и на региональном уровне.

Так, например. Правительство Москвы для повышения конкурентной среды планирует совместить два портала инвестиционный и поставщиков, с целью привлечения участников закупок и заказчиков из регионов страны и внедрение электронный документооборот на этапе исполнения контракта - Портала исполнения контрактов. В Алтайском крае планируется применения перспективных технологий в области регулирования государственных и корпоративных закупок.

Республика Татарстан активно внедряет в сферу закупок информационные системы на региональном уровне и систему электронного документооборота [4].

Электронный формат востребован в системе государственных закупок, но необходимо продолжать совершенствовать, автоматизировать и технологизировать все процессы.

Цифровизация и автоматизация государственных закупок это закономерный этап в развитие экономической системы в целом. Соответствующая нормативная база способствовала и предопределила изменения в закупочном процессе, а создание и внедрение новых технологий приводят к повышению эффективности и перестройке всей системы закупок.

Литература

1. Объем госзакупок в РФ в I половине 2020 г. вырос на 34%, до 4,1 трлн. рублей [Электронный источник информации]. URL: <https://prozakupki.interfax.ru/articles/1858> (дата обращения: 29.10.2020).
2. Анна Катамадзе: Цифровизация позволит повысить конкурентность и прозрачность закупок Информация официального сайта Федерального казначейства. [Электронный источник информации] URL:

<https://roskazna.gov.ru/novosti-i-soobshcheniya/novosti/1353579/> (дата обращения: 29.10.2020).

3. Косян Н. Г., Милькина И. В. Блокчейн в системе государственных закупок // E-Management. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-v-sisteme-gosudarstvennyh-zakupok> [Электронный источник информации] (дата обращения: 29.10.2020).

4. Отрасль закупок: цифровая трансформация набирает темп [Электронный источник информации] URL: <https://www.forbes.ru/article/352455-otrasl-zakupok-cifrovaya-transformaciya-nabiraet-temp> (дата обращения: 29.10.2020).

УДК 32.019.5

Геворгян
Ашхен
Сергеевна

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: ashkhen-aroyan@yandex.ru

Нечаева
Наталья
Александровна

магистрант, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: nnechaeva.17.02@gmail.com

МЕДИЙНОСТЬ КАК НОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация: В данной статье проведен анализ понятия «медиа» и «междисциплинарность», их роль в деятельности политico-управленческой элиты. Рассмотрены основные инструменты и составляющие медийного пространства партий и особенности коммуникационного диалога с аудиторией, изучены уровни медийности современных лидеров.

Ключевые слова: медиа, СМИ, сети, партии, медийное пространство, медийность.

MEDIA AS A NEW CHARACTERISTIC OF THE POLITICAL AND MANAGERIAL ELITE

Annotation: this article analyzes the concepts of "media" and "media", their role in the activities of the political and managerial elite. The main tools and components of the media space of parties and the features of communication dialogue with the audience are considered, and the levels of media activity of modern leaders are studied.

Keywords: media, mass media, networks, parties, media space, mediynost.

Медиа - обширное понятие и ключевой термин Торонтской школы теории коммуникаций, включающее в себя средства коммуникации, способы передачи информации, а также образовываемую ими среду (медиапространство). Медиа - это форма множественного числа, образованная от латинского *medium*, переводимое как «средний» или «посредник». Означает субстанцию, через которую передаётся сила или любое другое воздействие, преимущественно используется в контексте спиритуализма и ряде духовно-эзотерических практик [1, с.67].

Каждый политический лидер для удержания собственной власти и влияния осознает необходимость создания благоприятного для него концептобраза, который будет служить ему неким ментальным щитом и магнитом. Создавая собственный имидж, политик привлекает на свою сторону сторонников, способен производить профилактику высказанного недовольства и наиболее эффективно воздействовать на оппонентов.

До XXI века действительный доступ к СМИ, в широком смысле слова, имели немногие, только лишь те, кто обладали выдающимися способностями, знаниями или статусом, при которых становится необходимой репликация идей этой личности на других людей. Более мелкие государственные службы или учёные не имели такой необходимости, кроме того, не существовало культуры пиара и личного бренда, а наиболее эффективная пропаганда появилась лишь в начале XX века.

Сегодня мы уже пережили интернет-бум, следствием которого явилась доступность к всемирной сети практически для каждого человека. Такая

легкость в пользовании и дешевизна позволила многим людям заявить о себе и обрести весомый статус, и это является показателем того, что развитие личного бренда в социальных медиа, как минимум, не уступает по эффективности ТВ и наружной рекламе, не говоря уже о радио. Здесь речь идет по большей части о шоу-бизнесе.

Не менее важной задачей сегодня СМИ является осуществление посредничества между политическими партиями и обществом. Подчеркнем, что в контексте развитых демократических государств речь идет об устоявшейся социальной структуре социума, где социальные страты имеют четко сформированные политические предпочтения и могут выставлять власти определенные требования. Эти требования они транслируют через посредничество различных движений и партий, поддерживающих постоянный контакт со своими сторонниками. Для организации диалога с избирателями политиками необходимы средства массовой информации.

На Западе любое СМИ, выраждающее интересы какой-либо социальной группы, априори становится политически ориентированным в соответствии с интересами своей читательской/зрительской аудитории, поскольку вынуждено следовать ее ценностным установкам. Партийная борьба представляет собой своего рода поединок между различными идеями, ценностями, предпочтениями. Функция СМИ – озвучивать ход этой борьбы. Что касается проблемы оппозиционности, то в демократическом государстве СМИ всегда становятся на защиту прав граждан, реагируя на факты их нарушения со стороны власти [2, с.208-209].

Исследователи отмечают, что в современной действительности медийному пространству присущи следующие функции:

1. На базе понятия медийного пространства появляются различные трактовки информационной войны, информационного оружия и пр.
2. По своей сути медийное пространство не может быть статичным, в нем постоянно происходят различные процессы. Между тем, физические объекты имеют конкретные физические границы. Из этого следует вывод: добиться

постоянного информационного доминирования крайне сложно, а временного – вполне реально.

3. Для медийного пространства характерна организованность. Оно гетерогенно: наряду с факторами, привлекающими внимание, существуют своеобразные препятствия, отвлекающие внимание аудитории от какого-либо сегмента медийного пространства;

4. Практически любая сфера человеческой деятельности соотносится с медийным пространством, т.е. оно является всеобъемлющим. Поэтому оказание информационного воздействия возможно во всех профессиональных отраслях.

5. Прямая связь между медийным и реальным пространством отсутствует в силу того, что по своей природе оно отчасти нематериально.

Как отмечает В.Н. Гончаров, «медийное пространство не устанавливает каких-либо жёстких рамок для происходящих в нём взаимодействий и способствует выработке обычав и ценностей гражданского общества». Формирование глобального медийного пространства становится одной из основных тенденций социального развития современного мира. Соответственно, возникает необходимость корректировки государственной информационной политики, которая должна учитывать фактор появления глобального медийного пространства и выстраиваться на основании учета данного фактора [3].

То есть, необходим «всесторонний научный анализ влияния информационно-коммуникационных технологий на внутреннюю и международную политику, социальную трансформацию общества, выявление нетрадиционных рисков и угроз, связанных с увеличением роли информации и коммуникации в современном мире».

Специфика развития медийного пространства в современном мире способствовала пересмотру позиций большинства субъектов мировой политики в отношении информации и управления информационными потоками. По мнению исследователей, «глобальное медийное пространство создало абсолютно новый информационный сектор, которого раньше просто не было и

за который сегодня идет борьба с целью захвата и удержания в нем превосходства» [4]. Информация сегодня идет впереди политики, что повторяют и исследователи, и политические деятели. И этой аксиомой должно руководствоваться государство в формировании своей информационной политики как во внутригосударственном, так и в международном масштабе.

Таким образом, перспективной новой стратегической задачей государственной информационной политики РФ является формирование открытого информационного общества, развитие единого информационного пространства в качестве пространства целостного федеративного государства, его последующее вхождение в мировое медийное пространство, укрепление информационной безопасности российского государства.

Касательно политico-управленческой среды можно проследить их дифференциацию по такому показателю как медийность. **Медийность** – качество сущности (персонажа, личности или организации), внешним проявлением которого выступает наличие у неё параллельной, но не отделенной, жизни в СМИ, в виде упоминаний, выступлений, цитирований и информирований о деятельности этой сущности, а также взаимодействие с аудиторией.

Для современной России, находящейся в процессе построения демократического информационного общества и всё глубже входящей в мировое медийное пространство, характерно возрастание роли информационных процессов как важной составляющей политической и общественной жизни. Медийная сфера, связанная с воспроизведением и распространением информации, призвана удовлетворить интересы государства и гражданского общества и направлена на обеспечение диалога между ними. Этот диалог осуществляется через СМИ – печатные средства массовой информации (газеты, журналы, книгоиздание) и электронные средства массовой информации (телевидение, радио, Интернет).

Дифференция по признаку медийности может быть произведена по трём уровням:

а.Активные. Используют медиа для достижения политических целей, работают с аудиторией;

б.Пассивные. Используют медиа для галочки, для демонстрации отчетов, не работают с аудиторией;

с.Отсутствующие. Не используют медиа в контексте политики.

Примеры активных:

1. Авксентьева Сардана Владимировна, мэр Якутска, 48 лет. Победила на выборах, набрав 39,98% голосов, выдвигаясь от Партии возрождения России и обогнав своего оппонента из Единой России, набравшего 31,7% голосов.

На своей странице в инстаграм она публикует результаты своей деятельности, руководствуясь, по всей видимости, актуальной повесткой. Кроме того, с помощью этой страницы, она может повестку создавать и сама. Подобная страница создает благоприятный имидж политика, легитимирует принятие решений, так как создается видимость их открытости и народности, а также способствует эффективности работы администрации.

Так, поздравление с Новым годом от Сарданы в инстаграм посмотрело более 50 000 пользователей, для сравнения, численность населения Якутска около 280 000 человек.

Исходя из подобных показателей можно сделать вывод, что популярность Сарданы может обеспечить ей не только переизбрание, но и административный лифт на более значимые должности.

– Жириновский Владимир Вольфович, лидер фракции ЛДПР в Государственной Думе, 72 года. Несмотря на возраст, тоже имеет страницу в Instagram. В одной из последних публикаций видео 1995 года, когда он был еще сравнительно молод, на границе с Афганистаном во время военных действий. Видео направлено на аудиторию ветеранов афганской войны и создает благоприятный имидж политика, защитника отечества. Медийность в социальных сетях позволяет Жириновскому по-прежнему оставаться в тренде, так как выступления на ТВ уже отходят на второй план.

Примеры пассивных:

1. Медведев Дмитрий Анатольевич, Председатель Правительства, 53 года. Несмотря на почти 3 миллиона подписчиков в Instagram, не реализовано взаимодействие с аудиторией. Видео и записи набирают большое количество просмотров, но негативные комментарии никак не обрабатываются. Для имиджа Медведева было бы гораздо выгоднее, если бы команда спин-докторов обрабатывала недовольства и давала хоть какую-то аргументацию, словесную поддержку и надежду на будущее нуждающимся.

2. Володин Вячеслав Викторович, Председатель Государственной Думы 7 созыва. Не имеет личной страницы в социальных сетях, однако имеет публикации о себе на странице Государственной Думы, которая несет информационный характер.

Отсутствующие:

1. Иванов Сергей Владимирович, депутат ГД от ЛДПР. Имея уникальные личностные характеристики, вовсе не имеет страниц в социальных сетях. Узнали о депутате лишь в тот момент, когда, судя по всему, его однопартийцы, выложили фрагмент его выступления против принятия закона о «Неуважении к власти». Отсутствие медийной характеристики у подобного персонажа вызывает вопрос: «Почему?». Ответ, скорее всего, может дать только сам Иванов.

2. Кушнарёв Виталий Васильевич, бывший глава администрации города Ростова-на-Дону. Не имеет страниц в социальных сетях, однако информация о нем активно освещается на информационных ресурсах Администрации, местных федеральных СМИ и прочих традиционных площадках.

Медиа является неотъемлемым элементом как повседневной жизни людей, так и обязательной частью процесса принятия важнейших политических решений, имеющих в конечном итоге значение как для жизни государства и её граждан, так и для положения страны в международном политическом пространстве.

Функционирование в массмедиийном пространстве дискурсивных практик и многообразных приёмов реализации речевых манипулятивных стратегий

заслуживают внимательного рассмотрения и тщательного анализа с целью изучения их воздействия на массового адресата.

Учитывая реальную свободу обращения информации в медийном пространстве России, фактическое существование многообразных и плюралистических СМИ с разновекторной идеологической направленностью, стремящихся завоевать среди адресатов максимальное число сторонников своих взглядов, а также законодательно закреплённый запрет на цензуру, в обществе появились широкие возможности для конкурентной борьбы за контроль над массовым сознанием.

Как уже упоминалось, социальные сети, блоги и форумы выражают одну из ключевых особенностей интернета как медиа, связанную с интерактивностью и предоставлением площадки для обмена мнениями представителей разных целевых групп. Интернет-коммуникация политических партий сегодня немыслима без активности в социальных сетях, блогосфере и на форумах.

К основным функциям, которые выполняют данные инструменты интернет-коммуникации политico-управленческой элиты, можно отнести:

- поддержание интереса аудитории к актуальным для партии темам;
- целевое и мгновенное информирование;
- стимулирование общественного резонанса и мобилизация аудитории.

Можно сделать вывод, что форма интернет-коммуникации, связанная с интернет-телевидением, видео-хостингами и вебинарами, сегодня используется политическими партиями и элитами недостаточно активно, однако нет сомнений, что данный инструмент ждет большое будущее.

Литература

1. Баканов Р.П. Современные подходы к практике популяризации научного знания в СМИ // Сборник материалов международной научно-

практической конференции кафедры журналистики «Журналистика как важный фактор международного сотрудничества: векторы развития». – Пенза., 2018. – С. 66-74.

2. Международная научно-практическая конференция «Будущее Евразии: интеграционные и дезинтеграционные процессы, выбор стратегий развития (политико-медийный дискурс)» // Российская школа связей с общественностью.2017. № 10. С. 207-212.

3. Гончаров В.Н. Социально-политические аспекты развития информационного пространства // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sociosphere.ucoz.ru/publ/konferencii_2011/informacionno_kommunikacionnoe_prostranstvo_i_chelovek/socialno_politicheskie_aspekty_razvitiya_informacionnogo_prostranstva/31-1-0-650 (дата обращения 02.11.2020 г.)

4. Никонов С.Б. Глобальное информационное пространство как среда формирования ноополитики // Мир и политика. – 2012. – № 09 (72) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mir-politika.ru/1608-globalnoe-informacionnoe-prostranstvo-kak-sreda-formirovaniya-noopolitiki.html> (дата обращения 02.11.2020 г.)

УДК 338.242.2

Великодная
Ирина
Викторовна

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail:belikodn@mail.ru

Горшколепов
Кирилл
Александрович

студент, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: gorshkolepov.kirill@mail.ru

ФИНАНСОВО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: Российская Федерация – государство с экономикой смешанного типа. В условиях становления венчурного бизнеса, контроль над предприятиями частного сектора падает, что делает необходимость грамотно использовать административный ресурс в связке с цифровизацией.

Ключевые слова: цифровизация, финансово-государственный контроль, малый бизнес.

FINANCIAL AND STATE CONTROL OF SMALL ENTREPRENEURSHIP IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY

Annotation: The Russian Federation is a state with a mixed economy. With the development of a business venture, control over private sector enterprises falls, which makes it necessary to competently use administrative resources in conjunction with digitalization.

Keywords: digitalization, financial and state control, small business.

В настоящее время экономика развитых стран отводит значительное место предприятиям малого бизнеса, число которых с каждым годом возрастает и в Российской Федерации. Кроме того, для большинства стран малый бизнес – это важнейший институт, обеспечивающий экономическое развитие и эффективный инструмент борьбы с проблемой занятости населения. Сегодня, в европейских странах и США на долю малого бизнеса приходится более 50% валового национального продукта, а в Японии – 80%, в Китае 60%. Что касается России, то по состоянию на 2019 год показатель составил 21,9%[3]. Также, следует отметить, что в России на 1000 человек населения приходится 38,9 малых предприятий, что вполне развивается на одном уровне с зарубежными государствами. Например, в Канаде показатель - 40, в США 20 предприятий малого бизнеса[3]. Таким образом, сегодня обосновано говорить об институциональном развитии малого предпринимательства в России, как об отстающем от зарубежных стран, но перспективном.

Сегодня бизнес сам по себе является структурным элементом общества, оказывая влияния на все сферы развития общества, и определяется как рычаг, связанный с регуляцией в первую очередь социально-экономических категорий в социуме. Это обусловлено тем, что бизнес фактически позволяет создавать новые рабочие места и гарантировать социальное благополучие будущим и прошлым поколениям. Кроме того, следует отметить благоприятную экономическую инфраструктуру, которую создают регионы с повышенной концентрацией малого бизнеса, наличие которой уменьшает тенденции к безработице. Промежуточным выводом стоит отметить, развитие малого бизнеса в России формирует благоприятные экономические условия. Малое предпринимательство активно преобразует общество, вносит в него элементы стабильности. Кроме того именно малый бизнес, в силу своего специфического развития способен вносить инновации в экономическую структуру.

Но сегодня в ходе становления рыночных отношений, где существует разные формы собственности, возникает дилемма как именно управлять: увеличивать количество элементов контроля или уменьшать. Это создает предпосылки для дальнейших реформ в сторону цифровизации и более оперативного сбора информации. Именно сегодня институт финансового контроля становится всё более актуальным в сфере бюджетных отношений, поскольку одним из его составляющих является государственный финансовый контроль за исполнением расходной части бюджета, направленного на поддержку малого предпринимательства. При этом, важно сохранять институты рынка и не нарушать автономности работы предприятия.

Финансово государственный контроль осуществляется федеральными органами законодательной власти, федеральными органами исполнительной власти, включая специально созданные органы исполнительной власти. Здесь особое значение для развития государственного финансового контроля имеет Указ президента Российской Федерации «о мерах по обеспечению государственного финансового контроля в РФ» от 25 июля 1996 года. Согласно данному указу государственный контроль включает в себя контроль за

исполнением федерального бюджета, бюджетов федеральных внебюджетных фондов, организации денежного обращения, использование кредитных ресурсов и т.п.

Принятые на протяжении последних лет законы и иные правовые акты усиливают роль государства в становлении рыночной экономики. Различают следующие методы (способы, приемы) осуществления финансового контроля: проверки, обследования, надзор, анализ финансового состояния, наблюдения (мониторинг), ревизии, санкционирование операций.

Часть из них отлично вписывается в цифровизацию гос. системы, другие относятся к ней весьма условно. Например, проверка или ревизия в основной массе требует дефакто присутствия проверяющего на объекте. Но в тоже время он может проверять данные о объекте удаленно, в программах 1С уже сейчас есть функции позволяющие контролировать соответствие отчетности государственным нормам. Обследование же или санкционирование операций более чем реально перевести в рамки контроля документооборота через интернет.

Но, следует отметить, что часто существующие государственные методы наносят вред развитию малого предпринимательства и наиболее серьёзно негативное влияние оказывают административные методы контроля, включая создание разнообразных административных барьеров, которые затрудняют реализацию предпринимательской деятельности. Цифровизация, должна помочь справиться и с этим аспектом. Поскольку мониторинг будет менее заметен, то он фактически будет весьма условной преградой для развития. В тоже время, государству необходимо научиться работать и с малыми предприятиями в сфере ИТ, из-за их растущего влияния в мировой экономике. Сейчас под контроль поставлены такие предприятия, работающие в сфере гос. заказа, однако контроль ведется устаревшими способами. Любопытно инициативы государства, создающего некоммерческие организации, координирующие деятельность венчурного бизнеса. Здесь необходимо вести наблюдения и фиксировать успехи, государство должно осознать что такие

системы временны, и необходима создания более стабильной и единой организации.

Из уже сегодня функционирующих технологий в сфере цифровизации бизнеса нужно отметить единый электронный реестр, позволяющий ФАСУ координировать свои действия по соблюдению антимонопольного законодательства во всех регионах страны. Уже имеются прецеденты, согласно которым эффективность их деятельности увеличилась. Подобный реестр необходим и для контроля и эффективной координации малого предпринимательства.

На основании изученных научных трудов и рассмотренной сущности государственного контроля можно прийти к выводу:

Финансово-государственный контроль малого предпринимательства представляет собой совокупность мероприятий, методов и форм государственного воздействия на деятельность субъектов предпринимательства с целью обеспечения нормальных условий их функционирования и развития, а также ослабления отрицательных тенденций, возникающих в процессе коммерческой деятельности в условиях рыночных отношений. Именно поэтому существующие рыночные механизмы необходимо дополнять системами государственного вмешательства, а уже их, в свою очередь менять и подстраивать под текущую экономическую ситуацию.

Фактически, первопричиной этого служит желание государства предопределять национальные отрасли сосредоточения ресурсов, путем выделение субсидий и/или квотирования, но в тоже время обязано соблюдать принципы функционирования рынка. В тоже время по политическим причинам государство иной раз может пересматривать свою внешнеторговую деятельность путем санкций, что опять же является неэффективным способом управления, наносящим малому бизнесу больший вред, чем стимуляцию.

Финансово-государственный контроль и регулирование в современных условиях развития экономики России рассматривается как самый эффективный метод преодоления нестабильности рынка практически по всем сферам

экономической деятельности. Однако, для повышения эффективности его деятельности, необходимы современные меры, изложенные в работе, а так же их законодательное одобрение.

Литература

1. Варагина А. Е. Исследование роли малого и среднего бизнеса в России // Молодой ученый. — 2019. — №24. — С. 119-124. — URL <https://moluch.ru/archive/210/51512/> (дата обращения: 19.03.2020).
2. Кахтунова А.Э. Особенности государственного финансового контроля при реализации программ развития малого предпринимательства в Республике Алтай // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XL междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(40). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11\(40\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11(40).pdf) (дата обращения: 19.03.2020)
3. Павелко Я.О. Государственная финансовая поддержка субъектов малого предпринимательства в РФ / Я.О. Павелко. - ФГОБУ ВО Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, 2015.- 75с.

УДК 316.723

Васюта
Евгения
Александровна

аспирант 2 курса кафедры международных
экономических отношений, старший
преподаватель кафедры государственного и
муниципального управления, Южно-Российский
институт управления-филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: eug.vasuta2012@yandex.ru

Труханович
Дарья
Сергеевна

старший преподаватель кафедры
государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления-филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК УСЛОВИЕ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: Современное общество сейчас переходит в digital-эру, то есть в период максимальной цифровизации. Данный процесс затрагивает все социальные институты, в том числе и институт государственной службы. Как и любое масштабное трансформация, цифровая трансформация требует появления специфической культуры – цифровой культуры. Помимо анализа различных определений цифровой культуры, автор рассматривает ключевые ценности цифровой культуры государственных служащих.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, цифровая культура, цифровые ценности, ценности государственной службы, цифровая экономика, клиентоориентированность, «сервисная модель государства»

FORMATION OF A DIGITAL CULTURE OF PUBLIC SERVICE AS A CONDITION FOR TRANSITION TO A DIGITAL ECONOMY

Annotation: Modern society is now moving into the digital era, that is, in the period of maximum digitalization. This process affects all social institutions, including the institution of public service. Like any large – scale transformation, digital transformation requires the emergence of a specific culture-digital culture. In addition to analyzing various definitions of digital culture, the author examines the key values of the digital culture of public civil servants.

Keywords: public civil service, digital culture, digital values, public service values, digital economy, customer orientation, "service model of the state"

В современном, постоянно развивающемся мире, все острее ощущается необходимость внедрения цифровых технологий как в экономике, так и социальной сфере. Именно для этих целей Правительством РФ разработан национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации»

Однако эксперты справедливо отмечают, что «без системной трансформации управленческих процессов, без кардинальной перестройки работы всего государственного аппарата масштабной отдачи от цифровизации обеспечить не получится» [1, С.4]. Цифровое государственное управление и цифровая экономика – это не только предоставление государственных услуг в электронном виде и широкое использование компьютерной техники в органах

власти, но и изменение самих управленческих процессов, их улучшение за счет новых технологий. Это возможно только при формировании определённого вида культуры. В этой связи мы полагаем, что качественный переход к цифровой экономике невозможен без формирования цифровой культуры государственных гражданских служащих в Российской Федерации.

Специалисты KMDA провели исследование, согласно результатам которого более 60% руководителей российских компаний считают отсутствие необходимых компетенций и цифровой культуры — главными препятствиями на пути к цифровой трансформации [2].

В самом общем виде культура – это отселекционированные ценности, нормы и модели поведения, разделяемые в обществе или отдельных социальных группах, и необходимые для регулирования и воспроизведения отношений в таких общностях, сохранения их целостности и формирования «коллективной солидарности».

В свою очередь, цифровая культура - наличие общих идеологических, организационных, технологических ценностей, создающих цифровую интеграцию и развитие человека [3].

Цифровая культура — система ценностей, установок, норм и правил поведения, которую принимает, поддерживает и транслирует команда цифровой трансформации [4].

Цифровая культура — набор ценностей, принципов и компетенций, характеризующих преимущественное использование информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с обществом и решения задач в профессиональной деятельности [2].

Во всех рассмотренных определениях цифровой культуры, как один из ее элементов указываются ценности. Как элемент культуры, ценности в обществе выполняют интегративную функцию, т.е. способствуют выбору индивидом одобряемого обществом поведения. Система ценностей выступает ведущим мотиватором для личности в осуществлении социальных действий, так как она оказывает существенное влияние на интересы и потребности человека.

Посредством накопленных в культуре ценностей происходит регулирование поведения социальных акторов, с их помощью личность может усвоить социальный опыт и воспроизводить его.

Среди ключевых ценностей цифровой культуры государственных гражданских служащих можно назвать следующие:

1. Наличие у государственных служащих цифровых компетенций.

Именно цифровые компетенции обеспечивают готовность государственных служащих к изменениям и позволяют адекватно отвечать на инновационные цифровые вызовы.

Разные авторы выделяют различный набор цифровых компетенций государственных служащих. Например, в утвержденной в январе 2020 года методике расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» определены следующие цифровые компетенции служащих: коммуникация и коопeração в цифровой среде; саморазвитие в условиях неопределенности; креативное мышление; управление информацией и данными; критическое мышление в цифровой среде.

Однако, по нашему мнению, данные компетенции являются размытыми и не в полной мере отражают требования, предъявляемые к государственным служащим в рамках формирования цифровой культуры.

Более полный, на наш взгляд, перечень цифровых компетенций государственных гражданских служащих предлагают Н.С. Карапетян, Е.Н. Каунов, в который входят компетенции: управление цифровой информацией; оказание цифровых государственных услуг; развертывание цифровых решений; цифровое проектное управление; цифровая безопасность; цифровая этика [6].

2. Клиентоориентированность государственных служащих.

«Клиентоориентированность», или как её еще называют «сервисность», предполагает, что государственная служба становится полностью открытой и прозрачной для населения; происходит десакрализация государственной службы; граждане становятся не просто средством легитимизации деятельности служащих, а основным «клиентом», на удовлетворение интересов которого

должны быть направлены все силы. «Сервисная» модель государственной службы предполагает смещение акцентов с регулирования служащими процессов в общественной жизни на предоставление ими услуг, в которых нуждаются заявители.

В условиях перехода к «сервисной» модели государственного управления в России в целом успешно реализованы направления, связанные с цифровизацией предоставления государственных услуг, внедрением принципа «одного окна» и пр., однако прозрачность административных процедур, открытость и отзывчивость государственной службы (бюрократического аппарата), высокий уровень доверия населения органам государственно власти и непосредственного государственным служащим – это все то, что так и не было реализовано в российских реалиях. И даже концепция «Сервисного государства» версии 2.0, которая была представлена 15 октября 2018 года заместителем министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Максимом Паршиным, связывает развитие «сервисного» государства в России в 2018-2024 годах лишь с трансформацией механизмов оказания государственных услуг через цифровизацию.

До настоящего времени ни одна реформа государственной службы не смогла превратить государственных служащих, объединившихся, как отмечает Президент РФ В.В. Путин, в «надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса» [7], в «агента» граждан, посредника между государством и гражданами.

3. Формирование «безопасной среды» в органе государственной власти.

К основным индикаторам, отражающим безопасность среды можно отнести:

- наличие у служащего права задавать вопросы и выражать опасения;
- возможность обратиться за помощью и поддержкой к руководителю структурного подразделения;
- лояльное отношение к ошибкам (в разумных пределах).

Отметим также, что безопасная среда должна быть «уравновешена» дисциплиной, соблюдением сроков и ответственностью. Можно рекомендовать системно поощрять служащих, если они берут на себя ответственность (подойдут похвала и одобрение, позитивная связь с развитием карьеры), то есть сделать ее культурной ценностью органа государственной власти.

Отсутствие культуры ответственности при наличии безопасной среды приведет к расслабленности и отсутствию движения. Дефицит безопасности при наличии ответственности вгонит меняющуюся организацию в стресс. Мастерство руководителя — в умелом сочетании этих двух факторов [8].

4. Принятие управленческих решений исходя из данных.

В рамках цифровизации процессов государственного управления все управленческие решения должны приниматься не исходя из личного опыта руководителя, или слепого копирования иностранного опыта, а на основе результатов анализа целостных, качественных, актуальных данных. Причем анализ больших данных должен осуществляться специально разработанными алгоритмами.

5. Коллaborация на базе цифровых технологий.

Органам власти и управления в России для эффективного функционирования необходимо повысить уровень доверия граждан и бизнеса. Сделать это можно за счет реализации совместных проектов органов государственного управления, бизнес-структур, общественных организаций, которые могут воплощаться в жизнь в рамках государственно-частного партнерства.

В заключение отметим, что формирование цифровой культуры — рискованное мероприятие. Оно предполагает отказ от статус-кво и переход в совершенно новое цифровое пространство. Кроме того, цифровая культура развивается быстро и подвержена непредсказуемым изменениям. Поэтому долгосрочное планирование неэффективно. Однако без новых подходов к государственному управлению в целом и к государственной службе в

частности, никакая цифровая трансформация России не представляется возможной.

В связи с изложенным, еще раз подчеркнем, что формирование цифровой культуры государственных служащих является одним из актуальных вызовов формирования цифровой экономики. Без её формирования дальнейший процесс цифровизации экономики в России невозможен.

Литература

1. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
2. Что такое цифровая культура? [Электронный ресурс] URL: https://komanda-a.pro/blog/digital_culture (Дата обращения: 13.1.2020 г.).
3. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления/под ред. Шклярук М.С., Гаркуши Н.С. — М.: РАНХиГС, 2020.
4. Цифровая культура [Электронный ресурс] URL: https://hr.cdto.center/2_6 (Дата обращения: 13.1.2020 г.).
5. Карапетян Н.С., Каунов Е.Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий // Креативная экономика. – 2020. – Том 14. – № 6. – С. 993-1010.
6. Путин: "Каста чиновников" видит госслужбу как разновидность бизнеса [Электронный ресурс] URL: <https://www.newsinfo.ru/news/2005-04-25/item/612524/> (Дата обращения: 14.10.2020).
7. Организационная культура и цифровая трансформация [Электронный ресурс] URL: https://cdto.wiki/Организационная_культура_и_цифровая_трансформация (Дата обращения: 14.10.2020).

УДК 33

Васильев Владимир Львович	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Елабужского института Казанского федерального университета e-mail: vasvladlev@mail.ru
Бочкарева Татьяна Николаевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Елабужского института Казанского федерального университета e-mail: tatyana-n-boch@mail.ru
Гапсalamов Алмаз Рафисович	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Елабужского института Казанского федерального университета e-mail: gapsalamov@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-29-07037

Аннотация: Целью представленного исследования является изучение воздействия цифровых технологий на современные институты общества и экономики. Авторы проанализировали переходные процессы в традиционных институтах рыночной экономики. Особое место в статье уделено процессу цифровизации современной экономики. Сделан вывод влияния процессов цифровизации на российскую экономику и систему образования.

Ключевые слова: цифровизация, цифровизация экономики, общественные институты, трансформация институтов, инновации.

DIGITAL ECONOMY DEVELOPMENT: TRANSFORMATION OF INSTITUTIONS

The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07037

Abstract: the purpose of this research is to study the impact of digital technologies on modern institutions of society and economy. The authors analyzed the transient response of the traditional institutions of the market economy. A special place in the article is given to the process of digitalization of the modern economy. The conclusion is made about the impact of digitalization processes on the Russian economy and education system.

Keywords: digitalization, digitalization of the economy, public institutions, transformation of institutions, innovation.

В настоящее время цифровые технологии, прежде всего, воздействуют на образ жизни людей, их повседневные рутины на базовом уровне, на экономические отношения и в масштабе национальной экономики приводят к ее отраслевой реструктуризации. Достаточно исследований проведено по новым профессиям, которые возникнут в ближайшее время благодаря бурному развитию цифровых технологий (Атлас новых профессий [1], ООО «ТЕХНОПАРК СКОЛКОВО»). Соответственно традиционные профессии исчезнут (риэлтор, аналитик, логист, диспетчер, банковский операционист, копирайтер, системный администратор, бурильщик, турагент). Происходят не только количественные изменения (рост использования цифровых технологий), но и качественные изменения (рост новых отраслей и профессий, появление новых формальных и неформальных правил). Таким образом, цифровизация приводит к формированию новых институтов общества и экономики. Под институтами мы понимаем правила игры, принимаемые в обществе как обязательные к выполнению (Д.Норт [2]). При этом несоблюдение или нарушение данных правил характеризуется значительными трансакционными издержками (Р.Коуз [3]). Институты, как соблюдаемые в обществе правила, позволяют предсказывать действия людей, снижают риск и неопределенность (Т.Эггерсон [4]). Инновации (в том числе и цифровые технологии) влияют на существующие институты и изменяют их (Дж.Ходжсон [5]). Институты влияют на мотивацию и поведение людей и поддерживаются механизмами контроля (Н.Флингстин [6]). Благодаря самоподдерживающему характеру, удовлетворению основных потребностей людей и по принципу обратной связи институты формируют стереотипы мышления (А.Нестеренко [7]). В настоящее время происходит изменение традиционных институтов рыночной (с государственным участием) экономики. Такие институты как конкуренция, свобода предпринимательства, частная собственность, равновесное состояния

спроса и предложения, принятие решения на основе рационального выбора – начинают меняться. Институты экономики и системы образования были заложены в прошедшую эпоху и уже не удовлетворяют современным вызовам современной (цифровой) эпохи. Как доказательство, существующая инфраструктура университетов не справляется с современными вызовами цифровизации, не способна обеспечить переход к модели цифрового университета (по типу «Университет 2035») и требует радикального изменения. Показатели темпа роста массовых открытых онлайн курсов (МООК) в России опережают зарубежные. При этом количество студентов, записанных на данные МООК в расчете на одного преподавателя снижается. Это говорит о невостребованности МООК и тех знаний, умений и навыков, которые востребованы на рынке труда. Сложился определенный парадокс, что система образования готовить специалистов не по требованиям реального сектора экономики, а реальный сектор экономики развивается преимущественно за счет зарубежных технологий (в том числе и цифровых). Это еще раз подтверждает несоответствие существующих институтов цифровой экономики и системы образования, сложившейся в России.

С другой стороны, опыт исследования образовательных и инновационных систем зарубежных стран показал высокую зависимость показателей эффективности экономики и благосостояния населения от наличия национальных программ и политик цифровизации, софинансирования цифровой трансформации со стороны частного сектора, создания кооперативных сетей цифрового взаимодействия (и других институтов). Преимуществом существующего положения для России можно считать возможность нахождения своего уникального пути цифрового развития, опирающегося на продуманные и адекватные институциональные изменения.

Сложность существующей ситуации также связана с объектом происходящих институциональных изменений. Таким объектом является информация. Цифровые технологии направлены на получение, обработку, передачу и использование информации в самых разных видах и формах.

Информация (знания) как товар не вписывается в традиционные конкурентно-рыночные отношения «купли – продажи» (Н.Ведин [9]). Потребление информации (знаний) не уменьшает ее ценности как в случае с любым материальным товаром, а наоборот увеличивает (М.Кастельс [10]). Ученые еще не открыли каким образом происходит реакция человека на поступающую информацию и отбор нужных ему знаний из всего потока информации (К.Эрроу [10]). Обмен информацией лежит в основе любых рыночных сделок и экономических отношений (Ф.Хайек [11]). Цифровые технологии позволили сделать информацию (знания) основным источником экономического развития. Однако, такие процессы характеризуются новыми рисками и угрозами, трудность понимания и управления которыми обусловлена сложностью феномена «информация», несоответствием ее природы и сложившейся рыночно-конкурентной и товарно-капиталистической картиной мира. Существует множество примеров, где залогом эффективного цифрового развития стали такие институты как цифровые социальные сети, кооперационное взаимодействие в области научных исследований, совместное использование общих экономических ресурсов, формирование общих стандартов цифровых технологий, открытый доступ к использованию информационных баз данных. При этом противоречие вызывает существование традиционных национальных границ и интересов, получение и накопление материальных благ и экономических активов, конкурентная борьба за лучшие кадровые и интеллектуальные ресурсы.

Для того, чтобы не допустить негативного влияния процессов цифровизации на российскую экономику и систему образования, необходима разработка протекционистской модели формирования и развития цифровой экономики. В ходе исследования мы пришли к выводу, что данная задача должна быть решена на основе анализа происходящих институциональных изменений. Только проектируя соответствующие новым вызовам институты возможно разработать эффективную протекционистскую модель поддержки и развития цифровой экономики и образования в России.

Литература

1. Атлас новых профессий. – Москва : Олимп-Бизнес, 2015. - 216 с.
2. Норт Д. К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества = Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History (2009) — М.: Издательство Института Гайдара, 2011. — 480 с.
3. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. – СПб.: Изд-во «СПбГУ», 2016. – 288 с.
4. Эггерссон Т. Экономическое поведение и институты. – М. : Акад. нар. х-ва при правительстве Рос. Федерации : Дело, 2001. - 407 с.
5. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты : Манифест современной институциональной экономической теории. – М. : Дело, 2003. – 464 с.
6. Флингстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 392 с.
7. Нестеренко А. Экономика и институциональная теория = Economy and institutional theory – М . : УРСС, 2002. - 415 с.
8. Ведин Н.В. Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. - СПб., 2006. - 216 с.
9. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – М.: У-Фактория, 2004. – 328 с.
10. Эрроу К. Дж. Неполное знание и экономический анализ // Истоки. Вып. 4 — М.: ГУ — ВШЭ, 2000. — С. 10-27.
11. Хайек Ф. А. Цены и производство. — Челябинск: Социум, 2008. — 199 с.

Секция 4. Цифровая безопасность личности и государства: проблемы правового регулирования

УДК 343.1

Багавиева
Элина
Александровна

аспирант, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
e-mail: elina.bagavieva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства, защита конфиденциальности информации, передающейся посредством информационно-телекоммуникационных сетей, а также хранящейся в данных системах являются задачами государства. Предупреждение и раскрытие преступлений в сфере информационных технологий должно быть обеспечено надлежащим правовым регулированием. В целях профилактики преступности в данной сфере следует уделить внимание информационно-техническому и правовому просвещению граждан.

Ключевые слова: информационные технологии, права личности, безопасность, цифровизация, уголовный процесс, правовое регулирование, конфиденциальность, профилактика.

PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY OF A PERSON IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. Ensuring the information security of the individual, society and the state, protecting the confidentiality of information transmitted through information and telecommunications networks, as well as stored in these systems are the tasks of the state. The prevention and detection of crimes in the field of information technology should be provided with appropriate legal regulation. In order to prevent crime in this area, attention should be paid to information technology and legal education of citizens.

Key words: information technology, individual rights, security, digitalization, criminal procedure, legal regulation, confidentiality, prevention.

В 2020 году в ходе референдума были одобрены поправки в Конституцию РФ, среди которых значимое место с учётом цифровизации всех сфер общества занимает «обеспечение безопасности личности, общества и государства при

применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (п. «м», ст.71 Конституции РФ) [1]. Данные изменения вполне закономерны в связи с информационно-техническим прогрессом, который не мог быть учтён в Конституции, принятой в 1993 году.

П.С. Пастухов, М.Лосавио отмечают в качестве одной из проблем цифровизации уголовного процесса «возможность тотального контроля за поведением личности» [2, с.235]. Проблемными вопросами выступают информационная безопасность личности при производстве по уголовному делу, возможность раскрытия персональных данных, конфиденциальной информации, к какой относится информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, содержание телефонных переговоров, переписки.

Письма написанные от руки ушли в прошлое, их место заняли переписка в мессенджерах, электронные письма. Из недостатков использования электронной почты можно назвать отсутствие гарантии доставки писем, а также «спам» - массовые рекламные и вирусные рассылки. Одной из целей вирусных рассылок является получение доступа к логину и паролю получателя. Требуется внимание со стороны пользователя к подобного рода рассылкам: не стоит верить предложениям либо просьбам, полученным в письме от неизвестного отправителя, тем более переходить по внешним ссылкам, либо открывать вложенные файлы, также не стоит пренебрегать установкой антивирусных программ.

Одним из направлений уголовного процесса является «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» [3], чему способствует своевременное раскрытие преступления и привлечения лица, виновного в его совершении, к уголовной ответственности. Правовое регулирование противодействия преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий является задачей по обеспечению безопасности личности, общества и государства наравне с техническими мерами по обеспечению безопасности информации, содержащейся в

информационно-телекоммуникационных системах, таких как резервирование данных, защита от взлома, разработка и усовершенствование антивирусных программ.

Согласно статистике состояния преступности за первые 8 месяцев 2020 года, которые были омрачены распространением коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации, так и всего мира, отмечено сокращение количества преступлений против личности на 6,6 %, а преступлений, совершённых в общественных местах – на 10,6 %. Однако количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий «возросло на 76,7 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 90,2 %, с использованием средств мобильной связи – на 100,5 %» [4]. Рост количества преступлений в данной сфере привёл к необходимости создания в структуре следственного департамента и территориальных органов предварительного следствия МВД России подразделений для борьбы с киберпреступлениями [5].

Надлежащее внимание следует уделить обеспечению прав личности при использовании в уголовном процессе информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе при применении электронного документооборота, а также при использовании технических средств при производстве следственных действий, обеспечения конфиденциальности и сохранности информации, полученной на электронных носителях либо посредством электронного документооборота. Ч.4 ст.164 УПК РФ предусматривает возможность применения при производстве следственных действий технических средств, применение которых необходимо отразить в протоколе следственного действия, следователь, дознаватель должен также проинформировать об этом участников данных следственных действий [3]. При применении технических средств допускается привлечение специалистов, а также экспертов – при необходимости проведения экспертизы.

При применении процессуальных действий, ограничивающих тайну связи, необходимо обеспечить сохранение личной и семейной тайны,

коммерческой тайны, других видов информации, доступ к которым ограничен законодательными актами. Статьёй 138 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, главой 28 УК РФ – за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, в частности, за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст.272 УК РФ), за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст.273 УК РФ) [6].

Несмотря на существующие меры по обеспечению сохранности информации, преступники изобретают новые способы получения незаконного доступа к ней, используя актуальные на определённый период времени проблемы. К примеру, преступной группой хакеров, именуемой OldGremlin, начиная с марта-апреля 2020 года, было совершено как минимум 9 хакерских атак на крупные российские компании. Преступниками для введения в заблуждение сначала использовалась тема обеспечения безопасности в период пандемии коронавирусной инфекции, далее – исследования банковского и финансового сектора в период пандемии [7].

При изучении фонограммы телефонных переговоров, детализации соединений между абонентами следователем, дознавателем должно быть обеспечено право на тайну телефонных переговоров лиц, не имеющих отношения к расследуемому уголовному делу. Так, в протоколах осмотра данных материалов надлежит фиксировать лишь информацию, имеющую отношение к устанавливаемым обстоятельствам дела, а также хранение материальных носителей информации в недоступных для других лиц условиях.

Итак, во исполнение нормы Конституции РФ, регламентирующей обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, надлежит привести соответствующие законодательные акты в соответствие с технологическим развитием общества. В частности, Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 N 126-ФЗ [8], Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ, несмотря на периодическое внесение изменений, требуют дальнейшего совершенствования.

Должное внимание должно быть уделено подготовке и отбору кадров подразделений по борьбе с киберпреступлениями, а также правовому просвещению граждан: работников – работодателями; детей – преподавателями и родителями, всего населения – средствами массовой информации. В школах и университетах следует ввести курс «информационной безопасности» вне зависимости от направления подготовки.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.2020)
2. Пастухов П.С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества, государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып.36. С.231-236.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.2020)
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - август 2020 года [Электронный ресурс] // Данные ГИАЦ МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21244698/> (дата обращения: 15.10.2020)
5. В следственном департаменте МВД создали подразделения по борьбе с ИТ-преступлениями [Электронный ресурс] // Информационное агентство России «ТАСС». 7 февраля 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7708451> (дата обращения: 15.10.2020)

6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.2020)

7. Хакерская группировка OldGremlin атакует крупные компании и банки России [Электронный ресурс] // Российская газета, 23 сентября 2020. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 16.10.2020)

8. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 07.04.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.10.2020)

УДК 324

Борисенко
Кирилл
Сергеевич

магистрант 1 курса, Южный Федеральный
университет
Институт социологии и регионоведения
e-mail: borisenkokirill@mail.ru

Голотвин
Григорий
Григорьевич

магистрант 1 курса, Южный Федеральный
университет
Институт социологии и регионоведения
e-mail: grin949@mail.ru

TELEGRAM-КАНАЛЫ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ КООРДИНАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РАМКАХ ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БЕЛОРУССИИ В 2020 ГОДУ

Аннотация: В условиях роста протестных настроений на всём постсоветском пространстве и увеличения числа цветных революций в мире, для продвижения идей которых используются социальные сети, мессенджеры и Интернет в целом, возрастает роль Telegram-каналов, которые являются одним из основных инструментов координации действий протестующих, что явно видно на примере Белоруссии.

Ключевые слова: Telegram-канал, NEXTA, цветная революция, новостной агрегатор, протестные движения, социальные сети, митинг.

TELEGRAM CHANNELS AS ONE OF THE TOOLS FOR COORDINATING PROTEST MOVEMENTS IN THE FRAMEWORK OF THE COLOR REVOLUTION IN BELARUS IN 2020

Abstract: with the growth of protest moods throughout the post-Soviet space and an increase in the number of color revolutions in the world, which use social networks, messengers and the Internet in general to promote their ideas, the role of Telegram channels, which are one of the main tools for coordinating the actions of protesters is growing, which is clearly seen in the example of Belarus.

Key words: Telegram channel, NEXTA, color revolution, news aggregator, protest movements, social networks, rally.

Цветные революции являются отнюдь не новым явлением на постсоветском пространстве в 21 веке. За прошедшие 20 лет они способствовали смене правительства в Грузии, Украине, Армении, Киргизии, однако потерпели неудачу в Узбекистане, России, Белоруссии («Васильковая» революция 2006 года). Обычно цветные революции начинаются после общегосударственных выборов (парламентских, президентских). Так же разворачивалась ситуация и в августе 2020 года в Белоруссии, где на 9 августа были запланированы выборы президента Республики Беларусь. Они обещали быть серьёзным политическим событием в стране, так как в них собирались принять участие сразу несколько популярных кандидатов помимо действующего на тот момент лидера республики Александра Лукашенко. Однако серьёзные оппозиционные кандидаты не были допущены к выборам, а двое из них до сих пор находятся в местах лишения свободы. В силу этого оппозиция решила объединить свои силы и выставить общего кандидата – Светлану Тихановскую, которая является женой одного из осужденных. По результатам ЦИК Белоруссии победу в президентских выборах Республики Беларусь одержал Александр Лукашенко, однако большое количество людей в Белоруссии не поверили такому исходу. Они решили высказать своё мнение на митингах и протестах, которые собирали на улицах Минска, по разным подсчётам, до 200 000 тыс. человек. Для того, чтобы координировать действия такого большого количества человек, необходимы определённые инструменты, в роли которых здесь выступили Telegram-каналы.

Telegram-каналы оказывают большое влияние на политическую жизнь постсоветских стран. Они уже давно стали инструментом политтехнологов и политической элиты, при помощи которых населению поставлялась та или иная информация. Однако во время событий в Белоруссии Telegram-каналы из поставщика новостей превратились в координаторов массовых протестов в Республике Беларусь. Особенno это касается Telegram-каналов «NEXTA» и «NEXTA Live», совокупная аудитория которых насчитывает около 3 млн человек, что является рекордом для русскоязычного сегмента Telegram («NEXTA» – более 900 тыс. чел., «NEXTA Live» – около 2 млн чел.) [1]. Эти каналы набрали такую огромную аудиторию благодаря ошибочным действиям властей, которые, несмотря на законодательный запрет на работу данного мессенджера в Белоруссии, не смогли ограничить к нему доступ фактически. Кроме того, сразу после публикации результатов голосования, когда стихийные протесты только начинались, властью были заблокированы все социальные сети и информационные ресурсы, во время митингов выключался Интернет в Минске и других крупных городах республики. Свою работу вели лишь провластные телевизионные каналы. На фоне этого мессенджер Telegram продолжил работать благодаря усилиям его создателя Павла Дурова.

Таким образом, популярность вышеперечисленных Telegram-каналов резко возросла в считанные дни [2].

Говоря более детально про контент канала «NEXTA», следует отметить, что условно можно разделить новостную ленту на несколько групп сообщений по тематике:

1. новостные видеоролики и текстовые материалы, не посвящённые протестной тематике;
2. видеозаписи, свидетельствующие о применении силы со стороны сотрудников правоохранительных органов в адрес протестующих (аналогичные видеозаписи, где совершаются акты насилия со стороны гражданских в адрес правоохранительных органов, Telegram-канал предпочитает не постить);
3. координация действий протестующих;

4. публикация личных данных сотрудников правоохранительных органов, провластно-настроенных граждан, работников государственных телевидения и радиоканалов Белоруссии.

Для того, чтобы иметь более чёткое представление о работе данных Telegram-каналов, необходимо разобрать каждый из вышеприведённых подпунктов детально.

1) «NEXTA» и «NEXTA Live» изначально позиционировали себя как новостной агрегатор. Новости были сосредоточены вокруг общественно-политической и социально-экономической жизни страны. Позже они стали приобретать прямой антивластный характер. Сейчас новостной поток в данном канале крайне интенсивен, новости публикуются с высокой степенью частотности (минимум 5-10 постов в день). Часть этих новостей носит сомнительный характер, а некоторые новости были явными «фейками» и содержали откровенную ложь, на публикации чего канал попался в августе 2020 года. Примером таких постов являются новости о применении Вооружённых Сил Российской Федерации на территории Белоруссии, которые якобы были сосредоточены на границе России и Белоруссии во время протестных акций. Кроме того, NEXTA активно тиражировала фейк об участии сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации в подавлении белорусских протестов.

2) Видеозаписи, содержащие насильственные действия сотрудников правоохранительных органов публикуются в данных каналах регулярно. Стоит отметить, что белорусская элита и силовики сами во многом виноваты в раскачивании протестного движения, так как по их приказу мирные протестующие были избиты с особой жестокостью. Грустная и тревожная музыка сопровождает видеоряд насильственных действий, что оказывает серьёзное влияние на эмоции зрителей, наполняя их злостью и убеждая в том, что они стоят «за правое дело». Помимо этого, публикуется много сообщений о пытках в изоляторах временного содержания (ИВС) и отделах милиции (некоторые сопровождаются фотографиями следов побоев). Наряду с видео- и

фотоматериалами, свидетельствующими о применении силы к протестующим со стороны правоохранительных органов, имели место быть и фейковые фото с побоями, а также скриншоты переписок представителей NEXTы с задержанными, которым предлагалось соврать об изнасилованиях, избиениях и т. д.

3) NEXTA является основным координатором белорусских протестов. Поскольку другие источники информации представлены менее значимо, нежели провластные СМИ, то протестующие согласуют свои действия с помощью данного Telegram-канала. Более того, в «NEXTA» активно публикуются призывы к протестным движениям, антиконституционному перевороту, насильственному свержению действующего режима. Редакторы канала также делятся инструкциями по действиям в различных ситуациях для протестующих: как действовать при прямом столкновении с сотрудниками правоохранительных органов; каким образом организовывать «цепь» и др. [3].

4) Одним из основных «орудий» информационной войны со стороны NEXTы стали регулярные публикации персональных данных сотрудников правоохранительных органов, такие как номер мобильного телефона, адрес проживания, информация о семье и близких. Также публикуются данные людей, поддерживающих действующую власть и выступающих против протестующих в Белоруссии. Эти действия носят целенаправленный характер, так как после вскрытия персональных данных на силовиков и людей с провластной позицией оказывается колоссальное психологическое давление: приходят сообщения с угрозами для жизни человека и его семьи.

Действия NEXTы нарушают законодательство Белоруссии, так как они направлены на насильственное свержение власти. Администраторы канала активно применяют различные пропагандистские приемы, воздействующие на эмоции протестующих. Например, они активно играют словами, называя силовиков такими словами как «лужашисты», «каретели», «оккупанты», а также лозунги как «фашизм не пройдёт» и «потомки партизан борются с фашистским

режимом». Для любого человека, живущего на постсоветском пространстве, такого рода лексика вызовет определенные негативные эмоции из-за исторической памяти о многочисленных жертвах, которые были понесены Советским Союзом во время Великой Отечественной войны [4].

Telegram-канал NEXTA был создан в 2018 году, однако популярность к нему пришла только в после президентских выборов в Белоруссии 2020 года. В таком стремительном росте аудитории данного канала есть большая вина белорусских властей, которые заблокировали почти все оппозиционные новостные ресурсы после выборов, а также выключали Интернет. Соцсети и Интернет давно являются площадками для организации протестных движений: по всему миру: Twitter во время событий арабской весны в 2011 году, Facebook во время Майдана в 2014 году в Киеве. Telegram-каналы как инструмент координации протестов крайне эффективно показал в себя в Гонконге, а после событий в Белоруссии вышел на новый уровень.

Таким образом, Telegram-каналы являются мощным инструментом для организации и координации протестных движений, а также продвижения идей цветных революций как на постсоветском пространстве, так и во всём мире. Для того, чтобы иметь возможность бороться с ними, прогосударственным силам необходимо создавать свои собственные каналы для вещания и донесения собственной позиции власти до населения.

Литература

1. Telegram-канал NEXTA Live [Электронный ресурс] URL: https://t.me/nexta_live (дата обращения: 18.10.2020).
2. NEXTA Live — самый популярный Telegram-канал о протестах в Беларуси, который читают более миллиона человек. Откуда он взялся и кто его делает? [Электронный ресурс]. – URL: <https://esquire.ru/articles/199063-nexta-live-samyy-populyarnyy-telegram-kanal-o-protestah-v-belarusi-kotoryyy-chitayut-bolee-milliona-chelovek-otkuda-on-vzyalsya-i-kto-ego-delaet/#part0> (дата обращения: 16.10.2020).

3. Участники протестов в Белоруссии самоорганизуются через Telegram [Электронный ресурс]. – URL: https://www.znak.com/2020-08-11/uchastniki_protestov_v_belorussii_samoorganizuyutsya_cherez_telegram (дата обращения: 16.10.2020).

4. Информационная война, белорусские протесты и заработка телеграм-канала. Главное из интервью Дудя с основателем Nexta [Электронный ресурс]. – URL: <https://tjournal.ru/by/213356-informacionnaya-voyna-belorusskie-protesty-i-zarabotok-telegram-kanala-glavnoe-iz-intervyu-dudya-s-osnovatelem-nexta> (дата обращения: 16.10.2020).

УДК 347.441

Быченок
Полина
Сергеевна

студент Южно-Российского института управления
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: polinabychenok@gmail.com

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ДОГОВОРЫ, ЗАКЛЮЧАЕМЫЕ МЕТОДОМ CLICK-WRAP: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Аннотация: данная статья посвящена проблематике click-wrap соглашений – институту договорного права, который возник не так давно, но уже получил повсеместное распространение. В условиях электронной коммерции защита слабой стороны, под которой понимается потребитель, сталкивается с новыми вызовами. Автор выделяет важнейшие особенности click-wrap соглашений, подчеркивает их плюсы и минусы. Предложены способы урегулирования изучаемой конструкции, внедрение которых в отечественное правовое поле будет поддерживать защищенность потребителя.

Ключевые слова: электронная коммерция, информационные технологии, договорное право, способ заключения договора, click-wrap соглашение, договор присоединения, потребительские договоры, защита прав потребителей.

CLICK-WRAP CONSUMER CONTRACTS: USER PROTECTION ISSUES

Abstract: This article is devoted to the issues of click-wrap agreements, an institution of contract law that has emerged not so long ago, but has already become widespread. In the context of e-commerce, the protection of the weak party, understood as the consumer, faces new challenges. The author highlights the essential features of the design being studied, pointing out its pros and cons. The solutions relate to methods for settling click-wrap agreements, the introduction of which into the domestic legal sphere will support the consumer's safety.

Key words: e-commerce, information technology, contract law, method of contracting, click-wrap agreement, adhesion contracts, consumer contracts, consumer protection.

Одной из наиболее значимых и масштабных тенденций развития общества в наши дни можно признать переход внушительного числа правоотношений в онлайн-формат. Эпидемиологические, политические и социально-экономические характеристики 2020 года существенно повлияли на привычный уклад жизни субъектов оборота и сыграли немалую роль в ускорении и распространении названного процесса. Так называемое «Интернет-право» выступает новой и активно развивающейся областью теории и практики, а число задач, требующих решения, регулярно возрастает [1, с. 25-30]. Всё это подчеркивает значимость изучения и анализа проблематики, связанной с правовыми институтами, реализующимися в цифровой среде.

Информационно-коммуникационные технологии создают качественно новое поле взаимодействия, в связи с чем многие привычные способы и конструкции правового регулирования либо предстают вовсе не применимыми, либо требуют модификации. Новшества нуждаются в релевантной регламентации, законодательство и практика должны идти в ногу со временем и не быть оторванными от реальности. На основании этой объективной потребности всё большее внимание юристов привлекает сфера электронной коммерции. Она понимается как совокупность отношений, возникающих в связи с совершением сделок, а также рекламированием товаров, услуг и иных объектов в сети Интернет и других информационно-телекоммуникационных сетях [2, с. 19-23].

Договоры, которые заключаются в сети Интернет, в целом подчинены общим положениям договорного права. Однако специфика цифрового пространства накладывает свой отпечаток, создавая новые возможности и институты. Так, одним из них выступают click-wrap соглашения, в которых акцепт выражается посредством щелчка мыши в графе «Я согласен», «Я принимаю условия соглашения» и тому подобное [2, с. 207]. Отметим, что типы договора квалифицируются по его предмету, а не методу заключения, поэтому названный тип соглашения не следует причислять к самостоятельным видам договора.

Такие соглашения мы встречаем ежедневно: например, когда регистрируемся на сайтах, загружаем приложения и программы на свои устройства, оформляем заказы в интернет-магазинах, даем разрешение на обработку персональных данных. Подобный способ заключения комфортен для пользователя. Во-первых, это быстро и не требует каких-либо сложных процедур. Во-вторых, контрагенты, чья профессиональная деятельность реализуется в Интернет-пространстве, как правило, стремятся сделать свой ресурс как можно более визуально привлекательным. Как показали исследования, когда интерфейс нравится пользователям, они менее восприимчивы к формальностям и практически не обращают внимания на детали [3].

Данная конструкция удобна и для оферента. Использование click-wrap соглашений позволяет значительно снизить юридические и экономические издержки за счет того, что в их основе лежит механизм договора присоединения. Названный тип регламентируется ст. 428 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] и характеризуется тем, что акцептант может присоединиться к договору только посредством принятия уже сформулированных условий. Этот факт, несмотря на удобство такой конструкции, порождает ряд сложностей.

В рамках данной статьи будут рассмотрены договоры, которые по субъектному составу относятся к категории B2C (business-to-customer). В

отечественном правопорядке они известны как потребительские договоры и опосредуют отношения между предпринимателем и потребителем. Их специфика заключается в том, что одна из сторон является профессиональным участником рынка, обладает широким спектром ресурсов для защиты своих интересов, а другая, напротив, выступает простым обывателем без каких-либо специальных знаний. В случае с договором присоединения эти позиции сильной и слабой стороны ещё более выделяются, так как коммерсант самостоятельно определяет договорные условия и не согласовывает их с отдельно взятыми пользователями.

Названные обстоятельства создают серьезный риск недобросовестного поведения коммерсантов и включения в договор выгодных им условий в ущерб интересам другой стороны. Этот риск становится ещё более существенным, учитывая, что большая часть пользователей обычно не уделяют должного внимания условиям подписываемых соглашений. По результатам проведенного в США исследования было установлено, что 97% людей в возрасте 18-34 лет соглашаются с условиями соглашений, не читая их. Это объяснимо, учитывая, что только на прочтение пользовательских соглашений всех сайтов и сервисов, используемых среднестатистическим человеком, потребуется около 250 часов [5]. Более того, юридически не подкованный человек может даже не осознавать, что он вступает в правоотношение. В таких условиях особое значение имеет поддержание баланса интересов и поддержка слабой стороны – потребителя.

Примечательно, что отечественное законодательство не содержит указания на понятие click-wrap соглашений, а доктрина пока что не выработала единого подхода: некоторые юристы относят его к категории заключения договора путем обмена электронными документами по п. 2 ст. 434 ГК РФ, другие – к заключению договора конклюдентными действиями по п. 3 названной статьи. Судебная практика склоняется ко второму варианту, что подтверждает ряд решений [6], [7]. Как кажется, независимо от выбранной категории, необходимо установить ряд требований к click-wrap соглашениям, при соблюдении которых договор будет считаться действительным, а

потребители будут защищены от злоупотребления и значительного уклона в сторону интересов предпринимателя-оферента.

Зарубежными учеными предложены следующие критерии: пользователю предоставляется уведомление о существовании предлагаемых условий, то есть о том, что его действия регулируются договорным правом; пользователь имеет реальную возможность ознакомиться с условиями договора; пользователю предоставляется надлежащее уведомление о том, что принятие указанного действия свидетельствует о согласии с условиями; пользователю предоставляется действие для принятия условий, указанных в уведомлении [8]. Считаем, что подобные пункты следует отразить в отечественном правовом регулировании. Возможно, законодательно закреплять их ещё рано. Однако представить их в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ, чтобы проанализировать их практическую применимость, по всей видимости, будет оптимальным решением на данном этапе.

Определенно, все условия договора и порядок его заключения должны оцениваться в совокупности. Отметим, что такие факторы, как использование мелкого и слабозаметного шрифта в тексте договора, чрезмерное употребление узкоспециальной лексики, недоступной для понимания пользователей без юридического образования, а также громоздкие синтаксические конструкции, отвлекающие от сути, могут свидетельствовать о недобросовестности оферента. Случай размещения графы «Я согласен» перед самим договором также должны минимизироваться. Для повышения информированности пользователя рекомендуется размещать на сайте, помимо полного текста, краткую справку по предлагаемому договору, где понятным языком будут изложены его основные положения.

Законодательно закрепленным способом защиты пользователя выступает ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» [9], которая устанавливает, что условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются

недействительным. В ней имеется некоторая неточность. Во-первых, в названии статьи и в содержании пункта законодатель упомянул лишь недействительность, хотя гражданским законодательством она подразделяется на ничтожность и оспоримость. Во-вторых, указание, что условия «признаются недействительными», может вводить субъектов на практике в заблуждение, так как именно оспоримые сделки признаются недействительными судом [10, с. 10]. Но, даже при этом дефекте, указанная норма способствует укреплению положения пользователя в click-wrap соглашении. Следует помнить и о установленном в п. 2 ст. 428 ГК РФ способе, используя который можно защитить интересы пользователя как слабой стороны.

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить, что сфера электронной коммерции уже плотно закрепилась в нашей повседневной реальности и, несомненно, в будущем её ждет ещё большее распространение. В свете этого право должно обратить особое внимание на формирование законодательного, теоретического и практического базиса как для существующих сейчас технологий, так и для будущего развития. Проблема защиты прав и интересов потребителей, традиционно выступающая важным аспектом договорного права, в условиях информационных технологий обретает новые грани. Сейчас мы можем говорить уже не только о нарушениях, связанных с качеством товара или услуги или с нарушением сроков, но и с более глубокими проблемами: на кону оказывается защита персональных данных пользователей, потенциальные возможности связать их правоотношениями без их волеизъявления, и не только. Для решения новых системных проблем требуется урегулировать правовой режим click-wrap соглашений, обозначив те критерии, которым они должны соответствовать, чтобы быть правомерными и не посягать на принцип добросовестности и безопасность личности в цифровой среде.

Литература

1. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры // М.: Издательство Юрайт, 2016. – 249 с.

2. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование (2-е изд., перераб. и доп.) // М.: Статут, 2016. – 640 с.
3. Obar, Jonathan A. and Oeldorf-Hirsch, Anne, The Clickwrap: A Political Economic Mechanism for Manufacturing Consent on Social Media // Social Media + Society, July-September 2018, pp. 1-14.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
5. Visualizing the Length of the Fine Print, for 14 Popular Apps // URL: <https://www.visualcapitalist.com/terms-of-service-visualizing-the-length-of-internet-agreements/> (дата обращения: 11.11.2020).
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 26.05.2016 по делу N 33-9773/2016;
7. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 20.03.2018 по делу N 33-11423/2018
8. Garcia M. Browsewrap: A Unique Solution to the Slippery Slope of the Clickwrap Conundrum // Campbell Law Review. 2004. №31. P. 60
9. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 24.04.2020) "О защите прав потребителей" // СЗ РФ. 1996. №3. Ст. 140.
10. Сармин Н. А. Недействительность условия договора, ущемляющего права потребителя // Материалы конференции с международным участием «Актуальные проблемы правового регулирования и нотариального удостоверения сделок в Российской Федерации». Ростов н/Д: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2019. с. 9-13.

УДК 34

Говорун
Анна
Дмитриевна

студент бакалавр, Южно-Российский институт
управления филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: a.d.govorun@gmail.com

ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ «ОТКРЫТЫХ ИННОВАЦИЙ» БИЗНЕСА В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ 4.0.

Аннотация В данной статье рассматриваются ключевые особенности развития Индустрии 4.0. в России.

Автор уделяет особое внимание проблемам внедрения социальной концепции политики открытых инноваций бизнеса, практике ведения экономической деятельности с применением современной моделей организации совершенствования разработок - пользовательской инновацией, а также особенностям их защиты действующим законодательством в сфере охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: Индустрия 4.0., открытые инновации, информационно коммуникационные технологии, интеллектуальная собственность, защита прав, диджитализация бизнеса, информатизация, пользовательские инновации.

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS OF "OPEN INNOVATION" BUSINESS IN THE ERA OF INDUSTRY 4.0 DEVELOPMENT.

Abstract : This article discusses the key features of the development of Industry 4.0 in Russia.

The author pays special attention to the problems of implementing the social concept of open business innovation policy, the practice of conducting economic activities using modern models of organizing development improvement - user innovation, as well as the features of their protection by current legislation in the field of protection of intellectual property rights.

Keywords: Industry 4.0., Open innovation, information and communication technologies, intellectual property, protection of rights, business digitalization, informatization, user innovations.

То, что еще 30 лет назад было лишь предметом воображения, сегодня является частью объективной реальности XXI века. Глубокая трансформация процессов выполнения привычных, рутинных задач человека с применением

цифровых технологий в разы ускорила переход на новый этап развития общества. Произошедшие за этот короткий для истории человечества период обновления принято считать новой индустриальной революцией четвертого поколения.

Внедряемые изменения тесно связаны с «открытыми инновациями». Этот термин, подразумевающий под собой парадигму ведения предпринимательской деятельности с применением гибкой политики в отношении НИОКР и интеллектуальной собственности, впервые был введен в оборот профессором Калифорнийского университета, описавшим сущность происходящих в начале века бизнес процессов в книге «Открытые инновации. Новый императив креативности и получения прибыли».¹⁰⁶ В своей работе профессор рассмотрел также сущность применения таких понятий как пользовательские инновации, совокупные и массовые инновации.

Исследователи указанного труда Генри Чесбро подчеркивают, что описываемый им переход на новый этап из эпохи «закрытых инноваций», когда решения всех трудностей производились «своими силами» только сотрудниками предприятия, был связан с нарастанием экономической интеграции и расширением возможностей процессов коммуникации компаний.¹⁰⁷ Болезненные изменения устоявшихся принципов «закрытых компаний» состояли в пересмотре отношения к основным стратегиям ведения бизнеса:

1. Стратегия монопольного удержания трудовых ресурсов «Ведущие специалисты в нашей области работают у нас» менялась с применением принципа открытости на следующую: «Мы должны работать с лучшими специалистами нашей области внутри и за пределами нашей компании»;

---

¹⁰⁶ H. Chesbrough (2003) «Open Innovation. The New Imperative for Creating and Profiting from Technology», Harvard Business School Press, ISBN 1-57851-837-7

¹⁰⁷ Трифилова Анна Александровна «Открытые инновации» - парадигма современного инновационного менеджмента // Инновации. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytye-innovatsii-paradigma-sovremennoego-innovatsionnogo-menedzhmenta> (дата обращения: 20.10.2020).

2. Стратегия внутренних разработок «Если мы сами сделаем открытие, мы первыми выведем его на рынок» менялась с применением принципа открытости на противоположную: «Нам не нужно быть первооткрывателями, чтобы получить прибыль от открытия»;

3. Стратегия первенства «Компания, которая первая выводит инновацию на рынок, считается лидером рынка» менялась с применением принципа открытости на следующий вариант: «Построить наиболее оптимальную бизнес-модель намного эффективнее, чем первыми выйти на рынок».¹⁰⁸

Так, меняющая подходы и стратегии «открытая инновация» ведущих компаний мира стала основой для глобальных изменений, выразившихся в четком проявлении новой индустриальной революции.

Индустрия 4.0 является сборным понятием с большой маркетинговой составляющей¹⁰⁹, которой предшествовали три этапа. Первым принято считать процесс механизации производства, начало использования энергии пара, воды. Вторым этапом индустриальную революцию с появлением производства, конвейерных технологий. Третьим - изобретение компьютера и соответствующую автоматизацию производства, момент появления автоматического контролирования производственных линий.

Наряду с этими подготовительными этапами четвертой индустриальной революции способствовали следующие 5 предпосылок:

1. В мире появилось огромное количество доступных данных и вычислительных мощностей, которые могут с этими данными работать. Данные стали сырьем для промышленности XXI века.¹¹⁰

---

¹⁰⁸ Данные взяты из сводной таблицы сравнения принципов закрытых и открытых инноваций H. Chesbrough (2003) «Open Innovation. The New Imperative for Creating and Profiting from Technology», Harvard Business School Press, ISBN 1-57851-837-7

¹⁰⁹ Илья Голубинский, менеджер проектов McKinsey Implementation в интервью для подписчиков YouTube канала.

¹¹⁰ Статья электротехнического интернет-портала «4 индустриальная революция — положительный эффект и стимул к развитию для LAPP» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elec.ru/articles/4-industrialnaya-revoljuciya-polozhitelnyj-effekt/>

2. Возможности коммуникации и интеграции стали безграничными. Любые данные с любого устройства могут быть интегрированы с другим устройством в любом месте и в любое время.

3. Появилась возможность автоматического получения данных. С помощью аналоговых цифровых преобразователей огромное количество «аналоговых сведений» реального мира стали доступны для виртуального компьютерного пространства.¹¹¹

4. Развитие машинного обучения и искусственного интеллекта открыло возможности для передачи творческих функций роботам, ранее доступных лишь человеку.

5. Развитие коммерческого уровня новых технологий способствовало популяризации таких технических решений как 3D-принтинг и виртуальная реальность.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что данные предпосылки (основы) «Индустрии 4.0» стали фундаментом для мощного скачка вперед и появления глобальных возможностей для современных компаний. Процессы получения новых данных, новой аналитики, возможностей делать вещи быстрее, качественнее, дешевле значительно изменяют бизнес-модели, ориентируют предпринимателей на качественное преобразование взаимодействия с потребителем.

Особое место здесь занимает цифровизация сервисных операций. Роботизация административно-управленческих операций, проводимая посредством автоматизации рутинных алгоритмизированных операций, уменьшила количество рисков ошибок, основанных на человеческом факторе. К примеру, в банковской сфере это позволило существенно упростить и расширить спектр услуг, предоставляемых конечному клиенту. С применением технологий диджитализации внешних процессов стал возможным запуск программы «интернет банкинга», с помощью которого

---

¹¹¹ Абилализов А.С., Тулегулов А.Д. Цифровая обработка аналоговых сигналов // НиКа. 2016. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-obrabotka-analogovyh-signalov> (дата обращения: 21.10.2020).

через мобильные приложения производятся процессы выдачи кредитов, открытия счетов, оплаты услуг, других процессов обмена пользовательскими данными в полностью автоматизированном, сугубо цифровом режиме, не требующим действий сотрудников банка на начальных этапах.

Также наблюдается особое влияние технологического прогресса на изменение организационно-правовых форм компаний. Президент «Сбербанка» Герман Греф заявил: «Мы все больше и больше становимся технологической компанией, а не банком», регистрируя более десятка связанных с новым товарным знаком «Сбер» дополнительных товарных знаков.

Об избавлении от слова «банк» заявил и основатель «Тинькофф банка» Олег Тиньков, подчеркивая важность технологического перехода от позиций посредника к позиции провайдера конечных услуг. В 2020 году с применением пользовательских инноваций ПАО «Сбербанк России» изменил стратегию повышения своей конкурентоспособности на рынке глобальных технологических компаний, запустив «экосистему онлайн-сервисов», включающую в себя сервисы доставки еды, организации взаимодействия клиентов с медицинскими учреждениями, перевозки грузов, оплаты и предоставления иных, в том числе развлекательных сервисов, планирования и организации учебного процесса, покупки и поиска жилья, облачного хранения информации и собственного мессенджера.

Такие изменения все больше подчеркивают важность развития института интеллектуальной собственности, охраны и разработки более совершенных механизмов их защиты при коммерческом использовании, поскольку каждое новое изобретение, внедренная новая технология одновременно не только упрощают операции по обеспечению людей товарами и услугами, важными сервисами, но и усложняют процесс их защиты как объектов права, которые становятся все более многогранными, сложными в своём техническом воплощении.

Существуют нерешенные проблемы защиты «идей» на этапе их воплощения, несовершенства законов об авторском праве, требующих обновления и актуализации теоретических основ с применением современных основополагающих понятий «интернет» и «высокие технологии»,¹¹² устранения существенной разницы в механизмах защиты авторского и патентного права.

Как отмечено в тексте Всемирной декларации по интеллектуальной собственности¹¹³ ценность прав интеллектуальной собственности заключается в их ключевом значении как инструмента в усилиях по решению основополагающей задачи развития для всех, которая в конце двадцатого века является важнейшей и универсально признанной проблемой, стоящей перед человечеством. Для современной России развитие данной области права особенно важно, поскольку оно способствует скорейшему усвоению и внедрению социальных концепций политики открытых инноваций, и развитию Индустрии 4.0. в стране.

Насыщение жизни клиентов полезными сервисами, собирающими в единую систему практически все возможности современных «открытых технологий» открывает новый этап развития «Индустрии 4.0.», требующей своевременного ответа законодателя в сфере защиты прав на постоянно развивающуюся и модернизирующуюся в своем составе интеллектуальную собственность.

Литература

1. Абилализимов А.С., Тулегулов А.Д. Цифровая обработка аналоговых сигналов // НИКА. 2016. №. [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL:https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-obrabotka-analogovyh-signalov](https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-obrabotka-analogovyh-signalov)

---

¹¹² Всемирная конвенция об авторском праве от 6 сентября 1952 г. (пересмотрена в Париже 24 июля 1971 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/105255/>, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., измененная 2 октября 1979 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/105255/>, <https://base.garant.ru/2540350/>.

¹¹³ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/vsemirnaya-deklaraciya-po-intellektualnoy-sobstvennosti-ot-26-iyunya-2000-g>

2. Статья электротехнического интернет-портала «4 индустриальная революция — положительный эффект и стимул к развитию для LAPP» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elec.ru/articles/4-industrialnaya-revolyuciya-polozhitelnyj-effekt/>

3. Трифилова Анна Александровна «Открытые инновации» - парадигма современного инновационного менеджмента // Инновации. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytye-innovatsii-paradigma-sovremennoego-innovatsionnogo-menedzhmenta>

4. H. Chesbrough (2003) «Open Innovation. The New Imperative for Creating and Profiting from Technology», Harvard Business School Press, ISBN 1-57851-837-7

5. Илья Голубинский, менеджер проектов McKinsey Implementation в интервью для подписчиков YouTube канала «об Индустрии 4.0.» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.elec.ru/articles/4-industrialnaya-revolyuciya-polozhitelnyj-effekt/>

6. Всемирная конвенция об авторском праве от 6 сентября 1952 г. (пересмотрена в Париже 24 июля 1971 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/105255/>

7. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540350/>

УДК 336

Евлахова
Юлия
Сергеевна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), зав.кафедрой финансов, бухучета и налогообложения Южный университет (ИУБИП)
e-mail: evlahova@yandex.ru

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА – КЛИЕНТА ФИНАНСОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА, РИСКИ, РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация: Статья посвящена характеристике цифрового профиля физического лица-клиента финансовой организации: классификации его атрибутов, составу и структуре системы использования и обращения цифрового профиля. Автором сформулированы виды рисков, возникающих у физического лица, чей цифровой профиль обращается, и у финансовых организаций, использующих цифровые профили клиентов. Раскрыт контур регулирования оборота цифровых данных о физическом лице в международной и российской практике.

Ключевые слова: атрибуты цифрового профиля, аутентификация, авторизация, ЕСИА, единая биометрическая система, киберриски, банки

DIGITAL IDENTITY OF FINANCIAL ORGANIZATION INDIVIDUAL CLIENT: ATTRIBUTES, RISKS, REGULATION

Abstract: Article is devoted to the characteristic of the digital identity of an individual-client of a financial organization: classification of its attributes, composition and structure of the digital profile exchange platform. The author formulated the types of risks that arise in an individual whose digital identity is addressed, and in financial organizations using digital customer profiles. The loop of digital data turnover regulation in international and Russian practice is disclosed.

Key words: digital identity attributes, authentication, authorization, ESIA, unified biometric system, cyber risks, banks

Функциональные возможности цифровых технологий создают новую платформу финансовой активности человека: поддержка принятия кредитных и инвестиционных решений, доступность финансовых продуктов и услуг и их персонификация благодаря обработке и анализу больших данных, новые виды инвестиционных активов, возникшие в результате блокчейн-технологии и многое другое. В то же время перемещение все больших объемов финансовой активности в виртуальное пространство приводит к изменению формата взаимодействия: от традиционных Business-to-Customer к взаимодействию Peer-to-Peer и даже Digital Identity Individual - Digital Identity Legal Entity. В этих условиях определение параметров цифрового профиля, исследование вопросов

обеспечения безопасности и его регулирования приобретают особую актуальность.

Цифровой профиль физического лица – клиента финансовой организации представляет собой совокупность всей доступной информации в цифровом виде о клиенте. Объем информации в цифровом профиле регулируется его достаточностью для проведения следующих операций:

- проверка соответствия между цифровым профилем и реальным человеком (идентификация),
- опознавание цифрового профиля клиента информационными системами финансовой организации (аутентификация),
- получение разрешения цифровому профилю клиента на совершение операций (авторизация).

Информация в цифровом профиле физического лица может быть классифицирована по различным признакам. Прежде всего, с точки зрения доступности информации в цифровом профиле физического лица могут быть приватные и публичные атрибуты. С точки зрения изменчивости информации атрибуты цифрового профиля физического лица включают:

- а) биологически заданные константы (например, дата рождения, биометрические характеристики);
- б) заданные государством атрибуты (например, национальность, паспортные данные, индивидуальный номер, налогоплательщика и т.п.);
- в) личностные атрибуты, меняющиеся в течение жизни (например, медицинские данные, поведенческие характеристики);
- г) атрибуты, возникающие из-за взаимодействия с внешними структурами и соответственно подверженные связанным с этим изменениям (например, номер мобильного телефона, адрес электронной почты, аккаунты в социальных сетях, банковские счета и т.п.).

Использование цифрового профиля физического лица происходит в рамках определенной системы, в которой помимо самих физических лиц, чьи цифровые профили обращаются, также присутствуют организации,

обеспечивающие те или иные атрибуты цифрового профиля (например, финансовые организации, операторы мобильной связи, медицинские организации, органы государственной власти и т.д.), и организации, использующие информацию цифрового профиля. Взаимодействие между организациями, генерирующими определенные атрибуты цифрового профиля физического лица, и организациями, использующими цифровой профиль, может быть описано рядом параметров, основными среди которых являются:

- а) тип взаимодействия (централизованное/распределенное);
- б) количество организаций, использующих цифровой профиль (одна/много);
- в) характер передачи информации (только опознавание цифрового профиля клиента / получение разрешения цифровому профилю клиента на совершение операций).

Финансовые организации участвуют в системе использования цифрового профиля физического лица и как организации, генерирующие определенные атрибуты (если физическое лицо является их клиентом), и как организации, использующие атрибуты цифрового профиля (как правило, на этапе приема на обслуживание).

Российские финансовые организации для получения цифровых данных о клиентах физических лицах могут обратиться к двум государственным централизованным системам хранения данных [1]:

- 1) ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации), которая обеспечивает доступ к хранящимся в государственных информационных системах атрибутам цифрового профиля физического лица, заданным государством и отчасти возникающим в результате взаимодействия с внешними структурами;
- 2) ЕБС (Единая биометрическая система), которая обеспечивает доступ к атрибутам цифрового профиля физического лица, являющимся биологически заданными константами.

Одновременно с этим отдельные финансовые организации, прежде всего, крупные российские банки являются своего рода «агентами» ЕБС, пополняя базу ЕБС на основе сбора и обработки биометрических данных своих клиентов [2].

Отметим, что удаленная идентификация клиентов банков-физических лиц, дающая возможность дистанционно открывать счета (вклады), предоставлять кредиты и осуществлять переводы без личного присутствия клиентов – лишь одна из возможностей использования цифрового профиля в финансовой сфере. Согласно дорожной карте Банка России по реализации основных направлений развития финансового рынка РФ [3], в перспективе предполагается разработка платформы цифрового профиля с использованием единого технологического идентификатора.

Риски, связанные с использованием цифрового профиля физического лица-клиента финансовой организации, в зависимости от субъекта могут быть следующими. Для физических лиц, цифровой профиль которых используется, - это 1) риски нарушения их прав и законных интересов (например, права на «забвение» данных, на получение копии данных, на информирование об «утечках» и другие права); 2) риски использования цифровых данных о физическом лице в неправомерных целях.

Риски финансовых организаций могут быть разделены на 4 группы, а именно:

- 1) риски при сборе биометрии, обработке запросов физических лиц и их данных, риски процедуры удаленной идентификации;
- 2) правовые и комплаенс-риски, связанные с потенциальными нарушениями законодательства о защите персональных данных;
- 3) риски мошенничества и хищения данных;
- 4) операционные риски, включая риски нарушения процессов и процедур внутреннего контроля в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Для государственных информационных систем (ЕСИА и ЕБС) ключевыми рисками являются риски кибербезопасности. Собственно, разделение цифровых данных по двум информационным системам и стало одним из первых решений в борьбе с киберрискаами, так как хранение биометрических данных в обезличенной форме без их привязки к персональным данным представляет дополнительные гарантии их защиты.

Регулирование процессов использования и обращения цифровых профилей физических лиц осуществляется и на международном, и на национальном уровнях. На международном уровне следует отметить документ, опубликованный Всемирным экономическим форумом в 2016 г. – Blueprint for digital identity [4], в котором определены категории цифровых профилей (не только физических, но и юридических лиц, а также активов), раскрыты основные контуры экосистемы цифровых профилей, представлены модели обращения цифровых профилей и развилики в их проектировании. Проблемам противодействия использования цифрового профиля в целях отмывания денег и финансирования терроризма посвящены Руководящие указания ФАТФ – Guidance on digital identity, 2020 [5].

В России регулятивный контур использования и обращения цифровых профилей физических лиц – клиентов финансовых организаций формируют: Федеральный закон №152-ФЗ "О персональных данных" от 27.07.2006; стратегический документ Банка России «Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 годов», а также нормативные акты и методические рекомендации ЦБ РФ.

Подводя итог, отметим, что круг научных и практических проблем, связанных с цифровым профилем физического лица – клиента финансовой организаций, во многом проходит стадию формирования. Перспективными направлениями развития цифрового профиля физического лица является развитие соответствующей инфраструктуры (модернизация существующих и создание новых механизмов, алгоритмов программной архитектуры) и в целом разработка Национальной системы управления данными.

Литература

1. Шаманина Е.И., Захаренко Ю.С. Биометрические технологии как перспективное направление совершенствования дистанционного банковского обслуживания // Вестник университета. 2020. №5. С.193-199.
2. Морозова Ю.В., Травкина Е.В. Цифровые технологии в российских банках: современное развитие и проблемы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. №1 (80). С.96-99.
3. План мероприятий (дорожная карта) по реализации основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019-2021 годов. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/71219/roadmap_onrfr2019_2021.pdf (дата обращения 19.10.2020)
4. A Blueprint for Digital Identity, 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_A_Blueprint_for_Digital_Identity.pdf (дата обращения 19.10.2020)
5. Guidance on digital identity, 2020. URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/digital-identity-guidance.html/> (дата обращения 19.10.2020)

УДК 330.354

Игнатова Татьяна Владимировна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: ignatova-tv@ranepa.ru
Дудукалов Егор	кандидат экономических наук, доцент, декан факультета управления, доцент кафедры

Владимирович

государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: dudukalov-ev@ranepa.ru

Филимонцева
Елена
Михайловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: filimontseva-em@ranepa.ru

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ И ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация Россия находится в условиях объективной необходимости совершенствования институциональной базы для обеспечения финансовой безопасности при переходе к цифровой экономике. Теоретический и методологический анализ заявленных в статье проблем цифровизации особенно востребован с учетом временных ограничений на выбор и тестирование цифровых экосистем на практике. В современных условиях целесообразно разработать оптимальные решения и модели цифровых финансов и цифрового образования на основе сравнительного анализа международных рейтингов в сфере цифровизации национальных экономик.

Ключевые слова: цифровые финансы, финансовая безопасность, информационные технологии, экономика знаний.

DIGITAL FINANCE AND DIGITAL EDUCATION IN THE FINANCIAL SECURITY SYSTEM

Annotation Russia finds itself in the conditions of an objective necessity to improve the institutional framework for the development of financial security. Theoretical and methodological analysis of the stated in the article issues is particularly in demand, taking into account the time constraints on the selection and testing of digital ecosystems in practice. In the current conditions, it is advisable to develop optimal solutions and regulatory models on the basis of comparative analysis of digitalization of national economies.

Keywords: digital finance, financial security, information technology, knowledge economy.

С позиций обеспечения финансовой безопасности Россия по-прежнему сохраняет потенциал в сфере финансов и образования, необходимый для технологического цифрового прорыва, который сформировался частично в советский период, частично в последние годы в результате успешного внедрения ИКТ и развития научных исследований в ряде приоритетных технологических областей. В современных условиях чрезвычайно важно наращивать темпы роста доли технологий пятого и шестого технологических укладов в ВВП страны. Но на практике даже сохранение текущих позитивных их тенденций в развитии финансовой безопасности и доходов бюджета может быть непростой задачей, требующей сбалансированного и комплексного подхода к ее решению, учитывая снижение спроса на нефть и динамику обменных курсов в условиях пандемии коронавируса.

Перед мировым сообществом стоит уникальная задача - преодолеть последствия коронавируса 2019-2020 гг. и одновременно продолжать строить цифровую экономику, обеспечивая финансовую безопасность в посткризисных условиях и опережающее развитие институтов постиндустриального общества, таких как цифровые финансы и цифровое образование. Эта логика продиктована основными международными документами по глобальному развитию, а именно Окинавской хартией глобального информационного общества (2000 г.), Декларацией принципов «Построение информационного общества - глобальная проблема в новом тысячелетии» (2003 г.), Тунисской повесткой дня для информационного общества (2005 г.), а также производными документами, созданными на их основе во многих странах мира, в том числе в России.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 07.02.2008 г. предполагала, что основным целевым показателем является достижение уровня 20 стран-лидеров ИКТ, то есть Россия преодолеет более 50

баллов в глобальном рейтинге. Эта цель была поставлена в 2008 году, а в 2010 году ее достижение уже ставилось под сомнение из-за последствий мирового финансово-экономического кризиса.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203) направлена не столько на конъюнктурные задачи, но и на внешнюю оценку успехов в построении информационное общество, но при обеспечении задач национальной безопасности.

Анализ экспертных оценок цифровизации национальных экономик стран мира демонстрирует, что пятерка самых конкурентоспособных стран в цифровой среде выглядит так: США, Сингапур, Швеция, Дания и Швейцария. Это подтверждается, в том числе данными IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019, которые рассчитаны бизнес-школой IMD (Швейцария) по показателям 63 экономик мира в дополнения к своему рейтингу глобальной конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Ranking). К сожалению, России не удается пока еще занимать в международных рейтингах позиции выше средних. Так, например, в международном рейтинге цифровой конкурентоспособности – IMD World Digital Competitiveness Ranking, Россия третий год подряд улучшает свои позиции, но существенных успехов так и не достигла. В IMD World Digital Competitiveness Ranking 2017 наша страна была на 42-м месте, в 2018-м – на 40-м, а в опубликованном недавно рейтинге 2019 года переместилась на 38-е место [1].

Анализ сильных и слабых сторон отечественной системы цифровых финансов и цифрового образования с точки зрения достижения Россией самых высоких мировых показателей цифровизации является чрезвычайно актуальным. COVID-2019 создал уникальные условия и предпосылки для развития отрасли ИКТ, внесла существенные корректизы в планы Российской Федерации по информационной интеграции, требуя быстрого и адекватного реагирования на вызовы времени.

Процессы, происходящие в естественной среде цифровой экономики в течение многих лет и десятилетий, а именно массовый перевод сотрудников на удаленную работу, использование аутсорсинга для оптимизации организационных структур, развитие дистанционного и электронного образования и т. Д. В настоящее время происходят в короткие сроки и, в целом, эти процессы довольно успешны. Это связано с тем, что в России сформировалась технологическая база, в частности, чрезвычайно высокий уровень проникновения сотовой связи (выше, чем в некоторых европейских странах), охват населения широкополосным доступом в Интернет. Так, анализ интенсивности использования в нашей стране отдельных технологий, учитываемых при расчете индекс цифровизации бизнеса, показывает, что широкополосный доступ к интернету применяют 82% организаций, облачные сервисы – 23%, ERP-системы – 19%, электронные продажи – 12%, RFID-технологии – 6%. Разрыв между российскими показателями и аналогичными данными по Финляндии, имеющей наибольшее значение Индекса, варьирует от 9 до 43 процентных пунктов. Минимальное отклонение зафиксировано в таких сферах, как электронные продажи (9 процентных пунктов) и использование RFID-технологий (17), максимальное – в отношении облачных сервисов (43) [1]. Однако институциональный компонент, особенно нормативно-правовая база, значительно отстает в развитии. Ярким примером является глава № 49.1 «Особенности регулирования труда удаленных работников», которая появилась только в 2013 году в Трудовом кодексе Российской Федерации, что привело к огромному количеству трудностей для организаций при их последующем взаимодействии с инспекцией. органы из-за их решения применять его хотя бы несколько широко. Другим примером являются примерные временные рамки для расчета учебной нагрузки преподавателей, которые не предусматривают отдельную плату за репетиторство, преподавание или даже оцифровку учебных курсов. Россия находится в условиях объективной необходимости совершенствования институциональной базы для развития и использования ИКТ [2].

Следует помнить, что Россия провозгласила задачу построения общества знаний и формирования цифровой экономики на основе существующей правовой базы. В этом нет никакого противоречия, хотя это обстоятельство требует некоторого объяснения. М. Шелер [3] предложил следующие три категории для классификации знаний: «Herrschaftswissen» - знания, необходимые для действия или контроля (инструментальные); «Bildungswissen» - знания, полученные для общего образования (интеллектуальные); «Erlösungswissen» - знания для высоких духовных целей (духовные). Основным недостатком этого подхода является предположение о безусловной интерпретации информации и абсолютной полезности любых полученных знаний.

Отсутствие комплексности применения цифровых технологий в сфере образования, односторонне технократический подход к образованию без учета его духовно-воспитательной составляющей приводит к угрозам для национальной безопасности в целом и требует внимания при реализации политики комплексной цифровизации.

Литература

1. Россия в ИТ-рейтингах [Электронный ресурс]
<http://www.tadviser.ru/index.php>
2. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. Интеграция технологических факторов и институциональных условий перехода к инновационному типу экономического роста// Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10. № 2. С. 72-82.
3. Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft, Der Neue Geist Verlag. Leipzig, 1962.

Каплуненко
Алексей
Михайлович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
e-mail: alekseykaplunenko8395@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПУБЛИЧНОГО
УПРАВЛЕНИЯ К ПРОЦЕССАМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОПЫТ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В ШВЕЦИИ И ФРАНЦИИ¹¹⁴**

Аннотация: В последнее время функционирование систем государственного управления все больше подвергается влиянию процессов цифровизации. Цифровая экономика в странах Европейского союза регулируется на национальном и европейском уровнях и имеет свои особенности развития в каждом государстве, что обуславливает различия европейских стран по уровню развития цифрового публичного управления. На примере опыта правового регулирования процессов цифровизации в Швеции и Франции показаны и проанализированы сложности, с которыми сталкиваются национальные модели публичного управления в ходе своей адаптации к вызовам цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, публичное управление, скандинавская модель, наполеоновская модель, иерархическая модель, менеджериальная модель, сетевая модель, правовое регулирование.

**ISSUES OF ADAPTATION OF PUBLIC GOVERNANCE MODELS TO
DIGITAL ECONOMIC PROCESSES IN THE EUROPEAN UNION
COUNTRIES: SWEDISH AND FRENCH LEGAL FRAMEWORK
EXPERIENCE**

Abstract: Recently public governance has been affected by digitalization processes. In this case in the European Union countries the digital economy is regulated on European and national levels and has its' own development features, so as the EU countries have referring to digital public governance. Analyzing Swedish and French digitalization processes legal framework experience, one can see a number of difficulties that national public governance models meet while its' adaptation to the digital economic challenges.

Key words: digital economy, public governance, Nordic model, Napoleonic model, bureaucratic model, managerial model, network model, legal framework.

---

¹¹⁴ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда, проект №19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Современные процессы цифровой экономики, с одной стороны, стали движущей силой международного сотрудничества, ускорили процессы демократического транзита в развивающиеся страны и стимулировали развитые страны полностью или частично пересмотреть свои модели государственного управления. В то же время цифровые процессы породили ряд проблем для адаптации государственных институтов к технико-технологическим инновациям ИКТ-отрасли. Стали возникать вопросы о повышении эффективности работы государственной администрации и оптимизации затрат на содержание и переобучение штата государственных служащих, о рисках и возможностях контроля «сверху» и «снизу», о «цифровых правах» граждан и т.д. Этот список вытекает из более крупной проблемы – правового регулирования использования прорывных технологий – достаточно показательной характеристики эффективной адаптации систем публичного управления к темпам развития цифровой экономики. Как пишут В.Н. Южаков, Э.В. Талапина и А.А. Ефремов, в международной практике выявление и устранение подобных правовых ограничений ведется в двух ключевых направлениях: при помощи оценки воздействия технологий (Европейская сеть парламентской оценки технологий) и анализа лучших практик, осуществляемого в рамках Инструментария цифрового правительства ОЭСР. [1, С. 239] Постепенное внедрение оценки воздействия технологий в странах Европы обуславливает успех некоторых из них в сфере цифровизации, который признан во всем мире и подтверждается международными исследованиями и соответствующими рейтингами, например, The International Digital Economy and Society Index (I-DESI). Оценивая 5 областей развития цифровой экономики, т.е. распространность и качество коммуникационной инфраструктуры, цифровые навыки населения, степень использования Интернет-сервисов, мера интеграции цифровых технологий в экономику, уровень развития цифровых государственных услуг, индекс позволяет получать количественные и качественные данные об процессах цифровизации в Европе. По данным доклада Еврокомиссии по результатам этого индекса, в 2016 году 4 страны-

члена ЕС с наиболее высокими показателями занимали 2 строку в этом международном рейтинге – впереди них была только Южная Корея. Среднее значение по всем странам Евросоюза занимало только лишь 11 строку, а страны-члены ЕС с наименьшими показателями – 15. [2, Р. 14]. Рекомендации, которые формирует ОЭСР для своих стран и международных организаций на основе анализа их лучших практик, способствуют обмену практическим опытом между участниками организации и их сотрудничеству с частными компаниями в рамках перспективных проектов по развитию государственной политики цифровизации. В 2014 году Советом ОЭСР по стратегиям цифрового правительства были представлены 12 рекомендаций, одной из которых было обеспечение государствами законодательных и регуляторных рамок для внедрения цифровых технологий в публичное управление, а также проведение оценки регулирующего воздействия законопроектов в сфере цифровизации. [3, Р. 8].

Влияние процессов развития цифровой экономики на состояние публичного управления в Швеции и Франции, как и в любом другом государстве, вставшем на путь цифровизации, выражается в расширении полномочий уже имеющихся или создании новых министерств, ведомств, подведомственных структур, ответственных за отдельные аспекты политики цифровизации; пересмотре роли чиновника как элемента механизма исполнительной власти; конструировании цифровой государственной инфраструктуры (официальные сайты госорганов, специальные электронные сервисы для населения и т.д.); трансформации отношения населения к государству (от изменения уровня доверия к полной деформации восприятия); модернизации законодательства (введение новых правовых сущностей, принятие новых законов, внесение изменений в старые), попытках органов законодательной и исполнительной властей регулировать отношения экономических агентов в сети. Последний пункт имеет ключевое значение для политики цифровизации и составляет основу для трансформации модели публичного управления. В связи с этим, цель исследования – изучение

шведского и французского опыта регулирования правовыми и организационными институтами процессов адаптации государственного управления к национальным и европейским особенностям развития цифровой экономики.

Важное место в терминологическом аппарате данной работы занимает понятие модели государственного управления. Федосов П.А. определяет ее как «的独特ую совокупность характеристик, отличающих систему государственного управления в данной стране (группе стран) от таких систем в других странах (группах стран)» [4, С. 51]. Л.А. Калганова, исходя из общепринятого понятия модели, определяет ее в контексте государственного управления как «взаимосвязь (зависимость) между базовыми концептами идеологической системы и типом государственного устройства (или типом управления)» [5, С. 25]. Указанные авторы выделяют ряд моделей государственного управления в рамках национального подхода к анализу особенностей государственного управления в Европе: англосаксонская, наполеоновская, германская и скандинавская модели. Также важно отметить модели, основанные на трех достаточно распространенных концепциях государственного управления. К таковым относятся иерархическая, или модель классической бюрократии М. Вебера (современные авторы М. Консидис и Дж. Льюис рассматривают ее как процедурную), менеджериальная (рыночная) модель (New Public Management) Д. Осборна и Т. Геблера, после переосмысливания которой М. Муром впоследствии была представлена модель менеджмента публичных ценностей (Public Value Management), а также появились наиболее обсуждаемые в последнее время модели публичного управления типа New Public Governance С. Осборна и вариации на тему государственного управления в контексте растущего влияния цифровых ИКТ (например, Digital-Era Governance П. Данливи и Х. Маргеттс). Названные модели также можно классифицировать по трем категориям: иерархические, менеджериальные и сетевые. Для первых характерно: верховенство права; управленческий фокус на администрирование набором правил и руководств;

центральная роль бюрократического аппарата в разработке, принятии и внедрению решений, разделение государственных организаций на политические и административные; инкрементное составление бюджета; гегемония профессиональных чиновников. Пришедшая ей на смену в 1980-е гг. менеджериальная модель обладала следующими особенностями: перенос и адаптация в государственном управлении менеджериальных практик частных компаний; дробление государственных и использование агентских организаций для более эффективного оказания государственных услуг; акцент на контроле и оценке затрат и результатов в работе государственных организаций. Однако, менеджериальная модель также оказалась несовершенной, поэтому с появлением новых ИКТ, а также необходимости сохранения государственного влияния конфигурация публичного управления была пересмотрена с точки зрения политических сетей, позволяющих выстроить механизм управления на принципах публичности, транспарентности, справедливости, подотчетности, ориентированности на человека, эффективности и т.д. В настоящее время сложно утверждать, что только одна из этих моделей характерна для какой-либо отдельно взятой страны или группы стран, т.к. иерархические, менеджериальные и сетевые элементы управления в большей или меньшей степени присутствуют в функционировании любого современного государственного аппарата. В рамках настоящей работы для определения степени адаптации моделей публичного управления в Швеции и Франции к процессам развития цифровой экономики использованы обе представленные классификации моделей.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу двух вышеупомянутых стран, стоит кратко рассмотреть ряд особенностей развития и регулирования процессов цифровизации экономики в ЕС. Европейский союз представляет собой конфедерацию государств, заметно отличающихся друг от друга по уровню цифрового экономического развития и моделям государственного управления. Как пишет Циренщиков В. С., только в Евросоюзе модель экономической интеграции со всеми присущими ей особенностями реализуется

в полной мере [6, С. 105]. С точки зрения инновационной политики данная модель преследует цели, заложенные в стратегии «Европа 2020», которая была одобрена в еще 2010 году. В контексте цифровизации к этим целям относятся: создание Единого цифрового рынка (Digital Single Market), обеспечение поддержки электронной коммерции с пересмотром соответствующих директив ЕС и совершенствованием норм правовой защиты потребителей и поставщиков товаров и услуг, введение новых правил против геоблокирования в рамках ЕС (снятие ограничений на приобретение товаров в другой стране, если потребитель имеет гражданство и использует Интернет другой страны), уменьшение издержек при межстрановой пересылке в рамках ЕС приобретенных в сети товаров [7]. Достижение этих целей имеет ключевое значение для поддержания Европейским союзом своих лидирующих позиций в сфере цифровизации и создания устойчивой конкурентноспособной экономики. Дополнительно к этому, в рамках программы Single Market, Innovation and Digital и стратегии Единого цифрового рынка с 2021 года Еврокомиссия планирует взять курс на более интенсивную цифровую трансформацию Европы. Для этого разрабатывается специальная нормативная база в рамках уже одобренной Советом Европы программы Digital Europe (2021-2027). Согласно этому документу, для повышения эффективности цифровизации экономики и общества, необходимо улучшить инфраструктурные возможности ЕС в следующих областях: суперкомпьютеры, AI, кибербезопасность и доверие, цифровые навыки, расширение использования цифровых технологий населением, в экономике и государственном управлении. Бюджет Digital Europe (2021-2027) составит 9,2 млрд. евро. [8]. Также важно отметить, что параллельно с этой программой будут проводиться научные исследования и разрабатываться инновации в сфере цифровизации в рамках очередной программы Horizon Europe, оцениваемой в 100 млрд. евро. [9]. Крупные инвестиции в исследование и развитие цифровой инфраструктуры и разработка более продвинутых программ по политике цифровизации подкрепляются также довольно обширным законодательством Евросоюза. Согласно базе электронной

базе нормативно-правовых актов Eur-lex, на данный момент законы Евросоюза в сфере цифровизации регулируют 18 различных отраслей политики, причем большая часть сосредоточена на индустриальной политике и внутреннем европейском рынке. Вопросы внедрения цифровых технологий в различных секторах экономики регулируются 94 законодательными актами европейского уровня (директивами, постановлениями, регламентами и т.д.). Центральное место среди правовых актов Евросоюза занимают регламенты (законы) и директивы ЕС. Регламенты распространяются на всю территорию ЕС и обязательны к исполнению всеми странами. Директивы же вводятся в действие странами-членами Евросоюза через национальное законодательство и устанавливают цели, которые страны ЕС должны достичь. При этом страны могут только ужесточить требования, но не упрощать их. В сфере цифровой экономики законами и директивами регулируются такие аспекты, как, например, налогообложение (Директива 2008/8/EС от 12.02.2008 г. и др.), защита персональных данных (Директива 2002/58/EС от 12.07.2002 г., Регламент 2016/679 от 27.04.2016 г. и др.), сетевая и информационная безопасность (Директива 2016/1148 от 06.07.2016 г.) и т.д.

Как показывает практика Европейского Союза, развитие законодательства – неотъемлемая часть адаптации публичного управления к процессам цифровизации. Как это происходит в таких странах, как Швеция и Франция? Швеция является одной из первых стран, которые встали на путь активного внедрения цифровых технологий в общественную жизнь. Развитие ИКТ с момента их появления оценивалось как приоритетное направление экономики Швеции. Страна входит в десятку крупнейших экспортёров услуг ИКТ в мире, так как многие быстроразвивающиеся компании этого сектора находятся именно в этой стране (Ericsson, QlikTech, Skype, Polar Rose, Scalado, Spotify и др.). Экономические успехи государства сопоставимы с его достижениями в сфере публичного управления. Вышеназванная скандинавская модель позволила шведам построить государство всеобщего благодеяния, в котором наблюдается сочетание управлеченческих, правовых и переговорных

культур на всех уровнях государства. Можно сказать, что скандинавская модель публичного управления включает в себя элементы менеджериальной, сетевой и иерархической моделей, а именно строгое подчинение деятельности органов власти законодательству, в основе которого лежит институт прямой демократии, представленный многочисленными гражданскими объединениями, контролирующими, критикующими действия правительства и предлагающими решения общественно значимых проблем, что способствует формированию качественной социальной политики. Власть центра в Швеции сочетается с широкими полномочиями органов власти округов и активным участием населения в процессе принятия решений на муниципальном уровне. Как отмечается в докладе ОЭСР по Швеции за 2019 год, с 1980-х гг. страна прошла эволюцию государственного управления, основанного вначале на агентских организациях (менеджериальная модель), а затем на влиянии экспертных советов (сетевая модель), что в итоге позволило шведам сформировать модель управления на принципах консенсуса, сотрудничества, равенства, включенности в процессы принятия решений. [10, Р. 15].

В рамках шведской модели публичного управления развитые капиталистические отношения сопровождаются строгим государственным регулированием экономической политики, что обусловлено кризисом, который стране пришлось пережить в 1990-х гг. Тогда правительство взяло курс на сохранение сбалансированного бюджета и постепенное уменьшение внешнего государственного долга. Принятые в то время решения и проведенные реформы дали свои плоды и позволили адаптироваться к сложным экономическим переменам. В настоящее же время для максимально эффективного использования всех возможностей цифровой экономики с 2017 года в Швеции действует национальная стратегия A Sustainable Digitalised Sweden – A Digitalisation Strategy, преследующая 5 целей: улучшение цифровых навыков населения для стимулирования их участия в политике цифровизации; улучшение цифровой безопасности и повышение уровня доверия граждан к государственным услугам; создание конкурентной среды для улучшения

качества цифровых продуктов и развития инноваций; повышение уровня цифрового лидерства и, следовательно, качества публичного управления и его оценки; усиление цифровой инфраструктуры, жизненно важной для передачи данных. [11, Р. 7]. Кроме этой стратегии также действует ряд национальных программ, регламентирующих цели и задачи развития по таким направлениям, как цифровые государственные услуги, электронная идентификация граждан, национальная кибербезопасность, стандартизация систем обмена данными между государственными агентствами и органами власти, искусственный интеллект и т.д. Европейские (директивы и регламенты) и национальные нормативно-правовые акты создают институциональную среду для достижения целей и выполнения задач, поставленных в стратегиях и программах. Осознавая потребность в законодательном регулировании процессов цифровизации за последние годы был принят или обновлен ряд ключевых законов в таких сферах, как доступ к публичной информации (4 документа), электронная идентификация и защита данных (6 документов), безопасность цифрового правительства (4 документа), взаимосвязанность государственных баз данных (5 документов), государственные закупки (2 документа), стандарты интероперабельности систем (1 документ). [11, Р. 11]. Часть этих законов направлена на имплементацию таких нормативно-правовых актов ЕС, как Директива 2016/2102 от 26.10.2016 г. о доступности веб-сайтов и мобильных приложений органов публичного сектора, Директива 2003/98/ЕС от 17.11.2003 г. о вторичном использовании информации публичного сектора, Регламент 910/2014 от 23.07.2014 г. об электронной идентификации и удостоверительных сервисах для электронных транзакций на внутреннем рынке и об отмене Директивы 1999/93/ЕС и др. Однако, несмотря на достаточно развитую политику цифровизации, Швеция, как и любая другая страна, сталкивается со своими внутренними проблемами регулирования процессов цифровизации. ОЭСР проводит оценку этих трудностей и каждый год дает Швеции свои рекомендации по построению в стране системы государственного управления, основанного на анализе цифровых данных (data-driven governance). Например, в

докладе международной организации за 2018 год было сделано замечание, что для построения data-driven governance Швеции нужно пересмотреть свое текущее законодательство в отношении обмена государственными данными между органами власти и министерствами (например, органом земельной регистрации, кадастровым органом, министерством предпринимательства, энергетики и связи и др.). Суть проблемы заключается в том, что обмен этими данными осуществляется на платной основе и воспринимается как услуга в рамках публичной бизнес-модели, что не позволяет сформировать ценность государственной информации как публичного блага – важного элемента построения модели data-driven governance. [12, Р. 16] Также в докладе отмечалось, что шведская культура управления, сочетающая элементы консенсуса и бюрократии, не может обеспечить того уровня координации действий советов, агентств, министерств и ведомств, как это можно было бы сделать при наличии более развитых горизонтальных взаимодействий между структурами. [11, Р. 16]. Для компенсации этого недостатка и было создано специальное Агентство по цифровому правительству (DIGG), которое мониторит и анализирует разработки в области цифровой инфраструктуры публичного управления, разрабатывает стандарты и руководства для профильных структур, а также выступает с законодательными инициативами и предложениями по развитию цифровой политики в стране.

Франция является государством, которое тоже стремится к мировому лидерству в сфере цифровой экономики, хотя занимает только 16-е место в индексе стран DESI. Кроме того, французская модель государственного управления, часто называемая наполеоновской, характеризуется сильным влиянием бюрократии, т.е. является преимущественно иерархической с точки зрения принятия политических решений. Это обусловлено тем, что две мировые войны обусловили потребность населения в сильном государстве (Швеция в то время сохраняла нейтралитет). На сегодняшний день Франция является несовершенной демократией, т.к. страдает от недостатка участия населения в развитии страны. Повысить демократичность своей культуры

государственного управления страна пытается при помощи повсеместного внедрения цифровых технологий. Пока что наиболее эффективно ИКТ во Франции проявляют себя в экономической сфере. Стране может гордиться впечатляющими достижениями в этом направлении: 99% предприятий подключены к высокоскоростному Интернету; более половины компаний осуществляют онлайн-закупки; 90% предприятий переводят взносы в фонды социального страхования через Интернет; более 60% компаний оплачивают штрафы и таможенные пошлины онлайн; объем электронной торговли за период с 2006 по 2016 год увеличился более, чем в 4 раза. [13] При этом, согласно результатами проведенного Университетом Тафтса и компанией Mastercard исследованию цифровой эволюции стран, Франция, равно как и Швеция, относится к категории государств с замедляющимися темпами роста цифровой экономики. Для того, чтобы перейти в категорию лидеров рейтинга государству необходимо сосредоточить усилия на тех технологических областях, в которых оно уже лидирует. [14]. Конечно, для этого потребуется не только пересмотреть свою экономическую модель, но и законодательство, регулирующее процессы цифровой трансформации. В втором случае акцент сделан на разработку национальных программ и стратегий, а также отдельных нормативно-правовых актов для регулирования отдельных отраслей и сфер ведения. К первым стоит отнести разработанную в 2018 году Программу согласованного развития территориальной цифровой трансформации (DCANT), которая постулирует 4 приоритетные задачи: взвести единые основания для ускорения цифровых процессов; гарантировать участие муниципалитетов в политике цифровизации; внести вклад в глобальное развитие подходов к использованию данных в государственных услугах; способствовать становлению цифрового управления. [15, Р. 8]. Ориентиры развития в экономической области описаны в Правительственной дорожной карте по цифровой экономике (2013 г.), согласно которой, эффективная и современная экономическая система должна быть воздвигнута на 3 столпах: развитии научно-интеллектуального потенциала страны; стимулировании конкуренции

для ИТ-компаний; создании культуры доверия к цифровым технологиям. [15, Р. 9]. С целью повышения уровня цифровой экономики во Франции законодатель уделяет особенное внимание регулированию ряда отдельных сфер, которые на данный момент можно назвать движущими силами цифровизации в этой стране. К таковым относятся разработка и внедрение облачных сервисов в работу органов власти (Cloud strategy), механизмов электронной идентификации для граждан и бизнеса, государственных онлайн-закупок (ESPD), искусственного интеллекта (The National Research Strategy for Artificial Intelligence) и интероперабельности государственных баз данных. В рамках поставленных национальными стратегиями целей и задач парламент Франции при поддержке экспертных сообществ, а также на основе опыта других европейских стран и рекомендаций ОЭСР принял ряд законов, регламентирующих отношения граждан, бизнеса и государственных организаций в цифровой среде. Наиболее важным из них является принятый в 2016 году Закон о цифровой республике (The Digital Bill), задающий векторы инновационного развития Франции в сфере цифровой экономики и общества открытости. Интересно, что проект закона был составлен на краудсорсинговой основе – при помощи рядовых Интернет-пользователей. Закон постулирует 9 принципов функционирования цифрового общества, наиболее важными из которых можно назвать: обеспечение населения равными возможностями выхода в Интернет; предоставление домашним хозяйствам с финансовыми трудностями поддержание Интернет-соединения на время получения материальной помощи; обязательная верификация отзывов на сайтах; публикация государственных данных (например, реестра адресов) в открытом доступе; улучшение доступности государственных услуг населению. [15, Р. 13]. Некоторые законы Франции, так же и Швеции, являются актами, имплементирующими в правовую практику страны европейские директивы и регламенты. Среди таких можно назвать Закон об электронных коммуникациях и аудиовизуальных коммуникационных услугах (имплементирует нормы 5 директив, устанавливающих технические стандарты), Закон об электронной

подписи (сейчас адаптирован к 910/2014 от 23.07.2014 г.), Закон о доверии в цифровой экономике (Директива 2000/31/ЕС от 17.07.2000 об электронной коммерции) и ряд других. Также в рамках экономической политики стоит отметить законопроект о трансформации предприятий, который дополняет уже существующий План действий для роста и трансформации предприятий (РАСТЕ). Сам План предоставляет собой 4-ю фазу экономических реформ, направленных на либерализацию политики в отношении СМП, т.е. упрощении процедуры регистрации, выхода на международный рынок, получения государственных субсидий для инновационных проектов и создания новых рабочих мест. [16]. С учетом рассмотренных особенностей правового регулирования процессов цифровизации можно сказать, что наполеоновская модель публичного управления постепенно адаптируется к условиям, создаваемым технологическим прогрессом и экономическими изменениями. В своей статье по анализу правовых новелл французского законодательства Э.В. Талапина отмечает такие черты цифровизации по-французски, как бережное отношение к законодательству; постепенность реформ; сотрудничество власти и бизнеса в рамках многоуровневой регуляции; открытость публичных данных по умолчанию как постепенно достигаемая цель; акцент на защиту персональных данных пользователей; активное общественное участие в политике цифровизации; ориентированность на равенство лиц в доступе к технологиям; поддержка государством населения и бизнеса; комплексный подход к реформированию законодательства в связи с развитием цифровых технологий; включенность страны в общемировые процессы (например, в проекты Открытого правительства). [17, С. 181].

В заключение сравнения опыта законодательного регулирования процессов цифровой экономики во Франции и Швеции стоит сказать, что оба государства, несмотря на разницу в уровне цифровизации экономики и общества по индексу DESI и сравнительно невысокие темпы роста (Швеция – в виду эффекта «высокой базы» и сохраняющемуся местами «бункерному» функционированию государственных структур, Франция – в виду изначально

невысокого места в рейтинге и перестраивающейся экономической модели) имеют достаточно развитое и быстро развивающееся законодательство, которое поддерживается инициативами населения и экспертными рекомендациями технологически продвинутых ИТ-частных компаний. С учетом своих достижений в сфере политики цифровизации эти страны располагают полезным друг для друга опытом, который можно использовать для реализации международных проектов при поддержке ОЭСР или Открытого правительства.

Литература

1. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Ефремов А.А. Правовые ограничения для использования прорывных цифровых технологий в государственном управлении // Вестник РУДН. 2018. № 3. С. 235-247.
2. International Digital Economy and Society Index 2018. SMART 2017/0052. Final report / prep. for the European Comission by Tech4i2: P. Foley, D. Sutton, I. Wiseman, L. Green, J. Moore. Directorate-General of Comunicatios Network, Content and Technology. European Union. 2018. – 79 p.
3. Recomendation of the Council on Digital Government Strategies [adopted by OECD Council on 15 July 2014] // Public Governance and Territorial Development Directorate. OECD. 2014. – 10 p.
4. Федосов П.А. Европейские модели государственного управления: общее и особенное // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 2. С. 51-59.
5. Калганова Л.А. Европейские и российская модели государственного управления: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 2. С. 25-50.
6. Циренщиков В.С. Цифровизация экономики Европы // Современная Европа. № 3. 2019. С. 104-113.
7. Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. European Comission, Brussels. 2010. – 37 p.

8. Digital Europe programme – Council agrees its position". URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/12/04/digital-europe-programme-council-agrees-its-position/> (accessed: 12.11.2020).
9. Horizon Europe. The Comission's proposal for Horizon Europe, strategic planning, implementation, new, related links. URL: https://ec.europa.eu/info/horizon-europe_en (accessed: 11.11.2020).
10. OECD (2019) Digital Government Review of Sweden: Towards a Data-driven Public Sector // OECD Digital Government Studies. OECD Publishing. Paris. – 127 p.
11. The Digital Government Factsheets: Sweden (2019) / prep. for the European Comission by Wavestone. Directorate General for Informatics, Directorate General for Communications Networks, Content & Technology. Joinup. – 38 p.
12. OECD (2018) Digital Government Review of Sweden: Towards a Data-driven Public Sector. Key findings // OECD Digital Government Studies. OECD Publishing. Paris. – 28 p.
13. Уланов А. Французская цифровая революция? URL: <https://russiangovernment.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-frantsuzskaya-revolutsiya/> (дата обращения: 10.11.2020).
14. Самые цифровые страны мира. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/p23271/> (дата обращения: 10.11.2020).
15. The Digital Government Factsheets: France (2019) / prep. for the European Comission by Wavestone. Directorate General for Informatics, Directorate General for Communications Networks, Content & Technology. Joinup. – 44 p.
16. PACTE, the Action Plan for Business Growth and Transformation. URL: <https://www.gouvernement.fr/en/pacte-the-action-plan-for-business-growth-and-transformation> (дата обращения: 11.11.2020).
17. Талапина Э.В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4. 2019. – С. 164-184.

Перова
Марина
Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: perova_mv@uriu.ranepa.ru

Карагозова
Елизавета
Сергеевна

студент, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: ekaragozova-16@edu.ranepa.ru

Толстых
Елена
Александровна

студент, Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: etolstykh-16@edu.ranepa.ru

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Аннотация: в данной работе анализируется современное положение нормативно-правовой базы в регулировании взаимодействия электронных документов. Рассматриваются основные недостатки эффективного обеспечения юридической значимости электронного документооборота и приводятся решения с учетом изменений законодательной базы

Ключевые слова: юридическая значимость, электронное взаимодействие, электронная подпись, методы, электронный документооборот.

PROBLEMS AND SOLUTIONS FOR ENSURING THE LEGAL SIGNIFICANCE AND INTERACTION OF ELECTRONIC DOCUMENTS

Abstract: this paper analyzes the current state of the regulatory framework involved in regulating the interaction of electronic documents. The main disadvantages of effective provision of legal significance of documents are considered and solutions are given taking into account changes in the legal framework.

Key words: the legal significance of electronic interaction, electronic signature, methods, electronic document management.

В современном мире сложно представить внутреннее и внешнее взаимодействие государственных и частных предприятий, не базирующееся на

системе электронного документооборота. В связи с чем, поднимается вопрос необходимости формирования и определение технологической основы и единых подходов к использованию электронных документов, неотъемлемой частью которых является юридическое взаимодействие. Правовой статус электронных документов в условиях цифровой экономики – вопрос, по поводу которого высказываются многие эксперты и ведутся активные дискуссии. Актуальность выбранной темы обусловлена наличием существенных недостатков в целостной системе нормативного регулирования безбумажного взаимодействия субъектов рынка.

Ведение процессов электронного документооборота изначально предполагает разрешения вопроса уровня доверия к документам, имеющим нематериальную и приемлемую для всех сторон правоотношений форму. В свою очередь, доверие к документу определяется юридической силой ЭД. Возможность пользоваться документом в качестве неоспоримых доказательств в процессе судебных споров вытекает из определения термина. Рассмотрим его, юридическая сила документа – это свойство официального документа вызывать правовые последствия, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.8-2013 [1].

Содержание юридической силы электронного документа зависит от таких факторов, как форма его предоставления и оформления, способа, которым осуществляется передача документа, а также соблюдение всех условий регистрации документа. К ним относятся использование метки времени, сервисы идентификации и аутентификации, набора реквизитов, важнейшим компонентом которых является квалифицированная электронная подпись. В соответствии с действующим в Российской Федерации законодательством, информация, содержащаяся в электронном формате и имеющая подпись подобного вида, имеет равноценный правовой статус с документом, подписанным рукописно.

Говоря о проблемах, стоящих перед широким развитием систем электронного документооборота, необходимо упомянуть уровень доверия к документам в безбумажной форме. В процессе длительного хранения эти

барьеры стоят особенно остро, так как на протяжении длительного цикла жизни документа необходимо сохранять его юридическую силу и доступность восприятия, а также применять механизмы длительного и гибкого воздействия и адаптации под динамично меняющуюся рыночную и законодательную внешнюю конъектуру. Последние законодательные изменения представляют электронный документ, как сложную правовую конструкцию и свидетельствуют о расширении признания безбумажного документооборота в качестве основного посредника юридического взаимодействия.

Аспектами проблемного характера, с которыми сталкивались субъекты правоотношений в сфере пользования системами электронного документооборота являлись:

1. Отсутствие конкретики в части видов квалифицированной электронной подписи (КЭП), используемых в различных правоотношениях;
2. Недостаточный уровень развития удостоверительных центров, малоразвитый институт доверительных услуг, сопровождающих операции электронного документооборота;
3. Нераспространенность методов использования электронных подписей среди физических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Необходимость создания правовой среды, в которой электронные документы будут применяться наиболее эффективно, означает необходимость повышения доверия к цифровой среде посредством введения законодательный изменений цифрового взаимодействия.

Российская практика применения ЭПЦ базируется на изучении мирового опыта и по мнению Храмцовской Н. А. соответствует практике применения электронных подписей Соединенных Штатов и Европы. Российское законодательство в рамках мировых общепринятых условий и определенного круга специфических законодательных норм соответствует общемировой тенденции. Однако, принятые в конце прошлого года изменения в Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» несколько повлияли на сложившуюся ситуацию. С помощью данного закона

создается отечественная разработка, не имеющая в мире аналогов. Новая разработка имеет все тенденции увеличить уровень обеспечения безопасности электронного взаимодействия и наделить электронные документы неоспоримой юридической силой.

Хотя часть данных поправок вступила в силу с 1 июля 2020, ключевые изменения коснутся нас с 1 января 2022, что обусловлено рядом причин, в числе которых стоит необходимость изменения законодательно-нормативной базы, связанной с этими изменениями.

Одним из ключевых нововведений, затрагивающих всех субъектов юридического взаимодействия, таких как госорганы, юридические лица, индивидуальные предприниматели и даже физические лица, затрагивают правоотношения с использованием КЭП. Появляется возможность оформление доверенностей для этих подписей.

Новая разработка имеет все тенденции увеличить уровень обеспечения безопасности электронного взаимодействия и повысить уровень доверия к электронным документам. Рассмотрим ключевые поправки подробнее (рис. 1).

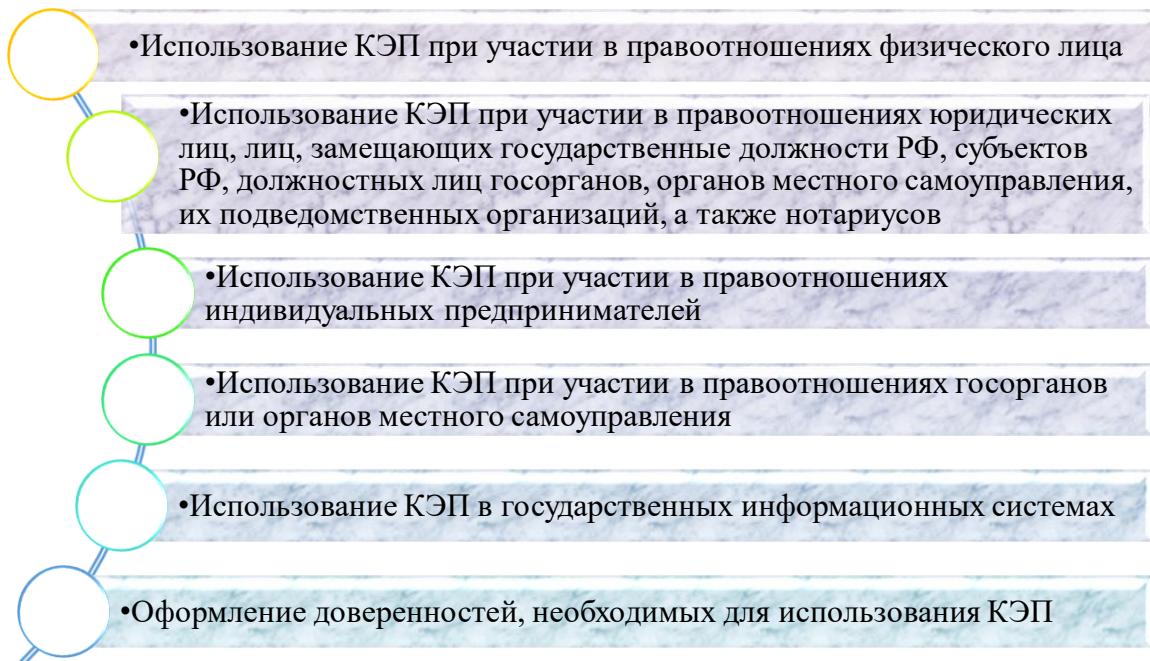

Рис. 1 Основные нововведения

Все аспекты, рассматриваемые в новых поправках призваны обезопасить процессы электронного документооборота, посредством введения более точных процессуальных рекомендаций в использовании одного из важнейших инструментов — электронного юридического взаимодействия — квалифицированной электронной подписи. С введением данных изменений, остро стоящие вопросы конкретики в использовании видов КЭП для разных типов правоотношений, станут более понятными для широкого круга лиц и упростят использование электронных подписей, разрешат проблему уровня доверия к ним.

Другим важным изменением, которое было необходимо для выхода на следующий качественный уровень развития аппарата идентификации и обеспечения работы ЭПЦ, стало разделение всех удостоверяющих центров на четыре группы (рис. 2). Последствием которого станет сокращение количества УЦ с 500 до 15, так как усложнится процедура прохождения аккредитации от Минцифры. На данный момент, сложно сказать, насколько эффективна будет новая система, потому что ни один негосударственный УЦ по состоянию на октябрь 2020 года еще не получил подтверждения соответствия документации новым требованиям, но тенденции будущего функционирования новых аккредитованных коммерческих УЦ обещают обеспечить соответствующую юридическую значимость электронного взаимодействия.

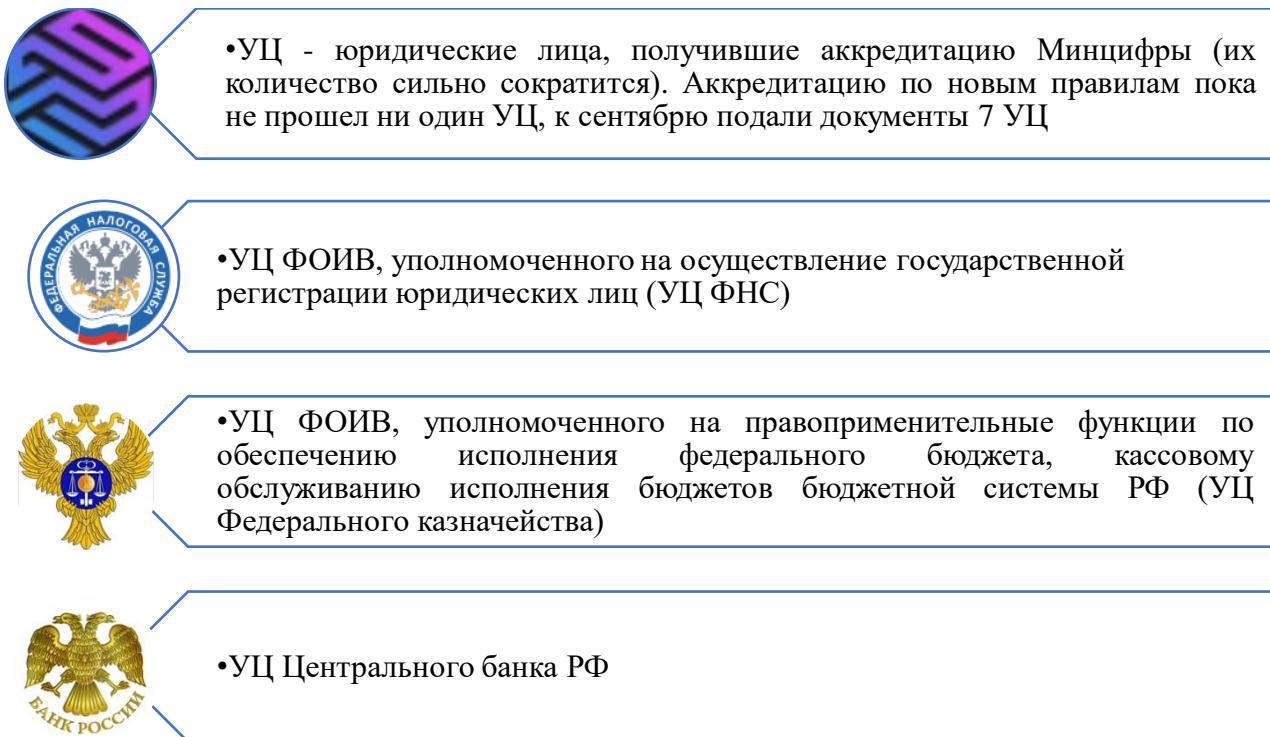

Рис. 2 Разделение удостоверяющих центров

Говоря о государственных УД, необходимо отметить, что теперь УЦ ФНС будет выдавать юридическим лицам всего одну электронную подпись на генерального директора. Вторая группа центров под управлением Федерального казначейства будет призвана обеспечивать подписями государственные органы и должностные лица, ряд государственных организаций и их сотрудников. И последний тип УД - Центральный Банк, как удостоверяющий центр, будет курировать и контролировать выдачу ЭП для целого ряда кредитных организаций и субъектов рынка ценных бумаг.

Однако, для функционирования в соответствии с новым законодательством, вышеуказанным госорганам необходима разработка новых регламентов и введение подзаконной нормативной базы, которые существуют пока только в стадии проектирования и на внедрение которых в активное использование необходимо определенное время.

Поэтому на данный момент сложно подводить итоги и оценить эффективность изменений. Но, несомненно, стоит отметить, что на федеральном уровне принимаются динамичные решения для регулирования и

реформирования юридической среды современного российского документооборота и на существующие проблемы национальной электронной среды и документационного взаимодействия находятся оперативные решения со стороны законодательной инициативы нашего государства.

Литература

1. ГОСТ Р 7.0.8-2013 СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Ст. 3, п. 3.1. Режим доступа:
<http://docs.cntd.ru/document/1200108447>
2. TADVISER: Статья: электронная подпись (ЭПЦ). Режим доступа:
[https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Электронная_подпись_\(ЭПЦ\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Электронная_подпись_(ЭПЦ))
3. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (с изменениями от 01.06.2020), Ст. 13. //
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
4. Янковая В.Ф. Новый стандарт по управлению документами ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019 // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2019. № 9. С. 24-34
5. «ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Национальный стандарт РФ. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы» М., Стандартинформ, 2019.

УДК 33:32:00

Качура
Николай
Евгеньевич

магистрант факультета «Отдел магистратуры»
направление 40.04.01 «Юриспруденция»
профиль «Правовой порядок и правовые
ценности» ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет».
e-mail: nkachura.1988@gmail.com

Линкин

к.ю.н. доцент, доцент кафедры «Теория и история

Виктор
Николаевич

государства и права» ФГБОУ ВО «Донской
государственный технический университет».
e-mail: linkinviktor@gmail.com

КОРРУПЦИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В данной статье рассмотрена история возникновения и развития коррупции в России, проанализированы основные нормы ответственности за коррупционные преступления начиная с 9–10 века и по настоящее время.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество, чиновник, служащий.

CORRUPTION IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN STATE

Resume: This article examines the history of the emergence and development of corruption in Russia, analyzes the main norms of responsibility for corruption crimes from the 9-10th century to the present.

Key words: corruption, abuse of office, bribery, bureaucrat, employee.

Проводя анализ научной исторической литературы можно сделать вывод, что основу коррупционных преступлений в России можно выявить, начиная с появления отдельных княжеств. Личная заинтересованность и коррупционные преступления возникли с появлением управляющих наместников и первоначального аппарата управления: князей, судей и других должностных лиц. Первые явные проявления преступлений коррупционной направленности на Руси относятся к 9-10 векам. В указанный период возник термин «кормление», по сути, государственные служащие того периода (наместники, посадники, воеводы и д.р.) не получавшие фиксированной платы от центральной власти содержались за средства населения, что, как правило, вело к масштабным взяткам и иным формам коррупционных преступлений. При этом в Русской Правде были закреплены определенные нормы ответственности должностных лиц, а также перечень таких лиц, данный факт указывает на то, что государство начинает вести борьбу с коррупцией на государственной службе. С середины шестнадцатого века система кормлений фактически

находилась под запретом, хотя де facto она продолжала существовать в различных составляющих вплоть до 18 века. Первый закон, ограничивающий действия коррупционной направленности, был введен при царе Иване III, посредством утверждения запрета судьям получать «посулы» (взятки), а тех, кто был уличен в этом, подвергали жестокому наказанию. Основоположником жесткой борьбы с коррупционными преступлениями на Руси стал царь Иван Грозный, который в 1561 году утвердил Судную грамоту, устанавливающую наказание в виде смертной казни за получение взятки судебными чиновниками местного земского управления [9, с. 82]. Однако нельзя не отметить, что коррупция как характерная черта власти в России, окончательно укрепила свои позиции в 17 – 18 веках, когда бюрократия и волокита придали использованию служебного положения предельно мощный импульс, а «третья беда России» стала частью менталитета и являлась ключом к достижению корыстных целей. Именно в вышеуказанный период выявлялись первые и основные причина мздоимства (взяточничества), а именно низкие жалования чиновников. Несмотря на предпринимаемые в то время меры для разрешения данной проблемы, они так и остались не реализованными. Между тем, уголовному праву 17 века все же удалось сделать заметный шаг в борьбе с коррупцией, к примеру, уголовное законодательство приобрело более карательный характер, данный факт отражается в Уложении 1649 года. Впервые в Уложении приводится специальная классификация противоправных деяний — указаны специальные виды преступлений — государственные (политические) и против порядка управления (21 и 22 главы Уложения).

Одним из первых правителей, которого потрясли размеры коррупции в системе государственного управления, был Петр Первый. В целях совершенствования государственного аппарата Петр I утвердил «Табель о рангах», посредством которого ввел совершенно иную систему иерархии государственных служащих, а установленная твердая сумма денежного вознаграждения за службу должна была искоренить взяточничество. Своим Указом «О воспрещении взяток и посулов» Петр I применил карательные меры

для уличенных в коррупционных деяниях, вплоть до смертной казни. Именно во время царствования Петра I коррупция впервые была представлена, как зло для государства, подрывающее бюджет страны и разлагающее общество. Понимая, что примитивным наказанием или лишением должности проблему не исчерпать, Петр решил ужесточить санкции за коррупционные преступления путем введения смертной казни за взяточничество [8, с.237]. Осознавая размеры казнокрадства, охватившие государство, своим указом от 23 августа 1713 года Петр I утвердил наказание не только за получение, но и за дачу взятки. Но, ни новая система государственного аппарата, ни принятие специальных законов не привели к желаемому результату. После смерти Петра I, низшие чины, вновь начали использовать принцип о «непредусмотренных расходах» и фактически узаконили взяточничество. Лишь во время правления Екатерины II, чиновники всех слоев начали получать установленное денежное содержание, и как следствие все иные доходы классифицировались как взятки. Это являлось основоположным шагом в борьбе с коррупцией. В дальнейшем в период расцвета Российского государства с 17 по 19 века происходило повсеместное развитие коррупционных преступлений, которые послужили одним из поводов для начала революции 1917 года, когда Российская Империя, существовавшая столетия, фактически распалась. Однако вновь созданная система и отсутствие возможностей государственного аппарата управлять страной,名义上 лишь изменила виды коррупционных преступлений и злоупотреблений на службе, расширив и дополнив ее новыми формами (составами). Экономическая ситуация послереволюционного времени, основанная на выходе из сферы производства в область распределения и перераспределения, в переходный период, всего лишь усилили бюрократический аппарат. Это привело к образованию абсолютно нового социального слоя — номенклатуры. По сложившемуся взгляду историков, модель сталинского квазисоциализма внешне казалась наименее связанной с коррупцией. Придя к власти, в 1964 году Л. И. Брежнев ставит номенклатуру на высшее место в сфере управления государством и она практически выходит за

рамки контроля, что приводит к активному сращиванию преступного мира с властью (номенклатурой) в целях использования последней в своих целях. В основу причин коррупции выносились недоработки в действиях местного руководства, профсоюзов в первую очередь в области воспитания трудящихся, но никак не недостатки в самой системе органов государственной власти.

Перестройка и распад СССР установили новую форму правления в стране. На фоне этого страну охватили: безработица и гиперинфляция. Бездействие правоохранительных органов в период ожесточенной борьбы за власть породило криминализацию общества. В результате быстрого изменения государственного строя, к которому большая часть населения страны была не готова стали появляться следующие тенденции роста коррупции:

- активная приватизация собственности, результатом которой многие предприятия перешли в частные руки, как правило, владельцами становились представители номенклатуры или лица приближенные к ним;
- процесс приватизации включал сращивание капиталов добывших преступным путем и возможности номенклатуры осуществлять сделки по переходу прав собственности;
- фактически страна вернулась к временам «кормлений». В условиях невыплаты зарплат люди использовали служебное положение для получения доходов;
- одновременно начинает расти бюрократический аппарат, что увеличило количество чиновников, основу которого составила прежняя номенклатура;
- на фоне происходящего в обществе усиливается негативное явление – правовой нигилизм. Люди перестают верить в способность и желание власти помогать обществу в сложившейся ситуации.

История Российского государства с момента зарождения и на всех его этапах сталкивалась с коррупцией в различных ее проявлениях. Коррупционные преступления являются наиболее часто встречающимися в период проведения масштабных государственных реформ. На сегодняшний

день в России существуют службы и специальные ведомства по борьбе с коррупцией в различных ее проявлениях, однако коренным образом изменить ситуацию не удается в силу устоявшегося поведения общества в целом. Помимо прочих факторов и несовершенства государственной машины, следует отметить:

- 1) неоправданно быстрый переход к новой экономической системе, который не был подкреплен правовой базой и правосознанием;
- 2) в период реформ произошел распад контролирующей системы и ее органов;
- 3) недостаточный контроль государства за исполнением принятых правовых актов.

На основании изложенного можно сделать вывод, что искоренение коррупции должно начинаться со стороны власти и быть жестко зафиксировано на законодательном уровне. Государственное управление должно основываться на эффективных методах борьбы со злоупотреблениями служебного положения и иными преступлениями коррупционной направленности.

Литература:

1. Гойман В. И. «Правовой нигилизм: пути его преодоления»// Российская юстиция. 2018. № 9. С.4–5.
2. Григорьева Т. В. «Коррупция в России: История и современность»// Экономика. 2017. № 1. С.46–50.
3. Демидова, Н. Ф. «Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма». М.: Наука, 2017. 446 с. С. 441–446;
4. Каздым А. А. «История коррупции» //Следователь. 2014. № 10. С. 39. Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. СПб.: Печатное дело, 2012. 218 с.
5. Меньшенина Н. Н. «Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие»// М., Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С.

6. Мизерий А. И. «История борьбы с коррупцией в России». Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». 2017. № 1. С. 183.

7. Пономарев Е. Г. Коррупция в России: истоки и условия преодоления.// Общество и право. 2012. № 4. С.174. Российское законодательство X–XX веков./ Под общ. ред. А. И. Чистякова. М.: 2017г.

УДК 316

Кемаева
Кристина
Александровна

бакалавр, студент 3 курса направления обучения
«Социология» Института социологии и
регионоведения Южного федерального
университета.
e-mail: kurokamisensen@mail.ru

Давиденко
Анастасия
Сергеевна

бакалавр, студент 3 курса направления обучения
«Социология» Института социологии и
регионоведения Южного федерального
университета.
e-mail: davidenkoas2013@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ И ЭКСТРЕМИЗМ: СЕТЕВОЙ ФАКТОР

Аннотация: Молодежь всегда отличалась своей восприимчивостью к чужим влиянию и идеям ввиду юношеского максимализма, острого чувства справедливости. В XXI веке же молодое поколение проходит процесс социализации в условиях уничтожения старых ценностей и формирования новых социальных отношений, происходящий в условиях глобализации и цифровизации общества, в время, когда наши технологии не просто являются частью нас, но и непосредственно влияют на наше становление, миропонимание, отношение к социальной реальности. Это важный момент, ведь те, кто привлекает молодежь к экстремистской идеологии, в основном действуют на них через различные информационно-коммуникационные сети.

Ключевые слова: экстремизм, этноцентризм, экстремистская деятельность, цифровизация, социальные сети.

YOUTH AND EXTREMISM: THE NETWORK FACTOR

Abstract: Young people have always been distinguished by their susceptibility to other people's influences and ideas due to youthful maximalism, a keen sense of

justice. In the 21st century, the young generation goes through the process of socialization in the context of the destruction of old values and the formation of new social relations, taking place in the context of globalization and digitalization of society, at a time when our technologies are not just a part of us, but also directly affect our formation, world outlook, attitude to social reality. This is an important point because those who attract young people to extremist ideology mainly act on them through various information and communication networks.

Key words: extremism, ethnocentrism, extremist activity, digitalization, social media.

В современное время экстремизм представляет собой динамично организованную систему, которая с ходом активной цифровизации нашей реальности также постоянно совершенствуется профессионально и технологически.

В условиях глобализации и информатизации общества экстремистская деятельность стала включать в себя такие технологии, как «несанкционированное проникновение в сознание», его трансформация или же «реформирование», «программирование», цель которых – формирование асоциального отношения к власти, политическим структурам, принятым в обществе ценностям, нормам, к самому обществу [1, с.37].

И очевидно, что самая уязвимая группа для неблаготворного влияния экстремизма на данный момент является молодежь. Чаще всего этому способствуют следующие особенности:

- низкая самооценка молодого человека;
- острые чувства к несправедливости по отношению к нему и другим;
- юношеский максимализм;
- склонность проецировать причины личных неудач на окружение;
- провождение значительной части своего времени в социальных сетях, в интернетном пространстве в целом;
- потребность быть частью группы и др.

Современные же научные деятели такие, как Пинкевич Т.В., Бааль Н.Б., Сиоридзе А.Т., придерживаются следующей типологии факторов

радикализации, в результате которой есть вероятность подвергнуться влиянию экстремистских идей:

- политический тип, который подразумевает недостаточное эффективное применение законодательной базы в сфере противодействия экстремизму;
- социально-экономический тип:
- кризисы, протестные настроения, неудовлетворенность собственным положением, разобщение, расслоение общества;
- применение радикальных мер для изменения проблемных ситуаций;
- высокий уровень миграционных процессов без их правовой урегулированности;
- социально-психологический тип (негативное влияние СМК, воздействие модных тенденций на молодежь)
- культурно-воспитательный тип. [2, с.592-593][3, с.15].

Экстремизм подразумевает приверженность крайним мерам и радикальным взглядам, в основе же молодежного экстремизма лежит «этноцентризм», который означает совокупность конфликтных ориентаций, состояний и идеология вражды между группами «свои» и «чужие». Считается, что данный тип экстремизма в основном представлен в сетях, и представлен он трехуровневой системой:

- первый уровень, который предполагает членство в молодежных организациях, сообществах, движениях экстремистской направленности;
- второй уровень представлен в основном деструктивным влиянием СМИ;
- третий уровень включает конкретное проявление экстремистских действий. [4, с.150].

Однако необходимо визуализировать всё вышесказанное, поэтому предлагаем обратиться к эмпирическим данным. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму НЦПТИ совместно с министерством общего и профессионального образования

Ростовской области и региональным общественным движением «Интернет без угроз» в 2018 году провел масштабное социологическое исследование «Восприятие экстремизма и идеологии терроризма в молодежной и образовательной среде: на примере Ростовской области» [5, с.53]. Респондентами являлись студенты Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (ИСиР ЮФУ), Ростовского-на-Дону колледжа связи и информатики (РКСИ) и Зерноградского техникума агротехнологий. Интересным является сравнение результатов, полученных при опросе студентов ИСиР ЮФУ и РКСИ [5, с.56].

Что касается популярности различных каналов распространения информации о возможности участвовать в террористических группировках, то самым популярным, по мнению студентов РКСИ, является Интернет (53,7%), немногого меньшей популярностью среди таких каналов обладают религиозные наставники (23 %) и случайные люди (16,3 %) [5, с.57].

Среди опрошенных студентов ИСиР ЮФУ на данный вопрос самым распространенным ответом является так же Интернет. В качестве опасного канала распространения информации «религиозных наставников» отметили 14 % студентов. Такие каналы, как обучение за рубежом, соседи, друзья и родственники являются самыми наименее вероятными каналами получения информации о террористической деятельности. Сравнение результатов представлено в таблице 1.

В рамках исследования НЦПТИ был задан вопрос о том, встречались ли студенты за последний год с информацией, распространяемую экстремистскими и террористическими организациями. Большинство опрошенных (70,5%) никогда не сталкивались с подобной информацией, но 8,5% часто встречали такую информацию – чаще всего о возбуждении расовой, социальной и национальной розни и публикации нацисткой символики. Причем чуть больше половины респондентов отметили, что знают об административном и уголовном наказании за распространение экстремистского контента.

Таблица 1. Представления о каналах вовлечения в террористическую деятельность (в % от общего числа опрошенных, многовариантный вопрос) [5, с.57]

Каналы распространения информации о возможности участвовать в террористических группах, по Вашему мнению, это	2010 год	Исследование 2018 года	
		РКСИ	ИСиР ЮФУ
Из Интернета	47	53,7	67
От религиозных наставников	34	23	14
От случайных людей	33	16,3	13
От соседей, друзей	18	0,8	2
Из книг, журналов, брошюр	11	0,3	0
Во время обучения за рубежом	10	3,9	3
От родственников	8	0,4	1
В учебных заведениях	8	1,3	0
Из передач радиостанций	5	1,7	0

Кроме того, треть опрошенных никогда не сталкивались с материалами, которые осуждают террористическую деятельность, столько же отметили, что время от времени встречают подобную информацию.

Рисунок 1. Распределение ответов студентов о причинах вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность (в % от общего числа опрошенных) [5, с.59]

В отношении актуальности проблемы экстремизма для Российской Федерации ситуация похожа с восприятием угрозы терроризма – 45,9%

опрошенных высказались об актуальности проблемы экстремизма. При этом около половины респондентов согласны с тем, что молодежь является самой уязвимой социальной группой для распространения экстремистской идеологии и лишь десятая часть - полностью с этим не согласны. Среди причин вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность самой популярной, по мнению студентов, является подверженность чужому влиянию (70,7%) (рис. 1).

Касаемо эффективности административной и уголовной ответственности за распространение противоправной информации в Интернете среди студентов в основном распространены следующие суждения, хотя и противоречащие друг другу в некоторой степени: «данний метод является не вполне эффективным» и «этот метод можно считать эффективным». Треть респондентов считает, что ограничение распространения информации в интернете допустимы, но этим нельзя злоупотреблять [5, с.60].

Обобщая представленные выше данные, можно сказать, что молодые люди признают актуальность проблемы экстремистской деятельности для современной России, для большинства из них экстремизм является преступным актом. Большая часть молодых людей отмечают уязвимость и чувствительность своей социальной группы для экстремистских идей.

Литература

1. Шураев А.А. Современные деструктивноинформационные технологии вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // ЗАЩИТИ МЕНЯ. 2020. №1. С. 36-39.
2. Бааль Н.Б. Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма среди молодёжи: материалы Международной научно-практической конференции / Н.Б. Бааль. М., 2006. С. 592-593.
3. Сиоридзе А.Т. Групповой молодёжный экстремизм (криминологическое исследование): автореф. дис. канд. юрид. наук / А.Т. Сиоридзе. М., 2007. 22 с.

4. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. №4 (9). С. 149-152.

5. Брайко Д.Н., Быкадорова А.С. Экстремизм, терроризм и информационные угрозы глазами молодежи Ростовской области (опыт пилотажного исследования) // Обзор.НЦПТИ. 2018. №3 (14). С. 53-61.

6. Кротов Д.В., Гнатюк М.А., Самыгин С.И. Социальные сети как фактор проявления экстремизма в среде российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №8-9. С. 79-82.

7. Чунин А.С. Сетевые факторы формирования экстремистских установок в молодежной среде // Обзор.НЦПТИ. 2018. №1 (12). С. 56-59.

УДК 316

Шашок Преподаватель МГИМО (У) МИД РФ
Лариса +79037393104
Александровна larisashashok@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ВЕДЕНИИ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИКАЛЬНЫМ ИСЛАМИСТСКИМ ДВИЖЕНИЕМ «ТАЛИБАН»

Аннотация: в данной статье рассматривается использование радикальным исламистским движением «Талибан» интернет-пространства и, в частности, социальных сетей в ведении подрывной деятельности против афганских правительственные сил. Особое внимание уделяется методам и средствам пропаганды, к которым экстремистская группировка прибегает, освещая события в местах столкновения. Оценивается роль социальных сетей в последующем развитии внутри афганского конфликта.

Ключевые слова: «Талибан», Афганистан, терроризм, информационная война, интернет, социальные сети

THE USE OF SOCIAL NETWORKS IN THE CONDUCT OF ANTI-GOVERNMENT ACTIVITIES BY THE RADICAL ISLAMIST MOVEMENT «TALIBAN»

Annotation: The article examines the use of the Internet space by the Taliban Islamist movement and, in particular, the use of social networks in conducting subversive activities against the Afghan government forces. Particular attention is paid to the methods and means of propaganda that the extremist group uses when covering events in the places of the collision. The role of social networks in the subsequent development of the intra-Afghan conflict is evaluated.

Keywords: Taliban, Afghanistan, terrorism, information war, Internet, social networks

Несмотря на приверженность фундаментальной идеологии, радикальное исламистское движение «Талибан» (запрещено в РФ) активно использует интернет-пространство для поддержания подрывной и пропагандистской деятельности на территории Афганистана. Группировка ведет аккаунты в известных социальных сетях, таких как Twitter, Facebook и Telegram, чтобы распространять свою версию событий после столкновений с правительственные силами. В данной статье рассматриваются не только методы, используемые талибами для воздействия на афганское население, но также оценивается важность использования социальных сетей в современном Афганистане.

Боевые действия с участием боевиков движения «Талибан» происходят ежедневно практически в каждой из 34 афганских провинций. Как правило, они ограничиваются гористыми, малонаселенными и труднопроходимыми сельскими районами. По этой причине многие афганские и иностранные журналисты не могут получить доступ к подробностям о недавних столкновениях. Таким образом, отсутствие официальных данных дает экстремистам возможность бороться за монополию на распространение информации. Следовательно, восполнение фактологических пробелов становится приоритетом информационных кампаний талибов в социальных сетях, конечной целью которых является формирование определенного восприятия их операций интернет-аудиторией.

После очередного столкновения с правительственные аккаунт официального представителя талибов, который имеет более 50 000

подписчиков, начинает публиковать твиты, подробно описывающие версию событий «Талибана». Посты публикуются на нескольких языках (включая английский) и часто сопровождаются фотоизображениями и видеороликами, которые, как утверждается, связаны с текущими боевыми действиями. Фотографии, на которых изображены боевики, вооруженные высокотехнологичным оборудованием и стрелковым оружием, сразу же копируются несколькими проталибскими аккаунтами, что увеличивает количество просмотров и подписчиков.

Рассмотрим гипотетический сценарий: к примеру, если между афганскими силами безопасности и талибами произойдет столкновение в районе Сангин провинции Гильменд, хэштег #Helmand в Твиттере через несколько часов будет наводнен фотографиями, сделанными непосредственно на месте боевых действий и размещенными в аккаунтах сторонников «Талибана». Каждый ретвит увеличивает количество просмотров и добавляет дополнительные комментарии к исходному посту.

Используемые талибами языковые средства всегда тщательно выбираются с целью делегитимизировать афганские силы безопасности и само правительство. Так, военнослужащих правительственные силы Афганистана часто называют «наемниками», а силы действующей под эгидой США международной коалиции – «оккупантами» или «захватчиками». Тем самым талибы стремятся сыграть на чувствах афганцев, которые часто не доверяют иностранным силам и афганскому правительству. Подлинность фотоизображений часто трудно проверить, равно как и определить точное место, где они были сделаны.

Обоснованность заявлений «Талибана» зачастую сомнительна, а приведенные данные о потерях среди боевиков, как правило, преувеличиваются, но, по большей части, это не имеет значения. Огромный объем твитов и скорость, с которой они распространяются в сети, часто означают, что эти информационные сообщения публикуются впервые.

Правительство Афганистана, в свою очередь, имеет тенденцию публиковать сведения о недавних боевых действиях в национальных средствах массовой информации только через 24 часа после начала боевых действий. В результате задержки линия правительства часто теряется или ей не доверяют, так как сообщения талибов уже закрепились в умах наблюдателей и получили поддержку среди сторонников движения. Кроме того, сообщения о боевых действиях, публикуемые афганским правительством, редко сопровождаются тем же фото- и видеоматериалом, а также другими подробностями, которые сопровождают посты талибов в Твиттере.

Недавний пример распространения ложной информации «Талибаном», феномена, более известного как «фейк ньюз» (fake news) – инцидент, приключившийся в Афганистане весной 2019 года. Группировка заявила о том, что сбила бомбардировщик B-52 недалеко от авиабазы Шохраб в провинции Гильменд. Заявление было ложным, и никаких доказательств в его поддержку представлено не было. Тем не менее, это заявление получило широкое распространение как среди афганских, так и международных пользователей социальных сетей. Эта история была подхвачена некоторыми международными СМИ, которые осторожно сообщили об инциденте с заголовками вроде: «Талибан» утверждает, что сбил бомбардировщик B-52¹¹⁵. Анализ заполонивших Twitter постов сразу поставил под сомнение это утверждение. Во-первых, изображения, которые якобы демонстрируют разбившийся B-52, на самом деле имели отношение к инциденту, произошедшему на Гуаме в 2016 году, когда на острове разбился B-52. Во-вторых, на авиабазе Шохраб не были размещены B-52. Позже выяснилось, что поблизости разбился или был сбит дрон, и то ли из-за недопонимания, то ли из-за простого оппортунизма талибы решили заявить о сбитом бомбардировщике вместо дрона. Популярность твитов, несмотря на довольно явные пробелы в заявлении, позволяет предположить, что в тактическом отношении талибы широко преуспели в распространении своих версий инцидентов.

¹¹⁵ <https://militarywatchmagazine.com/article/taliban-claims-downing-of-u-s-b-52h-heavy-bomber>

Эффективность и характер воздействия кампании талибов в социальных сетях трудно оценить, в том числе и ввиду того, что доступ афганского населения к Интернету сильно ограничен. Так, постоянный доступ имеют примерно 18% граждан, многие из которых живут в крупных городах и происходят из относительно обеспеченных семей. Кроме того, считается, что только 9% населения Афганистана пользуются социальными сетями¹¹⁶.

С учетом этих цифр традиционные методы, такие как «сарафанное радио» и печать иллюстрированных брошюр, по-прежнему будут играть жизненно важную роль в распространении информации, особенно в сельских районах страны.

Правительство Афганистана и их зарубежные союзники поначалу не спешили реагировать на наводнение социальных сетей постами «Талибана» и в основном полагались на громоздкие пресс-релизы, которые были мимо цели. Однако в последнее время на просторах социальных сетей появились аккаунты, которые подтверждают линию афганского правительства и используют методы, аналогичные методам талибов. Проправительственные твиты часто содержат фотографии хорошо вооруженных афганских спецподразделений, проводящих ночные рейды, или фотографии захваченных боевиков.

В результате того, что обе стороны афганского конфликта обозначили свое присутствие в социальных сетях, возникла несколько уникальная ситуация, в которой твиттер-аккаунты высокопоставленных военных чиновников США были вовлечены в интернет-перепалку с основным аккаунтом «Талибана» по поводу некоторых деталей недавних инцидентов¹¹⁷.

Оперативное освещение сводок с фронта дает пропаганде талибов некоторое преимущество не только в борьбе с силами афганского правительства, но и с другими неправительственными вооруженными формированиями. Так, в ходе недавних столкновений с аффилированным подразделением «Исламского государства» в Афганистане «ИГИЛ-Хорасан»

---

¹¹⁶ <https://www.internetworldstats.com/asia/af.htm>

¹¹⁷ <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-taliban-idUSKBN22E0KR>

(террористическая организация, запрещена в РФ) «Талибан» имел большое информационное преимущество, так как репрессивные меры со стороны ведущих интернет-компаний вынудили ИГИЛ отказаться от основных социальных сетей, что затруднило поиск аккаунтов, связанных с деятельностью организации. Талибам по-прежнему разрешено использовать такие платформы, как Facebook и Twitter, в значительной степени беспрепятственно. У движения «Талибан» также есть официальный сайт, который находится в открытом доступе.

Во время боев с «ИГИЛ-Хорасан» в афганской провинции Кунар в 2019 году талибы прибегли к методам, аналогичным тем, которые использовались в социальных сетях против правительства Афганистана. Тщательно подобранные формулировки и утверждения были направлены на то, чтобы дискредитировать подразделение, а видео и фотографии с мест столкновений способствовали увеличению просмотров аккаунта «Талибана». В ходе боевых действий в Кунаре талибы утверждали, что боевиков «ИГИЛ-Хорасан» укрывает афганское правительство (во многом так же, как они утверждали во время наступления в провинции Джаузджан). Данные обвинения были озвучены с целью дискредитации и делегитимации афганского правительства и его иностранных покровителей¹¹⁸. Иными словами, с помощью социальных сетей талибы связывают свои тактические операции со своими политическими целями.

Социальные сети продолжают играть серьезную роль во внутриафганском конфликте и их важность, очевидно, признается обеими сторонами. В дальнейшем представляется вероятным, что роль средств массовой информации в Афганистане будет становиться все более значимой. Мирные переговоры между США, афганским правительством и движением «Талибан» во многом зависят от того, как продолжающиеся столкновения воспринимаются афганскими гражданами и избирателями в США.

---

¹¹⁸ Osman, Borhan «Bourgeois Jihad: Why Young, Middle-Class Afghans Join the Islamic State», USIP Report NO. 162, June 2020

Следовательно, демонстрация собственных усилий в выгодном свете имеет первостепенное значение для всех вовлеченных сторон. Имея это в виду, мы можем ожидать, что в перспективе все стороны внутриафганского конфликта будут еще активнее поддерживать темп своих кампаний в социальных сетях.

Литература

1. Giustozzi, Antonio, «Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan», Hurst, 2007
2. Osman, Borhan, «Bourgeois Jihad: Why Young, Middle-Class Afghans Join the Islamic State», USIP Report NO. 162, June 2020
3. Sediqi, Abdul Qadir, «Taliban, U.S. engage in Twitter spat amid rise in Afghanistan violence», <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-taliban-idUSKBN22E0KR>
4. «Afghan Taliban Claims Downing of U.S. B-52H Heavy Bomber», <https://militarywatchmagazine.com/article/taliban-claims-downing-of-u-s-b-52h-heavy-bomber>
5. «Afghanistan: Internet usage, broadband and telecommunications reports», <https://www.internetworldstats.com/asia/af.htm>

УДК 316.723

Труханович
Дарья
Сергеевна

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: trukhanovich.daria@yandex.ru

Куреневский
Алексей
Сергеевич

студент факультета управления, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: kurenevskii.alexey@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ОСНОВА «НОВОГО» ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: в настоящей статье авторами рассматривается ключевая тенденция развития современного мира – цифровизация, в рамках которой исследуются новые цифровые компетенции, необходимые на государственной гражданской и муниципальной службе и составляющие фундамент государственного управления будущего.

Ключевые слова: цифровизация, компетенции, цифровое государственное управление, государственный управленец будущего.

DIGITAL COMPETENCE AS THE BASIS OF THE "NEW" PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract: in this article, the authors consider the key TREND in the development of the modern world – digitalization, in which new digital competencies are studied that are necessary in the state civil and municipal service and form the Foundation of public administration of the future.

Keywords: digitalization, competencies, digital public administration, public Manager of the future.

Сегодня новые профессии формируются каждые 2-3 года. Каждая из них требует современные умения и навыки, отвечающие вызовам шестого технологического уклада. На Всемирном экономическом форуме в 2018 году аналитики Центра новой экономики и общества выступили с докладом о новых моделях компетенций. Они отметили, что к 2022 году большинство бизнес ролей на 42% потребуют новых умений и навыков, а новые профессии займут 27% современного рынка труда [1].

В современном мире потребность в новых компетенциях очень высокая, а перечень образовательных стандартов к ним не успевает формироваться. Профессиональные знания, получаемые студентом, теряют свою актуальность ещё до завершения им обучения. Полезными остаются только аспекты базовых дисциплин, в основном направленных на общее развитие студента и преподаваемых в каждом ВУЗе. При этом специалистам гуманитарной сферы важно знать, что такое программирование и иметь навык кодирования, понимать экономические процессы и разбираться в маркетинге. Техническим

специалистам важно развивать навыки коммуникации и лидерские soft skills. При этом, объединяющим для них сегодня является обязательный набор компетенций в сфере информационных технологий.

Эксперты Global Education Futures и WorldSkills Russia в своём докладе «Skills of the future» отмечают, что знания IT-технологий в современном мире являются важнейшими для специалистов любой сферы, а саму цифровизацию – основой «нового сложного мира». «Оцифрованных данных становится больше, интернет доступнее, а технологии цифровизации осваивают всё новые области человеческой деятельности.» - отмечают эксперты [2].

Цифровизация сегодня — это фактор, который задаёт темпы обновления всего окружающего мира. В скором времени цифровые компетенции, то есть способности и умения человека работать в цифровой среде и цифровыми продуктами, будут столь же востребованы как способность читать и писать.

Цифровизация не обошла стороной и государственное управление, современный взгляд на которое неотъемлемо включает в себя в том числе информационные технологии в государственном секторе как новую надстройку на фундаменте государства в целом, а цифровые компетенции государственных и муниципальных служащих, а также лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, являются важной частью их конкурентного в современном мире портфеля компетенций. Цифровизация в государственном управлении — это не только электронные государственные услуги и межведомственное взаимодействие с помощью систем электронного документооборота, но и применение новейших цифровых технологий для реформирования государственного управления на процессном уровне. Это применение технологии больших данных и интернета вещей, развитие искусственного интеллекта и технологии глубокого обучения нейронных сетей, формирование киберэкономики [2].

Важным аспектом, применительно к практике нашей страны, здесь является то, что этап появления и развития электронных государственных услуг и единой системы межведомственного электронного взаимодействия органов

власти на данный момент успешно завершается [3]. Так, на конец 2019 года общее число пользователей портала Госуслуг составило 103 млн. человек, а сам портал отметил своё 10-летие [4]. Поэтому на повестке дня стоит вопрос о дальнейшем развитии, применении больших технологий, которое будет основываться на новых компетенциях как государственных и муниципальных служащих, так и всех граждан в целом. Цифровизация проникает во все сферы жизни общества и покоряет людей всех возрастов – это важный критерий развития современного мира, и, чтобы не отставать от него, необходимо формировать и развивать цифровые компетенции, которые в будущем лягут в основу цифровой культуры каждого конкретного человека и общества в целом, без которой невозможно дальнейшее развитие человечества.

В индивидуальном бытовом плане изучать новые технологии просто. Практически отсутствуют барьеры для этого, за исключением каких-либо личных аспектов, таких как непринятие, непонимание и игнорирование этой необходимости. В сфере государственного управления этот вопрос является более острым. В силу забюрократизированности, сложности и многоаспектности «государственной машины» внедрение инноваций здесь часто является проблемной задачей, тем более это касается таких, которые в перспективе могут поменять управленческие процессы на фундаментальном уровне. Например, чтобы портал Госуслуг эффективно работал и действительно приносил пользу людям понадобилось более 5 лет (именно последние годы происходит кратный рост числа пользователей и оказываемых государственных услуг).

Также отличается и содержание цифровых компетенций на бытовом уровне и у государственных и муниципальных служащих. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» был запущен федеральный проект «Цифровая грамотность», направленный на формирование и развитие цифровой культуры у населения, фундаментальным элементом которой являются цифровые компетенции. В модель компетенций грамотного в цифровом мире человека вошли: умение искать и критически отбирать

информацию в сети, навык использование цифровых устройств и функционала социальных сетей, умение проводить электронные финансовые операции и онлайн-покупки, производить мультимедийный контент, знание основ экосистем устройств и умение ими пользоваться безопасно для себя [5]. Для государственного или муниципального служащего модель его компетенций выглядит несколько иначе. Она содержит в себе как основу рассмотренную выше, при этом дополняется новыми знаниями и навыками, обусловленными спецификой деятельности.

Так, мы разделили компетенции служащих на три уровня: базовый, продвинутый и специальный.

К базовому уровню относится бытовая модель цифровых компетенций, необходимая каждому человеку и рассмотренная выше. Нам представляется, что такими компетенциями обязательно должны обладать служащие младшей группы должностей, так как на них чаще всего набираются и осуществляют свою деятельность служащие без опыта работы в органах власти и не имеющие навыков использования специальных электронных систем взаимодействия. Базовых компетенций использования цифрового мира при этом им будет достаточно для осуществления своей профессиональной деятельности.

Продвинутый уровень компетенций основывается на том, что в ближайшие годы инфраструктура решений государственной службы будет меняться за счёт внедрения новых технологий и перехода в цифровое пространство. При этом взаимодействие органов власти на государственном и международном уровне будет происходить в электронной форме, государственные услуги всё больше оказываться онлайн-способом, а число пользователей сети «Интернет» может достигнуть 100% взрослого населения мира. В рамках этого к продвинутым компетенциям в условиях цифровизации мы отнесли следующие: навык работы с системами межведомственного электронного взаимодействия, аналитическими системами и «Интернетом вещей», умение работать с государственными электронными системами, знание

основ цифровой безопасности и цифровой этики при работе с персональными данными и служебной информацией в сети Интернет.

По мнению авторов, служащие, осуществляющие свою профессиональную деятельность на должностях начиная со старшей группы обязательно должны обладать продвинутыми цифровыми навыками для эффективной работы.

Третий уровень компетенций отражает специфику профессиональной деятельности служащих в конкретном органе власти. Это специальные компетенции, связанные с работой с локальными системами в рамках отдельной сферы. Например, это могут быть навыки работы с государственной интегрированной информационной системой управления общественными финансами «электронный бюджет», умение пользоваться системой государственных закупок и т.д. Такой моделью компетенцию обязательно должны обладать служащие начиная с ведущей группы должностей.

Мы считаем необходимым включение рассмотренных выше моделей компетенций в должностные регламенты государственных и муниципальных служащих. Это позволило бы стандартизировать и унифицировать требования к претендентам на службу и более эффективно проводить курсы повышения квалификации в области цифровизации, а также повысить общий уровень профессиональных компетенций государственных гражданских служащих, при этом расширяв его за счёт добавления новых навыков работы в электронном мире.

Цифровой экономике нужны кадры, способные быстро адаптироваться к постоянно меняющемуся окружающему миру. Государственный управлец будущего — это высококвалифицированный специалист, владеющий расширенной моделью компетенций, включающую в себя цифровые навыки и умения, а также усовершенствованные исходя из потребностей современного общества творческие и нравственные качества.

Литература

1. The Future of Jobs Report, Centre for the New Economy and Society, World Economic Forum, 2018. [Электронный ресурс] URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (Дата обращения: 14.10.2020).
2. «Skills of the future». Report of Global Education Futures and WorldSkills Russia. [Электронный ресурс] URL: https://futuref.org/futureskills_ru (Дата обращения: 14.10.2020).
3. Сидоренко Э. Л., Барциц И. Н., Хисамова З. И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2019. - №2. – С. 93-114.
4. Госуслуги в 2019 году: главные события и факты // Официальный интернет-портал государственных услуг [Электронный ресурс] URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year (Дата обращения: 17.10.2020).
5. Васильева Е.В., Пуляева В.Н., Юдина В.А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации // Бизнес-информатика. - 2018. - №4 (46). – С. 28-42.

УДК 343.9

Патлань Егор Сергеевич курсант 4 курса прокурорско-следственного факультета ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ
e-mail: egorpatlan.1999@bk.ru

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий. Анализируются положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, их несовершенство по отношению к расследованию указанной категории преступлений. Предлагаются пути разрешения поднимаемой проблематики.

Ключевые слова: преступления, совершенные с использованием компьютерных технологий, уголовный процесс, проблематика.

INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING COMPUTER TECHNOLOGY: TODAY AND TOMORROW

Abstract: This article discusses issues related to the investigation of crimes committed using computer technology. The provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, their imperfection with respect to the investigation of this category of crimes are analyzed. Ways to resolve the issues raised are proposed.

Key words: crimes committed using computer technology, criminal process, problems.

За последнее время увеличилось количество преступлений с использованием компьютерных устройств и интернета. Борьба с этими преступлениями осуществляется всеми правоохранительными органами, в том числе военными следственными органами Следственного комитета Российской Федерации в части касающейся. Это связано с тем, что согласно определению подследственности дел, в случае создания преступных групп с участием хотя бы одного военнослужащего, уголовное дело принимает к своему производству военные следственные органы, а надзор за ними осуществляют органы военной прокуратуры.

Уголовно-правовая борьба с цифровыми преступлениями является частью системы борьбы с преступностью, которая подрывает национальную и общественную безопасность нашего государства. С точки зрения науки криминологии, которая использует статистические методы изучения совершенных преступлений, официально учтенных в государственных учётах, количество преступлений в сфере компьютерных технологий увеличивается с каждым годом. В связи с этим на смежную науку – криминалистику возложена

задача по разработке эффективных методик расследования преступлений и тактики производства связанных с этим следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Научные исследования криминалистов в этой сфере проводятся на постоянной основе, так как ежедневно и ежечасно усложняются способы совершения преступления, что вызывает необходимость разработки рекомендаций для практических работников по борьбе с преступностью, а также предупредительных и профилактических мер в области информационной безопасности.

Информационная безопасность подразумевает, прежде всего, безопасность, связанную с использованием информационных технологий и различных технических устройств (будь то компьютеры, планшетные компьютеры, смартфоны и иные гаджеты) в повседневной деятельности, иначе говоря, «компьютерную» безопасность. Важно отметить, что одной из главных задач обеспечения такой безопасности является предотвращение и расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (число которых, если рассматривать статистические данные за январь-сентябрь 2020 года, возросло на 94% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [2, с. 7]), а равно и с преступлениями в сфере компьютерной информации (отмечен рост на 26,3% в вышеуказанные периоды). Так, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации рассматривает данный рост как одну из основных угроз безопасности нашей страны [1].

Однако расследование указанных категорий преступлений связано с большим количеством проблем, обусловленных как отставанием российского законодательства от сферы информационных технологий, так и низкой квалификацией (опять же в аспекте информационных технологий) сотрудников правоохранительных органов и судей.

Развитие цифровой техники привело к появлению большого количества карт памяти, использующихся в основном в цифровых фото и видеокамерах, а также как сменные карты памяти в сотовых телефонах. Несмотря на большое

количество различных типов карт (более 30), все они используют флеш-память и различаются между собой разъёмами для подключения к устройству чтения. Карты памяти способны сохранять не только фотографии и видеозаписи с соответствующими устройствами, но и использоваться как устройство хранения любых файлов, в том числе и текстовых документов и архивов файлов.

Помимо стандартных устройств, карты памяти могут использоваться в нестандартных, гибридных устройствах, объединяющих функции нескольких устройств, например бинокля и цифрового фотоаппарата.

В настоящее время широкое распространение получили носители информации на основе флеш-памяти [3]. Данный вид носителей имеет ряд преимуществ перед другими видами носителей, например:

- универсальность подключения через стандартные порты типа USB;
- отсутствие движущихся механических элементов и, следовательно, устойчивость к ударам, иным неблагоприятным воздействиям;
- нет необходимости в специальных считывающих устройствах;
- малые размеры при значительных объемах памяти (до нескольких гигабайт);
- отсутствие жестких требований по физическим размерам и формам.

При исследовании носителей на основе флеш-памяти следует придерживаться тех же рекомендаций, что и при исследовании памяти сотовых телефонов.

Особое внимание следует уделить последнему отмеченному свойству носителей на основе флеш-памяти – отсутствие ограничений по физическим формам и размерам носителей. Данное свойство флеш-памяти даёт возможность размещать носители практически в любом объекте, предмете [4]. В настоящее время широко распространены часы, ручки, перочинные ножи, брелки с встроенной флеш-памятью.

Помимо вышеперечисленных вариантов маскировки носителей на основе флеш-памяти возможно их размещение в любом предмете обстановки начиная от подставки для карандашей, настольной лампы, заканчивая пачкой от сигарет

и оправой очков. При подобном разнообразии средств маскировки носителей информации следователю следует особое внимание уделять подготовке таких следственных действий как осмотр, обыск, выемка, внимательно относиться к отысканию замаскированных носителей информации, особенно при наличии информации о том, что преступники могут принять меры к сокрытию информации.

В настоящее время достаточно широкое распространение получили ноутбуки (переносные компьютеры) и КПК (карманные компьютеры), которые также представляют для следствия определенный интерес.

Ноутбук представляет собой переносной вариант обычного компьютера и способен выполнять все его функции. Карманный компьютер является миниатюрным устройством, сочетающим в себе ряд функций компьютера с мобильностью и коммуникативными функциями сотового телефона. КПК характеризуется наличием специальной операционной системы, офисных программ, средств беспроводной связи (инфракрасный порт, Bluetooth, Wi-Fi) для обмена данными с другими устройствами и доступа в Интернет. Также КПК характеризуется отсутствием полноразмерной полнофункциональной клавиатуры и таких устройств обмена данными как флоппи-дисковод, CD/DVD привод. При этом в КПК предусмотрен стандартный разъем USB, через который возможно подключение стандартных накопителей на основе флеш-памяти, а также разъем для подключения одного или нескольких типов карт памяти. Операционная система КПК позволяет пользователю создавать свои текстовые и графические файлы, обрабатывать фото, видео и иные типы файлов, хранить на КПК архивы данных.

Таким образом, выделенные проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий, нуждаются в доработке, принятии предложенных выше изменений, причем такие изменения должны вводиться в законодательство как можно быстрее, поскольку рассматриваемая область знаний развивается с огромной скоростью. Важно также предусмотреть возможность подготовки достаточно квалифицированных

кадров правоохранительных органов, способных соответствовать требованиям времени.

Литература:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
2. Состояние преступности в России: январь-сентябрь 2018 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. - М., 2018. – 56 с.
3. Бунин, К.А. Особенности осуществления ОРМ «Получение компьютерной информации» и его ограничение от схожих ОРМ // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия Уголовного кодекса РФ. Воронеж, 2018.
4. Оразалиева, М. Некоторые особенности проведения предварительного расследования в зарубежных странах // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. - 2012. - № 5. – 110 с.

УДК 34.096

Пашков
Денис
Андреевич

аспирант кафедры гражданского и
предпринимательского права,
Южно-Российский институт управления -
филиал Российской академии народного
хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: denis.aksay@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Применение цифровых информационных технологий находят все большее применение в различных сферах человеческого общества, и суды не являются исключением. В российских судах активно применяется электронный

документооборот, информационные базы и системы, проведение заседаний посредством видеоконференц-связи и др. В данной статье отражается современное состояние цифровых информационных технологий в деятельности судебной системы РФ и описывается перспектива дальнейшего их внедрения и использования.

Ключевые слова: судебная система, судебный процесс, цифровые информационные технологии, электронное правосудие, гражданский процесс, уголовный процесс.

APPLICATION AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF DIGITAL INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The use of digital information technologies is increasingly being applied in various areas of human society, and the courts are no exception. Russian courts actively use electronic document management, information databases and systems, holding meetings via videoconferencing, etc. This article reflects the current state of digital information technologies in the judicial system of the Russian Federation and describes the prospects for their further implementation and use.

Keywords: judicial system, judicial process, digital information technologies, electronic justice, civil process, criminal process.

Цифровые информационные технологии сегодня являются неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Стремительное развитие цифровой среды в начале XXI века стало невозможно игнорировать, в том числе и на государственном уровне – словосочетания «цифровая экономика», «электронное правительство», «цифровое общество» уже стали реальностью. Применение цифровых технологий позволяет упрощать коммуникационные связи, экономить время, упорядочивать документооборот, обеспечивать контроль за работой и др. Актуальность и перспективу развития указанного направления показывает пандемия COVID-19 – в условиях необходимости соблюдения самоизоляции и вынужденного ограничения личных контактов между людьми цифровая среда выступает удобным и незаменимым средством коммуникации.

Цифровизация не обошла стороной и судопроизводство Российской Федерации, что нашло свое отражение в электронном правосудии. Термин «электронное правосудие» подразумевает способ отправления правосудия с

применением современных информационно-коммуникационных технологий, призванный обеспечить доступность, гласность и открытость.[1, с. 241] Развитие судебной системы в данной сфере протекало как внутри общих глобальных программ, отмечавших, в том числе, необходимость информационного развития судов, (к примеру, Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 - 2010 гг.)», Концепция региональной информатизации до 2010 года и др.), так и в рамках конкретных проектов, направленных на реформирование направления судопроизводства (например, Федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие судебной системы России» на 2002 - 2006 гг., ФЦП «Развитие судебной системы России» на 2007 - 2012 гг., ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 гг.») и специальных федеральных законов (в том числе, Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»).

В рамках исполнения целей федеральной целевой программы по развитию судопроизводства 30 ноября 2006 года в России началась эксплуатация Государственной автоматизированной системы «Правосудие», основная задача которой состоит в организации единого информационного поля между судами общей юрисдикции РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ. ГАС «Правосудие» призвана автоматизировать и оптимизировать процессы судебного делопроизводства, информировать о движении судебных дел, осуществлять подготовку судебных актов и их публикацию, обеспечить граждан возможность обращения в суд электронном виде, направлять извещения о судебных заседаниях участникам процесса посредством информационно-коммуникационных технологий, вести автоматические картотеки дел и др [2, с. 99-100].

Действующая Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 гг.» отмечает, что применение информационных технологий, в частности информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяет улучшить качество и сократить сроки судопроизводства,

обеспечить эффективное исполнение судебных решений, повысить открытость, доступность, достоверность и своевременность информации о судебной деятельности для граждан [1, с. 240].

Отдельные задачи внедрения электронного правосудия, поставленные вышеуказанной Федеральной целевой программой, были практически реализованы с выходом Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти", который значительно расширил применение электронных документов в гражданском, административном, арбитражном и уголовном производстве. Так, сегодня в онлайн-режиме посредством ГАС «Правосудие» возможна подача судебного иска (ходатайства, заявления), отправка извещений, использование при подаче и рассмотрении дела электронных документов, получение судебных актов и копий данных актов в электронном виде, оплата госпошлины и пр. Активно внедряется использование электронной подписи [1, с. 242].

Однако, цифровые информационные технологии не ограничиваются только информированием граждан и обеспечением документооборота – они не обошли стороной и непосредственное рассмотрение дел в зале суда. Так, широкое распространение получило аудиопротоколирование судебного заседания. С 1 сентября 2019 года Федеральным законом № 265-ФЗ от 29 июля 2018 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральным законом № 228-ФЗ от 29 июля 2018 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была введена обязательная аудиофиксация административного, арбитражного, гражданского и уголовного судебных заседаний первой и апелляционной инстанций (кроме закрытых процессов), а также процессуальных действий, которые проводятся вне судебного заседания, с правом участников процесса на получение доступа к аудиопротоколу.

Аудиопротоколирование, в отличие от традиционного протокола судебного заседания, позволяет полностью зафиксировать речи участников процесса и их интонации, а также наиболее объемно и объективно отразить происходящее в зале суда [3, с. 135]. Введение обязательного аудиопротоколирования, на мой взгляд, отвечает задачам развития в Российской Федерации справедливого и независимого суда, дисциплинирует работу судов, предоставляет дополнительную доказательственную базу участникам процесса для заявления ходатайств и др.

Ведение аудиопротокола судебного заседания производится с помощью программно-аппаратного комплекса (ПАК) «IS Mechanics SRS Femida», распространением которой занимается ООО «Инфорсер Инжиниринг» [4]. Данный ПАК позволяет проводить многоканальную цифровую аудио- и видеозапись судебных заседаний и создавать с помощью шаблонов и средств автоматизации готовые судебные протоколы, а возможность интеграции с ГАС «Правосудие» дает возможность автоматизировано обмениваться документами и информацией. Электронные документы, составленные с использованием SRS Femida, защищаются электронной цифровой подписью, обеспечивая защиту оригинала и его копий от несанкционированных изменений. Таким образом, указанный программно-аппаратный комплекс выступает в качестве эффективного инструмента, повышающего прозрачность процесса и позволяющего оптимизировать работу судебного аппарата.

На базе программно-аппаратного комплекса также было разработано цифровое техническое решение для обеспечения защиты свидетеля во время судебного процесса – IS Mechanics SRS Femida Voice Changer. Данное устройство используется в случае необходимости скрыть личность свидетеля от подсудимых или их возможных сообщников. Свидетеля на время заседания помещают в отдельную комнату, оснащенную необходимыми техническими средствами для передачи изображения и звука из зала суда, и микрофоном, посредством которого свидетель дает показания. Сам зал суда оснащен динамиками, которые передают искаженный голос свидетеля. Принцип работы

устройства Voice Changer состоит в искажении речи в реальном времени посредством вокодерной технологии, изменения только тембровые и звуковысотные составляющие речи, сохраняя, таким образом, его смысловую составляющую, сохраняя при этом анонимность говорящего [5].

Кроме системы аудиопротоколирования стоит отдельно отметить использование и другой немаловажной цифровой технологии – видеоконференц-связи (ВКС), представляющей собой осуществление законных процессуальных действий посредством программно-технических средств передачи аудио- и видеинформации через каналы связи с одним или несколькими абонентами [6].

Вопрос об использовании данной технологии в судопроизводстве был поднят более 20 лет назад, однако в полной мере реализовать возможности применения видеоконференц-связи удалось лишь недавно, что связано, не в последнюю очередь, с развитием информационно-телекоммуникационных сетей и соответствующего оборудования. Оборудование судов средствами ВКС предусматривает федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 гг.», и, по данным Информационно-аналитического центра Судебного департамента, к концу 2017 года системами ВКС в Российской Федерации были оснащены все областные и равные им суды, 63% районных и гарнизонных военных судов, 711 учреждений ФСИН [7].

Принцип работы ВКС строится на соединении между абонентами, которыми являются суды и учреждения ФСИН. Решение о ее использовании выносится судьей по ходатайству участника процесса, а обеспечением работы системы занимаются секретари судебного заседания и помощники судьи. Сегодня применение видеоконференц-связи возможно в административном, арбитражном, гражданском и уголовном процессах, но, стоит отметить, что в последнем имеется исчерпывающий список участников, которые могут пользоваться ВКС в судебном заседании – согласно УПК РФ это подсудимый или осужденный (ч. 6.1 ст. 241, ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ), свидетель и потерпевший (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ). Видеоконференц-

связь, как уже было сказано ранее, устанавливается между учреждениями ФСИН, в котором находится подсудимый (осужденный), и судом, либо между двумя судами. В так называемом «неосновном процессе» (куда вызывается человек для дачи показаний посредством конференц-связи) роль судьи состоит в подтверждении явки и удостоверении личности, после чего он, как правило, уходит, а заседание продолжается уже с судьей «основного процесса» по ВКС [8, с. 203].

Реализация использования судами видеоконференц-связи показывает, на мой взгляд, позитивные результаты:

- В полной мере обеспечивается реализация прав граждан на участие в судебном процессе в ситуациях, когда физическое присутствие на заседании не представляется возможным либо представляет влечет за собой серьезные финансовые затраты;
- Уменьшение расходов на конвоирование подсудимого (осужденного) в зал судебного заседания;
- Безопасность участников уголовного процесса, на которых при непосредственном присутствии в зале суда может быть оказано давление со стороны других участников процесса;
- Уменьшение сроков судебного разбирательства.

Несомненно, несмотря на положительный опыт применения данной технологии, возникает ряд острых проблемных вопросов. Отмечается, что имеют место частые перебои со связью, звуком и видеопотоком, а ситуацию усугубляет отсутствие во многих судах первой инстанции специалистов по отладке оборудования. [9, с. 58] Недостаточное качество связи может порождать проблему неправильного понимания между участниками процесса и приводить к вынужденным перерывам или отложению рассмотрения дела по техническим причинам. Также, стоит выделить проблему невозможности оперативного и конфиденциального контакта между отдельными участниками процесса с использованием ВКС, в частности, затруднение непосредственного

общения и осуществления полноценной юридической помощи адвокатом своему подзащитному в уголовном процессе.

Так или иначе, использование видеоконференц-связи постепенно набирает обороты, чему способствует распространение COVID-19 – начальник управления информатизации и связи Верховного суда России Сергей Крюков в интервью «Российской газете» сообщил, что в 2020 году в сутки проводится более 1500 судебных заседаний с использованием ВКС (в 2019 году в сутки проводилось в среднем 600-700 подобных заседаний). [10] 30 апреля 2020 года Президиум Верховного суда РФ утвердил в период ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции, возможность полностью проводить судебные разбирательства по уголовным делам посредством ВКС. [11].

Перспективы дальнейшего развития применения цифровых технологий в судебной системе Российской Федерации, на мой взгляд, представляются в сфере расширения применения технологии электронного обращения в судебные инстанции и участия в судебном процессе в режиме онлайн. Пандемия COVID-19 показала необходимость в развитии и освоении цифровых технологий, перехода собраний, по возможности, в онлайн-пространство. О развитии электронных сервисов заявил и Председатель Совета судей России Виктор Момотов, анонсировав суперсервис «Правосудие онлайн», реализуемом через портал Госуслуги. [12] По словам Момотова, данный сервис станет единым информационным пространством, посредством которого можно будет получать и направлять в электронном виде судебные документы и дистанционно участвовать в судебном процессе.

В заключение стоит отметить, что, по моему мнению, внедрение цифровых информационных технологий хоть и не стоит на месте, но говорить о скором переходе всех судебных разбирательств «в онлайн» очень рано, т. к. традиционное заседание оказывает определенное психологическое влияние на участников процесса, обеспечивает дисциплинированность и сосредоточенность. Помимо этого стоит отметить, что технический прогресс

развивается быстрее законодательной базы, поэтому даже удачные и успешные цифровые технологии будут внедряются в судебную систему только вместе с изменениями или принятием новых нормативно-правовых актов, что также будет сказываться на скорости преобразования судопроизводства Российской Федерации.

Литература

1. Приженникова, А. Н. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты / А. Н. Приженникова, Г. Ю. Коляда // Образование и право. 2020. № 2. С. 240-249.
2. Брянцева, О. В. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения / О. В. Брянцева, О. Л. Солдаткина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №1 2 (64). С. 97-104.
3. Кружалова, А. В. Судебное заседание: уровни фиксации информации / А. В. Кружалова // ВЭПС. 2013. № 4. С. 134-137.
4. Программно-аппаратный комплекс по протоколированию и технической фиксации судебных процессов IS Mechanics SRS Femida [Электронный ресурс] / Протоколирование и техническая фиксация судебных процессов IS Mechanics SRS Femida // Режим доступа: <http://femida.inforser.ru/> (дата обращения: 06.11.2020).
5. Изменение голоса свидетеля IS Mechanics SRS Femida (Voice Changer) [Электронный ресурс] / Протоколирование и техническая фиксация судебных процессов IS Mechanics SRS Femida // Режим доступа: <http://femida.inforser.ru/golos/> (дата обращения 06.11.2020).
6. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции» (с изменениями на 7 августа 2019 года) [Текст] : // "Бюллетень актов по судебной системе", № 3, 2016.

7. Об использовании систем видео-конференц-связи федеральных судов общей юрисдикции для обеспечения участия в судебном заседании лиц, содержащихся под стражей [Электронный ресурс] / Официальный сайт ФГБУ Информационно-аналитический центр Судебного департамента // Режим доступа: <http://iac.cdep.ru/> (дата обращения 06.11.2020).

8. Семенов, А. В. Использование системы видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: положительные и негативные черты / А. В. Семенов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5 (13). С. 201-205.

9. Данеев Алексей Васильевич, Данеев Роман Алексеевич Видео-конференц-связь в судебном производстве // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 2 (20). С. 55-58.

10. Российские суды проводят более 1500 заседаний в режиме видеосвязи в сутки [Электронный ресурс] / «Российская газета» – издание Правительства Российской Федерации, официальный публикатор документов // Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/17/rossijskie-sudy-provodiat-bolee-1500-zasedanij-v-rezhime-videosviazi-v-sutki.html> (дата обращения: 05.11.2020).

11. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // ЭПС «Система ГАРАНТ».

12. Судимся в Сети – Разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн» [Электронный ресурс] / «Российская газета» – издание Правительства Российской Федерации, официальный публикатор документов // Режим доступа: <https://rg.ru/2020/07/20/v-rossii-razrabotaiut-superservis-pravosudie-onlajn.html> (дата обращения: 05.11.2020).

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с последними изменениями и дополнениями на 4 октября 2020 года. – М.: Эксмо, 2020. – С. 288.

14. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 "О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 1, 07.01.2013, ст.13.

15. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 30.07.2018, ст. 4854.

16. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 30.07.2018, ст. 4817.

УДК 343.97

Пащенко
Елена
Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВПО Южно-Российский институт
управления – филиал «Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-
Дону
E-mail: pashenkoea@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация: качественное изменение преступности не означает снижения ее количественных показателей. Сегодня дистанционное психологическое насилие над личностью стало приметой времени, а проникновение интернет-технологий в криминальную сферу – обыденностью. В статье рассмотрены особенности субъектов, совершающих преступления в интернет-пространстве, и мотивы их преступного поведения.

Ключевые слова: интернет-технологии, интернет-преступность, субъекты преступлений, виртуальное насилие, криминализация, потерпевший, мотивы преступного поведения.

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF SUBJECTS OF CRIMES USING INTERNET TECHNOLOGIES

Resume: a qualitative change in crime does not mean a decrease in its quantitative indicators. Today, remote psychological violence against a person has become a sign of the times, and the penetration of Internet technologies into the criminal sphere is commonplace. The article discusses the features of subjects committing crimes in the Internet space, and the motives of their criminal behavior.

Key words: Internet technologies, Internet crime, subjects of crimes, virtual violence, criminalization, victim, motives of criminal behavior.

Популяризация интернет-технологий влечет распространение таких форм общественно опасного поведения, которое ранее не было свойственно криминальным структурам. Криминологические выводы об «уходе преступности с улиц» и перемещении ее в интернет-пространство подтверждают и качественные изменения преступности.

При этом «уличная» преступность в ряде случаев трансформируется в преступность интеллектуального содержания, но последствия и опасность для личности потерпевшего не снижается. Мы сталкиваемся с виновными лицами, не готовыми к открытому контакту и насилию над потерпевшим, мы видим личность, имеющую сложности в общении, затруднения в достижении продуктивного контакта. При этом такая личность реализует и компенсирует имеющиеся у нее проблемы через противоправные посягательства на личность потерпевшего.

Первый массовый всплеск интернет преступности против личности имел место в Российской Федерации в 2015-2016 годах. В 2015 г. в средствах массовой информации появились первые сообщения о существовании в русскоязычном сегменте Интернета сообществ, получивших название "группы смерти", целью которых являлось склонение несовершеннолетних к самоубийству. Неожиданное и непрогнозируемое направление преступной деятельности было связано с созданием «групп смерти» и форм виртуального вовлечения подростков в суицидальное поведение. Именно возрастная

категория несовершеннолетних попала под психологическое воздействие виновных лиц.

Цинизм поведения субъектов, масштабы проблемы заставили российского законодателя реагировать на совершенные деяния введением в состав уголовного законодательства новых форм преступных деяний – ст. ст. 110.1 - Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства и 110.2 - Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства УК РФ [1].

Чудовищность ситуации характеризовалась показателями именно возраста потерпевших лиц. В силу возрастных физиологических особенностей, психологических характеристик поставить их под преступное воздействие суициальной направленности было легче всего. И жертвами насильственного суицида стали лица репродуктивно перспективной части населения, в возрасте от 15 до 28 лет.

Основание криминализации рассматриваемых составов заключалось в развитии ранее не свойственных обществу отношений по доведению, склонению и способствованию совершению самоубийств с использованием интернет-технологий. Такого развития дистанционного психологического агрессивного воздействия никто не ожидал и готов к нему не был. Самым тяжелым по количественным потерям был 2016 год – из жизни в результате самоубийства ушли 720 несовершеннолетних. За период с 2013 г. по 2016 г. совершили самоубийство 2 205 детей [2].

Такие показатели потерь среди подростков заставили отыскивать причины такого преступного виртуального насилия и способы противодействия. Нельзя было не признать продуманную, выверенную, учитывающую способы дистанционного влияния, процедуру системного воздействия на потерпевшего для последовательного снижения сопротивления к суициальной внешней инициативе.

Ранее также поднимались вопросы преступного применения Интернет-ресурсов при совершении разного рода преступлений, связанных с

посягательствами против общественной безопасности, общественного здоровья, общественной нравственности. Использование социальных сетей для ряда преступных посягательств является не только удобным способом, но и зоной криминалистической недоступности. Причастность виновных лиц к совершению преступлений бывает затруднительно доказать в силу информационного профессионализма виновных, например, использования организаторами зарубежных VPN.

Интернет-технологии применяются в организации незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов, включая подбор курьеров, контакты потребителей и поставщиков, организацию пересылки на территорию Россию. Не менее развита схема использования интернет ресурсов в совершении преступлений, связанных с террористической деятельностью. Некоторые из них, например, связанные с публичным оправданием, призывами к осуществлению террористической деятельности совершаются преимущественно в сети интернет.

Криминологические показатели лиц, совершающих преступления с применением интернет-технологий существенно отличаются. Мотивация совершения преступлений, связанных с террористической деятельностью или незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ чаще корыстная. Идеологическая составляющая террористической деятельности замещается материальной выгодой для исполнителей. Наркотические средства или психотропные вещества не имеют никаких идеологических мотивов для незаконного оборота и преследуют исключительно цель извлечения материальной выгоды.

В случае же совершения насильственных преступлений против личности с использованием интернет-технологий мы сталкиваемся с поражением сферы нравственного развития. Низость внутренних качеств, вероятно пережитые виновным личные драмы и образовавшиеся комплексы дают чудовищный результат. Виновные подбирали потерпевших податливых, внушаемых, «удобных» для собственных экспериментов по доведению до самоубийств.

Иллюзия власти над потерпевшими, повышение собственной значимости и влиятельности вели к осуществлению опытов над жизнями потерпевших. Над потерпевшими отрабатывали техники психологического убеждения, постепенно подводя к границе необратимого выбора, трансформируя сознание от уныния до депрессии и безысходности.

Противостояние преступному способствованию доведения до самоубийства возможно только путем формирования контактных эмоциональных отношений с потерпевшими, которые оказываются перед виртуальной агрессией виновных. Отсутствие в окружении подростков лиц, способных влиять на положительный выбор и противостоять интернет-насилию и интернет-угрозам, приводит к необратимым потерям. Вид угроз и давления, позволяет предполагать профессиональный подход виновных лиц при их выборе. Субъекты определяли временные (суточные) отрезки для продуктивного контакта с жертвами, подбирались часы меньшего эмоционального сопротивления. Также выбор происходил в пользу арт-, лингво- технологий, которые позволяли вовлекать подростков первоначально в игровой форме, далее в форме давления в тематику неизбежности суицида.

Общество не справилось с проблемой ни глобально, ни локально, подростки, ушедшие из жизни, не были асоциальны или изолированы в общении. Однако, ни коллектив образовательного учреждения, ни микросоциум подросткового окружения, ни семья не усмотрели тяжести ситуации, в которой оказался ребенок. Не оказалось рядом ни одного человека, способного на помочь в переживаемом подростком ужасе одинокого поиска выхода из ситуации внешнего подталкивания к суициdalнойвязке.

Решение о криминализации составов преступлений вовлечения в суициdalное поведение было криминологически абсолютно необходимо. Государство приняло на себя обязанность по охране прав человека и реализация этой обязанности без использования уголовного закона не была возможна. Интернет-ресурс, стал для данного вида преступлений площадкой совершения, и опасность заключается в том, что социальные сети

позиционируются как форма группового общения, контакта и принятия разных мнений и точек зрения, в результате оставили один на один без поддержки и помощи лиц, ставших жертвами экспериментов виновных над их судьбами. Никакое интернет-сообщество не может быть заменено личным эмоциональным контактом. И никакое расстояние не может оградить от совершения преступления в сети Интернет, слишком «обнажены» и «доступны» для реализации криминально-ориентированных побуждений, лица, рассматривающие социальное интернет общение в качестве достаточного.

Литература

1. Федеральный закон от 07.06.2017 N 120-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суициdalному поведению" // Российская газета, N 125, 09.06.2017, Собрание законодательства РФ, 12.06.2017, N 24, ст. 3489.

2. Пояснительная записка "К проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суициdalному поведению". Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> // СПС "КонсультантПлюс".

Удалова
Лариса
Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связи с общественностью, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный технический университет».
e-mail: lv.udalova@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ В ТЕРРОРИЗМ

Аннотация: Опираясь на новейшую литературу по теме терроризма, в статье актуализируются причины и последствия вовлечения молодежи в террористические организации. Цифровые технологии, как новый бесконтактный метод воздействия на молодежь, способствуют потери их личностного статуса: самоидентичности, ответственности, самоопределения и активизируют девиантные формы поведения.

Ключевые слова: цифровые технологии, терроризм, молодежь, идентичность, самоопределение, кризис.

DIGITAL TECHNOLOGIES FOR ENGAGING IN TERRORISM

Abstract: Based on the latest literature on the topic of terrorism, the article updates the causes and consequences of youth involvement in terrorist organizations. Digital technologies, as a new contactless method of influencing young people, contribute to the loss of their personal status: self-identity, responsibility, self-determination and activate deviant behaviors.

Keywords: digital technologies, terrorism, youth, identity, self-identity, crisis.

Интегрирование человечества в цифровое пространство, появление возможности информационного управления сознанием человека, ненасильственного, незаметного внушения определенных взглядов путем помещения человека в информационную среду, связано со сценарием нашего будущего, вызывает у научного сообщества разные оценки и служит предметом дискурса. Актуальность вопроса о путях преодоления антропологического кризиса очевидна.

Сегодня происходит качественное изменение практических способов воздействия на молодежь терроризма. Это видится как общемировой тренд

масштабности, повышенной опасности, «мажорности» и разрушительных последствий актов терроризма для значительной части людей. Угроза от терроризма не потеряла своей актуальности, а лишь трансформировалась, перебазировавшись через цифровизацию в Интернет. В качестве инструментов «поддержки» террора используются такие особенности социальной жизни как эпохальная «вовлеченность», глобальная мобилизация, современные цифровые технологии воздействия на человека. Онтологическими и социально-духовными источниками и «провокаторами» явления «Абсолютного зла» признаются глобализм, неразрешимые социально-экономические и политические конфликты, финансово-спекулятивная модель мировой экономики, социальные конфликты, всеобщий кризис идентичности, мировоззренческая картина мира человека-логоцентрика. В эпоху терроризма с его объективной непреодолимостью как одна из возможностей остается субъективный, личностный путь противостояния [1, с. 6].

Объектами воздействия технологий современного терроризма является молодежь, ее личностное самоопределение. Среди онтологических оснований появления терроризма справедливо называют проблему кризиса идентичности. Чтобы удостовериться в этом, важно прояснить философские аспекты концепта «идентичность». Термин «идентичность» предполагает осмыслиенные ответы на вопросы, ответы на которые порождают ответственность, как личностное качество, связанное с идентичностью.

Многие века идентичность, как целостный образ, оставалась само собой разумеющейся, потому что «люди рождались в культуре с достаточно определенными границами и реализовывали культурные образцы, характерные для данного общества» [2, с. 110]. Развитие индустриального общества все более усложняло культуру, в результате чего возник феномен множественной идентичности – идентичности противоречивой и не до конца понятной самому ее носителю, субъекту такой идентичности. Это кризисное явление усилилось на рубеже XX-XXI веков из-за начала перехода ряда стран к современному информационному обществу [3, с. 30]. Представитель такого общества, как

отмечает Е.П. Белинская, испытает кризис идентичности, характеризуемый как мучительное противоречие из-за ««разорванности» двух разных миров: реального социального бытия и бытия информационного» [4, с. 49]. Если социальное бытие человека «остается относительно объектным и структурированным, исходно задавая человеку рамки для самокатегоризации (границами пола, возраста, национальности, профессиональной принадлежности и пр.)», то его информационное бытие не совместимо ни с какими границами [4, с. 49-50]. А так как в эпоху цифровых технологий значимость информационного бытия стала предельной, обретение человеком целостной идентичности является предельно сложной задачей. Сложно не согласиться с А.П. Краснопольской в том, что в представителе современного западного общества, то есть в человеке, «погруженном в динамически меняющийся поток информации, ... реализовываются множество идентичностей», что мешает обретению единой, непротиворечивой идентичности. Такой человек неизбежно утрачивает возможность, которую имели его предки – иметь «устойчивый набор ценностей, установок, культурных паттернов и стереотипов поведения» [2, с. 110]. Как следствие, в современном информационном обществе все чаще можно встретить субъектов, чье поведение имеет признаки «перверсии, девиации, психического расстройства, отклонения от нормативности» [2, с. 110]. Эти признаки свидетельствуют о неудаче адаптации части субъектов информационного общества к предъявляемым им повышенным требованиям. В основном это требования компетентного участия «в формировании новых моделей социального поведения, конструирования персональной системы ценностей и идентификационных структур», то есть об их кризисе идентичности [4, с. 30].

Кризис идентичности totally угрожает социальному миру и обществам, хотя и по иной причине – из-за разрушительного воздействия глобализации на локальные идентичности (потому что оно сопровождается «глобальной ломкой устоявшихся социальных стереотипов и изменением системы ценностей» [2, с. 110]). Особенno это явно в начале XXI века, когда стали очевидны все

негативные проявления глобализационных процессов с их расширением террористических пространств.

Как отмечает М.У. Медов, потенциальными террористами всегда являются маргиналы, люди с деформированной, а то и вообще разрушенной идентичностью. Мучительная утрата цельной локальной идентичности побуждает их искать глобальную идентичность. Ее маргиналам настойчиво и предлагают террористические организации (например, ИГИЛ), и это идентичность «живого умершего» (физически живого, но уже обреченного на телесную смерть борца против неправедного мира, якобы себе гарантировавшего место в раю). Они активно участвуют в «гибридной войне» против государств (в том числе против Российской Федерации), стремясь подорвать и дискредитировать любую исторически сложившуюся идентичность.

В другую категорию современных маргиналов, людей с кризисом идентичности и потому тоже потенциальных террористов, входят молодые люди, которые устали от психологических проблем, связанных с сочетанием быстрого темпа социокультурной динамики с ролевой множественностью и «конфликтной многосоставностью» идентичности человека, живущего в обществе эпохи постmodерна [5, с. 36]. Вербовщики ИГИЛ и других исламистских террористических организаций дают представителям данной категории маргиналов заманчивую возможность быстро и легко избавиться от всех этих трудноразрешимых психологических проблем, лишь приняв одномерную идентичность «борца за дело Аллаха» (в понимании террористов).

Известно, что для достижения своей цели идеологи терроризма используют молодежь в качестве средства совершения террористических актов и используют инструментом влияния на ее сознание современные когно- и -инфо технологии. Этот факт находит подтверждение. Большинство реальных и потенциальных жертв цифровых технологий терроризма – молодежь. Такие личностно-ориентированные маркеры как вовлеченность и мобильность у молодежи становятся привлекательным «материалом» для применения террор-

технологий на фоне глобальной транзитивности, тотальной социальной неопределенности, множащихся рисков чрезмерной тревожности, деформации ценностных приоритетов, личностных потребностей в самоутверждении.

В своей работе «Эволюция способов вовлечения в террористическую деятельность с использованием информационных технологий» И.Ю. Сундиев пишет о новом тренде «бесструктурной и бесконтактной глобальной организации террористической деятельности – ингамаси (волки-одиночки)» [6, с. 85], возникшим в 2016–2019 годах. «В медийном пространстве ингамаси – это одиночка или небольшая группа террористов, действующих автономно в выборе времени, места (как правило) и орудий уничтожения. В реальности – ингамаси это лица, находящиеся в пограничном психическом состоянии и проводящие большую часть своего свободного времени в социальных сетях. В основе тренда ингамаси лежат постоянно совершенствующиеся сетевые и поведенческие технологии. Главный принцип технологии «ингамаси» – в любой нужной точке пространства и времени можно найти психически неадекватного индивида для совершения теракта, которому просто надо помочь выбрать цель, подобрать доступное для него оружие, определить место и время» [6, с. 85-86]. И. Ю. Сундиев акцентирует внимание на том, что современные информационные технологии способствуют развитию дистанционных технологий вербовки, распространению бесструктурных способов вовлечения в террористическую деятельность, «возможность удаленного формирования и стимулирования противоправной активности индивидов и групп без формального их вхождения в состав террористических и экстремистских структур» [6, с. 86].

С развитием цифровых технологий произошли конструктивные изменения в вербовой деятельности террористических организаций, которые строятся на использовании доминантных мотивов человека. О том, что в ближайшем будущем террористические организации будут использовать как средство коммуникации сеть Интернет Уэйн Раш отмечал в своих работах еще в конце девяностых годов [7]. Новый способ влияния на человека без

установления непосредственного физического контакта ведет к тому, что «каждый может стать солдатом в этой новой армии, даже не проходя тренировку, вербовку и ни с кем не контактируя» [8], к такому выводу пришел французский философ Бернар-Анри Леви.

В современном терроризме доминантно проявляются вместе с информационными его негативные социально-психологические аспекты. Поэтому в наше время необходимо сконцентрировать внимание на проблеме теоретической и практической разработки модели личностного саморазвития, определения личностных и субъектных качеств у молодежи, которые способны сохранить целостность и позитивную самоидентичность, сформировать духовно-нравственные образы и ценностные приоритеты в множественных глобальных коммуникациях и социальных интеракциях, при этом сохранить достоинство личности.

Литература

1. Удалова Л.В. Проблемы влияния современного терроризма на саморазвитие личности (Социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук: 90.00.011 – Мытищи., 2018. – 173 с.
2. Краснопольская А.П. Становление множественной идентичности и принципы коммуникативной рациональности // Вестник МГУКИ. 2015. № 5. С. 109-116.
3. Marsella A. J. Reflections on international terrorism: issues, concepts, and directions // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / F. Moghaddam, A. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. p. 343.
4. Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности // Социально-экономическая трансформация в России. Сер.: Научные доклады. М.: МОНФ, 2001. Вып. 130. С. 30-53.
5. Рашковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика,

модерн, постмодерн... // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 33-39.

6. Сундиев И.Ю. Эволюция способов вовлечения в террористическую деятельность с использованием информационных технологий // Вестник Национального антитеррористического комитета №1 [20] 2019 С 80- 87.
7. Rash W. Politics on the Nets, 1997. p. 206.
8. [Электронный ресурс]: <http://time.com/4410621/nice-attack-bernard-henri-levy/>. (дата обращения: 10.11.2020)

УДК 332.363

Цуркан
Денис
Андреевич

аспирант, Тверской государственный технический
университет
e-mail: pif1997@mail.ru
postgraduate student, Tver State
Technical University

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация: Продукты цифровой технологизации и искусственного интеллекта (нейроинтерфейс, блокчейн) инициируют рискофобию и рискофилию, понятые как ценностные установки, влияющие на поведение человека. Они – результатирующая умаления самой субъективности человека как ее единственности, уникальности, неповторимости. Индивидуальная субъективность заменяется отформатированной общей коллективной субъективностью и идентичностью.

Ключевые слова: цифровая эпоха риска, продукты цифровых технологий, рискофобия, рискофилия.

CONSEQUENCES OF THE INFLUENCE OF DIGITAL COURSE

Abstract: Products of digital technologization and artificial intelligence (neurointerface, blockchain) initiate risk phobia and riskophilia, understood as value attitudes that affect human behavior. They are the resultant belittling of the very subjectivity of man as its uniqueness, uniqueness, uniqueness. Individual subjectivity is replaced by a formatted shared collective subjectivity and identity.

Key words: digital era of risk, digital technology products, risk phobia, riskophilia.

В цифровом обществе риска человек сталкивается с тем, что жизнь постоянно ставит в тупик его сознание, когда нарушены связи между причиной и следствием. Это влечет, в первую очередь у молодежи, появление клипового сознания и цифровой, сетевой идентичности. Риск, ставший атрибутивным признаком человеческого, социального и личностного бытия, имеет прежде всего негативные коннотации, хотя иногда возможен и благоприятный исход.

Живущий в цифровом мире человек непроизвольно вовлечен в масштабное технологическое поглощение всей личной и социальной жизни. Его рефлексивное мышление постоянно актуализирует актуализирует на проблемные зоны, деструктивные последствия такого вовлечения. Среди них - риски подавления естественного начала человека искусственным, гуманитарное сужение границ человеческого бытия, подмена экзистенциального существования человека симуляцией. Цифровое насилие расширяет пространство таких социальных и личностных проблем как отчуждение, одиночество, праздность (свободное время), гедонизм, клиповое сознание личности, кризис идентичности, утрата биофилии, киберзаболевания. Человеческое конституирование и личностное самоопределение в цифровую эпоху риска становится проблематичным.

Цифровая эпоха ярко демонстрирует тренд жизнедеятельности современников в таких модальностях существования как рискофобии и рискофилии. Появление нового социального типа человека «Человек риска» порождает такие феномены как «рискофобия» или «рискофилия». Рискофобии (как боязнь «побочных потерь» от «гипотетических» рисков) и рискофилии (как надежда, что предпринятый риск может принести желаемый результат) служат целям адаптации в условиях мейнстрима к угрозам, опасностям, рискам. Как разъясняет С.А. Кравченко: «Рискофобия позволяет избегать социально деструктивных процессов, формирует негативное риск-восприятие, основанное на производстве страхов от опасностей для жизни и здоровья

человека. Рискофилия стимулируется знанием, согласно которому риск допустим и желателен для творческой и инновационной деятельности, прорывов в новое и неизведанное. Добровольное принятие риска может способствовать восходящей социальной мобильности, карьерному росту, преодолению страхов, депрессий, комплексов, однако развитие получают и деструктивные практики, представляющие дисфункциональную деятельность и контркультуру. При становлении «мирового общества риска» (У. Бек) качественно меняются доминирующие риски, обретающие характер инсценированной реальности. Соответственно рискофобия и рискофилия стали социальными конструктами, а их «дисперсионные смыслы побуждают многих людей одновременно и к их избеганию, и к стремлению к ним»[1, с. 3.]

Сегодня невозможно просчитать в процентном отношении чего больше присутствует в цифровом обществе риска – рискофобии или рискофилии. Однако выявить переменные или составляющие, указывающие на риск-факторы внедрения цифровых технологий в человеческое мировое хозяйство, детерминирующие рискофобию или рискофилю в общественном или индивидуальном сознании возможно.

Проиллюстрируем феномен рискофобии и/или рискофилии. Нейроинтерфейс или «мозг-компьютер» – новейший продукт NBIC-технологий или цифровых технологий XXI века. Заметим, что все исследования нейронаук ставят своей конечной целью моделирование мозга человека. Нейроинтерфейс как система служит для обмена информацией между мозгом человека и электронным устройством. Технология позволяет взаимодействовать с внешним миром на основе регистрации электрической активности мозга с помощью электронэцефограммы. В медицинских целях нейроинтерфейсы должны позволить реабилитировать человека с инсультом или получившим черепно-мозговую травму, восстанавливая память, речь, движение. В 2016 г. в университете Джонса Хопкинса ученые разработали интерфейс, позволяющий управлять отдельными пальцами протеза руки. Илон Маск сегодня разрабатывает технологию крохотных чипов, которые будут имплантироваться

в мозг с целью улучшения работы мозга людей страдающих различными заболеваниями.

Очевидно, что такая миссия нейроинтерфейса во благо конкретного человечества. Однако, критика данной технологии состоит в следующем. В онтологическом плане интерфейс не разрешает проблемы дуальности физического (физиологического, соматического) и психического, ментального, субъективной реальности. Остается та же фундаментальная научная и методологическая проблема «сознания и мозга». Такая технология являются масштабным средством для несанкционированного вмешательства во внутреннюю жизнь человека и ставит вместе с другими информационными технологиями проблему переосмысления границ личного/социального внутреннего/внешнего, частного/публичного, приватного, тайного уединенного. Как справедливо считает В.Г. Горохов, вместе с другими технологическими программами по совершенствованию «породы» человека, такие программы на деле являются экспансией, насильственным вмешательством во внутреннюю жизнь человека. Он пишет: «Даже если человек и согласен на такое вмешательство в свой организм, он не в состоянии оценить меру тех непредвидимых последствий, которые могут привести к деструкции не только его организма, но и личности (при вмешательстве в нейрофизиологические процессы человеческого мозга). Этого, в сущности, не могут предвидеть и сами ученые»» [1, с. 43.].

Вместе с потерей традиционной «Я-идентичности», в случае интерфейса будет происходить подрыв личностных характерных черт человека, изменением его адаптационного поведения, и как следствие – чувство отчуждения и одиночества.

Внедрение электродов в мозг чревато такими последствиями как потеря безопасности существования в случае использования данных компьютера, нарушения прав личности, включая права на личностную свободу, автономию, частную жизнь. Возникает возможность для корпораций, хакеров, «власъ-несущих» по эксплуатации и манипулирования людьми. В настоящее время не

существует правовых и этических основ для таких приложений цифровых технологий.

Сегодня осуществляется переход к четвертой (цифровой) революции. Её основой стало появление и развитие новых цифровых технологий таких как: Искусственный интеллект, Машинное обучение, Роботехника, Блокчейн, Большие данные, Облачные вычисления, 3D-печать. Например, благодаря цифровым технологиям в экономике, в сфере реального производства стало возможным автоматическое создание расчетных денег вертикально-интегрированными производственными звеньями. Электронные деньги предстают как платежные средства для автономных хозяйственных систем. Через механизмы Блокчайна, выполняющие координирующую институциональную функцию, обеспечивается взаимный контроль над движением электронных денег, что гарантирует целевое использование денег. Сеть Блокчейн заменяет собой традиционную рыночную сеть. Электронные деньги имплицитны структуре разделения труда. Блокчейн как модель движения денег независимая от коммерческих банков предстает и как система макрорегионального сетевого регулирования. Через механизм Блокчайна возможно насыщение экономики денежными или платежными средствами, а также открывается возможность для привлечения новых инструментов финансирования, инвестиций. Поэтому Блокчейн можно рассматривать как новую цифровую технологию, как необходимый инструмент нового цифрового уклада, в том числе системы монетарных институтов. Он позволяет обеспечивать взаимное соблюдение обязательств в инвестиционной и другой деятельности без поправок на экономические санкции.

Все перечисленные «плюсы» Блокчейн как одной из цифровых фетишей сопровождают релевантные «минусы» или рискофобию. Четвертую (цифровую) революцию сопровождает появление прозрачных границ во взаимоотношениях человека, техники и технологий. Речь идет о том, что перекладывая значительную часть своего функционала на технику с целью «подукрасить» обыденную жизнь, монотонную деятельность, человек

добровольно оказывается заложником техники. Фетишизируя технику с технологией человек выделяет им статус или помощника, или собеседника, или другого, подменяя натуральную, подлинную, живую поддержку на искусственную.

Литература

1. Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С.3-13.
2. Горохов В.Г. Наноэтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 33-49.

УДК 343.9

Черепенько
Георгий
Васильевич

ведущий эксперт-криминалист АНО «Судебный эксперт»;
аспирант, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА им. О.Е. Кутафина),
ассистент кафедры уголовного процесса и криминастики МГОУ.
e-mail: g.cherpenko@sudexpa.ru

ПОРТРЕТНАЯ ЭКСПЕРТИЗА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: в статье рассмотрены актуальные вопросы исследования фото-/видеоизображений, изготовленных или смонтированных посредством использования нейронных сетей, в рамках судебно-портретной экспертизы. Проведен анализ актуальности, оценены перспективы развития методических подходов, оценен российский и зарубежный опыт работы в этом направлении. Приведен перечень признаков, которые могут свидетельствовать об использовании нейросетевых алгоритмов для изготовления смонтированной видеозаписи, на которой запечатлен человек.

Ключевые слова: портретная экспертиза, искусственные нейронные сети, generative adversarial network (GAN), признаки монтажа.

FORENSIC PORTRAIT EXAMINATION THROUGH THE PRISM OF DIGITALIZATION OF PUBLIC AND PROFESSIONAL SPACE

Abstract: the article discusses actual questions in research of photo/video images made or mounted using neural networks in terms of forensic portrait examination. Through the analysis of relevance is conducted, the prospects for development of methodological approaches, Russian and foreign experience in this area are estimated. A list of features that may indicate the use of neural network algorithms to produce edited videorecordings of a person are given.

Keywords: portrait examination, artificial neural networks, generative adversarial network (GAN), features of editing.

Практические и теоретические аспекты производства портретной экспертизы претерпевают существенные изменения в связи с развитием цифровых технологий. Это обстоятельство связано в первую очередь не с самим объектом портретной экспертизы – внешностью человека, а со способом ее фиксации.

В настоящее время аналоговая фото-/видеосъемка практически полностью ушла из практики производства портретных экспертиз¹¹⁹; данные технологии были заменены цифровой фото-/видеосъемкой, и указанные обстоятельства связаны со стремительным развитием цифровых технологий в самом широком смысле: развитие техники, экспонентное увеличение качества изготавляемых фото-/видеоматериалов, объема памяти фото-/видеоустройств, развитие социальных сетей (некоторые из которых ориентированы исключительно на фото и видеоконтент: «Инстаграм» и «ТикТок» соответственно) и мессенджеров, развитие 3D-технологий, в частности, связанных и с наиболее четкой фиксацией внешности человека, сильнейшее увеличение скорости передачи данных в сети Интернет и т.д.

Другой причиной такого динамичного развития этих технологий стала простота их применения и обработки по сравнению с аналоговыми фото-/видеоматериалами. Помимо отсутствия необходимости обработки пленки и

---

¹¹⁹ Прим.: в практике автора за 5-летний период (с 2015 по 2020) имело место два исследования в отношении аналоговых объектов: 1 – в отношении VHS-кассеты, 1 – в отношении фотографий, изготовленных посредством аналоговой фотографии.

работы с физическими носителями, цифровые материалы могут передаваться по цифровым каналам связи, обрабатываться с помощью соответствующего программного обеспечения (в т.ч. автоматизированного), храниться удаленно, без физического носителя информации («облачные» сервисы) и т.д.

Указанные причины не являются исчерпывающими, однако в наибольшей степени именно они способствовали практически полному вытеснению аналоговых объектов из области портретной экспертизы и их закономерной замене на цифровые объекты.

Указанная проблема рассматривалась в работах многих [1, 2] специалистов. На высокую актуальность данных проблем обращалось внимание в монографических [3], а также методических работах [4]: авторы указанных трудов разделяли мнение профессора А.М. Зинина, высказанное еще в 2012 году, об обязательности наличия у эксперта познаний в области фототехники и цифровых технологий [5].

Если специальные знания в области фототехнической экспертизы скорее можно отнести к исследованиям аналоговых объектов портретной экспертизы, то к исследованиям цифровых фото-/видеоизображений на сегодняшний день необходимо подходить еще более внимательно. В первую очередь это связано с тем, что в данный момент возможности монтажа фото-/видеоматериалов, содержащих криминалистически значимую информацию о внешнем облике лиц, существенно повысились за счет развития ИНС (искусственных нейронных сетей).

Указанное обстоятельство получило широкое распространение при изготовлении видеозаписей, на которых лицо (лица) одного человека заменяется другим посредством использования генеративно-состязательной нейросети (generative adversarial network – GAN). При изготовлении такого видеоматериала 1-я часть алгоритма учится на реальных фотографиях определенного человека (фактически использует их в качестве образцов), «соревнуясь» со 2-й частью алгоритма до тех пор, пока 2-я часть не начинает путать копию с оригиналом.

Результатом такого процесса становится «встраивание» лица в видеозапись вместо лица, которое было там изначально. В данном случае следует отметить, что такого рода видеозаписи могут быть как достаточного низкого качества [6], где факт изменения кадрового пространства может как быть определен визуально без использования специальных знаний и/или программно-инструментального комплекса, так и иметь достаточно высокое качество [7] детализации встроенного изображения, которое не только согласовывается с освещением, положением тела, разрешением основного кадра, но и в точности воспроизводит мимические и артикуляционные особенности лица говорящего человека (при этом язык, на котором говорит человек, не имеет значения).

Схожие алгоритмы имеются и для генерирования статичных изображений лиц человека [8], которые не имеют никаких признаков монтажа, предусмотренных действующей методикой портерной экспертизы Минюста России [9].

То обстоятельство, что исходные коды алгоритмов обработки видео [10] и фото [11] материалов находятся в свободном доступе, а также их постоянное совершенствование [12] (и последующее размещение в свободном доступе [13]), которое позволяет, например, не только воспроизводить внешность, но и копировать мимику и артикуляционные особенности исходного объекта на копию, свидетельствуют о высочайшей актуальности проработки теоретических и практических рекомендаций для производства портретной и видеотехнической экспертизы.

Высокая актуальность работы в этом направлении подтверждается также официальным письмом [14] Палаты представителей Конгресса США, направленным директору Национальной разведки США, с запросом подробного отчета об особенностях работы приведенных выше алгоритмов и важностью вопросов информационной безопасности для стран ЕС, России, США [15, с. 74].

Причины обеспокоенности правоохранительных и иных государственных структур, а также общества в целом достаточно очевидны: изготовление гиперреалистичных видеоизображений несет опасность как для частной жизни людей, так и для надежного функционирования государственных институтов.

В первом случае подобные алгоритмы могут использоваться для шантажа и развития онлайн-травли, искажения фактов о взглядах или образе жизни того или иного человека, что ввиду возросшего значения СМИ и соцсетей приобретает характер комплексной опасности не только для известных, медийных личностей, но и для обычных граждан.

Изготовление и умелое использование подобных видеозаписей могут послужить и для воздействия на работу институтов государственной власти, включая в себя изготовление смонтированных видеозаписей, содержащих в себе незаконные действия должностных лиц, такие как взятничество, физическое насилие, должностные преступления, экстремистские высказывания и т.д., а также могут быть использованы для актов кибертерроризма и кибершпионажа.

Несмотря на высокую актуальность рассматриваемого вопроса, на сегодняшний день в отечественной криминалистической литературе имеются только отдельные публикации [16], которые рассматривают данный феномен в совокупности с массой иных обстоятельств и явлений цифрового пространства, безотносительно технической стороны данного вопроса.

Одновременно с этим в зарубежной научной литературе отмечаются публикации, направленные на разработку алгоритмов ИНС, которые позволяют с высокой степенью достоверности выявлять признаки монтажа в таких видеозаписях посредством противопоставления им новых разработок в области нейросетевых технологий для нужд судебной экспертизы [17].

В основу предлагаемого метода определения наличия признаков изготовления смонтированного ИНС видео положен расчет количества морганий, которые осуществляет человек, запечатленный в кадре. Указанное обстоятельство связано с тем, что обучение ИНС, которая «встраивает»

изображение человека в кадр, в большинстве своем осуществляется на основании использования фотоматериалов. Обычно на фотографиях люди запечатлены с открытыми глазами, из чего обучающаяся ИНС делает вывод, что люди очень редко моргают, что, в свою очередь, отражается на получаемой видеозаписи: смонтированные «головы» моргают значительно реже, чем реальный человек.

Несмотря на достаточно высокий уровень автоматизированного распознания смонтированных видеозаписей посредством предлагаемого алгоритма, авторы отмечают важный нюанс [17, с. 6]: метод установления признаков монтажа лица в такой видеозаписи строится на анализе одного признака – частоты моргания. В данном случае следует отметить, что в рамках производства экспертизы эксперты оперируют совокупностью признаков и не могут основывать выводы (в том числе и промежуточные), руководствуясь одним выявленным признаком. Другой стороной является то, что при достаточной технической и методической подготовке изготовители такого контента могут использовать дополнительные средства постобработки изображений, которые позволяют добавить в видеозапись реалистичные эффекты мигания.

На наш взгляд, указанная методика является достаточно значимой базой для дальнейшего развития методических рекомендаций для исследования цифровых видеоизображений, которые, как объекты экспертного исследования, занимают положение на стыке видеотехнической, информационно-компьютерной и портретной экспертиз со стороны экспертных наук. При этом расширение данной базы должно осуществляться в тесном сотрудничестве со специалистами неэкспертного профиля, относящимися к ИТ-индустрии, в первую очередь – программистами, которые работают в области разработки и сопровождения работы ИНС.

Исследование признаков монтажа, выполненного таким способом, может осуществляться не только аппаратными (в т.ч. и нейросетевыми) средствами. В некоторых случаях установление этих признаков возможно при детальном

визуальном исследовании видеозаписи, осуществленном покадрово и в различных режимах просмотра материалов.

Оценка возможностей визуального анализа и установления признаков монтажа была осуществлена на основании анализа 31 видеозаписи соответствующего содержания, расположенной на видеохостингах Youtube.com, Rutube.ru, Vimeo.com, Dailymotion.com.

По результатам визуального анализа указанных видеозаписей были установлены отдельные признаки, которые могут быть использованы при разработке соответствующих методических рекомендаций. Наиболее значимыми (отразившимися не менее чем в 71% исследованных видеозаписях) из них являются:

- наличие изменений разрешающей способности фона и встраиваемой части изображения (обычно эта область имеет треугольную форму, образованную антропологическими точками, размещенными в центре зрачков и в нижней части подбородка, хотя геометрическая форма, количество и размещение антропологических точек выбранной области могут отличаться);
- наличие артефактов сжатия, возникающих в наиболее подвижных областях лица – глаз и рта;
- наличие неестественных видов и форм отображения геометрического строения лица при тех или иных мимических изменениях в динамике: вытягивание мягких тканей подбородка, скул, щек вперед (что является невозможным с точки зрения анатомии человека);
- при отображении зубов говорящего человека в коротких последовательностях кадров (от 3 до 39 в зависимости от качественных характеристик фрейма самой видеозаписи) установлена их сглаженность; зубы не просматриваются как отдельные образования и имеют вид однотонной ровной поверхности светлого тона, при этом в некоторых случаях также «сливаются» диастемы;
- различия в характере освещения встроенного объекта и фона (отмечены в 13% исследованных видеозаписей);

– неестественное размещение пространственной ориентации встроенного фрагмента и тела (отмечено в 22% исследованных видеозаписей).

Выявленные признаки монтажа с использованием ИНС в некоторых случаях имеют точки пересечения с более классическими способами монтажа, однако отдельные признаки являются характерными именно для этого способа: к ним можно отнести характер моргания глаз, а также нарушение геометрической естественности лица.

Также характерным для этого способа монтажа является локализация размещения артефактов сжатия: при использования более традиционных способов монтажа видеозаписи они обычно расположены либо по всей поверхности встраиваемого объекта, либо по его внешним границам, в то время как при изготовлении видеозаписей посредством использования алгоритмов ИНС их локализация связана с размещением наиболее подвижных частей лица человека – глаз и рта.

Изложенные в настоящей работе обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что на сегодняшний день имеется насущная потребность в разработке методических рекомендаций по работе с такими объектами, при этом, учитывая скорость развития данных технологий, подход к их разработке должен носить комплексный характер как по составу участников (представителей различных наук экспертного и неэкспертного профиля), так и по области проработки научного знания (необходимо затронуть не только практику, но и теорию), встроившись таким образом в разрабатываемую в настоящее время профессором Е.Р. Россинской частную теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [18, с. 43].

Литература

1. Зинин А.М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 64-66.

2. Подволовский И.Н. Компетенция специалиста в области проведения судебных портретных экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 8. С. 47-55.
3. Ильин Н.Н. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешнего облика, запечатленным на видеоизображениях: монография / под ред. А.М. Зинина. – М.: Юрлитинформ. 2015. – 216 с.
4. Ильин Н.Н. Судебно-портретная идентификация человека по видеоизображениям. Методические основы: монография. – М.: РГ-Пресс. 2018. – 128 с.
5. Зинин А.М. К проблеме использования специальных знаний при проведении судебно-портретных экспертиз // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Международной научно-практической конференции. Волгоград: ВА МВД России. 2012. С. 326-329.
6. <https://www.youtube.com/watch?v=HN-qlGf2mZw> (Дата обращения – 27.10.2020).
7. <https://www.youtube.com/watch?v=-0OED73sRXs> (Дата обращения – 27.10.2020).
8. <https://thispersondoesnotexist.com/> (дата обращения – 27.10.2020).
9. Судебно-портретная экспертиза. Методическое руководство. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2013. – 150 с.
10. <https://github.com/iperov/DeepFaceLab> (дата обращения - 27.10.2020).
11. 11.<https://github.com/NVlabs/ffhq-dataset> (дата обращения - 27.10.2020).
12. Aayush Bansal, Shugao Ma, Deva Ramanan, Yaser Sheikh. Recycle-GAN: Unsupervised Video Retargeting. Carnegie Mellon University. URL - <http://www.cs.cmu.edu/~aayushb/Recycle-GAN/> (Дата обращения – 27.10.2020).
13. <https://github.com/aayushbansal/Recycle-GAN> (Дата обращения – 27.10.2020).
14. <https://schiff.house.gov/imo/media/doc/2018-09%20ODNI%20Deep%20Fakes%20letter.pdf> (Дата обращения – 27.10.2020).

15. Рассолов И.М. Будущее информационно права: новые подходы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 71-78.

16. Волчецкая Т.С., Кот Е.А. Криминалистический анализ использования интернет-ресурсов как места и средств побуждения несовершеннолетних к суициду // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 3-10.

17. Yezun Li, Ming-Ching Chang, Siwei Lyu. In Ictu Oculi: Exposing AI Generated Fake Face Videos by Detecting Eye Blinking. arXiv:1806.02877v2 [cs.CV]. 2018.

18. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 31-44.

УДК 339.54
Афонин
Петр
Николаевич

д.т.н, доцент, заведующий кафедрой технических
средств таможенного контроля и криминалистики
Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал
Российской таможенной академии.
e-mail: pnafonin@yandex.ru

Эмирханова
Камилла
Халидовна

студентка 5 курса, факультета таможенного дела
Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал
Российской таможенной академии. e-mail:
kamillaemirhanova1@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ, ОСНОВАННЫХ НА АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССА КОНТРОЛЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕМ ТАМОЖЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АВТОВЫПУСКА)

Аннотация: В статье анализируется применение технологии автовыпуска для дальнейшего выявления существующих проблем. А также определяются направления совершенствования технологии автовыпуска. Предлагаются для решения проблем рекомендации по применению

перспективных технологий в работе таможенных органов.

Ключевые слова: таможенные технологии, таможенный контроль, информационные технологии, электронное декларирование, автоматический выпуск товаров, таможенные операции, цифровизация.

APPLICATION OF ADVANCED CUSTOMS TECHNOLOGIES IN THE WORK OF CUSTOMS AUTHORITY BASED ON THE AUTOMATION OF THE CONTROL PROCESS OF CUSTOMS OPERATIONS (ON THE EXAMPLE OF AUTOMATIC RELEASE)

Abstract: The article analyzes the application of automatic release technology to further identify existing problems. Also, the directions of improvement of the automatic release technology are determined. Recommendations for the use of advanced technologies in the work of customs authorities are offered for solving problems.

Key: customs technologies, customs control, information technology, electronic declaration, automatic release of goods, customs operations, digitalization.

В Стратегии развития ФТС до 2030 года основными перспективными таможенными технологиями называются технологии искусственного интеллекта, обработка больших объемов данных, автоматическое совершение таможенных операций, электронные системы верификации и сертификации происхождения товаров. Особое внимание далее хотелось бы уделить такой технологии, как автоматический выпуск.

Стратегия развития ФТС до 2030 года уделяет большое внимание автоматизации таможенных операций, в том числе связанных с выпуском товаров. Доработка и актуализация алгоритмов автоматического выпуска товаров является одним из ближайших направлений развития таможенного администрирования в соответствии со Стратегией развития ФТС до 2030 года. Кроме того, Стратегия предполагает автоматизацию процесса контроля правильности классификации товаров, а одним из важнейших вопросов принятия решения о выпуске является проверка правильности классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС.

Актуальность темы заключается в наличии противоречия между текущим состоянием технологии автовыпуска и ожидаемым ее состоянием согласно

Стратегии развития ФТС до 2030 года. Поэтому сегодня есть необходимость в разработке рекомендаций по применению перспективных таможенных технологий в целях устранения данного противоречия. Для этого могут быть использованы такие технологии, как блокчейн и ИДК.

Цель исследования – повысить эффективность мероприятий по применению перспективных таможенных технологий в работе таможенных органов, основанных на автоматизации процесса контроля за совершением таможенных операций (на примере автовыпуска).

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести анализ технологии автовыпуска;
2. Выявить проблемы автовыпуска;
3. Определить направления совершенствования автовыпуска.

Отметим, что автоматизация таможенных операций является одним из ведущих мировых трендов. Например, на сегодняшний день автоматизация таможенных операций характерна для стран Евросоюза, где технология автовыпуска применяется в отношении импортируемых, экспортимемых товаров и товаров, перемещаемых транзитом [3].

В России технология автовыпуска применяется в таможенных органах с 2014 года. На сегодняшний день наиболее распространена практика ее применения в отношении процедур выпуска для внутреннего потребления и экспорта [10]. В последние годы наблюдается уверенный рост объемов применения данной технологии [11]. Технология позволяет сократить время, затрачиваемое на выпуск ДТ в десятки раз. Средний срок автоматического выпуска товаров – 4-5 минут. При этом автовыпуск ДТ возможен в случае соответствия перечню установленных ФТС России критериев [1].

Реализацию технологии автоматического выпуска товаров без участия должностных лиц называют одной из самых перспективных и важных с точки зрения развития таможенного администрирования. При автовыпуске ДТ форматно-логический контроль (далее – ФЛК) электронной декларации проходит без участия должностного лица таможенного органа. ФЛК

представляет собой оперативную сверку всех поданных декларантом электронных документов, при этом документы должны соответствовать нормативно-правовым актам, структуре и формату данных, содержащих сведения, необходимые для таможенного оформления товаров. Автоматический выпуск товаров предполагает проведение контроля программным продуктом с целью выявления рисков нарушения таможенного законодательства, соблюдение запретов и ограничений, этот процесс также предусматривает обмен информацией с другими государственными органами [2].

Далее, перейдем к выявлению проблем технологии автовыпуска. Как установил Гайфутдинов В.А., одной из проблем применения автовыпуска является невозможность технологии выявлять недостоверные документы, подтверждающие сведения, заявленные в декларации на товары [7]. Одной из причин данной проблемы являются недостатки в организации системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) [8].

Кузьмичевой Р.А. поднимался вопрос о применении технологии блокчейн для проверки разрешительных документов [9], но вопрос применения блокчейна в отношении сертификатов происхождения, рассматриваемый зарубежными авторами [4], остается открытым для Российской Федерации. Матвеева О.П. в результате анализа результатов применения автовыпуска признает вопрос проверки происхождения товаров одним из наиболее перспективных в контексте автоматизации таможенных операций [11].

Проблемой с правовой точки зрения является то, что п. 2 ст. 80 ТК ЕАЭС предусмотрено, что сведения о стране происхождения могут быть получены через СМЭВ, но на практике это положение реализуется лишь частично [12].

В аспекте автовыпуска проблемой является то, что сегодня в таможенных органах сертификаты происхождения преимущественно проверяются вручную должностными лицами, а не автоматически без их участия. Следовательно, на принятие решений большое влияние оказывает человеческий фактор.

С позиции СУР риск заключается в том, что участником ВЭД будет

представлен недостоверный сертификат происхождения. Ввиду этого могут быть занижены объемы таможенных платежей, так как на основе сертификатов происхождения декларанту предоставляются тарифные преференции. Данное деяние является административным правонарушением согласно ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, а в случае значительной суммы занижения таможенных платежей – преступлением согласно ст. 194 УК РФ.

Проблема применения СУР в отношении сертификатов происхождения заключается в том, что меры по минимизации рисков также совершаются должностными лицами вручную, а не автоматически без их участия.

Следующая проблема автовыпуска – проблема автоматизации фактического контроля. Проблема фактического контроля может быть рассмотрена на примере ИДК.

Сегодня отсутствуют алгоритмы автоматического распознавания изображений, получаемых при использовании ИДК [6]. Ввиду этого есть проблема того, что полученная с помощью ИДК информация не может быть применена для целей автоматической проверки классификации товаров, например, их габаритов, которые указываются в 31 графе ДТ, или отдельных классификационных признаков (материалы, конструктивные особенности и т.д.). Сейчас для ее обработки необходим оператор.

В свою очередь, риск заключается в том, что участник ВЭД укажет недостоверные сведения в декларации на товары, в частности, в 31 графе (сведения о характеристиках и параметрах товара), что может привести к занижению объемов таможенных платежей. Например, этот вопрос актуален по отношению к товарной субпозиции 440311, где габариты товаров оказывают влияние, как на ставку ввозной таможенной пошлины, так и на ставку вывозной таможенной пошлины. Недостоверное заявление сведений о товаре в данном аспекте является правонарушением согласно ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ.

Итак, перейдем к направлениям совершенствования автовыпуска.

С позиции системного подхода были выделены проблемы автовыпуска:

а) проблема автоматизации проверки документов и сведений о стране

происхождения товаров;

б) проблема автоматизации фактических форм таможенного контроля с применением ИДК.

Для решения этих проблем предлагаются следующие рекомендации по применению перспективных технологий в работе таможенных органов:

1. Разработка модели применения технологии блокчейн для автоматизации проверки сертификатов происхождения.

За счет свойств технологии блокчейн для сертификатов происхождения могут быть обеспечены неизменяемость регистров сертификатов происхождения, масштабируемость. Для обеспечения информационной безопасности может применяться криптография. Поэтому видится актуальным разработать модель применения технологии блокчейн в отношении сертификатов происхождения, а также методику применения технологии в данном ключе с позиции СУР. На основе этой модели и методики можно разработать практические рекомендации, связанные с развитием автовыпуска. Это позволит, во-первых, автоматизировать процесс контроля за тарифными преференциями, во-вторых, снизить риски использования поддельных сертификатов. В этой связи необходимо разработать модель применения технологии блокчейн в отношении сертификатов происхождения, а также методику применения технологии в данном ключе с позиции СУР, на основе чего подготовить практические рекомендации, связанные с развитием автовыпуска.

2. Разработка модели анализа изображений, полученных ИДК, для автоматической проверки классификации товаров в целях принятия решения об автоматическом выпуске.

За счет ИДК может быть получена информация о габаритах товаров. Поэтому необходимо разработать модель применения ИДК для автоматической проверки габаритов товаров с теми габаритами, которые указаны в ДТ, а также методику проверки информации о габаритах товаров на основе сведений из ДТ и сведений, полученных с помощью ИДК. На этой основе следует разработать

практические рекомендации по развитию технологии автовыпуска товаров.

Как было отмечено, сегодня отсутствуют алгоритмы автоматического распознавания образов, полученных с ИДК. Однако в отдельных исследованиях рассматривается перспектива использования нейронных сетей для распознавания образов, полученных с помощью ИДК [5].

Оптимизация бизнес-процессов, связанных с автовыпуском, благодаря технологии блокчейн и ИДК может быть связана с сокращением числа операций, которые требуются для проведения таможенного контроля, во-первых, по направлению проверки сертификатов происхождения, во-вторых, по направлению контроля правильности классификации товаров в отдельных случаях.

Также отметим, что за счет рассматриваемых технологий снизится влияние человеческого фактора на принятие решений о выпуске товаров.

Эти технологии могут позволить эффективнее воздействовать на риски нарушений таможенного законодательства. Экономическая целесообразность связана с сокращением затрат на осуществление мер по минимизации рисков, хотя изначально потребуются некоторые затраты на разработку информационных систем и программного обеспечения.

В этой связи далее необходимо решить следующие задачи:

1. Провести анализ современного применения перспективных таможенных технологий в работе таможенных органов, основанных на автоматизации процесса контроля за совершением таможенных операций (на примере автовыпуска).

2. Разработать научно-методические принципы совершенствования таможенных технологий в работе таможенных органов, основанных на автоматизации процесса контроля за совершением таможенных операций (на примере автовыпуска).

3. Разработать практические рекомендации по совершенствованию таможенных технологий в работе таможенных органов, основанных на автоматизации процесса контроля за совершением таможенных операций (на

примере автоворыпуска).

Литература:

1. Абрамов А.С. Механизм повышения эффективности и качества таможенных услуг в сквозном процессе таможенного контроля: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Люберцы, 2019. 191 с.
2. Ворона А.А. Повышение качества таможенных услуг, предоставляемых центрами электронного декларирования: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Люберцы, 2019. 193 с.
3. Antov M. The role of information technologies in the development of customs control in the Republic of Bulgaria // World Customs Journal. 2018. Vol. 12. № 2. P. 101-114.
4. Macedo L. Blockchain for trade facilitation: Ethereum, eWTP, COs and regulatory issues // World Customs Journal. 2017. Vol. 11. № 2. P. 87–94.
5. Афонин П.Н. Подходы к развитию модели цифровизации данных инспекционно-досмотровых комплексов // Бюллетень инновационных технологий. 2020. Т. 4. № 3 (15). С. 47-53.
6. Афонин П.Н., Пулин А.О., Иванникова А.А. Актуальные вопросы применения ИДК // Бюллетень инновационных технологий. 2020. Т. 4. № 1 (13). С. 41-43.
7. Гайфутдинов В.А. Об автоматическом выпуске товаров, подпадающих под запреты и ограничения // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 2 (66). С. 28–31.
8. Гамидуллаев С.Н., Ворона А.А. Проблемы становления и организация деятельности Балтийского таможенного поста (Центра электронного декларирования) Балтийской таможни // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 3 (71). С. 27-32.
9. Куприянов А.В., Яковлев К.В., Кузьмичева Р.А. Перспективы

внедрения технологии блокчейн при таможенном контроле перемещаемых через таможенную границу товаров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 3 (75). С. 28–31.

10. Малышенко Ю.В., Богданов М.П. Внедрение технологий автоматической регистрации и выпуска товаров российской таможней // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 4. С. 107-113.

11. Матвеева О.П. Развитие таможенного декларирования в контексте автоматизации таможенных операций сферы государственных таможенных услуг // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 5 (84). С. 112-129.

12. Сальников К.А. Об избыточном количестве документов при декларировании товаров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 3 (71). С. 24-26.

УДК 327.5

Яковлев
Егор
Александрович

аспирант, Российская академия народного
хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.
e-mail: egor6667407@yahoo.com

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ.

Аннотация: Цифровые технологии широко используются в военных конфликтах. Их применение уже давно вышло за рамки обеспечения связи между подразделениями и представляет собой целый арсенал средств, нацеленных на не боевое воздействие на противника. Использование этого арсенала цифровых технологий сопряжено с рядом серьезных нюансов, существенно разделяющих подходы к применению обычного и кибернетического оружия.

Ключевые слова: Кибервойна, информационная война, военный конфликт, цифровые технологии, кибератака, пропаганда, информационная безопасность.

THE HUMANITARIAN ASPECT OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN MODERN MILITARY CONFLICTS.

Annotation: Digital technologies are widely used in military conflicts. Their use has long gone beyond the framework of ensuring communication between subunits and represents a whole arsenal of means aimed at non-combat impact on the enemy. The use of this arsenal of digital technologies is fraught with a number of serious nuances that substantially separate the approaches to the use of conventional and cyber weapons.

Key words: cyber war, information war, military conflict, digital technologies, cyber attack, propaganda, information security.

Современные военные доктрины как стран Запада, так и всего остального мира, включая Россию и Китай, уделяют серьезное внимание информационным и цифровым технологиям. Были разработаны и обоснованы целые концепции информационной войны и войны цифровой (кибервойны). Однако не смотря на определенную тождественность понятий информационной войны и кибервойны, они отличаются между собой, хотя и базируются на принципах использования компьютерных (цифровых) технологий.

Информационная война — это противостояние в котором борьба первую очередь ведется за коммуникационно-информационные кластеры и каналы, установление контроля над передачей и распространением информации, внедрением дезинформации, а также за психологическое и моральное состояние войск противника.

Кибервойна является конфликтом внутри цифровых сетей, в которой основной задачей является захват цифровой инфраструктуры и возможно даже вооружений с последующим использованием против врага.

Военная компания США и сил МНС в Ираке в 1991 году практически закрепила теоретические концепции гибридных войн или распространенной в российском научном сообществе концепции войн шестого поколения. Войн, в которых информационные и цифровые технологии стали таким же грозным оружием, как и огнестрельное. Принципиально новым аспектом войн шестого

поколения принято считать обеспечение информационного превосходства над противником, за счет как уничтожения или подавления его информационно-коммуникационных центров и установление информационной блокады [1. с. 343].

Информационно-цифровое оружие в войнах шестого поколения бывает, как прямого «боевого» значения, так и «вспомогательного», основывающегося на принципах непрямого воздействия. Под цифровым оружием боевого назначения подразумеваются такие виды вооружений как системы радиоэлектронной борьбы, системы перехвата и подавления передачи информации. Вспомогательными (или гуманитарными) задачами цифровых технологий является те задачи, в основе которых не лежит нанесение прямого физического урона противнику. Это может быть психологическое подавление войск противника, формирование благоприятного мнения о собственных войсках, демонстрации возможностей и мощи вооруженных сил и т.п.

Современные возможности ведения информационной войны и установления информационной блокады стали намного более обширными и доступными чем во время войны в Ираке в 1991 и даже 2003 годах. Во многом это стало благодаря распространению сети «Интернет» и развитию персональных коммуникационных устройств. Доступность технологий привела не только к смене стратегии и тактики их использования (появилась необходимость выстраивать информационную защиту не только против стратегического противника, как это было во времена Холодной войны, но и с противником чьи ресурсы могут быть сильно ограниченны), но также и к росту дисбаланса «ассиметричных войн», который проявляется к способности всех сторон конфликта вести глобальную войну без границ в информационном поле. Развитие и оптимизация цифровых коммуникационных средств повлекло за собой коренное изменение и состава участников перспективной информационной составляющей военного конфликта и любой информационной войны в целом. В современных условиях противником может стать не только государство, но также и любая небольшая организация

имеющая доступ к найму специалистов и обладающая минимальными финансовыми возможностями для приобретения современных базовых носителей цифровых технологий. Соответственно список участников конфликта может бесконечно увеличиваться, вовлекая в него как целые национально-освободительные движения и корпорации, так и отдельных личностей [2. с. 49].

Самым ярким примером развития потенциала цифровых технологий информационной войны демонстрирует конфликт в Сирии, во время которого террористическая группировка «Исламское государство» совершила целый ряд успешных, с точки зрения концепции «ассиметричной войны», диверсий в информационном и психологическом поле противника.

Во-первых – использование социальных сетей и мессенджер-каналов для вербовки сторонников и пропаганды своих идей.¹²⁰

Во-вторых – вербовка радикально-настроенных граждан различных стран через интернет для организации терактов (перспективныесмертники).

В-третьих – создание медиа контента для устрашения потенциальных противников.

Развитие цифровых технологий и их глобальное внедрение в XXI веке создают непропорционально высокую угрозу для государств-участников конфликта, т.к. их виртуальное пространство неуклонно расширяется, что в конечном итоге приводит к снижению способности защищать население и социальные институты от информационных атак [2 с. 50].

Появление такого феномена как «Интернет вещей»¹²¹ и развитие цифровой культуры выводит информационную войну и кибервойну на принципиально новый уровень, в которых угроза психологического и информационного воздействия не являются более единственными. Рост вовлеченности экономических предприятий, социальных институтов,

¹²⁰ <https://www.dagbladet.no/nyheter/forteller-fra-innsiden-om-en-av-verdens-farligste-menn---kompisen-min-ble-propagandasjef-i-is/68576721>

¹²¹ Под этим понятием фигурирует концепция подключения большого процента электронных вещей, от промышленного до бытового назначения к сети «Интернет».

государственных органов и дипломатических связей создает беспрецедентную угрозу вплоть до системного коллапса государства [3 с. 26].

Однако, несмотря на текущие тенденции, государства остаются сегодня единственными, кто демонстрирует возможность ведения «серьезной» кибервойны. Скандалы международного уровня, в которых какую-либо страну объявляют инициатором хакерской атаки, стали систематическими для международного сообщества, однако они не выходят за рамки демонстраций. «Презентации» возможностей кибероружия устраиваются регулярно, так, например, США обвиняли правительство РФ в организации целого ряда хакерских атак во время президентских выборов в 2018 году, а уже в 2020 году Россия в свою очередь объявила о кибератаках на военно-промышленные предприятия со стороны КНДР.

Использование кибероружия и развязывание масштабной кибервойны в современном глобальном мире весьма затруднительно, особенно для таких крупных субъектов войны как государства. Основной опасностью организации кибератак является непредсказуемость результатов. Отсутствие четких барьеров в единой сети «Интернет» фактически не предусматривает гарантии безопасности ни для страны-мишени, ни для нейтральных сил, ни даже для стороны-агрессора. [4 с. 8-9].

По мимо непосредственные угрозы для технической составляющей от кибервойн, возникает еще ряд угроз, как психологического, так и политического характера. Использование компьютерных программ-симуляторов (больше известные как боты) для формирования общественного мнения внутри страны-мишени может привести к серьезным политическим последствиям, вплоть до раскола общества и снижению уровня поддержки руководства страны. Опасность такой угрозы заключается не только в том, что агрессивное влияние программ-ботов условного противника не всегда различим на фоне изменений общественного мнения по тем или иным вопросам, но также и перспектива создания ботами симулякра общественных настроений [5 с.90]. В

результате противник может контролировать онлайн-пространство всего государства.

Цифровые технологии существенно упростили задачу ведения информационной войны в плане средств и целей для нападения, но при этом существенно увеличились риски эффективной защиты национальной и информационной безопасности. Существенные вливания бюджетных средств в область кибер и информационной защиты могут позволить только богатые государства, но и они, как показывает практика, не могут быть полностью огорожены и застрахованы от нападений и атак.

Литература

1. Райский Д. А. Концепция войн шестого поколения в контексте международной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2009.
2. Панцерев К. А. Информационно-психологические операции ИГИЛ: некоторые практические аспекты // Гуманитарный вектор. 2018. №1.
3. Музяков С.И. Современные войны в условиях углубляющегося информационного и цифрового неравенства//научно-информационный журнал «Армия и общество» 2018. №1. с. 23-30.
4. Johan Sigholm. Non-State Actors in Cyberspace Operations// Journal of Military Studies, vol. 4, no. 1, 2016.
5. Михайленок О.М, Малышева Г.А. Роботизация социальных сетей и ее политические последствия // Власть. 2020. №1.
6. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. №1.
7. Бейлин М.В. Консциентальные войны в эпоху информационных технологий // Наука. Искусство. Культура. 2018. №3 (19).

8. Виловатых А.В. На пути к теории глобальной безопасности в условиях становления цифровой эпохи // Свободная мысль. 2020. №4.
9. David J. Lonsdale. "Warfighting for Cyber Deterrence: a Strategic and Moral Imperative" Philosophy & Technology, vol. 31, no. 3, 2017.
10. Л. Г. Ивашов Трансформация государств и изменение характера войн в XXI столетии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. №4 (812).

Социальные институты в цифровой среде

SIDE- 2020: Social institutes in digital environment

СБОРНИК ТРУДОВ

**II Международной научно-практической конференции
«SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)»**

Ростов-на-Дону, 19 - 20 ноября 2020 г.

**Под редакцией Игнатовой Т.В., Корсунова Д.А., Брюхановой Н.В.
Форматирование и верстка – Григорян А.С.**

Издательство ЮРИУ РАНХиГС.

344002, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, тел. (863) 203-63-89